

СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ (СИБУПК)
БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
КАРАГАНДИНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАЗПОТРЕБСОЮЗА
КАЗАХСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**Сборник материалов
международной научно-практической
конференции, посвященной
65-летию Сибирского университета
потребительской кооперации (СибУПК)**

10 декабря 2020 года

СибУПК

Сибирский университет
потребительской кооперации

1956 НИСКТ
СибУПК 2021
65

Новосибирск 2020

СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ (СибУПК)
БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
КАРАГАНДИНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗПОТРЕБСОЮЗА
КАЗАХСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ
ИННОВАЦИОННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной 65-летию
Сибирского университета потребительской кооперации
(СибУПК)*

*Новосибирск
10 декабря 2020 года*

Новосибирск 2020

УДК 34
ББК 67.0
С568

С568 Современные проблемы государства и права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). Новосибирск, 10 декабря 2020 г. / [под ред. Р. А. Прощальгина]; АНОО ВО Центросоюза РФ «СибУПК». — Новосибирск, 2020. — 568 с.

ISBN 978-5-334-00237-1

В сборнике опубликованы результаты научных исследований, представленные на Международной научно-практической конференции «Современные проблемы государства и права», посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). Представлены статьи по следующим направлениям: проблемы публичного права: современное состояние и перспективы развития; государство и право в современном мире: проблемы теории и истории; актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики; правовое регулирование отношений в сфере труда, организации социального обслуживания и социального обеспечения; современные тенденции развития гражданского и процессуального права: новеллы законодательства и правоприменительной практики; актуальные подходы к решению проблем юридического образования.

УДК 34
ББК 67.0

- © Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК), 2020
- © Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2020
- © Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, 2020
- © Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, 2020

ISBN 978-5-334-00237-1

Содержание

Вступление

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

<i>Александрова Е. В.</i> Налоговый контроль неконтролируемых сделок.....	14
<i>Бизюков А. А., Новиков Д. С.</i> COVID-19 как главная проблема 2020 года для международного сообщества	17
<i>Брежнева А. А.</i> Возрастной ценз для кандидатов в президенты	21
<i>Брежнева А. А.</i> Проблема избрания главы муниципального образования и пути ее решения.....	24
<i>Волкопялова П. С., Петрова М. И.</i> Проблемы международно-правового регулирования информационных технологий.....	27
<i>Вольфер А. И.</i> Роль государства в формировании Совета Федерации ФС РФ. Проблемы и пути решения.....	32
<i>Евсюкова Ю. В.</i> Конфликт интересов в сфере государственных и муниципальных закупок	36
<i>Елькина А. С.</i> Роль экологического права в разрешении проблемы использования пластика в России	42
<i>Ишмухаметов Р. Ф.</i> Противодействие коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации.....	45
<i>Кириенко П. С.</i> К вопросу о политической основе конституционного строя.....	49
<i>Комиссарова П. К., Торопова Е. Д.</i> Сравнительный анализ конституционного правосудия на примере Российской Федерации и Японии	52
<i>Кривошеев Е. В.</i> Вопросы выполнения и действия международных договоров в свете поправок к Конституции России 2020 года.....	55
<i>Маллекер Д. И.</i> Службное удостоверение участкового уполномоченного полиции: проблемные вопросы нормативного правового регулирования	59
<i>Нилов Д. Г.</i> Дистанционные формы работы государственных органов с обращениями граждан и юридических лиц в Республике Беларусь и в зарубежных странах	62
<i>Новоселов К. Ю.</i> Административная ответственность за нарушение избирательных прав граждан.....	67
<i>Панков Н. С.</i> Сравнительный анализ особенностей конституционно-правового статуса человека и гражданина в России и в зарубежных странах	69
<i>Ряховская Т. И.</i> Конституционная психология — внеправовая составляющая категории «конституционная идентичность» России	73

<i>Сизых Г. В.</i> Проблемы правового статуса наблюдателей на выборах.....	76
<i>Соловьева А. Е.</i> Административная ответственность за допущение нахождения несовершеннолетних в общественных местах в ночное время: региональный аспект	80
<i>Торопова К. Ю.</i> Рассмотрение обращений граждан в механизме взаимодействия гражданина и государства	84
<i>Харитонова Т. А.</i> Дорожное движение как составная часть национальной безопасности Российской Федерации	88
<i>Чебан А. А.</i> Обзор системы маркетинга как канала дистрибуции финансовых услуг.....	92

СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ»

<i>Алехин В. А.</i> Политический режим как один из факторов, влияющих на государственное принуждение	96
<i>Бубнов М. Е.</i> Институт авторского права в России. Поиск баланса интересов между авторами и потребителями плодов интеллектуальной деятельности	99
<i>Горин С. Г.</i> Николай Чаплин: лидер комсомола на трудовом фронте Центросоюза (1931–1933 гг.)	102
<i>Kadyrbek Zh.</i> Features of legal regulation of the activities of public councils in the Republic of Kazakhstan.....	105
<i>Князева Е. В.</i> Правосудие как основная функция судебной власти.....	110
<i>Маркова Н. А.</i> Объективно-противоправное поведение в контексте деликтоспособного возраста: исторический и современный аспекты	113
<i>Моисеев В. В.</i> Мемуары архивистов Сибири XX века как источник информации, отражающей события и дух уходящей эпохи.....	116
<i>Осинов Р. А.</i> Правовая природа поручения Президента Российской Федерации как особой разновидности правового акта.....	122
<i>Осташевская В. О.</i> Правовая культура в сети Интернет.....	125
<i>Пастух В. А.</i> Стоглав как источник права	129
<i>Подборнова А. А.</i> Судебник 1497 г. как источник права.....	132
<i>Рудь Ю. А.</i> Исторический анализ становления и развития института омбудсмена в мире	134
<i>Сыздыкбеков Е. С.</i> Государство, терроризм и средства массовой информации: проблемы взаимовлияния и взаимозависимости	138
<i>Тимофеева С. А., Осинцев Н. Д., Свиридов Р. А.</i> Эффективность реализации взаимодействия государства и институтов гражданского общества в контексте стратегии национальной безопасности.....	143

<i>Чуранов Д. А.</i> К вопросу о современном состоянии теории естественного права.....	149
--	-----

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ»

<i>Азарова А. С.</i> Особенности правовой регламентации деятельности экстрасенсов.....	154
<i>Багавиева Э. А.</i> Актуальные вопросы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами	157
<i>Байгундинов Е. Н.</i> Вопросы назначения наказания за убийство новорожденного ребенка матерью	160
<i>Баймагамбетова А. Д.</i> Ответственность за экономическую контрабанду в казахстанском и международном законодательстве.....	164
<i>Боровикова М. Е.</i> Развитие российского законодательства, предусматривающего ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности	169
<i>Брашнина О. А.</i> Ответственность за специальные виды хищения по уголовному законодательству государств-участников СНГ	171
<i>Варавин А. Д., Гусев И. Р.</i> Роль и значение судебно-баллистической экспертизы по делам о хулиганстве	176
<i>Воевидка А. С.</i> Значение криминалистической характеристики кражи с банковского счета в расследовании преступления	181
<i>Голубицкий Ю. Г.</i> Мелкое хищение: оценка необходимости данного состава преступления для снижения числа судимых лиц	185
<i>Демкина А. В.</i> Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции.....	188
<i>Задёра В. В.</i> Формы соучастия и их особенности в российском уголовном праве	191
<i>Иванова К. Н.</i> О некоторых проблемах, возникающих при реализации принципов уголовного права	195
<i>Кабдымананова А. С.</i> Система наказаний по уголовному законодательству Республики Казахстан	198
<i>Ковригина Л. А.</i> История нормативного закрепления положений о разумности срока российского уголовного судопроизводства	200
<i>Комаров А. А.</i> Половозрастные особенности первичной и повторной виктимизации от интернет-мошенничества	203
<i>Кононыхина А. О.</i> Основания и условия применения домашнего ареста в России и странах СНГ	208

<i>Краснов С. В.</i> Производство осмотра места происшествия в условиях инсценировки преступления	212
<i>Куприянова Д. В.</i> Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе	215
<i>Куркова П. М.</i> Значение криминалистической характеристики серийных убийств	219
<i>Лопухин А. С.</i> К вопросу о проблемах назначения наказания по УК РФ	222
<i>Марамзина А. И.</i> Сравнительно — правовой анализ регламентации проверки показаний на месте в странах СНГ	226
<i>Медведева Д. Ю., Перевезенцева Н. Д.</i> К вопросу о разграничении принуждения к даче показаний (ч. 1 ст. 302 УК РФ) с подкупом или принуждением к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ч. 1 и ч. 2 ст. 309 УК РФ).....	229
<i>Мокляк К. С.</i> Сравнительный анализ порядка возбуждения уголовных дел по законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Казахстан	232
<i>Нурпеисова А. К.</i> Информационная безопасность и защита информации по уголовному законодательству Республики Казахстан	235
<i>Павлосюк А. А.</i> Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию контрабанде.....	243
<i>Попова О. А.</i> Эволюция женской преступности	245
<i>Розумань И. В.</i> Криминологическая характеристика преступности в России в период пандемии коронавируса	250
<i>Сацура В. О.</i> Правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве.....	254
<i>Сидорова Н. В., Сатбаева К. Х.</i> Принципы международного права и уголовная политика Республики Казахстан.....	258
<i>Смирнова К. Н., Смирнова И. С.</i> Проблемы определения срока доследственной проверки	262
<i>Сущенко М. С.</i> К вопросу совершенствования эффективности прокурорского надзора за следователями органов Следственного комитета РФ	266
<i>Тимофеев Д. М.</i> Особенности определения непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности	270
<i>Точенова Р. О.</i> Проблемные аспекты статуса обвиняемого при производстве дознания.....	273
<i>Хрущёва М. А.</i> Тьюторское сопровождение в пенитенциарной системе РФ.....	278
<i>Шмыгина О. В.</i> Признак реальности в угрозе как способе совершения преступлений	282

<i>Юрченко О. Б.</i> Сравнительно-правовой анализ правового статуса заявителя в законодательстве Российской Федерации и странах содружества независимых государств	286
--	-----

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ»

<i>Азарова А. С., Гейченко Д. А.</i> Электронные трудовые книжки: вызовы, перспективы, правовое регулирование	289
<i>Базарова А. Е.</i> Правовое регулирование социальной защиты в учреждениях уголовно-исправительной системы	294
<i>Бурибаев Е. А.</i> Предложения и возможности трансформации стандартов социальной защиты государств ОЭСР в законодательство Казахстана	299
<i>Буянов С. А., Мурзаев Э. И.</i> Процедура рассмотрения дел об установлении юридических фактов	305
<i>Василенко Е. А.</i> Отдельные проблемы правового регулирования осуществления дистанционной (удаленной) работы в законодательстве Российской Федерации	309
<i>Гавриленко Е. И., Ковшина В. Г.</i> Влияние материнского капитала на демографическую ситуацию в России	312
<i>Гавриленко Е. И., Шарабарина А. С.</i> Предоставление юридической помощи в комплексных центрах социального обслуживания населения: проблемы и перспективы	316
<i>Жуков Е. А.</i> Социальные права инвалидов на доступ к информации	319
<i>Згонникова Е. С.</i> Самозащита работниками трудовых прав	323
<i>Земцова Д. А.</i> Тенденция неустойчивой занятости: особенности ее проявления в государствах Евразийского экономического союза	326
<i>Калашиникова Е. Е.</i> Оплата труда работника в условиях пандемии коронавируса	329
<i>Колесник Е. М.</i> Особенности социального обеспечения семей с детьми в Российской Федерации. Состояние социального обеспечения семей с детьми в настоящее время	334
<i>Лемехов С. В.</i> Прокурорский надзор в сфере соблюдения законодательства о забастовках	339
<i>Маст А. Е., Чернецова А. Г.</i> Некоторые проблемы правового регулирования дистанционного труда в современной России	343
<i>Назарова А. А.</i> Нормативно-правовое регулирование ответственности несовершеннолетних за совершение противоправных действий	347
<i>Телюк Д. К., Посохина В. Р.</i> Проблемы правового регулирования отношений в сфере опеки и попечительства	350

<i>Тенюта Е. С.</i> К вопросу о назначении пенсии по возрасту для отдельной категории работников	353
<i>Целева Ю. С.</i> Проблемы организации медико-социальной экспертизы как формы социальной защиты граждан	355
<i>Чельцов М. В., Буравлев И. А.</i> Проблема испытательного срока в трудовом праве	360
<i>Чельцова М. Г., Куликов А. С.</i> Проблемы реализации международных актов о праве человека и гражданина на социальное обеспечение в Российской Федерации	364
<i>Чернецова А. Г.</i> Преподавательский труд в России: некоторые проблемы правового регулирования	369
<i>Чучелова М. Е., Никитин А. С.</i> Социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по Новосибирской области	373
<i>Яковлева О. Д.</i> Проблемы правового регулирования мер государственной поддержки гражданам, имеющим детей	376

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ»

<i>Баландин Р. В., Липич О. А.</i> Особенности правоприменительной практики электронной регистрации прав и сделок с недвижимостью на современном этапе	382
<i>Бойченко Л. В.</i> Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории в законодательстве Республики Беларусь	387
<i>Вольфер А. И.</i> К вопросу о сравнении договора займа и банковского кредита	390
<i>Гаврилов В. Н., Цуприк С. И.</i> О некоторых особенностях правовой природы синдицированного кредита	393
<i>Гаврилов В. Н., Шахназаров А. А.</i> Защита прав должника при делегировании права требования по кредитному договору	397
<i>Глушкова Д. С.</i> К вопросу о разграничении договора проката и договора залога	400
<i>Голуб Е. И.</i> Действия правообладателя, признающиеся использованием товарного знака в контексте статьи 1486 ГК РФ	401
<i>Жерносек Г. Г., Разиева Д. Б.</i> Этические аспекты нотариальной деятельности в Республике Казахстан	405
<i>Журова Ю. А.</i> Проблемные аспекты осуществления алиментных обязательств несовершеннолетними родителями в Республике Беларусь ..	409
<i>Залоило М. А.</i> Доверительное управление имуществом лица, признанного судом безвестно отсутствующим	412

<i>Зубко Д. С.</i> Перспективы внедрения института частных судебных исполнителей в Республике Беларусь	414
<i>Карташов Д. Е., Лигновская А. В.</i> Электронные доказательства в гражданском процессе.....	417
<i>Карцева Н. С., Иванова К. Н.</i> Проблемные аспекты соблюдения и защиты прав граждан с онкологическими заболеваниями.....	420
<i>Карцева Н. С., Коковина А. А.</i> Искусственное прерывание беременности: проблемные аспекты развития законодательства в Российской Федерации.....	424
<i>Карцева Н. С., Мартынова А. А.</i> Некоторые проблемы правового регулирования защиты прав граждан, проживающих в многоквартирных домах.....	427
<i>Карцева Н. С., Моисеева А. Д.</i> Отдельные проблемы реализации законодательства, направленного на обеспечение прав граждан в условиях распространения пандемии коронавирусной инфекции	430
<i>Карцева Н. С., Слаутина А. В.</i> Проблемные аспекты реализации прав осужденных на медицинскую помощь.....	434
<i>Козик Ю. Е.</i> Некоторые проблемы правовой регламентации процесса дистанционного обучения в период распространения пандемии коронавирусной инфекции.....	438
<i>Корень Э. Н.</i> Биометрические данные: проблемы и перспективы правового регулирования в Российской Федерации	441
<i>Костюкевич Д. С.</i> Некоторые аспекты международно-правового регулирования договора аренды: правовая природа и отличительные признаки	444
<i>Красковская Д. Э.</i> Анализ апелляционного производства при разрешении экономических споров в Республике Беларусь и Российской Федерации.....	448
<i>Кручинова Ю. О.</i> Проблемы правового регулирования института наследования по завещанию	452
<i>Кузьмичева Ю. В.</i> Философско-правовая концепция состязательности российского гражданского судопроизводства	455
<i>Кулябина Т. В.</i> Некоторые проблемы правового регулирования купли-продажи товаров в сети интернет	458
<i>Милисевич Е. В.</i> Противоправность в конструкции гражданско-правовой ответственности застройщика	461
<i>Миннуллина К. А.</i> Институты обязательственного права и императивные принципы законодательства о банкротстве в контексте интересов конкурсных кредиторов	467
<i>Митрофанова А. А.</i> Понятие доменного имени как объекта гражданских правоотношений.....	471

<i>Назарович Э. В.</i> Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве.....	475
<i>Несмелова В. Г.</i> Применение принципа эстоппеля в спорах о недействительности сделки	479
<i>Николенко В. Р.</i> Отдельные проблемы правовой регламентации охраны и защиты прав животных	482
<i>Процай А. С.</i> Искусственный интеллект и защита прав человека	485
<i>Proshina Ya. K.</i> Representations and warranties in English and Russian law	488
<i>Рогожина К. С.</i> Анализ средств индивидуализации физических лиц на примере граждан без определенного места жительства.....	491
<i>Смирнова А. Е., Татаринова Е. П.</i> Применение норм обязательственного права к соглашениям о неразглашении: теория и практика	494
<i>Страшкова К. С.</i> Актуальные проблемы защиты авторских прав	498
<i>Татаринова Е. П., Миннуллина К. А.</i> Эволюция института корпоративного договора в российском праве: новые модели.....	501
<i>Титкова Ю. Е.</i> Проблемы функционирования института медиации как неюрисдикционного способа урегулирования споров в Российской Федерации.....	505
<i>Урынбасарова Р. М.</i> Правовой статус краудфандинга в Российской Федерации и в других странах.....	509
<i>Черепанова О. С.</i> Оговорка о публичном порядке как основание отказа в признании действительными браков, заключенных за рубежом.....	511
<i>Чесноков А. А.</i> К вопросу о рисках заключения гражданско-правовых договоров с самозанятыми при фактическом наличии трудовых отношений.....	515

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

<i>Антропов Р. В.</i> Особенности подготовки специалистов для российско-германского правового поля (на примере магистерской программы «немецкое и российское право»)	519
<i>Задорина М. А.</i> Развитие юридического образования в России: вызовы 2020	522
<i>Рожкова О. И.</i> Конституциональные проблемы современного высшего юридического образования России: характеристика, пути решения.....	525
<i>Черноскутов В. Е.</i> Актуальные проблемы взаимодействия вуза и работодателей в период подготовки молодых специалистов	528
SUMMARY	533

Вступление

10 декабря 2020 года на площадке Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК) состоялась Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы государства и права», посвященная 65-летию университета. Конференция прошла в значимый всемирный День прав человека и в преддверии Дня Конституции Российской Федерации.

В конференции приняли участие ученые в области юридических наук из 6 стран: России, Беларуси, Казахстана, Италии, Монголии, Узбекистана, Украины. География российских участников была весьма обширна: 18 городов России от Симферополя до Читы, включая Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Саратов, Барнаул, Екатеринбург, Омск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Краснодар и другие города.

Работа международной конференции продолжалась в течение всего дня и включала пленарное заседание, а также заседания 5 тематических секций:

– Проблемы публичного права: современное состояние и перспективы развития.

– Государство и право в современном мире: проблемы теории и истории.

– Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики.

– Правовое регулирование отношений в сфере труда, организации социального обслуживания и социального обеспечения.

– Современные тенденции развития гражданского и процессуального права: новеллы законодательства и правоприменительной практики.

Пленарное заседание международной конференции открыла ректор Сибирского университета потребительской кооперации **Валентина Ивановна Бакайтис**. Слова приветствия к участникам конференции прозвучали от зарубежных партнеров СибУПК:

– Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета в лице проректора по стратегическому развитию и науке, канд. юрид. наук **Асель Куандыковны Кайшатаевой** с обращением от имени ректора **Шырын Асылхановны Курманбаевой**, д-ра полит. наук, профессора, члена Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан, действительного члена Академии политических наук РФ;

– Ташкентского государственного юридического университета в лице проректора по международному сотрудничеству и непрерывному образованию, канд. юрид. наук **Дилшоджона Маруфовича Умарова** от имени ректора **Рахима Расулжоновича Хакимова**, д-ра юрид. наук, профессора;

– Монгольского университета гуманитарных наук в лице ректора Дарханского филиала Надмид Сувды, доктора PhD, профессора;

– Университета Улаанбаатар-Эрдэм в лице проректора по научной работе Сухболд Дорждэрэм, д-ра полит. наук, профессора.

С докладом «Юридический факультет СибУПК: история, современность и перспективы развития» выступил декан факультета **Роман Александрович Прощалыгин**, канд. юрид. наук, доцент. Поддержали дискуссию и отметили

важную роль Сибирского университета потребительской кооперации в подготовке кадров для региона почетные спикеры пленарного заседания:

Геннадий Андреевич Жиганов, заместитель председателя Новосибирского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», судья Новосибирского областного суда в отставке, государственный советник юстиции 2 класса, заслуженный юрист Новосибирской области;

Нина Николаевна Шалабаева, Уполномоченный по правам человека в Новосибирской области;

Элина Викторовна Прицкер, начальник отдела государственной службы и кадров Управления Федеральной службы судебных приставов по Новосибирской области;

Алексей Анатольевич Бойков, председатель комиссии по общественному контролю, общественной экспертизе, взаимодействию с общественными советами и общественными наблюдательными комиссиями Общественной палаты Новосибирской области.

Люция Александровна Райм, старший помощник прокурора Новосибирской области по правовому обеспечению, старший советник юстиции.

Актуальную тему «Развитие юридического образования в России: вызовы 2020» осветила в своем докладе **Мария Андреевна Задорина**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета.

Участники пленарного заседания отметили важность и определили направления дальнейшего сотрудничества в образовательной и научной сферах.

В работе конференции приняли участие более 160 ученых: заведующие кафедрами и ведущие ученые вузов Сетевого университета «Кооперация»: Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, а также другие зарубежные и российские вузы, с которыми установилось самое тесное сотрудничество в научной сфере: Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Ташкентский государственный юридический университет, Сибирский юридический университет (г. Омск), РАНХиГС и ее филиалы – Сибирский институт управления (г. Новосибирск) и Алтайский филиал (г. Барнаул), Новосибирский государственный университет экономики и управления и др.

Большой интерес вызвали доклады Алессандро Ченерелли, доцента кафедры сравнительного правоведения Миланского государственного университета; Е. В. Кудряшовой, д-ра юрид. наук, ведущего научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва); Ю. В. Деришева, д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета (г. Омск); О. А. Донских, д-ра филос. наук, профессора Новосибирского государственного университета экономики и управления; В. Г. Кокоулина, д-ра ист. наук,

профессора Сибирского университета потребительской кооперации и другие выступления докладчиков.

Экспертами на секциях выступили руководители организаций и специалисты юридического профиля, что позволило придать научной дискуссии практический характер.

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

УДК 336.225.673

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ СДЕЛОК

Е. В. Александрова, обучающийся

Научный руководитель И. В. Лагуева, канд. юрид. наук, доцент

Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Москва, Россия

Проведен анализ порядка контроля цен в контролируемых сделках между взаимозависимыми лицами и в сделках, не признаваемых контролируемыми, по правилам раздела V.1 Налогового кодекса Российской Федерации, рассмотрены отличия в системе контроля данных сделок с учетом позиции Министерства финансов России и Верховного суда Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговый контроль, неконтролируемые сделки, рыночная цена, необоснованная налоговая выгода, налоговые проверки.

С 2012 года действуют нормы раздела V.1 НК РФ, регулирующие порядок определения взаимозависимости лиц и контроля за ценами (ценообразованием) для целей налогообложения [1].

Взаимозависимые лица — это физические и юридические лица, особенности отношений между которыми могут оказывать влияние на условия заключаемых между ними сделок, на результаты таких сделок, а также на экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц. Для признания взаимной зависимости учитывается возможность одного лица определять решения, принимаемые другими лицами. Закон содержит перечень тех лиц, взаимозависимость которых презюмируется (п. 2 ст. 105.14 НК РФ) с возможностью признать в судебном порядке таковыми и тех, кто в этом перечне отсутствует [2].

Отношения между взаимозависимыми лицами находятся под пристальным вниманием государства в связи с тем, что специфика их отношений потенциально дает им возможность влиять и (или) формировать выгодные для них и невыгодные для государства налоговые последствия совершенных ими сделок и иных действий, в т. ч. через занижение суммы налога, подлежащего уплате. Если по общему правилу налог исчисляется из цены, согласованной сторонами сделки, которая презюмируется соответствующей рыночной, то для взаимозависимых лиц существует иное правило, в соответствии с которым налог исчисляется исходя из рыночной цены, а не из согласованной сторонами. Так, согласно ч. 1 ст. 105.3 НК РФ, в случае, если в сделках между взаимозависимыми лицами создаются или устанавливаются коммерческие или финансовые условия, отличные от тех, которые имели бы место в сделках, признаваемых сопоставимыми, между лицами, не являющимися взаимозависимыми, то любые

доходы (прибыль, выручка), которые могли бы быть получены одним из этих лиц, но вследствие указанного отличия не были им получены, учитываются для целей налогообложения у этого лица. Таким образом, в отношении сделок взаимозависимых лиц налоговые органы следят за тем, чтобы общепринятый принцип «вытянутой руки» («справедливой цены»), при котором цена сделки соответствует рыночной, не был нарушен [3].

Сделки взаимозависимых лиц можно разделить на контролируемые и иные (неконтролируемые).

Контролируемой признается сделка в соответствии с положениями ст. 105.14 НК РФ в зависимости от сферы, в которой она совершается, ее предмета и суммы доходов, полученных взаимозависимыми лицами по ней. Закон содержит перечень сделок, контролируемых которыми предполагается, а также устанавливается возможность признать сделку контролируемой на основании решения суда. Налоговый контроль цен в таких сделках осуществляется в порядке, установленном разделом V.1 НК РФ [4].

Неконтролируемыми сделками признаются те, что прямо перечислены в п. 4 ст. 105.14 НК РФ, и те, которые по остаточному принципу не относятся к контролируемым [5].

Возможность осуществления налогового контроля цен в неконтролируемых сделках была предметом дискуссии [6, 8]. Так, формально ч. 1 ст. 105.3 НК РФ, устанавливающая обязательность соответствия цен в сделках между взаимозависимыми лицами рыночным ценам, не делает исключение для неконтролируемых сделок. Таким образом, цена неконтролируемых сделок также должна соответствовать рыночной цене. Именно эту позицию изначально заняли Министерство финансов России и ФНС России. При этом анализ положений раздела V.1 позволяет выявить фактическое отсутствие процедуры осуществления такого контроля. Так, согласно ч. 2 ст. 105.3 НК РФ, определение в целях налогообложения доходов (прибыли, выручки) взаимозависимых лиц производится ФНС России с применением методов, установленных главой 14.3 настоящего Кодекса. Таким образом, именно ФНС России компетентна определять соответствие цены сделки рыночной цене как в контролируемых, так и в неконтролируемых сделках. В этих целях ФНС России осуществляет проверку полноты исчисления и уплаты налогов взаимозависимыми лицами. В разделе V.1 НК РФ предусматриваются формы такого контроля. Однако из всего перечня возможных форм контроль цен в неконтролируемых сделках не осуществляется путем направления в налоговый орган уведомления о совершении такой сделки (ст. 105.16 НК РФ), предоставления документации по ней (ст. 105.16 НК РФ), а также не проводится проверка, порядок которой урегулирован в главе 14.5 НК РФ, т. к. ее предметом являются исключительно контролируемые сделки, что следует из перечня оснований ее проведения, в который входят ранее названные уведомление и извещение, а наряду с ними также выявление ФНС России контролируемой сделки при проведении повторной выездной налоговой проверки в целях контроля налогового органа, ранее ее проводившего, а также при налоговом мониторинге (ч. 1 ст. 105.17 НК РФ). Таким образом, в разделе V.1 НК РФ,

специально посвященном контролю операций взаимозависимых лиц, почти все формы контроля за ними не предусматривают своей целью неконтролируемые сделки. Только в ч. 1 ст. 105.17 НК РФ указано, что контроль соответствия цен, примененных в контролируемых сделках, рыночным ценам не может быть предметом выездных и камеральных проверок, т. е. может осуществляться контроль цен в неконтролируемых сделках. При этом именно ФНС России уполномочен такие проверки совершать, т. к. весь контроль за деятельностью взаимозависимых лиц осуществлялся им. Передача данных полномочий территориальным налоговым органам законом не предусмотрена.

В письме от 16 сентября 2014 г. № ЕД-4-2/18674 [9], подтвержденным письмом от 25.02.2016 № 03-01-11/10321 [7], Минфин России, подтверждая возможность проверки цен в неконтролируемых сделках, скорректировал это утверждение необходимостью доказывания налоговым органом получения необоснованной налоговой выгоды лицами в связи с совершением такой сделки согласно ст. 54.1 НК РФ, т. е. налоговый орган должен доказать, что взаимозависимые лица не только установили не среднерыночную цену в сделке, но и получили в связи с этим налоговую выгоду. Верховный суд РФ неоднократно подтверждал возможность контроля цен в неконтролируемой сделке через положения ст. 54.1 НК РФ, т. к. выявление получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды подпадает под сферу налогового контроля за соблюдением налогоплательщиками, плательщиками сборов и налоговыми агентами законодательства о налогах и сборах. При этом он особо обращал внимание на необходимость доказывания получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Как указывал Минфин России, положения раздела V.1 НК РФ лишь разграничивают полномочия в части налогового контроля цен в сделках по уровням системы налоговых органов в Российской Федерации: проверка цен в сделках между взаимозависимыми лицами, которые не признаются контролируруемыми, может проводиться территориальными налоговыми органами в ходе камеральной или выездной налоговой проверки в порядке статей 82, 87 НК РФ. Следует отметить, что территориальные налоговые органы порой пренебрегают необходимостью доказывать наличие необоснованной налоговой выгоды, фокусируясь на необходимости лишь доказать нерыночность цены неконтролируемой сделки. Однако такой подход не поддерживается судами. Так, Верховный суд неоднократно подчеркивал, что цена может быть пересмотрена налоговым органом только при доказанности получения сторонами необоснованной налоговой выгоды, сама по себе взаимозависимость сторон сделки или несоответствие цены сделки рыночной не может являться основанием для пересмотра цены сделки и доначисления налогов.

Таким образом, на сегодняшний день неконтролируемые сделки взаимозависимых лиц контролируются территориальными налоговыми органами в ходе проверок на предмет получения такими лицами необоснованной налоговой выгоды.

Список литературы

1. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и ст. 269 НК РФ, утв. Президиумом Верховного суда РФ 16.02.2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 4 (2016), утв. Президиумом Верховного суда РФ 20.12.2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного суда РФ от 12.05.2016 № АПЛ16–124 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Верховного суда РФ от 26.12.2016 № 562-ПЭК16 по делу № А40-63374/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 11.04.2016 № 308-КГ15–16651 по делу № А63-11506/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 22.07.2016 № 305-КГ16–4920 по делу № А40-63374/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо Минфина России от 25.12.2019 № 03-12-11/101381 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Письмо ФНС России от 02.11.2012 № ЕД-4-3/18615 «О применении отдельных положений ст. 105.3 Налогового кодекса Российской Федерации» (вместе с Письмом Минфина России от 18.10.2012 № 03-01-18/8–145 «О применении положений ст. 105.3 Налогового кодекса Российской Федерации») // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Письмо ФНС России от 16.09.2014 № ЕД-4-2/18674@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Верховного суда РФ от 01.02.2016 № АКПИ15–1383 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

COVID-19 КАК ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА 2020 ГОДА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

А. А. Бизюков, обучающийся

Д. С. Новиков, обучающийся

Научный руководитель Е. А. Петрушина, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье рассмотрена природа коронавируса, рекомендации ВОЗ, борьба стран с эпидемией covid-19.

Ключевые слова: коронавирус, эпидемия, ВОЗ, COVID-19.

Начиная с декабря 2019 года мир охватила эпидемия COVID-19. COVID-19— это инфекционное заболевание, вызываемое коронавирусом SARS-CoV-2,

который является респираторным патогеном [5]. Первая зарегистрированная вспышка заболевания была выявлена в Китае, в г. Ухань. Как отмечалось вирусологами, ранее мир переносил вспышки коронавируса неоднократно. Только в XX веке таких было три. Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) 30 января 2020 года объявила данную вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение [8]. 11 марта 2020 года ВОЗ объявляет COVID-19 пандемией — необычайно сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран, континентов; высшая степень развития эпидемического процесса. При этом следует отметить, что ВОЗ долгое время не могла оценить настоящую вспышку и давала противоречивые рекомендации [8].

В январе 2020 года COVID-19 начал быстро распространяться, появились первые случаи выхода вируса за территорию Китая. Первый случай заражения в Европе зафиксирован 24 января 2020 года. Уже 31 января было выявлено 2 случая заражения в России [8]. Но в Россию вирус пришел уже из Европы, в этом сходятся все вирусологи и эпидемиологи. Китайские штаммы в России зарегистрированы в единичных случаях. На данный момент вирус охватил все континенты, и количество заражённых продолжает расти.

Пандемия COVID-19 стала причиной множества социально-экономических проблем. Пострадали многие отрасли экономики. Закрытие границ государств повлекло большие убытки авиакомпаний, аналогично пострадала сфера туризма. Практически из-за введенных в большей или меньшей степени карантинных ограничений выпали из сферы общественного труда все отрасли, обслуживающие население. Произошло массовое закрытие малого и среднего бизнеса, что повлекло рост уровня безработицы.

Быстрое распространение COVID-19 заставило государства всего мира принять меры для сдерживания распространения вируса.

С 20 февраля объявлен запрет въезда для граждан Китая на территорию Российской Федерации [8]. 11 марта 2020 г. Россия вводит ограничение на авиасообщение со странами Евросоюза. 30 марта происходит полное закрытие границ. С целью снижения темпа распространения вируса с 30 марта по 11 мая действовал режим нерабочих дней, многие, в т. ч. образовательные учреждения, перешли на дистанционное обучение и работу.

В момент бурного распространения вируса были выявлены проблемы, с которыми столкнулись все страны мира: нехватка медицинского оборудования, а именно аппаратов ИВЛ (искусственной вентиляции легких), средств индивидуальной защиты, необходимых мест для больных, а также дезинфицирующих средств.

Нескольким странам удалось сдержать распространение вируса, глава ВОЗ Тедрос Аданом Гебреисус указал страны, которые лучше всех справились с данной пандемией [6]. В числе таких стран была Новая Зеландия.

Всемирная организация здравоохранения дала рекомендации по борьбе с COVID-19 как государствам, так и обычным людям. Рекомендации для государств: мобилизовать все структуры и население на борьбу с пандемией

с целью обеспечения принятия ответственности всеми государственными и общественными секторами и участия в ответных мерах и предотвращения случаев заболевания путем соблюдения гигиены рук, «респираторного этикета» и физического дистанцирования всех и каждого. Правительствам необходимо предотвращать передачу вируса путем быстрого выявления и изоляции всех зараженных, отслеживания всех контактирующих с заболевшими. Одной из главных задач является предоставление медицинской помощи [4].

После того как были выявлены первые заражённые COVID-19 в РФ, органами власти были приняты соответствующие действия: со стороны Президента РФ последовал указ от 17 марта 2020 г. № 187 «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения» [1], согласно которому в целях обеспечения доступности лекарственных препаратов для населения предусмотрена возможность осуществлять розничную торговлю безрецептурными лекарствами дистанционным способом. Правительство РФ приняло распоряжение от 03.02.2020 № 194-р «О временном ограничении въезда иностранных граждан с территории Китайской Народной Республики» [2]. Согласно данному распоряжению был введён временный запрет на въезд иностранных граждан из КНР.

Министерство здравоохранения РФ издало приказ от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» [3].

В данном приказе сказано о создании Федерального дистанционного консультативного центра (далее — ФДРКЦ) по вопросам диагностики и лечения новой коронавирусной инфекции COVID-19 и пневмоний, также создание единого колл-центра ФДРКЦ, рекомендовано руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья создать и обеспечить функционирование центров ФДРКЦ на своей территории.

Министерство здравоохранения Республики Казахстан издает приказ, в соответствии с которым на территории государства устанавливается карантин, устанавливаются правила перемещения населения, проведения религиозных, семейных, памятных мероприятий, проведения санитарной и дезинфекционной обработки общественных мест, промышленных территорий, аэропортов, дворовых детских площадок и других жилых объектов [7].

На момент вспышки второй волны коронавируса во всём мире председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен создала группу реагирования на коронавирус, которая объединяет множество различных направлений деятельности и состоит из трех основных компонентов. Первый столп — это медицинская сфера, работающая над профилактикой, закупками, мерами по оказанию помощи и прогнозом. Второй компонент содержит мобильность, начиная с транспорта и заканчивая консультациями по вопросам путешествий, а также вопросы, связанные с Шенгеном. Третий компонент охватывает экономику, углубленно изучая различные секторы бизнеса: туризм, транспорт, а также торговлю, цепочки создания стоимости и макроэкономику.

Лидеры ЕС договорились о пакете восстановления в размере 1,8 трлн евро, который объединяет бюджет ЕС на 2021–2027 гг. В рамках данного соглашения комиссия сможет занимать на рынках до 750 млрд евро [6].

Меры поддержки Европейской комиссии:

1) экономические меры, которые дополняют программу экстренных закупок в период пандемии Европейского центрального банка на сумму 1350 млрд евро в дополнение к программе на 120 млрд евро, принятой ранее;

2) временные правила государственной помощи, благодаря которым правительства смогут предоставить ликвидность экономике для поддержки граждан и сохранить рабочие места в ЕС;

3) запуск «спасительной оговорки», которая обеспечит максимальную гибкость бюджетных правил. Данная программа поможет странам ЕС поддержать системы здравоохранения и бизнеса, а также обеспечить людям рабочие места во время кризиса;

4) скрининг прямых иностранных инвестиций. Комиссия выпустила руководящие принципы, призванные помочь государствам-членам защитить важнейшие европейские активы и технологии в условиях нынешнего кризиса [6].

Проанализировав действия, которые были приняты со стороны Российской Федерации, Республики Казахстан, ВОЗ и ЕС, можно полагать, что были приняты определённые меры от надвигающейся угрозы и предприняты действия для её сдерживания. Данные действия не в полном объёме решают проблему, поэтому предлагаем свои меры, которые должны урегулировать ситуацию.

Учитывая факт внезапного возникновения эпидемии covid-19, всем странам мира необходимо: создать государственный резервный фонд средств индивидуальной защиты, разработать экономический план по работе экономики в условиях пандемии, оказывать поддержку населению своей страны.

Что касается ВОЗ, то она установила рекомендации, которые были приняты правительствами: усиление внимания общественному здравоохранению со стороны государств; задействование и мобилизация усилий местных сообществ для ограничения заражения вирусом; выявление, тестирование, изоляция и лечение случаев заболевания, а также помещение на карантин контактировавших с заболевшими для контроля передачи вируса.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о том, что не одно из государств не было готово к данной эпидемии, каждая страна понесла потери как в экономическом, так и в демографическом плане, данная эпидемия повергла всю мировую общественность в шок, тем самым определив новые вызовы для всего мира.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 17 марта 2020 г. № 187 «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73655186/#review> (дата обращения: 01.10.2020).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 03.02.2020 № 194-р. government.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/docs/38912/> (дата обращения: 01.10.2020).
3. О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19: приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73669697/> (дата обращения: 01.10.2020).
4. Важнейшие меры по подготовке, обеспечению готовности и реагированию в связи с COVID-19 от 24.06.2020/ ВОЗ: рекомендации [Электронный ресурс]. — URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10.665/332665/WHO-COVID-19-Community_Actions-2020.4-rus.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
5. Основные сведения о COVID-19 от 15.04.2020/ сайт ВОЗ: что такое COVID-19 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/question-and-answers-hub/q-a-detail/q-a-coronaviruses> (дата обращения: 01.10.2020).
6. Меры поддержки Европейской комиссии // Сайт European commission [Электронный ресурс]. — URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/overview-commissions-response_en#economic-measures (дата обращения: 01.10.2020).
7. Приказ министра здравоохранения Республики Казахстан от 5 июля 2020 года № ҚР ДСМ-78/2020 «О некоторых вопросах организации и проведения санитарно-противоэпидемических и санитарно-профилактических мероприятий» (с изм. и доп. на 10.10.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35705669#pos=4;—88 (дата обращения: 01.10.2020).
8. А. Комарова. Коронавирус: хроника распространения // Русская газета [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html> (дата обращения: 01.10.2020).

УДК 342.81

ВОЗРАСТНОЙ ЦЕНЗ ДЛЯ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ

А. А. Брежнева, обучающийся

Научный руководитель Я. А. Коновальчиков, ст. преподаватель

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,

г. Новосибирск, Россия

Рассмотрена необходимость введения верхней возрастной границы для кандидатов в Президенты Российской Федерации, исходя из сравнения с другими государствами, проведены медицинские исследования, подтверждающие снижение когнитивных функций человека при достижении определенного возраста.

Ключевые слова: Президент, глава государства, верхняя возрастная граница, снижение когнитивных функций.

Развитие России в качестве государства происходит на протяжении многих веков. И на каждом этапе правитель играет немаловажную, а порой и значительную роль. От деятельности такого правителя зависит дальнейшее развитие государства как в сторону хаоса и беззакония, так и в сторону прогрессивных изменений. После образования в Российской Федерации института президентства значительная часть населения стала возлагать немалые надежды на главу государства. А исходя из того, что президент — это тот правитель, который получает свои полномочия путем избрания на выборах, то его легитимность обладает наивысшей силой.

Президент — это, прежде всего, должность, причём подразумевающая большую ответственность. Баллотироваться на данную должность может гражданин Российской Федерации с 35 лет. Однако для кандидатов на данный пост отсутствует верхняя возрастная граница, что, в свою очередь, не совсем справедливо. Ведь, к примеру, после нововведения в области трудового законодательства, касающегося медицинских работников, предельный возраст для главного врача и его заместителей не должен превышать 65 лет [2], что было аргументировано необходимостью «дать дорогу» молодым. Так почему профессиональный врач, который вылечил тысячи больных, не может занимать свой пост после достижения данного возраста, а президент, который несёт ответственность за огромную страну и миллионы её жителей, может управлять государством без ограничения по возрасту?

Для сравнения следует привести статистику по возрасту действующих глав государств Европы и постсоветского пространства. Так, рассматривая возраст европейских правителей, можно привести следующие примеры: Франция — 42 года, Германия — 32, Испания — 62, Сан-Марино — 32 и Польша — 48 лет. Средний возраст здесь составляет 49,6 года. Для стран постсоветского пространства следующие данные: главе Литвы 56 лет, Азербайджана — 58, Беларуси — 66, Казахстана — 67 и Украины — 42 года. В данной категории средний возраст равен 57,8 года. Следует также отметить, что в европейских странах средний возраст глав ниже, чем в странах бывшего Советского Союза, но уровень жизни, как известно, намного выше. Следовательно, даже молодой политик может стать эффективным управленцем.

Рассматривая тему про предельный возраст для каких-либо высших должностей, можно столкнуться с еще одним изменением. Действующий Президент Российской Федерации внес изменение, по которому должна быть увеличена верхняя возрастная граница для высокопоставленных чиновников с 65 до 70 лет, что было аргументировано сохранением на гражданской службе высококвалифицированного состава [3]. Это напрямую противоречит изменению, описанному выше.

Размышляя о том, какой всё-таки возраст оптимально признать максимальным для должности президента, необходимо обратиться к медицинским статьям, на основании которых можно сделать вывод о том, что с возрастом у большинства людей наблюдается потеря навыков когнитивного восприятия и уменьшение интеллектуальных способностей.

По данным геронтологов, максимальная работоспособность у лиц, занимающихся умственным трудом, можно наблюдать в возрастном отрезке от 35 до 45 лет, а к возрасту 50–60 лет из-за старения самого человека, а следовательно, и его мозга она снижается на 20–40 %. До 50 лет снижение когнитивных функций носит медленный и практически незаметный характер, а после 50 лет такие функции, как, например, ослабление памяти, внимания, мышления, дают о себе знать уже в более яркой форме, и данные изменения можно заметить не только в повседневной жизни, но и в профессиональной деятельности. Так, было проведено исследование на примере пилотов гражданской авиации, на основании которого ученые заметили статистику в совершении ошибок по собственной вине у пилотов старше 55-летнего возраста [5]. Следует отметить, что приведенные данные относятся не к каждому лицу, достигнушему такого возраста, а лишь отражают общую статистику.

Обращаясь к судебной практике, нередко можно встретить такие ситуации, в которых людям пенсионного возраста отказали в нотариальном оформлении сделки, например дарственной, под предлогом того, что они не отдают отчет в своей деятельности из-за возраста, но при этом никаких прямых доказательств нет. Также люди преклонного возраста часто и безосновательно подвержены незаконному увольнению. Например, в 2015 г. в Алтайский краевой суд поступило исковое заявление о незаконном увольнении. Из иска гражданки В. следовало, что под давлением работодателя её и еще 17 человек, достигших пенсионного возраста, заставили подписать заявление о собственном увольнении при отсутствии их добровольного на это согласия. Как утверждает сама гражданка, каких-либо нареканий к исполнению ею должностных обязанностей со стороны работодателя не было, она имела множественные премии, похвальные грамоты и подарки за качественное выполнение своих обязанностей. Никаких намерений уволиться она не имела, к тому же приняла на себя кредитные обязательства, располагая с учётом заработной платы реальной возможностью их погасить. В данном деле суд принял сторону потерпевшей, признав данное увольнение незаконным [4].

На основании вышеперечисленного возникает вопрос: если в ст. 19 Конституции Российской Федерации прописано, что все люди равны, независимо от должностного положения [1], почему такое неравное отношение к обычным гражданам и президенту? Поэтому, дабы уравнивать их хотя бы в трудовой деятельности, можно считать необходимым введение верхней возрастной границы для кандидатов в Президенты Российской Федерации. И в связи с последними изменениями пенсионного возраста, который у мужчин теперь составляет 65 лет, можно считать этот возраст максимальным для кандидатов на пост Президента Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2001. — № 256.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Парламентская газета. — 2004. — № 140–141.
4. Определение Алтайского краевого суда от 28 июля 2015 по делу № 33-7105/2015. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=143722#07983696296036156> (дата обращения: 15.10.2020).
5. Якимович, Н. В. Снижение функций мозга у пилотов старшего возраста и метод профилактики этого процесса / Н. В. Якимович // 3 научно-практический конгресс Ассоциации авиационно-космической, морской, экологической и экстремальной медицины России. — 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=14272> (дата обращения: 17.10.2020).

УДК 352.075.31

ПРОБЛЕМА ИЗБРАНИЯ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

А. А. Брежнева, обучающийся

Научный руководитель Я. А. Коновальчиков, ст. преподаватель

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия

Рассмотрена проблема избрания главы муниципального образования, заключающаяся в введении относительно новой конкурсной модели, вследствие которой местное население было лишено права участия в осуществлении местного самоуправления.

Ключевые слова: глава муниципального образования, конкурсная модель избрания, местное самоуправление.

Одну из наиболее важных ролей в муниципальных образованиях играет такой институт муниципального представительства, как должность главы, которая квалифицируется как высшее должностное лицо местного самоуправления. Присутствие такого элемента в структуре муниципальных органов является обязательным.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] предусматривает альтернативный порядок избрания на должность главы муниципального образования, который выражается как в форме прямых, так и косвенных избирательных процедур.

В настоящее время в Российской Федерации не утихают споры о разумности введения нескольких моделей избрания на должность главы местного самоуправления, исходя из выбора наиболее качественного способа управления муниципальными образованиями.

Изначально данный федеральный закон предусматривал только два варианта избрания на должность: с помощью прямых выборов и представительным органом муниципального образования из своего состава. В 2015 году была введена новая процедура, заключающаяся в избрании с помощью конкурсной комиссии. Несмотря на свою новизну, такой способ избрания, как показывает практика, используется довольно часто. Только за первый год действия в соответствии с данной процедурой в Российской Федерации на должность главы муниципального образования были назначены 344 человека [6].

Особое внимание следует обратить на то, как формируется конкурсная комиссия. «В муниципальном районе, муниципальном округе, городском округе, городском округе с внутригородским делением, во внутригородском муниципальном образовании города федерального значения половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом соответствующего муниципального образования, а другая половина — высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)» [2].

Анализ данной нормы свидетельствует о том, что назначение высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации половины конкурсной комиссии противоречит основным принципам осуществления местного самоуправления, которые выражаются в невмешательстве органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления. Данный принцип напрямую вытекает из такого первостепенного принципа местного самоуправления, как самостоятельность [1], и означает, что органы государственной власти не должны иметь влияние на оперативно-хозяйственную деятельность органов местного самоуправления, а также вмешиваться в порядок формирования представительных и исполнительных органов. Но, в соответствии с изменениями в Конституции Российской Федерации, местное самоуправление лишилось данных важнейших принципов и, как следствие, стало зависимым и подконтрольным государственной власти, что, в свою очередь, нарушило баланс между этой властью и обществом.

Введение данного способа избрания главы муниципального образования спровоцировало, по мнению Р. А. Проворотова, «бурную дискуссию, развернувшуюся на страницах печати о целесообразности введения косвенного порядка избрания главы муниципального образования. Многими авторами высказывается мнение об уходе от важнейшего принципа избирательного права — выражения воли народа» [4]. К примеру, можно привести взгляд на данную ситуацию заслуженного юриста В. А. Черепанова: «...воля народа, который по Конституции является носителем суверенитета и единственным источником власти, в случае применения российской избирательной модели не получает своего прямого и адекватного выражения при выдвижении кандидатов» [5]. В дополнение можно привести и мнение В. В. Кудрявцева, который считает, что «сама контрактная система в этом случае лишает граждан возможности не только напрямую избирать мэра, но и инициировать процедуру голосования по его отзыву, т. к. он в данной ситуации перестает быть избранным должностным лицом. Здесь усматривается также ограничение принципа гласности в местном

самоуправлении, поскольку прозрачность предполагает возможность осуществления реального гражданского и общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления» [3].

Таким образом, отдавая полномочия населения по выбору главы муниципального образования высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, законодатель лишил это самое население права участия в осуществлении местного самоуправления.

В связи с этим необходимо снизить влияние региональных властей, а также вернуть гражданам право на осуществление местного самоуправления. Так, конкурсной комиссии следует не принимать итоговое решение по поводу главы муниципального образования, а лишь выбирать из числа всех кандидатов минимум двух, наиболее подходящих на эту роль, из которых уже гражданами будет выбираться наиболее достойный глава муниципального образования. Предложенное изменение позволит учесть интересы как региональной власти, так и местного населения.

Такой подход сможет сделать процедуру избрания главы муниципального образования более прозрачной, глава региона не сможет продвигать подконтрольное себе лицо на должность главы муниципального образования и в случае его победы оказывать влияние на местное самоуправление, которое должно оставаться максимально независимым от государственной власти, представлять интересы непосредственно местного населения и осуществляться им.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 25.10.2020).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
3. Кудрявцев, В. В. Право граждан на участие в избрании главы местной администрации в контексте принципа гласности в местном самоуправлении / В. В. Кудрявцев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 1 — С. 18–23.
4. Провоторов Р. А. Выборы главы муниципального образования в контексте муниципальной реформы / Р. А. Провоторов // Закон и право. — 2018. — С. 44–47.
5. Черепанов В. А. О непосредственном и адекватном выражении воли народа в ходе выборов / В. А. Черепанов // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 53–63.
6. «Конкурсный» способ избрания глав муниципальных образований. — URL: <https://posidpo.ru/vlasova-e-l-dorofeeva-a-s-konkursnyiy-sposob-izbraniya-glav-munitsipalnyih-obrazovaniy/> (дата обращения: 25.10.2020).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

П. С. Волкопялова, обучающийся

М. И. Петрова, обучающийся

Научный руководитель М. Ю. Буртовой, канд. юрид. наук, доцент

Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)

г. Челябинск, Россия

Проведен анализ деятельности Организации Объединенных Наций по формированию международно-правового регулирования информационных технологий, рассмотрена Будапештская конвенция как источник регулирования информационных технологий в рамках международного права, а также сделан вывод о необходимости дальнейшей разработки и совершенствования международно-правовых норм в киберпространстве.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, информационные технологии, кибербезопасность, Организация Объединённых Наций.

Информационная безопасность играет ключевую роль на международной арене. Оборот различной информации и данных вошел в деятельность как коммерческих, так и государственных и международных структур. Уязвимость информационно-коммуникационных технологий, возможность утечки данных становится условием применения недружественного или откровенно враждебного информационного воздействия на другие субъекты международных отношений.

Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности Евросоюза 20 октября 2020 года опубликовало восьмой ежегодный отчет *ENISA Threat Landscape 2020*, в котором выделило 5 основных тенденций развития киберугроз:

- 1) усовершенствование вредоносного программного обеспечения;
- 2) мобильность угроз;
- 3) использование новых типов файлов для распространения вредоносных программ;
- 4) увеличение числа целенаправленных и скоординированных атак вымогателей;
- 5) широкое распространение атак с вбросом учётных данных.

В настоящее время отсутствует единая и полная международно-правовая база по обеспечению кибербезопасности. Однако имеются некоторые отдельные источники, в которых освещены вопросы по регулированию отношений в информационной сфере на международном уровне.

Например, Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации, принятая в 2001 г. в Будапеште [1], признаётся единственным многосторонним, юридически обязательным договором, охватывающим преступную деятельность в сфере информационных технологий. На сегодняшний день ее ратифицировали 53 страны, за исключением России. Следует

отметить, что во время разработки данной конвенции многие виды информационных угроз были ещё не известны, а уровень технологий того времени был невысок, поэтому ст. 1 Конвенции, закрепляя определения, не упоминает об используемых злоумышленниками «ботнетах», «фишинге», «спаме» и иных способов совершения преступлений.

Направленность Конвенции на защиту общества от киберпреступности основывается на пресечении нарушений авторских прав; мошенничества, связанного с использованием компьютеров; детской порнографии; преступлений, связанных с нарушениями безопасности сети. Конвенция не характеризуется полнотой закреплённых стандартов для расследования хакерских преступлений, а также не устанавливает конкретные меры ответственности за их совершение, поскольку в ней хотя и содержится перечень конкретных преступлений, но определение элементов каждого из них производится по усмотрению стороны Конвенции, а реализация её положений допускается в соответствии с внутренним законодательством. Следует отметить, что отсутствует обязательство стороны Конвенции обеспечивать соблюдение внутреннего законодательства других государств, полагаясь вместо этого на международное сотрудничество, т. к. Конвенция не признает универсальной юрисдикции как инструмента преследования преступлений в информационной сфере.

В Будапештскую конвенцию включено положение, которое предусматривает, что одна сторона без согласия другой стороны имеет право получать через компьютерную систему доступ к находящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получать их при наличии законного и добровольного согласия лица, уполномоченного раскрывать такие данные этой стороне через компьютерную систему. Указанная норма предусматривает возможность получения государством-участником трансграничного доступа к информации, источник которой находится в другом государстве, без уведомления соответствующих органов такого государства. Такой подход является неприемлемым, в т. ч. и для Российской Федерации, поскольку имеет место нарушение принципа государственного суверенитета в информационном пространстве.

Не менее важно, что данный пункт является угрозой нарушения основных прав и свобод человека в цифровой сфере, и особенно права на неприкосновенность личной жизни.

Различные источники по борьбе с киберпреступностью разрабатываются и Организацией Объединённых Наций. Анализируя историю регулирования информационных отношений в рамках ООН, И. Н. Забара выделяет три периода развития международно-правового регулирования. Наибольший интерес представляет третий период, в рамках которого происходит развитие концепции информационного общества и появление документов, относящихся к международной информационной безопасности. Следует заметить, что количество таких документов возросло после 1999 г., когда Генеральный секретарь ООН признал существование проблемы в сфере международной информационной безопасности и была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 53/70 от 4 января 1999 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В последующие годы было

одобрено несколько резолюций и документов ООН, представлены доклады Группы правительственных экспертов, которые сформировали регулировочные вопросы международной информационной безопасности в рамках ООН.

Изучая развитие этого регулирования, авторы отмечают такие ключевые документы, как проект «Принципы, касающиеся международной информационной безопасности», предложенный Российской Федерацией в 2004 г., проект «Правила поведения в сфере обеспечения международной информационной безопасности», являющийся совместной инициативой стран ШОС в 2011 г., резолюцию ГА ООН «Правила ответственного поведения государств в информационном пространстве в контексте международной безопасности» [2].

В 2018 г. ООН были приняты несколько резолюций по обозначенной теме. Резолюция А/К.Е8/73/27 от 5 декабря 2018 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [3] указывает на необходимость для государств выполнения международных обязательств в сфере информационно-коммуникационных технологий. Анализ Устава ООН позволяет прийти к выводу, что в резолюции нашли своё отражение принцип суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества, добросовестного исполнения обязательств. Особое место отведено положению по защите прав человека, в частности, неприкосновенности личной жизни. Следует отметить, что некоторые положения указанной резолюции выходят за рамки межгосударственных отношений. В частности, сюда можно отнести предписания о каналах поставки, обеспечивающих безопасность продуктов ИКТ, а также об активном сотрудничестве не только государств, но и общества в целом в сфере производства и оборота информационных товаров и услуг.

В резолюции подчеркивается, что государства лишь принимают просьбы пресечь вредоносную деятельность, исходящую с их территории, но при этом имеют право не допускать вмешательство извне. Однако, в силу уважения принципа территориального суверенитета, происходит ограничение толкования правил присвоения противоправного поведения государству. Таким образом, образование киберугрозы на территории какого-либо государства не преследует его вмешательство в такую деятельность, что лишает потерпевшую сторону возможности применения правовых инструментов и ставит в зависимость от воли государство, с территории которого исходит преступная деятельность.

Исследование резолюции А/КБ8/73/264 от 22 декабря 2018 г. «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» [2] приводит к выводу о необходимости продолжения практики работы Группы правительственных экспертов, а также о целесообразности проведения и поддержания мер, направленных на обеспечение безопасности и свободного потока информации. Таким образом, закрепляется призыв государств к обмену информацией о проделанной работе на национальном уровне и по вопросам международного сотрудничества. Однако каких-либо конкретизированных положений, которые направлены для реализации государствам, резолюция не содержит.

Исходя из вышеуказанных проблем и пробелов в рамках правового регулирования по обеспечению кибербезопасности в целях разработки международно-правовой базы и единого терминологического понимания, Российской Федерацией в лице Министерства иностранных дел был разработан проект Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» [4].

Понятийный аппарат данного проекта Конвенции включает такие категории, как «бот-сеть», «вредоносная программа», «детская порнография», «информационно-коммуникационные технологии», «информация», «объекты критической инфраструктуры», «спам», «устройство ИКТ» и др. Кроме этого, подчёркивается техническое содействие и порядок оказания правовой помощи, а также необходимость создания государством-участником постоянно функционирующего контактного центра.

Преследуя цель сформировать определённый потенциал в области планирования и разработки стратегической политики противодействия преступности в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий, Конвенция конкретизирует основные направления деятельности по разработке и усовершенствованию специальных программ по обучению лиц, которые на государственном уровне реализуют функцию по предупреждению совершения таких преступлений.

В качестве механизма осуществления целей по расширению возможностей государств-участников и сотрудничества между ними данной Конвенцией учреждается Конференция государств — участников Конвенции, которая призвана в последующем создать постоянно действующий орган в составе 23 членов — Международную техническую комиссию по противодействию преступности в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий для оказания содействия государствам в обзоре осуществления Конвенции.

Стоит отметить, что некоторые делегации, выступая категорически против как конкретно этого проекта Конвенции, так и в целом против создания каких-либо новых международно-правовых инструментов в данной сфере, вообще настаивают на том, что тот механизм, который существует в настоящее время, а именно Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, является рабочим и показывает успешные результаты в борьбе с преступностью в киберпространстве.

Ещё одним ключевым моментом стало принятие в декабре 2019 года ГА ООН резолюции A/C.3/74/L.11 «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», предложенную Российской Федерацией. Данный документ поддержали 79 государств.

Широкое применение общепризнанных принципов и норм международного права играет огромную роль в рамках регулирования информационного пространства. Однако современное состояние общественных отношений вызывает необходимость универсализации существующего международно-правового регулирования киберпространства в целях пресечения незаконного использования информационно-коммуникационных технологий, способного

повлечь нарушения прав человека, безопасности государств. Данную проблему можно было бы разрешить посредством разработки и принятия нормативного правового акта, закрепляющего, в первую очередь, основные понятия, такие как «киберпространство», «киберзащита», «кибератака», «кибернападение», «киберугроза» и другие, порядок действий отдельных лиц в рамках киберпространства. Кроме того, в таком акте следовало бы закрепить чёткие каналы взаимодействия между правоохранительными органами различных стран и применимые процедуры, а также унифицировать составы преступлений в сфере кибербезопасности. Не менее важна регламентация деятельности Российской Федерации в случае возникновения кибератак с территории иностранного государства, а также с территории Российской Федерации в отношении такого государства, что возможно, например, путем подписания международного договора между государствами [5, 6, 7].

В настоящее время деятельность государств по разработке и совершенствованию специальных правил поведения в киберпространстве сосредоточена на разрешении узких вопросов, относящихся к правам человека, конфиденциальности информации и т. д. Некоторые государства выступают против создания какого-то нового и эффективного международно-правового механизма сотрудничества в киберпространстве, поскольку не видят в этом никакого смысла. Именно этим обусловлен факт того, что инициатива со стороны Российской Федерации о необходимости принятия Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» не была поддержана, в связи с чем борьба с киберпреступлениями не может быть признана эффективной, поскольку только общими усилиями государств возможно выработать такой подход, который позволит в полной мере обезопасить киберпространство.

Список литературы

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185. — URL: <https://www.coe.int/ru> (дата обращения: 31.10.2020).
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/264 от 22 декабря 2018 года «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности». — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 31.10.2020).
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/27 от 5 декабря 2018 года «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 02.10.2020).
4. Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. — URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 29.10.2020).
5. Дanelьян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. — 2020. — № 1. — С. 261–269.

6. Верхелст Э., Ваутерс Я. Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2020. — № 2. — С. 141–172.
7. Сидорова Т. Ю. Международная информационная безопасность: правовые аспекты и деятельность ООН // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 3. — С. 103–108.

УДК 342

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФС РФ. ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

А. И. Вольфер, обучающийся

Научный руководитель Ж. В. Нечаева, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский государственный университет

экономики и управления «НИНХ»

г. Новосибирск, Россия

Данная статья посвящена исследованию процесса формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации и выявлению участия роли граждан и роли государства. В ходе работы определяются проблемы и предлагаются пути решения.

Ключевые слова: Совет Федерации Федерального собрания, формирование, парламент РФ.

Согласно ст. 94 Конституции РФ, Федеральное собрание в нашей стране представляет собой двухпалатный парламент. В РФ существует разделение властей, поэтому существование парламента является обязательным элементом осуществления и представления властных полномочий. Парламент представляет собой, во-первых, законодательный орган, а во-вторых, представительный. В отличие от Государственной Думы, Совет Федерации является постоянно работающим органом [1].

Процедура формирования СФ ФС РФ предполагает обязательный процесс, который заключается в том, что каждый субъект РФ в обязательном порядке представляет от своей территориальной единицы 2 представителей, 1 представитель относится к законодательной области государственной власти, а другой представитель — к исполнительной области государственной власти.

Стоит заметить, что Президент РФ также имеет право назначать на должность депутатов Совета Федерации, но при этом число назначенных на данную должность Президентом не должно превышать 10 % от общего числа депутатов.

В РФ существует нормативный акт — ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации» от 03.12.2012 № 229-ФЗ, который содержит в себе 11 статей, ряд из которых касаются процедуры формирования непосредственно Совета Федерации.

Итак, в состав данной палаты входят по 2 представителя (один представляет законодательный орган, другой исполнительный орган) от каждого субъекта

РФ, а также определённое количество членов Совфеда назначает Президент РФ. Для того, чтобы стать членом Совета Федерации, кандидат в обязательном порядке должен иметь гражданство РФ и проживать на данной территории больше 5 лет, достичь 30-летнего возраста, а также обладать безупречной репутацией.

Следует заметить, что существует ряд ограничений, когда лицо не может претендовать на членство в Совете Федерации. Например, в случае, если гражданин имеет иностранное гражданство, когда гражданин был осуждён за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления, а также лицо, признанное судом и являющееся недееспособным.

Правом наделения полномочиями члена Совета Федерации обладает непосредственно законодательный орган государственной власти, лицо на должность сенатора назначается путём проведения голосования среди депутатов данного органа.

Кандидат, претендующий на должность члена Совфеда от законодательного органа государственной власти на уровне субъекта РФ, всегда вносится на рассмотрение председателем данного органа. При этом группа депутатов численностью не менее одной трети от общего числа депутатов может внести альтернативные кандидатуры. Решение об избрании представителя от законодательного (представительного) органа принимается тайным голосованием и оформляется постановлением указанного органа, а двухпалатного законодательного (представительного) органа — совместным постановлением обеих палат [3].

Если говорить о представителе на должность члена Совета Федерации от исполнительного органа, то здесь следует заметить, что председатель исполнительного органа субъекта представляет трёх потенциальных кандидатов на должность члена Совфеда. Параллельно с этим проходят выборы главы исполнительного органа субъекта, и уже после этих выборов новый глава, т. е. губернатор, назначает одного из кандидатов на должность в Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. При этом после выборов (на следующий день) и прилагается соответствующее постановление.

Согласно этому закону, член Совета Федерации — представитель от представительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации — избирается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ на срок полномочий этого органа. Член Совета Федерации — представитель от двухпалатного законодательного органа — избирается поочередно от каждой палаты на половину срока полномочий соответствующей палаты. Кандидатуры для избрания представителя в Совете Федерации от законодательного органа вносятся на рассмотрение этого органа его председателем.

Опираясь на вышенаписанное, можно сказать, что в Российской Федерации существует определённая, особенная система, согласно которой проходит процедура формирования Совета Федерации Федерального собрания РФ.

Данная палата парламента РФ обладает определённой формой выборов, которая имеет достаточно широкие полномочия. С 1993 г. было множество редакций и изменений в области такого нормативного акта, который затрагивал процедуру формирования Совета Федерации.

Кандидата на должность члена Совета Федерации от законодательного органа может выдвигать председатель законодательного органа, и выдвинутый кандидат должен являться депутатом. Кандидата от исполнительного органа: в этом случае потенциальный кандидат на должность сенатора Совета Федерации РФ должен пройти голосование и избирается из 3 представленных представителей в то время, когда идут выборы губернатора. В случае, если все 3 представленных кандидата по каким-либо причинам не смогли занять пост сенатора, губернатор имеет право (даже обязанность) назначить на должность сенатора Совета Федерации одного члена из законодательного собрания.

Итак, проанализировав процесс формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, мы убедились, что данная процедура является крайне сложной, но в то же время особенной.

В каждом процессе можно найти недостатки и проблемы. Во-первых, говоря о представителе от законодательного органа на должность в членство Совета Федерации, можно выявить первый недостаток, который заключается в том, что кандидат на такую должность должен быть депутатом этого законодательного органа.

Таким образом, опираясь на данный выше факт, можно сказать, что стать кандидатом можно только в том случае, если ты являешься депутатом законодательного органа: следовательно, сотрудник государственного управления, который не является депутатом законодательного органа, претендовать на должность сенатора не может.

Следующей проблемой, на наш взгляд, является тот факт, что выдвигать кандидатуры на должность сенатора от законодательного органа имеют право только граждане, которые являются сотрудниками данного законодательного органа: таким образом, выдвигать кандидатуры могут представитель, фракция и группа депутатов. Граждане РФ, которые не связаны с законодательными органами, выдвинуть кандидата от законодательного органа не могут.

Ещё одна проблема формирования Совета Федерации Федерального собрания РФ: при выдвижении члена от законодательного органа, на наш взгляд, является отсутствие гражданской позиции в процессе формирования. Это обуславливается тем фактом, что вся власть в стране является централизованной; все подчиняются высшему органу. При формировании Совета Федерации участвуют только те граждане Российской Федерации, которые занимают должность в законодательных органах и сенатора выбирают также депутаты законодательного органа, мнение граждан РФ при голосовании не учитывается.

Особое внимание следует уделить тому факту, что государство имеет прямое отношение к выборам, хотя выбирать членов Совета Федерации должны непосредственно граждане РФ.

Если рассматривать назначение кандидата на должность сенатора от исполнительного органа, то здесь мы увидим, что руководителя высшего исполнительного органа выбирают непосредственно граждане данного субъекта РФ. После вступления в должность данный руководитель назначает из представленных кандидатов одно лицо на должность сенатора в Совет Федерации РФ.

На наш взгляд, данный факт обусловлен проблематикой, она выражается в том, что мнение народа при выборе гражданина на должность сенатора в Совфед не учитывается, такое решение принимается главой исполнительного органа.

Следует обозначить выделенные проблемы при формировании членов Совета Федерации:

- влияние государства на процесс формирования;
- отсутствие прямых выборов со стороны граждан;
- отсутствие влияния граждан на процесс формирования;
- невозможность выдвижения кандидатов от лица граждан.

Существует огромное количество мнений и очень много дискуссий по поводу совершенствования процедуры формирования Совфеда. Например, канд. юрид. наук И. В. Гранкин занимался изучением вопроса о проблематике формирования и предлагал версии наиболее согласованного процесса формирования Совета Федерации [4].

Одна из проблем — оказание большого влияния государства на процесс формирования, а также роль Президента при формировании Совета Федерации, т. к. он имеет право назначать определённое количество лиц на должность сенаторов Совфеда, т. е. назначенные сенаторы имеют слабую власть на федеральном уровне при решении конкретных вопросов.

Исходя из выше сформулированной проблемы, следует предположить, что государство должно ослабить влияние, и субъекты РФ должны принимать решение самостоятельно при назначении сенаторов, опираясь на мнение граждан, проживающих на территории определённого субъекта Российской Федерации.

На наш взгляд, главной проблемой при формировании Совета Федерации Федерального собрания является отсутствие прямых выборов.

Целесообразно предположить, что путём совершенствования процедуры формирования будет являться создание определённого круга лиц, которые будут выражать волю народа при формировании Совета Федерации, причём такой круг заинтересованных лиц должен существовать в каждом субъекте РФ.

Будет справедливо, если сенаторов на членство в Совет Федерации ФС РФ от субъектов РФ будут выбирать непосредственно граждане, проживающие на территории своего субъекта, а Президент РФ будет назначать определённое количество сенаторов в Совет Федерации.

Многие учёные в области юридических наук затрагивают тему о всенародном голосовании при формировании Совета Федерации. Граждане своего субъекта хотят, чтобы их интересы на федеральном уровне выражал представитель их субъекта.

Важно, чтобы голосование депутатов при выборе представителя от законодательного органа было открытым, а не тайным.

В заключение затронем право выдвижения кандидатов на членство в Совфед, принадлежащее исключительно сотрудникам соответствующего органа. Было бы справедливо, если бы граждане субъекта имели право согласованно предложить кандидатуру на членство в Совфед, естественно, действующим депутатом либо представителем соответствующего органа.

Подводя итог, следует обозначить основные идеи совершенствования процесса формирования Совета Федерации ФС РФ:

— на уровне каждого субъекта стоит сформировать круг граждан, которые будут выражать интересы народа, при выдвижении кандидатур на должность сенатора;

— следует установить всеобщее народное голосование на уровне каждого субъекта при выборе кандидатур от определённого субъекта на должность сенатора в Совет Федерации.

Обобщая, следует сказать, что та модель процедуры формирования Совета Федерации, которая существует на данный момент в РФ, начинает устаревать, и граждане должны способствовать тому, чтобы модель процесса формирования начала меняться.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Авакьян С. А. Проблемы централизма, демократии, децентрализации в современном государстве: конституционно-правовые вопросы // Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–9 апреля 2005 г. / Под ред. С. А. Авакьяна. — Москва: ТК «Велби», 2006.
3. Выборный порядок формирования вторых палат парламентов: мировой и отечественный опыт // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. — 2007. — № 23 (340).
4. Гранкин И. В. Конституционно-правовое регулирование формирования палат Федерального собрания РФ и пути его совершенствования // Журнал российского права. — 2005. — № 8. — С. 14–20.

УДК 342.98

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Ю. В. Евсюкова, обучающийся

Научный руководитель А. В. Агеева, канд. юрид. наук

Сибирский юридический университет (СибЮУ),

г. Омск, Россия

Рассмотрено понятие «конфликт интересов», предусмотренного ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», отражены основные расхождения в определениях конфликта интересов, отдельное внимание уделено вопросам преодоления конфликта интересов в контрактной системе в сфере закупок.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, государственные и муниципальные закупки, противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, аффилированные лица.

Государственные и муниципальные закупки являются инструментом одновременно социальной и экономической политики, поэтому признаются сферой повышенной социальной ответственности государства. Специфика данной сферы предполагает столкновения интересов, с одной стороны, заказчика как лица, призванного выражать волю государства, направленную на достижение общественного блага, а с другой стороны — личные интересы самого заказчика, интересы поставщика и иных участников государственной или муниципальной закупки.

В современном российском праве такого рода столкновения интересов принято обозначать термином «конфликт интересов». По мнению О. А. Беляевой, сам по себе конфликт интересов является нормативным состоянием, при котором отсутствуют элементы правонарушения [8]. Одновременно конфликт интересов не тождественен понятию «коррупция». Он возникает в момент, если человеку предоставляется возможность выбирать между его частными интересами и рабочими обязанностями. И даже при наличии такой возможности работник может отказаться от личной выгоды и продолжить исполнение обязанностей должным образом. Однако нельзя не признать его серьезным коррупционным фактором, поскольку конфликты интересов легко могут перерасти в коррупционные правонарушения.

В контрактной системе в сфере закупок неурегулированность конфликта интересов ослабляет саму систему, нарушая ее базовые принципы, регламентированные ФЗ от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44-ФЗ), принципы открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции и др. [4]. Так, нередко нарушения размещения информации о закупках в Единой информационной системе, нарушающие принципы открытости и прозрачности закупок и затрудняющие общественный контроль в сфере закупок. Кроме того, ситуации неурегулированного конфликта интересов ведут к нарушению принципа конкуренции в аспекте создания равных условий для всех участников закупки.

Примечательно, что для законодательной системы Российской Федерации характерно обособление законодательства о закупках именно из антикоррупционной отрасли. Таким образом, в глобальном смысле регулирование закупочной деятельности должно быть направлено на исключение возможностей действий государственного или муниципального заказчика, исходя из его личных интересов, а следовательно, на исключение конфликта интересов.

Первое, с чем мы сталкиваемся при попытке анализа ситуации конфликта интереса в сфере публичных закупок, — это проблема дефиниции понятий.

Учитывая антикоррупционную направленность законодательства о закупках, за основу можно взять понятие «конфликт интересов», трактуемое ФЗ от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»

(далее — ФЗ № 273-ФЗ). Под «конфликтом интересов» в указанном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) [3]. Можно сказать, что Федеральный закон № 273-ФЗ дает наиболее полную дефиницию рассматриваемого понятия.

Вместе с тем п. 9 ч. 1 ст. 31 ФЗ № 44-ФЗ дает свое толкование понятию конфликта интересов в сфере закупочной деятельности [4]: «это случаи, при которых руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий состоят в браке с физическими лицами, являющимися выгодоприобретателями, единоличным исполнительным органом хозяйственного общества (директором, генеральным директором, управляющим, президентом и др.), членами коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества, руководителем (директором, генеральным директором) учреждения или унитарного предприятия либо иными органами управления юридических лиц — участников закупки, с физическими лицами, в т. ч. зарегистрированными в качестве индивидуального предпринимателя, — участниками закупки либо являются близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами), усыновителями или усыновленными указанных физических лиц».

ФЗ № 44-ФЗ, трактуя конфликт интересов, делает акцент на том, что это ситуация, когда представитель заказчика состоит в браке либо является близким родственником участника закупки, т. е. ФЗ № 44-ФЗ институализирует супружеские и близкородственные связи.

Нельзя не отметить расхождение данного определения с понятием конфликта интересов, трактуемым ФЗ № 273-ФЗ, основным моментом для которого является наличие ситуации личной заинтересованности, которая влияет или может повлиять на выполнение служебных или должностных обязанностей. При этом личная заинтересованность рассматривается как возможность получения дохода лицом и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами, гражданами или организациями, с которыми лицо и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями [3].

Таким образом, в антикоррупционном законодательстве определение конфликта интересов связано с концептом личной заинтересованности, которая может проистекать в т. ч. и из родственных связей [7].

В то же время понятие, раскрываемое ФЗ № 44-ФЗ, напрямую определяет конфликт интересов через родственные отношения, не упоминая ситуацию личной заинтересованности.

Проблема выявления конфликта интересов в сфере закупок неоднократно отмечается такими авторами, как О. А. Беляева, М. Л. Бабаев, А. М. Цирин и др. Помимо отношений свойства и родства между людьми существуют также любовь и дружба, на которые законодательное воздействие затруднительно. Так, в рамках проблем семейного законодательства обсуждается внедрение форм альтернативных брачных союзов, однако на сегодняшний день этот вопрос открыт [8, 9].

Федеральным законом № 44-ФЗ предусмотрена императивная норма, обязывающая претендентов на участие в закупке декларировать отсутствие конфликта интересов в рамках декларации на соответствие участника закупки. В соответствии со ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации такое действие называется «заверение об обстоятельствах» [1]. На данном этапе можно выявить ряд проблемных моментов.

Во-первых, участник закупки декларирует отсутствие конфликта интересов, в т. ч. и по отношению к членам комиссии по осуществлению закупок. Однако на момент подачи заявки участник закупки не имеет информации о персональном составе комиссии по осуществлению закупок, поскольку ФЗ № 44-ФЗ не содержит норм, закрепляющих ее публичное размещение на момент подачи заявки. Информация о персональном составе данной комиссии будет опубликована только с момента размещения первого протокола на официальном сайте, т. е. можно говорить о том, что участник закупки заверяет ту информацию, в которой сам не может быть уверен [10].

Кроме того, сама информация, декларируемая участниками закупки, затруднительна для проверки. Например, наиболее простыми для выявления являются супружеские связи, которые, тем не менее, легко преодолимы путем расторжения брака. Причем лица могут продолжать совместно проживать и вести совместное хозяйство — конфликт интересов явен, но непроверяем с точки зрения действующего законодательства. Помимо этого, заказчик может только предполагать наличие супружеских связей, поскольку у него отсутствует доступ к банкам данных органов записи актов гражданского состояния.

Еще более сложны к установлению близкородственные связи, которые ФЗ № 44-ФЗ рассматривает для родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушки, бабушки и внуки), полнородных и неполнородных братьев и сестер, усыновителей и усыновленных. В отношении последних ст. 139 Семейного кодекса РФ устанавливается тайна усыновления, разглашение которой влечет уголовное наказание [2].

Далее рассмотрим ситуацию преодоления конфликта интересов в контрактной системе в сфере закупок. В соответствии с ч. 9 ст. 31 ФЗ 44-ФЗ в случае установления несоответствия участника закупки требованиям данной статьи, в т. ч. в случае обнаружения конфликта интересов, участник закупки отстраняется от участия в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) в любой момент до заключения контракта [4]. Также обратим внимание на ст. 39 ФЗ № 44-ФЗ, которая устанавливает требования к членам комиссии по осуществлению закупок. В соответствии с ч. 6 указанной статьи в случае выявления

члена комиссии, находящегося в состоянии конфликта интересов, заказчик обязан незамедлительно заменить его на другое физическое лицо [4].

Таким образом, т. к. обе нормы носят императивный характер, то в случае ситуации конфликта интересов между членом комиссии по осуществлению закупки и участником закупки конфликт интересов устраняется дважды. На наш взгляд, это радикальное разрешение конфликтной ситуации, т. к. данный конфликт интересов является устранимым со стороны заказчика, и нет явно выраженной необходимости исключать участника закупки.

Проблема разрешения ситуаций, связанных с конфликтом интересов в сфере закупок, настолько сложна, что Президиумом Верховного суда Российской Федерации 28 сентября 2016 года утвержден Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 ФЗ № 44-ФЗ (далее — Обзор). В соответствии с ч. 3 Обзора Верховный суд РФ увеличил круг лиц, на которые распространяется ситуация конфликта интересов, включив, помимо руководителей, предусмотренных ФЗ № 44-ФЗ, должностных лиц (в т. ч. заместителей), полномочия которых являются тождественными по функциональным обязанностям полномочиям руководителя [6]. О. А. Беляева, А. М. Цирин назвали эту проблему «глубиной фактической аффилированности» [7, 8], т. е. пределы глубины аффилированности в контексте, изложенном Верховным судом РФ, в настоящий момент неопределимы и неясны.

Согласно ч. 9 Обзора, Верховный суд РФ определил, что государственный (муниципальный) контракт, заключенный победителем торгов и заказчиком при наличии между ними конфликта интересов, является ничтожным на основании п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ [6]. Это можно объяснить важностью государственного (муниципального) контракта как социального явления. Насколько объективны такие меры в случае возможности устранения конфликта интересов? Вопрос является самым дискуссионным. На наш взгляд, здесь применимо более гибкое законодательное регулирование.

Кроме того, необходимо отметить, что вопрос конфликта интересов в сфере закупок упомянут также в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг., утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 г. № 378. Так, Правительству Российской Федерации поручено подготовить предложения о целесообразности уточнения условий, при которых может возникнуть конфликт интересов между участником закупки и заказчиком, а также смежные вопросы в сфере конфликта интересов в закупках [5]. Наличие вопросов ситуации конфликта интересов в сфере закупок в названном Национальном плане свидетельствует о важности этого вопроса, а также о том, что в настоящий момент законодательство, регулирующее данный вопрос, находится на этапе развития, определения дальнейшего пути сужения рамок либо, наоборот, увеличения гибкости регулирования вопроса конфликта интересов.

Таким образом, можно говорить о том, что реализация норм, регулирующих ситуацию конфликта интересов в контрактной системе в сфере закупок, в настоящее время испытывает ряд проблем и пробелов.

В первую очередь, на наш взгляд, необходима гармонизация понятий «конфликт интересов» в сфере закупочной деятельности и антикоррупционным законодательством, поскольку действующее понятие порождает риски в выявлении ситуаций конфликта интересов, а также в некоторых случаях приводит к неопределенности конфликтной ситуации. В этих целях в ФЗ № 44-ФЗ необходимо использовать понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность», установленные ФЗ № 273-ФЗ.

Необходимо точно ограничить круг лиц, на которых распространяется ситуация конфликта интересов, определив введенное Верховным судом РФ понятие «должностные лица (в т. ч. заместители), полномочия которых являются тождественными по функциональным обязанностям полномочиям руководителя» в целях единообразия закупочного законодательства.

Кроме того, на сегодняшний день для закупочного законодательства характерен императивный подход к преодолению последствий ситуации конфликта интересов, отрицающий возможность гибкого законодательного регулирования, что также является дискуссионным моментом. На наш взгляд, необходимо в императивных нормах, установленных ч. 9 ст. 31 и ч. 6 ст. 39 ФЗ № 44-ФЗ, в случае ситуации конфликта интересов между членом комиссии по осуществлению закупки и участником закупки определить возможность устранения данной ситуации со стороны заказчика при отсутствии явно выраженной необходимости исключения участника закупки.

Данные меры позволят развивать более демократичное и эффективное законодательство в сфере закупочной деятельности и разрешить основные проблемные вопросы преодоления ситуации конфликта интересов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. — 2008. — № 52. — Ч. 1. — Ст. 6228.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
5. Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // СЗ РФ. — 2018. — № 27. — Ст. 4038.
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 ФЗ от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 28.09.2016 г. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. — 2017. — № 2.

7. Бабаев М. Л. Практические аспекты применения нормативного определения «конфликта интересов» в рамках законодательства о контрактной системе в сфере закупок // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2014. — № 4. — С. 99–105.
8. Беляева О. А. Конфликт интересов в публичных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2019. — № 1. — С. 13–18.
9. Беляева О. А., Цирин А. М. Направления повышения эффективности противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 152–162.
10. Лобанова О. Л., Пластинина Е. А. Конфликт интересов при государственных закупках: понятие и порядок урегулирования // Прогноз.рф. — 2018. — № 1. — С. 56–62.

УДК 349.6

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАСТИКА В РОССИИ

А. С. Елькина, обучающийся

Научный руководитель К. Ю. Скряга, аспирант

КФУ им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия

Рассмотрена одна из наиболее острых экологических проблем в Российской Федерации — бесконтрольное использование и отсутствие достаточной переработки пластиковых изделий. В результате проведенного анализа были установлены основные причины существования рассматриваемой проблемы, а также предложены возможные пути ее разрешения.

Ключевые слова: экология, законодательное регулирование, переработка пластика, промышленная деятельность, окружающая среда.

Проблема улучшения экологии является одной из наиболее острых в современном мире, ведь зачастую общепринятые блага цивилизации не только создают удобства и комфортные условия жизнедеятельности, но и наносят непоправимый вред природному миру.

Важность сохранения и поддержания благоприятной экологической обстановки, несомненно, велика, о чем свидетельствует наличие отдельной отрасли национального права, направленной на предотвращение усугубления и улучшение уровня экологии в Российской Федерации (далее по тексту — РФ). Отрасль экологического права является комплексной, что обусловлено целым массивом законодательства, охватывающим различные области экологического регулирования. Отсутствие должного закрепления ряда норм в законодательстве при осуществлении некоторых видов хозяйственной и бытовой деятельности являются одной из причин кризисного состояния окружающей среды в РФ [1].

Полагаем, будет полезным рассмотрение одной из таких ситуаций на примере токсичного влияния пластика на различные природные зоны как в России, так и во всем мире, а предлагаемый возможный путь решения рассматриваемой

проблемы на государственном уровне обуславливает актуальность проведенного исследования.

Научно доказано: пластик разлагается около двух сотен лет. Попадая в землю, пластмассы начинают выбрасывать в окружающую среду химические вещества, добавленные в них при производстве. Через грунтовые воды они просачиваются к ближайшим источникам воды, что может приводить к массовой гибели животных. Так, например, проведенный океанологами в последние годы международный мониторинг установил, что желудки морских птиц содержат в себе огромное количество пластмассовых частиц [2].

По данным ООН, ежегодно в Мировой океан попадает около 12 млн т пластиковых отходов, которые составляют более 80 % всего мусора, попадающего в водное пространство [3]. При этом общее число ежедневно выбрасываемых в России пластиковых отходов составляет около 10 тыс. т, что является действительно «ужасающим числом», учитывая масштаб угрозы в случае ее разрешения в ближайшем будущем.

Рассматривая методы предотвращения выброса пластика в РФ, отметим, что положительным аспектом является законодательное закрепление в соответствующем федеральном законе запрета на его захоронение [4]. Более того, исследователи в указанной области приходят к выводу: «В последние годы нормативы утилизации пластика имеют тенденцию к увеличению и распространению, что благоприятно сказывается на экологической обстановке в стране» [5].

Соглашаясь с указанной точкой зрения, подчеркнем, что в РФ была внедрена концепция «зеленой экономики», целью которой является уменьшение нагрузки на экосистему путем экспортно-сырьевой модели производства [6], тем самым осуществление промышленной и хозяйственной деятельности, в соответствии с нормами указанной программы, способствует рационализации использования и переработки отходов, включая пластик.

Несмотря на используемые правовые механизмы, на данный момент проблема бесконтрольного выброса пластика все еще остается одной из причин кризисной экологической обстановки в России. Об этом свидетельствует сразу несколько фактических данных.

1. Россия по сравнению с иными государствами значительно отстает от совершенствования законодательства и принятия конкретных нормативно-правовых актов именно в области переработки пластиковых отходов. РФ, в отличие от многих других стран, не регулирует обращение пластика на федеральном уровне, что указывает, во-первых, на отсутствие должного внимания со стороны законодателя. Во-вторых, представители органов государственной власти при обращении в средствах массовой информации отмечали, что переработка такого сырья является дорогостоящей и пока еще экономически низкорентабельной.

2. В отличие от России, многие государства стремительно отказываются от использования пластика путем сокращения производства некоторых пластиковых изделий, что, безусловно, положительно сказывается на улучшении экологической обстановки не только в конкретных странах, но и во всем мире. Так, например, продажа пластиковых пакетов запрещена во Франции — с 2016 года, в Грузии — с 2018 года, в Молдавии, Белоруссии и ряде других стран.

Проблема использования одноразового пластика обсуждалась и на ассамблее ООН в Найроби. По итогам встречи 170 стран обязались сократить использование пластика к 2030 году. Однако в России этот вопрос так и остается неразрешенным.

На основании всего выше перечисленного, представляется очевидным факт заметного отставания экологического законодательства РФ от многих других государств в области сокращения производства и использования пластиковых отходов, что непосредственно влияет на состояние экологии в целом. В связи с указанным предлагается:

— Принять ряд нормативно-правовых актов на федеральном уровне, вводящих запрет на производство и продажу одноразового пластика. Обращая внимание на положительный опыт иностранных государств, можно с точностью утверждать, что такая экологическая политика окажет положительное воздействие на природный мир.

— Расширить и укрепить систему переработки пластикового мусора путем создания большего количества предприятий, занимающихся указанным видом деятельности. Так, в настоящее время на территории России действует около 500 предприятий, на которых, по разным оценкам, перерабатывается от 350 до 450 тыс. т пластиковых отходов в год, т. е. всего лишь от 7 до 12,5 % от их ежегодного использования.

— Формировать эколого-правовое мировоззрение у населения. Безусловно, выброс пластиковых отходов подлежит не только детализации регулирования с точки зрения законодательства, но и с точки зрения формирования ответственности у населения за использование пластиковых изделий в быту. Поставленная цель может быть достигнута, в первую очередь, путем ужесточения санкций за совершение административных правонарушений в области охраны окружающей природной среды и природопользования, а во вторую — путем повсеместного проведения профилактических мероприятий, направленных на выявление сущности безответственного отношения к природному миру.

Таким образом, комплексное внедрение указанных инструментов в правовую систему РФ будет способствовать разрешению проблемы использования пластикового мусора и улучшит состояние экологической обстановки.

Список литературы

1. Бринчук М. М. Экологическое право: учеб. для студентов вузов / М. М. Бринчук. — Москва: Городец, 2009.
2. Ученые: желудки 90 % морских птиц оказались заполнены пластиком // РИА Новости от 01.09.2015 / Официальный сайт. — URL: <https://ria.ru/20150901/1221750768.html> (дата обращения: 04.11.2020).
3. Пластиковое загрязнение планеты // РИА Новости от 10.11.2017 / Официальный сайт. — URL: <https://ria.ru/20171110/1508554568.html> (дата обращения: 05.11.2020).

4. Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июля 2017 г. № 1589-р. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/436754215> (дата обращения: 06.11.2020).
5. Тюльпанов Ф. М. Проблемы экологического права // Вестник Уральского Института экономики, управления и права. — 2019. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ekologicheskogo-prava/viewer> (дата обращения: 07.11.2020).
6. Игнагьева И. А. Проблемы правового обеспечения создания «зеленой» экономики в России // Вестник Московского университета. — Сер. 11: Право. — 2012. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-obespecheniya-sozdaniya-zelenoy-ekonomiki-v-rossii/viewer> (дата обращения: 08.11.2020).

УДК 342.5

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р. Ф. Ишмухаметов, обучающийся

Научный руководитель А. Г. Быкова, д-р ист. наук, доцент

Сибирский юридический университет (СибЮУ),

г. Омск, Россия

Рассмотрены проблемные вопросы противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации. Анализируются правовые механизмы противодействия коррупции, заключенные в антикоррупционном и закупочном законодательстве.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, противодействие коррупции, конфликт интересов.

Проблема коррупции в системе государственных и муниципальных закупок — одна из наиболее острых проблем, стоящих перед государством на сегодняшний день. Противодействие коррупции — приоритетное направление современной государственной политики, о чем свидетельствует утверждение и реализация различных нормативных правовых актов, государственных программ, планов.

Необходимо отметить, что области антикоррупционного и закупочного законодательства тесно связаны между собой, причём на территории Российской Федерации закупочное законодательство отделилось от антикоррупционного. В связи с этим принципы нормативно-правового регулирования указанных сфер взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Коррупция в сфере закупочного регулирования несет в себе множество негативных факторов — это и бюджетные и экономические потери, и низкая

эффективность реализации государственных и муниципальных заказов, деформирование структуры государственных расходов. Ключевым последствием коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок является подрыв доверия населения к самому институту государства, системе государственного управления и выполнению ей своих функций.

Закупочная деятельность признается социально значимой, поскольку позволяет формировать ресурсную базу государственных и муниципальных органов, организаций и учреждений в целях исполнения ими государственных и муниципальных функций, направленных на решение социально значимых задач и достижения общего благосостояния. По этой причине сегодня так остро стоит вопрос противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок.

Следует учитывать, что причины появления коррупционных явлений в закупочной деятельности обусловлены общими для коррупционных правонарушений факторами: политическими, экономическими, социальными, культурными, психологическими и др. Одной из основных причин коррупции в этой сфере является ее латентный характер, сложность выявления коррупционных факторов, установления факта коррупционной деятельности. По оценкам ученых, статистика коррупционных преступлений в закупочной сфере не отражает реальную картину состояния преступности [7]. Этот латентный характер коррупционных правонарушений и преступлений создает основу для совершения повторных или новых противоправных деяний, тем самым увеличивая масштабы коррупционности сферы государственных и муниципальных закупок.

Меры противодействия коррупции принято разделять на 5 типов: нравственные, социальные, политические, экономические, правовые. При этом последние признаны наиболее эффективными. По мнению М. С. Стрельникова, это — «нормативные правовые предписания, регламентирующие приемы, способы противодействия коррупционным отношениям и юридические технологии, сопряженные с юридической техникой, толкованием права и формами правореализационной практики, содействующей снижению условий коррупционной деятельности и причин, ее порождающих» [8].

Основы противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок заложены в самом ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44-ФЗ), в ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — ФЗ № 273-ФЗ), в Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460, в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 29.06.2018 № 378 (далее — План противодействия коррупции).

Основная цель противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок — добиться максимальной открытости и прозрачности системы.

На сегодняшний день в этих целях проведена цифровизация закупочной деятельности и создана единая информационная система, которая, в соответствии

с ФЗ № 44-ФЗ, включает: планы-графики, информацию об их реализации, информацию о закупках и об исполнении контрактов, реестр контрактов, заключенных заказчиками, реестр недобросовестных поставщиков [2] и др. — иными словами, все документы, отражающие закупочный процесс. Информация публикуется на официальном сайте в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Названные меры позволяют отследить процесс закупки и минимизировать коррупциогенные факторы, тем не менее, не предотвращают проявления коррупционного поведения.

Актуальные на сегодняшний день направления противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок отражены в Плате противодействия коррупции, разделе III «Совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок...». Его основное содержание — это уточнение условий, при которых может возникнуть конфликт интересов между участником закупки и заказчиком при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [3].

Вопрос конфликта интересов в закупках достаточно сложный. Понятие конфликта интересов раскрыто как в ФЗ № 44-ФЗ, так и в ФЗ № 273-ФЗ, однако эти определения не тождественны. Закон № 44-ФЗ определяет круг лиц, взаимодействия которых в рамках закупки как заказчика и участника закупки свидетельствуют о наличии конфликта интереса, а именно супружеские и близкородственные отношения. Это понятие является более узким, чем заложенное ФЗ № 273-ФЗ [1], и не рассматривает ситуации конфликта интересов лиц, не находящихся в родственных связях, например, лица, связанные имущественными или корпоративными отношениями.

В практической деятельности наблюдаются попытки расширить круг субъектов конфликта интересов. Такова, например, позиция Верховного суда РФ, согласно которой конфликт интересов может наблюдаться не только в отношении руководителей, но и «в отношении должностных лиц, непосредственно участвующих в осуществлении закупки и полномочия которых являются тождественными по функциональным обязанностям полномочиям руководителя, позволяют влиять на процедуру закупки и результат ее проведения». Кроме того, Верховный суд РФ призывает государственный или муниципальный контракт, заключенный при наличии установленного конфликта интересов, признавать ничтожным [5].

Несмотря на опыт судебной практики, вопрос по определению лиц, между которыми может возникнуть конфликт интересов в области государственных и муниципальных закупок, на сегодняшний день открыт.

При рассмотрении вопроса противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок интересно также обратиться к опыту прокурорского надзора в этой сфере. По мнению А. А. Фомченкова, существует два основных метода хищения бюджетных средств в закупочной деятельности: первый — завышение объемов выполненных работ (товаров, услуг), позволяющих незаконно увеличить объемы их финансирования; второй — завышение начальной (максимальной) цены контрактов [9].

Квалификация правонарушений при завышении объемов выполненных работ достаточно очевидна, тогда как второй вариант правонарушений контрольно-надзорным органам не всегда удается пресечь.

ФЗ 44-ФЗ приоритетным для определения и обоснования начальной (максимальной) цены контракта называет метод сопоставимых рыночных цен (анализ рынка). В целях его применения может использоваться общедоступная информация о рыночных ценах товаров, работ, услуг [2]. В целях правильного применения данной нормы Министерством экономического развития Российской Федерации разработаны Методические рекомендации по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденные приказом Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567. Важным аспектом использования метода сопоставимых рыночных цен (анализ рынка) является определение идентичных и однородных товаров [4].

Несмотря на стремление законодателя приблизить начальную (максимальную) цену контракта к среднерыночной цене, здесь можно обнаружить коррупциогенный фактор.

Заказчикам дано право исключительно широко трактовать возможности и способы получения такой информации. При наличии коррупционного сговора с заказчиком любой поставщик может необоснованно завысить цену в своем коммерческом предложении при условии, что рыночная экономика характеризуется свободными ценами. При этом по закону поставщик не должен обосновывать эту цену. Кроме того, законодательно не установлено минимальное число запрашиваемых ценовых информации, а также ФЗ № 44-ФЗ не запрещает заказчикам использовать ценовую информацию, полученную у аффилированных лиц (и не считает данное обстоятельство конфликтом интересов).

Очевидно, что данная норма ФЗ № 44-ФЗ нуждается в обстоятельной корректировке.

Таким образом, противодействие коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации приобретает особое значение как элемент обеспечения безопасности государства и его социально-экономического развития. Несмотря на обстоятельное правовое регулирование антикоррупционной сферы, развития открытости закупок за счет внедрения единой информационной системы, ужесточение санкций в закупочной деятельности, темпы коррупционных правонарушений и преступлений в этой сфере не спадают.

В настоящее время ФЗ 44-ФЗ содержит в себе множество проблемных моментов, которые открывают возможности для коррупционных факторов и деяний. Сюда можно отнести неопределенность понятия конфликта интересов, необоснованно широкий метод сопоставимых рыночных цен для определения начальной (максимальной) цены контракта и ряд других. В связи с этим, несмотря на регулярную редакцию ФЗ 44-ФЗ, назрела необходимость его более детального пересмотра и приближения к антикоррупционному законодательству.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем): приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 ФЗ от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 28.09.2016 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Васенин В. А. Противодействие коррупции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Законность. — 2017. — № 9. — С. 17–21.
7. Прохоров Э. А. Коррупционная преступность в сфере государственных закупок: причины общего характера // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 1 (22). — С. 378–382.
8. Стрельников М. С. Детерминанты преступности коррупционной направленности // Молодой ученый. — 2016. — № 14. — С. 472–474.
9. Фомченков А. А. Формирование экономически обоснованной начальной максимальной цены контракта как эффективный способ борьбы с коррупцией в сфере закупок // Прокурор. — 2016. — № 4. — С. 24–27.

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

П. С. Кириенко, обучающийся

*Научный руководитель А. И. Киселев, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),*

г. Новосибирск, Россия

В статье рассматривается один из важнейших институтов конституционного права — институт избирательного права: поставлен вопрос о несоответствии положений федеральных законов об избирательных правах иностранных граждан Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранные граждане, избирательное право, граждане.

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ, «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [1].

Исходя из этого положения, можно сделать вывод, что Конституция РФ занимает главенствующее положение, и ни один нормативный правовой акт не может ей противоречить, а наоборот, должен конкретизировать и дополнять её положения. В том числе и международные договоры, которые также должны соответствовать ей.

Однако, проанализировав современное российское законодательство, можно заметить, что встречается несоответствие нормативных правовых актов Конституции РФ.

В Российской Федерации иностранные граждане обладают достаточно широким спектром прав. К числу таковых относится избирательное право. Иностранцы имеют право голосовать на муниципальных выборах, выдвигать свою кандидатуру. Это право иностранных граждан закреплено целым рядом федеральных законов и международных договоров.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «иностранные граждане, постоянно или преимущественно проживающие на территории муниципального образования, обладают при осуществлении местного самоуправления правами в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами» [2]. Также ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закреплено: «На основании международных договоров Российской Федерации и в порядке, установленном законом, иностранные граждане, постоянно проживающие на территории соответствующего муниципального образования, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях на указанных выборах, а также участвовать в местном референдуме на тех же условиях, что и граждане Российской Федерации» [3]. Следовательно, иностранцы могут избирать и быть избранными в органы местного самоуправления.

С одной стороны, это право позволяет иностранным гражданам, постоянно проживающим на территории данного муниципального образования (имеющим вид на жительство), реализовать свои избирательные права на муниципальных выборах и референдумах, проходящих на территории нашей страны. С другой стороны, оно ограничивает пассивное избирательное право граждан Российской Федерации.

В настоящее время при возросшей миграции населения, притоке рабочей силы и беженцев, а также с развитием контактов в мире бизнеса, науки и культуры в стране находится и оседает много людей, которые по различным причинам не приобретают гражданство государства пребывания. Данные группы не связывают свою судьбу с этим государством, поэтому надделение избирательными правами должно предшествовать получению гражданства.

Итак, в соответствии с п. 2 ст. 32 Конституции РФ: «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [1]. Следовательно, избирательным правом на территории Российской Федерации обладают только граждане. Только граждане должны составлять политическую основу конституционного строя государства.

В федеральных законах об избирательном праве иностранцев делается упор на международные договоры, в соответствии с которыми они могут голосовать и избираться. До недавнего времени вопрос о месте международного права в системе российского права был дискуссионным, но в связи с поправками в Конституцию от 1 июля 2020 г. в ст. 79 указано: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1].

Правом избирать и быть избранным на выборах любого уровня должны обладать только граждане Российской Федерации. Если говорить о гражданских правах, то это значит, что только граждане данного государства являются в нем единственным источником власти, только за ними закреплено право определять, кто будет распоряжаться судьбой страны. Данное право прямо закреплено в Конституции Российской Федерации.

А это значит, что следует подвергнуть рассмотрению вопрос об исключении положений об избирательных правах иностранных граждан из федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», т. к. предоставление избирательного права иностранным гражданам посягает на суверенитет нашего государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 40. — 06.10.2003. — Ст. 3822.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 24. — 17.06.2002. — Ст. 2253.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЯПОНИИ

П. К. Комиссарова, обучающийся

Е. Д. Торопова, обучающийся

*Научный руководитель А. И. Киселев, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В данной работе рассмотрен конституционный строй России и Японии. Опираясь на положения законодательства, мы пришли к выводу, что Конституционный суд объективно необходим в системе правовых отношений, установленных и охраняемых конституцией и другими конституционно-правовыми актами государств.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционный контроль, конституционность.

Курс «Конституционное право зарубежных стран» изучает деятельность органов, оценивающих конституционность нормативных правовых актов. Изучив конституционный контроль в разных странах, мы столкнулись с проблемой, что в мире нет единого органа, который бы осуществлял конституционный контроль. В одних государствах эту роль выполняют специальные конституционные суды, в других обязанности по проверке законов и иных нормативных актов берут на себя суды общей юрисдикции, парламент или даже МВД. Мы провели сравнительный анализ конституционного правосудия России и Японии.

В России органом конституционного правосудия является Конституционный суд РФ.

Конституционный суд Российской Федерации — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства [3].

Конституционное правосудие представляет собой деятельность судебных органов по осуществлению конституционного контроля путем обеспечения верховенства и прямого действия Конституции.

Конституционный суд, являясь органом правосудия, выносит решения, обязательные «на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» [3]. Они имеют общеобязательную юридическую силу, окончательны и не подлежат обжалованию.

Он независим в системе как высших органов государственной власти, так и высших судебных органов.

Цели Конституционного суда как самостоятельного направления государственной деятельности:

- обеспечение стабильности правовой основы государства;
- защита основ конституционного строя;
- защита конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Конституционный суд определяет направление развития законодательства, заполняет пробелы в Конституции РФ при ее официальном толковании.

Таким образом, исходя из функций, можно сказать, что деятельность Конституционного суда РФ является самостоятельной сферой в области правосудия, которая имеет свои цели и задачи. Конституционный контроль и конституционное правосудие являются взаимосвязанными понятиями. Однако стоит отметить, что конституционное правосудие есть высшая форма конституционного контроля.

В Японии конституционный контроль осуществляется обычными судами. Иск о неконституционности закона может быть подан в любой суд первой инстанции, затем дело может рассматриваться в других судах в соответствии с их иерархией.

Окончательное решение по вопросу о неконституционности закона, указа или административного акта принимает Верховный суд, который, согласно ст. 81 Конституции Японии, является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта [2].

Но стоит отметить, что вопрос о конституционности обсуждается и решается в качестве официального дела по заявлению о неконституционности, т. е. он не может рассматриваться в рамках какого-либо другого конкретного дела и не может быть как-либо с ним связан.

Таким образом, в Японии существует судебный конституционный контроль, хотя специального органа конституционного правосудия не создается.

Плюсом Верховного суда в данной сфере является его состав, ведь судьи Верховного суда — это высококвалифицированные специалисты в разных областях отраслей права, имеющие большую практику и опыт. Благодаря такому составу дело анализируется с разных сторон на основе состязательности, когда выслушиваются разные мнения.

Конституционное право по характеру отличается от иных отраслей публичного права. При рассмотрении дела о неконституционности нормативного акта суд выполняет не привычные для нас действия, как, например, при разрешении уголовных или гражданских дел, а проверяет его соответствие Конституции. Из этого следует, что от специалистов в данном вопросе требуется совсем иной подход. Поэтому, несмотря на наличие плюсов у конституционного контроля со стороны Верховного суда, мы выделили ряд минусов.

Верховный суд имеет тесную связь с практикой, т. к. рассматривает только дела, поступившие из практики, т. е. на соответствие Конституции проверяются только те нормы, которые уже применялись на практике, в связи с чем подвергались критике. С одной стороны, это является плюсом данного подхода. Но, с другой стороны, суды общей юрисдикции используют только последующий конституционный контроль. Это является минусом, поскольку спор о конституционности какого-либо акта рассматривается лишь после того, как этот акт вступил в силу. Тем временем Конституционный суд РФ разрешает дела о соответствии Конституции РФ не только действующих законов РФ, но и не вступивших в силу международных договоров РФ, а также в отношении

оспариваемых законодательных актов до их принятия, но до окончания процедуры их промульгации, т. е. осуществляет и предварительный конституционный контроль.

Так, Конституционный суд РФ издал Заключение от 16.03.2020 № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации [4]. В данном случае четко видна неотъемлемая роль Конституционного суда.

Существенным минусом для Верховного суда Японии является отсутствие абстрактного конституционного контроля. То есть осуществляется проверка конституционности законов только в процессе рассмотрения конституционных жалоб граждан о неконституционности нормы закона, или обращений судов при необходимости применения конкретного закона. Таким образом, Верховный суд Японии не дает официальное толкование тому или иному положению Конституции. А в Конституционном суде РФ наоборот — толкование Конституции является его основной функцией. Поэтому абстрактный конституционный контроль является несомненным плюсом Конституционного суда.

Помимо вышеизложенного, преимуществом Конституционного суда является и возможность непосредственного обращения в него физического или юридического лица по вопросу защиты прав человека. А также и тот факт, что в России Конституционный суд имеет право вносить проекты законов по вопросам его ведения.

В результате вышеизложенного мы пришли к выводу, что Конституционный суд объективно необходим и функции конституционного контроля нельзя возлагать ни на какой другой орган, наделенный другими полномочиями.

В целях совершенствования правового регулирования необходимо, чтобы в каждом государстве был такой орган, который бы осуществлял конституционное правосудие, при этом был наделён самостоятельностью и независимостью, как Конституционный суд Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 02.11.2020).
2. Конституция Японии (от 3 мая 1947 года) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rulit.me/books/konstituciya-yaponii-ot-3-maya-1947-goda-read-140169-1.html> (дата обращения: 02.11.2020).

3. О Конституционном суде Российской Федерации: ФЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (с изм. и дополнениями) // Справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/10101207/> (дата обращения: 02.11.2020).
4. Заключение Конституционного суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 02.11.2020).
5. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н. В. Витрук. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. — 592 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://b-ok.global/book/3129969/82e435> (дата обращения: 02.11.2020).
6. Чиркин В. Е. Суд и иные органы конституционного контроля: плюсы и минусы (субъективные заметки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 3. — Май–июнь // Справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/77770632/> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 341+342.7

ВОПРОСЫ ВЫПОЛНЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В СВЕТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 2020 ГОДА

Е. В. Кривошеев, юрист

Общество с ограниченной ответственностью «Орбита»,
г. Екатеринбург, Россия

Статья посвящена исследованию влияния поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года на выполнение и действие международных договоров. Особое внимание уделяется месту международных договоров в российской правовой системе. Анализируются последствия обновления положений ст. 79 Конституции России.

Ключевые слова: международный договор, Конституция, поправки, правовая система.

В современном мире для успешного развития Россия и другие государства вынуждены сотрудничать друг с другом по самым разным вопросам — экономическим, политическим, социальным, культурным и иным. Юридической основой такого сотрудничества выступают международные договоры Российской Федерации. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой

системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [1].

Вместе с тем в 2020 году в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, которые стали самыми масштабными за всю историю действия Конституции России со дня ее принятия. В частности, в новой редакции была изложена ст. 79 Конституции России, согласно которой «... Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1]. В связи с этим возникает неопределенность в вопросах выполнения условий международных договоров Российской Федерации и как они теперь будут действовать на территории России. В рамках данной статьи остановимся на этих вопросах подробнее.

Для того, чтобы понять, каким образом новеллы Конституции Российской Федерации 2020 года отразились на международных договорах, необходимо определить, какое место занимают международные договоры Российской Федерации в ее правовой системе.

Приоритет международных договоров Российской Федерации над российскими законами установлен, как уже ранее отмечалось, ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем есть определенные условия для того, чтобы международный договор действовал на территории России.

Во-первых, международные договоры Российской Федерации должны быть заключены в письменной форме, что следует из п. «а» ч. 1 ст. 2 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [2].

Во-вторых, международные договоры Российской Федерации должны быть официально опубликованы, как и федеральные законы о ратификации тех международных договоров, которые подпадают под действие ст. 15 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [2]. Необходимость официального опубликования предусмотрена и в Конституции России (ч. 3 ст. 15) [1].

В-третьих, Россия должна выразить согласие на обязательность для нее международного договора [3]. Формы такого согласия закреплены в ст. 6 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [2].

Однако далеко не все международные договоры в иерархии нормативных правовых актов занимают более высокое положение по отношению к российским законам. Данное обстоятельство обусловлено тем, что не все международные договоры Российской Федерации подлежат ратификации. Как отмечает Верховный суд Российской Федерации, приоритетом в применении в отношении российских законов обладает только тот международный договор, «согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона» [3]. Иные международные договоры (не требующие ратификации) «имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти или уполномоченной организацией,

заключившими данный договор» [3]. Из этого следует, что в случае возникновения противоречия между нормами российских законов и нормами международного договора Российской Федерации, который был подписан, принят, утвержден и т. д., но не ратифицирован (ввиду ненадобности данной процедуры), будут применяться нормы законов России, т. к. данный международный договор обладать приоритетом не будет.

В свете поправок к Конституции России, внесенных в нее в 2020 году, особый интерес вызывает один из международных договоров Российской Федерации — Конвенция о защите прав человека и основных свобод [4]. Данный международный договор был подписан Россией 28 февраля 1996 г., а вступил в силу после ратификации 5 мая 1998 г. Ратифицировав данную Конвенцию, Российская Федерация взяла на себя обязательство соблюдать права человека, а в случае, когда какое-либо из прав, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, было нарушено самой Россией, не препятствовать реализации права на обращение в Европейский суд по правам человека с индивидуальной жалобой.

Как известно, Европейский суд по правам человека является межгосударственным судебным органом. На обязательность постановлений Европейского суда по правам человека, принятых в отношении России, многократно указывал Верховный суд Российской Федерации. При этом данное требование распространяется на все органы государственной власти Российской Федерации, в т. ч. и судебные [3]. Однако с вступлением в силу новых поправок к Конституции России, в т. ч. обновленной редакции ст. 79, из данного правила, сформулированного Верховным судом Российской Федерации, теперь можно сделать исключение. В частности, если решение Европейского суда по правам человека будет противоречить Конституции Российской Федерации, оно не будет подлежать применению.

Указанная поправка к Конституции Российской Федерации была одной из самых обсуждаемых как в научном сообществе, так и среди политиков и государственных деятелей, представителей общественности. Многие из них усматривали прямое противоречие положений ст. 79 положениям ч. 4 ст. 15 Конституции России. Вместе с тем Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 частью российской правовой системы признает общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, но не решения межгосударственных органов. В дополнение, согласно ч. 1 ст. 15 Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу на территории России. В связи с этим никакие акты, в т. ч. международные, не могут обладать верховенством по отношению к Конституции. «Соревноваться» в приоритете в применении могут только международные договоры с законами и подзаконными нормативными правовыми актами Российской Федерации (и то, при выполнении указанных ранее условий — заключения в письменной форме, официального опубликования, выражения согласия на обязательность в установленной законом форме).

Представляется, что необходимость обновления положений ст. 79 Конституции Российской Федерации была вызвана тем, что некоторые решения

Европейского суда по правам человека стали иметь ярко выраженный политический контекст (например, «Дело Маркина»), а полномочие Конституционного суда Российской Федерации по разрешению вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, как отмечает К. М. Худoley, не является совсем корректным, т. к., «проверяя конституционность исполнения решения ЕСПЧ, Конституционный суд РФ неизбежно будет осуществлять толкование самого решения ЕСПЧ, а значит, и положений Конвенции 1950 г., в чем видится нарушение ст. 46 указанной Конвенции» [5, с. 97].

Таким образом, поправки к Конституции России 2020 года не затронули напрямую вопросы выполнения и действия международных договоров. Они по-прежнему являются частью ее правовой системы, обладают приоритетом в применении в отношении законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации. Обновленные конституционные нормы расставили точки над «i» в вопросе о том, какое место занимают решения межгосударственных органов в данной системе. Тем самым вновь Россия отстояла свой суверенитет и сохранила незыблемость основ конституционного строя.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. О международных договорах Российской Федерации: ФЗ РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (с изм. на 12.03.2014) // Российская газета. — 1995. — 21 июля.
3. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (с изм. на 05.03.2013) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. — 2003. — № 12.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров. — 2001. — № 3.
5. Худoley К. М. Конституционность решений ЕСПЧ и их исполнимость // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 2. — С. 93–101.

СЛУЖЕБНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д. И. Маллекер, курсант

Научный руководитель Е. А. Федяев, ст. преподаватель
Барнаульский юридический институт МВД России (БЮИ МВД России),
г. Барнаул, Россия

Рассмотрены отдельные вопросы правовой регламентации служебного удостоверения участкового уполномоченного полиции. Проанализированы нормы права, регулирующие несение службы участковым уполномоченным полиции. Подчеркнута необходимость совершенствования законодательных и ведомственных норм, регламентирующих порядок использования служебного удостоверения сотрудника полиции как гаранта его правового статуса.

Ключевые слова: модернизация законодательства, правовые коллизии, юридические расхождения, деятельность участкового уполномоченного полиции, служебное удостоверение сотрудника полиции.

Современная правовая регламентация деятельности полиции в последнее время претерпела ряд существенных изменений, направленных на перестроение регламентирующей деятельность полиции законодательства под современные реалии общества. Казалось бы, модернизация должна привести к улучшению текущего положения дел, однако на практике она обострила и ряд проблем, связанных с неоднозначностью толкования действующих правовых норм в практической плоскости.

Коллизии в законодательстве, направленном на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, недопустимы. Наличие подобных фактов существенно снижает эффективность деятельности правоохранительной системы, что выражается, во-первых, в дезорганизации и дезориентации сложившейся правоохранительной практики и разногласии её субъектов, во-вторых, в подавлении разумной инициативы самих сотрудников полиции и, в-третьих, в культивации правового нигилизма в обществе, облегчении задачи для криминальных субъектов уйти от ответственности.

Все коллизионные моменты в зависимости от места нахождения конфликтующих норм в иерархии нормативных правовых актов представляется возможным подразделить на три большие группы: 1) юридическое расхождение норм закона внутри одного нормативного правового акта; 2) юридическое расхождение норм закона в контексте рассмотрения нескольких нормативных правовых актов; 3) юридическое расхождение между нормами различных институтов права [1].

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности уже давно немислимы без института участковых уполномоченных полиции, эффективность которой напрямую зависит от правильности организации и чёткости правовой регламентации.

Успешное функционирование правоохранительных органов невозможно без прочно сформированной и юридически грамотно построенной законодательной базы. Безусловно, при разработке нормативного правового акта он проходит множество инстанций, неоднократно проверяется и вычитывается на предмет расхождения с действующим законодательством, а также на наличие словесных и грамматических ошибок. Однако, несмотря на тщательную процедуру проверки, не всегда получается избежать ошибок и противоречий, которые становятся заметны лишь в процессе последующей практической реализации.

С целью повышения качества и эффективности проводимой участковыми уполномоченными полиции работы в июле 2019 года был разработан и принят новый нормативный правовой акт: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее — Приказ № 205), заменивший собой действующий на протяжении практически 7 лет приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [3]. Приказ № 205 содержит «Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке» (далее — Инструкция) и «Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции» [2].

Главная цель, преследуемая в процессе модернизации законодателем, заключалась в чётком определении её функций, конкретизации служебных обязанностей и прав участкового уполномоченного полиции, а также снижении нагрузки на указанных сотрудников посредством уменьшения бумажного документооборота. Теперь же, спустя практически год после введения в действие Инструкции Приказом № 205, пришла пора проанализировать проблемы, связанные с её реализацией.

Так, например, Инструкция в пункте 13 содержит коллизию, касающуюся служебного удостоверения сотрудника полиции, выражающуюся в тезисе, что «участковый уполномоченный полиции несёт службу в форменной одежде с огнестрельным оружием с двумя снаряженными магазинами. При выполнении отдельных поручений... участковый уполномоченный полиции может нести службу без форменной одежды, при этом он обязан иметь при себе служебное удостоверение и специальный жетон с личным номером» (сокращено нами — *Д. М.*).

Получается, если толковать вышеуказанный пункт буквально, то при несении службы участковым уполномоченным полиции в форменном обмундировании наличие служебного удостоверения для него не является обязательным. Тогда возникает закономерный вопрос: является ли в таком случае форменная одежда гарантом прав сотрудника? Ведь, согласно ст. 16 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», форменная одежда предназначена для отражения принадлежности сотрудника к МВД России [5].

Юридическая неточность содержания п. 13 Инструкции представляет собой особый интерес и во взаимосвязи с ч. 4 ст. 10 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции»), согласно которой именно служебное удостоверение сотрудника полиции является гарантом его правового статуса, а именно «Служебное удостоверение сотрудника органов внутренних дел является документом, подтверждающим личность сотрудника, его принадлежность к федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальному органу или подразделению, должность и специальное звание сотрудника. Служебное удостоверение сотрудника органов внутренних дел подтверждает его право на ношение и хранение огнестрельного оружия и (или) специальных средств, иные права и полномочия, предоставленные сотруднику законодательством Российской Федерации» [4].

Кроме того, если сотрудник полиции обращается к гражданину, то, согласно п. 1 ч. 4 ст. 5 ФЗ «О полиции», сотрудник обязан назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить на обозрение по требованию гражданина своё служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения. Однако при несении службы в форменном обмундировании, как это подразумевается из буквального толкования п. 13 Инструкции, сотрудник имеет право находиться без своего служебного удостоверения, ввиду чего вышеперечисленные действия не представляются возможными для исполнения.

Безусловно, на практике всё складывается и функционирует, исходя из сложившегося правоприменительного опыта. Однако это вовсе не означает, что подобного рода правовые неточности можно вовсе игнорировать. Оптимизация законодательства первоначально должна быть направлена на устранение противоречий в нём, упрощение процедуры его применения, а также способствовать выработке единой практики его реализации. Модернизация законодательства под современные тенденции развития социума — процесс закономерный и необходимый, как и последующая его корректировка. Именно поэтому для решения выявленных пробелов мы предлагаем следующее:

— п. 13 Инструкции Приказа № 205 изложить в следующей редакции: «Участковый уполномоченный полиции несёт службу в форменной одежде с огнестрельным оружием с двумя снаряженными магазинами. При выполнении отдельных поручений по указанию начальника территориального органа либо его заместителя — начальника полиции или заместителя начальника полиции (по охране общественного порядка) участковый уполномоченный полиции может нести службу без форменной одежды. Во всех случаях исполнения служебных обязанностей участковый уполномоченный полиции должен иметь при себе служебное удостоверение».

Список литературы

1. Артемова С. Ю. Классификация юридических коллизий иерархического вида // «Legal Concept». — 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-yuridicheskikh-kolliziy-ierarhicheskogo-vida (дата обращения: 21.10.2020).
2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»): приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328491 (дата обращения: 21.10.2020).
 3. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 (ред. от 08.09.2016). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144038 (дата обращения: 21.10.2020). В настоящее время документ утратил силу.
 4. О полиции: ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 21.10.2020).
 5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329 (дата обращения: 21.10.2020).

УДК 342.5 (476+4)

ДИСТАНЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Д. Г. Нилов, ст. преподаватель

Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации,
г. Гомель, Республика Беларусь

Проведен сравнительный анализ законодательства ряда постсоветских государств по вопросу регламентации дистанционных форм работы государственных органов с обращениями граждан и юридических лиц: «прямые телефонные линии», «горячие линии», обращения, поданные посредством телерадиопрограмм в прямом эфире или службы телефонного обращения, а также видеобращения.

Ключевые слова: обращения граждан и юридических лиц, «прямые телефонные линии», «горячие линии».

С развитием информационных технологий и современных средств связи все большее количество обращений от граждан и юридических лиц поступает в государственные органы посредством информационно-коммуникационных технологий и телефонных средств связи. Особую актуальность дистанционные формы работы с обращениями приобретают в настоящее время в связи с пандемией коронавируса COVID-19.

В Республике Беларусь основными дистанционными формами работы с обращениями граждан и юридических лиц являются «прямые телефонные линии» и «горячие линии». Правовое регулирование проведения «прямых телефонных линий» и «горячих линий» осуществляется Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 июля 2012 г. № 667 «О некоторых вопросах работы с обращениями граждан и юридических лиц» (далее — Постановление № 667) [1].

«Горячая линия» предназначена для обращения в организацию по вопросам справочно-консультационного характера, связанным с ее деятельностью (подп. 1.1 п. 1 Постановления № 667).

Согласно ч. 2 подп. 1.2 п. 1 Постановления № 667, порядок проведения «горячей линии» и работы с обращениями, поступающими в ходе ее проведения, устанавливается руководителем организации. Обращения, поступившие в ходе «горячей линии», не подлежат регистрации.

Следовательно, «горячие линии» позволяют значительно упростить процесс получения гражданами и юридическими лицами соответствующей справочно-консультационной информации, связанной с деятельностью организации, проводящей «горячую» линию.

Более детально регламентирован в Постановлении № 667 порядок работы с обращениями, поступившими при проведении «прямых телефонных линий».

В силу ч. 3 подп. 1.1 п. 1 Постановления № 667, во время проведения «прямой телефонной линии» граждане и юридические лица обращаются в организацию по вопросам, входящим в ее компетенцию, либо по заранее планируемой теме, обусловленной ее актуальностью.

Порядок рассмотрения устных обращений, поступивших в ходе проведения «прямых телефонных линий», регламентируется подп. 1.3–1.9 п. 1 Постановления № 667. В целом он схож с порядком работы с устными обращениями, изложенными в ходе личного приема, который урегулирован в ст. 6 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее — Закон) [2]. В частности:

— заявитель должен сообщить свою фамилию, имя, отчество (при его наличии), а также изложить суть обращения (ч. 1 подп. 1.6 п. 1 Постановления № 667);

— по решению руководителя организации могут применяться технические средства (в частности, аудиозапись) с уведомлением об этом заявителей (ч. 1 подп. 1.5 п. 1 Постановления № 667);

— ответы на поставленные в обращении вопросы, входящие в компетенцию организации, проводящей «прямую телефонную линию», даются в ходе «прямой телефонной линии» (ч. 1 подп. 1.7 п. 1 Постановления № 667);

— в случае, если обращение либо отдельные поставленные в нем вопросы, поступившие в ходе «прямой телефонной линии» (как и при проведении личного приема), не относятся к компетенции организации, гражданину и юридическому лицу разъясняется, в какую организацию им необходимо обратиться (ч. 1 подп. 1.8 п. 1 Постановления № 667) и т. д.

Вместе с тем порядок рассмотрения устных обращений, поступивших в ходе проведения «прямых телефонных линий», имеет ряд отличий по сравнению с порядком рассмотрения устных обращений, изложенных в ходе личного приема.

Во-первых, отличается периодичность проведения личного приема и «прямых телефонных линий». Личный прием, согласно п. 3 ст. 6 Закона, должен проводиться не реже одного раза в месяц в установленные дни и часы. «Прямая телефонная линия», в соответствии с подп. 1.3 п. 1 Постановления № 667, проводится руководителями республиканских органов государственного управления и местных исполнительных и распорядительных органов и (или) их заместителями по графику каждую субботу с 9:00 до 12:00. Иными руководителями организаций — не реже одного раза в квартал.

Во-вторых, неодинаковы требования к установлению подлинности личности заявителя и отказа заявителя сообщить о себе соответствующие сведения.

Так, в силу п. 1 ст. 6 Закона, при устном обращении граждане, их представители, представители юридических лиц должны предъявить документ, удостоверяющий личность. Представители заявителей должны предъявить также документы, подтверждающие их полномочия. В противном случае устные обращения могут быть оставлены без рассмотрения по существу (абз. 2 п. 2 ст. 15 Закона).

При обращении на «прямую телефонную линию» гражданин должен сообщить свою фамилию, собственное имя, отчество (при его наличии), данные о месте жительства и (или) работы (учебы), а представитель юридического лица — фамилию, собственное имя, отчество (при его наличии), наименование представляемого им юридического лица и его юридический адрес, изложить суть обращения. При отказе лица, обратившегося на «прямую телефонную линию», огласить указанные сведения ему сообщается, что обращение анонимное, и ответ на такое обращение не дается, за исключением случаев, когда оно содержит сведения о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении (подп. 1.6 п. 1 Постановления № 667).

Существуют и иные отличия: например, по основаниям оставления обращений без рассмотрения по существу (подп. 1.91 п. 1 Постановления № 667, п. 2 ст. 15 Закона) и др.

В отличие от Республики Беларусь, в законодательстве ряда постсоветских государств порядок рассмотрения устных обращений, поступивших посредством телефонной связи и иными подобными способами, регламентируется на уровне законов.

Так, согласно ст. 12 Закона Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1339 «Об обращениях физических и юридических лиц»:

1) обращения, представляемые посредством телефонной (мобильной) связи в соответствующие органы и организации, рассматриваются в порядке, установленном этим законом;

2) при обращениях посредством телефонной (мобильной) связи должны быть изложены суть обращения, фамилия, имя и отчество заявителя, адрес его места жительства, адрес месторасположения юридического лица, номер телефона (мобильного телефона), адрес электронной почты;

3) должностное или уполномоченное лицо, принявшее телефонное (мобильное) обращение, составляет отдельный документ в форме карточки принятия телефонного (мобильного) обращения, где излагаются суть обращения, имя, фамилия, отчество заявителя, его почтовый адрес, адрес места расположения юридического лица, номер телефона (мобильного), адрес электронной почты и заверяет его своей подписью [3].

В ст. 15 Закона Азербайджанской Республики от 30 сентября 2015 г. «Об обращении граждан» закреплены особенности устных обращений, поданных посредством телерадиопрограмм в прямом эфире или службы телефонного обращения. В частности, указано, что если возможно дать разъяснение без дополнительного расследования по устному обращению, сделанному посредством телерадиопрограммы в прямом эфире, представитель субъекта, рассматривающего обращение, участвующий в указанной программе, вправе дать ответ на обращение в прямом эфире без осуществления регистрации. Если невозможно сразу дать ответ на обращение, сделанное гражданами во время телерадиопрограммы в прямом эфире, прием, регистрация и рассмотрение обращения осуществляется в порядке, предусмотренном для приема и рассмотрения письменных обращений. В свою очередь, подача, прием, регистрация обращения и предоставление ответа посредством службы телефонного обращения осуществляется в порядке, установленном соответствующим органом исполнительной власти, с учетом требований указанного закона [4].

Наиболее прогрессивным в этом плане представляется законодательство Республики Казахстан. Так, в Законе Республики Казахстан от 12 января 2007 г. № 221-III ЗРК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» (далее — Закон о порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц) закреплены такие дистанционные формы работы с обращениями, как видеоконференцсвязь и онлайн-приемы.

В соответствии с подп. 1.1 ст. 1 Закона о порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц видеоконференцсвязь — услуга связи с использованием информационно-коммуникационных технологий для интерактивного взаимодействия нескольких удаленных абонентов в режиме реального времени с возможностью обмена аудио- и видеoinформацией. В силу подп. 1.2, видеобращение направлено субъекту, рассматривающему обращение, или должностному лицу индивидуальное или коллективное предложение, заявление, жалобу, запрос или отклик в видеоформате, осуществляется государственной корпорацией «Правительство для граждан». Согласно подп. 3.1 указанной статьи, онлайн-прием — действие субъекта, должностного лица по принятию обращения физических и (или) юридических лиц посредством видеоконференцсвязи, осуществляемое государственной корпорацией «Правительство для граждан».

Требования, предъявляемые к видеобращению и видеоконференцсвязи, закреплены в ст. 6 Закона о порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц.

Таким образом, анализ отечественного законодательства, а также законодательства постсоветских стран об обращениях граждан и юридических лиц позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, четко прослеживается тенденция расширения способов подачи обращений посредством телефонных средств связи и информационно-коммуникационных технологий, т. е. в дистанционном формате;

во-вторых, в отличие от законодательства Республики Беларусь, где указанные формы работы регламентируются на уровне постановления Правительства Республики Беларусь, в других постсоветских странах они нашли свое закрепление на уровне соответствующих законов, что представляется более обоснованным с точки зрения реализации гражданами и юридическими лицами своего права на обращение.

Список литературы

1. О некоторых вопросах работы с обращениями граждан и юридических лиц: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 июля 2012 г. № 667. — URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=c21200667> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-3 (ред. от 17.07.2020). — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N11100300> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Об обращениях физических и юридических лиц: Закон Респ. Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1339. — URL: <https://www.consular.tj/zakon-ob-obrashenyahgrazhdan.html> (дата обращения: 10.11.2020).
4. Об обращении граждан: Закон Азербайджанской Республики от 30 сентября 2015 г. — URL: <http://www.dqdk.gov.az/ru/view/pages/304/> (дата обращения: 10.11.2020).
5. О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц: Закон Респ. Казахстан от 12 января 2007 г. № 221-III ЗПК. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30086115#pos=4;-104 (дата обращения: 10.11.2020).

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

К. Ю. Новоселов, курсант

Научный руководитель Е. А. Федяев, ст. преподаватель
Барнаульский юридический институт МВД России (БЮИ МВД России),
г. Барнаул, Россия

Проведен анализ административной ответственности за нарушение избирательных прав граждан, дана сравнительная характеристика таких понятий, как воспрепятствование и вмешательство, рассмотрены нормы права, регулирующие ответственность в данной сфере.

Ключевые слова: избирательные права граждан, административная ответственность, воспрепятствование, вмешательство.

Одним из основополагающих принципов в системе международных избирательных стандартов и внутригосударственных законодательных актов о выборах является принцип всеобщего избирательного права. Он предусмотрен во всех международных документах, затрагивающих избирательные права граждан, и считается одной из четырех основных характеристик избирательного права, составляющих систему его общепризнанных принципов.

Граждане Российской Федерации участвуют в выборах на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Тайное голосование означает, что исключается возможность какого-либо контроля за волеизъявлением избирателей. Избирателю предоставляется возможность использовать закрытую кабину или особую комнату для заполнения избирательного бюллетеня. Присутствие в данных помещениях кого-либо кроме избирателя категорически запрещено, включая и членов избирательной комиссии. Бюллетень опускается в избирательный ящик лично, и никто не имеет права оказывать давление на решение избирателя [3]. В связи с этим особую актуальность имеют составы административных правонарушений главы 5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1]. Данная глава посвящена административным правонарушениям, посягающим на права граждан.

При нарушении избирательных прав граждан возникают проблемы квалификации преступлений и правонарушений. В исследуемой сфере, как правило, оперируют двумя понятиями:

1) воспрепятствование (создание препятствий кому-либо с целью недоведения дела до логического завершения [6]) осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (что является уголовно наказуемым деянием на основании ст. 141 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2];

2) вмешательство в осуществление избирательной комиссией полномочий, установленных законодательством о выборах, либо создание помех участию избирателей (что является административным правонарушением согласно

ст. 5.69 КоАП РФ). При этом термин «вмешательство» необходимо понимать как участие в каком-либо деле с целью изменения его хода [7].

В теории вроде бы все просто, но на практике определить субъективную сторону административного правонарушения достаточно трудно. Ведь необходимо доказать, что деяния лица имели целью изменить ход выборов, а не прекратить их. Обращаясь к судебной практике, мы видим, что за последние три года вынесено всего лишь одно обвинительное постановление по ст. 5.69 КоАП РФ [4]. За данное правонарушение был назначен штраф в размере 2 тыс. руб., что, по нашему мнению, не является серьезным фактором предупреждения совершения административных правонарушений в дальнейшем. В связи с этим предлагаем ввести уголовную ответственность за повторное совершение правонарушения, предусмотренного ст. 5.69 КоАП РФ.

Анализ постановления мирового судьи Красноармейского района от 20 января 2017 г. по делу № 5–74/2017, на основании которого производство по делу было прекращено за отсутствием в действиях Крылова В. Д. состава правонарушения, позволяет сделать вывод, что если бы конкретные действия гражданина в качестве признаков правонарушения были закреплены в статье, то судья вынес бы обвинительное постановление, т. к. действия Крылова В. Д. выразились в воспрепятствовании опечатыванию мешков с избирательными бюллетенями, что является нарушением порядка проведения выборов и посягает на избирательные права граждан [5].

Для решения данной проблемы предлагаем внести изменения в КоАП РФ и указать в диспозиции статьи конкретные деяния лица, осуществляющего вмешательство, а именно:

- 1) ведение агитации на избирательном участке за какого-либо из кандидатов;
- 2) воспрепятствование опечатыванию тары для хранения избирательных бюллетеней.

Анализ правоприменительной практики показывает, что данные деяния являются наиболее распространенными на избирательных участках, поэтому закрепление в ст. 5.69 КоАП РФ указанных действий исключит проблемные вопросы квалификации. Помимо этого, предлагаем ввести уголовную ответственность за повторное совершение данного деяния. Такие меры, по нашему мнению, позволят значительно снизить количество правонарушений на избирательных участках.

В основном, вмешательство — это способ политических партий и общественных организаций изменить ход выборов в их пользу. Граждане, непосредственно осуществляющие вмешательство в выборы, действуют, в большинстве случаев, в интересах какой-либо одной партии. Именно поэтому предлагаем ввести административную ответственность за вмешательство в работу избирательной комиссии и создание помех участию избирателей для юридических лиц, которые представляют политические партии и общественные объединения.

Помимо этого, предлагаем ужесточить санкцию по ст. 5.69 КоАП РФ для физических и должностных лиц: ввести такую меру наказания, как административный арест, т. к. данное правонарушение посягает на права граждан, что несет повышенную общественную опасность.

Подводя итог, следует сказать, что избирательное право является одним из основных конституционных прав граждан и должно надлежащим образом защищаться законом: предлагаемые изменения необходимы для упрощения квалификации правонарушений по ст. 5.69 КоАП РФ и позволят снизить количество правонарушений по данной статье из-за ужесточения санкций и введения ответственности для юридических лиц.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020).
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ.
4. Постановление мирового судьи Королевского района от 28 октября 2016 г. по делу № 5-469/2016.
5. Постановление мирового судьи Красноармейского района от 20 января 2017 г. по делу № 5-74/2017.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. — Москва: Рус. яз., 2000. — Т. 1: П—Я. — 1088 с.
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. — Москва: Дом Славянской кн., 2008. — 959 с.

УДК 342.7

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н. С. Панков, обучающийся

*Научный руководитель С. А. Сусликов, канд. юрид. наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия*

Проведена сравнительная характеристика основных особенностей конституционно-правового статуса человека и гражданина в России и в зарубежных странах на примере Германии, Японии и США.

Ключевые слова: конституционное право, конституционно-правовой статус личности, конституционно-правовые принципы, конституционные права и свободы.

Одним из наиболее важных составляющих конституционного строя любого государства по праву можно считать конституционно-правовой статус человека и гражданина. Большое значение этого элемента обусловлено характером

взаимодействия личности не только с обществом, но и с государством в целом, регламентируя их взаимные права и обязанности.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина, включающий в себя основные права, свободы и обязанности, в России охраняется и гарантируется высшим законодательным актом — Конституцией Российской Федерации. Существует целый ряд принципов, лежащих в основе конституционно-правового статуса личности, однако, на наш взгляд, можно выделить два наиболее значимых: принцип неотчуждаемости прав и свобод человека и гражданина (за основу взято то, что некоторые права принадлежат человеку именно с момента его рождения, а не «даруются» государством, соответственно они не могут быть отчуждены каким-либо образом) и принцип равноправия граждан (в обществе обеспечивается своеобразный баланс, юридическое равенство всех перед законодательством).

В нашей стране конституционно-правовой статус личности расположился во главе, в основе всей современной правовой системы. Права и свободы человека и гражданина непременно признаются высшей общественной ценностью, они имеют высшую юридическую силу, в связи с чем с полной уверенностью можно утверждать, что они находятся под особой охраной государства [1, 5].

Однако в Конституции Российской Федерации содержатся лишь общие понятия, которые только частично раскрывают саму суть конституционно-правового статуса личности и его основные принципы. Исходя из этого, конституционно-правовой статус человека и гражданина в России основывается как на нормах самой Конституции РФ, так и на отдельных законодательных актах различных отраслей права — Уголовного кодекса, Гражданского кодекса, Трудового кодекса и многих других.

Рассматривая конституционное законодательство европейских стран, наиболее яркое впечатление обилием уникальных специфик производит Конституция Федеративной Республики Германия. Наряду с интересными особенностями она обладает целым рядом присущих многим другим странам Европы чертами и признаками, поэтому становится возможным рассматривать именно её «от имени» всего Европейского союза.

Прежде всего, положения Конституции ФРГ позволяют чётко выделить и отделить друг от друга такие два понятия, как «основные права» и «конституционные права». Первые закрепляются в самом первом разделе Конституции Германии, который носит одноимённое название. Вторые же, к которым относятся избирательное право (как активное, так и пассивное) и право на равный доступ ко всякой должности, закрепляются в других её частях и не отнесены к основным, несмотря на то, что по своей сущности они являются конституционными.

Не менее важной отличительной чертой регулирования конституционно-правового статуса личности по праву можно считать тот факт, что в правовом поле признаются только те права и свободы, на которые прямо указано в тексте самой германской конституции. Следовательно, прочее законодательство может лишь в ссылочном порядке обращаться к высшему законодательному акту, когда речь идёт о гарантии конституционно-правового статуса человека и гражданина.

Проводя параллель между конституциями Германии и России [2], можно отыскать множество важных принципов и признаков конституционно-правового статуса личности, которые закрепляются одновременно в этих обоих документах. Так, можно выделить принцип равноправия граждан, подразумевающий, как было сказано ранее, юридическое равенство всех перед законом, что позволяет поддерживать в обществе своего рода баланс.

Важнейшее, первоочередное место в Основном законе Федеративной Республики Германия занимают личные права. К числу таковых относятся право на жизнь, свободу вероисповедания и выражения взглядов, свободу передвижения и многое другое. Наряду с личными правами не менее важное значение имеют права политические, представленные правами на свободу слова и свободу собраний (при условии, что они проходят мирно и без применения оружия, т. е. не представляют никакой общественной опасность).

Помимо этого, стоит отметить и закрепление на конституционном уровне таких прав, как культурные, экономические и социальные, ведь они также если не лежат в основе, то частично формируют конституционно-правовой статус человека и гражданина. Наиболее яркими примерами служат право на свободный выбор профессии, рода собственной деятельности, а совместно с этим правом и запрет принудительного труда, а также право собственности и сопряженное с ним право наследования.

Обращаясь к конституциям стран Азии [3], на наш взгляд, подробнее стоит остановиться на высшем законодательном акте Японии — страны с интересной многовековой правовой историей. В этом нормативно-правовом акте в рамках регулирования института конституционно-правового статуса человека и гражданина наиболее значимое место занимает принцип уважения человеческой личности, который напрямую перекликается с уже описанным принципом равенства, служащим всё для того же поддержания общественного баланса. Принцип уважения человеческой личности наряду с провозглашением равенства каждого перед законом запрещает дискриминацию по какому-либо признаку, будь то определённые религиозные и политические убеждения или экономическое состояние человека.

В японской конституции аналогия с российским и немецким законодательством прослеживается и в части деления прав и свобод на несколько основополагающих групп: личные права, политические права, социальные, экономические и культурные права. Основной закон государства гарантирует и чутко охраняет все стороны личных конституционных прав, к которым следует относить право на неприкосновенность личной (частной) жизни, право на жизнь, раскрывая понятие которого можно упомянуть о праве на здоровую окружающую среду и общественную безопасность. Эти элементы права на жизнь напрямую в конституции не упоминаются, однако имеют свое закрепление в прочих законодательных актах. Говоря о праве на жизнь, нельзя не упомянуть о том, что на территории Японии допускается смертная казнь по некоторым видам особо тяжких преступлений: госизмена и намеренное лишение жизни другого человека (убийство). Такая ситуация в корне противоречит Конституции Германии, в одной из статей которой говорится о её полном запрете. Конституцией России

смертная казнь допускается и напрямую регулируется соответствующим федеральным законодательством (УК РФ), однако уже более 20 лет на смертную казнь по любым видам преступлений наложен мораторий, так что подобный вид наказания заменяется лишением свободы.

Среди политических прав и свобод, закреплённых в Конституции Японии, особое внимание стоит обратить на свободу слова и печати, свободу любых объединений и собраний, не создающих угрозу общественной безопасности. Подобные положения мы уже наблюдали в рамках рассмотрения конституций Российской Федерации и Германии, соответственно, в этом проявляется их небольшая схожесть. В рамках социальных, экономических и культурных прав Япония провозглашает конституционным право на труд и запрет на принудительное его использование, а также право частной собственности. Как и в ряде других современных государств, в Японии допускается создание профессиональных союзов, ориентированных на защиту прав и свобод трудящихся.

Для полноты исследования следует рассмотреть ещё один «вид» конституций, в которых закреплены руководящие начала конституционно-правового статуса личности, — высший законодательный акт стран Америки. Без сомнения, ярчайшим примером может послужить Основной закон Соединённых Штатов Америки — одного из самых крупных государств мира [4]. В приведённом примере институт конституционно-правового статуса человека и гражданина базируется на двух принципах: принципе неприкосновенности личности и принципе равноправия граждан, которые имеют своё закрепление во всех конституциях, рассмотренных ранее.

Однако стоит учитывать тот факт, что, помимо самой Конституции США, правовой статус человека и гражданина гарантируется и охраняется прочим законодательством разного уровня — от всеобщих федеральных законов до локальных нормативно-правовых актов, принятых в отдельно взятых штатах (в т. ч. и в их конституциях). Подобные положения противоречат Конституции Германии, в которой основные права и свободы могут закрепляться только в высшем законодательном акте страны.

Политические и гражданские права и свободы занимают одно из ключевых мест в Конституции Соединённых Штатов Америки. Гарантируется, конечно же, всё та же свобода слова и печати, свобода вероисповедания и право на мирные объединения и собрания, не представляющие угрозы общественной безопасности. Наравне с этими правами законодательство разного уровня провозглашает человека как личность, его права и свободы высшей общественной ценностью, гарантирует их и стремится к их полной и безоговорочной защите. Свобода совести, неприкосновенность жилища и личного имущества, право на проведение публичного суда с участием присяжных заседателей, а также право на «свидетельский иммунитет» (то есть возможность не свидетельствовать в отношении себя) — это лишь малая часть элементов конституционно-правового статуса личности, которые закрепляются в Конституции США и в законах штатов.

Подводя итог нашему исследованию, можно прийти к выводу, что конституционно-правовой статус человека и гражданина, а вместе с ним и его

структурные элементы — права, свободы и обязанности — занимают первостепенное, ключевое положение в конституциях совершенно разных по своему историческому и правовому развитию стран. Такая значимость обусловлена тем, что именно объем конституционных прав и свобод является основным отличительным признаком, показателем уровня демократичности законодательства всего государства в целом. Закрепление конституционно-правового статуса личности в основном законе страны по праву можно считать важнейшим элементом продуктивного функционирования государственной власти.

Список литературы

1. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юристъ, 2001. — 622 с.
2. Конституции зарубежных государств: учебное пособие / Сост. проф. В. В. Маклаков. — 2-е изд., исправ. и доп. — Москва: Изд-во БЕК. — 584 с.
3. Конституции государств Азии. В 3 т. Т. 3: Дальний Восток / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. — Москва: Норма, 2010. — 1040 с.
4. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Сост. В. И. Лафитский. — Москва: Прогресс-Универс, 1993. — 768 с.
5. Авакьян С. А. Организация государственной власти в России и зарубежных странах: учебно-методический комплекс. — Москва: Юстицинформ, 2014. — 692 с.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ — ВНЕПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАТЕГОРИИ «КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» РОССИИ

Т. И. Ряховская, канд. юрид. наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

В статье предпринимается попытка осмысления терминологического оборота «конституционная идентичность» государства, включающем, по мнению автора, как правовые, так и внеправовые компоненты: конституционная психология становится внеправовым отражением конституционной действительности, а значит, и элементом конституционной идентичности, сохранение которой сегодня приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: конституционная идентичность, конституционная правовая культура, конституция, конституционная психология.

Усиление международного сотрудничества в различных сферах, а вместе с ним и курса универсализации основных законов особо актуализирует вопрос о конституционной идентичности России. Полагаем, в связи с указанным и внесены поправки в действующую Конституцию РФ, где в ст. 79 уточняется

невозможность исполнения решений наднациональных органов в случае их противоречия ей.

Цель представленного исследования — уточнение элементов конституционной идентичности. Причем заострить внимание планируется на конституционной психологии как ее внеправовом элементе.

Представляется, что конституционная идентичность — явление, которое вбирает в себя принципиальные особенности государства, складывающиеся из правовых составляющих: преемственность формы законодательства; норм, включающих особое содержание конституционно-правовых положений; конституционных реставраций. И внеправовых: связанных с ценностными ориентирами, принятыми в конкретном государстве, к таковым возможно отнести конституционные традиции, порождающие особое отношение народа к конституционно-правовым нормам, транслирующееся через конституционную психологию.

Последнее — не часто встречающееся направление исследований. Однако, по идее, это и является тем фактором, который определяет ключевые различия между государствами.

Рассматривать терминологическое сочетание «конституционная психология» в отрыве от государственной традиции, правовой культуры, конституционной правовой культуры, конституционного правового сознания не представляется возможным ввиду их тесной взаимосвязи.

К тому же традиции устанавливаются через опыт и могут приобретать нормативный характер, выражаясь в различных формах права, определяя тем самым национальную и конституционную специфику.

Наиболее яркие примеры проявления государственно-правовой традиции России выделяет А. А. Дорская [3]: 1) своеобразное отношение к главе государства; 2) дифференциация между юридической и фактической конституциями; 3) начальствование государства над частными институтами; 4) дуализм государственно-правовых институтов; к этому добавим: 5) реставрацию некоторых государственно-правовых институтов; 6) тенденцию универсализации конституционно-правовых норм, приводящую к стиранию национальной специфики государств, связанную с углублением взаимодействия международного и внутригосударственного права.

В то же время люди воспринимают и отражают окружающий мир, обосновывая существование различных форм общественного сознания. Однако не все нормы, а лишь правовые становятся регуляторами правового поведения. Следовательно, в сфере общественного сознания для правовой доктрины наибольший интерес представляет правовое сознание (правосознание) как нечто, возникающее в рамках правовой деятельности.

Ввиду того, что именно «Основной Закон Российской Федерации стал интегративным юридическим выражением важнейших политических ценностей, олицетворяющих новое и исторически преемственное государство, таких как обеспечение прав и свобод человека, демократическое федеративное правовое государство, разделение властей, парламентаризм и т. д., — как отмечает В. Д. Зорькин, — значит, представляется уместным говорить о влиянии уровня

конституционно-правовой культуры на формирование конституционной идентичности» [4].

К тому же полагаем, что, если существует конституционно-правовая культура, то может быть выделено и конституционное правосознание, включающее в себя такие компоненты, как конституционная идеология и конституционная психология. Последняя категория, по нашему мнению, имеет наиболее близкую связь с конституционной идентичностью.

Хотя и некоторые ученые, например Г. Н. Андреева, считают, что «речь идет о некоем ответвлении социальной психологии, которое нацелено на исследование психологии участников конституционно-правовых отношений. Специалисты по конституционному праву должны ставить вопросы, ответы на которые должны давать социальные психологи» [1]. Считаем, едва ли социальные психологи, не имея специального знания в сфере юриспруденции, смогут дать ответы на поставленные государоведами вопросы.

Подход Е. С. Аничкина и Д. В. Каширского, которые пишут, что «конституционная психология — часть правовой психологии, которая изучает отклик в сознании народа конституции как социокультурного феномена, — весьма близок и нам». Ученые выделяют две нераздельно связанные формы конституционной психологии: 1) отрасль научного психологического знания; 2) феномен культуры, проявляющийся на уровне индивидуальной психики личности [2]. То есть в этом контексте процессы внутреннего, личного освоения конституционной действительности у субъектов, строящиеся и создающиеся правовые установки, привычки, иные формы стереотипного поведения, позволяющие им реагировать на определенную правовую ситуацию [5], сопряженные с реакцией на конституционно-правовые нормы, и являются конституционной психологией.

Напрашивается вывод: конституционная психология тесно переплетена с конституционно-правовой традицией, под воздействием которой и происходит зарождение и развитие отношения к конституционной действительности. Именно особенностями конституционно-правовых традиций, отраженных в Основном Законе, в системе возникающих и сформировавшихся правоотношений определяется ключевое различие — конституционная идентичность каждого отдельного государства.

Список литературы

1. Andreeva G. New direction of researches: constitutional psychology or constitutional and legal psychology? (Новое направление исследований: конституционная психология или конституционно-правовая психология?)// International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences Conference Proceedings. Spain, Madrid: Scientific public organization «Professional science». — 2017. — С. 266–272.
2. Аничкин Е. С., Каширский Д. В. Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры// Электронный журнал «Психология и право»: www.psyandlaw.ru. — 2019. — Том 9. — № 2. — С. 130–140.

3. Дорская А. А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния: монография. — Санкт-Петербург: Астерион, 2016. — 246 с.
4. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки/ В. Д. Зорькин. — Москва: Норма, 2007. — 400с.
5. Червонюк В. И. Конституция и конституционное правосознание// Вестник Московского университета МВД России. — 2008. — № 10. — С.166–169.

УДК 342.8

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ

Г. В. Сизых, обучающийся

*Научный руководитель Я. А. Коновальчиков, ст. преподаватель
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия*

В данной статье проанализирован правовой статус наблюдателей с целью выявления проблем, которые не позволяют в полной мере обеспечивать прозрачность выборов.

Ключевые слова: выборы, наблюдатели, гражданское общество.

Главным назначением института наблюдателей является контроль за честотой проводимых выборов, а честные выборы повышают общий уровень легитимности власти среди избирателей. Так, чем больше людей участвуют в выборах в качестве наблюдателей, тем больше вероятность развития активно-гражданского общества в стране. В России с 2011 года идет активное развитие общественных организаций, главной целью которых является обеспечение общественного наблюдения на выборах («Голос», «Гражданин наблюдатель» и другие). Но, с другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что доверие граждан к государственным органам власти снижается [5].

В Российской Федерации наблюдателями становятся обычные люди, которые не разбираются в тонкостях сложного избирательного законодательства, поэтому члены избирательных комиссий не боятся того, что их привлекут к ответственности за совершение правонарушений. Ведь зачастую свидетелями нарушений избирательного законодательства являются непосредственно наблюдатели, которые не осознают, какие действия необходимо предпринять в такой момент. Их правовой неграмотностью пользуются члены избирательной комиссии, оказывая различное давление на них. Хотя наблюдатели могут обратиться к председателю избирательной комиссии с требованием пресечь нарушение, составить жалобу или акт о допущенном нарушении, направив их в вышестоящую избирательную комиссию, если реакции со стороны избирательной комиссии не последует, или обратиться в суд [7].

Но эти полномочия наблюдателя являются малоэффективными, поскольку его акт не может непосредственно воздействовать на избирательную комиссию.

Ведь избирательная комиссия самостоятельно принимает решение о том, какие действия необходимо совершить в данной сложившейся ситуации. Кроме того, он [наблюдатель] не может обратиться в суд с требованием об отмене результатов выборов, потому что данные нарушения не затрагивают его права и свободы и не влияют на волеизъявление избирателей, а следовательно, он не имеет права на подачу такого иска согласно постановлению Пленума Верховного суда № 5 от 31 марта 2011 года [2].

Так, например, в 2019 году в Приволжском районном суде г. Казани было рассмотрено дело по совместному иску наблюдателя Р. Х. Низамовой и кандидата в депутаты Государственного Совета Республики Татарстан С. Н. Виноградова к участковой избирательной комиссии избирательного участка № 315 и его председателю о признании бездействия комиссии незаконным и отмене решения участковой избирательной комиссии об итогах голосования на данном участке. В ходе выборов председатель участковой избирательной комиссии Н. Ю. Чадаева отказалась озвучить явку избирателей на 10:00 час. 08.09.2019, после чего в 10:30 час. наблюдатель зарегистрировал жалобу у секретаря УИК, однако он ответ не получил, а выявленные нарушения избирательного процесса не были устранены. В период проведения подсчёта голосов избирателей и составления протокола об итогах голосования, в нарушение законодательства, бюллетени не подсчитывались путём перекалывания их по одному из одной части пачки в другие таким образом, чтобы наблюдатели могли видеть отметки избирателей. Содержащиеся в каждом из бюллетеней отметки избирателей не были оглашены с представлением бюллетеней для визуального контроля всем лицам, присутствовавшим при непосредственном подсчёте голосов. При этом после оглашения данные по цифрам не были тут же занесены в увеличенную форму протокола итогов голосования, прикреплённую на стене для всеобщего обозрения последовательно произведённым действиям. Члены комиссии с решающим голосом отнесли стопки бюллетеней на другой столик, который находился вне поля зрения наблюдателей, был скрыт за компьютерным процессором, к тому же председатель запрещала подходить к этому месту. Это мешало осуществлению контроля за чистотой выборов. С. Н. Виноградов о нарушениях стало известно 12.11.2019 в ходе судебного заседания по настоящему делу, которые помешали достоверно установить волеизъявление граждан. Также видеозапись с мобильного телефона Р. Х. Низамовой была признана недопустимым доказательством, поскольку она не обладает свойством неизменности. Административные соответчики — председатель УИК избирательного участка № 315 Н. Ю. Чадаева, представители административных соответчиков УИК избирательного участка № 315, ТИК Приволжского района г. Казани Республики Татарстан в судебном заседании с административными исками не согласились. Суд признал, что права наблюдателя нарушены, потому что УИК не отреагировал на жалобу и не дал письменного ответа, но отказал в отмене результатов выборов, поскольку кандидат в депутаты пропустил срок для обжалования, а наблюдатель не имеет права подавать такие иски. И сказал о том, что для удовлетворения требований административного иска необходимо наличие доказательств бесспорных нарушений, которые исключали бы возможность установления действительной воли избирателей [4].

Кандидаты на выборах подают иски в суды об отмене результатов выборов, основываясь на информации, полученной от своих наблюдателей, и проигрывают дела, поскольку наблюдатели неправильно фиксируют или не фиксируют факт правонарушения, т. к. председатель УИК может указывать ему местоположение, откуда нужно снимать, или вовсе запретит снимать. Например, в 2018 году кандидат В. Н. Васильев обратился в суд с административным иском к ТИК Киселевского городского округа № 417 о признании наличия нарушений на выборах, признании выборов несостоявшимися. Его наблюдатель, С. Г. Писаренко, начал вести видеозапись с 8 ч утра и подал жалобу о несоответствии стандарта основной урны, рекомендуемой ЦИК, и печати. Наблюдатель отметил несоответствие подсчета голосов им и УИК на 66 человек к 16:00. В 16:20 он вручил председателю УИК жалобу на необоснованное завышение числа избирателей, но реакции не последовало, а рост избирателей продолжился, и тогда он обратился по телефону в областную избирательную комиссию. В 20:00 члены УИК заявили, что он не имеет права находиться на избирательном участке, вести фото- и видеосъемку. Кроме того, председатель заявила присутствующим, что протоколы об итогах голосования предоставит только тем, кто написал письменное обращение в УИК, кандидату не дали ознакомиться со списком избирателей после окончания работы избирательного участка. Однако суд отказал в удовлетворении иска, поскольку данное нарушение не влияет на волеизъявление избирателей [3].

Отсюда следует, что если на избирательном участке происходят вбросы бюллетеней, то административный иск необходимо подавать самому избирателю, чей голос был украден. Но это представляется маловероятным, т. к. у избирателя отсутствует интерес находиться на избирательном участке до его закрытия. И как правило, все избирательные правонарушения происходят скрытно.

На наш взгляд, необходимо провести кардинальную реформу института наблюдателей, направленную на изменение правового статуса. В ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ в ст. 30 нужно закрепить требования, предъявляемые к наблюдателям, обязанности, а также расширить их права. Так, наблюдатель должен иметь высшее юридическое образование, сдать квалификационный экзамен по избирательному праву и быть включенным в специальный реестр. Из этого реестра избирательная комиссия, организующая выборы, будет распределять наблюдателей по избирательным участкам. При этом он будет получать вознаграждение за свою работу за счет средств федерального бюджета. Кроме того, он должен иметь право фиксировать избирательные нарушения путем составления административных протоколов [6]. Он обязан периодически раз в 5 лет проходить переаттестацию, поскольку избирательное законодательство постоянно изменяется.

Также необходимо внести изменения в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ, разрешив наблюдателям в случае, если они зафиксировали во время наблюдения, что решения и действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, комиссий и их должностных лиц нарушают

избирательные права граждан, обращаться с административным протоколом и видеозаписями в суд для привлечения нарушителей к административной ответственности. А если избирательные нарушения будут влиять на результаты голосования на избирательных участках, то наблюдатель должен иметь право подать административный иск об отмене результатов выборов на избирательном участке, где он вел наблюдение.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время институт наблюдателей является неработающим, поскольку наблюдатели не могут бороться с нарушениями на выборах из-за отсутствия у них необходимых механизмов контроля. И пока не изменят российское законодательство и не наделят их властными полномочиями, добиться честности и прозрачности выборов будет проблематично.

Список литературы

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: ФЗ от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253.
2. О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 5 (ред. от 09.02.2012 г.) // Российская газета. — 2011. — № 75.
3. Решение Киселевского городского суда от 16.11.2018 г. по делу № 2А-1685/2018 // Киселевский городской суд. — URL: https://kiselevsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=150298991&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 28.09.2020).
4. Решение Приволжского районного суда г. Казани от 29.11.2019 г. по делу № 2А-5934/2019 // Приволжский районный суд г. Казани. — URL: https://privolzhsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_or=case&_id=411487570&_uid=a31982ce-140e-4006-b394-2c66a0c9eaff&_deloId=1540005&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 28.09.2020).
5. Егорова А. В. Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России [Электронный ресурс] / А. В. Егорова // Управленческое консультирование. — 2019. — № 5 (125). — С. 121–130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nablyudatelei-na-vyborah-kak-faktor-legitimatsii-vlasti-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 27.09.2020).
6. Коновальчиков Я. А. О контроле, осуществляемом политическими партиями в избирательном процессе [Электронный ресурс] // Российский юридический журнал. — 2017. — № 4 (115). — С. 74–80. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30035516> (дата обращения: 29.09.2020).
7. Самарина М. Н. Наблюдатель как один из субъектов избирательного процесса в РФ [Электронный ресурс] / М. Н. Самарина // Диалог. — 2016. — № 1 (2). — С. 78–86. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nablyudatel-kak-odin-iz-subektov-izbiratelno-go-protssessa-v-rf> (дата обращения: 27.09.2020).

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОПУЩЕНИЕ НАХОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ В НОЧНОЕ ВРЕМЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. Е. Соловьева, обучающийся

Научный руководитель Я. Е. Верхоглядов, ст. преподаватель
Барнаульский юридический институт МВД России (БЮИ МВД России)
г. Барнаул, Россия

Проведен анализ норм федерального и регионального законодательства, направленных на предупреждение причинения вреда здоровью детей, обеспечение их нормального развития: предлагаются изменения отдельных положений нормативных правовых актов, направленные на профилактику девиантного поведения, административных правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, комендантский час, ночное время, общественные места, административная ответственность, административные правонарушения.

Нормы федерального законодательства указывают на то, что нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться ограничительные меры по предотвращению нахождения детей в общественных местах в ночное время в целях предупреждения причинения вреда их здоровью, физическому, психическому, интеллектуальному, нравственному и духовному развитию.

Необходимость подобных ограничений дополнительно подтверждается статистическими данными: за 6 месяцев 2020 г. на 19,6 % увеличилось количество преступлений, совершенных поднадзорными лицами в отношении половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних; за 12 месяцев 2019 г. отмечается рост числа несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления (причинения вреда здоровью различной степени тяжести, изнасилования, убийства) [5].

Так, для защиты здоровья несовершеннолетних и обеспечения их нормального развития, а также противодействия правонарушениям именно данной категории лиц закон Новосибирской области от 12.05.2003 № 111-ОЗ «О защите прав детей в Новосибирской области» (далее — Закон № 111-ОЗ) устанавливает, что находиться в ночное время в общественных местах без сопровождения законных представителей либо лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, запрещено детям в возрасте до 16 лет — с 22 часов до 6 часов, а с 1 июня по 31 августа — с 23 часов до 6 часов местного времени.

Компьютерные клубы, Интернет-клубы, Интернет-кафе также являются общественными местами. На сегодняшний день в г. Новосибирске насчитывается более 20 компьютерных залов, половина из которых имеет круглосуточный график работы [6].

Согласно положениям федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее — Закон

№ 124-ФЗ) на родителей возложена обязанность по заботе о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Кроме того, указанные субъекты обязаны не допускать нахождение своих несовершеннолетних детей в общественных местах в ночное время (с 22 до 6 часов). В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения таковой обязанности законные представители подвергаются административной ответственности по ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Демонстрирует реальность данной правовой конструкции решение Орловского областного суда, которым оставлено в силе постановление о назначении административного наказания родителю по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, ненадлежащим образом исполнившим свои обязанности по воспитанию несовершеннолетнего сына, допустившим пребывание последнего в ночное время в общественном месте и управление мопедом [9].

Нормы Закона № 124-ФЗ указывают, что государственная политика в интересах детей является приоритетной. Помимо этого, она основана на принципе ответственности физических и юридических лиц, должностных лиц за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Однако закон Новосибирской области от 14.02.2003 № 99-ОЗ «Об административных правонарушениях в Новосибирской области» (далее — Закон № 99-ОЗ) не предусматривает административную ответственность за допущение нахождения лиц, не достигших возраста 16 лет, в ночное время в общественных местах, перечисленных в п. «б» ч. 1 ст. 22 Закона № 111-ОЗ.

Проанализировав законодательство регионов Сибирского федерального округа, мы выяснили, что, помимо Новосибирской области, санкция за допущение нахождения несовершеннолетних в общественном месте в ночное время отсутствует в Алтайском крае и в Томской области. При этом в Омской области ответственность предусмотрена для должностных и юридических лиц. В Красноярском крае и в Республике Тыва — помимо данных лиц, для граждан. В Республике Алтай — для должностных, юридических лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. В Республике Хакасия, помимо перечисленных, ответственность предусмотрена и для лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей. В Кемеровской области ответственность предусмотрена только для лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей. В Иркутской области ответственность предусмотрена для законных представителей, юридических лиц, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей [8].

Таким образом, допустимо сделать вывод, что региональный законодатель, несмотря на распространенность данных общественных отношений, до сих пор не выработал единого подхода по вопросам их правового регулирования. Вместе с тем стоит отметить, что несовершеннолетние могут совершать общественно опасные деяния именно под влиянием ближайшего окружения, внешней обстановки. Круглосуточно работающие компьютерные залы, очевидно, могут служить местом, где удобно формироваться группам подростков,

пропагандирующих девиантное поведение. Исходя из норм Закона № 111-ОЗ, 16- и 17-летние лица могут без каких-либо ограничений во времени находиться в подобных заведениях. Также ограничения пребывания в отношении несовершеннолетних лиц не определяются со стороны сотрудников и владельцев компьютерных заведений. Данные факты, в совокупности, способны стать причинами подростковой преступности, а также детерминантами совершения преступлений в отношении самих несовершеннолетних.

За 2018 год в г. Новосибирске несовершеннолетними было совершено 1162 преступления, при этом было зарегистрировано 282 преступления, совершенных несовершеннолетними в составе подростковых групп. В отношении несовершеннолетних было совершено 2086 преступлений [7].

По результатам проведения анкетирования действующих инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних, мы можем сделать следующий вывод: «комендантский час» — это необходимая мера, с введением которой количество административных правонарушений и преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, уменьшается. Рейды по общественным местам, в зависимости от региона Российской Федерации, проводятся от 1 до 4 раз в месяц, при этом по компьютерным залам рейды проводятся 1–2 раза в месяц. Нарушения «комендантского часа» в общественных местах встречаются примерно в 40 % случаев. Нарушения «комендантского часа» в компьютерных клубах встречаются около 1 раза в 1–2 месяца.

Принимая во внимание совокупность указанных выше обстоятельств, мы видим целесообразным восстановление ранее отмененной части ст. 4.10 Закона № 99-ОЗ, однако в иной редакции: «Нахождение детей в ночное время, определенное в соответствии с законодательством, без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, в общественных местах, в т. ч. на улицах, стадионах, в парках, скверах, в транспортных средствах общего пользования, на объектах (на территориях, в помещениях) юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, которые предназначены для обеспечения доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания (организациях или пунктах), для развлечений, досуга, где в установленном законом порядке предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, и в иных общественных местах, — влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 до 1,5 тыс. рублей; наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 1,5 до 3 тыс. рублей, на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от 3 до 5 тыс. рублей, на юридических лиц — от 5 до 15 тыс. рублей».

Помимо этого, для снижения уровня уличной преступности необходимо установить в п. «б» ч. 1 ст. 22 Закона № 111-ОЗ дополнительные ограничения времени нахождения в общественных местах несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет: с 23 часов до 6 часов, а с 1 июня по 31 августа — с 24 часов до 6 часов местного времени.

Кроме того, для обеспечения комплексного противодействия целесообразным видится усиление профилактического воздействия: проведение бесед с несовершеннолетними, законными представителями, владельцами и работниками компьютерных залов, осуществление рейдовых мероприятий и т. д.

Список литературы

1. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: ФЗ от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 09.11.2020).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.11.2020).
3. Об административных правонарушениях в Новосибирской области: закон Новосибирской области от 14.02.2003 № 99-ОЗ (с изм. от 14.07.2020). — URL: <http://docs.cntd.ru/document/5411380> (дата обращения: 09.11.2020).
4. О защите прав детей в Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 12.05.2003 № 111-ОЗ (с изм. от 20.12.2019). — URL: <http://docs.cntd.ru/document/5411988> (дата обращения: 09.11.2020).
5. Аналитический обзор «Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития» / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, В. И. Шиян [и др.]. — URL: <https://xn--b1amas.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 09.11.2020).
6. Данные об Интернет-кафе, игровых, компьютерных клубах // Карта Новосибирска. — URL: <https://clck.ru/S56zU> (дата обращения: 09.11.2020).
7. Информация о состоянии правопорядка и основных результатах служебной деятельности ГУ МВД России по Новосибирской области за 2018 год // Официальный сайт ГУ МВД России по Новосибирской области. — URL: <https://clck.ru/S56zt> (дата обращения: 09.11.2020).
8. Региональное законодательство. — URL: <http://docs.cntd.ru/search/region> (дата обращения: 09.11.2020).
9. Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LskDtB0AQMxh/> (дата обращения: 09.11.2020).

РАССМОТРЕНИЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В МЕХАНИЗМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА

К. Ю. Торопова, обучающийся

Научный руководитель А. В. Агеева, канд. юрид. наук

Сибирский юридический университет (СибЮУ),

г. Омск, Россия

В статье рассмотрены ключевые аспекты механизма реализации конституционного права граждан на обращение как важного социального института, обеспечивающего коммуникацию гражданина и государства. Проводится детальный анализ законодательства в области обращений граждан, когда процедура рассмотрения обращений фактически подменяется механической процедурой подготовки ответа, искажая сущность института обращений граждан, снижая эффективность его исполнения как важнейшего элемента реализации конституционного права на защиту человека и гражданина.

Ключевые слова: обращения граждан, коммуникация, государственный орган, механизм реализации конституционного права, конституционное право на обращение, защита прав.

Конституция Российской Федерации в ст. 33 закрепляет право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления [1]. Данное конституционное право — важная составляющая правового статуса гражданина. В постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 19-П отмечено, что значение конституционного права граждан на обращение «является важным средством осуществления и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, одной из форм их участия в управлении делами государства и в местном самоуправлении, инструментом взаимодействия личности и публичной власти» [3].

Ряд исследователей отмечают, что основной функцией института обращения граждан является коммуникативная, заключающаяся в механизме взаимодействия гражданина и государственных органов (иных институтов публичной власти). Обращения граждан имеют значение «обратной связи» между гражданином (гражданским обществом) и органами власти. Это — важнейший источник информации о ситуации в различных сферах общественной жизни.

Право на обращение является одним из непосредственных способов участия гражданина в управлении государством. Вместе с тем реальное влияние на управленческие решения посредством направления обращений гражданин будет иметь только при условии «действенного и эффективного механизма реализации права гражданина на обращение» [7].

Реализация конституционного права на обращение представляет собой комплексный феномен, эффективность которого зависит от совокупности социальных, экономических, политических, административных факторов, а также от действия определенных социальных институтов.

В настоящее время в России не закреплён механизм взаимодействия государства и гражданского общества. Мы можем видеть указанное направление в стратегических нормативных правовых актах Президента РФ, Правительства

РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и др. В данных актах повышение эффективности взаимодействия государства и общества включает в себя множество мероприятий, которые можно сгруппировать как поддержка предпринимательства и внутреннего рынка, диалог общественных организаций, бизнеса и государства, а также повышение эффективности механизмов защиты прав и свобод граждан, доверия граждан к институту власти.

К последней группе мероприятий можно отнести совершенствование механизма реализации конституционного права на обращение. Справедливо отметить, что взаимодействие государства и общества, в т. ч. и реализация права на обращение, является сложной динамической системой. В таком аспекте конституционно-правовой механизм представляет собой совокупность множества взаимосвязанных элементов в их статике и динамике, регламентируемый системой конституционно-правовых норм.

Проанализировав положения федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Закон об обращениях граждан) [2], можно выделить некоторые основные элементы механизма реализации конституционного права на обращение:

1. Понятие, форма и виды обращений. Требования к обращению.
2. Субъекты института обращений, их права и обязанности.
3. Рассмотрение обращения (регистрация обращения, обязательность принятия обращения к рассмотрению, процедура рассмотрения обращения, сроки).
4. Направление ответа заявителю.
5. Контроль и ответственность.

Необходимо отметить, что названные элементы представляют собой один из подходов к раскрытию механизма реализации конституционного права на обращение. Например, А. В. Безруков, А. В. Савоськин предлагают в конституционно-правовой механизм реализации права на обращения включать три элемента: нормативно-ценностный (конституционные права и свободы личности); институциональный (заявители и адресаты); инструментально-процедурный (права и обязанности сторон, процедуры подачи и рассмотрения обращения) [6].

В механизме взаимодействия гражданина и государства важнейшим элементом реализации права на обращение является этап рассмотрения обращения, который далее будет рассмотрен более подробно.

В правовых актах, регламентирующих процедуры рассмотрения обращения, выделяют получение, регистрацию, предварительное и основное рассмотрение обращений. Указанные этапы справедливы для письменных (в т. ч. электронных) обращений, а для устных могут сливаться в один этап.

Первоначально любое полученное обращение в рамках Закона об обращении граждан подлежит регистрации. Письменное обращение (в т. ч. в форме электронного документа) подлежит обязательной регистрации в течение 3 дней с момента получения обращения. Данная процедура носит технический характер и достаточно регламентирована. Ее основная цель заключается в фиксации факта получения обращения и дальнейшего его прохождения до адресата либо должностного лица, обязанного подготовить ответ на обращение.

Закон об обращениях граждан закрепляет обязательность принятия обращения к рассмотрению (ст. 9). Отметим, что обязательность принятия к рассмотрению не является синонимом рассмотрения обращения по существу, поскольку обязанность рассматривать обращения существует в случае, когда соблюдены требования к обращению, предъявляемые Законом об обращении граждан (ст. 8). В случае несоблюдения указанных требований такое волеизъявление заявителя не может считаться обращением и не несет юридических последствий, предусмотренных Законом об обращениях граждан (кроме фактов его получения и регистрации). Обязательность рассмотрения обращения существует также в случае, когда заранее известен отрицательный ответ гражданину.

Закон об обращениях граждан, а также локальные акты, в т. ч. и муниципального уровня, практически не регламентируют процедуру непосредственного рассмотрения обращения по существу.

Наиболее регламентирована обязанность адресата дать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов (за исключением случаев, указанных в ст. 11 Закона об обращениях граждан).

На факт обязательности рассмотрения всех вопросов в обращении неоднократно указывает судебная практика: например, в постановлении Верховного суда РФ от 31.07.2019 г. № 7-АД-5 указано, что должностное лицо, несмотря на данный заявителью ответ, не рассмотрел и не ответил на все вопросы по существу [5]. Более того, в Постановлении Верховного суда РФ от 04.06.2014 г. № 25-АД14-3 подчеркивается, что неполное рассмотрение обращения является незаконным [4].

Таким образом, мы видим, что фактом рассмотрения обращения по своей сути является количественная характеристика — рассмотрение всех содержащихся в обращении вопросов. Тогда как качественная характеристика остается в стороне, а ведь именно она наполняет собой смысл конституционного права на обращения.

Закон об обращениях граждан содержит достаточно неконкретизированную формулировку, обозначая обязанность адресата «обеспечивать объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения, в случае необходимости — с участием гражданина» [2].

Наиболее точно можно раскрыть принцип своевременности рассмотрения обращений граждан. Закон об обращениях граждан дает четкие сроки работы с обращениями граждан: сроки регистрации обращения, промежуточные сроки для получения дополнительной информации либо переадресации обращения, сроки рассмотрения письменного обращения (30 дней со дня регистрации обращения, который в исключительных случаях может быть продлен не более чем на 30 дней).

Принцип объективности по своей сути подразумевает непредвзятый и независимый ответ на обращения гражданина, отсутствие субъективного интереса при рассмотрении обращения должностным лицом. Его выполнению соответствует требование Закона об обращениях граждан о запрете на рассмотрение обращения должностным лицом, действия (бездействия) которого обжалуются в содержании обращения (ч. 6 ст. 8).

Вместе с тем принцип всесторонности рассмотрения обращений остается законодательно нераскрытым, хотя должен включать качественное рассмотрение вопросов, содержащихся в обращении. Всестороннее рассмотрение обращения подразумевает следование регламентированной процедуре рассмотрения обращения.

Как уже было упомянуто выше, в настоящее время позиция как законодателя, так и правоприменителя заключается в том, что рассмотрение обращения по существу — это ответ на все вопросы, содержащиеся в обращении, в то время как качество ответа «по существу» оценить не представляется возможным.

Это отражает подмену процедуры рассмотрения обращения процедурой подготовки ответа на обращение, т. е. вопросам разрешения проблем, содержащихся в обращении, внимания как законодательно, так и на практике практически не уделяется. Данное явление, соответственно, искажает конституционно-правовой смысл института обращения гражданина, оставляя конституционное право на обращение нереализованным.

Формальное рассмотрение обращений граждан нарушает взаимосвязь государства и общества и не способно выполнять коммуникативную функцию, что приводит к множеству негативных последствий, таких как снижение доверия граждан к органам власти, понижение эффективности выполнения публичных функций и др.

Можно выразить сомнение, что включение каких-либо качественных критериев оценки полноты, всесторонности, качества ответа на обращения в правовые акты различных уровней может преодолеть формальный подход при рассмотрении обращений граждан.

Представляется, что изменить сложившуюся практику возможно посредством включения в перечень критериев эффективности должностных лиц, в обязанности которых входит рассмотрение обращений, число повторных обращений в корреляции с причинами их направления.

Таким образом, реализация конституционного права граждан на обращения является одним из важнейших механизмов взаимодействия государства и гражданина. Думается, что одним из ключевых этапов здесь является рассмотрение обращения. Согласно Закону об обращениях граждан, адресат обращения обязан обеспечивать его объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение. Однако правовые акты в сфере реализации прав граждан на обращение не закрепляют качественные критерии проверки ответа на обращение, что на практике приводит к формальной процедуре — подготовке ответа на обращение по количеству содержащихся в обращении вопросов и в установленный законом срок. Данное явление искажает конституционно-правовой смысл института обращения граждан, заменяя его административной процедурой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.
3. Постановление Конституционного суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 и ст. 3 ФЗ „О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации“ в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Верховного суда РФ от 04.06.2014 № 25-АД14-3// Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Верховного суда РФ от 31.07.2019 № 7-АД19-5 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Безруков А. В., Савоськин А. В. Рассмотрение обращений граждан как элемент конституционно-правового механизма реализации конституционного права на обращение // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 1. — С. 3–8.
7. Третьякович Е. В. Актуальные вопросы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2018. — № 5. — Ч. 2. — С. 281–284.

УДК 342.95

ДОРОЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. А. Харитонова, обучающийся

Научный руководитель Ю. И. Мизгачев, д-р юрид. наук, профессор

Московский государственный юридический университет

им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Россия

В данной работе анализируется понятие «обеспечение безопасности дорожного движения», приводятся причины и виды дорожно-транспортных происшествий. Автором предлагаются пути снижения количества дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: административное право, правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, штраф.

В соответствии со стратегией безопасности дорожного движения в Российской Федерации (далее — РФ) на 2018–2024 годы обеспечение безопасности дорожного движения — важная государственная задача. Это обусловлено тем, что безопасность на дороге непосредственно связана с сохранением жизни и здоровья граждан нашей страны, с фактическим повышением качества их жизни [1]. В связи с этим необходимо понимать, что обеспечение безопасности на дороге является составной частью обеспечения национальной безопасности РФ в целом.

Под «безопасностью дорожного движения» законодатель подразумевает «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников

от дорожно-транспортных происшествий и их последствий». Под процессом здесь подразумевается перемещение людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог [2].

Однако наряду с легальным определением есть множество доктринальных дефиниций. Это связано с существованием различных подходов в понимании категории «безопасность дорожного движения». Так, существует социально-правовой подход, который является фундаментом для формирования научно-правового подхода, на основе которого потом формируется чисто правовой подход, который нашел свое нормативное закрепление в федеральном законе от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

Например, правовед В. И. Майоров предлагает расширить понятие, включив в него совокупность общественных отношений, складывающихся на этапах подготовки и организации процесса непосредственно пространственного перемещения, а также вместо термина «дорожное движение» использовать термин «сфера дорожного движения» [3].

С. А. Радионов в своей работе рассматривал дорожное движение как сферу реализации транспортных потребностей общества, которые возникают в связи с необходимостью пространственных перемещений людей, предметов, средств, продуктов их труда и которые являются неотъемлемой составной частью материального производства, что и определяет дорожное движение как насущную общественную и личную потребность [4].

Анализируя различные научные работы, посвященные административно-правовому обеспечению безопасности дорожного движения, можно сделать вывод о том, что оно должно рассматриваться в качестве относительно самостоятельной и независимой сферы государственного управления.

Суть обеспечения безопасности дорожного движения состоит в защите законных прав и интересов физических и юридических лиц в процессе перемещения в пространстве и использования дорожной инфраструктуры. Это и обуславливает выделение законодателем в качестве одной из угроз национальной безопасности дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП) и подчеркивает необходимость поддержания курса страны на эффективное обеспечение государственного управления безопасностью дорожного движения.

В настоящее время в России существует множество проблем, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения. Но главной проблемой являются ДТП, которые наносят экономике России и обществу колоссальный социальный, материальный и демографический ущерб.

Согласно данным за первое полугодие 2020 г., представленным ФКУ «Научный центр безопасности дорожного движения МВД России», уровень дорожно-транспортной аварийности в стране остается достаточно высоким — каждое четырнадцатое ДТП привело к смертельному исходу. В то время как в аналогичном периоде 2019 г. уровень смертности в ДТП был ниже — каждое двенадцатое ДТП привело к смертельному исходу. В общей сложности за первое полугодие 2020 г. на улицах и дорогах страны зарегистрировано 61 140 ДТП, в которых погибли 6 494 и получили ранения 77 892 человека. Однако при этом отмечается общее снижение количества ДТП, которое связано с введением

ограничительных мер по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции.

При этом основными причинами ДТП являются нарушение правил дорожного движения (далее — ПДД) водителями транспортных средств (далее — ТС); нарушение ПДД пешеходами; недостатки транспортно-эксплуатационного состояния улично-дорожной сети, а именно отсутствие, плохая различимость горизонтальной разметки проезжей части, отсутствие дорожных знаков и пешеходных ограждений в необходимых местах, а также неудовлетворительное состояние разделительной полосы; технические неисправности ТС либо условия, при которых запрещена их эксплуатация. Более того, стоит отметить, что за 9 месяцев 2019 года зафиксировано 95 ДТП с участием персональных электрических средств передвижения (электросамокат, электроскутер, гироскутер и т. п.).

Основные виды ДТП — столкновение ТС и наезд на пешехода. Всего зарегистрировано 42 287 таких ДТП, в которых погибли 4 312 и ранены 54 996 человек [5]. Стоит отметить, что каждый десятый водитель, совершивший ДТП, находился в состоянии алкогольного опьянения, каждое девятое из таких ДТП привело к смертельному исходу. Проанализировав статистику ДТП в РФ, можно сказать, что, как правило, причины — совокупность различных нарушений и сопутствующих им объективных и субъективных факторов.

Другая проблема — наличие в стране круга экономических задач: несмотря на 55,9 млрд рублей, выделенных на федеральный проект «Безопасность дорожного движения», они (проблемы) могут воспрепятствовать принятию необходимых мер по повышению безопасности дорожного движения.

Недостаточный уровень правовой культуры субъектов дорожного движения — одна из самых важных проблем в этой сфере. Это связано с тем, что недостаток правового воспитания среди водителей и пешеходов приводит к нарушению ими ПДД и других нормативных правовых актов РФ, является одним из факторов развития коррупции (по данным Генпрокуратуры, за январь–август 2020 г. на транспорте было зарегистрировано 1606 преступлений коррупционной направленности) [6].

Более того, недостаток правового воспитания ведет к возникновению сообществ агрессивных водителей, членов которых, например, можно заметить по наклейкам «Мне плевать на всех, гоняю, как хочу», «ПДД? Не, не слышал» и т. п., они подают дурной пример и бросают своего рода вызов законопослушным гражданам, тем самым дестабилизируя ситуацию на дорогах.

Таким образом, в современной России есть достаточно проблем, которые необходимо решить в ближайшем будущем для того, чтобы снизить количество ДТП и повысить уровень дорожной безопасности. Для их решения автор предлагает усилить работу отдела пропаганды ДПС ГИБДД, в т. ч. в связи с ограничениями, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции, внедрить в их деятельность использование современных технологий (например, проводить вебинары, способствующие повышению правовой культуры граждан). А также обязать граждан, по чьей вине было совершено ДТП,

в течение последующего года просматривать такие вебинары в режиме онлайн или в записи для осознания ими важности соблюдения ПДД.

Автор предлагает в качестве дополнительной меры, способствующей сокращению количества ДТП и повышающей собираемость штрафов, ввести и законодательно закрепить систему штрафных баллов и их цифрового учета. Суть данного предложения заключается в установлении определенного лимита штрафных баллов, после достижения которого водитель в автоматическом режиме будет лишаться водительских прав. Сократить количество штрафных баллов сможет вовремя оплаченный штраф, например, водитель нарушил ПДД, но оплатил штраф за данное нарушение в установленный срок — в таком случае штрафной балл начисляться и учитываться системой не будет. Это предложение призвано стимулировать водителей к недопущению нарушения ПДД и обеспечению безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 5. — С.774.
2. О безопасности дорожного движения: ФЗ от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 50. — С. 4873.
3. Майоров В. И. К вопросу о безопасности в сфере дорожного движения // Транспортное право. — 2009. — № 4. — С. 38–42.
4. Радионов С. А. Административно-правовые основы организации дорожного движения: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Москва, 1995. — С.10.
5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за первое полугодие 2020 года: информационно-аналитический обзор. — Москва: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2020. — С. 5.
6. Состояние преступности в Российской Федерации: ежемесячный сборник за январь–август 2020 года // Москва: Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главное управление правовой статистики и информационных технологий, 2020. — С. 36.

ОБЗОР СИСТЕМЫ МАРКЕТПЛЕЙС КАК КАНАЛА ДИСТРИБУЦИИ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

А. А. Чебан, обучающийся

Научный руководитель М. А. Голубитченко, канд. юрид. наук
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия

Проведен обзор системы маркетплейс, рассмотрены причины её возникновения; выявлена актуальность проекта для осуществления финансовых услуг населением, выделен перечень технологических предпосылок её функционирования; отмечены достоинства и возможные недостатки платформы маркетплейс.

Ключевые слова: маркетплейс, дистанционные финансовые услуги, Банк России.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 стала серьезным испытанием для всех сфер жизни российского общества, но в то же время она предоставила уникальную возможность для внедрения инновационных технологий. Одним из таких начинаний можно считать запуск Банком России проекта «Маркетплейс», цель которого — организация системы дистанционной розничной дистрибуции финансовых продуктов и услуг населению.

Создание данной экосистемы было обозначено в основных направлениях развития финансовых технологий ещё в 2018 году, но в настоящее время запуск единой площадки финансовых услуг стал для граждан крайне актуальным вопросом [1]. И действительно, маркетплейс, основанный на рыночной системе отношений, начнет свое становление под наблюдением государства. Это обеспечит гражданам России дополнительные гарантии безопасности и надежности, столь важные в период преобладания дистанционного приобретения товаров и услуг и участвовавшего при совершении данных операций мошенничества.

Помимо возросшего интереса потребителей, необходимо остановиться и на технологических предпосылках, которые сделали возможным осуществление замысла:

1. Наличие технологического базиса (например, *Blockchain* и *Roboadvising* сделали возможным создание информационных блоков-услуг и комфортную работу с ними, а облачные объектные хранилища обеспечили их сохранение).

2. Эксплуатационная готовность основной массы населения (как правило, поколения Z и Y) использовать интернет-платформы, несмотря на недостаточную финансовую грамотность.

3. Осуществимость соблюдения идентификационного принципа «*know your customer*» [2]. А также применение механизмов, позволяющих проконтролировать безопасность сделок.

4. Стремление коммерческих банков, небанковских кредитных организаций и инвестиционных институтов создать единую платформу финансовых услуг с целью повышения своей конкурентоспособности при сравнении с крупными игроками рынка.

Сам маркетплейс будет представлять из себя агрегатор для агрегаторов: через крупные платформы (ВТБ Регистратор, Дом.рф или Московской Биржи) финансовые продукты попадают на площадки (Банки.ру, Сравни.ру), маркетплейс же объединит все данные в одном месте и позволит потребителю сравнить предложения и заключить лучшую сделку.

На начальном этапе пользователи смогут совершать банковские вклады, со временем станут доступны и другие сделки финансового характера: покупка страховых и кредитных продуктов, гособлигаций, ПИФов, акций компаний, обращающихся на рынке ценных бумаг, оформление договоров доверительного управления имуществом и т. д. Часть из услуг (ипотека и ОСАГО) на начальном этапе будет сопровождаться самим Банком России, предоставление других продуктов (сберегательные сертификаты, В2В продукты) будет инициировано самим рынком. Такая система предложений обеспечит дополнительные гарантии для самых востребованных населением продуктов, а для остальной части создаст соревновательную среду с целью повышения качества продукта. Роль Центрального Банка заключается в создании одной, регулируемой им витрины с возможностью оперативной коррекции законодательства, сам же он поставщиком финансовых продуктов не выступает. Исходя из указанных материальных возможностей, можно смело утверждать о существенном прогрессе финансовых технологий в России.

Главным критерием успешности всей системы будет достижение заявленных требований к маркетплейсу: повышение удобства, прозрачности и оперативности получения услуг гражданами в режиме «единого окна», анализ потребностей и персонализацию предложений для клиентов, а также устранение барьеров для доступа к финансовым продуктам. Для этого необходимо обратить внимание на те недоработки, которые могут поставить под угрозу потенциал вполне полезного финансового инструмента.

В частности, наиболее существенным ограничителем для развития проекта «Маркетплейс» является отсутствие / недостаточность опыта отечественного онлайн-банкинга: часть услуг предполагается осуществлять в дистанционном формате, но в действительности для оформления продуктов нужна визуальная встреча с клиентом. Маркетплейс же как раз и нацелен на то, чтобы дать возможность людям с помощью удаленной идентификации проводить многие транзакции онлайн. Эффективность сервисов и высокий уровень технической зрелости возможен только при использовании инновационных электронных технологий, финансирование которых и берет на себя Центробанк.

Небольшие денежно-кредитные организации как никто другой заинтересованы участвовать в данном проекте, ведь только ключевые банки обычно имеют все возможности для инвестирования в IT-инфраструктуру, новые технологии, людей, что и обеспечивает их устойчивое и независимое положение на рынке. Поставщики поменьше при отсутствии достаточных ресурсов всё в большей степени становятся неконкурентоспособными, что подталкивает их либо к уходу с рынка, либо к рискованным клиентским сегментам и направлениям бизнеса. Таким образом, их клиентский портфель, бренд, наследие и опыт создают идеальные условия для сотрудничества и привлечения в большем количестве

средств населения в оборот на внутреннем финансовом рынке в случае отсутствия необходимости создания и разработки собственной платформы.

Планируется, что в будущем все операции населения на финансовом рынке будут фиксироваться в национальной системе регистрации финансовых транзакций. Записи о сделках будут иметь юридическую силу и отражаться на одном репозитории. Маркетплейс же стремится стать основой для дальнейшего дистанционного отслеживания. Действительно, ведение общего реестра, клиентский кабинет с возможностью выписки на Госуслугах располагает к использованию маркетплейса, но в то же время обнаруживается вопрос о безопасности личных данных. Защита у больших государственных цифровых проектов часто оставляет желать лучшего, а функционал потребует раскрытия важной личной информации.

Другим важным вопросом является независимость и честность агрегаторов: каждая площадка является коммерческим проектом со своими интересами. Насколько возможно в таких условиях проконтролировать продвижение невыгодных для потребителя продуктов и предусмотреть защиту от ложных негативных отзывов на полезные продукты? Впрочем, эта проблема не нова. Возможно, расширение онлайн-банкинга в лице маркетплейса позволит выработать механизм борьбы с обманом потребителей. Учитывая масштаб проекта, стоит задуматься о конструкции сотрудничества производителей финансовых продуктов и площадками, чтобы предотвратить зависимость поставщиков от воли агрегаторов. В регулировании нуждается дополнительная комиссия наценка, которую операторы платформы будут устанавливать для клиентов на приобретаемые услуги. Следует полагать, что переложить её на компанию-поставщика — единственно правильное решение, позволяющее привлечь большее количество пользователей.

Под большим вопросом находится популяризация данного проекта. Предложение по осуществлению финансовых услуг в системе маркетплейса адресовано только физическим лицам. Следовательно, этот проект оставит в стороне предпринимателей. Не будем давать данному обстоятельству оценку: ведь для бизнеса намного эффективнее и быстрее искать финансовые предложения и партнеров иначе, без громоздких систем, а узкоориентированный характер к аудитории в виде граждан позволит говорить о более внимательном отношении к их потребностям. Насколько будут окупаемы вливаемые инвестиции в отсутствие коммерческих участников-потребителей, напрямую зависит от качества предлагаемых услуг и удобства витрины для пользователей.

Список литературы

1. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2018–2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.cbr.ru/fintech/> (дата обращения: 27.10.2020).
2. Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях

противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П (ред. от 06.07.2020). — СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190354/ (дата обращения: 27.10.2020).

СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ»

УДК 340

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

В. А. Алехин, обучающийся

Научный руководитель О. В. Танимов, канд. юрид. наук, доцент

Московский государственный юридический университет

им О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Москва, Россия

Данная работа посвящена влиянию политического режима на государственное принуждение. Раскрываются особенности, степень государственного принуждения в условиях демократического и антидемократического режимов. Проведено принципиальное разграничение демократического и антидемократического государственного принуждения.

Ключевые слова: политический режим, государственное принуждение, демократия, антидемократический режим.

В настоящее время всё чаще возникают споры о том, что лучше организует общество, демократия или сильная рука диктаторской власти. У Черчилль считал, что демократия — наихудшая форма правления, однако политик лукаво добавлял: «если не считать всех остальных». Так что же такое политический режим? Политолог Р. Т. Мухаев даёт следующее определение: «Политический режим — это совокупность основных приёмов, способов, методов, форм осуществления политической власти, определяющая степень свободы и правовое положение личности» [4]. Из данного определения следует, что политический режим способен оказывать определённое влияние на человека, его права и свободы. От политического режима зависит степень физического, психического и иного воздействия на наши сознание, волю и поведение, т. е. степень государственного принуждения. Политические режимы принято делить на демократические и антидемократические.

В. В. Оксамытный отмечает, что антидемократические государства находятся «в состоянии аномии (от фр. *anomie* — отсутствие нормы, закона)» [5]. Демократические страны он называет нормально развивающимися, т. к. там гарантируется защита прав и свобод человека. Лучше понять данную классификацию поможет определение основных черт государственного принуждения в условиях демократических и антидемократических политических режимов.

Государственное принуждение — неотъемлемый инструмент власти любого правительства, который характерен для каждой страны. Целью государственного принуждения является защита общества и обеспечение его стабильности посредством пресечения правонарушений. Но меры государственного принуждения бывают разными. В правовом государстве с демократическим политическим режимом они основаны на нормах права и не выходят за их рамки,

основаны на принципах гуманизма и ценности личности. Странам-членам ООН рекомендовано опираться на Всеобщую декларацию прав человека как при составлении конституций и нормативных правовых актов, так и при разработке мер государственного принуждения. Ст. 3 Всеобщей декларации прав человека гласит, что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность [2]. Именно из этого положения обычно и исходят демократические государства, в частности, в уголовной политике и в системе применения наказаний к правонарушителям. К сожалению, меры государственного принуждения не всегда являются правовыми и гуманными, «что ведёт к насилию, произволу и беспределу» [7]. Данное отклонение характерно для стран с антидемократическими режимами.

В демократических странах государственное принуждение используется в первую очередь для защиты прав человека. При тоталитарных и авторитарных политических режимах государство преследует в первую очередь свои личные цели. Возьмём в качестве примера эпоху И. В. Сталина в СССР, которую принято определять как тоталитарный период. В рамках коллективизации 20–30 гг. прошлого века активно происходил процесс раскулачивания. Государство насильно принуждало богатых крестьян (кулаков) сдавать своё имущество в колхозы, отправляло «классового врага» в ссылку, применяло смертную казнь в отношении тех, кто не подчинялся воле руководства. По мнению руководства страны, данный слой населения угрожал обществу, поскольку был остаточным явлением капитализма и эксплуатации. На самом же деле правительство преследовало сугубо личную цель — обеспечение колхозов материальной базой.

Если говорить о нормативных правовых актах данного периода, то они устанавливали господствующую волю рабочих и беднейших крестьян над другими классами. В таких условиях уже не могло быть применение в одинаковой степени государственного принуждения ко всем гражданам. В настоящее время в ст. 29 Конституции РФ закреплена свобода слова и свобода печати, а в ст. 31 — свобода собраний и митингов [1]. Данные положения были закреплены и в ст. 125 «сталинской» Конституции 1936 года [3]. Логика указанной правовой нормы предполагает, что можно свободно публиковать любые печатные материалы, свободно высказывать свои мысли. Но эта статья Конституции СССР 1936 г., как можно проследить из истории, довольно часто нарушалась. Так, её открытым нарушением являлось постановление оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 1946 года и запрет на публикацию произведений М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой [6]. Значит, можно наблюдать, что государственное принуждение опирается не столько на закон, сколько на собственные интересы.

Как бы ни менялись со временем демократические и антидемократические политические режимы, суть их остаётся неизменной. Демократия в настоящее время — это свобода слова и собраний, защита прав и свобод человека и гражданина, участие народа в политической жизни страны и другие аспекты, помогающие развиваться как государству, так и отдельной личности. Следовательно, и государственное принуждение всегда будет преследовать своей целью защиту общества от преступных посягательств. Но в антидемократических

государствах нашего времени антигуманное государственное принуждение стало носить более латентный характер, нежели раньше. В первую очередь это связано с тем, что в современном мире большинство стран поддерживают защиту прав и свобод человека и гражданина и осуждают пытки, беззаконие.

К примеру, КНДР, которая продолжает оставаться антидемократическим государством. Именно там антигуманное государственное принуждение носит латентный характер, поскольку официальные данные из этой страны получить довольно трудно. КНДР — член ООН, поэтому всеми способами скрывает факты нарушения прав и свобод человека и гражданина. Газета «*The Guardian*», ссылаясь на показания беженцев, сообщает о пытках с применением газовых камер и отравленной пищи [8]. Из страны просачивается множество фактов о пытках, и все эти факты говорят об одном: степень государственного принуждения высока, а само принуждение негуманно.

Государственное принуждение и его меры так или иначе зависят от политической обстановки в стране, от установившегося политического режима. В демократическом государстве народ — источник власти в стране. Государство — институт охраны личности от нарушения её прав и свобод. При антидемократическом политическом режиме нормы права часто могут носить лишь декларативный характер, а государственное принуждение основывается в большей степени на интересах правящей элиты. Оно в значительной степени жёстче, нежели в демократических государствах. Следовательно, могут быть приняты законы, выражающие сугубо личную волю власть имущих. Видится необходимым, чтобы современное общество, которое движется к идеям и ценностям гуманизма и правового государства, уделяло больше внимания поддержке гражданского общества в целях препятствия развитию антидемократических режимов власти. Именно развитые институты гражданского общества часто говорят о демократичности государства и его приверженности идеям защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2020).
2. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.10.2020).
3. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. — URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 30.10.2020).
4. Мухаев Р. Т. Политология: учебник для студентов вузов. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 495 с.

5. Оксамытний В. В. Юридическая компаративистика: учебный курс для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 431 с.
6. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. — Москва: Межд. фонд «Демократия», 1999. — 872 с.
7. Сатина Э. А. Понятие и виды государственного принуждения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2003. — № 2. — С. 72–76.
8. Antony Barnett Revealed: the gas chamber horror of North Korea's gulag [Электронный ресурс] // <https://www.theguardian.com> — офиц. сайт газеты «The Guardian». — URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/feb/01/northkorea> (дата обращения: 30.10.2020).

УДК 347.78

ИНСТИТУТ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ. ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ АВТОРАМИ И ПОТРЕБИТЕЛЯМИ ПЛОДОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. Е. Бубнов, обучающийся

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

Основное внимание в статье обращено на разрешение вопросов регулирования авторского права в информационно-телекоммуникационной сети Интернет — самом крупном распространителе объектов интеллектуальной собственности в современном мире. Проводится сравнение институтов авторского права в России и в зарубежных странах, предлагается наиболее правильный путь для развития сферы регулирования авторского права в Российской Федерации.

Ключевые слова: авторское право, защита авторских прав.

Современному человеку все чаще приходится сталкиваться с институтом авторского права и его порой чрезвычайно суровыми принципами. Такая тенденция характерна как для жителей нашего государства, так и для иностранцев. Конечно, при таких столкновениях может возникнуть масса вопросов, в т. ч. затрагивающих сферу защиты авторских прав.

Интернет, лежащий в основе информационного общества, и цифровые носители могут стать инструментами всемирного и экономически выгодного распространения и использования всех видов интеллектуального творчества.

Решая одни проблемы (в данном случае это создание контрольно-надзорного аппарата в сфере защиты авторских прав), государства сталкиваются с новыми проблемами-последствиями.

Среди таких проблем стоит выделить дисбаланс среди интересов авторов, который возникает по причине жесткой охраны собственных произведений, теряющих желаемую публику, и дисбаланс среди интересов потребителей

плодов интеллектуального труда, который возникает по причине появления страха оказаться быть нарушителем чьих-то прав (нечаянная криминализация). Следствием является глубокая неопределенность при поиске верных направлений своей деятельности организациями, предоставляющими доступ к объектам интеллектуальной собственности.

Со времени своего знакомства с институтом авторского права Россия прошла несколько ключевых стадий развития в данной сфере.

Пройдя через цензурные времена Российской империи, идеологические рамки советского периода, Россия присоединилась к Бернской конвенции, вдохнув в отечественное авторское право определенные нотки свободы.

Бернской конвенцией [3] установлены основные принципы авторско-правовой охраны:

1) принцип национального режима (п. 1 ст. 5), обеспечивающий национальный уровень охраны для иностранных произведений;

2) принцип неформальности авторско-правовой охраны (п. 2 ст. 5), согласно которому «пользование этими правами и их осуществление не связаны с выполнением каких бы то ни было формальностей; такое пользование и осуществление не зависят от существования охраны в стране происхождения произведения»;

3) принцип, обеспечивающий независимость охраны от наличия таковой в стране происхождения произведения.

Из трех основных принципов охраны авторского права, отраженных в Бернской конвенции 1886 года, нас интересует второй — принцип неформальности.

Присоединившись в 1995 году к конвенции, Россия стала следовать данному принципу, что отражается в содержании Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2].

В соответствии с п. 4 ст. 1259 ГК РФ для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей.

Данная норма подразумевает под собой обязательность формального оформления авторами своего права на распоряжение созданными произведениями, но пропорционально потребности в этом.

Чрезмерная забота о полном официальном оформлении своих авторских прав может привести к возникновению дисбаланса потребностей автора и потребителей плодов его интеллектуальной деятельности.

При этом наследие от времен жесткого контроля, стремление идти в ногу с передовыми западными государствами и другие факторы привели к возникновению в сфере авторского права нашей страны мощного контрольно-надзорного аппарата с формально-демократическим лицом.

Изучая статьи, касающиеся участия Российской Федерации в современной системе международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности (Р. И. Ситдикова, Ф. Ф. Гайсин) [8, 4], можно убедиться в наличии чрезмерного контроля в данной области.

Однако настоящее положение, которое занимает Россия, чаще характеризуется неопределенностью во многих вопросах, связанных с принципом работы в сфере защиты авторских прав, грамотной организации широкого доступа к произведениям, заслуживающим внимания культурного общества, «произведениям-сиротам», которые могут использоваться в добросовестных целях.

М. В. Самарцева, О. А. Рузакова [6, 7] в своих работах приводят массу примеров уже созданных на территории России неофициальных платформ для определенного депонирования тех или иных объектов интеллектуальной собственности, а также пишут о ресурсах, готовящихся к своему выходу в свет в ближайшем будущем.

Такое положение создает возможность для создания новой системы регулирования авторского права в целях создания благоприятной атмосферы для интеллектуального развития общества, правильного соблюдения принципа неформальности авторского права, изложенного в ст. 5 Бернской конвенции 1886 года, к которой в 1995 году присоединилась Российская Федерация.

Начав осуществлять заметные шаги на пути к созданию такой системы, Россия войдет в группу стран, активно реформирующих свое законодательство в сфере авторского права (Канада, Австралия, Швейцария и др.).

Таким образом, России стоит перестать акцентировать внимание на жестком контроле в сфере охраны авторских прав, несущем за собой дисбаланс потребностей авторов объектов интеллектуальной собственности и потребителей таких объектов, энергетические, технические, финансовые затраты, а также противоречия с принятой и созданной в поддержку всеобщей свободы мысли Бернской конвенцией. Все силы необходимо направить на создание независимых от принципов обязательной регистрации систем, дающих возможности авторам правильно преподнести свой материал и осуществлять его грамотную юридическую защиту, а пользователям получать свободный доступ к широкому спектру произведений, а также быть информированными о последствиях незаконного использования объектов интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая — четвертая: принят Государственной Думой 23 апреля 1994 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.04.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 22. — Ст. 2457.
3. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 года [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 20.10.2020).

4. Гайсин Ф. Ф. Зарубежный опыт реформирования авторского права / Ф. Ф. Гайсин // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 48–50.
5. Луткова О. В. Принципы правового регулирования трансграничных авторских отношений / О. В. Луткова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 12. — С. 79.
6. Рузакова О. А. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 38. — С. 510–514.
7. Самарцева М. В. Сравнительно-правовой анализ систем учета авторских и смежных прав в России и США / М. В. Самарцева // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 6. — С. 115.
8. Ситдикова Р. И. Участие Российской Федерации в современной системе международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности / Р. И. Ситдикова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 158. — Кн. 2. — С. 443.

УДК 378.1:334.73

НИКОЛАЙ ЧАПЛИН: ЛИДЕР КОМСОМОЛА НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ ЦЕНТРОСОЮЗА (1931–1933 гг.)

С. Г. Горин, канд. ист. наук, доцент

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В 1931–1933 гг. на средних руководящих должностях в Центросоюзе работал бывший генеральный секретарь ЦК комсомола Николай Чаплин, попавший в опалу в начальный период сталинских репрессий и впоследствии расстрелянный. В небольшой биографической заметке рассматриваются малоизвестные факты деятельности этого яркого представителя славной когорты лидеров комсомола довоенного времени на хозяйственном посту члена президиума и председателя правления Всесоюзного объединения кооперативно-общественного питания — Всекопита Центросоюза, где он проработал почти три года.

Ключевые слова: Николай Чаплин, Центросоюз, Всекопит.

Образ молодежного лидера двадцатых годов ярко воплотился в Николае Чаплине, широко известном в партийных и комсомольских кругах довоенного периода [1, с. 22–24]. Политическая жизнь его началась в Смоленске: в 16 лет он становится одним из организаторов Социалистического союза рабочей молодежи, в 17-летнем возрасте вступает в партию и возглавляет уездно-городской комитет РКСМ.

В апреле 1920 г. опытного комсомольского работника ЦК РКСМ направляет для работы в Сиббюро, он становится секретарем Тюменского губернского комитета комсомола. Избирался делегатом III съезда РКСМ от Тюменской комсомольской организации. Наладив работу в Сибири, по решению ЦК возвращается

на комсомольскую работу в Смоленскую губернию, затем становится заведующим политпросветом ЦК РКСМ. 16 октября 1922 г. приказом по Флоту и Народному комиссариату по морским делам произведен в почетные моряки Рабоче-крестьянского Красного флота. В октябре 1922 г. был направлен в Тифлис секретарем Закавказского крайкома комсомола.

В начале 1924 г. во время внутрипартийной дискуссии с группой комсомольских работников выступал с осуждением идей Л. Д. Троцкого, впоследствии боролся с зиновьевской оппозицией, выступая иногда даже в меньшинстве на стороне И. В. Сталина. Активно критиковал колеблющихся работников комсомола независимо от должностей. Автор многих теоретических работ по молодежным проблемам того времени, деятельности и влияния комсомола в молодежной среде.

По инициативе Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова в 1924 г. становится секретарем, а через три месяца первым секретарем ЦК РКСМ (с марта 1925 г. — генеральным секретарем ЦК комсомола). Именно на этом посту в полной мере проявились способности Н. Чаплина как организатора и вожака молодежи, теоретика комсомола, пламенного трибуна и публициста. Был делегатом II–VIII съездов комсомола, XII–XVII съездов партии, выступал на них с докладами как представитель ЦК молодежного Союза. Член делегации комсомола в Коммунистическом Интернационале молодежи (КИМ), с 1924 по 1934 г. — кандидат в члены ВКП (б), до 1928 г. — член ВЦИК и ЦИК СССР.

Николай Чаплин оставил большое литературное наследие. В своё время хорошо были известны его яркие выступления: «Об оппозиционной клевете на комсомол», «О комсомоле и партийной оппозиции», «Против троцкистской теории «барометра», «Против зиновьевского союза крестьянской молодёжи», «Против правооппортунистической опасности в комсомоле», «Против теории «нейтральности» комсомола во внутрипартийной борьбе». Он автор книг «Комсомол в полосе социалистического строительства», «О культурничестве и политике в деятельности ВЛКСМ», «Ленинский путь комсомола», обобщающих богатый опыт деятельности союза. Живо откликаясь на злобу дня, выступил инициатором издания и автором брошюр и сборников: «К истории наших разногласий», «Кому доверить руководство?», «Активист, каким он должен быть?», «Комсомол на переломе», «Комсомол на пути к новым успехам», «Военная опасность и комсомол» [2]. В 1930 г. под его редакцией совместно с А. В. Косаревым выходила серия брошюр «История ВЛКСМ в съездах».

В 1928 г. Н. Чаплина направили учиться на курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б). После окончания курсов был назначен вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП (б), но, как оказалось, ненадолго (его быстро сменил на этом посту растущий партийный работник Лаврентий Берия) [3]. Это было связано с разоблачением антипартийной фракционной деятельности в тот период первого секретаря Закрайкома ВКП (б) В. В. Ломинадзе и Председателя Совнаркома РСФСР С. И. Сырцова. Н. Чаплин вовремя «не сообщил партии», не принял «должных» мер, а значит, способствовал работе право-левацкого блока [4]. Отозвав в Москву, бывшего комсомольского и опального партийного работника направили на хозяйственную работу в Центросоюз, а вскоре

вообще удалили из столицы, назначив в 1933 г. начальником политотдела Мурманской (Кировской) железной дороги.

В 1931 г. Н. П. Чаплин стал членом президиума Центросоюза и председателем правления Всекопита. Ему доверили один из самых хлопотных и трудных участков кооперативной деятельности — общественное питание. Тогда же, 19 августа, вышло постановление ЦК ВКП (б) «О мерах улучшения общественного питания». В нём были отмечены и без того известные недостатки в этой отрасли: низкие вкусовые качества блюд, неразвитость сети столовых, нехватка квалифицированных кадров и др. На плечи Н. Чаплина легла огромная ответственность — вывести кооперативное общественное питание из прорыва.

Страна возводила промышленные гиганты первой и второй пятилеток и общественное питание рассматривалось как «цех питания» предприятия — завода, шахты, новостройки. Здесь уместно вспомнить, что потребительская кооперация тех лет являлась в большей мере городской и в меньшей степени сельской организацией. Кооперативные предприятия общепита тоже были дислоцированы главным образом в городах и промышленных центрах. Свои обязанности «шеф-повара» потребительской кооперации Н. Чаплин добросовестно исполнял в течение почти 3 лет. За этот период кооператоры сумели расширить сеть предприятий питания, увеличить выпуск блюд, несколько улучшить их качество. Помимо буфетов, чайных и столовых была создана сеть фабрик-кухонь — крупных полумеханизированных предприятий. Есть сведения, что ход строительства фабрик-кухонь и столовых Чаплин держал под своим личным контролем. Правда, лучшие из них были переданы организациям государственной торговли, ибо власти начали осуществлять курс на свертывание деятельности потребительской кооперации в городах [5, с. 371–372].

В прозаическое дело общественного питания он привнес комсомольские методы руководства. Кто-то из коллег назвал его «главным поваром страны». Чаплин выбрал себе в Москве рабочую столовую и ходил туда постоянно, осваивая технологию производства. На рабочие совещания к себе приглашал не только руководителей отрасли, но и рабочих, студентов, школьников, чтобы из первых рук узнать, как их кормят. Часто ездил по стране, вникая в суть проблем, старался стать, как писал в письме домой, «толковым кооператором» [6, с. 128].

В воспоминаниях бывшего центросоюзовца В. С. Аксельрода говорится, что в работу Всекопита Чаплин вносил партийную страстность и деловитость, весь жар своего комсомольского сердца. Только человек предельно ответственный и серьёзный мог в условиях острого дефицита продовольственных ресурсов справиться с задачей организации общественного стола для питания широкого контингента рабочих, служащих, студентов [7, с. 83–86].

Во второй половине 1930-х годов в стране приближалось время серьезных репрессивных трансформаций. В 1937 г. Н. Чаплин был арестован. После убийства С. М. Кирова и смерти С. Орджоникидзе обвинялся в принадлежности к «ленинградскому шпионско-вредительскому диверсионному террористическому центру», действовавшему при обкоме и горкоме ВКП (б) с разветвленной сетью филиалов. 22 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян. Реабилитирован в 1955 г. Военной коллегией Верховного суда СССР и восстановлен в партии КПК при ЦК КПСС.

Список литературы

1. Аристов Ю. С., Горин С. Г. Лидеры комсомола: от всплеска революционной стихии к крушению союза: сибирские события, лица, факты. — Новосибирск, 2019. — С. 22–24.
2. Николай Чаплин. Часть 2. — URL: <https://vk.com/@kprf32-nikolai-chaplin-chast-2-ya> (дата обращения: 30.10.2020).
3. Сто лет комсомолу: легкая кавалерия атакует школу. — URL: <https://www.mk.ru/social/2018/04/08/sto-let-komsomolu-legkaya-kavaleriya-atakuet-shkolu.html> (дата обращения: 30.10.2020).
4. Зенькович Н. А. Самые румяные вожди. Энциклопедия комсомольских карьер. — Москва: Олма Медиа Групп. — 2008. — С. 399.
5. Вахитов К. И. Кооператоры России: история кооперации в лицах. — Москва, 2016. — С. 371–372.
6. Рыклин М. Обреченный Икар. Красный Октябрь в семейной перспективе. — Москва: Новое литературное обозрение, 2017. — С. 128.
7. Аксельрод В. С. Как мы учились торговать. — 2-е изд. — Москва, 1986. — С. 83–86.

УДК 342.3

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC COUNCILS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Zh. Kadyrbek, student

Research advisers: K. S. Akhmetova – Associate Professor, candidate of legal sciences, Zh. A. Iskakova – Senior lecturer

*Karaganda Economic University of Kazpotreboysuz,
Karaganda, Republic of Kazakhstan*

The article examines some aspects of the legal regulation of the formation and activities of public councils in Kazakhstan. Exploring foreign legislation and practice, the authors come to the conclusion that it is advisable to amend the Kazakh legislation on public councils in terms of the procedure for their formation.

Keywords: participation of citizens in the management of state affairs, public councils, public hearings, public control, public expertise, public monitoring, rule of law, civil society.

The most important feature of a democratic, legal state is the direct interaction of public authorities and citizens. The Republic of Kazakhstan, in accordance with Article 1 of the Constitution, is proclaimed a democratic, secular, legal and social state [1]. These fundamental values underlie the organization of the entire state mechanism, determine the procedure for the formation of public authorities, the system of their interaction with civil society, and determine the strategic directions of the development of society and the state.

One of the forms of interaction, consultations between the state and the public are public councils, which can also be created in the form of all kinds of consultation meetings, commissions, committees, etc.

Today, public councils in one form or another function in almost all countries, most of them at the local government level. Practice shows that the effectiveness of the work of public councils directly depends on the professional level of representatives of the public and state bodies, as well as their desire to conduct a constructive dialogue with each other, on how much the authorities are interested in the work of such councils. Also, the effectiveness of the work of public councils is significantly influenced by the specifics of legislative consolidation in normative acts of issues regulating the procedure for their creation and activities.

The legal framework for public participation in public decision-making in different countries is established in the normative acts of various levels. The possibility of creating such structures can be provided for in the country's constitution (for example, the French Constitution in section XI establishes the constitutional foundations of the Economic and Social Council), in special laws (for example, in Russia, the Public Chamber of the Russian Federation and public chambers of the constituent entities of the Russian Federation are created on the basis of federal law and laws of the constituent entities of the Russian Federation), in the regulations of the work of state bodies or regulatory acts of executive bodies.

An analysis of the chronology of institutionalization of public councils in Kazakhstan showed that the idea of their creation was initiated by the First President N. A. Nazarbayev in his annual messages. However, before the implementation of specific instructions, the idea was formal and unsystematic, since there was no single normative act that would regulate the creation and operation of public councils and contained a mechanism on the basis of which it is possible to organize public participation in the development and implementation of state programs, plans, regulations as an ongoing process. Public councils were created under various state bodies and the legal status of such councils was established by normative acts that were issued by the same bodies [2].

In order to implement the instructions of the Head of State to ensure broad participation of public institutions and citizens in decision-making by state bodies, which he outlined in the program article "100 concrete steps" [3], on November 2, 2015, the Parliament adopted the Law of the Republic of Kazakhstan "On public councils".

The law enshrined general provisions regarding the legal status of public councils, limiting the scope of their functioning by central executive bodies, as well as local government bodies, despite the fact that all kinds of scientific, consulting and other councils have been created and operate under other state bodies, which does not apply the concept of "public council".

In the Law, public councils are designated as consultative, advisory, supervisory bodies formed by ministries, bodies directly subordinate and accountable to the President of the Republic of Kazakhstan, as well as local government bodies on issues of their competence (clause 1 of article 1) [4]. Public councils are created at the republican and local levels. At the same time, the functions of the Public Council at the level of a village, township, rural district, city of district significance are assigned to the meeting of the local community.

In modern scientific literature, the issue of determining the legal nature of public councils is widely discussed: are these structures elements of civil society, or are they public and state structures, or state bodies [5, p.25; 6, p. 115]? From our point of view, such a variety of opinions regarding the nature of public councils depends on the peculiarities of legislative regulation of the order of their formation and activity in each specific country.

In Kazakhstan, public councils are mostly public and state structures. The following arguments can be singled out to confirm our position: this is the procedure for the formation and composition of public councils, the goals of creation and functioning, the forms of work used and their results.

The purpose of the activities of public councils in Kazakhstan is to express the views of civil society on socially significant issues. The Law defines the following tasks of public councils: firstly, it is representing the interests of civil society and taking into account the opinion of the public when discussing and making decisions at the republican and local levels; secondly, the development of interaction between central and local executive bodies and local government bodies with civil society; and thirdly, the organization of public control and ensuring the transparency of the activities of central and local executive bodies and local government bodies.

According to the Law on Public Councils, public control can be carried out in the form of public monitoring, public hearing, public examination and hearing a report on the results of the work of a state body (paragraph 1 of article 17). Decisions made by public councils are of a recommendatory nature for the relevant state body, which, within the time specified by the Law, gives a reasoned answer signed by the first head or a person replacing him.

In the specialized literature, based on the analysis of world experience in the formation of public councils, depending on the share of participation of representatives of civil society and representatives of state bodies, the following four models of forming the composition of public councils are distinguished:

- 1) Model "1/3 of the state body + 2/3 of the civil society";
- 2) Model with "domination of civil society with minimal participation of the state body";
- 3) Model of equal representation of the state body and civil society, or "50/50";
- 4) Model "100 % participation of civil society" [7, p. 18–27].

At the same time, various methods of forming public councils can be used: election of the entire composition; appointment of the entire staff by state bodies; mixed method (some of the members of public councils are elected, some are appointed by a state body); method of competitive selection; random order of council formation (using special methods that guarantee the representation of various socio-demographic groups of the population, as well as ensure their accidental hit).

In Kazakhstan, the procedure for the formation and implementation of activities of public councils of all levels is currently determined by the above-mentioned Law "On Public Councils" and the Model Regulations on the Public Council [8].

In accordance with the specified normative legal acts, the procedure for forming public councils consists of two stages. The first stage is the formation of a working

group on the creation of public councils, the second is the formation of the public councils themselves.

The quantitative composition of the working group at the republican level is determined by the head of the state body under which the public council is created, he is also the head of this group.

The quantitative composition of the working group at the local level is determined by the head of the local representative body of the maslikhat, who is also the head of the working group.

The composition of the working group on the formation of the Public Council is created from among representatives of state bodies and on a competitive basis from among representatives of non-profit organizations and citizens. At the same time, it is stipulated that in the composition of the working group, the representation from the state body cannot exceed one third of the total number of all members of the working group. The head of the state body, under which the public council is created, independently determines the personal composition of this representative office. Civil society representation is formed on the basis of proposals from non-profit organizations and citizens.

Within five working days after the end of the formation of the list of candidates, a meeting of the working group is held with the participation of candidates for the working group.

The head of the working group, members of the working group appointed by the head of the state body, as well as candidates for members of the working group from non-profit organizations and citizens take part in the voting on the election of members of the working group from civil society. At the same time, a candidate from a non-profit organization, a citizen does not take part in voting for his candidacy. The candidates with the largest number of votes are considered elected to the working group. The composition of the working group is approved by the decision of the head of the state body.

The second stage — the direct formation of the Public Council begins with the development of a draft regulation on the Public Council by the working group based on the Model Regulation.

Public councils are formed by a working group from among representatives of state bodies and on a competitive basis — representatives of non-profit organizations, citizens.

Candidates for members of the public council can be nominated by non-profit organizations, citizens, including through self-nomination.

The number of members of the public council is determined by the working group. At the same time, the number of representatives of civil society must be at least two thirds of the total number of council members.

The final decision on each candidate is made by open vote. The formed composition of the public council is approved by a decision of a state body or a decision of a local representative body.

In general, we can conclude that the creation of public councils under government bodies in Kazakhstan today is a relatively new institution and needs further development and improvement in order to ensure the effective implementation of

public control, reduce the level of corruption in governance structures and strengthen the role of civil society. in the legal life of the state.

The very concept of "public council", in our opinion, implies that it should be about superior representation of the public. The Kazakhstani experience in the formation of public councils is generally consistent with global practice. In the Kazakh model, at least 2/3 of the members of public councils are representatives of the civil sector. At the same time, the formation of public councils by a working group, which includes representatives of state bodies, and the final lists are approved by the head of the state body under which the council is created, as well as the fact that representatives of state bodies take part in the voting on the adoption of the final decision of public councils, reduces the value these councils as independent bodies representing the interests of population groups.

From these positions, the experience of legal regulation of the activities of the Council of the City of Porto Alegre is of certain interest to us [9, p. 28] in Brazil. This Council consists of 48 members, of which 46 are representatives of civil society and only 2 are representatives of state bodies. Representatives of the authorities in this council do not have the right to vote; they can only influence the decisions of council members only by providing the arguments of the municipality, as well as the necessary additional information.

We also see a further strengthening of the role of public councils under state authorities as an institutional basis for public coordination of the interests of the state and various social groups in strengthening its independence and independence within its competence, ensuring the availability of recommendations of the public council and strengthening information transparency and publicity of its activities and decisions.... All this, in turn, can become a very promising direction for the continuation of scientific research on the stated research topic.

References

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan, adopted on August 30, 1995 at a republican referendum (with amendments and additions as of March 23, 2019). Electronic resource, link: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (date of appeal: 11.05.2020).
2. See: On the establishment of the Coordinating Council for Interaction with Non-Governmental Organizations under the Government of the Republic of Kazakhstan: Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan, December 21, 2005, No. 1262; On the formation of the Public Council on Mass Media (Information Policy) under the President of the Republic of Kazakhstan: Decree of the President of the Republic of Kazakhstan, December 10, 2002, No. 993; On the formation of the Council for Legal Policy under the President of the Republic of Kazakhstan: Order of the President of the Republic of Kazakhstan, February 19, 2002, No. 303; On the establishment of the Public Council for Control over Police Activities under the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan: Order of the Minister of Internal Affairs of

- the Republic of Kazakhstan dated April 13, 2007, No. 146; Regulations on the Public Chamber under the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan: Appendix No. 1 to the Resolution of the Bureau of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan dated November 20, 2007 No. 72-IV BM. Electronic resource, link: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (date of appeal: 11.05.2020).
3. The nation's plan — 100 concrete steps to implement five institutional reforms of the Head of State Nursultan Nazarbayev. Electronic resource, link: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (date of appeal: 11.05.2020).
 4. Law of the Republic of Kazakhstan dated November 2, 2015 "On Public Councils". Electronic resource, link -https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (date of appeal 11.05.2020).
 5. Institutionalization of the interaction of civil society with public authorities in public law formations: Monograph. under total. ed. A. I. Kuzmina, L. I. Voronina]. — Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2018.
 6. Grib V. V. The Public Chamber of the Russian Federation as an Element of Political and Legal Institutionalization of Civil Society: Monograph. — Moscow: Publishing house. group "Lawyer", 2010.
 7. Public Councils in Kazakhstan: Main Development Trends: Brochure / Ed. Shaukenova Z. K. — Astana: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2017.
 8. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the Model Regulations on the Public Council" dated December 31, 2015 No. 1194, with amendments and additions made dated August 24, 2018 No. 516). Electronic resource, link — https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (date of appeal: 11.05.2020).
 9. Wampler, Brian. Participatory budgeting in Brazil: Contestation, Cooperation and Accountability. 2007.

УДК 342.56

ПРАВОСУДИЕ КАК ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Е. В. Князева, магистрант

*Научный руководитель **Н. В. Сараев, канд. юрид. наук, доцент***

Ростовский филиал ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»,

г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье автор анализирует правосудие как ведущую функцию судебной власти в Российской Федерации. Рассматриваются различные подходы к пониманию сущности правосудия. Результат анализа дефиниции «правосудие» позволил сделать вывод о нетождественности его с понятием судопроизводства.

Ключевые слова: принцип разделения властей, суд, судебная власть, функция, правосудие, судебная система.

В соответствии с Конституцией в Российской Федерации установлен принцип разделения властей. Судебная власть представляет собой обособленную ветвь государственной власти, такую же независимую, как законодательная и исполнительная. Она обеспечивает укрепление законности и правопорядка. Самостоятельный и обособленный характер судебной власти обусловлен наличием государственно-властных полномочий и проявляется через особые функции.

В настоящее время общество проявляет повышенный интерес к развитию судебной системы Российской Федерации. Являясь механизмом государственной защиты, судебная система имеет особое значение в реалиях правового государства. Она представляет собой общественного арбитра, защищающего каждую сферу жизни социума, регламентированную правовыми нормами. Судебная система призвана обеспечивать стабильность основ конституционного строя, охранять правопорядок, гарантировать единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права членов общества.

История существования классового общества свидетельствует о том, что система органов государственной власти всегда формировалась во взаимосвязи с функциями государства, т. к. именно они отражают волю социальных групп, в чем состоит сущность государственной власти. Судебной власти отводится особое место в структуре государственной власти любого государства.

Все явления социальной действительности реализуют собственное предназначение в процессе функционирования. Функции судебной власти следует рассматривать в аспекте не только функций государства, но и функций права, т. к. судебная власть является результатом их симбиоза.

Эффективность функционального метода исследования правовых явлений отмечалась в научных трудах середины XX века. Так, Т. Н. Радько верно заметил, что анализ функций позволяет рассмотреть сущность любого явления [1, с. 109]. В. М. Корельский полагал, что только функции обеспечивают проникновение непосредственно в сущность явления и вскрывают его основные характеристики, т. к. между сущностью и функциями не существует границ [2, с. 108].

В актуальных исследованиях правовой доктрины ученые сходятся во мнении о том, что функционирование социальных явлений отражает сущность и черты таких явлений, их значение и роль в жизни социума, проблемы и перспективы развития [3, с. 82]. Таким образом, функционирование судебной власти — основа для понимания её многоаспектной сущности.

Термин «функция» имеет латинское происхождение и переводится как «исполнение, осуществление, совершение». В соответствии со словарем С. И. Ожегова, функция — это круг деятельности, работы, назначение, роль [4, с. 856].

Содержание данной дефиниции многогранно, т. к. её применяют различные отрасли знаний. Если рассматривать термин «функция» в философском аспекте, то под ним следует понимать внешнее выражение характеристик объекта в определенной системе отношений, отражение взаимосвязи между объектами [5, с. 526]. Аналогичный подход используется в физике и математике, где функция отображает зависимость между переменными величинами.

С социологической точки зрения, функция подразумевается как роль социального института или процесса в потребностях социальной группы [6, с. 138]. В правовом поле такой подход отражает основные направления деятельности определенного явления, выражающего его сущность и социальное назначение [7]. Особое значение судебной власти заключается в том, что через призму основ конституционного строя она позволяет защитить права и интересы, восстановить нарушенные права и проверить нормативно-правовые акты на законность [8].

Термин «правосудие» является многоаспектным явлением, под которым возможно понимать:

- судебную власть в целом, которая реализуется судами;
- функцию судебной власти и деятельность судебных органов;
- непосредственно судебный процесс.

Судебная власть реализуется через ряд функций, совокупность которых составляет компетенцию системы судебных органов. В свою очередь функции права традиционно изучаются с позиции социологического подхода через социальное назначение и правовое воздействие на членов общества.

Анализ соотношения функций права и государства позволяет сделать вывод о том, что функционирование данных явлений не тождественно, но взаимосвязано. Функции государства и права образуют диалектическое единство с социальным назначением. Функции судебной власти зависят непосредственно от функций государства и права. Судебная власть направлена на разрешение социальных конфликтов, обеспечение стабильности и правопорядка.

Список литературы

1. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. — Волгоград, 1974.
2. Корельский В. М. Общая теория социалистического государства. — Свердловск, 1970.
3. Абрамов А. И. Понятие функций права // Журнал российского права. — 2006. — № 2.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд. — Москва, 1997.
5. Флоров И. Т. Философский словарь. — Москва, 1986.
6. Прохоров А. М. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. — Москва, 1971. — Т. 28.
7. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. — Самара, 1999.
8. Братчикова Д. А. Правосудие как функция судебной власти в РФ // Молодой ученый. — 2020. — № 17 (307).

**ОБЪЕКТИВНО-ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
ДЕЛИКТОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ**

Н. А. Маркова, канд. юрид. наук

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Статья посвящена исследованию исторических и современных аспектов объективно-противоправного поведения в контексте возрастных характеристик субъектов юридической ответственности. Особое внимание в статье уделено вопросам исследования законодательной регламентации ответственности и процессуальных аспектов правоприменительной деятельности. В статье обоснована необходимость по корректированию норм действующего законодательства в целях единообразного правового регулирования.

Ключевые слова: деликтоспособный возраст, юридическая ответственность, объективно-противоправное поведение, невменяемое состояние, наказуемость.

Объективно-противоправное поведение выступает в качестве автономного феномена с самостоятельными структурно-функциональными составляющими элементами. Возрастные характеристики субъектов нарушения права наряду с вменяемостью выступают в качестве обязательных условий юридической ответственности с учетом наличия либо отсутствия свойственных психологических проблем и отклонениями в поведении.

При оценке объективно-противоправного поведения необходимо принимать во внимание деликтоспособный возраст и социально-волевые составляющие личностного поведения в момент совершения правонарушений (бездействие), влекущих наступление установленных законодательством правовых последствий, связанных с применением соответствующих мер ответственности, ввиду нарушения установленных правил регулирования общественных отношений [1].

С исторической точки зрения, идеи об установлении в качестве условия исключения применения мер ответственности относительно субъекта нарушения норм права таких оснований, как недостижение установленного возраста, установлены в ст. 18 УК РСФСР 1922 г. [2]. В указанном правовом акте установлено правило, свидетельствующее о невозможности применения установленных мер ответственности к малолетним до 14 лет, а также к несовершеннолетним от 14 до 16 лет в случаях возможности применения относительно данной категории субъектов мер медико-педагогического характера.

УК РСФСР 1926 г. в качестве субъекта преступления признавал физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет [3].

В последующий период времени сложившаяся тенденция ужесточения мер ответственности и уголовной политики привела к снижению деликтоспособного возраста. Так, существенным изменениям подверглась ст. 12 УК РСФСР, поскольку была введена ответственность в отношении детей, достигших 12 лет,

если они уличались в совершении краж, причинении насилия, нанесении телесных повреждений, убийстве или покушении на убийство.

В УК РСФСР 1960 г. [4] минимальный возраст был повышен с 12 до 14 лет, общий возраст уголовной ответственности определен с 16 лет [5].

В п. 1 ст. 20 УК РФ установлен общий критерий деликтоспособного возраста — 16 лет. Вместе с тем законодательно установлено, что за ограниченно определенные перечнем деяния ответственности подлежат лица, достигшие 14 лет. Интерес представляет исследование имеющейся правоприменительной деятельности, связанной с наличием проблемных моментов при установлении правомерности привлечения лица к ответственности ввиду недостижения установленного требованиями законодательства возраста ответственности. Так, судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РФ отменен приговор и прекращено уголовное дело ввиду установления в судебном заседании факта недостижения субъектом ответственности деликтоспособного возраста, установленного УК РФ [6].

Важным аспектом уголовно-правового регулирования выступает регламентирование обстоятельства ненаступления уголовной ответственности вследствие того, что субъект достиг деликтоспособного возраста, но ввиду отставания в психическом развитии во время совершения деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Несомненно, существенное значение имеют особенности соблюдения правоприменителем установленных нормами права обязательных процессуальных элементов при осуществлении правоприменительной деятельности. Так, в соответствии с кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции установлено, что в судебном заседании районного суда, в нарушение требований уголовно-процессуального законодательства, подсудимый, достигший 16-летнего возраста и страдающий на момент совершения инкриминируемых ему деяний психическим расстройством, допрашивался без участия педагога или психолога, что повлекло нарушение прав подсудимого лица и, как следствие, отмену приговора [7].

Следовательно, можно констатировать, что на различных исторических этапах развития человеческой цивилизации отчетливо прослеживается тенденция рассмотрения вопросов соотношения и разграничения противоправных деяний с объективно-противоправным поведением. Комплексный подход в рассмотрении данных аспектов находится в непосредственной взаимосвязи с пониманием сущности и законодательного закрепления деликтоспособного возраста, установления критериев невменяемого состояния, влекущего неприменения мер ответственности к соответствующим субъектам правонарушений.

Установление деликтоспособного возраста выступает в качестве принципиально важной генерализированной направленности правового регулирования вопросов применения ответственности.

Историко-правовое исследование правовых актов свидетельствует о том, что классической моделью объективно-противоправного поведения выступает, прежде всего, противоправное поведение малолетних и душевнобольных лиц.

Соответственно, не формируется полная объективная структура правонарушения ввиду противоправности и наказуемости совершенного объективно-противоправного деяния, поскольку отсутствует вина лица, его совершившего. Кроме того, следует указать такое важное обстоятельство, что формула установления деликтоспособного возраста, закрепленная в уголовном законодательстве, не идентична установленным в иных отраслях права, что, несомненно, требует внесения изменений в соответствующие нормы права в целях единообразного понимания исследуемой категории и исключения неопределенностей и сложностей в правоприменительной практике.

Список литературы

1. Сатарова Н. А. Некоторые аспекты выработки понятия «правонарушение» // Вестник Владимирского юридического института. — 2008. — № 1 (6). — С. 210.
2. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 01.06.1922. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.11.2020).
3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. в редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22.11.1926. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.11.2020).
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.11.2020).
6. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года, утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 26.12.2012. — URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 07.11.2020).
7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 № 77–158/2020. — URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 07.11.2020).

МЕМУАРЫ АРХИВИСТОВ СИБИРИ XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ, ОТРАЖАЮЩЕЙ СОБЫТИЯ И ДУХ УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ

В. В. Мусеев, канд. ист. наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия

В статье на основе архивных фондов Государственного архива Новосибирской области и фондов личного происхождения, а также научно-исследовательской литературы анализируются документы мемуарного характера, которые, являясь источником уникальной информации, отражают дух уходящей эпохи, освещают деятельность известных архивистов Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, архивное дело, архивисты, архивные учреждения, архивные фонды, воспоминания, зональный научно-методический совет, мемуары, Новосибирская область, фонды личного происхождения.

Мемуары, являясь источником уникальной, но субъективной информации, ценны исследователям и интересны рядовым читателям тем, что отражают дух времени, оживляют деятельность конкретных персон уходящей эпохи.

Огромные пласты документов с воспоминаниями, дневниками, подробными автобиографическими заметками откладываются в государственных и ведомственных архивах.

В 2006–2008 гг. были выявлены и взяты на учет хранящиеся в государственных архивах Сибири воспоминания, автобиографии, путевые записки и дневники о природе, населении, экономике, общественной, политической и культурной жизни этой огромной территории. В результате стало возможным сделать анализ выявленных источников сибирской региональной мемуаристики XIX в., который и был осуществлен группой исследователей под руководством доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института истории Сибирского отделения РАН Н. П. Матхановой [3]. Авторы сделали важный вывод, что обнаруженные источники свидетельствуют о богатстве сибирских архивов, масштабе мемуарного творчества сибиряков, однако исследования подтвердили предположения о том, что мемуары все еще сравнительно редко используются в научных трудах по истории Сибири, за исключением сюжетов политической ссылки.

За прошедшие годы ситуация заметно изменилась в лучшую сторону. Так, в 2014 году в Новосибирске был издан ценнейший справочник — тематический путеводитель по документам личного характера, фондам личного происхождения и коллекциям Государственного архива Новосибирской области (далее — ГАНО). Это 764-страничное издание с фотоиллюстрациями [7], доступное для всех исследователей на сайте Управления государственной архивной службы

Новосибирской области¹. Тщательный анализ указанного путеводителя на предмет наличия в нем записей о мемуарах, дневниках, письмах крупных деятелей государства, общества, науки, культуры, экономики, а также воспоминаний современников о них приводит нас к масштабной информации.

В фондах ГАНО имеются подобные документы руководителей исполнительной власти Сибирского края, Западно-Сибирского края и Новосибирской области, г. Новониколаевска-Новосибирска и, в частности, С. А. Шварца, В. М. Косарева, Л. В. Решетникова, П. Я. Гордиенко, В. П. Мухи, И. И. Индинка, В. А. Толоконского и других.

Хорошо представлены воспоминания политических и общественных деятелей. Среди них А. Н. Адоньева, Е (А). В. Бердникова, П. Я. Волков, И. В. Громов, Д. Д. Киселев, Я. М. Кузнецов, А. Н. Пепеляев (генерал-лейтенант, командующий 1-й Сибирской армией Сибирского Временного правительства, руководитель контрреволюционного мятежа в Якутии), В. Н. Пепеляев (премьер-министр Сибирского Временного правительства (1918–1920), Д. А. Шамшурин (член Обской группы РСДРП, участник большевистского антиколчаковского подполья), А. П. Филатов.

В фондах ГАНО имеются мемуарные документы руководителей крупных предприятий промышленности, строительства и транспорта (А. И. Брыкин — директор Новосибирского завода полупроводниковых приборов, генеральный директор производственного объединения «Изомер», Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. В. В. Козлов — генеральный директор НПО «Союз», Герой Социалистического Труда. Н. П. Никольский — начальник Западно-Сибирской железной дороги, Герой Социалистического Труда) и другие.

Много воспоминаний оставили ученые, деятели науки, искусства, здравоохранения, писатели, журналисты. Среди них такие известные имена, как И. М. Ветлугин, С. Е. Кожевников, А. Л. Коптелов, А. А. Кухно, И. М. Лавров, Ю. М. Мостков, Л. Н. Сейфуллина, Н. Н. Яновский, З. Ф. Булгакова, М. И. Невитов, А. Н. Новиков, В. П. Редлих, И. В. Титков, Е. А. Батурина, Н. В. Безрядин.

В фонде ГАНО представлена объемная переписка выдающейся поэтессы Елизаветы Стюарт с литераторами и деятелями культуры². На хранении находится интереснейший личный фонд детского писателя, артиста-чтеца Юрия Магалифа³, который содержит рукописи прозаических и драматических произведений, сказок для детей, статей, очерков, произведений для эстрады, телевидения. Но главная ценность для исследователей — это его дневники, которые он передавал на хранение с условием, что они не будут доступны при его жизни, потому что, как он говорил: «Слишком там много неприятной правды для ныне живущих людей».

В ГАНО на хранении находится личный фонд выдающегося ученого-историка Н. Н. Покровского⁴ — академика Российской академии наук, профессора,

¹ Управление государственной архивной службы Новосибирской области : офиц. сайт Упр. ГАС НСО. – Новосибирск, 2020. – URL : http://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/page_1309/sudby_0.jpg/ (дата обращения: 09.12.2020). – Режим доступа: управление государственной архивной службы Новосибирской области, свободный.

² Ф.Р-2072. Название фонда «Стюарт Елизавета Константиновна (28.09.1906 - 03.02.1984)».

³ Ф.Р-775. Название фонда «Магалиф Юрий Михайлович (16.07.1918 - 28.01.2001)».

⁴ Ф.Р-2475. Название фонда «Покровский Николай Николаевич (20.06.1930 – 13.10.2013)».

крупного специалиста в области русской истории XIV–XX вв., исследователя истории русского старообрядчества. Значительное место в его фонде занимают воспоминания, письма, фотографии.

Хранится в ГАНО фонд выдающихся сибирских ученых — супругов Ромодановских¹. Константин Владимирович — советский анатом, профессор, создатель нового научного направления (функциональная морфология лимфатической системы). Елена Константиновна — советский и российский ученый-литературовед, директор Института филологии Сибирского отделения РАН, член-корреспондент Российской академии наук, профессор, автор исследований русской литературы XVII — XVIII вв., процесса зарождения литературы на территории Сибири, специалист в области исследования древнерусской литературы, источниковедения, текстологии и археографии.

В фонде Сибкрайкома ВКП (б) ГАНО² имеется на хранении автобиография Вегмана Вениамина Давидовича³ — большевика, который общался с Лениным, Крупской, Бухариным, Троцким. Но современным исследователям интереснее то, что он не только крупный организатор и общественный деятель, но и выдающийся сибирский архивист, основатель Сибархива и Сибистпарта, заведующий Сибирской книжной палатой. Среди документов, находящихся в архиве, настоящим шедевром является его автобиография — многостраничный труд, где в свободной беллетристической форме с неожиданными подробностями, размышлениями показана его жизнь, начиная с детских лет. На основе этого фонда в 2010 г. архивисты совместно с Институтом истории СО РАН выпустили сборник документов «Вениамин Вегман: государственная, научная и общественная деятельность» [1], в котором представили биографические документы Вегмана (письма, записки, заявления, фотографии) из разных архивных фондов: партийного архива Новосибирского обкома КПСС (Ф. П–5а), Общества изучения Сибири и ее производительных сил (Ф. Р–217), Управления государственной архивной службы администрации Новосибирской области (Ф. Р–2) и др.

В 2020 г. Государственный архив Новосибирской области пополнился переданным из Москвы уникальным фондом⁴, содержащим в себе переписку, документы и фотографии заместителя руководителя Сибархива в 1920–1930 гг. А. А. Черных и его супруги, школьного учителя Е. М. Черных, а также их сына — известного новосибирского художника К. А. Черных. В данном фонде собран комплекс уникальных документов личного характера — воспоминания, письма, фотографии, телеграммы, рисунки, уникальная биографическая справка о представителях многочисленной семьи Черных в Сибири.

Среди 120 фондов личного происхождения в Государственном архиве области имеются и личные фонды архивистов XX в. — наших современников.

¹ Ф.Р-2452. Название фонда «Ромодановский Константин Владимирович (15.06.1889, г. Самара – 08.02.1968, г. Новосибирск)».

² Ф.П-2.

³ Ф.П-2. Оп. 6. Д. 1877. Л. 4.

⁴ Общее название фонда «Черных Александр Алексеевич (1878–1942) — заместитель заведующего Сибирского краевого архивного бюро, Западно-Сибирского краевого архивного управления (1925–1934), директор Исторического архива Архивного отдела УНКВД по Новосибирской области (1939–1940); Черных Елена Максимовна (1893–1985) — педагог дошкольного образования».

В первую очередь это фонд А. Н. Козионовой¹, видного архивиста-практика межрегионального масштаба, заслуженного работника культуры РСФСР [4]. В нем отложились уникальные документы, в т. ч. и мемуарного характера. Например, Анна Николаевна пишет о том, как ее в 1950 г. встретил Государственный архив Новосибирской области, куда она прибыла по распределению: «Небольшое двухэтажное здание было аварийным, не пригодным для хранения документов и не украшало центр города. Отопление — печное в рабочем помещении, в хранилищах царили круглогодичный холод и плесень» [2]. Прочувствовав все невзгоды и трудности архивистов в тех условиях, увидев собственными глазами гибель документов от сырости и грибковых заболеваний, именно А. Н. Козионова стала инициатором и «мотором» строительства нового здания государственного архива. Из воспоминаний Анны Николаевны мы узнаем, что во время своей работы в качестве руководителя архивной службы Новосибирской области она познакомилась и активно сотрудничала с крупными учеными Новосибирского научного центра Л. М. Горюшкиным, В. С. Познанским, В. Л. Соскиным. Особенно ценными были встречи и беседы, сотрудничество с академиком А. П. Окладниковым, который всегда с большим желанием участвовал в мероприятиях архивистов, потому что хорошо понимал и ценил значение архивов и роль самих архивистов. Особая роль принадлежит А. Н. Козионовой в создании и становлении зонального научно-методического совета архивных учреждений Сибири. Она была его первым председателем и идейным вдохновителем, возглавляла его 16 лет и сумела так выстроить работу совета, что плоды ее ощущаются и поныне. После завершения своей профессиональной деятельности Анна Николаевна еще долгое время активно интересовалась делами архивистов области, следила за публикациями в печати, происходившими политическими событиями.

Исследователей истории становления и развития архивного дела в Сибири могут также заинтересовать документы, имеющие отношения к Н. Д. Вертоградской — партийному и советскому работнику, начальнику архивного отдела управления Министерства внутренних дел Новосибирской области (16.03.1953–22.10.1960)². Среди них рукописи и другие работы, написанные по документам Государственного архива Новосибирской области. Имеется подробная биографическая справка о Н. Д. Вертоградской, составленная дочерью, В. И. Гельфандт. Следует обратить внимание и на воспоминания о самой Н. Д. Вертоградской.

В фондах Государственного архива области имеются воспоминания о И. Г. Зобачеве — журналисте, партийном работнике, научном сотруднике партийного архива Новосибирского обкома КПСС (1949–1952 гг.)³.

Значительный интерес представляют материалы и личные документы Н. В. Безрядина — руководителя отдела использования и публикации документов

¹ Ф. Р-2440.

² Ф. Р-861, 63 ед. хр., 1919, 1924–2002 гг., оп. 1, именной указатель; Ф. П-3. Оп. 15. Д. 3421; Ф. П-4. Оп. 18. Д. 2213; Оп. 56. Д. 4578, 5673; Ф. П-22. Оп. 5. Д. 884, 1123; Ф. П-48. Оп. 4. Д. 126; Ф. П-375. Оп. 3. Д. 50; Оп. 5. Д. 716.

³ Ф. Р-2025, 181 ед. хр., 1895–1975 гг., оп. 1; Ф. П-5. Оп. 4. Д. 367; Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 129а. ЛЛ. 176–177.

(1987–1991), заведующего сектором справочной работы Государственного архива Новосибирской области (1991–2002), а ранее редактора новосибирской областной газеты «Советская Сибирь» (1961–1987), члена правления Союза журналистов СССР, руководителя новосибирской областной организации Союза журналистов. Это записные книжки, рабочие блокноты, тетради, рукописи статей, очерков, заметок о революционном движении, деятелях революционного движения в Сибири, политических репрессиях, истории возникновения г. Новониколаевска, истории периодической печати дореволюционного Новониколаевска и рабочие материалы к ним¹.

В фондах ГАНО находятся материалы, имеющие отношение к В. Т. Гузеевой — заведующей партийным архивом Новосибирского обкома КПСС (1960–1971 гг.), историке-архивисте, исследователе революционного движения в Сибири и истории новосибирской партийной организации².

Воспоминаниям и другим личным документам архивистов Новосибирской области руководители архивной службы и Государственного архива всегда придавали особое значение. Начало системной работе было положено в 2000 г., когда были собраны и опубликованы в специальном сборнике воспоминания архивистов [8]. В нем размещены воспоминания руководителей органов управления архивным делом из 13 регионов Сибири (Республики: Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия; края: Алтайский, Красноярский; области: Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Читинская). В сборнике нашли свое место воспоминания 36 архивистов Новосибирской области. В их числе такие видные архивисты, как В. Я. Кузьминчук (служил архивам 35 лет), Р. К. Суханова (заслуженный работник культуры Российской Федерации), О. К. Кавцевич (заслуженный работник культуры Российской Федерации), Л. М. Живоглядова, И. П. Иконникова, А. И. Благирева.

В дальнейшем работа по публикации воспоминаний архивистов Новосибирской области была продолжена с помощью информационно-методического бюллетеня «Новосибирский архивный вестник», который начал выходить с 1999 г.³

Большая работа по выявлению и оформлению документов мемуарного характера ныне живущих архивистов была проведена в архивных учреждениях и органах по управлению архивным делом Сибири в 2020 г. в связи со 100-летием со дня создания Сибирского архивного управления (Сибархива), которому было поручено организовать губернские архивы, поставить архивное дело и руководить им на территории всей Сибири в её дореволюционных географических границах, включая часть нынешнего Казахстана и Якутию.

Значимой финальной частью всей работы с привлечением ветеранов архивного дела в юбилейном 2020 г. можно считать сбор воспоминаний архивистов Сибири и публикация их в сборнике [6].

¹ Ф. Р-1401, 192 ед. хр., 1925–2005 гг., оп. 1; Ф. П-4. Оп. 56. Д. 213.2.

² Ф. Р-2084, 255 ед. хр., 1965–1990 гг., оп. 1; П-4. Оп. 56. Д. 7017; П-22. Оп. 5. Д. 1425; Оп. 7. Д. 1179.

³ Управление государственной архивной службы Новосибирской области : офиц. сайт Упр. ГАС НСО. – Новосибирск, 2020. – URL: <http://archive.nso.ru/page/102> (дата обращения: 17.11.2020). – Режим доступа: управление государственной архивной службы Новосибирской области, свободный.

Сборник представляет собой юбилейное издание к 50-летию научно-методического совета архивных учреждений Сибирского федерального округа [5].

Коллектив составителей ставил перед собой задачу через воспоминания ныне живущих ветеранов архивного дела регионов Сибири показать историю создания, становления и развития уникального общественного органа по координации научно-методической работы архивных учреждений Сибири, инструмента эффективного взаимодействия руководителей и специалистов сибирских архивных органов и учреждений, сотрудничества с учеными-историками.

Исследование истории архивного дела невозможно без изучения результатов деятельности личностей, стоявших у руководства архивным делом, крупных ученых, историков-архивистов. Нельзя составить полную картину, не исследуя практическую деятельность и творчество провинциальных архивистов, среди которых есть фигуры масштаба, выходящего далеко за пределы Сибирского региона. Вместе с тем воспоминания самих архивных деятелей Сибири не так часто публикуются, поэтому составители сборника посчитали, что воспоминания руководителей архивных органов и учреждений регионов Сибири, работавших в разные периоды, начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени, будут весьма ценными для понимания условий, в которых действовали и продолжают работу научно-методические советы, а также архивные учреждения Сибири.

При подготовке издания были собраны и обработаны опубликованные и по большей части неопубликованные личные документы, рукописи, печатные и электронные сообщения ветеранов-архивистов из 9 регионов Сибирского федерального округа и ранее входивших в него территорий. Для публикации в сборнике поступили тысячи фотографий.

Все эти документы и фотографии могут составить ценнейшую коллекцию в фонде научно-методического совета архивных учреждений Сибирского федерального округа.

Для публикации отобрано 21 воспоминание и 240 фотографий. Особую ценность представляют коллективные фото за 50 прошедших лет с указанием фамилий и должностей участников заседаний научно-методического совета.

В сборнике, кроме воспоминаний, имеются поздравления руководителя Росархива А. Н. Артизова и председателя научно-методического совета архивных учреждений Сибирского федерального округа К. В. Захарова, историческая справка, фотографии, отражающие рабочие будни членов НМС в ходе его заседаний и памятный альбом НМС с коллективными фото.

Список литературы

1. Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: сборник документов к 90-летию Сибархива / Сост. Л. С. Пашенко, Е. А. Мамонтова, С. Г. Петров, Л. И. Пыстина. — Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2010. — 450 с.
2. Козионова А. Н. Мой путь к храму истории // Мы шли дорогой одной: сборник воспоминаний ветеранов Железнодорожного района. — Новосибирск, 2002. — С. 39–45.

3. Мемуаристика XIX в. в государственных архивах Сибири / Н. П. Матханова, В. В. Моисеев, Е. В. Ильина, Т. Г. Мальцева // Отеч. архивы. — 2008. — № 5. — С. 51–57.
4. Моисеев В. В. Видные архивисты Сибири. А. Н. Козионова — организатор межрегионального сотрудничества архивистов Сибири во второй половине XX века // Сибирский архив. — Новосибирск: управление государственной архивной службы Новосибирской области. — 2020. — № 3. — С. 18–30.
5. Моисеев, В. В. История организации и деятельность научно-методического совета архивных учреждений Сибири в контексте развития отечественного архивного дела. 1970–2005 гг.: историко-документальное исследование / В. В. Моисеев. — Управление государственной архивной службы Новосибирской области. — Новосибирск: Новос. кн. изд., 2006. — 248 с.
6. Нам есть о чем вспомнить: сборник воспоминаний ветеранов архивного дела Сибири / сост.: канд. ист. наук В. В. Моисеев, С. Г. Овчинников, Ю. Л. Дудко [и др.]; под ред. К. В. Захарова. — Новосибирск, 2020. — С. 34–45.
7. Новосибирском связанные судьбы: тематический путеводитель по документам личного характера, фондам личного происхождения и коллекциям Государственного архива Новосибирской области. — Новосибирск, 2014. — 764 с.
8. Сибирские архивы. История и современность: сборник очерков и воспоминаний архивистов Сибири / Ком. гос. арх. службы адм. Новос. обл., Гос. архив Новосибирска; сост. О. В. Выдрина, М. И. Корсакова, В. В. Моисеев, В. А. Шлыкова [и др.]; отв. за выпуск О. В. Выдрина. — Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2000. — 313 с.

УДК 340.130.55

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОРУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПРАВОВОГО АКТА

Р. А. Осипов, канд. юрид. наук, ст. преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия

В статье проводится анализ правовой природы поручения Президента Российской Федерации как особой разновидности правового акта, издаваемого главой государства. Исследовано целевое назначение данного правового акта, а также обозначена его значимость как инструмента конституционно-правового контроля главы государства.

Ключевые слова: правовой акт, поручение Президента РФ, Президент РФ, акты Президента РФ.

На сегодняшний день в научной и учебной литературе (как по общей теории государства и права, так и по отраслевым юридическим дисциплинам) отсутствует единообразие в понимании сущности и правовой природы поручения Президента Российской Федерации как правового акта.

Данное упущение в свете недавних изменений, внесенных в Основной Закон страны, является достаточно существенным.

Следует отметить, что поручение Президента РФ как правовой акт дается в целях реализации своих конституционных полномочий главой государства достаточно часто, о чем свидетельствуют многочисленные примеры современной юридической практики. Именно обширная практика применения данного правового акта во многом и побудила законодателя зафиксировать в Конституции РФ наименование последнего [5].

Поручение все-таки нельзя объективно считать полноценной новеллой, т. к. данный акт применялся и в 90-х годах прошедшего века. Первый Президент России Б. Н. Ельцин в своем указе от 6 ноября 1996 г. № 1536 устанавливал персональную ответственность за «своевременное и полное исполнение поручений Президента Российской Федерации» и обязывал предоставлять информацию о принятых мерах по исполнению поручений Президента [3].

Согласно Указу Президента РФ от 28 марта 2011 г. № 352, поручения Президента РФ даются в целях реализации его конституционных полномочий и могут быть даны любым федеральным государственным органам, высшим должностным лицам субъектов РФ [2].

Стоит согласиться с позицией М. А. Краснова [8] о плюрализме мнений в вопросе понимания сущности поручения как правового акта главы государства. Проблема определения правовой природы того или иного юридического документа напрямую взаимосвязана с их классификацией. Если обратиться к исторической ретроспективе, можно привести мнение известного правоведа Н. М. Коркунова, который классифицировал акты главы государства как юридические и технические. К последним следует отнести и поручения Президента РФ. Также согласно общеизвестной классификации юридических документов, критерием которой является характер правовой информации, юридические документы принято подразделять на 4 базовых группы: нормативные документы, ненормативные документы, документы, фиксирующие юридические факты, интерпретационные документы.

Исходя из достаточно разнообразного перечня юридических документов, издаваемых Президентом РФ, можно с уверенностью отнести к правовым актам только его указы и распоряжения. Данные акты главы государства носят подзаконный характер, занимают подчиненное по отношению к Основному Закону страны, федеральным конституционным законам и федеральным законам место в иерархии нормативных правовых актов.

Помимо указов и распоряжений, Президент РФ издает следующие юридические документы: послания, запросы, заключения, письма, обращения, программы, стратегии, концепции, доктрины. Примечательно, что за исключением послания, особенности принятия и издания данных документов главой государства на законодательном уровне не регламентированы.

Если говорить о правовой природе поручений, то она в действующем законодательстве Российской Федерации не определена. Так, согласно официальной позиции Администрации Президента РФ, поручение определяется как

«служебный документ, издаваемый Президентом РФ, который не является нормативным правовым актом и не содержит норм права».

Тогда резонно может возникнуть вопрос: можно ли отнести поручения Президента РФ к ненормативным правовым актам? Интересной является позиция В. П. Уманской [9], которая полагает, что поручения Президента РФ можно рассматривать как акт с неопределенным статусом. Противоположной точки зрения придерживается В. Е. Зорькин [7], считающий, что «поручение как инструмент реализации полномочий Президента РФ обладает такими же юридическими свойствами, как указы и распоряжения Президента РФ». Некую пограничную позицию занимает А. В. Ваньков [6], рассматривающий поручение как ненормативно-правовой акт.

Последнюю позицию можно признать наиболее оптимальной, т. к. поручения Президента РФ, оформленные в качестве самостоятельного документа, обладают всеми признаками ненормативного правового акта: они построены по правилам официально-делового стиля, свойственного ненормативным правовым актам, стиль президентских поручений отличается предельной конкретикой, четкими формулировками, не допускающими различных толкований, указанием исполнителей и сроков исполнения тех или иных поручений. Они обращены к конкретным адресатам, поэтому не устанавливают каких-либо общих правил поведения. Они содержат односторонние властные предписания, обязательные для исполнения, а их действие всегда является однократным.

Подводя итог, следует отметить, что содержание поручений характеризует однородность своих ключевых характеристик, а юридическая процедура их издания относительно менее формализована, чем издание указов и распоряжений.

Поручения главы страны на сегодняшний день выступают в качестве эффективного инструмента президентской политики, а внесение соответствующих поправок в Конституцию РФ еще больше повышает их роль и значение для российской правовой системы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.) // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Указ Президента РФ от 28 марта 2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2011. — № 14. — Ст. 1880.
3. Указ Президента РФ от 6 ноября 1996 года № 1536 «О мерах по совершенствованию организации контроля и проверки исполнения поручений Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1996. — № 46. — Ст. 5341.
4. Письмо Администрации Президента России от 10 января 2018 г. № А26-01-ЗИ-118025191 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Артамонов А. Н. Поручение президента как правовой акт // Вестник Брянского государственного университета. — 2020. — № 3 (45). — С. 149–154.
6. Ваньков А. В. Правотворчество Президента США в сопоставлении с отдельными аспектами правотворчества Президента Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 6. — С. 14–18.
7. Зорькин В. Е. Ежегодные Послания Федеральному собранию Российской Федерации как акт Президента Российской Федерации // Юридическая мысль. — 2011. — № 2 (64). — С. 35–39.
8. Краснов М. А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2012. — № 1. — С. 160–227.
9. Уманская В. П. Тенденции правотворческой деятельности Президента РФ и направления ее совершенствования // Закон. — 2010. — № 5. — С. 29–35.

УДК 34:004.738.5

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В. О. Осташевская, обучающийся

*Научный руководитель Ю. В. Герасименко, ст. преподаватель
Донецкий национальный университет (ГОУ ВПО «ДонНУ»),
г. Донецк, ДНР*

В статье проведен анализ влияния интернета на правовую культуру общества и трансформацию его взглядов в контексте права. Выявлены проблемные вопросы, возникающие между пользователями сети. Акцентировано внимание на профилактику правонарушений в сети Интернет.

Ключевые слова: сеть Интернет, отношения в сети Интернет, правовая культура, правосознание, социальный институт.

С развитием процесса цифровизации современный человек всё чаще и чаще сталкивается с проблемой становления и функционирования нового социального института в обществе — интернет-сферой. Т. В. Ефимова в своей работе «Интернет как среда социализации современной личности» [5] отмечает, что интернет отвечает одному из важнейших критериев социального института — это удовлетворение устойчивой социальной потребности за счет реальных функций, которые он выполняет. Интернет играет активную роль в развитии отношений между людьми. На первый взгляд может показаться, что эта роль недостаточно значима, хотя именно с этим и связано столь несвоевременное обращение внимания на проблемы в рамках интернет-сети.

Сеть Интернет для человека представляется как свободное пространство, в рамках которого можно найти абсолютно любую информацию, получить образование, найти друзей и построить крепкие отношения, выбрать увлечение по душе и даже построить свою виртуальную жизнь, где предметы куплены за деньги реального мира. Объём полученного контента от сети Интернет не

представляется возможным перечислить, поскольку эти возможности ежедневно увеличиваются. Важно при этом отметить, что интернет как социальный институт формирует новые общественные нормы и ценностные ориентиры.

Просторы сети Интернет позволяют публиковать и продвигать абсолютно любой материал. Как правило, в сети Интернет преобладает контент развлекательного характера, и не всегда этот материал соответствует требованиям закона, нормам морали, человеческой культуре да и просто здравому смыслу. Иногда такой контент продвигают обычные пользователи сети Интернет, а иногда — государства. Количество информации, которая по своей сути бесполезна, образует информационный шум. Информационный шум — это культурный феномен, возникший в XX веке, который описывает наличие в тексте элементов, усложняющих его понимание, искажающих смысл изложенного или вовсе полностью препятствующих адекватному пониманию его содержания. Поиск той информации, которая нужна человеку, требует терпения и времени, поскольку вниманию представлено большое количество информации, которую нужно прочесть и удостовериться в ее правдивости. Развлекательный контент обращает на себя больше внимания, как и таргетированная реклама, а это, в свою очередь, делает более длительным поиск действительно нужного материала.

Проблемами развития правовой культуры современного общества занимались такие ученые, как как С. С. Алексеев, Д. А. Керимов, Е. А. Лукашева, Н. Н. Вопленко, В. П. Малахов, О. Н. Мигущенко, Т. В. Синюкова и др. Особый интерес у ученых (М. А. Иванова, А. А. Курносенко, Н. Н. Лебедева) вызывает исследование проблем изменения правовой культуры в условиях развития сетевых отношений. Какова роль правовой культуры в сети Интернет, когда Сеть представляет собой свободное пространство?

Следует согласиться с мнением выдающегося ученого С. С. Алексеева, который под «правовой культурой» понимал состояние правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики, выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности, т. е. своего рода «юридическое богатство» общества. На сегодняшний день значение правовой культуры в этой новой сфере общественных отношений имеет первостепенное значение. Вызвано это проблемами, которые за время существования Сети не нашли своего решения в рамках социальной саморегуляции. В статье рассмотрены те вопросы, которые могут быть разрешены с помощью правосознания и правовой культуры личности и общества.

Одним из таких вопросов является нарушение авторских прав. На уровне закона это было решено наложением норм права интеллектуальной собственности на аналогичные отношения в Сети. Первым, кто привлек внимание к данной проблеме, был Билл Гейтс, который выступил против концепции «авторское лево» (копилефт) [2] — эти термины возникли как противоположные понятиям «копирайт» и «авторское право», для того чтобы не ограничивать свободу использования и распространения программных продуктов. Автором концепции «копилефта» является Ричард Мэттью Столлман. Позже данная проблема была перенесена непосредственно на научные тексты, художественные и музыкальные произведения.

Человек, имеющий высокий уровень правовой культуры, знает и не нарушает авторское право в сети Интернет. Например, в случае копирования информации обязательно указывает автора работы, т. е. в ином случае присвоение себе произведения — нарушение норм авторского права.

Другая проблема — пропаганда в обществе аморального образа жизни. Основанием таких преобразований в обществе является распространение в сети Интернет вредной информации. Под «вредной информацией» следует понимать как недостоверную информацию, так и пропагандистские идеи, противоречащие нормам морали. Поскольку Всемирная паутина имеет свои особенности взаимодействия людей между собой, то люди вне зависимости от возрастной категории более подвержены восприятию вредной информации как должной. Человек, обладающий высоким уровнем правосознания и правовой культуры, может отличить полезную информацию от вредной, удостовериться в правдивости данных.

Вредная информация или информация, подаваемая через информационный шум, не всегда воспринимается взрослым человеком через призму критического мышления, но особенно эта проблема касается подростков.

Сегодня можно сказать, что ведущую роль в социализации ребёнка в обществе играют социальные сети [3]. Всероссийский центр изучения общественного мнения в 2019 году провёл опрос, согласно его результатам ежедневно социальными сетями пользуются 89 % подростков в возрасте от 14 до 17 лет и 53 % взрослых. Время, проведённое подростком в сети Интернет, не всегда является полезным, поскольку дети используют данное время больше для развлечения, играя в онлайн-игры и читая без разбора всю информацию, которая попадает на глаза. Часто интернет становится единственным, кто «понимает» подростка. Подросток не умеет критически оценивать информацию, которую получает в сетях, чем часто пользуются злоумышленники. В 2016 году на просторах сети «ВКонтакте» появились так называемые деструктивные группы «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Тихий дом» и другие. Специалисты относят эти группы к деструктивным культурам.

Деструктивный культ (секта) — разновидность организации, чья практика (религиозная и/или психологическая, т. е. с применением психометодик) признается авторитетными институтами гражданского общества деструктивной в отношении личности в данном обществе, психического и/или физического здоровья, гарантированных прав и свобод человека, самого гражданского общества, его сложившейся традиционной структуры, культуры, норм общественного порядка, ценностей и образа жизни. Эти деструктивные группы [4] пропагандируют игры суицидального характера. В указанных выше играх доведение до самоубийства проходило в ходе «квеста», «завербованным» в который давались индивидуальные номера, 50 дней на принятие решения, по истечении которых означенные должны были совершить «самовыпиливание» (суицид). Расследования по делам самоубийств подростков в результате данных игр, хотя достоверно и не доказано, однако такое предположение вполне правомерно. Доказать вину злоумышленников в интернете достаточно трудно, особенно учитывая объективную сторону доведения до самоубийства.

Призывы к экстремистской деятельности преследуются законом даже в случае, если данные призывы осуществляются с помощью социальных сетей. Как правило, пострадавшими от данной деятельности являются подростки. Часто подростки, которые оказываются по соответствующей статье Уголовного кодекса виновными, не осознают противоправности своих действий.

Перечисленные проблемы свидетельствуют о необходимости активизировать государственную политику по формированию высокого уровня правовой культуры граждан с самого раннего возраста, что невозможно без популяризации в средствах массовой информации, в т. ч. в социальных сетях, высоко-нравственного поведения.

Интернет сегодня следует признать важным социальным институтом в обществе, соответственно, нормы права должны распространяться на его пространство. Поскольку это явление многогранно, построение эффективного интернет-права требует длительной работы и оценки особенностей складывающихся в сетях отношений. Правовая культура как совокупность правовых ценностей должна быть интегрирована и применена в рамках сети Интернет, поскольку развитое правосознание может стать эффективным способом предупреждения совершения правонарушений в Интернете.

Список литературы

1. Исаев Б. А. Социология в схемах и комментариях: учебное пособие. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 224 с.
2. Копилефт или авторское лево // Olunka. — URL: <http://olunka.ru/kopileft-ili-avtorskoe-levo/> (дата обращения: 04.11.2020).
3. Подросток в социальной сети: норма жизни — или сигнал опасности? // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587> (дата обращения: 04.11.2020).
4. Психологические особенности личности членов деструктивных и террористических групп // Пси-фактор. — URL: <https://psyfactor.org/vershinin1.htm> (дата обращения: 04.11.2020).
5. Т. В. Ефимова. Интернет как среда социализации современной личности // Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gup.ru/events/smi/detail.php?ID=167085> (дата обращения: 04.11.2020).

СТОГЛАВ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

В. А. Пастух, обучающийся

*Научный руководитель С. Г. Горин, канд. ист. наук, доцент,
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В работе рассмотрен Стоглав как источник церковного права Русского государства, причины принятия, а также соотношение норм государственного, судебного, уголовного права с церковным правом и виды его редакции. Обозначены проблемы и недостатки данного источника права.

Ключевые слова: Стоглавый собор, Стоглав, миряне, поповские старосты, Судебник.

Во время правления Ивана IV было проведено множество реформ: денежная реформа, которая привела к введению единой валюты — копейки, административная — был утвержден Судебник 1550 года, в результате которого было введено губное управление, отменены кормления и начали появляться должности земских старост. Была проведена военная реформа, которая состояла из введения указа о переселении «тысячи лучших слуг», создания стрелецкого войска.

Одной из важных реформ во время правления Ивана IV стала церковная реформа, которая была осуществлена в 1551 году. В Успенском соборе Кремля присутствовал сам царь Иван Грозный, а также представители дворянства и духовенства: митрополит Макарий, Смоленский архиепископ Гурия, Рязанский архиепископ Касьян, Тверской архиепископ Акакий, Пермский архиепископ Киприан и другие.

Иван Грозный вынес 69 «царских вопросов», которые Собор должен был обсудить и дать на них «ответы» с целью решения церковного вопроса, который на тот момент считался достаточно напряженным. Это представительное собрание было названо Стоглавым собором. В результате его решений был разработан сборник постановлений церковно-земского Собора, который отражал сложившиеся в то время проблемы, касающиеся церковного характера. Он был назван Стоглав, потому что содержал не менее 100 глав (впоследствии была добавлена еще одна глава, связанная с церковным землевладением) и затрагивал моменты, связанные с финансовыми и земельными вопросами. Был определен порядок принятия земли церковью, запрет давать кредиты в виде зерна и денег, а также порядок конфискации земли у церкви, если они ее продавали или покупали. Была рассмотрена дисциплина в рядах духовенства, решение вопросов среди мирян, порядок введения богослужения и отправления обрядов.

В момент принятия Стоглава были написаны наказные списки по постановлению Собора, которые рассылались в виде циркулярных указов (наказных списков) и были обязательны к исполнению в Русском царстве всем православным населением. Принятие и ознакомление церковнослужителей со Стоглавом позволило тем самым утвердить Судебник 1550 года. Согласно общему приговору Ивана Грозного, митрополита и других архиереев, церковь обязывалась

передать государству все земли, которые были получены (пожалованы) после смерти Василия III, т. к. в тот период царил смута, неорганизованность и беззакония боярского правления.

Изъятие земли у церкви происходило не очень гладко, потому что церковнослужители считали, что это может привести к подрыву авторитета среди верующих в момент изъятия земли в пользу государства и бывших владельцев земли (боярства и дворян). Данная задача, которая выдвигалась в Стоглаве, не была решена полностью, и недовольство Ивана Грозного выразилось в приговоре 1551 г., когда покупка церковью земель без «доклада» Ивану Грозному запрещалась под угрозой конфискации объекта продажи.

Государство получило церковно-монастырские землевладения, были сокращены привилегии монастырских вотчинников, но в результате был нанесен удар крестьянству, потому что они обязаны были отдавать часть своих доходов в государственную казну, а монастырские власти пытались возместить нанесенный ущерб путем увеличения поборов с крестьян, которые находились на их вотчинах. Позднее, 15 января 1580 года Иван Грозный подписал так называемый «приговор», согласно которому церковное землевладение отныне стало полностью подконтрольно государству, тем самым прекратился рост церковных земель [1, с. 18].

В финансовых вопросах, которые были рассмотрены вопреки постановлению Собора 1503 года, Стоглав затронул ставленнические пошлыны (денежные сборы, взимаемые правящими архиереями) и при этом установил равную денежную выплату; было решено, что все пошлыны должны собирать не архиерейские чиновники, а поповские старосты.

Должность поповских старост появилась ещё в 1343 г. Они тогда осуществляли раскладку дани и пошлын. Позднее, как было определено в сборнике Стоглав, для оздоровления церкви ввели институт поповских старост. Кроме обязанности сбора дани у старост закрепились функции в качестве церковного благочиния (административная должность священника или должность в качестве надзирателя), а также появилось право присутствовать в суде над духовенством у владычных мирских судей. Но право в работе суда до сих пор оставалось по-прежнему за органами архиерейской власти, а самих поповских старост продолжали контролировать архимандриты. Также задачей поповских старост являлся контроль за соблюдением новых, установленных духовенством «священных правил», которые были поставлены Иваном Грозным в первом же вопросе, обращенном к Собору: «И ныне бо видим и слышим кроме божественного устава многия церковныя чины не сполна совершаются не по священным правилам и не по уставу. И вы бы о всех тех церковных чинех разсудив и указ учинили по божественному уставу и по священным правилам сполна и о всяком священническом и иноческом и о всяком причту церковном, и уставили бы есте старосты поповские надо всеми священники 157 бречения ради церковного и прочил чины по правилам» [2, с. 36].

В соответствии с предложениями Ивана Грозного были закреплены требования совершать церковные службы согласно установленным правилам, а для надзора за исполнением данного решения постановили избирать протопопов

из числа священников. Также был назначен порядок избрания старосты. В 6 главе Стоглава были закреплены требования, которые предъявлялись к поповским старостам: они должны были знать все церковные правила и порядок церковных служб, а также иметь хорошую репутацию [3, с. 51]. За ними закреплялось осуществление контроля за правильным исполнением церковных служб и колокольного звона, за несением церковной службы (порядок осуществления песнопения, изучение церковных книг, молебны о здоровье царя и его семьи, а также о защите православного населения).

Осуществляя надзор за состоянием икон в храмах, старосты должны были опираться на 43 главу Стоглава, где были прописаны основы иконописи и самих иконописцев, а также рассматривались положения, касающиеся морали, надзора над иконописцами, взаимоотношений между мастерами и их учениками и т. д. [4, с. 130].

В «Приговоре» 1551 г. об учреждении и обязанностях московских поповских старост, который служил дополнением к Стоглаву, подчеркивалось, что каждый староста в своем соборе должен иметь (хранить) «Правила Святых Отец», на основании чего контролировался и осуществлялся порядок церковных служб священниками.

Количество поповских старост в Стоглаве было прописано: в столице должно быть назначено семь поповских старост в разные соборы Москвы, а в других городах их количество не было установлено (предположительно староста назначался епископом или митрополитом).

Список литературы

1. «Книга Стоглав» 101 глава и «Свидетельства» в 57 глав — старообрядческие сочинения Тимофея Андреевича Поморского [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--b1algosq.xn--p1ai> (дата обращения: 23.11.2020).
2. Шашников В. В. Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 23.11.2020).
3. Стоглав о тридесяти семи царских вопросах и о церковном строении. Глава 5. Вопрос 1. — С. 36 [Электронный ресурс]. — URL: <https://bookree.org> (дата обращения: 22.11.2020).
4. Стоглав и о тех всех царских вопросах соборный ответ. Глава 6. — С. 51 [Электронный ресурс]. — URL: <https://bookree.org> (дата обращения: 22.11.2020).
5. Стоглав соборной ответ о живописцах и о честных иконах. Глава 43. — С. 130 [Электронный ресурс]. — URL: <https://bookree.org> (дата обращения: 22.11.2020).
6. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Том 2. Часть 1: Митрополиты московские и всея России. — С. 770–771 [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 23.11.2020).
7. Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. : акты, собранные в библиотеках и архивах Российской

- империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. — Т. I. — Санкт-Петербург, 1836. — № 232. — С. 227–228.
8. Иконописная школа-мастерская «Середниково». — URL: intuit-school.live (дата обращения: 20.11.2020).
 9. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 2. — URL: azbyka.ru (дата обращения: 20.11.2020).
 10. Поповские старосты. — URL: <http://www.brocgaus.ru/> (дата обращения: 20.11.2020).

УДК 340.1

СУДЕБНИК 1497 г. КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

А. А. Подборнова, обучающийся

*Научный руководитель С. Г. Горин, канд. ист. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

Судебник 1497 г. как источник права периода феодальной раздробленности стал сборником законов, сыгравших большую роль в процессе последующей централизации Русского государства.

Ключевые слова: Судебник 1497 г., сборник законов, источник права, Русская Правда.

Развитие феодальных отношений на Руси, постепенное формирование централизованного государства потребовали создания новых законодательных актов. С целью централизации государства, подчинения на местах власти Московскому князю были изданы грамоты губернаторской администрации, регламентирующие деятельность приемного персонала, ограничивающие их произвол. Среди них можно назвать ранние уставные грамоты — Двинская (1397 г. или 1398 г.), Белозерская (1488 г.) и др. Памятником финансового права является Белозерский таможенный устав (1497 г.), который предусматривал порядок выкупа взыскания внутренних таможенных пошлин.

В течение XV века полнота государственной власти в руках Великих московских князей поставила вопрос о централизации ее важнейшей сферы — судебной. Таким образом, содержание Судебника 1497 г. носило исключительно процедурный характер. Основной задачей законодателя было определить принципы отправления правосудия и поставить их под контроль центрального правительства. Одобренный великим князем вместе с его боярами, с сентября 1497 года Судебник приобрел юридическую силу. На момент публикации новый общий закон не имел названия, но обычно именовался Судебником по аналогии с Судебником Ивана IV и по существу содержания [3].

Судебник 1497 г. является важным памятником права. Это кодифицированный законодательный акт в эпоху правления Великого московского князя Ивана III — «Свод законов великого князя». Большинство статей содержат нормы уголовного, уголовно-процессуального и гражданского права. Большинство норм Судебника 1497 г. были посвящены процессуальному праву.

Наряду с оригинальными элементами состязательного процесса появляются элементы судебного процесса инквизиции. Были, в частности, предусмотрены попытки в отношении воров (обязательно). Помимо пыток, элемент процесса инквизиции появился в виде письменного протокола судебного заседания [2].

В Судебнике 1497 г. рассматривались материально-правовые нормы, которые включали положения о купле-продаже, займе, наследовании и др. Впервые этот документ юридически оформляет прикрепление свободных земледельцев к земле. Прежняя полная свобода перехода крестьян стала ограничена сроком и выплатой.

Источниками Судебника 1497 г. были Русская Правда, Псковский судебный устав, действующее законодательство московских князей. Он не просто резюмировал собранный юридический материал. Были переписаны более половины статей, часто кардинально пересматривались старые нормы. Судебник 1497 г. содержал в основном нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Хотя он знаменует собой новый шаг в развитии права, некоторые вопросы в нем урегулированы менее полно, чем в Русской Правде. Это, в частности, относится к гражданскому и обязательственному праву. Таким образом, можно предположить, что Судебник 1497 г. не полностью заменил предшествующее законодательство. Некоторые нормы Русской Правды остались в силе и в Судебнике 1497 г.

По словам А. А. Зими́на, источниками последней части Судебника 1497 г. были нормы Русской Правды, Псковский судебный устав и действующее княжеское законодательство, особенно Двинская и Белозерская грамоты губернаторской канцелярии. Тот факт, что стандарты судебных процедур были созданы на основе юридической практики, а не на базе государственных уставов, которые существовали до опубликования Судебника, «помогает понять, насколько большую работу пришлось провести русским кодификаторам конца XV в.». Сравнивая Кодекс Древней Руси — Пространную правду с Судебником 1497 г., главной проблемой которого «была организация судопроизводства по всему государству и регулирование судебных издержек представителем, осуществлявшим суд в центре и на местах», А. А. Зимин отмечает, что Судебник 1497 г., будучи национальным кодексом, является важной вехой в истории российского законодательства [1].

Судебник как источник права был содержательно кратким и бедным по сравнению с Русской Правдой, не говоря уже о судебных грамотах Пскова и Новгорода. Целью его публикации было утверждение правосудия и обеспечение прочной основы для всей дальнейшей законодательной деятельности. Этот законодательный сборник — первый единый для всей Руси.

Список литературы

1. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социал.-полит. истории. — Москва: Мысль, 1982. — 333 с.
2. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. — Москва: Мысль, 1985.

3. Осадчук Е. И. Судебник 1497 года как памятник русского феодального права. Общая характеристика: научная статья по истории и археологии. — 2013. — № 8. — С. 218–222.

УДК 341.6

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В МИРЕ

Ю. А. Рудь, обучающийся

*Научный руководитель Л. Ю. Одегова, канд. юрид. наук, доцент
Донецкий национальный университет (ГОУ ВПО «ДонНУ»),
г. Донецк, ДНР*

Представлен зарубежный опыт становления и развития института омбудсмента. Установлено, что данный институт является эффективным правозащитным механизмом и служит для укрепления правовой основы и законности деятельности государственных органов в каждом государстве.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, омбудсмен, правозащитный механизм, контроль за соблюдением.

На современном этапе развития правовых, демократических государств институт омбудсмента может быть признан как эффективный правозащитный механизм, являясь важным фактором укрепления правовой основы и законности деятельности государственных органов, формирования стабильного взаимодействия между государством и гражданином.

Предпосылки появления должности уполномоченного по правам человека появились еще в Древнем мире, когда впервые была произведена попытка по установлению контроля над исполнением положений правоустанавливающих документов, касающихся прав и свобод граждан.

В Афинах в 509 г. до н. э. полномочиями по осуществлению контроля и надзора за администрацией обладал архонт-эпоним. Греческая *гелиэя* рассматривала жалобы на судебные решения и осуществляла контроль за администрацией.

В 494 г. до н.э. в Древнем Риме были введены должности народных *трибунов*, которые обладали полномочиями по вынесению протеста на решение сената, а также по наложению вето на решения патрицианских магистратов.

В Древнем Китае был создан орган — контрольный *юань*, а в Османской империи действовали *мухтасибы* — служащие специальной организации, руководствующиеся законами шариата и следящие за претворением в жизнь исламских моральных норм [1, с. 55].

Статус и функции этих должностных лиц имели приближенные к *омбудсмену* признаки, но существенная разница во внешних условиях их деятельности — рабовладельческая эпоха, неразвитость законодательного процесса, отсутствие четких правоохранительных механизмов — не дает возможности назвать это время периодом зарождения прототипа уполномоченного по правам человека современного мира.

Тем не менее, основы для создания государственного органа, функцией которого является контроль за соблюдением прав и свобод человека государственными органами и должностными лицами, были заложены.

Следующим этапом в истории развития института омбудсмена можно обозначить XVI в. и учреждение новой должности, ранее неизвестной в мире.

Впервые на законодательном уровне должность уполномоченного по правам человека была закреплена в Швеции в XVI в. Законом об учреждении Королевского омбудсмена. Возникновению института омбудсмена способствовали историко-политические аспекты развития страны. После разгрома шведов под Полтавой в Северной войне король Карл XII был вынужден находиться в Турции. За время его отсутствия система управления в государстве пришла в упадок, страна нуждалась в наведении порядка среди чиновников и судей. Обязанность надзора за деятельностью правительства была возложена на королевского омбудсмена юстиции. Омбудсмен получил звание Канцлера юстиции и широкие полномочия по контролю органов правосудия и королевской администрации.

В 1809 году пост омбудсмена претерпел существенные изменения. В соответствии с Конституцией Швеции введен институт омбудсмена юстиции, который был уже отделен от Канцлера юстиции, подчиненного королю. Главным отличием парламентского омбудсмена от канцлера юстиции являлось то, что канцлер защищал интересы короля, а парламентский омбудсмен — интересы простых людей от нарушений закона чиновниками. Именно парламентский омбудсмен является прототипом современного уполномоченного по правам человека [2, с. 187].

В начале XX века институт уполномоченного по правам человека стал появляться в скандинавских странах, ближайших соседях Швеции (Финляндии, Норвегии, Дании).

Европейские страны (Великобритания, Франция, Испания), а также Канада и США, используя опыт других стран, с 1950-х годов приступили к реформированию механизма защиты прав человека путем учреждения поста омбудсмена.

В странах ближнего зарубежья (Россия, Армения, Казахстан) практика введения должности *уполномоченного* появилась недавно, что было обусловлено изменениями в политико-правовой системе, становлением демократических режимов и усовершенствованием основ конституционализма [3, с. 25].

Уполномоченный по правам человека — это должностное лицо, на которое возлагается защита прав и свобод человека, нарушение которых представляет собой одну из глобальных проблем человечества. Для преодоления трудностей в практической реализации защиты прав и свобод граждан необходимо не только декларирование прав и свобод, а создание правозащитного аппарата, который бы контролировал их выполнение. Поэтому главными задачами функционирования уполномоченного по правам человека являются соблюдение, восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина; совершенствование законодательства и правовое просвещение в области прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты; взаимодействие с государственными органами по защите прав и свобод человека и гражданина;

развитие и координация международного сотрудничества в области прав и свобод человека и гражданина, а также их защиты [4, с. 23].

Важной чертой работы омбудсмена является обеспечение свободы отношений между гражданином и государственными структурами от бюрократических правонарушений.

Укрепляя свои позиции в мировой юридической практике, институт омбудсмена стал гармоничным дополнением в системе государственных органов. Для расширения сферы контроля и повышения уровня эффективности функционирования института уполномоченных по правам человека сложилась система специализированных омбудсменов. Особенности полномочий определяет социальное положение групп субъектов, на защиту прав которых направлена их деятельность. Наиболее распространены среди специализированных омбудсменов являются омбудсмены по правам ребенка, военнослужащих и предпринимателей.

Следует отметить, что Швеция стала колыбелью не только для обычной модели института уполномоченного по правам человека, но и для специализированного омбудсмена. Именно здесь в 1915 году было создано особое ведомство, которое занималось исключительно военными вопросами и успешно функционировало до 1967 года. Так в мировой юриспруденции появился омбудсмен по делам военнослужащих.

Сегодня базовыми мотивами создания института военного омбудсмена являются: обострение международных конфликтов, расширение влияния террористических организаций, ожесточенная внешняя политика отдельных стран, кризисные явления в отношениях военнослужащих и государств.

В отличие от универсального уполномоченного по правам человека, юрисдикция военного омбудсмена распространяется на вооруженные силы, что обуславливает специфику направления его деятельности. Первичной обязанностью уполномоченного по правам военнослужащих является исполнение контроля над администрированием и функционированием армии с тем, чтобы их военная служба проходила в соответствии с законом и международным гуманитарным правом [9, с. 5].

В целом институту омбудсмена принадлежит важная роль в том, чтобы вооруженные силы даже в период мировой нестабильности руководствовались и действовали в соответствии с принципами верховенства права и соблюдения прав человека. Такие омбудсмены есть в Нидерландах, Чехии.

Необходимость учреждения института детского омбудсмена вызвана серьезными нарушениями прав детей, особенно в наименее развитых странах. Уполномоченный по правам ребенка имеет широкий спектр функций, включающих в себя защиту прав конкретного ребенка и представительство его интересов, расследование дел по индивидуальным жалобам детей, внесение рекомендаций в государственные органы по совершенствованию законодательства в области охраны прав ребенка, содействие повышению информированности о правах ребенка — как самих детей, так и взрослых, посредничество в случаях возникновения конфликта между ребенком и его родителями, представление докладов о проделанной работе и о положении дел в вопросе соблюдения прав ребенка.

Следует отметить, что институт омбудсмена по правам ребенка появился в мировой практике относительно недавно. Первое ведомство уполномоченного по правам ребенка было создано в Норвегии в 1981 году. Сегодня такие уполномоченные есть более чем в 30 государствах мира. Например, в России они работают как на федеральном уровне, так и в 68 регионах страны [5].

Идея создания бизнес-омбудсмена набирает популярность среди правовых государств. По мнению специалистов, либерализация системы государственного контроля за бизнесом, усиление возможностей для отстаивания предпринимателями своих интересов с помощью бизнес-омбудсмена принесли бы больше пользы с точки зрения наполнения государственного бюджета благодаря улучшению инвестиционного климата, чем репрессивными мерами. Уполномоченный по правам предпринимателей выполняет свои полномочия с целью способствования прозрачности деятельности органов государственной власти, предотвращения коррупционных деяний и других нарушений законных интересов предпринимателей. Бизнес-омбудсмен существует в Грузии, России, США.

Однако этим перечнем институт специализированных омбудсменов не исчерпывается: в Дании функционирует институт омбудсмена по защите прав потребителей, в Венгрии — по защите персональных данных, в Европе введен институт уполномоченного по жилищным вопросам, а также банковские и страховые омбудсмены [6].

Многолетний опыт зарубежных стран доказывает, что уполномоченный по правам человека оправдывает свою роль, назначение и цели, а также влияет на укрепление статуса человека и гражданина, его прав и свобод путем осуществления беспристрастного разбирательства и предоставления разнообразной правовой защиты.

Список литературы

1. Мешкова А. В. Политическое взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с федеральными институтами государственной власти (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Мешкова Александра Владимировна; Московский государственный областной университет. — Москва, 2014. — 174 с.
2. Небога Н. З. История возникновения института уполномоченного по правам человека // Вестник КарГУ. — Караганда, 2008. — С. 184–194.
3. Башимов М. С. Институт омбудсмена (уполномоченного по правам человека) / М. С. Башимов. — Астана: Фолиант, 2003. — 78 с.
4. Федоров А. Д. Роль и значение уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве: юридический журнал. — 2012. — № 1. — 23 с.
5. Калих А. И. Институт уполномоченного по правам военнослужащих (военных омбудсменов) зарубежных стран: доклад // Центр развития демократии и прав человека / А. И. Калих. — Санкт-Петербург, 2013. — 22 с.

6. Институт уполномоченного по правам ребенка // Приоритеты в стране: www.unicef.by: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). Представительство в Республике Беларусь. — 2014. — URL: <http://www.unicef.by/unicef-v-belarusi/priority-v-strane/7.html> (дата обращения: 02.11.2020).
7. Кирильчук В. В. Альтернативные виды омбудсменов [Электронный ресурс] // Конституционное право: 3222.ua: правовая помощь. — URL: http://3222.ua/ru/article/alternativn_vidi_ombudsmenv_.htm (дата обращения: 05.11.2020).

УДК 323.283

ГОСУДАРСТВО, ТЕРРОРИЗМ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Е. С. Сыздыкбеков, магистр, ст. преподаватель

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (КЭУК)
г. Караганда, Республика Казахстан

В статье анализируются вопросы взаимовлияния и взаимозависимости СМИ и современного терроризма, позиции государства в отношении неоднозначной роли масс-медиа в освещении террористических актов. СМИ рассматриваются в качестве центрального фактора распространения терроризма в глобальном масштабе.

Ключевые слова: государство, средства массовой информации, терроризм, социальные сети, общественное мнение, противодействие терроризму.

Трудно переоценить сложность взаимоотношений между государством, терроризмом и средствами массовой информации (СМИ). Возможно, ни одна другая проблема не характеризовалась столь большим интересом исследователей феномена терроризма.

Террористические организации существовали и задолго до появления телевидения и вообще СМИ — тогда число людей, читавших газеты, было велико. И в те времена террористы учитывали демонстрационный эффект: отличие в том, что они стремились воздействовать не столько на население в целом, сколько на государство, точнее на его правящие круги, которым они объявляли войну. Это объясняется тем, что «старый» терроризм носил узкий политический характер.

Ситуация изменилась в условиях современных глобализационных процессов. Информационные технологии коренным образом изменили образ жизни людей во всех аспектах повседневной жизни. Одним из следствий этого общества является его открытость, а также доступность информации. В настоящее время терроризм связан со СМИ неразрывно. Современный терроризм теряет смысл, если его результаты СМИ не будут доносить в каждый дом. Сегодня СМИ во всех странах фактически являются соучастниками террористов, делая именно то, что требуется террористам — рассказывают о них и показывают результаты их деятельности.

Многие из насильственных атак, которые мы наблюдаем сегодня, по крайней мере, частично задуманы с учетом освещения в СМИ, нацелены не только на реальные жертвы, но и на миллионы потрясенных зрителей по всему миру. Давление, оказываемое на СМИ для привлечения аудитории, перед лицом непрекращающихся волн технологических и финансовых преобразований может создать соблазн сосредоточиться на сенсации и быть первым, кто сообщит о критической информации и даже слухах, не обращая внимания на достоверность источников информации.

Террористический акт всегда имеет психологический подтекст — это стратегия, призванная вызывать страх среди масс населения. Без публичности можно было бы утверждать, что терроризм не имеет большого смысла и, следовательно, бесполезен. Чем масштабнее и жестче террористический акт, тем больше о нем будут сообщать СМИ. Более того, существует сильная корреляция между известностью того или иного вопроса в освещении в СМИ и тем значением, которое придает ему широкая общественность.

СМИ являются наиболее важным каналом влияния на массовое общественное мнение и формирование повестки дня. Что же понимается под СМИ? Обратим внимание на определение, которое дается в казахстанском законодательстве: «средство массовой информации — это «периодическое печатное издание, радио- и телепрограмма, кинодокументалистика, аудиовизуальная запись и иная форма периодического или непрерывного публичного распространения массовой информации, включая интернет-ресурсы» [1]. Таким образом, СМИ — это то, в чем содержатся сообщения и материалы, предназначенные для распространения неопределенному кругу лиц. В зависимости от формы, в которой зафиксированы материалы и сообщения, различают шесть видов СМИ: периодические печатные издания, радиопрограммы, телепрограммы, видеопрограммы, кинохроникальные программы, интернет-ресурсы и иные формы [2, с. 47].

Несмотря на то, что в современном демократическом обществе полный контроль над СМИ практически невозможен и нежелателен, публичные заявления государственных должностных лиц или политиков могут определенным образом формировать «лицо» террористов и тем самым способствовать созданию «терроризма». Эти заявления могут и часто подхватываются СМИ и доводятся до сведения общественности.

Существуют почти симбиотические отношения между терроризмом и СМИ. Так терроризм обеспечивает захватывающие и ожесточенные истории, которые помогают продавать новости, а СМИ создают и распространяют страх среди широкой публики.

Отношения между терроризмом и СМИ во многом зависят от того, что каждый понимает под терроризмом. В то время как одни определения сосредоточены на физическом акте насилия, другие подчеркивают центральную роль гражданской цели и политическое целеполагание. Если рассматривать терроризм как нечто большее, чем простое насилие над гражданскими лицами со стороны определенных групп в политических целях, и учитывать роль всех коммуникационных элементов в распространении информации, то СМИ являются центральным фактором понимания того, что делает насилие терроризмом.

Традиционно в исследованиях терроризма СМИ считались жизненно важными для террористической группы, поскольку они не только сеют страх или террор среди гораздо большей аудитории, чем относительно небольшая группа непосредственных жертв, но и предоставляют средства для привлечения внимания и распространения послания группы террористов.

Центральная задача терроризма — это не столько акт насилия или убийство определенной цели, сколько распространение террора и неуверенности среди населения, а также распространение идей и идеологии террористических групп через освещение насильственного акта. В каком-то плане можно считать СМИ «сообщниками» террористов, поскольку они придают террористическим актам гласность.

Кроме того, некорректно оказывать противодействие терроризму с помощью СМИ без правового определения террора и террористов. Подменяя термин «террористы» другими понятиями («сепаратисты», «экстремисты», «шахиды», «боевики») и публично именуя их таким образом, СМИ фактически «героизируют» их. В глазах общественности это может привести к моральному оправданию тех или иных силовых действий с их стороны, повышая тем самым их политический статус [3, с. 68].

Таким образом, современные СМИ как основной канал информации о таких актах играют жизненно важную роль в расчетах террористов. Без освещения в СМИ влияние этого акта, вероятно, будет потрачено впустую, оставаясь узко ограниченным непосредственными жертвами нападения, а не охватом более широкой целевой аудитории, против которой фактически нацелено насилие террористов. Только распространяя террор и возмущение на гораздо более широкую аудиторию, террористы могут получить максимальные потенциальные рычаги воздействия, необходимые им для осуществления фундаментальных политических изменений.

Терроризм пытается использовать СМИ тремя способами: во-первых, пытается привлечь внимание общественности, во-вторых, пытается добиться сочувствия и понимания мотивов деятельности террористов и, в-третьих, терроризм стремится сеять озабоченность и ужас среди широкой общественности, тем самым влияя на политическую жизнь общества.

В то время как терроризм в прошлом был связан преимущественно с распространением конкретного послания — например, посредством телеинтервью с террористами во время захватов самолетов или заложников, многие исследователи утверждают, что распространение страха среди гражданского населения посредством максимального насилия стало центральным компонентом исламского терроризма сегодня [4].

В этом контексте важность анализа стратегий привлечения внимания и распространения страха, а также общей взаимосвязи между терроризмом и СМИ, общественным мнением и борьбой с терроризмом неоспорима. Чем выше общественное значение терроризма, тем меньше у правительств свободы действий при формулировании своей политики без учета общественного мнения, и тем больше от них можно ожидать усилий, чтобы привлечь общественность на свою сторону.

Общественное восприятие терроризма и озабоченность им не обязательно напрямую связаны с событиями в реальном мире, а скорее являются результатом внимания СМИ. Обеспокоенность общественности по поводу терроризма и их предполагаемый личный риск стать жертвой террористического нападения не имеют никакого отношения к вероятности того, что на самом деле такое нападение будет.

Если СМИ занимают центральное место в террористической стратегии привлечения общественного внимания и распространения страха среди населения, каковы же возможности предотвращения освещения терроризма СМИ? Ведь любое закрытие СМИ в связи с террористическими атаками сталкивается с двумя серьезными проблемами: нормативной и практической.

Хотя СМИ всегда в определенной степени подвергаются цензуре со стороны государства, поскольку существуют пределы того, что можно публично сказать, конкретный запрет на освещение террористических атак несовместим с основными демократическими ценностями.

Помимо нормативной проблемы цензуры СМИ, практичность такой политики сомнительна, если учесть еще один фактор или феномен цифровой эпохи — Интернет. Общественность теперь имеет доступ к миллионам различных новостных каналов, а также социальным сетям: «Facebook», «Twitter», «VK», «Instagram» и другие. Установить контроль над социальными сетями практически невозможно. Таким образом, предотвращение сообщений СМИ о терроризме в целом не только проблематично, более того, широкий спектр новых СМИ и Интернета делает невозможным прекращение сообщений о террористических актах.

Однако, учитывая коммуникативную стратегию террористических групп, направленную на распространение страха среди широкой публики, можно, по крайней мере, смягчить психологическое воздействие террористических актов на общественность, официально обратив внимание на «терроризм» определенным образом. Хотя невозможно полностью контролировать СМИ, публичные заявления политиков и брифинги для прессы государственных чиновников могут попытаться описать терроризм определенными способами и тем самым способствовать определенному типу построения «терроризма», который затем воспринимается СМИ посредством цитат или заявлений, доведенных до сведения общественности.

Можно с уверенностью говорить о взаимосвязи между терроризмом и СМИ, что заключается в следующем:

1. Террористы используют гласность.
2. Свобода СМИ в открытом обществе делает возможным их манипуляцию и эксплуатацию.

П. Уилкинсон обозначает 4 цели использования СМИ террористами:

1. Пропаганда делом и создание чрезвычайного страха среди своей целевой группы.
2. Мобилизация широкой поддержки своего дела среди населения, а также влияние на мнение международного сообщества, подчеркивая такие темы, как праведность своего дела и неизбежность их победы.

3. Подрыв деятельности правительства и сил безопасности.

4. Мобилизация, подстрекательство и стимулирование фактических и потенциальных сторонников и тем самым увеличение численности террористов, сбор средств и вдохновение на дальнейшее атаки [5].

Французский социолог Мишель Вивьорка утверждает, что терроризм и СМИ находятся в симбиозе, согласно его теории существует четыре режима отношений между террористами и СМИ:

1. Чистое безразличие — когда террористы не пытаются запугать группу населения за пределами их предполагаемых жертв, а также реализовать пропаганду через их действия.

2. Относительное безразличие — когда террористы индифферентны к новостям о террористических актах.

3. Среднеориентированная стратегия — террористы используют средства массовой информации в качестве инструмента распространения сообщений об угрозах.

4. Общее разрушение — отношения, где террористы рассматривают СМИ, редакторов и журналистов как врагов, которые будут наказаны и уничтожены [5].

Рассматривая последний вариант отношений террористов и СМИ, невозможно не отметить события 2015 и 2020 годов во Франции. В 2015 году было совершено нападение на редакцию французского журнала «*Charlie Hebdo*» [6]. Напомним, что издание выступило как противник идей радикального ислама, заявив, что никакой цели, кроме уничтожения Франции и ценностей Республики, террористы не имеют. После данного происшествия публично выступил президент Франции Франсуа Олланд, назвав данный теракт покушением на демократические свободы [6]. Аналогичные события произошли уже в октябре–ноябре этого года. И в этот раз глава Республики Эммануэль Макрон выступил с аналогичным заявлением [7]. В этом контексте СМИ рассматривают теракты как военную атаку против всей страны или даже цивилизации.

В заключение хотелось бы отметить, что особенностью современного терроризма является активное использование информационно-психологического воздействия как важного элемента манипуляции сознанием и поведением людей с использованием возможностей глобальных коммуникаций.

В конечном итоге именно при содействии СМИ терроризм достигает гораздо более широкой, глобальной аудитории. Проблема определения роли и места СМИ в борьбе с терроризмом требует участия в ее разрешении как редакторов и журналистов, так и юристов, в конце концов — всего общества, которое сейчас все чаще становится коллективным заложником в руках террористов. Проблемными вопросами остаются способы и средства доведения информации о терроре до населения страны, эмоциональные комментарии журналистов, взаимоотношения СМИ и руководителей контртеррористических операций, диалог государства и СМИ, а также цензура, управление информационными потоками и информационная безопасность.

В настоящее время обязательным условием организации информационного противодействия терроризму является создание специального государственного

органа, призванного решать стратегическую задачу организации информационного противодействия и координации информационных действий всех задействованных в антитерроре государственных структур. С учетом прогрессирующей угрозы терроризма государство должно предпринимать шаги, направленные на наращивание правоустанавливающей нормативной базы по совершенствованию борьбы с террором на «информационном поле».

Список литературы

1. О средствах массовой информации: Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.03.2016 г.). — URL: www.online.zakon.kz/document/?doc_id=1013966 (дата обращения: 05.11.2020).
2. Система средств массовой информации / Под ред. Я. Н. Засурского. — Москва: Высшая школа, 2011. — 341 с.
3. Андреева Е. В. Роль средств массовой информации в терроризме XXI в. // Молодой ученый. — 2011. — № 5 (28). — Т. 2. — С. 67–69.
4. Логинова К. Европу сотрясают атаки радикальных исламистов. — URL: <https://iz.ru/1081930/kseniiia-loginova/terakty-low-cost-evropa-sotriasaiut-ataki-radikalnykh-islamistov> (дата обращения: 05.11.2020).
5. Федотова В. Терроризм: попытка концептуализации // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: www.msu.ru/ (дата обращения: 05.11.2020).
6. Олланд назвал нападение на Charlie Hebdo терактом. — URL: www.lenta.ru/news/2015/01/07/hollande/ (дата обращения: 05.11.2020).
7. Макрон выступил с заявлением после вооруженных нападений во Франции. — URL: <https://ria.ru/20201029/narapadenie-1582145767.html> (дата обращения: 05.11.2020).

УДК 340

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С. А. Тимофеева, обучающийся

Н. Д. Осипов, обучающийся

Р. А. Свиридов, обучающийся

*Научный руководитель А. М. Жильников, преподаватель
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия*

В статье рассматриваются вопросы эффективности реализации взаимодействия государства и институтов гражданского общества в контексте стратегии национальной безопасности.

Представлен анализ практического опыта взаимодействия государства и общества, в т. ч. за рубежом. Исследуются механизмы взаимодействия власти и гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, стратегия национальной безопасности, власть и общество.

В 2015 году принятый указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности РФ» определил необходимость консолидации усилий всех субъектов обеспечения национальной безопасности с институтами гражданского общества для наиболее эффективного достижения национальных интересов России. При этом совершенствование взаимодействия государства с институтами гражданского общества определено как национальные интересы на долгосрочную перспективу [1].

Такое положение закона связано с признанием значимости институтов гражданского общества в современном демократическом мире. Ведь именно на плечи гражданского общества ложится ответственность за создание устойчивой системы сдержек и противовесов, которая блокировала бы притязания политической власти на абсолютное господство, следовательно, обеспечивала бы национальную безопасность страны. Другой вопрос заключается в том, имеются ли реальные и, что немаловажно, законные возможности у гражданского общества в области обеспечения национальной безопасности и реализуются ли они должным образом в настоящее время.

На примере последнего негативного опыта соседей из Беларуси, а именно протестов, начало которых было положено в мае 2020 года, у нас имеется фактическая возможность наблюдать за тем, как отсутствие названных возможностей у гражданского общества формирует реальную угрозу безопасности государства. Напомним, что протесты последовали как ответная реакция на объявление ЦИК Беларуси о победе на выборах Александра Лукашенко, поскольку абсолютное большинство имело или имеет уверенность в фальсификации выборов, впоследствии к протестующим неоднократно применялось насилие со стороны государственных правоохранительных органов. Вследствие этого возникает закономерный вопрос: а могли ли эти люди решить вопрос другим, законным способом? Какие у них имеются возможности в обозначенной области?

В современном обществе активное взаимодействие гражданского общества и власти является неотъемлемым элементом функционирования государства, оно должно быть основано на доверии, а также на общепризнанных принципах права, ключевым из которых является принцип законности. Государство должно обеспечить граждан законными и эффективными правами для взаимодействия с органами власти и оперативного решения вопросов в целях достижения общих интересов, что отсутствует в приведенном выше примере.

Отсутствие правовых механизмов для сотрудничества может привести к прямой конфронтации. Многие исследователи считают, что в случаях, когда власть становится деспотичной и противоречит интересам народа, у граждан есть право на восстание.

Право на восстание — это право, которое относится к категории естественных прав человека, в соответствии с которым народ имеет право вооруженным

путем защищать свои права и свободы от узурпаторов. Особенностью данного права является то, что в случаях противостояния между гражданами и властью оно является средством легитимации восстаний и революций. То есть не требуется официального закрепления данного права в нормах позитивного права, как это, например, сделано в Конституции США и других стран Запада.

Однако, рассматривая законные возможности, необходимо обратить внимание на предложенную президентом России консолидацию субъектов обеспечения национальной безопасности с институтами гражданского общества, которая подразумевает укрепление, объединение, интеграцию, сплочение и разговор власти с народом. На наш взгляд, в упомянутой ситуации в Беларуси власть могла предоставить народу весомые доказательства честности выборов, включить машину пропаганды или признать выборы нелегитимными и провести их повторно. Даже если бы вновь на выборах победил Александр Лукашенко, при должном освещении в СМИ и необходимом убеждении населения в честности выборов ответной реакции от народа, вероятно, не последовало бы, что, в свою очередь, позволило бы нивелировать угрозу внутреннего суверенитета мирным способом, без жертв в виде жизни и здоровья граждан.

Нами, однако, не отрицается и тот факт, что упомянутую ситуацию представляется возможным рассмотреть и с другой стороны, с обратной позиции, озвученной ранее. Если бы идея консолидации исходила от населения, возможно было бы решить спорный вопрос путем диалога. Собрание граждан в Беларуси не было мирным, было направлено на понуждение власти к действиям, а не на попытку найти компромисс и договориться.

Исходя из анализа ситуации с двух разных позиций, можно сделать вывод, что для эффективного взаимодействия государства с институтами гражданского общества необходимо стремление обеих сторон к консолидации усилий для наиболее успешного и результативного достижения национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Если хоть одна сторона будет сопротивляться процессу нахождения компромисса и обращать внимание только на свои интересы, это может вызвать подрыв внутреннего суверенитета.

Для России протесты также не являются новинкой, тем не менее, отечественным законодательством предоставляется ряд возможностей для гражданского общества в исследуемой области. На наш взгляд, можно выделить несколько примеров из практики успешного регулирования отношений, контроля и надзора за деятельностью тех же правоохранительных органов со стороны институтов гражданского общества посредством использования разного рода возможностей.

В качестве примера служит дело Кокорина и Мамаева. Как известно, нападающий «Зенита» Александр Кокорин и полузащитник «Краснодара» Павел Мамаев вместе с младшим братом одного из футболистов К. Кокориным и их общим знакомым А. Протасовицким обвинялись в побоях и хулиганстве из-за двух драк, произошедших в Москве 8 октября 2018 года. Лишь под влиянием общественности суд приговорил их к 1 году 6 месяцам (Кокориных) и 1 году 5 месяцам (Мамаева и Протасовицкого) колонии общего режима. Государство не было заинтересовано в обвинительном приговоре в отношении Кокорина

и Мамаева, однако под влиянием общественности удалось их осудить, даже несмотря на исключение из обвинительного приговора обстоятельство о «предварительном сговоре». Со второго раза (апелляционного заседания) под влиянием общественности удалось исправить ошибку в квалификации — неуказания пункта «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, т. е. «совершение преступления с использованием предмета в качестве оружия» (стула). Спустя 3 месяца все четверо вышли из колонии по УДО, однако когда резонанс спал, Мосгорсуд отменил апелляционный приговор по этому делу. Согласно новому решению суда Павел Мамаев, Кирилл Кокорин и Александр Протасовицкий были оправданы по статье «Хулиганство», их реальные сроки заменены годом исправительных работ, а у Кокорина-младшего и Протасовицкого удержанием 10 % от зарплаты.

В качестве второго примера взаимодействия гражданского общества и государства, закончившегося справедливым решением суда, стоит привести «московское» дело, а также дело Ивана Голунова. Его удалось освободить от ответственности только благодаря слаженной работе институтов гражданского общества — митингам, пикетам и иным привлечением внимания государства, которое, в свою очередь, заинтересовано в обеспечении соблюдения прав, свобод и законных интересов личности и хочет идти на диалог и находить компромисс. В «московском» деле мы можем наблюдать этот компромисс — негодных надо наказать, однако они ничего плохого не совершали, поэтому необходимо квалифицировать их действия «помягче» и исключить «реальные сроки» (лишение свободы).

Если говорить о теории, в Российской Федерации связь гражданского общества и государства обеспечивается конституционными правами, такими как права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления; право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; право избирать и быть избранным; право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; право на объединение и др.

Граждане РФ для защиты своих прав, свобод и законных интересов могут создавать общественные объединения; устраивать митинги и собрания; направлять жалобы и петиции; голосовать на выборах и референдумах; обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления; участвовать в законотворческой инициативе, в опросах и публичных слушаниях и т. д.

Гражданское общество может реализовать свои интересы посредством форм непосредственной демократии. Суть непосредственной демократии состоит в том, что граждане могут напрямую влиять на решение различных вопросов общественной и государственной жизни: непосредственное народовластие и гражданское общество являются взаимосвязанными и взаимозависимыми явлениями.

В последнее время огромное развитие получила такая форма участия граждан в государственной жизни, как правотворческая инициатива граждан, предусмотренная на муниципальном уровне, она стала развиваться и на региональном уровне. Субъекты Российской Федерации в своих уставах и нормативно-правовых документах вправе устанавливать различные формы взаимодействия органов власти и граждан. Так, например, в 2013 году в Нижегородской области

был принят закон, которым была регламентирована возможность граждан вносить в Законодательное собрание области проекты законов и поправки к законам области.

Граждане могут реализовать свое конституционное право на участие в управлении делами государства в сети Интернет. Указ президента РФ от 9 февраля 2011 года № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», а также Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2012 года № 159 «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» дает возможность гражданам участвовать в обсуждении федеральных конституционных законов и федеральных законов при помощи сети Интернет [4, с. 310].

Реализуя право на свободу объединений, граждане могут создавать некоммерческие организации для достижения своих интересов. Подобные организации составляют фундамент гражданского общества. По состоянию на 2020 год в России зарегистрировано 64 358 общественных объединений [5]. То есть можно сделать вывод, что граждане Российской Федерации активно используют данное право и дефицита такого института гражданского общества, как общественные объединения, нет.

Рассмотрим такое проявление гражданского общества, как обращение граждан в органы государственной власти и местного самоуправления. Как было отмечено ранее, обращение граждан обеспечивается соответствующим конституционным правом. Согласно данным, полученным из Федеральной службы государственной статистики, граждане активно используют это право, однако при реализации сталкиваются со множеством проблем. На законодательном уровне закреплено лишь право граждан получать ответ на соответствующее обращение в орган и, соответственно, обязанность органа государственной власти ответить на него, однако форма такого ответа не установлена законом. По этой причине зачастую на практике граждане, обратившиеся в орган государственной власти, получают ответ, который не содержит конкретных рекомендаций или решения их вопроса по существу. Кроме того, оперативно и эффективно рассматриваются только обращения, поданные на бумажных носителях и присланные либо по почте, либо лично. Обращения, полученные в электронном виде, чаще всего даже не рассматриваются. Данный подход не позволяет оперативно решать проблемы граждан, а также снижает интерес граждан к данному институту и реализации своего права [3, с. 66].

Существует и такая форма взаимодействия власти и гражданского общества, как петиция. Под «петицией» понимается коллективное обращение граждан, оформленное надлежащим образом. В Российской Федерации существует несколько интернет-порталов, созданных специально для оставления названных петиций. Таким образом, можно привлечь наибольшее количество граждан к проблеме. При помощи петиций граждане напрямую могут сообщать о проблемах и предлагать способы их решения. А органы государственной власти, в т. ч. и президент, а также политические партии могут оперативно получать информацию по всем наиболее актуальным проблемам. Однако данная

форма взаимодействия оказалась неэффективной, поскольку петиции не являются обязательными для органов государственной власти и поэтому вопросы, поставленные в них, решаются крайне редко. Хотя косвенно они и способствуют решению проблем, поскольку позволяют привлечь внимание общественности и СМИ [2, с. 178–179].

Резюмируя вышесказанное, необходимо еще раз подчеркнуть, что эффективная реализация взаимодействия государства и институтов гражданского общества составляет ядро национальной безопасности любого государства. Без должного обеспечения правовых возможностей диалога между государством и гражданским обществом вырисовывается неблагоприятная картина событий, в которой не заинтересовано ни государство, ни его граждане. На примере ситуации, сложившейся в Беларуси, представляется возможным наглядно проследить параллели между национальной безопасностью и непредставлением реальных возможностей взаимодействия государства и гражданского общества.

В Российской Федерации существует ряд законных возможностей, при помощи которых граждане могут способствовать обеспечению национальной безопасности, однако по сей день имеются фактические недостатки в их реализации, связанные в первую очередь с их недостаточной правовой регламентацией государством, а также непродуктивностью их использования гражданским обществом. На наш взгляд, необходимо взять за аксиому положение, согласно которому для достижения национальных интересов, обеспечивающих национальную безопасность, необходимо стремление обеих сторон к консолидации совместных усилий.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (вступ. в силу 31.12.2015) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 1 (ч. 2). — Ст. 212.
2. Демушина О. Н. Порталы электронных петиций как форма взаимодействия институтов власти и граждан в России / О. Н. Демушина // Государственное и муниципальное управление: ученые записки. — 2016. — № 4. — С. 176–181.
3. Решетникова Д. С. Проблемы эффективности реализации права граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления / Д. С. Решетникова // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2018. — № 2. — С. 65–68.
4. Трусов Н. А. Развитие форм непосредственной демократии в России / Н. А. Трусов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 1 (25). — С. 309–311.
5. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях: информационный портал Министерства юстиции РФ. — URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 29.10.2020).

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Д. А. Чуранов, обучающийся

Научный руководитель И. Б. Ломакина, д-р юрид. наук, профессор

Санкт-Петербургский юридический институт —
филиал Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается один из фундаментальных типов правопонимания, называемый теорией естественного права, излагаются основные характеристики данной концепции, приводятся её преимущества и недостатки, а также сообщается о современном развитии юснатурализма и его «жизнеспособности» в реалиях современности.

Ключевые слова: юснатурализм, естественно-правовая теория, правопонимание, доктрина права.

Проблематика основных типов правопонимания является одним из важнейших вопросов теории государства и права. От типа правопонимания зависит изложение всего остального правового материала теории права, трактовка многих правовых институтов. Тип осмысления права закладывает основы юридического мышления, формирует представление о базовых категориях юриспруденции. Однако при всём многообразии теорий возникновения права и государства не стоит преимущественно опираться на какую-то одну, поскольку право — это многоаспектное и вариативное явление, грамотное понимание которого состоит, главным образом, в усмотрении всех условий, влияющих на данную категорию юриспруденции. Последняя мысль предполагает синтез наиболее актуальных подходов в теории государства и права.

Теория естественного права примечательна тем, что, будучи исторически одной из первых, дошла до нашего времени и не утратила своей актуальности среди ведущих теоретиков права. Этот тезис говорит не только об универсальности данной теории, но и о формальной возможности её применения в современной юриспруденции и в некоторых иных отраслевых дисциплинах. В этой связи стоит задаться вопросом: как в таком случае рассматривать иные, «исторически ранние» теории? Ведь с такой же уверенностью можно сказать, что не утрачивают своей актуальности и органическая, и патриархальная, и даже божественная теория происхождения государства и права. Это не совсем так. Во-первых, ни одна из перечисленных концепций в теории государства и права не является основной. Во-вторых, ставится под сомнение и вопрос об актуальности вышеуказанных типов правопонимания. Ни одна из упомянутых теорий не усматривает специфики права и государства, тем более что на смену существующей политико-правовой организации жизни людей (т. е. государству) приходит «постсовременное государство», особенности которого способно усмотреть разве что постклассическое правопонимание. Поэтому юснатурализм является одной из малочисленных «исторически ранних»

теорий, способных, хоть и не всецело, описать основные характеристики современного государства и права.

Со второй половины XX века в философии науки начинает мыслиться некий «интеллектуальный горизонт», условно разделяемый научным сообществом определённые онтологические допущения и нормы научного познания, которыми руководствуется (должна руководствоваться) современная интеллектуальная элита. Таким образом, исследовательские темы уже заданы конъюнктурой конкретного научного направления, которые невольно загоняют специалиста в достаточно жёсткие рамки. Позволяет ли это заключить, что современная теория естественного права «монолитна»? Думается, что нет. Современная научная парадигма постулирует, безусловно, актуальные методы и средства познания, использование которых должно приводить к более или менее однородной трактовке естественного права, однако на деле такого не происходит. Кажется, что ключевую роль в таком положении дел играет так называемая историческая преемственность. Представители научного сообщества анализируют политико-правовые взгляды на идею естественного права различных эпох, безусловно, в определённом смысле заимствуя положительные моменты, подробнее — достижения своих предшественников, провозгласивших не только качественно новые, но и жизнеспособные мысли. Вместе с тем усматривается и неудачный опыт теоретиков правовой мысли. Это и порождает множественность, вариативность интерпретаций идей юснатурализма, предполагающих не односторонний подход к устранению слабых мест в теориях ранних мыслителей.

На рубеже XX–XXI вв. произошло глобальное осознание сложности объективной реальности и, следовательно, невозможности исчерпывающего познания окружающей действительности. Признание ограниченности человеческого разума, который не в состоянии охватить — описать, объяснить и предсказать — внешний мир и человека в нем, и, как следствие, требование осторожности при принятии решений — вот главный вывод постмодернистской критики. Исходя из некоторых вышеуказанных особенностей, которые принесла эпоха постиндустриального общества, следует считать, что современное естественное право — вовсе не единообразная и унифицированная доктрина. Это, однако, открывает широкий спектр подходов теоретиков естественно-правовой мысли XXI века, что позволяет не только выявить те преимущества, которыми обогатилось современное естественное право, но и попытаться осуществить возможный синтез концепций. Пока предлагаем более подробно ознакомиться с фундаментальными концепциями современного юснатурализма.

Телеологическая интерпретация современной естественно-правовой доктрины основана на функциональном анализе права и его процедурном содержании. В последнее время эта концепция разрабатывалась американским философом права Л. Фуллером и представлялась как своеобразный синтез социологического и позитивистского типов правопонимания. Юридический позитивизм вплетён в эту теорию как совокупность правового материала, регламентирующего нормальное поведение индивида в обществе. Социологические, а вернее, социокультурные аспекты мыслятся в этом подходе как надстройка над формальными

источниками права: оцениваются, главным образом, общественно-правовые отношения как совокупность юридических процедур по реализации норм права. В этом видится главное достоинство этой теории — прослеживается диалектический подход к оценке правовых и социологических нормоустановлений, состоящий, прежде всего, в связи между естественным и позитивным правом. В этой мысли прослеживается явная приверженность автора к телеологическому подходу Л. Фуллера, поскольку естественное право в такой интерпретации связывается не только с актами нормотворчества, но и с социокультурным контекстом в следующем виде: определённое естественное право, выраженное в правовой форме, зависит не столько от легитимности законодателя и соблюдения процедур конструирования нормоустановки, сколько от внутреннего морального содержания юридической нормы. Данный подход видится вполне актуальным, отвечающим реалиям современности. Формальное содержание законов сегодня толкуется различными правовыми институтами, это перешло чуть ли не в общемировую практику. Поэтому закон может трактоваться с учётом морального содержания нормы закона, что значительно упрощает современное законотворчество и восполняет многие пробелы в праве.

Одним из наиболее известных сторонников современного юснатурализма является австралийский теоретик права Дж. Финнис [6]. Его концепция юридического дискурса строится на следующих принципах. Существуют определённые общественные индикаторы, указывающие на основные формы человеческого процветания как благо. Эти формы вполне могут быть претворены в жизнь. Для этого нужно выявить ряд фундаментальных методологических требований практической разумности. Если последние будут обоснованы и конкретизированы, это, в конечном счёте, позволит сформулировать некое множество общих моральных стандартов. Интересен юридический дискурс и своей открытой критикой постулатов юридического позитивизма. Несправедливый закон, как утверждал Дж. Финнис, всегда является юридически действительным и фактически действующим, если введён в соответствие с соблюдением формальных процедур законотворчества, но при этом не может быть моральным обоснованием государственного принуждения, а следовательно, не обладает юридической силой в полной мере.

Актуальность концепции юридического дискурса велика. Гармонизация способов юридической аргументации приводит к формулировке принципов практической рациональности. Именно в этом тезисе, по мнению автора, заключена «победа» современного естественного права над позитивистским типом правопонимания.

В конце XX века с уничтожительной критикой юридического позитивизма выступил немецкий философ-юрист Р. Алекси [1]. В своём капитальном труде он привёл убедительные доводы в пользу естественно-правовой теории, поставив тем самым под сомнение многие постулаты нормативизма: по мнению учёного, трактовка права невозможна без включения в это сложное явление такой категории, как мораль. Одним из ключевых моментов концепции «взвешивания интересов» является оспаривание ряда законодательных актов, и вот почему. Дело в том, что вопиюще несправедливое право, по мнению Р. Алекси,

может вовсе не считаться правом, идущие вразрез с социальными ценностями и установками правовые нормы могут обществом не признаваться. Наконец, ставится вопрос: должен ли человек подчиняться таким формам права? Думается, вопрос этот риторический, грамотный ответ на который возможен лишь с тех или иных позиций.

Актуальность концепции «взвешивания интересов» обуславливается, прежде всего тем, что такой подход отвечает современным вызовам в контексте нарастающей глобализации. Как отмечалось ранее, на смену сегодняшнему государству приходит так называемое «постсовременное» государство, исчерпывающую характеристику которого представляется дать крайне трудно даже с синтезом вышеуказанных подходов. Тем не менее, определить специфику отдельного политико-правового образования, выявить сущность его нормоустановлений, социальных и надсоциальных характеристик теория, сформулированная Р. Алекси, всё-таки может. Таковы наиболее актуальные зарубежные концепции современного естественного права.

Думается, что синтез вышеуказанных научных подходов может быть осуществлён посредством изложения тех принципов, которые позволяют очертить современное естественное право. Иными словами, выработка естественно-правовых норм и попытка их внедрения в реалии определённого политико-правового законодательства или его нормативной базы — заблуждение. Идея синтеза концепций выражается в поиске тех качественных характеристик, посредством которых можно раскрыть сущностный компонент естественных прав, проще говоря, определить их первоисточник. В этой связи стоит воспользоваться фундаментальными методологическими требованиями практической разумности, почерпнутыми из «юридического дискурса» Дж. Финниса. Концепция «взвешивания интересов» может быть задействована как оценка к действующему законодательству, поскольку нормы права из виду упускать нельзя. Государственные акты могут быть оценены с позиций общественной и надобщественной (моральной) системы ценностей, и в этом суть, имманентная связь между этими значимыми категориями. Последняя же заимствована из телеологического подхода Л. Фуллера. Такова краткая характеристика авторского синтеза подходов.

Множество актуальных и «жизнеспособных» современных концепций естественного права, некоторые из которых были изложены ранее, позволяет заключить, что *ius naturale* несомненно остаётся и будет оставаться одним из фундаментальных типов правопонимания. Так ли это на самом деле? Безусловно, глубоко разрабатанная, вовлечшая в себя новейшие характеристики, теория естественного права остаётся «конкурентоспособной». В некоторых отношениях естественно-правовая концепция на шаг вперёд опережает юридический позитивизм, несмотря на усилившуюся критику продолжающий оставаться одним из фундаментальных типов правопонимания. В иных качественных характеристиках современное естественное право превосходит социологическую школу права, которая, однако, первой заложила в основу права природу общественных отношений.

Последняя мысль, однако, определяет благополучие естественного права относительно других типов правопонимания, также изложенных выше. Дело в том, что при прогнозировании развития той или иной базовой теории во главу угла стоит ставить правовые, социальные, культурные и прочие реалии. Именно такой подход позволит определить, будет ли анализируемая концепция развиваться планомерно, неожиданно возвысится или же потерпит крах.

В этой связи стоит вернуться к ранее упоминавшейся мысли о том, что эпоха постмодерна в скором времени ознаменуется таким общемировым явлением, как «постсовременное государство», возникновение которого будет зависеть от не менее важного события — глобализации. Надо сказать, что современное состояние теории естественного права не позволит всецело охарактеризовать эту многоярусную структуру. Ранее уже упоминалось о существенных недостатках естественно-правовой теории, однако сейчас стоит упомянуть самый главный недостаток. Суть его — невозможность содержательного определения морали как основного критерия оценки законодательства, которое, как предполагается, приобретёт более сложную форму. Как уже отмечалось, современное естественное право «разветвлено», научные представители разных субкультур являются приверженцами разных концепций морали, обладают разным представлением этой духовно-ценностной категории, что проблематизирует возможность единства умозрений.

Список литературы

1. Алексин Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем.: А. Лаптев, Ф. Кальшойер. — Москва: Инфотропик Медиа, 2011. — 192 с.
2. Дидикин А. Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2014. — № 2 (8). — С. 418–424.
3. Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. — 2009. — № 6. — С. 20–31.
4. Михайлов А. М. Идеология и её отношение к юриспруденции // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2013. — № 2 (14). — С. 36–56.
5. Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права: учебник / А. Б. Сапельников, И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург: Знание, ИВЭСЭП, 2006. — 279 с.
6. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. — Москва: Мысль, ИРИСЭН, 2012. — 554 с.
7. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография / И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург: ИД «Алеф-Пресс», 2012. — 650 с.
8. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права / отв. ред. В. А. Туманов. — Москва: Наука, 1988. — 144 с.

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ»

УДК 343.729

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРАСЕНСОВ

А. С. Азарова, обучающийся

Научный руководитель Ю. В. Кипурова, преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия

В статье приводится анализ рынка так называемых «магических услуг» в Российской Федерации. Автор обращается к статистическим данным, рассматривает нерешенные проблемы правового регулирования этого явления. Вносятся предложения по обязательному лицензированию деятельности экстрасенсов и заключению с ними двойных договоров.

Ключевые слова: экстрасенсы, «магические услуги», народная медицина, уголовная ответственность, мошенничество, лицензирование, двойной договор.

Экстрасенсы, маги, колдуны, целители и прочие представители оккультного мира позиционируют себя в качестве людей, обладающих экстрасенсорным восприятием информации, скрытой от обычных органов и чувств человека. Они называют это телепатией, ясновидением, телекинезом, целительством, кармическими встречами, спиритизмом, психометрией и т. д., утверждая, что обладают особыми способностями и могут совершать действия, необъяснимые естественными законами природы.

С начала 90-х годов XX века с появлением на телевидении А. М. Кашпировского, А. В. Чумака и других «знающих» наблюдается рост спроса на услуги оккультного характера в российском обществе. Россияне все чаще экономят на медицинских услугах и фармакотерапии, прибегая к народным средствам и помощи целителей. В 2017 году исследовательская организация «Левада-центр» благодаря проведенному опросу выяснила, что 52 % респондентов доверяют народной медицине [1]. Однако часто доверчивые граждане становятся жертвами мошенников, шарлатанов и аферистов, скрывающихся под маской чародеев. В связи с этим все большую актуальность приобретает вопрос о нормативно-правовом регулировании деятельности по оказанию оккультных услуг.

Стоит отметить, что народная медицина в своем истинном значении не имеет ничего общего с оказанием услуг оккультно-магического характера, а также совершением религиозных обрядов, на что прямо указывается в ст. 50 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. То есть сами по себе «магические услуги» каким-либо законодательным актом в настоящее время не регламентируются. Есть лишь некоторые смежные области (например, медицина), которые регулируются государством и вести деятельность в которых подобными методами запрещено. Так, нельзя лечить заговорами. В 1999 году в Краснодарском крае был принят закон «Об административной

ответственности», предусматривающий ответственность за нарушение общественного порядка (проставание к гражданам с целью гадания и попрошайничества) [3]. После принятия в 2001 году нового КоАП этот закон утратил силу. В Кодексе же подобная норма не прописана.

В конце 2016 года появилась новость о том, что Министерство здравоохранения собирается выдавать лицензии на занятие народной медициной, но эта информация была опровергнута, а заместитель министра О. О. Салагай подчеркнул, что подобная деятельность носит лишь разрешительный характер, и разрешение на нее выдают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [4]. Соответственно, потребители услуг в области народной медицины лишены возможности получать достоверную информацию об индивидуальных предпринимателях и юридических лицах, предоставляющих услуги, а определить, насколько качественно они оказываются, на практике бывает довольно сложно. Из-за этого уголовно-правовые возможности противодействия «магическим услугам» весьма ограничены, ведь занятие оккультными практиками противоправным не является, а для возбуждения уголовного дела по ст. 159 Уголовного кодекса РФ («Мошенничество») необходимо доказать непосредственный факт хищения имущества, приобретенного при помощи обмана или злоупотребления доверием, что вызывает значительные трудности, связанные с «...ординарным неумением и нежеланием расследовать уголовные дела по данному виду мошенничества» [5, с. 116]. Перспектива привлечения мага к уголовной ответственности по данной статье становится практически невероятной в случаях, когда жертва обращается к экстрасенсу добровольно и может рассчитывать защитить себя лишь в рамках гражданского процесса. Большой интерес в этом вопросе представляет ст. 148 Уголовного кодекса Швейцарии, согласно которой к мошенничеству также относятся эксплуатация легковерия путем предсказания, толкования снов, гадания на картах, заклинания духов, подговора к поискам кладов, публичное предложение своих услуг для эксплуатации этих «волшебств». Отечественный законодатель мог бы значительно повысить качество законодательства, правосудия и правоприменительной деятельности в рассматриваемой нами области, обратив внимание на опыт зарубежных стран.

Наличие определенных признаков состава преступления позволяет квалифицировать действия (бездействия) колдунов также по ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»), когда магические услуги оказываются на частных квартирах без регистрации чародеями своей деятельностью, и по ст. 198 УК РФ («Уклонение физического лица от уплаты налогов...») [6], поскольку вследствие неуплаты налогов государству причиняется прямой ущерб, в то время как за 2013 год россияне потратили на гадалок и знахарок 30 млрд долларов [7, с. 63].

Впрочем, как показывает практика, по действующему законодательству имеются достаточно хорошие шансы для того, чтобы признать деятельность иных магов мошенничеством. Например, в 2001 году по ст. 159 УК РФ была осуждена целительница Н. Антоненко, а в 2006 году по этой же статье создатель религиозного движения «Учения о всеобщем спасении и гармоничном развитии» Г. Грабовой получил 8 лет колонии [8, с. 91].

Чаще всего к альтернативной медицинской помощи обращаются люди с тяжелыми заболеваниями. По данным Росстата, в 2018 году более 2 % россиян вместо врача предпочли воспользоваться услугами народных целителей, гомеопатов, знахарей и экстрасенсов [9]. Показательна история 58-летней пенсионерки, которая после просмотра телепередачи «Перекрестки судьбы» решила обратиться к экстрасенсам с просьбой вылечить ее тяжелобольного мужа. В итоге ущерб составил 2 млн рублей, а т. к. преступники не заключали договор об оказании услуг, вживую с жертвой не встречались, а записи телефонных разговоров не сохранились, привлечь мошенников к уголовной ответственности так и не удалось. Правоохранители указывают на то, что намного проще работать с коллективными заявлениями, когда можно собрать больше данных от разных потерпевших. Так, громким случаем было дело центра парапсихологии «Миранда», от действий которого пострадало 500 человек, а в руки аферистов в общей сложности было передано более 200 млн рублей. Сроки от 7 до 16 лет лишения свободы в результате судебного решения тогда получили 9 экстрасенсов [10].

Таким образом, с одной стороны, в судебной практике встречаются прецедентные случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих оказание «магических услуг», однако, с другой стороны, их широкая распространенность и соответствие мировоззренческой картине большей части соотечественников препятствуют легальному признанию преступности оккультных практик самих по себе. Запрет оккультных услуг, на наш взгляд, приведет лишь к большей криминализации и без того сомнительного бизнеса, поэтому считаем целесообразным ввести обязательное лицензирование деятельности экстрасенсов с контролем со стороны государственных органов. Это, по нашему мнению, поможет оградить граждан от возможного причинения вреда путем привлечения к работе в данной области исключительно профессиональных психологов и психотерапевтов. Кроме того, представляется разумным предусмотреть заключение двойного договора, в котором оплата предусмотрена лишь в случае достижения, с точки зрения заказчика, положительного эффекта.

Список литературы

1. «Левада-центр»: народная медицина заслужила доверие. — URL: <https://futurist.ru/news/2885> (дата обращения: 05.11.2020).
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Об административной ответственности: закон Краснодарского края от 06.04.1999 № 169-КЗ // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. — 1999. — № 2.
4. Минздрав опроверг информацию о планах выдавать лицензии целителям. — URL: <https://ria.ru/20161207/1483080626.html> (дата обращения: 05.11.2020).

5. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Судебная экспертиза при изобличении мошенников-«экстрасенсов» // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. — 2012. — С. 113–116.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
7. Жалинский А. Э., Козловская А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // Журнал российского права. — 2006. — № 11. — С. 60–64.
8. Ерофеев К. Б. «Магические услуги»: правовой анализ // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 3 (4). — С. 89–93.
9. Росстат сообщил о доле обращающихся к экстрасенсам и гомеопатам россиян. — URL: <https://www.rbc.ru/society/05/04/2019/5ca3a4069a7947212d68e33c> (дата обращения: 06.11.2020).
10. «Семья фактически разрушена»: как «телевизионные экстрасенсы» обманом получили от пенсионерки 2 млн рублей. — URL: <https://russian.rt.com/russia/article/570410-ekstrasensy-obman-pensionerka> (дата обращения: 07.11.2020).

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

Э. А. Багавиева, аспирант

*Научный руководитель Л. Г. Татьяна, д-р юрид. наук, профессор
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Россия*

В статье поднимаются вопросы правовой природы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, оснований производства данного процессуального действия. Автор придерживается позиции о возможности рассмотрения получения информации об абонентских соединениях как в качестве следственного, так и судебного действия следственного характера, а также его применения в целях обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Ключевые слова: правовая природа, следственное действие, судебное действие, фактические основания, безопасность.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет получение информации об абонентских соединениях в качестве следственного действия. До 2010 года получение данной информации относилось к оперативно-разыскному мероприятию. Многие авторы не согласны с позицией законодателя и утверждают, что розыскной характер данного процессуального действия не позволяет перевести его в число следственных действий. Так, В. В. Кальницкий полагает, что получение информации об абонентских соединениях — это лишь представление документальных доказательств по требованию органа, ведущего расследование по делу [1, с. 79]. Учитывая стремительное развитие

цифровых технологий и необходимость подробной регламентации порядка производства следственных действий, представляется целесообразным рассмотреть получение информации о соединениях между абонентами в качестве следственного действия.

Пределы полномочий суда при рассмотрении уголовного дела по существу выступают предметом дискуссий. С. Б. Россинский отмечает, что суд не обладает правом осуществления действий, не носящих познавательный характер [2, с. 36–41]. Однако, как справедливо заметил С. В. Стародумов, информация об абонентских соединениях «способна нести характер, проверяющий иные доказательства по уголовному делу» [3, с. 147]. Информация о соединениях между абонентами может подтверждать или опровергать как обвинительные, так и оправдательные доказательства, которые должны быть исследованы судом для установления истины по рассматриваемому уголовному делу. Таким образом, целесообразно применение рассматриваемого процессуального действия в качестве судебного действия, носящего следственный характер.

Нельзя ограничивать правовую природу информации об абонентских соединениях в уголовном процессе лишь её розыскным характером, умаляя её доказательственное значение. Итак, представляется возможным получение информации о соединениях между абонентами не только в ходе предварительного расследования, но и в ходе судебного производства по уголовному делу.

Согласно п. 1 ст. 186.1 УПК РФ фактическим основанием получения информации об абонентских соединениях является обоснованное предположение о значимости данной информации для уголовного дела. С. В. Гонтарь, А. А. Отаров отмечают недопустимость бесосновательного производства следственных действий в связи с тем, что это грозит «вторжением государства в частную жизнь граждан, ограничением иных конституционных прав личности и ведёт ... к огласке тайн частной жизни» [4, с. 226]. Итак, совокупность сведений о возможной значимости для уголовного дела детализации соединений абонентов должна быть достаточной для принятия решения о необходимости производства соответствующего процессуального действия и может быть получена из разных источников, каковыми могут выступать протоколы различных следственных действий, а также результаты оперативно-розыскных мероприятий.

Информация об абонентских соединениях составляет гарантированную Конституцией РФ (ч. 2 ст. 23), международно-правовыми актами, УПК РФ (ст. 13) тайну переписки и телефонных переговоров, согласно которым ограничение указанного права допустимо только на основании судебного решения [5]. Получение судебного решения о производстве следственного действия выступает юридическим основанием получения информации об абонентских соединениях, гарантий законности проведения данного процессуального действия.

Уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет правовой статус оператора связи, их права и обязанности перечислены в федеральном законе «О связи» [6] и соответствующих подзаконных нормативных актах. Следовательно, дознаватель, суд, организация связи должны обеспечивать соблюдение тайны телефонных переговоров. Несмотря на обязанность организации связи

сохранять тайну связи (ст. 63) [6], работники данных организаций нередко допускают её нарушение, за которое ст. 138 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность. В 2019 году по ч. 2 ст. 138 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение тайны телефонных переговоров с использованием служебного положения, было вынесено 24 обвинительных приговора [7]. Так, «специалист офиса продаж ПАО «МТС» К., разместив в сети Интернет соответствующее объявление, получал заказы на предоставление заинтересованным лицам детализации телефонных переговоров абонентов данного оператора связи» [8].

Контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) предусматривают в качестве фактического основания производства следственного действия — «наличие угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц». Заслуживает внимания предложение А. Н. Ярцевой [9, с. 8] и А. А. Цыкоры [10, с. 10] о необходимости дополнения ст. 186.1 УПК РФ вышеназванным основанием. Юридическими основаниями получения информации об абонентских соединениях в таком случае будет выступать «письменное заявление вышеперечисленных лиц, а при отсутствии подобного заявления — судебное решение».

Итак, учитывая необходимость соответствия уголовно-процессуального законодательства развитию информационно-цифровых технологий, значение данного вида информации на этапе предварительного расследования, доказательственный характер информации об абонентских соединениях, представляется закономерным закрепление получения информации о соединениях между абонентами в качестве следственного действия, а также рассмотрение возможности его применения в качестве судебного действия. Законодательно следует предусмотреть возможность применения указанного процессуального действия в качестве меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Также надлежит уделить внимание предупреждению нарушения тайны телефонных переговоров, особенно должностными лицами оператора связи, что обусловлено отсутствием правового регулирования статуса организации связи в уголовном процессе и негативной статистикой данного вида преступлений, совершенных указанными лицами с использованием служебного положения, несмотря на возложенную на них обязанность сохранения тайны связи.

Список литературы

1. Кальницкий В. В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. — № 2. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. — Омск: Омская академия МВД России, 2016. — С. 76–86.
2. Россинский С. Б. Судебные действия познавательного характера как объекты уголовно-процессуального регулирования // Российский судья. — 2014. — № 10. — С. 36–41.

3. Стародумов С. В. Пределы полномочий прав суда при рассмотрении уголовных дел по существу // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. — 2016. — Т. 26. — Вып. 6. — С. 143–148.
4. Гонтарь С. Н., Отаров А. А. Основания производства следственных действий и проблемы их определения // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2015. — № 4 (53). — С. 226–227.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).
6. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.08.2020).
7. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ за 2019 г. // «Агентство правовой информации». — URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.08.2020).
8. Дело № 1-16/2017 г. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула, Алтайского края от 29 июня 2017 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула.
9. Ярцева А. Н. Использование в доказывании информации, передаваемой по техническим каналам связи: правовые и тактико-криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2012. — 26 с.
10. Цыкора А. А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2013. — 28 с.

УДК 343.622

ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВО НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА МАТЕРЬЮ

Е. Н. Байгундинов, ст. преподаватель
Научный руководитель С. К. Кумисбеков, PhD доктор
Казахский гуманитарно-юридический
инновационный университет (КазГЮИУ),
г. Семей, Республика Казахстан

В статье рассмотрена уголовная ответственность матери за убийство новорожденного ребенка. Приведены ситуации и статистика таких преступлений, рассмотрены причины и условия совершения преступлений. Дана правовая оценка.

Ключевые слова: неонатичид, критерии новорожденности, психотравмирующая ситуация, психическое расстройство, вменяемость.

Субъектом данного преступления является женщина-мать новорожденно-го, достигшая 16-летнего возраста. Субъективная сторона данного убийства

характеризуется умысленной виной. Умысел может быть прямым или косвенным. Уголовный кодекс Республики Казахстан относит преступление, совершенное с внезапно возникшим умыслом, к менее опасным. К таким преступлениям относится и убийство матерью новорожденного ребенка, т. е. причиной выделения данного преступления в самостоятельный состав послужило то обстоятельство, что во время родов или непосредственно после них роженица в условиях психотравмирующей ситуации может испытывать психическое расстройство, вызванное родами, не исключающее вменяемости. Мотивы убийства матерью новорожденного ребенка не оказывают влияния на квалификацию, они напрямую связаны с определенными чертами личности преступника и обстоятельствами окружающей среды [1].

Психотравмирующей ситуацией в таких случаях необходимо признавать обстоятельства, отрицательно воздействующие на состояние психики родившей женщины. В уголовном праве Республики Казахстан нет четкого определения понятию «состояние психического расстройства».

Данные границы не совсем точно определены, и соответствующее заключение может быть выдано на основании анализа, проведенного специалистами, которые основываются на всех обстоятельствах дела, на физическом состоянии матери, совершившей убийство своего новорожденного ребенка. Практически во всех случаях беременность бывает непреднамеренной, и часто будущие матери не знают, что они беременны, до тех пор, пока не родят. Некоторые из беременностей стали результатом изнасилования или инцеста. У девочек обычно нет поддерживающих родителей, они часто не имеют представления о том, как они могут прокормить себя и ребенка, явно не в состоянии правильно воспитывать детей, а отцов, как правило, очень трудно определить. Иногда женщины изо всех сил пытаются воспитывать других детей в тяжелых финансовых обстоятельствах. Одна очевидная причина для родителей — позволить своему новорожденному умереть, избавить его от боли и страданий, за которыми во многих случаях следует ранняя смерть. Другой фактор заключается в том, что такие младенцы требуют гораздо большей родительской заботы. Если в семье есть другие дети, они могут страдать от невнимания и пренебрежения из-за чрезмерной нагрузки родителей. Родители ребенка с ограниченными возможностями часто не могут позволить себе иметь дополнительных детей из-за недостатка времени, энергии, эмоциональных и финансовых ресурсов.

При решении вопроса о вменяемости и невменяемости, о присутствии условий психотравмирующей ситуации и о наличии состояния психического расстройства необходимо назначать комплексную экспертизу с участием специалистов в области психологии, психиатрии и акушерства.

При избрании меры наказания лицам, виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 100 Уголовного кодекса Республики Казахстан, не все смягчающие обстоятельства, указанные в ст. 53 Уголовного кодекса Республики Казахстан, могут быть применены. Примерами смягчающих обстоятельств могут служить: несовершеннолетие виновного; оказание медицинской и иной помощи новорожденному ребенку сразу же после совершения преступления; совершение убийства новорожденного в результате физического или

психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; чистосердечное раскаяние, явка с повинной, активное способствование раскрытию уголовного правонарушения, изобличение других соучастников уголовного правонарушения; иные смягчающие обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 53 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Кроме того, убийство матерью своего новорожденного ребенка может быть совершено при обстоятельствах, отягчающих уголовную ответственность. Обязательность назначения наказания с учетом смягчающих и отягчающих уголовную ответственность обстоятельств позволяет обеспечить необходимую соответствующую оценку факту преступления, его последствиям, личностным особенностям, которые оказали влияние на выбор и реализацию поведения и отразились на психологическом отношении к содеянному преступлению [2].

Большинство убийств новорожденных совершается в квартирах, частных домах, общежитиях по месту жительства матери, а также у знакомых, родственников как в своем населенном пункте, так и за его пределами. Как правило, при убийстве новорожденного какие-либо специальные орудия и средства не используются по причине слабости и незащищенности новорожденного. Судебно-медицинская экспертиза в данном случае будет включать в себя расширенную и сложную деятельность, обычно вызванную действиями матери с момента рождения до момента нанесения увечий, сокрытия или смерти. Удушение и утопление являются распространенными методами убийства младенца, хотя используются многие другие средства, включая голодание, колющие или режущие действия, обнажение младенца в неподходящих температурных условиях, грубое нападение, отравление газом, ошпаривание, отравление и дефенестрация.

Проведенное исследование статистической информации по данной категории уголовных дел в Республике Казахстан М. Ержановым показывает, что большинство женщин, совершивших убийство своих новорожденных детей, были в возрасте от 20 до 40 лет [3].

Так, убийство новорожденных матерями в возрасте от 16 до 20 лет совершали 12 % женщин, в возрасте от 20 до 25 лет — 31 %, от 25 до 35 лет — 39 %, с 35 до 45 лет — 18 % [4]. То есть наиболее криминогенно активной группой при убийстве матерью новорожденного ребенка являются лица, достигшие 25–35 лет.

Матери-убийцы новорожденных характеризуются низким уровнем образования, необщительные, часто не имеют друзей, незамужние, вся их жизнь проходит внутри родительской семьи с ее ценностями и требованиями. Научно обоснованы факторы жизни матери-убийцы, когда они вели аморальный образ жизни, приводящий к нежелательной беременности. Согласно данному исследованию, 90 % матерей-убийц проживали в том же районе, где и был обнаружен труп новорожденного, 1 % — являлись лицами без определенного места жительства и 3 % специально выезжали в другие районы непосредственно перед родами в целях сокрытия рождения ребенка. Большинство женщин, осужденных по ст. 100 Уголовного кодекса Республики Казахстан, до убийства своего новорожденного ребенка не имели судимости. Также, по данным вышеуказанного исследования, среди убийц новорожденных отсутствуют государственные

служащие, сотрудники экономического сектора, работники интеллектуального труда с высоким культурным и образовательным уровнем. Соответствующие показатели указывают на факт соотношения лиц различных социальных слоев, имеющего прямое отношение не только к образованию, но и к материальной стороне.

Рассматривая причины совершения убийств матерями новорожденного ребенка, можно прийти к выводу, что данная ситуация вытекает из общих показателей преступности в Республике Казахстан. Можно указать на спад производства, рост безработицы, обострение миграционных процессов, инфляцию, жесткие законы бизнеса. Причинами и условиями, способствующими росту женской преступности, становятся: неуверенность в себе, конфликтные ситуации в семейной жизни и бытовой сфере, тяжелая, малоквалифицированная работа либо отсутствие таковой и т. д. Специфика причин и условий убийства матерью новорожденного ребенка — это несостоявшийся брак, обман отцом ребенка, невозможность проведения аборта ввиду длительного срока беременности либо по иным медицинским показателям, ненадлежащее выполнение своих обязанностей некоторыми работниками здравоохранения, низкий уровень полового воспитания, низкий общеобразовательный и культурный уровень, страх перед трудностями, боязнь огласки нежелательной беременности. Для личности матери-убийцы характерны следующие черты, которые отличают ее от законопослушных граждан и от других преступников: слабая способность к адаптации, повышенная тревожность, импульсивность, агрессивность, замкнутость, доходящая до отчужденности, неумение использовать положительный опыт (как свой, так и окружающих) и прогнозировать будущее.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить:

1. Право на жизнь является непосредственным объектом посягательства при убийстве матерью новорожденного ребенка в Республике Казахстан.

2. При квалификации деяния по ст. 100 Уголовного кодекса следует учитывать новорожденность ребенка, которая определяется современными педиатрическими критериями и судебно-медицинской экспертизой.

3. Состав рассматриваемого преступления может иметь место лишь в случаях убийства матерью своего новорожденного ребенка, при этом объектом убийства, предусмотренного ст. 100 Уголовного кодекса Республики Казахстан, считается право на жизнь ребенка с момента начала физиологических родов, и действие этой статьи ограничивается временем, в промежутке которого у роженицы происходят физиологические процессы, вызванные родами и усиленные психотравмирующей ситуацией, влияющие на ее психическое состояние.

4. Исследования, связанные с таким «женским» видом преступности, как убийство матерью новорожденного ребенка, в Казахстане практически отсутствуют. Понятию «состояние психического расстройства» не дано четкого определения в уголовном законодательстве исследуемого государства.

5. На основании вышеизложенного можно обобщить: убийство матерью новорожденного ребенка присуще социальной группе с низким общеобразовательным и культурным уровнем, квалифицированные работники материально и морально более защищены при социально-экономических преобразованиях.

6. Можно определить примерный социальный портрет матери, убивающей своего новорожденного ребенка. Как правило, это женщина 20–35 лет, со средним образованием, ранее не судима, занята низкоквалифицированным трудом либо безработная, возможно студентка, не замужем, не имеет нормального (по санитарным нормам) жилья, материальный доход ниже прожиточного минимума, находится в жесткой зависимости от ситуации.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть / А. Н. Агыбаев — Алматы, 1999.
2. Алауханов Е. О., Бапанов Т. Ә, Әбілезов Е. Т., Қайдаров Р. Е. «Қылмыстық құқық»: жалпы және ерекше бөлімдер (альбом-кесте). — Алматы «Nurpress» баспасы, 2011.
3. Yerzhanov, M. E. (2020). Problems of preventing the mother's killing of a newborn: Master's thesis in Law. — URL: <http://185.107.174.154:8080/bitstream/handle/7171/555/> (дата обращения: 21.08.2020).
4. Website «Gamgor» of the Committee on Legal Statistics and Special Accounting of the State Enterprise of the Republic of Kazakhstan. — URL: <https://www.qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/MainMenu> (дата обращения: 21.08.2020).

УДК 343(075.8)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНТРАБАНДУ В КАЗАХСТАНСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. Д. Баймагамбетова, магистрант

Научный руководитель Б. У. Сейтхожин, канд. юрид. наук, доцент
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (КЭУК),
г. Караганда, Республика Казахстан

В данной статье рассмотрена ответственность за экономическую контрабанду. Проанализированы различия в наказании за контрабанду, предложены меры совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: контрабанда, международное законодательство, уголовное законодательство, таможенное законодательство, ответственность.

Проблема контрабанды в настоящее время является наиболее актуальной. Экономическая контрабанда подразумевает ввоз и вывоз товаров из одного государства в другое. При этом нарушаются установленные таможенной правилами.

В Казахстане предметы контрабанды — зачастую наркотические средства, табачные изделия и иные бытовые и промышленные товары, пользующиеся

спросом. Активность контрабанды зависит от внешних и внутренних факторов.

К *внешним факторам* относятся:

- преобладание сырьевых товаров в казахстанском экспорте;
- отсутствие контроля за ввозимыми и вывозимыми товарами;
- открытость таможенной границы.

Внутренние факторы включают:

- деформированность национальной экономики;
- вытеснение отечественных производителей с рынка;
- высокий уровень коррупции;
- уклонение от уплаты налогов и госпошлин (развитие теневой экономики) [6].

В ст. 234 «Экономическая контрабанда» и в ст. 286 «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено» Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. предусмотрены меры уголовной ответственности за контрабанду в Казахстане. Согласно ст. 234 УК РК «Экономическая контрабанда — это перемещение в крупном размере через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров или иных предметов, в т. ч. запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу товаров, вещей и ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу, за исключением указанных в ст. 286 УК РК, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием либо с указанием заведомо недостоверных сведений в заявлении о выпуске товаров до подачи декларации на товары или в заявлении о совершении операций в отношении временно вывезенных транспортных средств международной перевозки, являющихся товарами, помещенными под таможенную процедуру временного ввоза (допуска), в т. ч. с представлением недействительных документов, поддельных и (или) содержащих заведомо недостоверные (ложные) сведения» [1].

Максимальная мера наказания за экономическую контрабанду при особо отягчающих обстоятельствах составляет 8 лет лишения свободы, имущество виновного подлежит конфискации. Часто для того, чтобы уклониться от ответственности, используют незаконные методы, такие как подкуп таможенников, подделка документов и другие.

В 2019 г. президент России обязал взять под свой контроль ситуацию с контрабандой китайских товаров через территорию Казахстана и Кыргызстана и далее в Российскую Федерацию. Это было связано с тем, что таможенные налоги стали проходить мимо государства. Теневой импорт стал превышать 10 млрд рублей ежемесячно.

Ограничить незаконный вывод средств и «серого импорта» позволило введение ежемесячного лимита на переводы денег из России в Казахстан. Кроме этого, стоит уделить внимание и другим проблемам, а именно [3]:

1. Подкуп сотрудников таможенной службы.

2. Подделка таможенных деклараций и иных документов.

3. Тарифные изъятия у Казахстана.

Наиболее часто в контрабанде используется первый способ. Контрабанда негативно отражается на всех сферах жизни общества и государства в целом.

Опасность контрабанды заключается в том, что она причиняет вред внешней экономической деятельности государства, т. к. таможенные пошлины за вывозимые и ввозимые товары государство не получает, а доходы контрабандистов растут, в связи с чем они активно развивают свою преступную деятельность [4].

Рост контрабандной деятельности влияет на социально-экономические факторы. Так, уровень жизни населения снижается, цены на рынках не соответствуют действительности и необоснованно завышаются, уровень коррупции повышается, проблемы взаимодействия сотрудников таможенной службы с органами безопасности в сфере борьбы с контрабандой не разрешаются.

В Казахстане проблема экономической контрабанды оказывает негативное влияние на все социально-экономические сферы, активно развивается и приобретает новые формы. В основном предметы контрабанды — это потребительские товары, пользующиеся широким спросом [8].

По статистическим данным Департамента таможенного контроля (ДТК) по г. Алматы, за май 2020 г. было выявлено два факта экономической контрабанды товаров, поступивших из Китайской Народной Республики. Общая сумма таможенных налогов и платежей составила 69 640 611 тенге. При проверке документов органами таможенных служб был выявлен факт отсутствия некоторых потребительских товаров в таможенной декларации.

По данным пресс-службы ДТК по Восточно-Казахстанской области, в 2019 г. на таможенном посту «Бахты» была выявлена экономическая контрабанда потребительских товаров на сумму свыше 30 млн тенге.

В 2019 г. было возбуждено 10 уголовных дел, из них 6 дел — по фактам экономической контрабанды, а 4 дела — по факту контрабанды наркотических средств [9].

Кроме этого, в 2019 г. было возбуждено 423 дела по административным правонарушениям, из них 70 дел было передано в суд, а 353 дела были рассмотрены таможенными службами. Общая сумма штрафных начислений составила более 2 млн тенге [10].

Евразийский экономический союз (далее по тексту — ЕАЭС) является международной организацией региональной экономической интеграции. Республика Казахстан входит в состав ЕАЭС. Согласно ст. 351 Кодекса ЕАЭС, «деятельность таможенных органов направлена на предупреждение, выявление и пресечение преступлений, связанных с экономической контрабандой».

В 2010 г. был заключен договор «Об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства государств-членов ЕАЭС». Данный договор регламентирует порядок деятельности таможенных органов в вопросах, касающихся привлечения лиц к уголовной и (или) административной ответственности в случаях нарушения положений законодательства таможенного союза [5].

Реформирование уголовного законодательства, регулирующего сферу контрабанды, было проведено всеми государствами-участниками ЕАЭС. Только Армения не участвовала в данном процессе. Реформирование уголовного законодательства осуществлялось путём внесения поправок в действующее уголовное законодательство.

Изменения в уголовное законодательство Республики Киргизии были внесены до того, как она вступила в таможенный союз [2].

Сравнительный анализ норм, устанавливающих ответственность за контрабанду, позволил определить подходы, применяемые государствами-членами ЕАЭС при определении места контрабанды как преступления.

Предмет контрабанды является общим. Каждое государство-член ЕАЭС распространяет своё действие только на своей территории, а это противоречит действующему таможенному законодательству. Законодательство государств-членов ЕАЭС различается только в вопросах определения суммы размера налагаемых штрафных санкций за экономическую контрабанду [7].

Квалифицирующие признаки преступления различны. Однако санкции, предусматривающие ответственность за контрабанду в государствах-членах ЕАЭС, одинаковы. К квалифицирующим признакам относят такие деяния, как злоупотребление служебными полномочиями, применение насильственных действий по отношению к органам таможенных служб и другие. Виды наказания: штраф, исправительные работы, арест, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Авторы настоящей статьи считают, что в экономической контрабанде (в качестве места совершения преступления) следует применять понятие «таможенная граница ЕАЭС».

Так, например, Р. С. Усов полагает, что к «таможенной границе» следует отнести и товары, запрещенные к вывозу или ввозу. Этот подход позволит привлечь к ответственности лиц, которые перевозят контрабанду из государств, не входящих в ЕАЭС, и наоборот. Кроме этого, целесообразно ввести единый порядок определения крупного и особо крупного размера, и в этой связи признаки, определяющие порядок определения размера, следует закрепить на законодательном уровне [8]. Предложенные вышеназванным автором рекомендации целесообразно применить и в казахстанском уголовном законодательстве в целях его совершенствования.

Статьи 234 и 286 определяют меры ответственности за контрабанду. В Уголовном кодексе Республики Казахстан установлен «крупный» и «особо крупный» размер незаконно перемещаемых товаров. При этом порядок определения «крупного» размера различается во всех государствах-участниках ЕАЭС.

Подводя итог, можно отметить, что в настоящее время участилась и активно развивается экономическая контрабанда, создавая угрозу экономике Республики Казахстан. В Уголовном праве РК экономическая контрабанда относится к преступлениям в сфере экономической деятельности. Опасность экономической контрабанды заключается в том, что она наносит огромный вред внешней экономической деятельности государства, что тормозит его экономический рост.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020).
2. Азаренкова Е. А. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Таможенного союза, предусматривающего уголовную ответственность за контрабанду / Е. А. Азаренкова. — Москва: Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 8. — 146 с.
3. Александрова Н. С. Таможенная преступность и ее криминологические составляющие / Н. С. Александрова. — Москва: Просвещение, 2019. — 109 с.
4. Вяхянина А. В. Развитие таможенных органов России в рамках членства ее в ЕАЭС / А. В. Вяхянина. — Красноярск: СФУ, 2020. — 160 с.
5. Ныркова Н. А. Законодательные границы уголовно-наказуемого деяния в государствах-членах Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ / Н. А. Ныркова. — Северо-Кавказский юридический вестник, 2016. — № 2. — 74 с.
6. Осыко И. В. Квалифицированные виды экономической контрабанды / И. В. Осыко. — Москва: Научное образование. — 2020. — № 2. — 443 с.
7. Орлов А. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия. — Москва, 2018. — 173 с.
8. Усов Р. С. Анализ дефиниции «контрабанда» по законодательству отдельных стран ЕАЭС // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия. — Москва, 2018. — 240 с.
9. Официальный сайт налоговой службы. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов по производству неотложных следственных действий и предварительному расследованию в форме дознания [Электронный ресурс]. — URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/212905> (дата обращения: 29.09.2020).
10. Закон Казахстана: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.zakon.kz/4587237-za-10-mesjacev-jetogo-goda-upravlenie.html> (дата обращения: 29.09.2020).

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРОИЗВОДСТВО, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКУ ЛИБО СБЫТ
ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ ИЛИ ОКАЗАНИЕ
УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ**

М. Е. Боровикова, обучающийся

Научный руководитель Р. Н. Боровских, д-р юрид. наук

Новосибирский юридический институт — филиал
научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

Данная статья посвящена анализу развития уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Дана краткая характеристика ст. 238 УК РФ с социальной точки зрения.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, уголовная ответственность, нарушение требований безопасности, охрана здоровья населения, права потребителей.

Первые предпосылки становления уголовной ответственности за небезопасные, недоброкачественные товары появились еще в начале XX века. Все началось с развитием стандартизации.

Так, в 1919 году по результатам работы особых комиссий по подготовке стандартов был разработан и введен в действие первый стандарт в промышленности — на заготовку льна. Уголовная ответственность, установленная УК РСФСР 1922 г. (ст. 191 — ответственность за фальсификацию предметов потребления) и УК РСФСР 1960 г. (ст. 152 — ответственность за неоднократный или в крупных размерах выпуск из промышленного предприятия недоброкачественной, некомплектной или не соответствующей стандартам либо техническим условиям продукции), была именно за нарушение различных стандартов в промышленности.

Указанные уголовно-правовые нормы сопровождалась рядом постановлений Совнаркома СССР: например, постановление от 08.12.1933 № 84/2562 «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции», постановление от 23.09.1953 № 4286 «Об усилении борьбы с выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции» [4].

Данные постановления декларировали мысль о том, что выпуск недоброкачественной продукции рассматривается как преступление против интересов государства. А преступления, предусмотренные ст. 191 УК РСФСР 1922 г. и ст. 152 УК РСФСР 1960 г., прямо относились к категории имущественных или хозяйственных преступлений [2, 3].

Следует отметить, что ответственность была предусмотрена лишь за выпуск и производство небезопасных товаров и продукции.

С распадом СССР и резким переходом к рыночной экономике контроль со стороны государства в промышленных сферах значительно ослаб. В конце 1990-х годов о соблюдении каких-либо стандартов и правил при изготовлении товаров потребления речи не шло. Предприниматели были нацелены на уменьшение расходов при производстве, на его удешевление, что в свое очередь, безусловно, отражалось на качестве производства.

Изменившиеся условия жизни вызвали необходимость трансформации уголовной ответственности за «безответственное предпринимательство». В частности, появилась ст. 238 УК РФ, которая предусмотрела ответственность не только за выпуск и производство небезопасных товаров и продукции, но и за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности [1].

Преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, относится к категории преступлений против здоровья населения. Данный факт свидетельствует о том, что законодателем был сделан акцент на действительные ценности, которым причиняется ущерб в результате совершения такого преступления, как производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, это общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения, дополнительным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие права потребителей [5].

Статья 238 УК РФ введена в действие УК РФ в 1996 году, последние изменения были в 2011 году. Данное обстоятельство свидетельствует о «жизнеспособности» уголовно-правовой нормы, ее способности отвечать обстоятельствам окружающей жизни уже на протяжении 9 лет.

Вместе тем нельзя сказать, что прецеденты уголовного преследования по ст. 238 УК РФ распространены, однако ежегодно количество осужденных по данной категории дел составляет не менее 2 тысяч человек. Так, количество осужденных по ст. 238 УК РФ в 2017 году составило 4 516 человек, в 2018 году — 3 773 человек, в 2019 году — 2 168 человек [6].

Несмотря на то, что с каждым годом количество осужденных по ст. 238 УК РФ уменьшается, проблемы, связанные с совершением данного преступления, остаются актуальными, поскольку потерпевших по данной категории дел в несколько раз больше осужденных. Это объясняется тем, что преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, совершается практически во всех сферах жизнедеятельности человека, а именно в сфере ЖКХ, досуга, в сфере реализации продукции питания, а также оказания медицинских услуг. Потребителем данных услуг является не один человек. Следовательно, какое-либо нарушение в общественных сферах производства или оказания услуг, как правило, влечет за собой последствия для целых групп людей. Трагическими примерами в данном случае могут являться события 2009 года в г. Перми в клубе «Хромая лошадь», а также события 2018 года в г. Кемерово в ТЦ «Зимняя вишня». В Новосибирской области на начало 2020 года пришлось, как минимум, два громких случая, по которым уголовные дела были возбуждены в т. ч. по ст. 238 УК РФ. Это пожар на Центральном рынке г. Искитима в январе 2020 года и «гаражная вечеринка» в Академгородке в феврале 2020 года.

Основываясь на статистических данных, можно сделать вывод о том, что ст. 238 УК РФ является актуальной правовой нормой на сегодняшний день, защищая не просто права каждого человека как потребителя, но и его жизнь и здоровье.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Рагозина И. Г. Уголовная ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров или продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Омск, 2001. — 188 с.
5. Суханов А. В. Становление современной конструкции состава преступления в области производства, хранения, перевозки либо сбыте товаров и продукции, выполнении работ или оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности: историко-правовой анализ // Проблемы экономики и юридической практики. — 2011. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovremennoy-konstruktsii-sostava-prestupleniya-v-oblasti-proizvodstva-hranieniya-perevozki-libo-sbyte-tovarov-i-produktsii> (дата обращения: 02.11.2020).
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015–2019 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 343.2/.7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ХИЩЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

О. А. Брашнина, ст. преподаватель

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия

Статья посвящена сравнительно-правовой характеристике уголовного законодательства государств-участников СНГ, устанавливающего ответственность за специальные виды хищения (статьи 221, 226, 229 Уголовного кодекса РФ), анализируется зарубежный опыт уголовно-правовой борьбы с рассматриваемыми преступлениями в целях совершенствования отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: хищения, специальные виды хищения, общественная опасность.

Для понимания особенностей российского законодательства об ответственности за специальные виды хищений, включающего как достоинства, так и недостатки, представляется небезынтересным обращение к зарубежному опыту,

что в итоге может послужить дальнейшему совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

Особенность специальных видов хищения заключается в их большой общественной опасности. Важно отметить, что данную общественную опасность признает все мировое сообщество. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ создает угрозу глобального характера, а осложняет межгосударственную криминогенную обстановку такой фактор, как неконтролируемое насыщение всего общества высокоэффективным разнообразным оружием.

В настоящее время активно развиваются экономические отношения между странами мирового сообщества, можно сказать, что создается единое экономическое пространство, полное зон открытых границ между государствами. Это приводит к возникновению проблемы, связанной с борьбой против преступности именно в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия, в котором одно из центральных мест занимают хищения. Из этого можно выделить актуальность изучения темы, связанной с опытом уголовно-правовой борьбы с аналогичными преступлениями через призму зарубежного уголовного законодательства. То есть особый интерес вызывает сравнительный анализ российского уголовного законодательства с уголовным законодательством иных государств по вопросам существующих наработок в анализируемой сфере.

Суверенные государства, которые были образованы после распада Союза Советских Социалистических Республик (далее — СССР) провели различные реформы, которые коснулись всех отраслей права, в т. ч. и уголовной. Были приняты и вступили в действие новые уголовные кодексы государств, являющихся участниками Содружества Независимых Государств (далее — СНГ). Таким образом, уголовное законодательство бывших республик, ранее входивших в состав СССР, претерпело существенные изменения, новые уголовные кодексы значительно отличались от предшествующих.

Изучив уголовные кодексы стран постсоветского пространства, можно отметить их сходства в решении вопросов, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с хищением предметов, которые были изъяты из оборота либо являются ограниченными в обороте. То есть уголовные кодексы этих государств содержат нормы, которые устанавливают ответственность за вышеупомянутые преступления. Законодатели таких стран относят данные преступления к одной группе преступлений, а именно — против общественной безопасности и здоровья населения, против общественного порядка и общественной нравственности, против государства и порядка осуществления власти и управления. Важно отметить, что уголовные кодексы в рамках этой группы характеризуются тем, что являются полностью кодифицированными.

Несмотря на то, что законодательство государств бывшего СССР по форме и содержанию во многом подобно российскому, в нем содержатся нормы, устанавливающие ответственность за специальные виды хищений, вызывающие особый интерес.

Так, в Уголовном кодексе Республики Беларусь понятие хищение содержится в прим. 1 к гл. 24: «под „хищением“ в настоящей главе понимается

умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники» [2]. Повторно совершенным признается такое хищение, если ему предшествовало либо хищение, либо совершение какого-либо из следующих преступлений: хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, радиоактивных материалов, наркотических веществ и прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ. Отметим, что состав преступления, предусмотренный ст. 159 [2] Уголовного кодекса Республики Беларусь, в котором закрепляется ответственность за хищение путем использования компьютерной техники, можно увидеть в Уголовном кодексе Российской Федерации в рамках статьи, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

Отличительная особенность Уголовного кодекса Республики Беларусь заключается в том, что в нем закреплено не только определение общего понятия хищения как преступления против собственности, но и определение специального хищения следующих предметов: огнестрельное оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, радиоактивные вещества, наркотические средства, психотропные вещества и прекурсоры, а также сильнодействующие или ядовитые вещества. Относительно специальных видов хищений отмечается, что в таких случаях не требуется установление факта корыстной цели.

В прим. к ст. 294 УК Республики Беларусь указывается, что хищением является умышленное противоправное безвозмездное завладение указанными предметами и веществами или правом на них путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники независимо от наличия или отсутствия корыстной цели [2]. В гл. 29 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против здоровья населения» хищение определяется как противоправное безвозмездное завладение материалами, средствами, препаратами, веществами или правом на них путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники независимо от наличия или отсутствия корыстной цели. Заметим, что, в отличие от прим. к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, ни в одном из этих определений не содержится термин «имущество».

В ст. 323 анализируемого Уголовного кодекса предусматривается ответственность за хищение радиоактивных материалов. Особенность данной уголовной нормы — установление ответственности за «угрозу опасным использованием радиоактивных материалов в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица к совершению какого-либо действия или воздержанию от него, если имелись основания опасаться этой угрозы».

Следовательно, отличительной чертой УК Республики Беларусь является наличие определений различных специальных видов хищений, которые

подразделяются по предмету преступления, а также указание в уголовных нормах, регулирующих специальные виды хищений, на необязательность установления корыстной цели похищения.

В ст. 262 Уголовного кодекса Украины, которая включена законодателем в раздел IX «Преступления против общественной безопасности», закрепляется ответственность за хищение, присвоение, вымогательство огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ либо радиоактивных материалов или завладение ими путем мошенничества или злоупотребления служебным положением» [5]. Характерно то, что украинский законодатель объединил в одном составе преступления как предметы вооружения, так и радиоактивные материалы (в УК Российской Федерации они относятся к разным составам преступлений).

Еще одна статья, аналогов которой в Уголовном кодексе Российской Федерации нет, это ст. 266 Уголовного кодекса Украины, которая закрепляет ответственность за такое преступление, как угроза совершения хищения радиоактивных материалов. Цель хищения заключается в вынуждении физического или юридического лица, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него, если существовали основания опасаться осуществления этой угрозы.

Представляет интерес раздел XIII «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения» Уголовного кодекса Украины.

Так, в ст. 308 Уголовного кодекса Украины закрепляется ответственность за следующее преступление — «хищение, присвоение, вымогательство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо завладение ими путем мошенничества или злоупотребления служебным положением» [5], в ст. 312 законодатель установил ответственность за «хищение, присвоение, вымогательство прекурсоров или завладение ими путем мошенничества или злоупотребления служебным положением» [5], а в ст. 313 предусматривается ответственность за «хищение, присвоение, вымогательство оборудования, предназначенного для изготовления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо завладение им путем мошенничества или злоупотребления служебным положением и иные незаконные действия с таким оборудованием» [5].

Отметим, что характерным моментом для Уголовного кодекса Украины является отсутствие определения термина «хищение», а также расширенный перечень предметов преступлений и общественно опасных деяний, смежных с хищением.

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан отсутствует определение понятия «хищение», однако уголовная ответственность за специальные виды хищения устанавливается, например, за незаконное завладение огнестрельным оружием, боевыми припасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами (ст. 247 Уголовного кодекса Республики Узбекистан), незаконное завладение наркотическими средствами, их аналогами или психотропными веществами — ст. 271 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, радиоактивными

материалами — ст. 252 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, которое было совершено путем кражи или мошенничества, путем присвоения, растраты либо злоупотребления должностным положением; путем грабежа; путем вымогательства, путем разбойного нападения [4].

Отличительная особенность Уголовного кодекса Республики Узбекистан заключается в закреплении в нем нормы, которая устанавливает ответственность за незаконное завладение сильнодействующими или ядовитыми веществами. Данное завладение происходит путем кражи или мошенничества, путем присвоения, растраты либо злоупотребления должностным положением; путем грабежа; вымогательства, разбойного нападения.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан восприняты многие принципиальные положения Модельного кодекса, обеспечено приведение уголовного законодательства в соответствие с современной иерархией социальных ценностей, которые были приняты в демократических государствах, что сближает его с Уголовным кодексом Российской Федерации. В Уголовном кодексе Республики Таджикистан термин «хищение» раскрывается как совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. В способы хищения, помимо кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения и растраты, включены вымогательство и такие составы, как хищение средств, выданных в качестве кредита, и хищение средств фондов иностранной помощи [3].

Следовательно, можно заключить, что заметные отличия Уголовного кодекса Таджикистана в сфере регламентации ответственности за специальные виды хищений от Уголовного кодекса Российской Федерации минимальны. Они состоят лишь во включении в предмет этих преступлений прекурсоров и в использовании расширенного перечня квалифицирующих признаков.

Особенность уголовного законодательства стран Балтии состоит в менее пристальном внимании к специальным видам хищений. Так, в Уголовном кодексе Латвийской Республики в число преступлений против общественной безопасности не включены преступления, связанные с хищением наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых или радиоактивных веществ, взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или боеприпасов [1].

Аналогичная ситуация складывалась и в Уголовном кодексе Эстонской республики, однако законодатель исправил положение путем включения в Уголовный кодекс ст. 207¹ — «Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» и 210³ — «Хищение наркотических средств или психотропных веществ» [6]. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает необходимость обособления норм об уголовной ответственности за специальные виды хищений.

Итак, можно подытожить компаративное исследование норм об уголовной ответственности за специальные виды хищений стран постсоветского пространства. Из положительных черт следует отметить: использование в уголовных кодексах определений специальных видов хищений, дифференцирующихся в зависимости от предмета преступления, а также указание в них на необязательность установления корыстной цели похищения (Уголовный

кодекс Республики Беларусь), что подтверждает наше исследование признаков специальных видов хищений; расширение перечня предметов данных преступлений, позволяющее более полно учесть аспекты преступной деятельности (Уголовный кодекс Таджикистана); дифференциация деяний «присвоение», «завладение» и «захват», дающая возможность более точного описания составов преступлений. К недостаткам, пожалуй, отнесем слабую разработанность норм об уголовной ответственности за рассматриваемый вид преступлений в законодательстве стран Балтии.

Анализируя нормы зарубежного уголовного законодательства об ответственности за специальные виды хищений, важно отметить: изучение соотношения российского и зарубежного уголовного законодательства по вопросам, регулирующим ответственность за специальные виды хищения, представляется важным для совершенствования законотворчества, существующего на данный момент в Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Латвии. — URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 01.10.2020).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 07.11.2020).
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 17.10.2020).
4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Уголовный кодекс Украины. — URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page6> (дата обращения: 17.11.2020).
6. Уголовный кодекс Эстонии. — URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=16456> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 343.148

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ХУЛИГАНСТВЕ

А. Д. Варавин, обучающийся

И. Р. Гусев, обучающийся

Научный руководитель С. Н. Клоков, канд. юрид. наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород, Россия

В статье проводится оценка текущего состояния материально-технической, нормативно-правовой баз, составляющих ядро судебно-баллистической экспертизы. Авторы работы предлагают своё видение и разрешение таких проблем, как несогласованная терминология основных понятий, «кольцевая квалификация» ст. 213 и иных, разобранных в данной статье.

Ключевые слова: баллистика, экспертиза, судебно-баллистическая экспертиза, хулиганство, оружие, роль и значимость экспертизы, проблемы судебно-баллистической экспертизы.

В настоящее время с развитием технологий у суда появилось гораздо больше возможностей для объективной оценки фактических обстоятельств дела с помощью различных экспертиз. Судебно-баллистическая экспертиза назначается для того, чтобы дать ответы суду на вопросы о виде оружия, боеприпасов, степени их опасности. Зачастую главным в работе лица, привлеченного к расследованию уголовного дела в качестве эксперта, является вопрос о признании оружия огнестрельным. Однако далеко не всегда проведение данной экспертизы и ответы эксперта являются основанием для переквалификации статьи УК РФ, по которой предъявляется обвинение. Таким примером является судебно-баллистическая экспертиза по делам о хулиганстве (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

Актуальность исследования состоит в том, что на практике возникает ряд вопросов и правовых пробелов, связанных со значением и ролью экспертов в проведении экспертизы о виде оружия. Согласно действующему уголовному законодательству, в ст. 213 УК РФ («Хулиганство») не имеет значения, какое именно оружие было использовано при совершении преступления: огнестрельное или охолощенное [1]. Именно этот вопрос ставится перед экспертом при судебно-баллистической экспертизе, которая практически всегда запрашивается судами в делах о хулиганстве. Из вышеуказанного следует вывод, что проводимое экспертом исследование оружия не несет за собой каких-либо последствий для самой важной и приоритетной цели — квалификации преступления. Это означает, что при определении экспертом типа оружия как охолощенного обвиняемому вменяется п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, где любой тип оружия предпосылается как основание для данного пункта [1]. Происходит «кольцевая» перекалфикация с одного пункта на этот же самый и не происходит смены состава преступления. Данный факт противоречит принципу соразмерности наказания и создает коллизию с федеральным законом «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ [4]. Он является противоположной точкой зрения Верховного суда относительно охолощенного оружия, указанной в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». В постановлении от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» пленум Верховного суда РФ отметил, что использование субъектами нападения непригодного к использованию оружия или его образцов не может квалифицироваться в качестве признака их вооруженности [8]. Также в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» определяется, что наступление ответственности по статьям 222 и 226 УК происходит исключительно за хищение или вымогательство, а также за незаконный оборот непригодного либо учебного оружия лишь в тех случаях, когда «оно содержало пригодные для использования комплектующие детали

или если лицо имело цель привести его в пригодное состояние и совершило какие-либо действия по реализации этого намерения» (п. 12) [6]. Верховный суд разъясняет, что разбой не должен квалифицироваться как вооруженный при угрозе заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией такого оружия (п. 23 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое») [7]. В вышеупомянутых постановлениях понятие «вооруженность» является признаком, который отражает реальную угрозу для жизни или здоровья. От результата деятельности экспертов зависит не только определение оружия как охолощенного или боевого, но и последующая квалификация преступного деяния. Судебно-баллистическая экспертиза проводится по назначению и с ясной целью — определить вид оружия для решения вопроса о квалификации преступления. В делах же о хулиганстве точной цели, кроме как формального определения вида оружия, перед экспертом не стоит. Эксперт отвечает на поставленные судом вопросы, однако это сводится к формальности, т. к. последствий не несет, и работа эксперта сама проводится «вхолостую». Однако обратная правовая позиция Верховного суда РФ прослеживается в постановлении пленума от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений». В данном постановлении отражено, что применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и иного подобного дает основание для квалификации содеянного по пункту «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (п. 4 постановления пленума ВС РФ № 45) [9]. *Столь резкий поворот в понимании признака вооруженности не только не способствует развитию теории уголовного права, но и дезориентирует судебную практику.*

В связи с вышесказанным следует итог: любая нормативно-правовая позиция должна обладать ключевым правовым признаком — признаком стабильности. Однако на данный момент значение судебно-баллистической экспертизы в делах о хулиганстве ничтожно и не решает важных для дела вопросов, что ставит в равное положение охолощенное и огнестрельное оружие. Сама по себе судебно-баллистическая экспертиза — это комплекс многоуровневых профильных процедур с привлечением опытных специалистов и экспертов. Проведение данной экспертизы — это несомненно затраты как человеческого, так и материального ресурса. Специализация вопросов, которые ставятся перед экспертом, только усложняет ее проведение, т. к. требует участия специалистов узкого профиля.

Часто по делам о хулиганстве судебно-баллистическая экспертиза проводится с целью определения оружия огнестрельным лишь для того, чтобы установить основания для возбуждения ст. 222 Уголовного кодекса, т. е. определения оружия как предмета преступления. Однако не стоит забывать, что в делах о хулиганстве оружие рассматривается как орудие преступления, и несомненно эксперт должен отвечать на более широкий спектр вопросов. К их числу можно отнести: пригодно ли оружие к стрельбе боевыми патронами, техническое

состояние предоставленного оружия, баллистические свойства оружия, вид снарядов (пули, дробь, картечь) и иные.

По данному вопросу стоит выделить труды таких ученых, как А. И. Рарог, М. А. Калмыкова, О. С. Поздеева, В. М. Шинкарук, А. И. Букур. В данных работах авторы обращают наше внимание на несовершенство современного института судебно-баллистической экспертизы, затрагивая тему дел по хулиганству, раскрывают понятие и цель такой экспертизы, определяют основные направления ее развития и дают экспертную оценку ее современному состоянию.

Обобщая данный вопрос, предлагаем внести изменения в федеральное законодательство и разграничить понятия огнестрельного и охолощенного оружия: необходимо внести поправку в ФЗ «Об оружии», а именно — изменить понятие «охолощенное оружие». По нашему мнению, определение такого вида оружия как «сертифицированное и созданное по специально выработанной технологии изделие определенного вида, сконструированное исключительно для имитации выстрела специальными боеприпасами (холостыми патронами) без возможности стрельбы боевыми патронами» будет вполне уместным в контексте затрагиваемой проблемы. Также важно обратить внимание законодателя на принцип справедливости, который не до конца соблюдается при квалификации хулиганства с применением охолощенного оружия согласно п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. По степени общественной опасности данное преступление не особо отличается от мелкого хулиганства, регулирующегося ст. 20.1 КоАП РФ. Для помощи судам в рассмотрении подобных дел предлагаем Верховному суду вынести постановление, разъясняющее данную позицию. Тогда будет оправданным проведение судебно-баллистической экспертизы по делам о хулиганстве, произойдет разграничение огнестрельного и охолощенного оружия на практике и будет соблюден принцип соразмерности наказания (15 сут. административного ареста по ст. 20.1 КоАП РФ вполне хватит для осмысления правонарушителем своего поведения). Данная проблема решаема и, по нашему мнению, должна быть урегулирована, т. к. напрямую затрагивает права и свободы человека, а ее решение будет соответствовать общей тенденции демократизации уголовного процесса.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря. — № 249.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. — 2001. — 31 декабря. — № 256.
4. Об оружии: ФЗ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. и доп.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (с изм. и доп.) // Российская газета. — 2003. — 18 января. — № 9 (специальный выпуск).
8. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.01.1997 № 1 // Российская газета. — 1997. — 30 января. — № 20.
9. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Российская газета. — 2007. — 21 ноября. — № 260.
10. Поздеева О. С., Шамарин С. З. Оружие как квалифицирующий признак состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 10. — С. 146–151.
11. Романова А. С. Понятия «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» как обязательные признаки хулиганства: соотношение и характеристика // Вестник Московского государственного областного университета. — 2019. — № 2. — С. 115–120.
12. Шинкарук В. М. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о вооруженном хулиганстве // LegalConcept. — 2012. — № 1 (16). — С. 138–142.
13. Букур А. И. Современные способы переделки средств самообороны в огнестрельное оружие (на примерах из судебно-экспертной практики) // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 1. — С. 186–189.
14. Кубитович С. Н. Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 2. — С. 60–62.
15. Ефремов И. А. Некоторые заблуждения о судебной экспертизе при осуществлении уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 3. — С. 47–51.
16. Калмыкова М. А. Понятие оружия и его уголовно-правовое значение // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 6. — С. 124–129.

ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖИ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. С. Воевидка, обучающийся

Научный руководитель Н. К. Коровин, ст. преподаватель

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,

г. Новосибирск, Россия

Проведен анализ основных элементов криминалистической характеристики кражи с банковского счета, рассмотрено их значение в расследовании преступления.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, кража, банковский счет, электронные денежные средства, расследование преступления.

Ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дополнилась квалифицирующим признаком в виде кражи с банковского счета и в отношении электронных денежных средств относительно недавно. Пункт «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ был введен федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [1].

Однако данное преступление отнюдь не новое и всё более частое явление в последнее время. Согласно статистике, приведенной МВД РФ в отчете о состоянии преступности в России за 2019–2020 гг., число преступлений, совершенных с использованием расчетных (пластиковых) карт с января по сентябрь 2020 года, увеличилось на 500 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 года [2]. Одной из главных причин такого стремительного повышения числа краж в данной сфере является развитие системы безналичных расчетов среди населения.

Для того, чтобы обезопасить граждан от потери денежных средств с их банковских счетов, должностным лицам необходимо прибегать не только к практическому опыту, но и к теоретическим знаниям, а именно к частной криминалистической методике. В структуру данной методики [3, с. 17] входят следующие элементы:

- 1) криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений;
- 2) обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений данного вида (группы);
- 3) особенности возбуждения уголовного дела; типичные ситуации и программа действий следователя на первоначальном этапе расследования;
- 4) особенности тактики первоначальных следственных действий;
- 5) последующие следственные действия.

В рамках статьи нас будет интересовать первый из приведенных элементов — криминалистическая характеристика рассматриваемого преступления, под которой понимается система данных о криминалистически значимых признаках преступлений конкретного вида или группы, отражающих закономерные связи между этими признаками, и служащая построению типовых версий, которые берутся за основу при планировании расследования преступлений данного вида или группы [3, с. 18].

Криминалистическая характеристика, в свою очередь, состоит, как правило, из следующих компонентов:

1. Характеристика личности преступника.
2. Характеристика личности потерпевшего.
3. Способы, место, время, последствия.
4. Следы, оставляемые на месте совершения преступления.
5. Мотивы и цели совершения преступления.

Добиться положительного результата в расследовании преступления не представляется возможным без тщательного изучения личности преступника, данные о которой, к тому же, входят в предмет доказывания.

Определяя возраст и пол преступника, следует отметить, что в целом хищения, совершенные с использованием электронных средств платежа, совершаются преимущественно мужчинами от 18 до 35 лет. У большинства преступников имеется среднее, среднее профессиональное образование и как минимум базовые знания о денежном обороте с использованием безналичных расчетов. Интересной особенностью является наличие более высокого уровня образования у женщин, т. к. именно они чаще всего совершают кражи в отношении электронных денежных средств, будучи сотрудницами кредитных и иных организаций. Самый низкий образовательный и культурный уровень присущ лицам, ранее судимым. Кроме того, более чем у половины преступников не имеется постоянных источников дохода [4, с. 45–46].

Специфика поведения преступника проявляется в его способности сохранять уверенность и невозмутимость, чтобы у работников кредитной, торговой или иной организации не возникало сомнений в принадлежности расчетных (пластиковых) карт данному лицу.

Личность потерпевшего как один из структурных элементов криминалистической характеристики также играет немаловажную роль, поскольку её изучение оказывает непосредственное влияние на выбор криминалистической версии, тактики дальнейших следственных действий.

Следует выделить факт наличия взаимоотношений между преступником и потерпевшим более чем в половине случаев совершения подобных краж: многие состояли в приятельских или в дружеских отношениях, были коллегами или родственниками, распивали вместе спиртные напитки.

На практике поведение потерпевших нередко становится провоцирующим фактором для совершения преступления. Оно может проявляться в пренебрежении к хранению банковской карты и её реквизитов, а также в совершении неосмотрительных действий с ними в присутствии потенциального преступника (например, озвучивание данных по телефону, оставление без присмотра и т. п.). Нахождение в состоянии алкогольного опьянения, как и всё вышеперечисленное, способствует созданию благоприятной обстановки для реализации преступником своего умысла.

Среди наиболее частых мест совершения кражи с банковского счета необходимо отметить банкомат, который чаще всего располагается в помещении (торговый центр, метро, значительно реже — отделение банка и т. д.), а также торговое предприятие. Кроме того, преступление может быть совершено преступником на рабочем месте или по месту его жительства.

Как правило, преступник старается как можно быстрее (в течение 1–3 часов) совершить хищение денежных средств, т. к. опасается, что потерпевший может в скором времени обнаружить пропажу карты и заблокировать её.

Безусловно, никакая криминалистическая характеристика не может обойтись без одного из самых главных её элементов — способов совершения преступления, поскольку зачастую, установив способ, следователю удастся быстрее выявить подозреваемых в совершении преступления, а также выяснить иные значимые обстоятельства.

К самым распространенным в последнее время способам кражи с банковского счета относятся:

1. Проведение транзакции (выдача денег либо проведение иной операции с помощью терминала или перечисление денежных средств с одного счета на другой, а также оплата товаров) с использованием *похищенных* расчетных (пластиковых) карт и (или) ПИН-кодов.

2. Проведение транзакции с использованием *потерянных* расчетных (пластиковых) карт.

3. Проведение интернет-транзакции с использованием *реквизитов* банковских карт.

4. Проведение транзакции, связанное с *нарушением правил оформления расчетных операций* с использованием подлинных или поддельных банковских карт работниками кредитных организаций.

5. *Скимминг* — кража данных карты с использованием специального считывающего устройства (скиммера).

6. *Фишинг* — проведение рассылок смс-сообщений/ электронных писем от имени популярных брендов, внутри различных сервисов или социальных сетей, а также от имени банка.

7. *Вишинг* — использование телефонной связи для получения доступа к конфиденциальной информации владельца карты или стимулирования его к совершению определенных действий (например, позвонить по указанному номеру) [5].

Кража, являясь формой хищения, всегда влечет причинение ущерба потерпевшему, т. е. вызывает негативные последствия в виде материального вреда.

Не стоит умалять значение и такого элемента криминалистической криминалистики, как следы, оставляемые на месте совершения преступления. Кража с банковского счета, как и любое другое преступление, не совершается бесследно: это могут быть материальные, идеальные, а также так называемые виртуальные следы.

К первым можно отнести чеки, мобильный телефон, компьютер, сим-карту, пластиковую карту, а также следы пальцев на них; предметы, которые были приобретены преступником на денежные средства, снятые с чужого банковского счета; записи с камер видеонаблюдения, где происходили транзакции; детализация смс-сообщений, звонков, счета, IP-трафика; различные считывающие устройства (скиммеры, шиммеры и др.), банковская выписка и иные документы.

Идеальные следы в данном случае, как правило, представлены в виде сведений, полученных от потерпевших, их родственников, знакомых, свидетелей, сотрудников банковских, торговых организаций, о предмете хищения, о

личности преступника, его внешнем виде или поведении, о взаимоотношениях между потерпевшим и преступником и т. д.

Виртуальные следы включают любые изменения, произошедшие в информационной среде вследствие проведения каких-либо операций (транзакций) в сфере оборота безналичных денежных средств. Особенностью следообразования в рассматриваемом преступлении будет являться возникновение следов одновременно в нескольких местах, поскольку система оборота расчетных карт включает в себя множество взаимосвязанных элементов.

Мотив анализируемой кражи, как и любой другой, — корысть (приобретение материальной выгоды). Наряду с ним могут быть и иные мотивы (хулиганские, месть и т. д.), но присутствие корыстного мотива в действиях преступника обязательно.

Таким образом, значение криминалистической характеристики для расследования кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, заключается в возможности своевременно выдвинуть обоснованные версии, выбрать эффективную тактику следствия. Без знания основных элементов криминалистической характеристики нельзя провести полное, всестороннее и объективное расследование уголовного дела.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Российская газета. — 2018. — № 88.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/> (дата обращения: 20.10.2020).
3. Криминалистическая методика: учебное пособие для вузов / А. Г. Филиппов [и др.]; под общ. ред. А. Г. Филиппова. — Москва: Юрайт, 2020. — 338 с.
4. Имаева Ю. Б. Особенности расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Ю. Б. Имаева. — Уфа, 2015. — 233 с.
5. Хищения, совершаемые посредством использования банковских карт [Электронный ресурс]. — URL: https://23.xn--b1aew.xn--p1ai/bank_cards (дата обращения: 20.10.2020).

МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ: ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОСТИ ДАННОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ ЧИСЛА СУДИМЫХ ЛИЦ

Ю. Г. Голубицкий, преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье приводится статистика по применению норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям в отношении лиц, совершивших некавалифицированные кражи. Анализируется применение нормы о малозначительности деяния относительно некавалифицированных краж. Анализируется возможность достижения целей, поставленных в законопроекте, предусматривающем введение ст. 158.1 Уголовного кодекса РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию».

Ключевые слова: кража, мелкое хищение, малозначительность деяния, деятельное раскаяние.

В 2016 г. законодатель внес изменения в Уголовный кодекс РФ, выделив в отдельную статью такой вид преступления, как мелкое хищение. Внесение данных изменений продиктовано мнением главы государства и Верховного суда о том, что большое число людей получают статус «судим» за незначительные преступления, приговариваются к наказаниям в виде штрафа по размерам, сопоставимым с административным штрафом.

Данные изменения призваны улучшить положение впервые оступившихся лиц, при этом усилить ответственность для асоциальных элементов общества.

По информации Президента РФ, практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в т. ч. молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму [3].

Мотивы данных изменений приведены в пояснительной записке к законопроекту:

- 1) формирование негативных последствий в системе общественных отношений;
- 2) сотни тысяч граждан РФ становятся ранее судимыми;
- 3) дальнейшая социализация привлеченных к ответственности.

Согласно пояснительной записке «К проекту ФЗ „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“», в 2013 г. в отношении более 9 тыс. лиц, совершивших незначительные кражи, применены наказания в виде уголовного штрафа, не превышающего 5 тыс. рублей, в отношении более 8 тыс. лиц — от 5 до 25 тыс. руб. соответственно [2].

Вместе с тем правоприменитель в своей деятельности должен руководствоваться основополагающими принципами, которые прямо названы в ст. 3–7 УК РФ. В их числе принцип законности и справедливости.

Принцип законности предусматривает, что решение суда должно основываться исключительно на законе. Принцип справедливости подразумевает, что при

вынесении решения суд должен учитывать характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Действующий Уголовный кодекс в уже существовавшей редакции на момент включения нового состава преступления «мелкое хищение» предусматривал возможность прекращения уголовных дел в связи с малозначительностью деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), с деятельным раскаянием (ст. 75), с примирением с потерпевшим (ст. 76), с возмещением ущерба (ст. 76.1).

Одновременно с этим введено новое основание освобождения от уголовной ответственности — в связи с назначением судебного штрафа.

Представляет интерес то, насколько действующей системой использован ресурс нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности до 2016 г. в отношении лиц, совершивших кражу без отягчающих обстоятельств.

Для этих целей обратимся к судебной статистике за 2015 г. [1].

В 2015 г. число лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения, 97 105 чел. 32 % прекращены, т. е. в отношении 31 310 чел.

В разрезе оснований прекращения уголовных дел ситуация выглядит следующим образом.

В связи с отсутствием события или состава преступления и непричастностью к преступлению, т. е. по реабилитирующим основаниям дела прекращены в отношении семи человек (0,007 %).

По нереабилитирующим основаниям прекращения уголовных дел ситуация такова:

- в связи с деятельным раскаянием дела прекращены в отношении 1 810 чел. (1,86 %);
- с примирением с потерпевшим дела прекращены в отношении 24 280 чел. (25 %);

Сколько прекращено уголовных дел в связи с малозначительностью деяния, в статистических данных судебного департамента не приводится. Однако учитывая малый процент прекращенных уголовных дел, а также практически отсутствие реального применения данной нормы, ее можно признать «мертвой».

Итак, по статистическим данным, в 2015 г. прекращено 26,86 % уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Иные основания прекращения уголовных дел (амнистия, истечение сроков давности, смерть подозреваемого) в рамках данной статьи не рассматриваются, т. к. по правовым основаниям они не влекут негативных последствий для правонарушителей в силу закона.

Особое внимание обращает на себя низкий процент прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием. Данная цифра говорит о том, что действующая правоохранительная система изначально не готова воспринимать факт, что человек может самостоятельно, без применения к нему государственного принуждения, раскаяться. Понятие деятельного раскаяния носит оценочный, субъективный характер. Какие конкретно действия свидетельствуют о деятельном раскаянии, в законе не определено, это надлежит определить судье в каждом конкретном деле.

Более высокий процент прекращенных уголовных дел приходится на такое основание, как примирение с потерпевшим. При этом достаточно двух факторов: заглаживание вреда или возмещение ущерба, а также заявление потерпевшего о примирении.

Отсутствие в статистике и практической деятельности применения понятия «малозначительность деяния» (ч. 2 ст. 14 УК РФ) не может не тревожить. Данная норма также субъективна, подлежит оценке судом в рамках конкретного дела с учетом данных о субъекте, субъективной и объективной сторонах преступления. Так, кража продуктов питания, впервые совершенная несовершеннолетним, и кража алкогольной продукции ранее судимым лицом представляет совершенно разную общественную опасность.

Вместе с тем Верховный суд в своих пленумах неоднократно говорит о возможности применения данной нормы. Так, в п. 33 постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ [5].

Постановление Пленума Верховного суда от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» 11 июня 2020 г. дополнено п. 18.3, в котором пленум еще раз указал на возможность применения такой нормы [4].

При этом данная норма не дает права суду на ее применение, а обязывает применять ее в случае, когда такая малозначительность есть. Однако поскольку норма является оценочной, в судах ее применяют крайне редко.

Крайне низкий процент применения норм о деятельном раскаянии и малозначительности деяния невольно наводит на мысль о том, что российская судебная система гораздо охотнее назначает меры государственного принуждения, чем оценивает конкретные обстоятельства дела и разбирается в них. Когда суд выносит обвинительный приговор за кражу на 300 руб., хочется спросить, почему деньги налогоплательщиков так бездарно расходуются. Правоохранительная система работает не ради защиты прав и законных интересов граждан и государства, а для того, чтобы доказать свою нужность.

Придя к выводу, что судами крайне редко применялись нормы о прекращении уголовного преследования и освобождения от наказания правонарушителей за неквалифицированные кражи, можно предположить, что цели, обозначенные в законопроекте и поставленные президентом, могли быть достигнуты путем более эффективного применения действующего на тот момент законодательства.

Список литературы

1. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Судебный департамент. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Пояснительная записка «К проекту ФЗ „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации» // Российская газета. — № 275. — 04.12.2015.
4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020).
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Российская газета. — № 280. — 11.12.2017.

УДК 343.112

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

А. В. Демкина, обучающийся

Научный руководитель А. В. Кочетова, канд. юрид. наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Россия

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с использованием цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Представлены направления цифровизации деятельности суда при рассмотрении дел в первой инстанции. Раскрывается действующий порядок использования в уголовном процессе систем видео-конференц-связи, подачи жалоб, ходатайств и иных документов в электронной форме, смс-уведомления о вызове в судебное заседание.

Ключевые слова: цифровые технологии, уголовное судопроизводство, формирование судебного состава, электронная почта, видео-конференц-связь.

Сегодня большинство активных трудоспособных граждан в нашей стране и мире каждый день пользуются телефонами, компьютерами, планшетами и иными средствами, которые открывают доступ к огромному массиву информации. Информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь.

При таких обстоятельствах процесс всеобщего внедрения цифровых технологий не мог не коснуться такой важной сферы государственной деятельности,

как осуществление правосудия. В связи с этим огромное значение приобретает «электронное», или «цифровое», правосудие, которое представляет собой деятельность судов по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских и иных отнесенных к их компетенции дел, с активным использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и различных цифровых технологий [6]. Внедрение «электронного» правосудия в судебный процесс позволит сделать его более доступным, оперативным и эффективным, а также обеспечить дальнейшее развитие его доступности как одной из составляющих его социальной эффективности.

Практика в нашей стране складывается таким образом, что цифровизация проникла в разные отрасли права не одновременно, это связано со спецификой каждой отрасли права и особенностей индивидуальных доказательств при доказывании. В арбитражном судопроизводстве внедрение цифровых технологий происходило в первую очередь, поскольку в качестве доказательств использовались договоры, акты, справки, деловая корреспонденция, иные документы, выполненные в форме цифровой, графической записей или иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

Показания и объяснения лиц в качестве доказательств в арбитражном судопроизводстве используются не часто, т. к. в основном доказывание строится на различных документах, показания и объяснения лиц предоставляются в суд обычно в письменной форме. В связи с этим уже с 2010 г. в арбитражном судопроизводстве предусматривается возможность подачи в арбитражный суд заявлений, жалоб и других документов в электронной форме [4].

В уголовном судопроизводстве большая часть доказательств, которая играет огромную роль при разрешении уголовных дел, представляет собой показания лиц (свидетелей, обвиняемого, эксперта и т. д.), которые в ходе производства по одному и тому же уголовному делу могут претерпевать какие-либо изменения, иногда значительные. Данное условие создает существенные затруднения для применения тех же механизмов реализации, которые используются в арбитражных судах, т. е. их передачи в суд в электронном виде. Совокупность данных обстоятельств, а также публичный характер уголовного процесса позволяет сделать вывод о традиционности и консервативности уголовного процесса [2].

Если под «информационным» правосудием понимается рассмотрение и разрешение уголовных дел посредством Интернета, а также с внедрением информационных технологий, то для определения его сущности следует рассмотреть информационные технологии, применяемые в нынешнем уголовном судопроизводстве РФ.

При рассмотрении каждого конкретного дела состав суда формируется индивидуально с учетом нагрузки и специализации судей путем использования автоматизированной информационной системы (АИС). Раньше данный вопрос решался руководством этих судов. Такое новшество позволит предотвратить все сомнения в непредвзятости решений о формировании состава суда и подлинном характере мотивов таких решений. В исключительном случае законодатель позволяет формировать состав суда в ином порядке при невозможности использования АИС только лишь при условии, исключающем влияние

на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства. Стоит отметить, что формирование состава суда законно лишь в случае использования АИС, за исключением мировых судей, которые действуют в пределах своего участка, а также судов, которые в силу разных причин не могут использовать АИС [3].

Ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа, если лицо подписало его электронной подписью. Стоит отметить, что обязательное условие — заполнение электронного документа в специальной форме, которая размещена на официальных сайтах судов. Данная альтернатива значительно упрощает порядок подачи жалоб, ходатайств и т. д., способствует совершенствованию и развитию уголовного судопроизводства [5].

Судье, назначаемому судебное заседание, необходимо решить ряд вопросов, в т. ч. о вызове лиц по спискам, представленным сторонами в судебное заседание. Порядок такого вызова в судебное заседание законодатель напрямую не устанавливает, однако определяет порядок вызова на допрос в ходе предварительного расследования, при котором указанные лица вызываются в суд повестками, направляемыми по почте. Такой порядок по многим известным причинам не эффективен, что затрудняет рассмотрение уголовных дел.

Пленум Верховного суда РФ предусматривает возможность извещения вызываемых в суд лиц посредством СМС-сообщения в случае их согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату. Видится, что в Уголовно-процессуальный кодекс РФ следует внести изменение, что лицо вправе выбрать в качестве способа уведомления отправления его по электронной почте, это будет доступно и эффективно, данный порядок используется, например, в административном судопроизводстве. Это быстрый и доступный способ донесения информации, экономически выгодный, не требующий значительных затрат, при этом следует предусмотреть возможность обратной связи, т. е. лицо может направить суду данные о неявке по каким-либо уважительным причинам, согласовать время [1].

Среди распространенных цифровых технологий, прочно вошедших в практику рассмотрения уголовных дел, использование систем видео-конференц-связи. Видео-конференц-связь при рассмотрении областными и равными им судами, а также судебными коллегиями Верховного суда РФ апелляционных и кассационных жалоб в случаях, когда осужденный содержится под стражей или отбывает наказание в виде лишения свободы, давно стала обычным явлением. Сегодня остро встает вопрос об использовании видео-конференц-связи в районных и мировых судах, поскольку данное нововведение устранил все сомнения, возникающие по поводу правильности составления протокола судебного заседания, отражения в нем всех замечаний, и, как следствие, обеспечит вынесение законного и справедливого судебного решения.

Законодатель создает все предпосылки для дальнейшего развития такого института, как «электронное» правосудие. Это в первую очередь возможность использования видео-конференц-связи в судебных заседаниях, подача жалоб, ходатайств и иных документов в электронной форме, СМС-уведомление о вызове в судебное заседание и т. д., однако существующих информационных

технологий в уголовном судопроизводстве недостаточно. Данное направление следует совершенствовать и развивать, чтобы рассмотрение и разрешение уголовных дел стало более доступными и эффективным, что позволит абсолютно всем гражданам защищать свои права и интересы, а также создаст благоприятные условия для реализации данного права на защиту.

Список литературы

1. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / С. В. Власова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — С. 8–19.
2. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л. А. Воскобитова // Lex Russica. — 2019. — № 5. — С. 91–104.
3. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / С. В. Зуев // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 4. — С. 121–131.
4. Пономаренко В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России. Штрихи концепции / В. А. Пономаренко. — Москва: Проспект, 2015. — С. 69–74.
5. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного суда РФ № 57 от 26 декабря 2017 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. — № 4. — Апрель 2018.
6. Чуча С. Ю. Электронное правосудие. Электронный документооборот / С. Ю. Чуча. — Москва: Проспект, 2018. — С. 20–27.

УДК 343.2

ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В. В. Задёра, обучающийся

*Научный руководитель К. О. Копищева, канд. юрид. наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия*

В статье рассматриваются формы соучастия в преступлении. Анализируются особенности уголовной ответственности за совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией); отличия между формами соучастия в преступлении.

Ключевые слова: соучастие, форма соучастия, умышленное преступление, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество.

Соучастием в преступлении Уголовный кодекс Российской Федерации признает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [3]. Наука уголовного права предлагает различные способы классификации соучастия. Наиболее точной оценкой совместной преступной деятельности и дифференциацией ответственности соучастников является разделение соучастия на формы.

Уголовный закон не использует термин «форма соучастия». В науке уголовного права термин «форма соучастия» используется для характеристики различных способов совместного участия нескольких лиц в совершении умышленного преступления.

Форма соучастия — это внешнее выражение совместных усилий нескольких лиц для достижения преступной цели.

Основная проблема в том, что в зависимости от совместных усилий преступников-соучастников, что влечет формирование единой преступной группы, можно оценить характер и степень общественной опасности соучастия. В целом участие двух и более лиц существенно повышает общественную опасность преступления, облегчает его совершение и сокрытие следов преступления.

Одним из основных критериев классификации соучастия на формы является характер участия в преступлении: а) простое соучастие; б) сложное соучастие; в) особое соучастие. Конечно, классификация имеет разное количество вариантов, но, по нашему мнению, классификация по характеру участия должна рассматриваться как основной и наиболее интересный вариант.

Также есть преступления, которые могут быть совершены только при объединении нескольких человек: бандитизм, организация преступного сообщества, насильственный захват власти, вооруженный мятеж и т. п. Совершение преступления несколькими лицами, как правило, ускоряет преступный результат, способствует сокрытию следов преступления. Именно поэтому соучастие повышает общественную опасность преступления, а также лиц, его совершающих.

Наименее опасная форма соучастия проста, она встречается довольно редко, т. к. предполагает совершение преступления двумя или более лицами без предварительного сговора. Также эта форма соучастия называется соисполнительством, т. е. группа людей, которые собрались для совершения преступления без предварительной подготовки, или в ходе совершения преступления у преступников формируется умысел на совместное совершение преступления.

В простом соучастии лица взаимодействуют друг с другом таким образом, что все они выступают как исполнители объективной стороны преступления. Субъективная сторона совершаемого ими преступления характеризуется прямым умыслом. Каждый соучастник осознает общественную опасность своих действий, что он действует совместно с другим лицом или лицами, предполагает возможный или неизбежный общий преступный результат и желает его наступления.

Отличительной чертой простого соучастия является отсутствие предварительного сговора. Соответственно, преступление совершается без заранее продуманного плана, без заговора и распределения ролей при совершении преступления.

Сложная форма соучастия по предварительному сговору наиболее опасна. Объективная сторона такого соучастия характеризуется тем, что каждый из участников группы совершает действия, образующие признаки объективной стороны преступления. Объединенные усилия группы приводят к общему преступному результату.

Совместный умысел в такой группе возникает заранее. Мотивы разнообразны, но они не влияют на правовую оценку действий всех физических лиц. Законодатель характеризует эту форму, указывая на «заранее согласованное совместное совершение преступления». Таким образом, данная форма отличается от простой группы лиц наличием сговора и временем, которое требуется для достижения такого сговора. В группе лиц по предварительному сговору сотрудничество и координация сводятся к предварительному сговору с целью совершения, как правило, одного конкретного преступления. В таком виде сообщники знают не только общий характер, но и некоторые подробности предполагаемого преступления. Однако степень согласованности, которая возникает в результате сговора, достаточно низкая из-за отсутствия конкретизации деталей преступления, его планирования в простейшей форме, простейшего или отсутствующего разделения ролей и т. д.

Организованная группа характеризуется гораздо более высоким уровнем синергии при совершении преступления, что делает его более опасным, чем группа лиц по предварительному сговору. Характерными чертами организованной группы являются стабильность и изначальное единство членов группы в совершении одного или нескольких преступлений. Устойчивость характеризуется прочными постоянными связями между членами группы и конкретными индивидуальными формами и методами деятельности. Общественная опасность организованной группы резко отличается от опасности ее неорганизованных проявлений. Это влияет на политические и социальные процессы в стране в целом. Поэтому организованная преступность — это не только уголовный закон, но и политическое явление, которое представляет угрозу национальной безопасности. Преступное сообщество — самая опасная форма соучастия. Определение преступного сообщества содержится в Общей части УК РФ, согласно которой совершенным преступным сообществом (преступной организацией) признается преступление, если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, или объединение организованных групп, созданных для тех же целей [4, 5]. Преступные сообщества представляют наибольшую общественную опасность вследствие завершения наиболее организованных структур организованной преступности, стремясь легализовать полученные преступным путем средства в новых экономических структурах и достичь своей законности в обществе. Преступное сообщество — самая опасная форма соучастия по предварительной договоренности. Повышенная общественная опасность этого вида соучастия не только в количестве преступлений, но и в тяжести. Социологические исследования и статистика судебных дел свидетельствуют, что сегодня такие общины формируются с целью незаконного оборота наркотиков и посягательства на собственность.

Соучастие особого рода — это организационно-подстрекательские действия, которые прямо предусмотрены в Особенной части УК РФ. Например, создание вооруженной группы, насильственный захват власти, организация вооруженного мятежа, создание экстремистского сообщества и др. Эти преступления отнесены к особой группе в связи с их особой общественной опасностью. Примером вышеизложенного может служить ч. 1 ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» УК РФ. С объективной точки зрения это преступление выражается в создании незаконного вооруженного формирования, руководства таким формированием. Формация — объединение, отряд или иная группа со структурным и функциональным определением, включает контроль и подчинение, распределение обязанностей, места расположения базы или конкретную форму или идентификационные знаки, предназначена для решения проблем, присущих властным структурам. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 208 УК, характеризуется умышленной виной в форме прямого умысла. Организатор осознает, что создает незаконную вооруженную группу для определенных целей или руководит ею, и хочет создать ее и управлять ею. Участник осознает свою принадлежность к незаконной вооруженной группе, цели этого формирования, характер его участия в нем и хочет участвовать в таком формировании [1, 2].

Таким образом, в соответствии с УК РФ соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Соучастие в совершении преступления повышает общественную опасность деяния. В связи с этим уголовный закон при назначении наказания признает групповые формы совершения преступления отягчающим обстоятельством. Уголовный закон не использует этот термин. Однако установление конкретной формы соучастия позволяет оценить характер и степень общественной опасности совместной преступной деятельности в целом.

Список литературы

1. Сундуrow Ф. Р. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Ф. Р. Сундуrow, И. А. Тарханов. — Москва: Статут, 2016. — 145 с.
2. Безбородов Д. А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа: учебное пособие [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.procnor.spb.ru/izdaniya/> (дата обращения: 31.10.2020).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25.
4. Ревин В. П. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В. П. Ревин. — Москва: Юстицинформ, 2016. — 46 с.
5. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая часть: учебник / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов. — Москва: ИД Юрайт, 2015. — 211 с.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

К. Н. Иванова, обучающийся

*Научный руководитель О. А. Попова, ст. преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с реализацией принципов уголовного права, проблемные аспекты их использования и применения, а также представлены возможные пути устранения указанных недостатков.

Ключевые слова: уголовное право, принципы, законодательство, законность, справедливость, равенство граждан перед законом.

В Уголовном кодексе Российской Федерации содержатся принципы уголовного законодательства, которые отражают приоритет защиты личности, законных прав и интересов граждан. Это основополагающие начала процесса его формирования, охватывающие совокупность уголовно-правовых норм, а также устанавливающие их содержание и применение. От степени их соблюдения напрямую зависит уровень эффективности правовой системы России. Фактически из них формируются цели уголовного права, формы и методы исполнения нормативных положений, а также определяется главная направленность при противодействии преступности [4].

В настоящее время современными специалистами не сформировалось общего понимания содержания принципов уголовного права. Например, по мнению Ю. Е. Пудовочкина и С. С. Пирвагидова, принципы уголовного права предполагают «основные начала, руководящие идеи, которые определяют содержание и направленность уголовного права, закреплены в уголовно-правовых нормах и обязательны для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью»; С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев подчеркивают, что принципы уголовного права «это руководящие идеи, основополагающие начала, выраженные в уголовном законодательстве, а также в прокурорской, следственной и судебной практике, отражающие политические, экономические и правовые представления людей относительно оснований и форм ответственности за совершенные преступления» [3]. Неотъемлемой чертой принципов уголовного права является их обязательность выполнения, на которую указывают ученые. Ведь при решении стоящих перед уголовным законодательством задач важно, чтобы принципы были обязательны для законодателя и осуществимы на практике.

На практике при реализации этих принципов возникают определенные сложности. В ст. 3 УК раскрывается содержание принципа законности, в котором сказано, что «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» [2]. Но в то же время данная норма противоречит ч. 4 ст. 11 УК РФ: «Вопрос

об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права» [2]. Подобные противоречия со ст. 3 УК РФ встречаются и в положениях ч. 3 ст. 331 УК, где отмечается, что уголовная ответственность при определенных обстоятельствах, указанных в статье, определяется законодательством РФ военного времени. Таким образом, во избежание противоречий норм права, целесообразным считается внесение дополнений в ст. 3 УК, где необходимо указать в ч. 1: «За исключением случаев, прямо указанных в Кодексе». Следовательно, решится вопрос о противоречиях положений статей, указанных ранее, принципу законности, что будет способствовать совершенствованию уголовного законодательства и более эффективному его применению.

В ст. 4 УК закреплен принцип равенства граждан перед законом, в котором сказано: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [2]. Из названия статьи следует, что принцип осуществляет свое действие только на граждан, однако в самом содержании указанной нормы сказано о «лицах, совершивших преступление», равно как в ст. 19 Конституции РФ говорится о равенстве всех перед законом, о равенстве прав и свобод человека и гражданина: «Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [1]. Таким образом, действительно существует противоречие названия ст. 4 УК с положениями Конституции РФ и с реалиями уголовно-правового регулирования. Так, по уголовному законодательству потенциальными субъектами преступления могут быть не только граждане, но и лица без гражданства, а также иностранные граждане. Поэтому заголовок статьи лучше сформулировать корректно, например «принцип равенства».

В ст. 6 УК закреплен принцип справедливости. Большинство специалистов в сфере уголовного законодательства придерживаются точки зрения, что норма, которая фиксирует правило необходимости обеспечения справедливости уголовного наказания, исключительно декларативна, поэтому не может быть осуществлена на практике. Аргументируется это тем, что в реальности отсутствуют идеальные инструменты и единицы измерения характера и степени общественной опасности определенного противоправного деяния и личности виновного, а также не разработаны общие критерии справедливости, которые бы

могли предоставить точный ответ о справедливости или несправедливости уголовного наказания, назначенного виновному в определенном случае [3].

Справедливость — это субъективная и неоднозначная категория, поэтому необходимо выделить критерии справедливости, которые станут конкретным препятствием на пути внесения в УК посторонних ему положений. С. А. Галактионов считает, что для определения справедливости в законе стоит указать требования криминологической, социальной и этической обоснованности [3]. Этой же позиции придерживаются многие ученые, т. к. требование криминологической обусловленности возможно реализовать при помощи обязательной криминологической экспертизы законопроектов о внесении изменений в УК РФ. В Беларуси уже используется и довольно эффективно подобная процедура. Таким образом, закрепление подобной процедуры в России предоставит уголовному законодательству возможность быть не только справедливым, но и более эффективным. Также необходимо, чтобы закон был научно обоснован, т. к. создание действительно эффективного уголовного закона возможно только при тесной взаимосвязи науки и законотворчества, практического использования уголовно-правовых норм. Следовательно, с учетом указанных критериев необходимо более полно раскрыть понятие справедливости, а также закрепить, что: «Уголовный закон должен быть справедливым, т. е. криминологически и научно обоснованным».

Таким образом, в настоящее время принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма играют важную роль в уголовном законодательстве, позволяют в полной мере реализовать замысел законодателя, указывая на общепризнанные требования и стандарты. Препятствиями на пути их реализации в правоприменительной деятельности в некоторых случаях является противоречие норм уголовного права, противоречие с положениями Конституции, неясность формулировок и заголовков статей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.10.2020).
3. Болотова Е. Д. Некоторые проблемы законодательной регламентации принципов уголовного права [Электронный ресурс]. — URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018004231> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Принципы уголовного права [Электронный ресурс]. — URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ugolovnoe_pravo/principy_ugolovnogo_prava/ (дата обращения: 03.11.2020).

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А. С. Кабдымананова, обучающийся

Научный руководитель М. Б. Рахимгулова, PhD доктор

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (КЭУК),

г. Караганда, Республика Казахстан

В статье рассматривается понятие наказания, система наказания, а также штрафная система в казахстанском праве.

Ключевые слова: наказание, уголовное право, цель наказания, система наказаний.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, общественного порядка, прав и свобод, здоровья и нравственности населения (ст. 39 УК РК) [1].

Предметом данной статьи является система наказаний в казахстанском праве как часть уголовного права. Пенитенциарная система менялась в разные исторические периоды. Существует очень мало записей о применении телесных наказаний, что полностью соответствует прагматическому духу.

Цель статьи — указать на значение штрафной системы в казахстанском праве для функционирования казахстанского государства, а также на необходимость ее дальнейшего исследования.

Казахстанское законодательство признает несколько видов наказания. Лишение свободы также использовалось в качестве наказания, но в значительно меньшей степени, чем у других народов. Однако исполнение этого приговора имело особенности. Особым видом наказаний за клевету были диффамационные штрафы. Преступника помещали на «столп позора» и подвергали публичному унижению. Если уголовное преступление было результатом предательства доверия, вытекающего из партнерства, срока полномочий (мандата), взятого кредита, то могли лишить всех почестей [2].

Смертная казнь обычно приводилась в исполнение путем обезглавливания, но были и другие способы: сбрасывание преступника со скалы в наказание за пойманных в краже рабов, сожжение на костре для поджигателей, растерзание животными, погребение человека заживо и т. д. В частности, смертная казнь назначалась за убийство своего отца, что считалось величайшим грехом в патриархальном обществе. Специфический и в высшей степени символический способ казни заключался в том, что убийцу зашивали в кожаный мешок вместе со змеей, петухом, собакой и обезьяной и бросали в море. Таким образом, ему было отказано в праве мирно покоиться в могиле, что рассматривалось как дополнительное наказание [3].

Штрафы были денежными и в виде конфискации всего имущества. Интересно, что использовали этот вид наказания для расправы с политическими оппонентами, отнимая у них все имущество.

Особый вид наказания — проскрипции, которые подразумевали осуждение на смерть или изгнание государственных врагов по политическим мотивам. Имена осужденных преступников публично объявляли в нескольких местах города; каждый гражданин имел право убить их и получить награду: свободные граждане получали деньги, а рабы — свободу и немного денег. Те, кто давал деньги или оказывал какую-либо помощь осужденным, объявлялись вне закона. Со временем от этого вида наказания отказались.

В уголовном праве некоторых стран вопросы о понятии и характере наказания не рассматриваются. Тогда как в уголовном праве Казахстана понятие и сущность наказания рассматриваются очень широко, а понятие и цели наказания даны в ст. 38 УК РК [4].

Как отмечалось, приговор о лишении свободы специфичен с точки зрения способа и места исполнения. Следует иметь в виду, что тюремное заключение не было прямо предписано в качестве уголовного наказания в казахстанском праве, а использовалось как форма долгового рабства, пока должник не вернул долг. Тем не менее существует приговор к пожизненному заключению в сочетании с принудительными работами в интересах общества. Однако ранние формы тюремного заключения были направлены не на отбывание назначенного наказания, а на задержание уголовных преступников, ожидающих суда или вынесения приговора, и затем на применение телесных наказаний или смертной казни [5].

В казахстанском праве тюремное заключение было превентивной мерой (содержание обвиняемого под стражей до вынесения окончательного судебного решения; вспомогательная мера для должников, не выполнивших свои обязательства, либо как последняя превентивная мера, направленная на нищих, бродяг и психически неполноценных пациентов). Следовательно, в казахстанском праве тюремное заключение не рассматривалось как форма наказания, как в современном уголовном праве.

Краткое рассмотрение системы наказаний и их исполнения в казахстанском праве показывает, что уголовно-исполнительная система отличалась от современной, но соответствовала существующим общественно-политическим отношениям в государстве. Следовательно, казахстанская пенитенциарная система должна быть предметом дальнейшего изучения и анализа [6].

В литературе, посвященной изучению казахстанского права, встречаются мнения, что институты уголовного права малозначимы для современного права. Хотя наследие казахстанского права справедливо ассоциируется с областью гражданского права и частного права в целом, неверно полагать, что не было хорошо развитого уголовного права или уголовного судопроизводства. Многие правовые источники свидетельствуют о развитой системе уголовных наказаний и четко определенном уголовном процессе, порядке вынесения судебных решений по уголовным делам и исполнению наказаний. Особенности казахстанского уголовного права отражены и в системе уголовных наказаний. В отличие от других древних систем телесные наказания были несовместимы с прагматическим духом. Таким образом, вместо того чтобы быть учреждениями для содержания осужденных преступников, тюрьмы стали местами

их содержания в ожидании суда или вынесения приговора, что указывает на их роль в обеспечении присутствия обвиняемых в уголовном процессе [7].

Казахстанское право было правовым источником многочисленных институтов и принципов, которые все еще присутствуют во временном материальном и процессуальном уголовном праве. Это — принципы законности уголовно-преступления и наказания, гласности уголовного судопроизводства, право на защитника, суд присяжных, практическое отсутствие телесных наказаний. Казахстанское основное и процессуальное уголовное право, а также методы исполнения уголовных наказаний необходимо более основательно исследовать, поскольку эти части казахстанского права неоправданно игнорировались.

Список литературы

1. Понятие и цели наказания // Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. на 06.11.2020).
2. Изменение закона и юридическое определение. — 9 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://definitions.uslegal.com/> (дата обращения: 02.11.2020).
3. Ланг Г. Репетундиае. — 21 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://penelope.uchicago.edu/> (дата обращения: 02.11.2020).
4. Исполнение приказа или распоряжения // Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. на 06.11.2020).
5. Проскрипция, переизданная 9 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.revolvy.com/main/> (дата обращения: 02.11.2020).
6. Фукс С. Л. Общее право казахов в XIII — первой половине XIX в. / С. Л. Фукс. — Алма-Ата: Наука, 1981. — 224 с.
7. Даррант Дж. Правовая реформа и отношение к физическим наказаниям в Швеции / Дж. Даррант. — Международный журнал. — 2003. — № 11 (2). — С. 147–173.

УДК 343.1

ИСТОРИЯ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О РАЗУМНОСТИ СРОКА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Л. А. Ковригина, обучающийся

*Научный руководитель И. С. Смирнова, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический университет (СибЮУ),
г. Омск, Россия*

В статье рассматривается проблема появления и развития нормативного регулирования сроков уголовного судопроизводства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Анализируются особенности законодательного закрепления положений о

разумности сроков производства по уголовным делам на каждом историческом этапе развития уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного судопроизводства, принцип разумного срока судопроизводства.

Понятие «разумный срок» для российского права не ново. Как для властных участников уголовного судопроизводства, так и вовлеченных в него лиц важны быстрота и эффективность расследования и рассмотрения дела.

В одном из первых источников отечественного уголовно-процессуального права, в котором упоминалось о разумности срока, — в Судебнике 1497 г. (далее — Судебник) содержались нормы-гарантии на быстрое раскрытие и рассмотрение дел (ст. 26, 32, 36).

Например, ст. 32 Судебника устанавливала, что если должностное лицо затягивает дело, то оно должно понести денежные убытки. А согласно ст. 26, если дело отложено по инициативе одной из сторон, то с них взималась плата. Кроме того, ст. 36 запрещала многочисленные переносы дела [1, с. 18].

Данные меры в некоторой степени создавали условия для расследования дела, мотивировали людей. Но Судебником не были установлены сроки, он не учитывал обстоятельства, которые могли случиться при расследовании и рассмотрении дела в срок.

В Соборном уложении 1649 г. были устранены некоторые недочеты, которые содержались в Судебнике. Так, например, плата за неявку не взималась, но трехкратный пропуск дела в суде считался признанием вины, иск подлежал безоговорочному удовлетворению [2, с. 60]. Данная мера действовала достаточно эффективно.

В период глобальных реформ Петра I уголовно-процессуальное законодательство подверглось серьезным изменениям, в т. ч. положение о разумности сроков уголовного судопроизводства. В Генеральном регламенте 1720 г. были впервые закреплены сроки. За их пропуск также взималась плата. Так, в гл. 4 Генерального регламента 1720 г. закреплен срок 6 мес., в который должны были рассматривать дела. Если же срок будет пропущен, то взималась плата в день по 30 руб.

Во время правления Петра I были приняты меры для сокращения сроков судопроизводства. В Кратком изображении процессов и судебных тяжб 1715 г. для свидетелей устанавливалась ответственность за уклонение от явки в суд; говорилось, что если ответчик не может явиться в суд, то он вправе нанять адвоката. Предпринимались попытки ликвидации судебной волокиты, придания принятым решениям качеств законности и быстроты, достоверности и справедливости отправления правосудия.

В последующем его преемники не вносили изменений в законодательство для преодоления судебной волокиты. Анна Иоанновна в Указе 1730 г. упоминала, что дела должны быть выполнены «безволокитно» и «безостановки», однако это осталось на бумаге. И многие дела годами не рассматривались. Соответственно, авторитет судебной власти был утрачен.

При Екатерине II создана специальная экспедиция при Сенате, которая

следила за сроками предварительного заключения и за применением пытки [3, с. 170]. Екатерина впервые указала на то, что быстрота рассмотрения уголовных дел не главная цель, она обеспечивается наряду с установлением истины, что влечет защиту прав и законных интересов обвиняемого.

Эта идея сохранена и в Своде законов уголовных 1831 г., где говорилось, что дела должны быть рассмотрены без остановки, чтобы подсудимые не подвергались долгому задержанию [4, с. 317].

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. законодатель отказался от идеи контроля над сроком судопроизводства посредством установления предельных сроков, сохранив при этом принцип быстроты судопроизводства как идею уголовного процесса [5].

Дальнейшие события на некоторое время отодвинули вопросы становления института разумности срока судопроизводства в силу чрезвычайных перемен в истории России. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. были внесены коррективы: например, в ст. 143 было закреплено, что следователь обязан брать у обвиняемого лица подписку о явке к следствию и суду и сообщать о перемене места жительства; в ст. 267 говорилось, что если обвиняемый не мог явиться в суд по уважительным причинам, то дело откладывалось [6]. Также у суда появилось право на вынесение определения о приводе подсудимого в случае неявки в суд.

В советское время с принятием УПК РСФСР 1960 г. закрепилось право для экспертов, специалистов, потерпевших, понятых: они имели право на возмещение понесенных расходов в связи явкой в суд. Средством борьбы с волокитой выступала ст. 260 УПК РСФСР, согласно которой судебное заседание по каждому делу происходило непрерывно, кроме времени для отдыха; рассмотрение теми же судьями других дел до окончания слушания начатого дела не допускалось [7].

Реформирование российского уголовно-процессуального законодательства в 2001 г. было направлено в т. ч. на решение проблемы соблюдения процессуальных сроков без затягивания и волокиты. Однако правоприменительная практика показала, что нормативного закрепления определенных сроков недостаточно. Это доказывается тем, что граждане обращались в Европейский суд по правам человека с жалобами на необоснованное затягивание сроков дела. Все это повлекло необходимость законодательных новелл в УПК РФ с целью предупреждения нарушений прав человека.

ФЗ РФ от 30 апреля 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок“ ввел в УПК РФ новую ст. 6.1. „Разумный срок уголовного судопроизводства“» [8].

Таким образом, проблема быстроты рассмотрения уголовных дел имеет давнюю историю, начавшуюся еще во время правления Ивана IV. Каждый этап развития отечественного уголовно-процессуального законодательства сопровождался развитием положений о разумности сроков судопроизводства.

Список литературы

1. Вольнец К. В. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в Российском праве / К. В. Вольнец // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 3 (5). — С. 18–24.
2. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю. П. Титов. — Москва: Проспект, 1997. — 472 с.
3. Полухин В. М. Нормативное закрепление принципа разумного срока уголовного судопроизводства: история вопроса и современность / В. М. Полухин // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 8. — С. 169–172.
4. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. — Т. 15: Свод законов уголовных. — Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002965628> (дата обращения: 21.10.2020).
5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, съ изложениемъ разсуждений, на коихъ они основаны, изданные Государственною Канцеляріею. — Второе дополненное издание. — Ч. 1–4. Ч. вторая. — Санкт-Петербург: Государственная Канцелярія, 1867. — 524 с. — URL: https://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения: 21.10.2020).
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. документов / под ред. С. А. Голунского. — Москва: Юрид. лит., 1955. — С. 230–262.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.: закон РСФСР: утв. Верхов. советом РСФСР 27 окт. 1960 г.: по сост. на 29 дек. 2001 г. // Ведомости Верхов. совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592 // Российская газета. — 2001. — 31 дек.
8. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (дата обращения: 21.10.2020).

УДК 343.97

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОЙ И ПОВТОРНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ОТ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА

А. А. Комаров, канд. юрид. наук
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия

В статье представлены результаты исследования по замеру результатов виктимизации российских пользователей глобальной компьютерной сети Интернет от мошенничества. Приведен ряд обобщающих показателей, которые свидетельствуют о специфике свойств индивидуальной виктимности у потенциальных жертв изучаемого преступления.

Ключевые слова: интернет, преступность, мошенничество, виктимология, виктимность, виктимизация, жертва преступления.

В 2010–2019 гг. мы провели (в несколько этапов) крупное выборочное исследование по вопросу виктимизации российских пользователей глобальной компьютерной сети от интернет-мошенничества. Опрошены 2 715 чел. из числа активных пользователей разного возраста и пола. Активность пользования информационными ресурсами оценивалась исходя из суточной активности по доступу к глобальной компьютерной сети. Такая частота использования интернета является типичной для современного пользователя. Обобщив ответы респондентов и статистические расчеты, мы установили объем генеральной совокупности исходя из ряда критериев: возраст (6–80 лет); платежеспособность (гражданская дееспособность); активность пользования информационно-коммуникативными технологиями (табл. 1).

Таблица 1

Динамика объемов совокупности

Объем генеральной совокупности в динамике	Значение показателей, по состоянию на начало		
	2019 г.	2016 г.	2013 г.
Объем суточной аудитории российского сегмента интернета из числа физических лиц в возрасте от 6 лет до 80 лет	86 177 082	60 036 970	48 183 456
Объем лиц криминогенно активного возраста 14–60 лет из числа суточной аудитории	69 810 699	46 386 691	38 161 904
Объем лиц криминогенно активного возраста 16–60 лет из числа суточной аудитории	68 328 461	45 680 911	37 625 345

По нашим оценкам совокупный объем российской интернет-аудитории сегодня составляет 86 177 082 чел. Она обладает объективной виктимностью, которая, предположительно, не особо связана с гендерным признаком, как иные виды мошенничества, но сохраняет функциональные связи между возрастом жертвы и потенциальной виктимностью. Такова гипотеза нашего исследования. В указанную категорию не включены юридические лица, поскольку они лишены личностных черт, составляющих индивидуальную виктимность.

Предмет исследования — ряд криминологических показателей виктимизации от интернет-мошенничества, когда в качестве феномена рассматривается правонарушающая виктимизация — совокупность сведений о реально заявленных респондентами случаях правонарушений, и криминальная виктимизация, когда по заявленным признакам эти случаи удалось отнести к преступлениям. В процессе виктимологического опроса жертвы сообщали либо неполные, либо недостоверные сведения о произошедших с ними случаях виктимизации. Поэтому основным критерием разграничения результатов виктимизации послужил размер материального ущерба, причиненного правонарушением.

Так, по результатам уточняющих выборочных исследований о результатах виктимизации за 2019 г. выявлено, что ущерб от мошеннических действий в интернете в 20 % случаев не превышает размер в 1 000 руб. По признаку

повторяемости мошенничества в интернете структура виктимизации следующая: 52 % — жертвы таких преступлений впервые за последний год; треть опрошенных — жертвы в предыдущие годы, но не в последний год; 13 % — жертвы подобных преступлений неоднократно, как за последний год, так и в предыдущие годы. Поскольку в предыдущие годы наши виктимологические опросники содержали иные формулировки вопросов и уточнены в 2020 г., то выявленную закономерность распределения жертв по признаку повторности лишь условно можно перенести в ретроспективе на предыдущий массив накопленных данных.

Это означает, что 65 % лиц, заявивших о себе в качестве жертв, — реальные потерпевшие в течение одного календарного года. Остальные распределяются между жертвами мошенничества прошлых лет, попавшими в случайную выборку, и лицами, явившимися жертвами покушения на правонарушение.

В табл. 2 представлены обобщенные результаты замеров виктимизации на территории РФ за предыдущие годы.

Таблица 2

Предварительные замеры результатов виктимизации

Оценка объема виктимизации на основании выборочных исследований	Результаты выборочных замеров виктимизации на отдельных этапах исследования		
	2019 г.	2016 г.	2013 г.
Количество опрошенных в выборке (абс. знач. в ед. чел.)	860 чел.	1136 чел.	719 чел.
Удельный вес жертв из числа опрошенных	26 %	17 %	12 %
Ошибка репрезентативности (с учетом с вероятности 0,954)	+ 3,2 %	± 2,4 %	+ 2,8 %
Расчетный объем реальных жертв интернет-мошенничества	22 406 041	10 206 285	5 782 015
Расчетная распространенность фактов виктимизации, коэффициент виктимности в расчете на 100 тыс. населения	15 265	6 965	4 034

За последние 9 лет объем виктимизации постоянно увеличивался, отражая следующую тенденцию: каждые три года число жертв удваивается, рассчитанное абсолютным приростом к базисному 2012 г. (связанному с реформой уголовного законодательства в части определения дополнительных видов мошенничества, в т. ч., с использованием компьютерных технологий). С криминологической точки зрения это негативная тенденция, поскольку с каждым последующим годом жертв становится больше. Нам также удалось выделить в качестве отдельного индикатора количество повторных (рецидивных) жертв на каждом этапе статистического наблюдения. Динамика рецидивной виктимизации в целом, повторяя общую закономерность, имеет и положительную тенденцию. Кратность соотношения первичных и рецидивных жертв от периода

к периоду снижается, что свидетельствует о том, что с каждым годом рецидивных жертв становится меньше относительно объема жертв первичных.

Дальнейшее обобщение результатов виктимизации по признаку пола указывает, что интернет-мошенничество специфично в процессе воспроизводства виктимности мужчин и женщин. Так, в отдельных криминологических исследованиях последних лет отмечается преобладание последних в структуре жертв. На подобное обстоятельство указывает Н. А. Чикишева, утверждая, будто удельный вес женщин-потерпевших не менее 68,9 % [1, с. 20]. Сходные данные представлены в работе А. В. Швеца, где в числе потерпевших от мошенничества женщины составляют 40 %, а мужчины — 18 % (остальные потерпевшие — юридические лица) [2, с. 217]. В данных исследованиях речь идет преимущественно, об уличном мошенничестве. Полагаем, что в зависимости от вида мошенничества картина соотношения полов в структуре виктимности существенно различается. Наибольший интерес представляет работа А. С. Камко, в которой автор указывает на существенное преобладание женского пола — 76,05 %, над мужским — 23,95 %, на протяжении 2012–2015 гг. [3, с. 139].

Обладая сходными по объему данными, но используя различные методы сбора и обработки информации, мы пришли к противоречивым результатам: удельный вес женщин — 55 % и мужчин — 45 % среди жертв интернет-мошенничества не имеет существенных различий. Он строго коррелирует с половым составом опрошенных: 56 % — женщины, 44 % — мужчины. Это свидетельствует о нормально-умеренном распределении жертв среди гендерных групп.

Это обстоятельство объясняется тем, что у А. С. Камко первичные данные получены документальным методом (анализ конкретных уголовных дел), в них нашли отражение только факты криминальной виктимизации, зафиксированные официальной уголовной статистикой.

Также совокупность потерпевших рассчитана исходя из преступлений, совершенных не только посредством интернета, но и других телекоммуникационных технологий. Большинство потерпевших пострадали от телефонного мошенничества.

Наши виктимологические опросы населения вскрывают истинные цифры виктимизации, поскольку затрагивают всех реальных жертв преступлений, а не только лиц, официально признанных потерпевшими по уголовному делу.

Поэтому следует сделать довольно осторожный вывод, что мужская виктимная латентность от интернет-мошенничества существенно выше таковой у женщин, которые чаще заявляют в правоохранительные органы о совершенных в их отношении преступлениях. Это в некоторой мере согласуется с представлениями о социальной перцепции мужчин в обществе, с их упречным поведением в ситуациях с мошенничеством; нежеланием обращаться за помощью к иным лицам в ущерб своей маскулинности; возможно, чуть большим уровнем дохода.

Что касается возрастных особенностей виктимизации пользователей интернета, то следует с некоторыми оговорками признать, что гипотеза о соотносимости индивидуальной виктимности личности с объективным критерием уровня доходов (как правило, связанного с возрастом) не подтверждается.

Структура виктимности

Половозрастная характеристика жертв, выявленных в результате выборочных исследований				
Возрастные группы	Женщины (первичная виктимность)	Женщины (повторная виктимность)	Мужчины (первичная виктимность)	Мужчины (повторная виктимность)
16–20 лет	15 %	4 %	10 %	3 %
21–25 лет	14 %	3 %	13 %	4 %
26–30 лет	5 %	1 %	6 %	1 %
31–40 лет	5 %	1 %	4 %	1 %
старше 41 года	5 %	1 %	4 %	1 %

Прослеживается тенденция взаимосвязи большей социальной активности «молодых» возрастных групп над старшими, что отражается на результатах их виктимизации (табл. 3). Младшие возрастные группы склонны становиться жертвами интернет-мошенничества в силу большей адаптированности к современным интернет-технологиям, уровня технической грамотности и субъективной значимости. Поскольку современные способы совершения мошенничества в интернете тесно связаны с розничной торговлей, дистанционным банковским обслуживанием и платным потреблением цифрового контента, то сфера интересов и потребностей таких личностей определяет содержание свойств индивидуальной виктимности в большей мере, нежели материальный достаток [4, с. 14].

Кроме того, в условиях затяжного экономического кризиса, девальвации национальной валюты и стремительной дифференциации уровня доходов населения возрастает интерес к экономии, обеспечению личной финансовой стабильности (он сочетается с возможностями современных компьютерных технологий).

Современные маркетинговые технологии, ориентируясь на запросы и потребности индивидов, предоставляют мошенникам новый, достаточно удобный инструмент для манипуляции сознанием потенциальных жертв. А общий, довольно низкий уровень доходов населения делает преступные схемы распространенными и широкомасштабными, когда одним длящимся преступлением причиняется имущественный вред множеству людей. Вероятно, в ближайшем будущем схема виктимизации российских интернет-пользователей изменится: от индивидуальной криминальной виктимизации мы постепенно будем смещаться в сторону аддитивной (интегративной) правонарушающей виктимизации.

Список литературы

1. Чикишева Н. А. Женское мошенничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Чикишева. — Владивосток, 2011. — 22 с.

2. Швец А. В. Предупреждение мошенничеств, совершаемых женщинами: дис... канд. юрид. наук / А. В. Швец. — Москва, 2015. — 217 с.
3. Камко А. С. Портрет жертвы мошенничества в сфере телекоммуникационных технологий / А. С. Камко // Власть и управление на Востоке России. — 2017. — № 3 (80). — С. 139–144.
4. Урда М. Н. Миграционные преступления в сети Интернет (исследование по материалам судебной практики) / М. Н. Урда, В. С. Соловьев // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — Т. 26. — № 2 (77). — С. 12–18.

УДК 343.847.5 (47+57)

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

А. О. Кононыхина, обучающийся

*Научный руководитель О. С. Морозова, ст. преподаватель
Сибирский юридический университет (СибЮУ), г. Омск, Россия*

В статье рассматриваются отдельные вопросы избрания и применения в уголовном судопроизводстве меры пресечения в виде домашнего ареста в Российской Федерации, республиках Казахстан, Беларусь и Украина.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, подозреваемый, обвиняемый, основания и условия.

Один из важных уголовно-процессуальных институтов, созданный в целях обеспечения назначения уголовного судопроизводства, — меры пресечения, система которых закреплена в ст. 98 УПК РФ. Общей целью для всех превентивных мер в уголовно-процессуальном законодательстве является предупреждение противоправного или иного нежелательного в принудительном порядке, с точки зрения уголовного преследования, поведения соответствующих участников уголовного судопроизводства. Каждая избираемая мера пресечения должна точно отвечать требованиям и условиям, регламентированным статьями 97, 99 УПК РФ.

Часто возникают вопросы, связанные с неэффективностью применения меры, необоснованностью, незаконным ограничением прав и свобод, которые служат поводом для обращения граждан в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). В отношении России по-прежнему значительная часть постановлений ЕСПЧ касается применения норм УПК РФ о заключении под стражу, условий и сроков содержания под стражей, применение домашнего ареста. Как правило, это связано с нарушением ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на личную свободу и неприкосновенность. Такого рода проблемы воздействуют на законодателя, что приводит к совершенствованию системы мер пресечения, в особенности связанных с лишением или ограничением свободы.

Важным для правоприменителя остается соблюдение прав и свобод человека при избрании самых строгих мер пресечения, которые в наибольшей степени ограничивают конституционные права и свободы граждан (например, домашний арест как альтернатива заключения под стражу). По этой причине данная мера пресечения избирается и применяется только судом в состязательной процедуре и на конкретный, специально установленный срок [1, с. 109]. В уголовно-процессуальном законодательстве определены «основания» и «условия» для уточнения пределов ограничений.

Так, согласно действующему УПК РФ мера пресечения может быть избрана при «наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) продолжит заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Следовательно, основания при избрании мер пресечения должны быть фактическими, не базироваться на догадках. Для этого необходимо закрепить положение о том, что данные, обосновывающие избрание меры пресечения, должны иметь статус доказательств. Понятие «обоснованность подозрения» должно быть обязательным элементом для законного избрания или продления меры пресечения, указывающее на высокую степень вероятности, что обвиняемый (подозреваемый) может совершить действия, к пресечению которых служат предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры, а также на невозможность применения к нему иной, менее строгой, меры пресечения.

Например, порядок избрания самых строгих мер пресечения (домашний арест и заключение под стражу) аналогичен и требует при рассмотрении ходатайства суд проверить, содержат ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении [4]. Сведения, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности, могут быть положены в обоснование решения о заключении под стражу либо о продлении срока заключения, только если они были процессуально оформлены, т. е. наличие сведений о соблюдении порядка получения оперативным органом соответствующих данных и порядка их представления следователю.

Заметим, что одного основания недостаточно для избрания меры пресечения, т. к. в УПК РФ установлены специальные условия: наличие возбужденного уголовного дела; надлежащее лицо, в отношении которого применяется мера пресечения; надлежащее должностное лицо, правомочное применить меру пресечения; соответствие срокам предварительного следствия или дознания; обоснованное подозрение (обвинение) в отношении конкретного лица.

В зависимости от специфики меры пресечения наряду с общими условиями их избрания следует рассмотреть специальные. Как альтернатива применению заключения под стражу выступает домашний арест. Гуманность этой меры определяется отсутствием полной изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества, ограничением небольшого объема прав, что вполне естественно

могло бы соотноситься с тяжестью совершенного преступления и характеристикой личности обвиняемого.

К специальным условиям при избрании домашнего ареста относится наличие жилища, что является определяющим при избрании рассматриваемой меры пресечения, и наличие компетентного органа или должностного лица, осуществляющего надзор и установление механизма надзора за поведением обвиняемого (подозреваемого). Соблюдение условий, наличие оснований и преследование определенных целей при избрании мер пресечения имеют важное значение, поскольку законность и обоснованность избрания меры пресечения находится в непосредственной зависимости от законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого, от правильной квалификации его действий.

Нередко опыт зарубежных стран, особенно ранее имевших единое правовое поле, имеет сходные характерные черты в вопросах разработки собственного национального законодательства. Так, создан Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ, выступающий образцом соблюдения общепризнанных международных норм о правах человека, защиты личности и общества от злоупотреблений государственной властью и самоуправных действий в связи с действительным или предполагаемым преступным деянием [2]. Данный образец существенно повлиял на формирование современного уголовно-процессуального законодательства. Так, основания избрания домашнего ареста, предложенные в Модельном уголовно-процессуальном кодексе, совпадают с УПК РФ, а условия имеют отличие в статусе лица, в отношении которого применима данная мера пресечения, подразумевается, что это обвиняемый. В отечественном уголовно-процессуальном законе данным лицом может быть как обвиняемый, так и подозреваемый. Исследование опыта применения мер пресечения в странах СНГ актуально и повышает эффективность выработки соответствующих норм.

Домашний арест в настоящее время предполагает изоляцию от общества в жилом помещении, в котором подозреваемый, обвиняемый находится на законных основаниях. Порядок определения места содержания и права третьих лиц не имеют четкой регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве РФ. Достаточно детально определяется место исполнения домашнего ареста в Республике Казахстан. Это могут быть жилище, в случае медицинской необходимости больница, пансионат, другие места и арендованные помещения. В Республике Беларусь под понятием «жилище» понимается помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания, а также его составные части (балконы, застекленные веранды, кладовые и т.п.). Представляется невозможным в полной мере использовать объекты, предназначенные для отдыха, хранения имущества, иных личных потребностей, которые не соответствуют общепринятым и приемлемым требованиям комфорта и безопасности для жизни и здоровья человека.

Помимо этого существуют пробелы в регулировании механизма порядка избрания домашнего ареста. Например, отсутствие согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, на применение меры пресечения в

виде домашнего ареста влечет нарушение прав и возможность осуществления контроля в порядке ч. 10 ст. 107 УПК РФ. По уголовно-процессуальному законодательству третьи лица не имеют права присутствия при избрании меры пресечения. Напротив, п. 2 ч. 3 ст. 184 УПК Украины [8] третьи лица имеют право участвовать в судебном заседании в ходе решения вопроса о возможности исполнения домашнего ареста. В Республике Казахстан орган, ведущий уголовный процесс, истребует письменное согласие совместно проживающих с ним лиц. Такой подход позволяет на законных основаниях реализовывать меры контроля в жилом помещении, в котором они проживают, и исключить их воспрепятствование исполнению.

Следующим критерием применения домашнего ареста в РФ является осуществление контроля с возложением определенных запретов и (или) ограничений. Принято считать, что законодатель имел в виду: 1) общение с определенными лицами; 2) выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает; 3) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет; 4) отправку и получение почтово-телеграфных отправлений.

Например, уголовно-процессуальным законом Республики Казахстан перечень ограничений регламентирован в ч. 2 ст. 146 УПК РК и содержит возможность применения «иных мер», обеспечивающих надлежащее поведение и изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества [7].

Немаловажно осуществление контроля за соблюдением установленных запретов и ограничений в рамках данной меры пресечения: в Республике Беларусь — это орган дознания, в Украине — ОВД по месту жительства подозреваемого, обвиняемого, в России — уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России (УИИ) [3, с. 121]. При этом белорусский законодатель не определяет функции органа дознания, позволяющие контролировать изоляцию и поведение обвиняемого во время домашнего ареста, что вызывает трудности в практическом использовании данной меры пресечения [6].

Процедура домашнего ареста включает комплекс мероприятий контролирующего характера, но в части нормативно-правового регулирования имеются несовершенства (межведомственное сотрудничество, структура УИИ, отсутствие детально регламентированной инструкции). Представляется опыт республик Казахстан и Украина, где орган предварительного расследования и осуществляет надзор за лицом, находящимся под домашним арестом, который в максимальной степени заинтересован в применении такого рода меры пресечения [5, с. 153], нежели органы пенитенциарной системы.

В целом наблюдается положительная динамика в решении вопросов, связанных с функционированием института мер пресечения. Повышение эффективности избираемых мер пресечения, появление новых, совершенствование порядка их применения, воспроизведение и поиск путей решения реально существующих проблем возможны с помощью аналогичных процедур в законодательстве стран СНГ, а также практики применения той или иной меры пресечения.

Список литературы

1. Калиновский К. Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г.): материалы III Международной научно-практической конференции, проводимой в Российской академии правосудия. — Москва: Право, 2014. — С. 105–109.
2. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Политыко О. Е. Сравнительно-правовой анализ системы мер пресечения в странах СНГ / О. Е. Политыко, А. А. Жижилева // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сб. статей V Международно-практической конференции (29–30 апр. 2019). — Могилев: Учреждение образования Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. — С. 121–127.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Сарбаева Т. А. О положительных моментах регламентации домашнего ареста в законодательстве некоторых стран постсоветского пространства (Республика Казахстан, Республика Украина и Республика Таджикистан) / Т. А. Сарбаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2017. — № 5. — С. 151–154.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. — URL: <http://kodeksy.by/ugolovnoprocessualnyu-kodeks> (дата обращения: 21.10.2020).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. — URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 17.10.2020).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Украины. — URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 17.10.2020).

УДК 343.98.062

ПРОИЗВОДСТВО ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНСЦЕНИРОВКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С. В. Краснов, обучающийся

*Научный руководитель Н. К. Коровин, ст. преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В статье рассмотрены тактические особенности производства осмотра места происшествия в условиях инсценировки преступления. Рекомендуется применение различных тактических приемов по выявлению инсценировки и иных негативных обстоятельств.

Ключевые слова: преступление, осмотр места происшествия, инсценировка, тактические приемы.

В нашем обществе постоянно совершается большое количество преступлений различного рода. В целях соблюдения принципа неотвратимости наказания, пресечения и расследования преступлений в соответствии со ст. 176 УПК РФ [1, ст. 176] проводится осмотр места происшествия, который является о неотложным и первостепенным действием по получению криминалистической информации, которая при расследовании преступлений занимает центральное место [4, с. 149].

Главная задача осмотра места происшествия — изучение и фиксация обстановки места совершения преступления, при этом в первую очередь следует определить место преступления и прилегающие к нему следы, имеющие отношение к данному преступлению. Важное значение имеют обнаружение, фиксация, изъятие вещественных и иных доказательств, свидетельствующих о совершенном деянии, и дальнейшее их исследование с целью получения доказательственной информации по делу. Следователю предстоит ответить на вопросы «что, где, когда, кто, в отношении кого, как, зачем и почему произошло данное деяние?».

Во избежание правосудия преступники принимают меры к сокрытию преступления различными способами. Одним из способов противодействия расследованию преступлений является инсценировка посредством внесения изменений в обстановку места события. Инсценировку осуществляют путем маскировки, уничтожения или фальсификации материальных источников криминалистической информации в любом их сочетании. Это изменение обстановки на месте происшествия (перестановка мебели), удаление или оставление следов, не имеющих отношения к делу, передвижение трупа, его расчленение и захоронение его частей, совершение преступлений менее тяжких, кражи, поджоги, угон транспортных средств и др.

Следователь сопоставляет различные обстоятельства, мысленно моделируя механизм совершения преступления, пути подхода, действия на месте и пути отхода. При этом возможны негативные обстоятельства (почему и как здесь образовались те или иные следы или иные последствия). А. Г. Филиппов отмечает: «следователь должен решить ряд частных задач, в т. ч. выявить и зафиксировать так называемые негативные обстоятельства» [5, с. 214].

Рассматривая три этапа производства следственных действий, следователю на подготовительном этапе рекомендуется определиться с составом следственно-оперативной группы, с обязательным включением в ее состав специалиста в той области знаний, предметом которой является осмотр места, а также участкового инспектора, сотрудника уголовного розыска, при необходимости кинолога или судебно-медицинского эксперта. Руководство осмотром возлагается на следователя, он определяет план дальнейших действий по прибытию на место происшествия. Однако каждому участнику следственно-оперативной группы следует максимум сил и внимания уделять взаимодействию при осмотре и решении задач обнаружения доказательственной информации, дальнейшего

ее использования в раскрытии и расследовании преступлений. Обязательное условие — взаимодействие между участниками, оказание психологической и иной помощи при решении конкретных задач. С. А. Данильян указывает, что при взаимодействии в ходе расследования и раскрытия преступлений важна психологическая совместимость следователя, оперативного работника и специалиста, т. е. культурные и психологические факторы, от которых будет зависеть эффективность взаимодействия и конечный результат [3, с. 63].

Рекомендуется подготовить технико-криминалистические средства, транспортные средства, средства связи, при необходимости вооружение, средства раскопки, упаковочный инвентарь и др. По прибытии на место следует ознакомиться с обстановкой. Определить границы места происшествия, прилегающие следы, выбрать способ осмотра, произвести планирование осмотра с распределением обязанностей среди участников группы.

На рабочем этапе, выбрав способ производства осмотра, изучают и фиксируют обстановку, мысленно определяют механизм совершения преступления, устанавливают причинно-следственную связь, выдвигаются криминалистические версии, при этом возможно обнаружение негативных обстоятельств, логически не соответствующих механизму совершения деяния.

При производстве осмотра места происшествия на рабочем этапе рекомендуется использовать следующие тактические приемы: установление признаков совершения преступления, обнаружение следов преступления, на основе которых моделируется способ совершения преступления, определяются следы или вещественные доказательства, которые не подходят к данной модели. Вторая версия строится с учетом выявленных несоответствий, составляется план проверки версий, подтверждающих или опровергающих инсценировку, а также установление и задержание подозреваемого и установление истинных сведений о рассматриваемом событии.

Рекомендуется использовать методы криминалистической диагностики, криминалистической теории причинности, криминалистического интеллектуального моделирования в виде мысленного сравнения обстановки на месте происшествия с возможной обстановкой в соответствии с логическим механизмом совершенного деяния. При этом важны негативные обстоятельства, например отсутствие воды в легких утопленного, отсутствие странгуляционной борозды на шее повешенного, несоответствие размеров следов рук или обуви, различное их количество, значительные вес или размеры похищенного и др. Так Р. С. Белкин указывал, что: «Суждение о механизме преступления по материально-фиксированным отражениям на месте происшествия предполагает вслед за изучением этих следов их гипотетическое объяснение» [2, с. 234].

Рассматривая криминалистическую диагностику на месте происшествия, которая предполагает установление свойств и состояния объекта, какого-либо события как мысленным, так и опытным путем, следует решить вопросы причинно-следственной связи как временного, так пространственного характера.

При производстве осмотра места происшествия мысленно определяют пути подхода, проникновения и отхода или отъезда, а также траекторию передвижения преступника в помещении, прогнозируя его возможные действия,

изменения обстановки, трасологические, биологические и иные следы. Фактическая обстановка анализируется, сопоставляется с аналогичными способами совершения преступлений. При этом используются тактические приемы логического характера от общего к частному, экстраполяция, анализ, синтез, индукция, дедукция и др.

Важно осуществлять осмотр места происшествия с последующим объяснением фактов, имеющих отношение к расследуемому событию, их взаимосвязи во времени и пространстве.

Таким образом, при производстве осмотра места происшествия в целях фиксации доказательственной информации рекомендуются тактические приемы, обеспечивающие соблюдение свойств доказательств относимости, допустимости, достаточности, достоверности, практической и проверяемости. При этом в целях своевременного выявления негативных обстоятельств используются криминалистические версии и моделирование, ретроспективное прогнозирование, причинно-следственная связь, идентификация и диагностику, приемы психологического и логического характера.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Российская газета. — 2001. — № (2861).
2. Белкин Р. С. Криминалистика (проблемы, тенденции, перспективы) / Р. С. Белкин. — Москва: Юридическая литература, 1988. — 302 с.
3. Данильян С. А. Взаимодействие органов правоохранительных систем: монография / С. А. Данильян. — Краснодар: КубГАУ, 2016. — 118 с.
4. Коровин Н. К. Криминалистическое обеспечение безопасности жизнедеятельности человека // Качество жизни населения в России и ее регионах: монография / Н. К. Коровин; под ред. С. В. Кущенко, Г. П. Литвинцевой, Л. А. Осьмук. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. — С. 147–154.
5. Филиппов А. Г. Криминалистика / А. Г. Филиппов. — Москва: Спарк, 2019. — 466 с.

УДК 343.131

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Д. В. Куприянова, обучающийся

Научный руководитель И. С. Смирнова, канд. юрид. наук, доцент

Сибирский юридический университет (СибЮУ),

г. Омск, Россия

В статье рассматриваются некоторые проблемы реализации презумпции невиновности в отечественном уголовном процессе и предложены пути их решения. На основе положений

закона и мнений ученых проанализировано практическое применение этого уголовно-процессуального принципа.

Ключевые слова: уголовный процесс, принцип уголовного судопроизводства, презумпция невиновности, особый порядок судебного разбирательства.

Изучение истории возникновения и развития презумпции невиновности показывает, что она всегда неоднозначно воспринималась учеными-правоведами. И современная теория уголовного судопроизводства не лишена противоречий в толковании содержания и различных аспектов реализации данной правовой категории.

Содержание презумпции невиновности имеет большое значение для правоприменения. При этом анализ положений российского уголовно-процессуального законодательства демонстрирует наличие множества проблем в практике ее реализации как принципа уголовного судопроизводства.

Остается нерешенным вопрос о распределении бремени доказывания. Как правило, оно лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Однако согласно ч. 4 ст. 235 УПК РФ в ходе предварительного слушания на первой судебной стадии доводы стороны защиты о необходимости исключения полученных с нарушением требований процессуального закона доказательств опровергаются прокурором [4]. Далее законодатель устанавливает правило, что во всех других случаях бремя доказывания возлагается на заявившую ходатайство сторону.

На прокурора возлагается обязанность определить законность имеющихся в уголовном деле доказательств. Вопросы несогласованности доказательств (например, их относимость, допустимость и достоверность) подлежат доказыванию стороной, подавшей ходатайство об их исключении, т. е. обычно стороной защиты. Эта позиция не соответствует общей концепции при реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве, в частности одному из вытекающих из нее положений — о возложении бремени доказывания на сторону обвинения. Для устранения таких противоречий целесообразно изменить содержание анализируемой нормы, согласно которому лицо, подавшее ходатайство об исключении доказательств, должно обосновать свое ходатайство, а бремя опровержения этих доводов следует возложить на прокурора.

Ю. К. Якимович считает, что положения ч. 4 ст. 235 УПК РФ стоит толковать так: если защита добивается исключения доказательств как недействительных (т. е. недопустимых, полученных с нарушением требований УПК РФ), то она не обязана доказывать свое утверждение, а обвинение обязано опровергнуть доводы защиты и доказать, что нарушения УПК РФ допущены не были. Если сторона защиты просит об исключении доказательств по другим основаниям (например, потому что они не относятся к уголовному делу), то бремя доказывания лежит на стороне защиты [6, с. 26–27].

Изложенная точка зрения раскрывает суть рассматриваемого правила. Но это не значит, что адвокат не может оспорить ходатайство об исключении доказательств, в котором должны быть приведены обосновывающие его обстоятельства.

Восприятие презумпции невиновности как объективного правового положения отстаивалось А. М. Лариним, отмечавшим недопустимость отношения

к ней как к психическому состоянию отдельных участников судопроизводства (закон действует независимо от того, «что думает, чувствует тот или иной следователь, прокурор, судья по поводу конкретного дела») [2, с. 32].

Игнорируя такую установку, ученые-процессуалисты поднимают вопрос о противоречии процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) презумпции невиновности, в силу которой следователь должен считать привлекаемое лицо невиновным. Также имеются мнения не возводить презумпцию невиновности в абсолют, а освободить потерпевшего по делу частного обвинения, обратившегося в суд с заявлением о привлечении конкретного лица к уголовной ответственности, а также поддерживающего обвинение в суде прокурора, от обязанности считать подсудимого невиновным. Н. А. Колокол, рассматривая ситуацию, когда до возбуждения уголовного дела достоверно, известно кто именно и какое конкретно преступление совершил, говорит о том, что «участники уголовного судопроизводства вступают в процесс с конкретным априорным знанием о виновности» и презумпция невиновности в таких условиях «не более чем дань вежливости» [3, с. 19].

Нам импонирует мнение относительно нравственных начал уголовного судопроизводства в виде презумпции невиновности и того, что не сотрудники органов уголовной юстиции, а закон, т. е. государство и общество, считают лицо добропорядочным, пока иное не доказано и не установлено судебной властью. Следователь, привлекающий кого-либо в качестве обвиняемого и составивший обвинительное заключение (а дознаватель — обвинительный акт или обвинительное постановление), прокурор, утвердивший это заключение и поддерживающий обвинение в суде, имея достаточные доказательства, должны быть убеждены в виновности обвиняемого. При этом убеждение должно быть не в силу и не вопреки презумпции невиновности (реализующейся как принцип уголовного процесса на всем протяжении досудебного производства), а в силу публичных начал их процессуальных функций [5, с. 177–182].

Вопрос о реализации исследуемого принципа актуален при применении положений гл. 40 УПК РФ. По общему правилу признание обвиняемым своей вины основано только на подтверждении этого факта доказательствами (согласно ч. 4 ст. 302 УПК РФ, обвинительный приговор обоснован лишь совокупностью исследованных судом доказательств). Фактически при рассмотрении дела в особом порядке решение суда принимается на основании признаний подсудимого, т. е. предполагается достоверность обвинения.

Как показывает изучение правоприменительной практики, обвиняемый может ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в особом порядке по различным соображениям. Наиболее распространенная причина — фактическое совершение преступления уголовно преследуемым лицом и его желание избежать более сурового наказания. Однако нельзя исключать самооговор, в т. ч. из корыстных побуждений или под влиянием обстоятельств.

Проблемой является и то, что в ходе судебного разбирательства суд лишается возможности изучить доказательства виновности (невиновности), представленные органами предварительного расследования, проверить их относимость, достоверность и допустимость. Часть 7 ст. 316 УПК РФ устанавливает, что судья

выносит обвинительный приговор только в случае, если он приходит к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждено собранной по уголовному делу достаточной совокупностью доказательств [4]. При этом ответ судья должен оценивать доказательства, содержащиеся в деле, при подготовке к судебному разбирательству.

Таким образом, институт особого порядка разрешения уголовно-правовых споров позволяет быстро и эффективно решать проблемы правосудия, экономя при этом физические и финансовые ресурсы. Однако отмеченное противоречие необходимо устранить прежде всего путем достижения оптимального баланса процессуальной экономии и реализации положений принципа презумпции невиновности. Эту проблему возможно разрешить закреплением процессуальных правил рассмотрения доказательств судом в особом производстве [1, с. 66–72].

Список литературы

1. Деришев Ю. В. Проблемы, возникающие при рассмотрении уголовных дел в порядке, предусмотренном гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и пути их разрешения / Ю. В. Деришев, И. Ю. Мурашкин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 3 (21). — С. 66–72.
2. Ларин А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин; отв. ред. М. С. Строгович. — Москва: Наука, 1982. — 152 с.
3. Колоколов Н. А. Роль презумпций в российском судопроизводстве / Н. А. Колоколов // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. Н. А. Колоколова. — Москва: Юрлитинформ, 2012. — 496 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 (ред. от 15.10.2020) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря; 2020. — 20 октября.
5. Григорьев В. Н. О современных воззрениях на презумпцию невиновности / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, И. А. Зинченко // Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юрид. учеб. заведений); науч. ред.: В. Т. Томин, А. П. Попов, И. А. Зинченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. — 412 с.
6. Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учебное пособие / Ю. К. Якимович. — Москва: Юридический центр, 2015. — 124 с.

ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

П. М. Куркова, обучающийся

*Научный руководитель Н. К. Коровин, ст. преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В статье рассмотрены элементы криминалистической характеристики серийных убийств. Рекомендована организация взаимодействия следственных, экспертно-криминалистических, оперативных подразделений и специалистов в области криминологии, психологии и т. д.

Ключевые слова: серийные преступники, убийства, криминалистическая характеристика, расследование преступлений.

При расследовании преступлений возникают типичные ситуации, когда совершается не одно преступление, а несколько, которые иногда называют серийными (понимая под этим два и более, т. е. неоднократные, либо более трех совершенных преступлений за определенный промежуток времени, через определенный интервал времени) [2, 3]. Однако в уголовном законе указаний на серийные преступления или на серийные убийства нет. Согласно п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ существует ответственность за «убийство двух и более человек» [1, ст. 105]. Неоднократно могут совершаться различные преступления, в т. ч. кражи, грабежи, разбои, изнасилования, убийства и др.

При раскрытии убийства одной из основных проблем, в т. ч. и задачей, перед правоохранительными органами является определение всех обязательных элементов состава преступления, именуемых в уголовном праве уголовно-правовой характеристикой преступления. Однако на момент расследования преступления первостепенное значение имеет криминалистическая характеристика, состоящая из характеристики потерпевшего и преступника, объективной и субъективной сторон преступления. Криминалистическая характеристика особенно важна на первоначальном этапе расследования преступления с целью установления социального статуса преступника, способа совершения преступления или его сокрытия, следов преступления, механизма слеодообразования. Данные элементы криминалистической характеристики, как правило, получают на основе раскрытых преступлений, судебной практики и опыта расследования типичных по составу преступлений. Сопоставляя полученные знания с реальной обстановкой на месте преступления, следователь выдвигает криминалистические, следственные и оперативно-разыскные версии.

Как установить и задержать лицо, совершившее преступление?

Во-первых, рекомендуется провести неотложные следственные действия, получить максимум объективной информации о событии преступления, во-вторых, проанализировать элементы раскрытых аналогичных преступлений на основе судебной практики, в-третьих, сопоставить данные элементы, в-четвертых, выработать наиболее верный и эффективный алгоритм действий по решению данной проблемы.

Рассмотрим типичные элементы криминалистической характеристики серийного убийства, знание и использование которых в расследовании преступлений позволяет установить место нахождения преступника или сузить круг лиц, среди которых следует искать преступника.

По результатам осмотра места происшествия рекомендуется получить криминалистическую информацию, которая при расследовании преступлений занимает центральное место [4, с. 149]. Также необходимо установить время, место, способы совершения преступления, следы преступления, обуви, транспортных средств, борьбы, наличие камер видеонаблюдения, записи в телефонных книгах, страницах социальных сетей и иной переписки. Следует определить отличительные черты данного убийства, в сравнении с совершенными подобными. При этом обратить внимание на индивидуальный почерк. Это касается выбора оружия, места преступления, жертвы, способа убийства, времени суток и многих других факторов.

Потерпевшими могут быть знакомые с подозреваемым лица, однако чаще незнакомые лица, на которых случайно обратил внимание подозреваемый по какой-либо причине. Это, как правило, аморальные личности, алкоголики, бездомные, проститутки, лица, легко идущие на контакт, унизившие или оскорбившие преступника, и др. [5].

Возможно совершение серийных преступлений в отношении лиц с определенной внешностью или социальным статусом. Анализ таких признаков позволит выявить ассоциативную связь с преступлением, принять меры к скорейшему установлению и задержанию подозреваемого.

Обычно серийный преступник — мужчина 20–40 лет, социальный статус может быть различным (ранее судимый, не судимый, женатый, не женатый, не злоупотребляющий алкоголем, имеющий положительные характеристики на рабочем месте и по месту жительства). Вежлив, внимателен, чистоплотен, красиво выглядит, обладает высоким интеллектом и др. Такие преступники тщательно продумывают преступление, подготавливают различные средства и орудия преступления, а также способы сокрытия.

С другой стороны, это могут быть умственно отсталые, отвергнутые лицом противоположного пола, не принятые в обществе, состоящие на учете в психиатрической клинике. Они совершают преступления спонтанно, оставляют значительное количество следов.

При расследовании убийств по результатам осмотра места происшествия и иным полученным данным о преступлении, предполагая, что оно совершено серийным убийцей, рекомендуется в первую очередь установить психологический профиль преступника. Ответить на вопрос: кто совершил преступление? Это одна из главных проблем по выявлению и задержанию преступника. Необходимо своевременно распознать основные элементы характеристики личности преступника, проанализировать, тщательно организовать оперативно-разыскные и иные мероприятия.

При расследовании серийных преступлений предполагается поиск доказательственной информации в срочном порядке в ограниченном объеме, взаимодействии с экспертно-криминалистическими и оперативными подразделениями,

с приглашением в группу специалистов в области психологии и криминологии. При этом рекомендуется вести тщательную отработку оперативным и следственным путем выдвинутых версий. Устанавливается психологический портрет преступника, проводится проверка по оперативно-разыскным, криминалистическим, справочно-вспомогательным, другим базам данных.

Таким образом, при расследовании серийных убийств сложившиеся на основе судебной практики элементы криминалистической характеристики рекомендуется сопоставлять с данными, полученными при производстве неотложных следственных действий. С целью сужения круга подозреваемых лиц выявлять преступления по схожим признакам совершения преступлений, анализировать их для получения психологического портрета преступника. Выдвигать наиболее вероятные розыскные, следственные, экспертные версии, что обеспечит эффективное расследование преступления (кто мог совершить преступление, местонахождение предполагаемого преступника). Взаимодействие субъектов расследования, планирование, в т. ч. путем создания аналитических групп и оперативных совещаний, контроль за ходом расследования со стороны руководителей органов должны быть в приоритете. Эффективное расследование и раскрытие серийных преступлений должно проводиться на основе единого согласованного плана производства следственных действий. Аналитическая группа должна заниматься отработкой лица по всем направлениям: оперативным путем, в т. ч. с использованием криминалистических учетов, следственно-оперативным — с проверкой алиби, экспертным. Основу проводимых следственных и оперативных действий должны составлять методические рекомендации по расследованию серийного преступления конкретного вида. Только в совокупности указанные действия помогут эффективному расследованию серийных преступлений, совершаемых в настоящем, а также нераскрытых преступлений прошлых лет.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Российская газета. — 1996. — № 113–115.
2. Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. — Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2006. — 280 с.
3. Жардев А. В. Расследование серийных корыстно-насильственных преступлений, совершаемых организованными группами, на первоначальном этапе / А. В. Жардев, В. И. Комиссаров. — Москва: Юрлитинформ, 2002. — 158 с.
4. Коровин Н. К. Криминалистическое обеспечение безопасности жизнедеятельности человека / Н. К. Коровин // Качество жизни населения в России и ее регионах: монография / под ред. С. В. Кушенко, Г. П. Литвинцевой, Л. А. Осьмук. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. — С. 147–154.

5. Питерцев С. К. Методика расследования убийств / С. К. Питерцев // Курс криминалистики. В 3 т. Т. II. Криминалистическая методика: методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. — Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. — 639 с.

УДК 343.241

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО УК РФ

А. С. Лопухин, обучающийся

Научный руководитель Г. Н. Доронин, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт —

филиал научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

В данной статье проведён анализ действующего законодательства в части назначения наказания и затронут ряд актуальных проблем, встречающихся при осуществлении правосудия, проиллюстрированных на примерах из судебной практики.

Ключевые слова: проблемы назначения наказания.

С точки зрения российского законодательства, наказание рассматривается в качестве естественной реакции государства в лице уполномоченных органов на совершённое преступление.

Одной из самых постоянных, актуальных и наиболее сложных проблем, связанных с наказанием, является проблема назначения уголовного наказания. Рассмотрим ряд актуальных вопросов на примере разбоя. Данная проблема является весьма многогранной и занимает особое место не только в уголовно-правовой теории, но и активно проявляется в ходе осуществления уполномоченными органами правоприменительной деятельности. Решение данной проблемы весьма актуально, т. к. внушительное количество ошибок, возникающих при отправлении правосудия, влечет нарушение конституционных прав граждан и препятствует основным целям и задачам уголовного наказания.

В результате возникновения большого количества дискуссионных вопросов и не меньшего количества ошибок в правоприменительной практике, в т. ч. и по делам о разбое, на ситуацию с наиболее спорными вопросами в части назначения уголовного наказания обратил своё внимание Верховный суд, изложив свою позицию по данному вопросу в постановлении пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [2], в котором разъяснил нижестоящим инстанциям вопросы, возникающие у судов при назначении уголовного наказания, в целях правильного и единообразного применения норм уголовного законодательства в части, касающейся назначения наказания.

Для общего понимания сути проблем, возникающих в теории и практике при назначении наказания, обратимся к ст. 60 Уголовного кодекса РФ [1].

Данная статья подробно регламентирует общие начала назначения наказания путём определения основных критериев, учитываемых судом при осуществлении правоприменительной деятельности. Ч. 1 обозреваемой статьи называет в качестве основного критерия назначения наказания справедливость, а также обязанность суда назначить наказание в пределах, предусмотренных конкретной статьёй особенной части Уголовного кодекса. Акцентируется внимание на учёте характера и степени общественной опасности совершённого преступления, а также характеристики личности виновного. Законодатель обращает внимание правоприменителя на влияние назначенного наказания, на исправление осуждённого и, что немаловажно, на условия жизни его семьи.

В юридической литературе данные положения оспариваются с точки зрения недопустимости выделения достижения одной из целей наказания в качестве требования, которому должно отвечать наказание. По мнению В. Н. Воронина, это приводит к нарушению основополагающего принципа справедливости и посредством двойного учёта одних и тех же факторов в процессе оценки характеристики личности подсудимого [3]. При изучении решений, выносимых судами всех уровней, обнаруживается отсутствие ссылки на данный критерий.

В процессе назначения наказания задача суда состоит в минимизации негативного воздействия определенного вида наказания. Однако если подсудимый вёл антисоциальный образ жизни, не оказывал материальной поддержки своей семье, не участвовал в воспитании детей, то в данном случае не приходится говорить о влиянии на усиление наказания посредством данного критерия, т. к. в случае изоляции виновного от семьи ее положение фактически не ухудшается.

Индивидуализацией наказания принято считать деятельность правоприменительного органа по избранию конкретной меры воздействия в отношении лица, совершившего преступление, с учетом характера и степени общественной опасности содеянного.

На наш взгляд, проблема заключается в отсутствии конкретных критериев оценки: как степени общественной опасности, так и характеристики личности виновного. Действующая редакция постановления пленума Верховного суда по данному вопросу видится неточной, конкретно — в части оценки характеристики личности виновного и степени общественной опасности. Отсюда следует, что ссылка на учёт степени общественной опасности (характеристика личности виновного, данные о состоянии здоровья, составе семьи и т. д.), содержащаяся в приговоре, может носить формальный, но отнюдь не содержательный характер. Данная фраза встречается практически в 100 % выносимых приговоров и в некоторых случаях является больше шаблонной, чем реально отражающей профессиональную деятельность суда в части оценки вышеприведенных критериев назначения наказания. Подобная позиция настораживает, вызывая сомнение в том, что правоприменительный орган в действительности при назначении наказания учёл вышеуказанные обстоятельства. По нашему мнению, на практике это может приводить к большому количеству приговоров, отдельные структурные элементы которых заранее известны суду.

Подтверждая вышеизложенное, хотелось бы обратить внимание на судебную практику. Подобным примером стало резонансное дело полностью

парализованного инвалида-колясочника Антона Мамаева, приговорённого по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 4 годам лишения свободы (Тимирязевский районный суд, дело № 1–162/17) [5]. Несмотря на большое количество представленных медицинских документов, подтверждающих диагноз Мамаева, а также очевидную неспособность подсудимого осуществлять даже элементарный уход за собой, включая приём пищи и возможность хоть малейшего самостоятельного передвижения, суд избирает наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Во время производства по уголовному делу Мамаев находился в следственном изоляторе «Матросская тишина», где попросту не нашлось камеры для содержания инвалида, которому требуется постоянный уход и медицинская помощь. Итогом стало отправление инвалида в медсанчасть, в отделение интенсивной терапии, где также не оказалось необходимого для поддержания жизнедеятельности оборудования. Каким образом при назначении наказания суд учитывал состояние здоровья подсудимого? Наверное, этот вопрос останется без ответа... Вышестоящая инстанция исправила сложившуюся ситуацию, изменив предыдущий вид наказания на штраф.

Общие начала назначения наказания объединяются принципом его справедливости. Справедливым принято считать такое наказание, которое соответствует тяжести совершённого преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В данном случае речь прямо идёт об индивидуализации наказания.

Говоря о принципе справедливости, нельзя не упомянуть о том, что справедливость как таковая не имеет в действительности своей конкретной меры. Справедливость на практике является критерием оценочным. Данный критерий одновременно относится и к моральной, и к юридической стороне вопроса. Несмотря на то, что в контексте рассматриваемого вопроса справедливость сводится к размеру назначенного наказания, мера этой самой справедливости является различной для каждого участника процесса. Для подсудимого и стороны защиты размер назначенного наказания зачастую оказывается слишком велик, а с точки зрения стороны обвинения — недостаточно строг, для потерпевшего — несоизмеримо понесённому ущербу мал. Если наказание будет чрезмерным, то будет нарушен принцип справедливости. Если наказание будет недостаточным, то будет недостижима цель исправления осуждённого и превентивный характер наказания. Задача суда — определить размер наказания, который был бы достаточен для достижения целей и задач правосудия, а также удовлетворить все стороны: осуждённого, потерпевшего и общество в целом. Это лишний раз подчёркивает многогранный характер справедливости, несмотря на кажущуюся его усечённость, выражающуюся в размере назначаемого наказания.

Затронем еще одну немаловажную проблему, возникающую при назначении наказания, — широкие рамки судейского усмотрения. Данная проблема, выделяемая в научной литературе, является весьма неоднозначной, т. к., с одной стороны, позволяет чётко индивидуализировать наказание, учитывая конкретные обстоятельства дела, но с другой — чрезмерное расширение этих границ

непрерывно влечёт назначение несправедливого наказания. На практике нередко общественный резонанс, возникающий вокруг вынесенного судебного решения с назначением наказания, граничит как с минимальным, так и с максимальным пределом санкции, предусмотренной статьёй особенной части. Это является типичным примером, доказывающим существование данной проблемы. Как правило, в подобных случаях оказывается нарушенным принцип справедливости, что и вызывает общественный резонанс. Проблема чрезмерной свободы судебного усмотрения является далеко не новой, однако достаточно редко поднимается в научных кругах, несмотря на свою явную актуальность.

Для иллюстрации вышеизложенного обратимся к судебной практике. Отличным примером послужит приговор, вынесенный Кумертауским межрайонным судом республики Башкортостан № 1-72/2020 от 27.02.2020 [6]. Подсудимый был осуждён по ч. 2 ст. 162 УК РФ за групповой разбой, совершённый по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия, и применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Суд, учитывая наличие смягчающих обстоятельств, удовлетворённое ходатайство о постановлении приговора без судебного разбирательства, даже не усмотрев оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую, приговаривает подсудимого к трем годам лишения свободы условно, без назначения дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы (напомним, что ч. 2 ст. 162 УК РФ относится к категории тяжких преступлений, является квалифицированным составом, обладающим высокой степенью общественной опасности в силу своих индивидуальных особенностей).

Похожие примеры не редкость. Сходную тенденцию назначения наказания можно проследить и в приговоре Подольского городского суда (приговор № 1-46/2020 от 27.02.2020 г.) [7].

Было предпринято несколько попыток решения данных проблем путём разработки новых концепций назначения наказания (Д. С. Дядькин, В. И. Курьяндский) [4]. Сущность первой заключается в использовании правоприменителем системы алгоритмов при назначении наказания, что, по мнению автора, позволит не только минимизировать свободу судебного усмотрения, но и назначать наказание наиболее справедливо и соразмерно, при этом минимизируя затраты на исправление виновного и время, необходимое для достижения целей наказания. Сущность второй концепции заключается в применении балльной системы при назначении наказания, где учитываются и оцениваются в балльном эквиваленте конкретные критерии, относящиеся как к деянию, так и к личности виновного. Данная концепция призвана облегчить деятельность правоприменителя при назначении наказания, а также помочь избежать всевозможных ошибок. Но эти концепции не нашли должной научной проработки среди юристов-практиков.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз обратить внимание на большое количество дискуссионных вопросов и проблем, возникающих в процессе правоприменительной деятельности судов, в сфере назначения уголовного наказания. В данной статье были затронуты не самые очевидные, но не менее актуальные проблемы, встречающиеся в процессе назначения наказания, а также рассмотрены некоторые возможные пути их решения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17 июня 1996 г. — № 25 — Ст. 2954.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018).
3. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2015. — С. 23.
4. Дядькин Д. С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 2010.
5. Приговор № 01-0162/2017 по делу № 01-162/2017 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru/fastsearch?q=%E2%84%961-162%2F17&page=1> (дата обращения: 09.11.2020).
6. Приговор № 1-72/2020 от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-72/2020. // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/YahX5ov9PaLx/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular (дата обращения: 09.11.2020).
7. Приговор № 1-46/2020 от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-46/2020. // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/MVNqWlm0DRlm/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 09.11.2020).

УДК 343.1

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СТРАНАХ СНГ

А. И. Марамзина, обучающийся

*Научный руководитель О. С. Морозова, ст. преподаватель
Сибирский юридический университет (СибЮУ),
г. Омск, Россия*

В статье анализируются специфические черты проверки показаний на месте в странах СНГ с целью выявления как общих признаков, так и отличий.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, следственное действие, уголовное судопроизводство.

Применение проверки показаний на месте всегда вызывало ряд сложностей в связи с многозадачностью следственного действия. Проверка показаний на месте — это особенное следственное действие, имеющее ряд сходств с осмотром места происшествия, допросом, предъявлением для опознания. Однако специфической особенностью рассматриваемого следственного действия является дублирующий характер проверочных действий, направленных на установление достоверности ранее полученных сведений. В целях эффективного

практического применения законодатель в ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) раскрыл сущность и значение проверки показаний на месте. Исходя из этой нормы, можно трактовать термин «проверка показаний на месте» следующим образом — это следственное действие, заключающееся в проверке показаний определенного перечня субъектов (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) в целях установления новых обстоятельств, сопровождающееся демонстрацией на конкретном месте. Объем определения обусловлен широким комплексом действий, входящих в проверку показаний на месте.

А. В. Внуков и Д. Р. Внукова отмечают, что проверка показаний на месте — это следственное действие комплексного характера, содержащее в себе признаки допроса на месте происшествия и связанных с ним событий, предъявления для опознания, осмотра и следственного эксперимента, основанием для производства которого являются сведения, полученные ранее в ходе допроса [3, с. 295].

Однако сущность проверки показаний на месте нуждается в некоторой корректировке, в связи с чем представляется необходимым изучение данного вопроса в сравнительно-правовом контексте.

В соответствии с законодательством Республики Казахстан, а именно ч. 1 ст. 257 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК), сущность указанного следственного действия заключается в проверке ранее полученных показаний и их уточнении [4]. Целью является получение более полной и конкретизированной информации, уточнение маршрута лица, чьи показания проверяются, и места, на котором совершались определенные действия, а также установление новых обстоятельств, имеющих значение для эффективного расследования дела. Стоит отметить, что указанная норма, посвященная рассматриваемому следственному действию, имеет иное наименование.

Так, УПК РК содержит более полное название «проверка и уточнение показаний на месте», т. е. в содержании рассматриваемого понятия напрямую отражена еще одна цель следственного действия — уточнение показаний на месте. Такое отличие не является принципиальным, поскольку оно не меняет сущность следственного действия, а лишь дополняет его. Сравнивая нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Казахстана, можно выделить различный объем норм, т. е. проверке показаний на месте в ст. 194 УПК РФ посвящено 4 части, а в ст. 257 УПК РК 7 частей. Исходя из этого, становится очевидным, что в УПК РК рассматриваемое следственное действие имеет более детально разработанный порядок производства.

Процессуальный порядок производства проверки показаний на месте в РФ схож с законодательством Республики Казахстан. Так, сначала лицу дается право самостоятельно указать место, с которого оно хотело бы начать свой рассказ, где уже и будет осуществляться производство проверки и уточнения показаний, далее законом предусмотрена возможность задать лицу необходимые вопросы. Стоит отметить, что данная норма в УПК РК дополнена следующим — участвующие в следственном действии имеют право требовать дополнительного допроса в связи с производством проверки. Ссылку на такую норму УПК РФ не содержит.

В ч. 5 ст. 257 УПК РК подробно регламентировано изъятие обнаруженных в ходе проверки и уточнения показаний на месте предметов и документов, в отличие от российского законодательства, в котором подобная регламентация отсутствует. Как отмечает П. А. Картавский, вероятно, законодатель Российской Федерации не считал целесообразным столь детально регламентировать рассматриваемое следственное действие, чем создал определенный пробел относительно тех случаев, когда необходимо изъятие различных объектов [2, с. 23]. В такой ситуации следователю предоставляется возможность приостановить производство проверки показаний на месте либо прекратить его, затем провести следственное действие с целью изъятия необходимых объектов, оформить указанное производство в соответствующей, предусмотренной законом, процессуальной форме и далее вернуться к производству проверки [1, с. 58.].

Наиболее широко проверка показаний на месте представлена в уголовно-процессуальном законодательстве Киргизии, поскольку в нем указанному следственному действию посвящена целая глава, состоящая из двух статей [5]. В ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее — УПК КР) термин «проверка на месте» раскрыт очень подробно. Так, это следственное действие, в котором проверяются показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, допрошенных ранее, путем соотношения ранее полученных показаний с показаниями, получаемыми в ходе производства следственного действия и с окружающей обстановкой, с целью получения более полной и конкретной картины произошедшего события, сопровождающееся демонстрацией действий лица, а также получения новых обстоятельств. Во-вторых, УПК КР одной из целей проверки показаний на месте выделяет устранение противоречий между показаниями ранее допрошенных лиц, что является задачей очной ставки, и, соответственно, создает затруднения в правоприменительной деятельности.

Таким образом, очевидно сходство сущности проверки показаний на месте в рассмотренных нормативных правовых актах, а именно: лицо должно быть ранее допрошено; строгий запрет на производство проверки сразу нескольких лиц, поскольку может пострадать достоверность; проверка заключается в воспроизведении и отражении обстановки, т. е. полного воссоздания произошедшего; запрет на постороннее вмешательство и недопустимость наводящих вопросов и др. Безусловно, сходна и сама цель следственного действия — это проверка показаний, полученных ранее в рамках допроса, оценка их достоверности и установление новых обстоятельств события путем демонстрации действий и уточнения показаний на месте.

Проверка показаний находится на этапе становления, поэтому ее трансформация еще будет происходить достаточно длительное время. Изменениям будет способствовать как правоприменительная деятельность, так и правовое закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве.

Рассматриваемое следственное действие находится в арсенале не только российского следователя, но и следователей стран СНГ, что говорит об актуальности его применения. Проверка показаний на месте имеет очень большое

значение, поскольку при правильном его применении можно проверить не только достоверность ранее полученных показаний, но и установить новые обстоятельства исследуемого события, что необходимо для эффективного расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Картавский П. А. О недостатках норм ст. 194 УПК РФ / П. А. Картавский // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXI Международной научно-практической конференции. Красноярск, 5–6 апреля 2018. В 2 ч. / Отв. ред. Н. Н. Цуканов. — СибЮИ МВД России. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. — Ч. 2. — С. 58–59.
2. Картавский П. А. Некоторые приемы тактики проверки показаний на месте // Научный компонент. — 2019. — № 2 (2). — С. 23–32.
3. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для вузов / Под ред. проф. Э. К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В. П. Сальникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. — 583 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20.

УДК 343

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ (Ч. 1 СТ. 302 УК РФ) С ПОДКУПОМ ИЛИ ПРИНУЖДЕНИЕМ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ ИЛИ УКЛОНЕНИЮ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ЛИБО К НЕПРАВИЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ (Ч. 1 И Ч. 2 СТ. 309 УК РФ)

Д. Ю. Медведева, обучающийся

Н. Д. Перевезенцева, обучающийся

Научный руководитель А. В. Зарубин, канд. юрид. наук, доцент

Санкт-Петербургский юридический институт — филиал
Университета прокуратуры Российской Федерации (СПБЮИ (ф) УП РФ)
г. Санкт-Петербург, Россия

В данной работе рассматривается вопрос разграничения составов преступления, предусмотренных ч.1 ст. 302 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 309 УК РФ. Авторами выделяются отдельные критерии, по которым данные составы могут быть разграничены.

Ключевые слова: показания, дача показаний, принуждение.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на судебную защиту (ч. 1 ст. 46) и закрепляет запрет на осуществление правосудия

с использованием доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50) [1].

Указанные общественные отношения зачастую могут нарушаться путем неправомерного воздействия на лиц, проявляющегося в виде принуждения к даче показаний. Состав данного преступления закреплен в ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2].

Общественная опасность принуждения к даче показаний выражается в том, что данное преступление совершается в совокупности с другими преступлениями против государственной власти, например, получением взятки или превышением должностных полномочий.

Наиболее схожим с преступлением, предусмотренным ст. 302, по правовой конструкции является деяние, закрепленное в ч. 1 и ч. 2 ст. 309 — подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу.

Данные преступления, как правило, разграничивают по отдельным элементам их состава.

Прежде всего, в диспозиции ст. 309 указано, что целью подкупа или принуждения является дача указанными в статье лицами ложных показаний (заключения или перевода). Именно поэтому в статье основным объектом целесообразно признавать общественные отношения, обеспечивающие беспрепятственное получение достоверной доказательственной информации в процессе производства по делу. В свою очередь для квалификации по ст. 302 не имеет значения, являются показания правдивыми или ложными, соответственно, объект преступления в данном случае будет значительно отличаться [3].

Также стоит отметить, что в качестве потерпевшего в ч. 2 ст. 309 УК РФ указан переводчик.

В ч. 1 ст. 309 УК РФ законодатель указал на подкуп как на признак объективной стороны преступления. Н. Е. Крылова [4] указывает, что применительно к ч. 1 ст. 309 УК РФ подкуп означает склонение свидетеля, потерпевшего или других указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы лиц к даче ложных показаний или ложного заключения либо неправильному переводу, обусловленное предоставлением выгод имущественного характера склоняемому лицу.

Также необходимо отметить, что в ч. 2 ст. 309 УК РФ законодатель конкретизирует виды угроз, которые могут быть применены при совершении данного преступления: угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. В ст. 302 указания на вид и содержание угрозы нет, лицо может избрать в качестве объекта угрозы общественные отношения, охраняющие жизнь, здоровье или имущество потерпевшего как по отдельности, так и вместе.

Проанализировав субъекты преступлений указанных статей, можно прийти к следующему выводу. Статья 302 закрепляет в первую очередь уголовную ответственность лиц, производящих предварительное расследование по делу. В ст. 309 указания на субъект нет — таким образом, есть основания полагать, что ответственность за совершение преступления, предусмотренного данной

статьей, несут любые лица, т. е. субъектом данного преступления является физически вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Так, например, Шабалинский районный суд Кировской области признал виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, гражданина Александра Н. А., который принуждал потерпевшего к даче ложных показаний под угрозой физической расправы на стадии предварительного следствия [5].

Более того, в ст. 302 УК РФ в отношении второго типа лиц, являющихся субъектом принуждения к даче показаний, законом предусмотрено наличие обязательного условия — указанное лицо должно действовать с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, осуществляющего дознание. Если такой признак отсутствует, то противоправное деяние будет квалифицировано в зависимости от обстоятельств дела — по ст. 309 УК РФ или же как преступление против личности [6].

Еще раз необходимо отметить, что субъективная сторона ч. 1 и ч. 2 ст. 309 УК РФ характеризуется определенной в законе целью — получение ложных показаний, заключений или неправильного перевода.

Таким образом, составы преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 302 УК РФ и ч. 1, ч. 2 ст. 309 УК РФ необходимо разграничивать по признакам объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Российская газета. — 1996. — № 118.
3. Епихин А. Ю. Межотраслевые проблемы квалификации подкупа, принуждения к даче показаний или уклонения от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 4 (32) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhotraslevyye-problemy-kvalifikatsii-podkupa-prinuzhdeniya-k-dache-pokazaniy-ili-ukloneniya-ot-dachi-pokazaniy-libo-k-nepravilnomu> (дата обращения: 05.11.2020)
4. Крылова Н. Е. Подкуп свидетеля, потерпевшего и иных участников процесса: проблемы теории и правоприменения // Уголовное право. — 2018. — № 3. — С. 58–71.
5. Приговор Шабалинского районного суда (Кировская область) № 1-27/2019 от 27 июня 2019 г. по делу № 1–27/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Кондратов П. Е. Комментарий к ст. 302 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2020).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

К. С. Мокляк, обучающийся

Научный руководитель И. С. Смирнова, канд. юрид. наук,

Сибирский юридический университет (СибЮУ),

г. Омск, Россия

В статье поднимается вопрос о сохранении стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации. Дается сравнительная характеристика уголовно-процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Казахстан по вопросу регулирования возбуждения уголовного дела в России и началу расследования в Казахстане.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, начало расследования, регистрация и рассмотрение сообщения о преступлении.

На стадии возбуждения уголовного дела уполномоченные органы проводят проверку поступивших сообщений о преступлениях и осуществляют необходимые следственные и иные процессуальные действия. При этом решается задача определения основания для принятия итогового решения, а также принимаются необходимые меры по предотвращению, прекращению преступления и фиксации его следов.

Необходимо отметить, что в свете последних законодательных новелл, касающихся расширения средств уголовно-процессуального доказывания первоначальной стадии уголовного процесса, в юридической литературе наблюдается повышенный научный интерес к данному этапу уголовного судопроизводства.

В частности, одни ученые активно отстаивают позицию исключения из системы российского уголовно-процессуального законодательства норм о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела.

Так, например, Б. Я. Гаврилов, ратующий за отказ от стадии возбуждения уголовного дела, отмечает, что существующая стадия уголовного судопроизводства ведет, по его мнению, к необоснованным трудовым затратам, например: 20 тыс. сотрудников полиции заняты исключительно подготовкой «отказных» материалов [2, с. 22].

На нерациональное направление сил указывает и Ю. В. Деришев, он пишет, что в год сотрудники Следственного комитета РФ проверяют до 1 млн сообщений о преступлениях, а возбуждают уголовные дела не более чем в 16–17 %. Рассуждая в этом контексте, Ю. В. Деришев задается вопросом: «Куда направлена энергия следственного аппарата?» Фактически следователь выполняет функцию органов дознания по проверке сообщений о преступлениях и установлении признаков преступления [3, с. 72].

Идею о сохранении стадии возбуждения уголовного дела поддержала Н. А. Власова, которая отмечает, что стадия возбуждения уголовного дела гарантирует защиту человека и гражданина от необоснованного привлечения к

уголовной ответственности и применения мер процессуального принуждения [1, с. 25].

Вышесказанное порождает дискуссию между научными деятелями и правоведами, которые единогласны в том, что необходимо модернизировать законодательство, но разошлись в методе осуществления данной задачи, связанной со стадией возбуждения уголовного дела. Некоторые авторы призывают вернуться к досудетскому способу расследования уголовного дела без стадии возбуждения уголовного дела, другие авторы выступают за сбережение данной стадии. Но есть и сторонники, которые предлагают реформировать стадию возбуждения уголовного дела.

Так, по мнению Ю. В. Деришева, досудебное производство следует рассматривать в виде единой фазы уголовного процесса [3, с. 75]. При этом досудебное производство должна открывать деятельность, осуществляемая в рамках уголовно-процессуального и административного законодательства, — полицейское дознание по проверке сообщений о преступлениях. Действительно, следует поддержать позицию ученого, поскольку на сегодняшний день российский уголовный процесс не готов к полному отказу от стадии возбуждения, а ее сохранение в современном виде сложно признать удачным способом решения проблемы. Поэтому мы согласны с третьим способом решения проблемы — реформированием. На сегодняшний день этап возбуждения уголовного дела настолько наполнен средствами уголовно-процессуального доказывания, что представляет собой самостоятельное производство, осуществляемое до начала расследования. Следовательно как квалифицированный юрист должен осуществлять деятельность по расследованию уголовного дела, а не проводить проверку по множеству нарушений, которые не содержат признаков состава преступления.

Нельзя не отметить, что научный мир и практикующих юристов всегда интересовала практика правоприменения в странах ближнего зарубежья. В контексте исследуемого вопроса наущным примером является государство постсоветского пространства, находящееся в непрерывном прогрессе — Республика Казахстан (далее — РК). Уголовно-процессуальное законодательство РК было полностью модернизировано в 2014 г., что привело к ликвидации стадии возбуждения уголовного дела.

В Республике Казахстан предварительное расследование осуществляется с этапа получения заявления, сообщения о преступлении. В соответствии со ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК) началом досудебного расследования является регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований (далее — ЕРДР) либо первое неотложное следственное действие [4]. Предпринятые усилия по изменению УПК РК привели к тому, что досудебное производство стало более прозрачным и оперативным.

Законодатель РК при разработке ЕРДР стремился осуществить несколько целей, а именно: гарантировать единый учёт уголовных преступлений и лиц, их совершивших; оперативный контроль соблюдения законов при проведении досудебного расследования; наблюдение за состоянием и структурой уголовных правонарушений.

О начале досудебного расследования в течение суток необходимо уведомить прокурора. При этом не является обязательным регистрация заявления, сообщения или составление рапорта об уголовном правонарушении, в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства и т. д. Полный перечень исключений содержат положения ст. 179 УПК РК [4].

Таким образом, в отличие от отечественного законодательства, система современного правового регулирования уголовно-процессуальных отношений Республики Казахстан не содержит отдельных норм, регламентирующих этап возбуждения уголовного дела. Отказ казахстанского законодателя от первоначальной стадии уголовного процесса привел к исключению вероятности производства следственных действий до возбуждения уголовного дела. Иными словами, пока уголовное дело не возбуждено, следователь, дознаватель не вправе проводить следственные действия, направленные на установление обстоятельств уголовного правонарушения, а равно и осуществлять действия по изобличению причастных к правонарушению лиц.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) с точностью до наоборот: уже на этапе доследственной проверки, когда уголовное дело еще не возбуждено, поскольку отсутствует процессуальное решение об этом, органы уголовного преследования определяют судебную перспективу уголовного дела.

В отечественном законодательстве заявление о преступлении может быть подано в письменной или устной форме, УПК РК позволяет подать заявление о преступлении не только в письменной и устной форме, но и в виде электронного документа. При современной развитости информационно-телекоммуникационных систем гражданам, возможно, будет проще подать сообщение о преступлении, заполнив стандартную форму, нежели лично обращаться к уполномоченным органам. Такой вариант подачи заявления подойдет больше тем, кто по состоянию здоровья не способен обратиться в отдел полиции. Но есть и свои минусы — срок рассмотрения такого заявления будет значительно превышен. Полиция реагирует незамедлительно, когда сообщение о преступлении поступает в дежурную часть. В случае обращения в электронном виде определенное количество времени уходит на регистрацию, а также направление заявления в соответствующие органы по территориальному и подведомственному признакам.

В ст. 180 УПК РК перечислены всевозможные поводы для начала расследования. Значительное внимание привлекает п. 3 ст. 180 УПК РК, где в качестве повода предусмотрено сообщение о преступлении в средствах массовой информации [4]. Одним из таковых является сеть Интернет, в которой ежедневно распространяется информация о тех или иных, совершаемых в настоящее время преступлениях. Факт данного распространения вызывает в обществе широкий резонанс — как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан. Тем не менее, УПК РФ не предусматривает подобные сообщения в средствах массовой информации как должный повод для возбуждения уголовного дела. Подобные сообщения будут относиться к источникам, полученным извне.

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день вопрос, связанный с упразднением стадии возбуждения уголовного дела, является актуальным в сфере уголовного процесса. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время нецелесообразно и по ряду объективных обстоятельств, обусловленных экономической, политической, финансовой, социальной ситуацией в России.

Список литературы

1. Власова Н. А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела: монография. — Москва: ВНИИ МВД России, 2001. — 260 с.
2. Гаврилов Б. Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. — 2018. — № 2 (31). — С. 19–27.
3. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право. Образование. Практика. Наука. — 2017. — № 6 (102). — С. 71–76.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V.

УДК 372.851.02., 372.800.4.02

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А. К. Нурпеисова, канд. юрид. наук, доцент

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (КЭУК),
г. Караганда, Республика Казахстан

В статье рассмотрены вопросы информационной безопасности и защиты информации по уголовному законодательству Республики Казахстан. Проведена сравнительная характеристика информационных правоотношений Российской Федерации и Республики Казахстан и пути совершенствования уголовного законодательства. Поставлен вопрос о необходимости разработки информационного кодекса.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, информационные правоотношения, информационные технологии, интернет, уголовные правонарушения, информационный кодекс.

Стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы человеческой жизни в конце XX–начале XXI в. предопределило возникновение новых общественных отношений. Сущность и характер этих общественных отношений не позволяет осуществить их регулирование нормами только профилирующих отраслей права, поскольку они специфичны в силу особенностей и юридических свойств информации, выступающей в роли основного объекта, по поводу которого и возникают эти отношения. Электронное правительство *eGov*

Казахстана заметно облегчило взаимодействие граждан с государством. Сегодня Казахстан входит в число стран с наибольшим показателем автоматизации государственных услуг — 83,7 %.

В связи с развитием компьютерных технологий, прежде всего Всемирной электронной сети Интернет, в международном законодательстве появились новые термины: «информационные правонарушения», «компьютерная преступность», «киберпреступность».

В свое время XIX век называли веком производства, XX — веком управления, а XXI век по праву именуют веком информации.

Сегодня мы все являемся очевидцами повышения значимости информации как для себя лично, так для государства и общества в целом. Крылатая фраза Натана Ротшильда «кто владеет информацией, тот владеет миром» как никогда актуальна.

Возрастание роли информации практически во всех сферах жизнедеятельности обусловлено многими факторами и прежде всего формированием информационного сектора экономики, равного по значимости, а порой превосходящего по ресурсному потенциалу такие традиционные ее подразделения, как промышленность, сельское хозяйство и услуги. Экономисты рассматривают информацию как товар, объект рыночных отношений, а юристы думают о правовом обеспечении информационной безопасности.

Основной состав информационно-правовых норм Конституции Республики Казахстан, закрепляющих основные информационные права и свободы, приведены в ст.18, ст. 20:

— «Каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым, не запрещенным законом способом. Перечень сведений, составляющих государственные секреты Республики Казахстан, определяется законом»;

— «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства. Каждый имеет право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. ...»;

— «Государственные органы, общественные объединения, должностные лица и средства массовой информации обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации [1].

Таким образом, Конституция создает предпосылки для охраны информации, провозглашая свободу информации, тем не менее, указывает на то, что свобода эта не безгранична.

В этой связи в Республике Казахстан были приняты государственные программы обеспечения информационной безопасности, защиты государственных секретов, Концепция обеспечения информационной безопасности, ряд других организационных и практических мер, которые реализуются государственными органами РК во взаимодействии с Комитетом национальной безопасности.

Кроме того, согласно Концепции правовой политики РК на период с 2010 по 2020 гг., был принят комплекс законодательных мер, направленных на дальнейшее совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и иных

законодательств, приводящих их в соответствие с международно-правовыми стандартами, в т. ч. и в вопросах информационной безопасности.

Под «информационной безопасностью» казахстанское законодательство понимает «состояние защищенности государственных информационных ресурсов, а также прав личности и интересов общества в информационной сфере» [2]. Это определение дано законом РК «О национальной безопасности», что и отражает его масштабы в общенациональном ракурсе.

Под преступлениями, совершенными в сфере информационных технологий, следует понимать предусмотренные уголовным законом виновные, общественно опасные деяния, направленные на нарушение неприкосновенности охраняемой законом электронной информации и ее материальных носителей, совершаемые в процессе создания, использования и распространения электронной информации, а также направленные на нарушение работы информационной системы или сетей телекоммуникаций, причиняющие вред законным интересам собственников или владельцев, жизни и здоровью личности, правам и свободам человека и гражданина, национальной безопасности, где предметом выступает компьютерная информация.

Уголовное законодательство РК устанавливает значительное количество норм, в соответствии с которыми деяния, совершенные в информационной сфере, признаются уголовно-наказуемыми. Данные нормы рассредоточены в следующих главах УК РК: преступления против свободы, чести и достоинства личности, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против общественной безопасности, преступления против основ конституционного строя, преступления в сфере компьютерной информации, преступления против мира и безопасности человечества. Уголовно-правовые санкции, связанные с информацией, прямо или опосредованно установлены в отношении таких деяний, как клевета, оскорбление, нарушение неприкосновенности частной жизни, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, заведомо ложная реклама и др.

В Казахстане вопрос о законодательном закреплении компьютерных преступлений в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния впервые был поставлен при подготовке проекта Уголовного кодекса в конце 1995 г. и закреплен в уголовном законодательстве, принятом 16 июля 1997 г., в ст. 227 «Неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ».

Необходимость закрепления данной нормы в УК РК была продиктована развитием технического прогресса, широким использованием компьютерной техники и возможностью появления новых криминализованных проявлений, посягающих на законные правоотношения в сфере обращения и использования компьютерной информации.

Однако тот факт, что ст. 227 УК РК, предусматривающая, по сути, уголовную ответственность за посягательства на общественные отношения, возникающие в сфере компьютерной информации, оказалась в главе о преступлениях,

где родовым объектом для всех составов, предусмотренных в ней преступлений, являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, свидетельствовала о том, что вновь появляющиеся общественные отношения в сфере обращения и использования компьютерной информации на тот момент не нашли в уголовном законе нашего государства специального обозначения.

Что касается российского уголовного законодательства, то в Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ; нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети постатейно были предусмотрены в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Необходимо отметить, что в отечественной юридической литературе неоднократно подчеркивалась значимость общественных отношений в сфере компьютерной информации. Так, Б. Х. Толеубекова, актуализируя необходимость формирования компьютерного права в самостоятельную отрасль, писала: «Специфика правоотношений, возникающих в условиях необходимого либо преступного применения ЭВМ, столь значительна, что их «растворение» в институтах существующих отраслей права ни практически, ни теоретически невозможно» [3].

Что касается уголовного законодательства, регламентирующего информационно-правовые отношения в настоящее время, то в действующем с января 2015 г. Уголовном кодексе было введено понятие «уголовное правонарушение», которое состоит из преступления и уголовного проступка [2]. Более того, появилась целая глава в Особенной части УК РК «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи», где законодатель в гл. 7 УК РК криминализировал наиболее опасные виды посягательств. К ним относятся: ст. 205 «Неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций», ст. 206 «Неправомерные уничтожение или модификация информации», ст. 207 «Нарушение работы информационной системы или сетей телекоммуникаций», ст. 208 «Неправомерное завладение информацией», ст. 209 «Принуждение к передаче информации», ст. 210 «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов», ст. 211 «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа», ст. 212 «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели», ст. 213 «Неправомерное изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства», среди которых в большей мере нормы, направленные на защиту компьютерной информации [4].

Все уголовные правонарушения, входящие в гл. 7 УК РК, можно классифицировать на 2 группы: а) уголовные правонарушения, посягающие на конфиденциальность, целостность и доступность охраняемой законом информации, хранящейся на электронном носителе, содержащейся в информационной системе или передаваемой информационно-коммуникационной сети

(статьи 205–211); б) иные виды уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи (статьи 212 и 213 УК).

Надо сказать, что законодательное закрепление уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи в Уголовном кодексе РК в самостоятельной главе явилось результатом признания учеными и практиками Казахстана наличия такого нового вида общественных отношений, как общественные отношения в сфере информационных технологий, связи и компьютерной информации.

Отсюда видно, что многие, но далеко не все деяния, именуемые в литературе киберпреступлениями (преступлениями в киберпространстве), интернет-преступлениями, компьютерными преступлениями (компьютерное мошенничество), охватываются понятием «уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи». Таковыми признаются лишь предусмотренные уголовным законом и совершенные виновно общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности информации и связи.

Многие из рассматриваемых уголовных правонарушений, в соответствии с Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации (Будапешт, 23 октября 2001 г.), относятся к категории «преступлений против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных».

На сегодняшний день существует ряд законов, регулирующих информационные правоотношения: законы РК «Об информатизации», «О связи», «О средствах массовой информации», «О государственных секретах», «Об авторском праве и смежных правах», «О рекламе», «О персональных данных и их защите», «О доступе к информации» и др.

В законе РК «Об информатизации» дается следующее определение: «Информационные ресурсы — отдельные документы и отдельные массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах)» [5].

Собственная информация для производителя представляет значительную ценность, т. к. нередко получение, создание такой информации — весьма трудоемкий и дорогостоящий процесс. Очевидно, что ценность информации, реальная или потенциальная, определяется в первую очередь приносимыми доходами. Особое место отводится информационным ресурсам в условиях рыночной экономики. В этих условиях основное правило: «кто владеет информацией, тот владеет миром». В конкурентной борьбе широко распространены разнообразные действия, направленные на получение (добывание, приобретение) конфиденциальной информации самыми различными способами, вплоть до прямого промышленного шпионажа с использованием современных технических средств разведки.

Защите информации от неправомерного овладения ею отводится весьма значительное место. При этом «целями защиты информации являются: предотвращение разглашения, утечки и несанкционированного доступа к охраняемым сведениям; предотвращение противоправных действий по уничтожению, модификации, искажению, копированию, блокированию информации; предотвращение других форм незаконного вмешательства в информационные ресурсы и информационные системы; обеспечение правового режима документированной

информации как объекта собственности; защита конституционных прав граждан на сохранение личной тайны и конфиденциальности персональных данных, имеющихся в информационных системах; сохранение государственной тайны, конфиденциальности документированной информации в соответствии с законодательством; обеспечение прав субъектов в информационных процессах и при разработке, производстве и применении информационных систем, технологии и средств их обеспечения» [3].

Информационная безопасность — довольно емкая и многогранная проблема, охватывающая не только определение необходимости защиты информации, но и то, как ее защищать, от чего защищать, когда защищать, чем защищать и какой должна быть эта защита.

Основное внимание уделяется защите конфиденциальной информации, с которой большей частью встречаются предприниматели негосударственного сектора экономики.

На сегодняшний день сформулировано 3 базовых принципа, которые должна обеспечивать информационная безопасность: целостность данных, т. е. защита от сбоев, ведущих к потере информации, а также защита от неавторизованного создания или уничтожения данных; конфиденциальность информации; доступность информации для всех авторизованных пользователей.

При разработке компьютерных систем выход из строя или ошибки в работе могут привести к тяжелым последствиям, поэтому вопросы компьютерной безопасности становятся первоочередными. Известно много мер, направленных на обеспечение компьютерной безопасности, основными среди них являются технические, организационные и правовые.

Обеспечение безопасности информации — дорогостоящее дело, и не только из-за затрат на закупку или установку средств защиты, но также из-за того, что трудно квалифицированно определить границы разумной безопасности и обеспечить соответствующее поддержание системы в работоспособном состоянии.

Итак, анализируя информационную безопасность и ее место в системе национальной безопасности, определяя жизненно важные интересы в информационной сфере и угрозы для них, необходимо уделить должное внимание и правовым вопросам информационной безопасности.

Нельзя оставлять без внимания вопросы информационной войны, информационного оружия, принципы, основные задачи и функции обеспечения информационной безопасности, функции государственной системы по обеспечению информационной безопасности, отечественные и зарубежные стандарты в области информационной безопасности.

Сегодня применение норм, содержащихся в гл. 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи» Уголовного кодекса РК, ограничены правовой и практической неразработанностью вопросов, связанных с использованием и охраной компьютерной информации, но правовая основа уже заложена.

Общим объектом уголовных правонарушений в сфере компьютерной информации является совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Однако преступления в сфере компьютерной информации посягают не на все отношения общественной безопасности в целом, а лишь

на одну из ее сторон, связанную с информационной безопасностью. Такое уточнение является необходимым ввиду того, что отношения безопасности разнообразны и многогранны, поскольку включают в себя государственную, общественную, оборонную, экологическую, продовольственную и другие направления безопасности.

Родовым объектом этих уголовных правонарушений выступают отношения, связанные с обеспечением конфиденциальности, целостности и доступности охраняемой законом информации, хранящейся на электронном носителе, содержащейся в информационной системе или сети, а также сохранности и неприкосновенности средств ее хранения, обработки и передачи.

Предметом уголовных правонарушений служат: информация; электронный носитель; информационные системы; информационно-коммуникационные сети; вредоносные компьютерные программы и программные продукты; электронные информационные ресурсы ограниченного доступа; интернет-ресурсы; абонентские устройства сотовой связи и др.

С объективной стороны уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи могут выражаться в форме как действий (статьи 205–213 УК), так и бездействия (ст. 207 УК). Часть уголовных правонарушений сконструирована по типу материальных составов, другая — формальных.

С субъективной стороны все уголовные правонарушения, входящие в гл. 7 УК РК, предполагают только умышленную форму вины.

Однако, несмотря на прямое указание уголовного закона, в некоторых комментариях к исследуемому составу можно встретить утверждение иных авторов о том, что данное уголовное правонарушение может быть совершено и с неосторожной формой вины.

По мнению С. А. Пашина, «неосторожная форма вины может проявляться при оценке лицом правомерности своего доступа к компьютерной информации, а также в отношении неблагоприятных последствий доступа» [3].

Такой подход связан с тем, что очень часто преступник не может в полной мере представить себе последствия своей деятельности. При неправомерном доступе не всегда правильно представляется ценность копируемой, уничтожаемой или искажаемой информации, а тем более цепная реакция, к которой могут привести проведенные действия. Надо сказать, что одни и те же действия влекут разные последствия при различных (и часто совершенно неизвестных преступнику) состояниях вычислительной системы; играют роль ее загрузка, степень надежности и защищенности, связи с другими системами, факторы сложности и неизвестности компьютерных систем.

Именно поэтому законодательство западных стран идет по пути криминализации деяний, отнесенных к числу компьютерных преступлений, в виде «формальных составов преступлений», т. е. уголовную ответственность влечет совершение самого деяния, независимо от того, какую цель преследовал преступник и наступили ли определенные общественно опасные последствия.

Судя по формулировке статьи, данное преступление не может быть совершено по неосторожности — достаточно трудно представить несанкционированный доступ, совершенный по неосторожности (однако теоретически и это

не исключено). То есть состав предполагает умысел по отношению как к действиям, так и к последствиям. Но наступившие последствия могут быть и результатом неосторожного обращения с компьютерной информацией, и, следовательно, лицо можно будет привлечь к ответственности только за покушение, либо оно вообще не подпадает под действие уголовного закона. Это показывает, что необходимо разработать и внести изменения в соответствующие статьи гл. 7 УК РК или предусмотреть административную ответственность для таких ситуаций.

Субъектами уголовных правонарушений, предусмотренных статьями главы 7 УК РК, являются лица, достигшие 16-летнего возраста.

Сложность раскрытия компьютерных преступлений характеризуется высоким уровнем латентности (скрытности) компьютерных преступлений, анонимностью пользования Интернетом, труднодоказуемостью факта незаконного подключения к абонентам связи и т. д.

Законодательное закрепление правового статуса информации и ее классификации должно быть направлено на устранение имеющихся коллизий между законодательными и подзаконными актами, а также восполнения пробелов в действующем казахстанском праве, что относится и к праву на защиту информации.

Вопрос о необходимости разработки информационного кодекса возникал время от времени и в России, и у нас в Казахстане. Наличие единого кодекса в информационной сфере поможет собрать в одном документе все основные аспекты регулирования информационных правоотношений.

Список литературы

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www@zakon.kz> (дата обращения: 05.11.2020).
2. Закон РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www@zakon.kz> (дата обращения: 05.11.2020).
3. Нурпеисова А. К. Уголовно-правовые и криминологические проблемы компьютерной преступности: монография. — Караганда, 2013.
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.10.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www@zakon.kz> (дата обращения: 05.11.2020).
5. Закон РК «Об информатизации» от 8 мая 2003 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2014 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www@zakon.kz> (дата обращения: 05.11.2020).

КООРДИНАЦИЯ ПРОКУРАТУРОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОНТРАБАНДЕ

А. А. Павлюк, обучающийся

Научный руководитель О. И. Скок, ст. преподаватель
Барановичский государственный университет (БарГУ),
г. Барановичи, Республика Беларусь

В данной работе рассматривается координационная деятельность прокуратуры Республики Беларусь при взаимодействии правоохранительных органов по противодействию контрабанде. Приведены примеры из практики пресечения таможенными органами Республики Беларусь в крупном размере товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению УК Республики Беларусь.

Ключевые слова: прокуратура, контрабанда, координация, противодействие, право.

С давних пор и до настоящего времени преступность оказывает дестабилизирующее воздействие на состояние жизнедеятельности государства, общества и личности. В связи с этим, по мнению А. А. Кеник, «назрела необходимость выработать и реализовать скоординированные, эффективные меры по устранению причин и условий, способствующих совершению общественно опасных деяний» [3, с. 542], в первую очередь связанных с незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) в крупном размере товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению — контрабанды (ст. 228 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (далее — УК) [7].

На сегодняшний день борьба с контрабандой в Республике Беларусь является первоочередной задачей, т. к. незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, и его последствия оказывают воздействие на всевозможные сферы жизнедеятельности людей: на экономику, политику, социальную среду государства, а также на установленные нравственные и общественные идеалы.

Кроме того, как показывает информация, расположенная в открытом доступе и предоставленная, в большинстве случаев, пресс-службами подразделений Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее — ГТК), «регулярно демонстрируются заявления о задержании существенных объемов как незаконно ввезенных на территорию Республики Беларусь, так и вывезенных за ее пределы одежды, обуви, бытовой техники, различных запрещенных в гражданском обороте товаров».

Так, из появившейся 13 мая 2020 г. в сети Интернет информации стало известно, что в литовском пункте пропуска Райгардас 3 мая 2020 г. задержали партию контрабандных белорусских сигарет на сумму более 1,7 млн евро (2 млн долл.). Товар был изъят, а нарушитель закона — водитель грузовика DAF — был арестован Каунасским судом (Литва) на два месяца [2].

Другой случай произошел 23 сентября 2020 г., когда Администрацией «Гродно Азота» был перекрыт канал трафика контрабандных сигарет: в одном из товарных вагонов с удобрениями, следовавших в Литву, нашли около 45 тыс. пачек сигарет белорусского производства на сумму более 51 тыс. руб. (20 тыс. долл.) [4].

В связи с приведенными примерами и перечисленными выше сферами влияния незаконного перемещения в крупном размере товаров мы считаем, что в осуществлении борьбы с данным противоправным деянием, предусмотренным ст. 228 УК [7], необходимо участие многих правоохранительных и надзорных органов. Одним из таких субъектов, на наш взгляд, является прокуратура.

С целью взаимодействия правоохранительных органов по борьбе с контрабандой прокуратура Республики Беларусь в лице Генерального прокурора Республики Беларусь, нижестоящих прокуроров в соответствии со ст. 12 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» координирует правоохранительную деятельность органов внутренних дел, органов государственной безопасности, других государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, в пределах своей компетенции — деятельностью по профилактике правонарушений. Для этого образуется возглавляемое прокурором координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией, в состав которого входят руководители государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, а также руководители субъектов профилактики правонарушений [5].

Видится необходимым обозначить, что, несмотря на складывающуюся криминогенную обстановку, в первом полугодии 2020 г. таможенными органами Республики Беларусь продолжена целенаправленная работа, направленная на недопущение незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС в Республике Беларусь различных категорий товаров [6].

Кроме того, в последнее время международные перевозчики активно обсуждают ситуацию с усилением контроля на белорусских границах [1]. По словам начальника главного управления организации борьбы с контрабандой и постаможенного контроля ГТК Э. Г. Даниловича, «за последнее время сотрудники белорусской таможни выявили около тысячи нарушений при ввозе товаров, когда их отправителями были склады, расположенные в Литве. В материалах дел в качестве нарушителей фигурирует уже более 70 литовских складов» [1]. Также отмечается, что «нарушения законодательства чаще всего связаны с недекларированием товаров в документах и занижением их реальной стоимости. По фактам контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей в крупном размере при ввозе товаров от литовских отправителей по состоянию на 23 сентября 2020 г. возбуждено 15 уголовных дел» [1].

Таким образом, по нашему мнению, реализуемая прокуратурой Республики Беларусь координирующая деятельность правоохранительных органов, в т. ч. таможенных, по противодействию контрабанде является действенным и наиболее

существенным средством обеспечения экономической и финансовой безопасности Республики Беларусь и защиты ее от общественной нестабильности.

Список литературы

1. «Не нарушайте — вас не будут задерживать». ГТК — о причинах углубленных досмотров на границе // ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА». — URL: <https://auto.tut.by/news/exclusive/701484.html> (дата обращения: 21.10.2020).
2. В Литве задержали партию контрабандных белорусских сигарет на 1,7 млн евро // ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА». — URL: <https://news.tut.by/society/684386.html> (дата обращения: 21.10.2020).
3. Кеник А. А. Прокурорский надзор: учеб. пособие / А. А. Кеник. — Минск: Амалфея, 2008. — 576 с.
4. На «Гродно Азоте» в вагонах, которые ехали в Литву, нашли большую партию контрабандных сигарет // ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА» [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.tut.by/society/703518.html> (дата обращения: 21.10.2020).
5. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 401-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 21.07.2016. — 2/2399.
6. Результаты правоохранительной деятельности таможенных органов в I полугодии 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.customs.gov.by/gu/pravoohraneniye-gu> (дата обращения: 21.10.2020).
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.; Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 23.11.2019. — 2/2691.

УДК 343.9

ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

О. А. Попова, ст. преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

Статья посвящена некоторым вопросам криминологической характеристики женской преступности в России. На основе анализа количественных и качественных показателей женской преступности определены ее некоторые специфические особенности.

Ключевые слова: женская преступность, социальный портрет женщин-преступниц, статистические показатели.

Сегодня, как и ранее, одной из актуальных проблем является преступность, в т. ч. и женская, которая не отличается особой стабильностью. Кроме того, как

отмечает К. А. Демина, «налицо ухудшение некоторых качественных показателей женской преступности (рост числа преступлений, совершаемых женщинами в организованных группах; увеличение в структуре женской преступности удельного веса отдельных насильственных преступлений, преступлений против собственности, против семьи и несовершеннолетних и др.)» [1].

Необходимо также отметить, что для женской преступности характерны особенности личности виновных, а также причины и условия, способствующие противозаконному поведению.

Исследованием женской преступности в разное время занимались многие ученые: Ю. М. Антонян, К. А. Демина, А. И. Долгова, С. М. Иншаков, Н. Ф. Кузнецова, Е. В. Маковецкая, В. Н. Орлов, Э. Ф. Побегайло и другие.

Для понимания причин женской преступности следует обратиться к истории ее развития, «ведь при принятии и введении новых методик борьбы с женской преступностью необходимо учитывать происхождение женщины и этап ее становления в обществе» [2].

Анализ источников права позволяет сделать вывод о том, что преступлением, за которое всегда предусматривалась ответственность женщин, в первую очередь являлось детоубийство, совершенное различными способами. Особенно строго наказывались женщины, которые совершали убийство новорожденного ребенка.

Кроме того, женщины подвергались наказанию за побои (укусы, «одеранье»), которые наносились женщиной в ходе драки, а также, согласно Уставу князя Ярослава, за кражу, умышленное уничтожение или повреждение имущества: «поджог дома, стога» [3].

Наказывались также такие деяния, как «блуд, прелюбодеяние, скотоложество» [2].

Такое преступление, как детоубийство, предусматривалось и в Соборном уложении 1649 года, и в Артикуле воинском 1715 года Петра I, и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. При этом данное преступление считалось совершенным при отягчающих обстоятельствах. Однако, согласно Уложению 1845 г., убийство незаконнорожденного ребенка матерью «от стыда или страха при самом рождении младенца» [4] считалось привилегированным, т. е. убийством при смягчающих обстоятельствах.

Во всех последующих нормативных актах убийство новорожденного ребенка признавалось преступлением.

По данным Федеральной службы государственной статистики, число убийств матерью новорожденного ребенка с 2008 года по сравнению с 2018 снизилось: в 2008 г. — 149 фактов, в 2018 г. — 61. Однако, как отметил начальник управления организации охраны правопорядка в жилом секторе главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ МВД России Станислав Колесник на заседании Совета по вопросам попечительства в социальной сфере, прошедшем в декабре 2019 года: «число совершенных преступлений в отношении детей родителями увеличилось за последние четыре года на 92 %. В том числе на 50 % увеличилось количество убийств» [5].

Зарегистрирован факт убийства и в Новосибирске в 2020 году. Так, «23 октября 2020 года в утреннее время обвиняемая, находясь у себя в квартире, совершила убийство своей малолетней дочери, 2018 года рождения, путем утопления в ванной. По данному факту Железнодорожным межрайонным следственным отделом следственного управления СК РФ по Новосибирской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего)» [6].

На сегодняшний день можно видеть разнообразие совершаемых женщинами преступлений.

Наиболее часто женщины совершают такие преступления, которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 году такие преступления совершили 14 272 женщины из 129 419 осужденных, что составляет 11 % от всех осужденных за аналогичные преступления, далее следуют умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 8,3 %, убийство — 7,9 %, кражи — 6,5 %, грабежи — 3,8 %, разбой — 2,4 %, вымогательство — 1,6 %. Кроме того, женщины совершают и такие преступления, как мошенничество, присвоение или растрата, «вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, содержание притонов, преступления, связанные с организацией проституции и распространением порнографии» [7].

Характерны для них также подстрекательство к совершению преступлений, пособничество, укрывательство, что подтверждается действиями осужденной в 2010 году матерью главаря кущевской ОПГ Надежды Цапок. В октябре 2020 года «Следственными органами Следственного комитета РФ по Новосибирской области возбуждено уголовное дело в отношении 60-летней жительницы Новосибирска по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве, совершенное в крупном размере)» [8].

Есть случаи, когда женщины сами являются организаторами преступного сообщества. Так, в 2014 году «в Новосибирске был вынесен приговор 61-летней Татьяне Гайнуловой, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества), 53 эпизодов ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество). В общей сложности органами следствия к уголовной ответственности в рамках расследования преступной деятельности руководимого Гайнуловой сообщества привлечено к уголовной ответственности 36 лиц» [9].

Анализ уровня образования осужденных женщин показывает, что наиболее часто в 2019 году преступления совершали женщины, имеющие среднее профессиональное образование — 34,21 % [10]. Как правило, эти лица совершали корыстные преступления, связанные с профессиональной деятельностью. Вторая группа — это женщины, которые имели начальное и основное общее образование — 33,15 %, которым свойственно совершение преступлений на семейно-бытовой почве, корыстной направленности, а также в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Третья группа — женщины, имеющие среднее (полное) общее образование — 18,44 %.

В Новосибирской области криминальная активность женщин в зависимости от образования несколько иная: первую группу составляли женщины, которые имели начальное и основное образование — 35,55 %, вторую группу — женщины, имевшие среднее профессиональное образование — 28,65 %, третью — имевшие среднее (полное) общее образование — 24,47 %.

Приведенное сравнение свидетельствует, что показатели активности женщин в зависимости от уровня образования не являются стабильными.

Если обратиться к возрастным характеристикам, то статистика показывает, что самой криминогенной группой в 2019 году являлись женщины в возрасте от 30 до 49 лет (57,38 % от всего количества осужденных женщин в 2019 году). Данный показатель практически не изменяется. Вторую группу составляли женщины в возрасте свыше 50 лет (14,76 %), а третью группу — женщины в возрасте от 25 до 29 лет (13,88 %). Хотя, как отмечает А. С. Волкова, ранее «большую криминальную активность проявляла группа в возрасте от 18 до 24 лет. Такое положение дел свидетельствует о том, что криминальная мотивация все меньше носит ситуационный характер, который свойствен как раз более молодым представителям криминалитета» [11].

Характеристика социального портрета женской преступности по возрасту в Новосибирской области такая же, как в России: в возрасте от 30 до 49 лет — 58,83 %, свыше 50 лет — 12,87 %, от 25 до 29 лет — 12,43 %.

Статистика социального статуса женщин-преступниц показывает, что из общего количества осужденных женщин 67,6 % не имели постоянных источников дохода, 20,82 % были наемными работниками, 5,68 % — служащими. При этом следует констатировать, что данный показатель является очень устойчивым во времени. В Новосибирской области также 67,33 % женщин-преступниц не имели постоянных источников дохода, 23,4 % были наемными работниками, а третью группу составили учащиеся и студенты — 3,97 %, несколько «оперевид» группу служащих (3,66 %).

Если проанализировать показатели криминальной активности женщин за последние 20 лет, то можно отметить, что особо криминогенным являлся 2002 год, в котором было выявлено 223 818 женщин, совершивших преступления, при этом удельный вес женщин в общем числе выявленных лиц составил наибольший процент — 17,8 %. В дальнейшем, с одной стороны, наблюдается снижение абсолютного показателя числа женщин, совершивших преступления: 178 446 (2005 год), 172 375 (2010 год), 172 178 (2015 год) [12], 142 505 (2019 год). За январь–август 2020 года количество женщин, совершивших преступления, составило 92 627 [13].

С другой стороны, удельный вес женщин в общем числе преступников в Российской Федерации имеет тенденцию к увеличению, о чем свидетельствует тот факт, что в 2005 году он составлял 13,75 %, в 2010 году 15,5 %, в 2015 году — 16 %. В 2016 году произошло некоторое снижение — 14,6 %, а затем вновь этот показатель начал увеличиваться: 15,2 % — в 2017 году, 15,6 % — в 2018 году, 16,1 % — в 2019 году. В январе–мае 2020 года этот показатель составил 16,3 %.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время происходит незначительный рост женской преступности. Кроме того, отмечается существенный

рост насильственных преступлений, совершенных женщинами, а также агрессивность и жестокость в их поведении.

Так, «6 апреля 2020 года Новосибирский областной суд вынес приговор 47-летней местной жительнице за убийство двух человек, которое она совершила 04.10.2019 года. В тот день она вместе с приятелями выпивала. Во время застолья женщина подумала, что мужчины её оскорбили, и накинулась на них с топором. Каждому из потерпевших она нанесла по 20 ударов. Мужчины скончались на месте происшествия» [14].

Такая тенденция к агрессии и жестокости предполагает необходимость разработки более эффективных мер предупреждения женской преступности. «Представляется, что уголовная политика в рассматриваемой сфере правоприменения должна, с одной стороны, идти по пути расширения мер уголовного наказания, не связанного с пресечением привычных социальных (социально одобряемых) связей виновных для лиц, не имеющих устойчивой криминальной мотивации, а с другой — неукоснительно пресекать распространение криминального влияния устойчивых преступников» [11]. «Необходимо добиваться улучшения всех сфер жизнедеятельности женщин и совершенствования морального климата в обществе» [15].

Список литературы

1. Демина В. А. Криминологическая характеристика и детерминанты современной женской преступности: по материалам Кемеровской, Новосибирской и Томской областей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2011 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dissercat.com/content/kriminologicheskaya-kharakteristika-i-determinanty-sovremennoi-zhenskoiprestupnosti> (дата обращения: 09.09.2020).
2. Лыско Е. А. Исторический аспект женской преступности // Вопросы российского и международного права. — 2016. — № 6. — С. 19–27 [Электронный ресурс]. — URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2016-6/2-lysko.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).
3. Пушкарева Н. Женщины Древней Руси. — Москва: Мысль, 1989. — 288 с.
4. Детоубийство в Уголовном кодексе. — URL: https://studbooks.net/2032983/pravo/istoriya_detoubiystva_ugolovnom_prave_rossiyskoy_imperii#98 (дата обращения: 09.09.2020).
5. Новости НТВ. — URL: www.ntv.ru (дата обращения: 09.09.2020).
6. В Новосибирской области женщине предъявлено обвинение в убийстве своего ребенка // Kriminal54.ru. — URL: <http://sledcomrf.ru/news/452788-v-novosibirskoy-oblasti-jenschine-predyavleno-obvinenie-v-ubiystve-svoego-rebenka.html> (дата обращения: 09.09.2020).
7. Степанян Ш. У. Особенности женской преступности в современной России // Гражданин и право. — 2009. — № 11. — С. 89–96.
8. По ходатайству следователей СКР арестована посредник во взятии точности председателю комитета // Kriminal54.ru. — URL: <http://sledcomrf.ru/news/451258-po-hodataystvu-sledovateley-skr-arestovana-posrednik-vo-vzyatochnichestve-predsedatelyu-komiteta.html> (дата обращения: 09.09.2020).

9. В Новосибирске вынесен приговор в отношении женщины по обвинению в организации преступного сообщества // Kriminal54.ru. — URL: <http://sledcomrf.ru/news/363324-v-novosibirske-vyinesen-prigovor-v-otnoshenii-jenschinyi-po-obvinienu-v.html> (дата обращения: 09.09.2020).
10. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — URL: https://crimestat.ru/social_portrait.
11. Волкова А. С. О некоторых современных тенденциях женской преступности в России // Вестник Уральского юридического института МВД России, 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-sovremennyh-tendentsiyah-zhenskoy-prestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 09.09.2020)
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction (дата обращения: 17.09.2020).
13. Состояние преступности в России за январь – август 2020 года: официальный сайт МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/21244698/> (дата обращения: 09.09.2020).
14. ГТРК Новосибирск. — URL: novosibirsk.bezformata.com (дата обращения: 09.09.2020).
15. Шундрин А. Д. Криминологическая характеристика женской преступности в России в настоящее время // International innovation research: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 3 ч. — 2018. — С. 110–113.

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

И. В. Розумань, канд. юрид. наук, доцент

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

Проведен анализ криминогенной ситуации в Российской Федерации в период пандемии коронавируса, рассмотрены некоторые качественно-количественные показатели преступности в указанный период, проанализированы криминогенные детерминанты.

Ключевые слова: преступность, криминологическая характеристика, криминогенные детерминанты, показатели преступности.

Мировое сообщество, в т. ч. и Россия, входило в новый 2020 год без осознания и понимания, что ждет в предстоящее время, когда мир полон угроз и потрясений. Одна из них возникла спонтанно и неожиданно — это глобальная пандемия коронавируса, которая существенным образом отразилась на всех сферах общественной жизнедеятельности как мирового сообщества, так и российского общества, заставила по-иному взглянуть, а в ряде случаев даже переосмыслить, казалось бы, привычные вещи и процессы. И, как показала

настоящая действительность, население не готово к таким глобальным изменениям, общественное мнение в большинстве критически оценивает принимаемые решения и действия властей по предотвращению самой пандемии и ее негативных последствий, которые могут неблагоприятно отразиться на развитии социально-экономического состояния общества.

Национальная экономика за рассматриваемый период претерпела существенные потери, которые составили 18 %, существенно уменьшились доходы населения — на 17 %. По данным Росстата, оборот экономики снизился до 4 трлн рублей, ВВП в 2020 году, по всей видимости, снизится в рамках 3,5–4 % [1]. Глобальная пандемия коронавируса, повлекшая вышеуказанные экономические последствия, не смогла не повлиять и на криминогенную обстановку в государстве.

Период пандемии 2020 года свидетельствует о сохранении тенденции сокращения числа преступлений, характеризующихся высокой степенью общественной опасности. По данным МВД и Генпрокуратуры РФ, в частности, отмечается снижение количества преступлений против личности на 6,6 %, в их числе умышленных причинений тяжкого вреда здоровью — на 4,9 %. Снизился уровень корыстно-насильственной преступности: так, например, количество разбоев уменьшилось на 19 %, грабежей — на 13,8 %. Постоянное нахождение населения в условиях самоизоляции в пределах своих квартир уменьшило уровень квартирных краж — на 21,3 %, краж — на 2,6 % [2].

Самоизоляция явилась фактором, повлиявшим на снижение уровня преступлений, совершенных с использованием оружия. Так, по сравнению с январем–августом 2019 года их стало меньше на 7,6 % [2].

Это же обстоятельство привело к более безопасной обстановке на объектах общественного транспорта, где количество зарегистрированных преступлений снизилось на 11,4 %, в т. ч. по тяжким и особо тяжким составам — на 10,6 %.

Запрет, связанный с пребыванием людей в общественных местах, закрытие многочисленных заведений общественного питания, культурно-развлекательных и спортивно-оздоровительных центров послужил сокращению числа преступлений — на 10,6 % меньше предыдущего года [2].

Самоизоляция положительно отразилась на уровне преступности, совершаемой на улицах, площадях, в парках и скверах, где зарегистрировано на 10,4 % преступлений меньше, чем год назад.

Если говорить о миграционной преступности, то и здесь прослеживается тенденция снижения ее уровня. По сравнению с прошлым годом на 3,2 % уменьшилось число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а в отношении них — на 6 %. Это связано с уменьшением притока иностранцев, отъездом мигрантов по причине отсутствия работы, слабой социальной защиты и приостановки деятельности сферы бытовых услуг, которая традиционно входит в круг интересов мигрантов.

По данным МВД и Генпрокуратуры РФ, зафиксировано сокращение количества семейно-бытовых преступлений на 2,7 %, в т. ч. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 7,3 %, средней тяжести — на 5,2 %, легкого вреда здоровью — на 0,8 % [2].

Но данные официальной статистики расходятся с данными, озвученными в начале мая 2020 года Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, которые свидетельствуют о возросшем более чем в 2 раза (с 6 054 в марте до 13 000 в апреле) количестве зарегистрированных случаев домашнего насилия. Отмечается, что на «горячую линию» Уполномоченного по правам человека поступали звонки о насилии в отношении женщин, но при этом их небольшое количество можно объяснить страхом жертв пользоваться гаджетами, поскольку это может быть небезопасно для них [3].

Общеизвестно утверждение, что домашнее насилие является высоколатентным. Кроме этого, факты внутрисемейного домашнего насилия не поддаются реальному подсчету, назвать реальные цифры нельзя, а в условиях чрезвычайных ситуаций любого характера, включая эпидемии, эти показатели насилия в отношении женщин, как правило, возрастают. Поэтому представленные официальные данные правоохранительных органов и общественных организаций несопоставимы и только подтверждают устоявшуюся в криминологии точку зрения о высоком уровне латентности семейного насилия.

Многие исследователи утверждают, что в условиях стресса, в условиях социальной изоляции, ограниченности механизмов защиты может повышаться риск применения насилия в отношении женщин. Возможность насилия в семьях, которые изначально отличаются конфликтной обстановкой, становится крайне высока. Это объясняется тем, что члены семьи проводят время вместе в ограниченном пространстве, в тесном контакте друг с другом. Отягчается эта обстановка переживаниями в ожидании финансовых убытков, вероятности потери работы, множественными дополнительными обязанностями по дому. Все эти факторы становятся стрессообразующими и, как следствие, влекущими насилие [3].

Дистанционное обучение школьников, как показала практика, усугубило эту нагрузку и породило дополнительный стресс, поскольку ни учителя (в ряде случаев), ни родители оказались не готовы к такому обучению. Длительная самоизоляция повлекла нарушение устоявшейся экономической деятельности и сужение возможностей для получения средств к существованию, ограничило удовлетворение базовых потребностей и доступность услуг, создало в семье напряженную обстановку, часто провоцирующую насилие. И по мере усугубления данной ситуации не только женщины, но и дети подвергаются риску бытовой агрессии, вызванной уже и экономическими мотивами.

Карантинную самоизоляцию характеризуют как ситуацию неопределенности и давящей неизвестности, непонимания текущих событий и неясности перспектив, что, в определенной мере, провоцирует насилие. Мужчины тоже попадают в группу риска, поскольку они испытывают состояние деморализации от потери работы. Потеря статуса кормильца, сопровождающаяся финансовым кризисом, ограничение межличностных контактов, закрывающее возможность компенсации негативных переживаний, может приводить мужчину к эмоциональному и психологическому давлению, а в некоторых случаях и к агрессии со стороны семейного окружения. В сознании определенной

части представителей сильного пола такая ситуация может восприниматься как тупиковая и являться толчком к суициду. В такой атмосфере можно говорить о возрастании суицидальных настроений в некоторых слоях общества.

Кроме этого, усугубили обстановку провокация злоупотребления алкоголем в условиях изоляции, внешнее состояние неопределенности и разнонаправленности информации и будоражащих слухов. По подсчетам аналитиков, в период самоизоляции россияне за апрель приобрели алкоголя на 5,16 % больше, чем за аналогичный период годом ранее [3].

Острой проблемой в рассматриваемый период является рост IT-преступлений. Их количество возросло на 76,7 %, в т. ч. с использованием сети Интернет — на 90,2 %, с использованием средств мобильной связи — на 100,5 %. Режим самоизоляции вынудил миллионы граждан сидеть дома и стал для интернет-магазинов возможностью увеличить продажи. По данным аналитиков, число новых интернет-магазинов возросло почти в два раза (более 99,2 %) [1]. Активизировались телефонные мошенники, возросло количество сайтов-клонов популярных интернет-магазинов, что неизбежно привело к увеличению данного вида преступности.

Анализируя данные по Новосибирской области, можно отметить, что за рассматриваемый период произошел темп прироста зарегистрированных правонарушений в сфере компьютерной информации сразу на 157,2 % [2]. Но и по остальным показателям область характеризовалась как криминогенный регион, что, возможно, объяснялось слабым соблюдением, а вернее, даже открытым игнорированием мер предосторожности и профилактики со стороны большей части населения области.

Таким образом, криминогенная ситуация в Российской Федерации имеет ряд положительных и отрицательных тенденций. На фоне глобальной пандемии коронавируса наблюдается уменьшение преступности в общественных местах и на общественном транспорте, преступлений против собственности. Но при этом прослеживается существенный рост IT-преступлений, которые очень изощренны и сложны для расследования.

Период карантинной самоизоляции 2020 года войдет в историю России как самый неожиданный, глобальный, опасный кризис, из которого наша страна, по самым оптимистичным прогнозам, будет выходить еще долго. Негативный эффект, вызванный мировой пандемией, вынужденным карантинном и вынужденной самоизоляцией, имеет долгосрочный характер, и Россия еще долго будет восстанавливаться после удара. Сейчас еще неясно, как негативно скажется пандемия по последствиям в долгосрочной перспективе как для экономического и социального развития, так и для психологического состояния общества.

Список литературы

1. Как коронавирус повлиял на экономику России // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/business/12/07/2020/5f0850989a794790e959424d> (дата обращения: 01.10.2020).

2. Правовой портал Генеральной прокуратуры РФ. — URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.10.2020).
3. Как пандемия способствовала росту домашнего насилия // Российская газета. — URL: <http://rg.ru/2020/06/02/v-period-samoizolitsii-rossiiane-uvelichili-potreblenie-alkogolia.html> (дата обращения: 01.10.2020).

УДК 343.1

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В. О. Сацура, обучающийся

*Научный руководитель А. П. Гасанов, ст. преподаватель
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь*

Статья посвящается изучению правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве. Автор высказывает предложения по усовершенствованию дефиниции «досудебное соглашение о сотрудничестве», а также раскрывает сущность данного явления в белорусском уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, подозреваемый (обвиняемый), соглашение, сделка.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве является довольно новым уголовно-процессуальным институтом, появившимся с принятием Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241 и предназначенным для того, чтобы повысить эффективность борьбы с преступностью, обеспечить полное и оперативное расследование преступлений, расширить возможности по возмещению причиненного преступлением вреда [1]. Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство, можно сказать, что на современном этапе правовое регулирование института досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в более детальном теоретическом осмыслении, поскольку существуют отдельные вопросы, которые могут вызвать затруднения в правоприменительной практике.

Так, до настоящего времени не сформулирован понятийный аппарат, не определен механизм заключения досудебного соглашения, который учитывает обоюдные права и обязанности сторон, не обозначена правовая природа данного соглашения, а также иные вопросы, подлежащие исследованию [2].

На основе различных научных доктрин можно сделать вывод, что институт досудебного соглашения рассматривается в нескольких аспектах. На основе изучения признаков, относящихся к правовому институту, ряд авторов относят досудебное соглашение о сотрудничестве к уголовно-процессуальному институту.

Так, М. Е. Кубрикова определяет его как процессуальный институт, который заключается между подозреваемым (обвиняемым), с одной стороны, и прокурором — с другой стороны, согласно которому подозреваемый (обвиняемый)

должен совершить определенные действия в целях содействия следствию в расследовании и раскрытии преступлений, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем [3].

В свою очередь О. А. Тертышная рассматривает досудебное соглашение о сотрудничестве как *уголовно-процессуальный документ*, который составляется в письменной форме в виде отдельного документа и подписывается прокурором и подозреваемым (обвиняемым), так и *правоотношение*, поскольку характерной чертой процессуальных документов является то, что они отражают содержание уголовно-процессуальной деятельности и влекут возникновение тех или иных уголовно-процессуальных правоотношений [4].

На основе вышеизложенных подходов отдельных авторов досудебное соглашение о сотрудничестве предлагается рассматривать:

— как уголовно-процессуальный институт, который представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, определяющий круг его субъектов, их права и обязанности и порядок заключения данного соглашения;

— как процессуальный документ, составленный в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, на основе которого возникают взаимоотношения между субъектами, его заключившими.

В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) досудебное соглашение о сотрудничестве рассматривается как соглашение, которое заключается в письменном виде между прокурором и подозреваемым (обвиняемым), в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств. Анализ легальной дефиниции досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет сделать вывод, что законодатель рассматривает данный институт с точки зрения процессуального документа [4].

Определение, закрепленное в УПК Республики Беларусь, не раскрывает в полной мере все возможные правоотношения, которые могут возникнуть при заключении досудебного соглашения, а также не учитывает права и законные интересы подозреваемого (обвиняемого). Поэтому необходимо более углубленно исследовать вопросы, касающиеся сущности досудебного соглашения [5].

Понятие «соглашение» носит правовой характер и используется не только в уголовно-процессуальном, но и в гражданском, трудовом, семейном законодательстве. В словаре С. В. Ожегова понятие «соглашение» рассматривается как:

- 1) взаимное согласие, договоренность;
- 2) договор, устанавливающий какие-либо условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон [6].

Большой толковый словарь С. А. Кузнецова трактует понятие «соглашение» как «документ, устанавливающий взаимные обязательства сторон» [7].

Такие понятия, как «соглашение» и «делка», вытекают и непосредственно из гражданского права. В ст. 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь

(далее — ГК Республики Беларусь) сказано, что сделки — это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделка обладает рядом признаков, позволяющих отличить ее от других юридических фактов. В первую очередь, сделка — это волевой акт, поэтому направленность действий участников выражает их намерение совершить какие-либо юридически значимые действия, которые влекут правомерные последствия. Каждый участник изъявляет желание достичь какого-либо результата, что обуславливает внешнее выражение волеизъявления сторон в виде законодательно закрепленного требования к сделке.

Сделки могут совершаться как в устной, так и в письменной форме согласно п.1 ст. 159 ГК Республики Беларусь. В зависимости от направленности волеизъявления сторон сделки могут выступать в виде договоров, а также односторонних сделок. Договоры же, в свою очередь, бывают двусторонними и многосторонними. Стоит отметить, что двусторонний договор также именуется соглашением [8].

Можно сделать вывод, что понятия «сделка» и «соглашение» в целом являются синонимичными. Ключевым моментом при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является волеизъявление сторон. Поэтому заключение данного соглашения зависит от волеизъявления, с одной стороны, от подозреваемого (обвиняемого) и защитника, с другой — от прокурора.

Для понятия сущности «досудебного соглашения о сотрудничестве» стоит обратить внимание на то, что рассматриваемая правовая процедура — это именно соглашение между прокурором и подозреваемым (обвиняемым), что говорит о ее двустороннем характере. А. В. Пинок придерживается мнения, что досудебное соглашение о сотрудничестве — это двусторонний акт [9].

Противоположное мнение имеет Ю. Я. Лошкобанова, которая утверждает, что «досудебное соглашение о сотрудничестве является односторонней сделкой, где обязательства подозреваемого (обвиняемого) носят добровольный характер, а обязательства прокурора возникают в случаях, специально предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством» [10].

Проанализировав легальное определение «досудебного соглашения о сотрудничестве» можно сделать вывод, что оно носит односторонний характер, поскольку в нем отсутствует указание на обязанности со стороны прокурора. Возникновение обязательств для прокурора связано с выполнением условий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, а именно: проверить, выполнены ли обязательства подозреваемого (обвиняемого), предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве. При выполнении обвиняемым всех условий прокурор вправе просить суд применить ст. 69-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Именно данные обстоятельства указывают на односторонний характер досудебного соглашения о сотрудничестве и поэтому противоречат самой сути любого соглашения, о чем говорилось выше [2].

Однако, на наш взгляд, досудебное соглашение о сотрудничестве стоит рассматривать как двусторонний акт, который порождает взаимные права и обязанности между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором.

Таким образом, рассмотрев подходы различных авторов, можно сформулировать свою дефиницию правового явления досудебного соглашения о сотрудничестве. Досудебное соглашение — это процессуальный документ, который порождает взаимные права и обязанности между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию, после надлежащего выполнения которых прокурор вносит предложение суду о применении положений ст. 69-1 УК.

Список литературы

1. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году: решение Конституционного суда Респ. Беларусь от 20 янв. 2015 г. № Р-975/2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Скворчевская В. А. Теоретические аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве (по состоянию на 26.12.2018 г.) / В. А. Скворчевская // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
3. Кубрикова М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. Е. Кубрикова; Юж.-Ур. гос. ун-т. — Челябинск, 2013. — 18 с.
4. Тертышная О. В. Уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. В. Тертышная. — Воронеж, 2014. — 24 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. на 17.07.2020 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — Москва: Оникс: Мир и образование, 2007. — 896 с.
7. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: НОРИНТ. — 1536 с.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
9. Пиюк А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса / А. В. Пиюк. — Томск, 2011. — 205 с.
10. Лошкобанова Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Я. В. Лошкобанова. — Краснодар, 2015. — 228 с.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Н. В. Сидорова, канд. юрид. наук, доцент

К. Х. Сатбаева, канд. юрид. наук, доцент

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (КЭУК)
г. Караганда, Республика Казахстан

В статье авторы исследовали сущность и особенности общепризнанных принципов международного права, провели анализ отечественной уголовной политики и особенностей ее развития в соответствии с принципами международного права.

Ключевые слова: принципы международного права, уголовная политика, правовая политика, принципы права, международное право, национальное право, конституция.

Формирование и развитие правовой системы, совершенствование отраслей права неразрывно связаны с правовой политикой государства, в рамках которой формируются принципы, стратегия и основные направления достижения социально значимых целей. Согласно Конституции Республики Казахстан, наше государство утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы [1]. Следовательно, правовая политика нашей страны направлена на осуществление обозначенных в Конституции приоритетов, реализация которых возможна посредством воплощения общепризнанных принципов и норм международного права в правовой политике Казахстана.

Конституционные императивы, определяющие роль и значение общепризнанных норм и принципов международного права, закреплены в статьях 4 и 8 Конституции Республики Казахстан. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V также предусматривает приоритетность общепризнанных норм и принципов международного права. В частности, в ст. 1 Кодекса говорится, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Республики Казахстан и общепризнанных принципах и нормах международного права» [2]. Таким образом, в основу современной уголовной политики Республики Казахстан положены достижения международного права, исходящие из признания человеческой личности, ее прав и свобод высшими ценностями государства. Эта идея пронизывает всю содержательную часть уголовного законодательства, составляет основу его идеологии, проходит красной нитью через нормы и институты Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Республики Казахстан [3, с. 234].

Термин «принцип» происходит от латинского *principium* — «начало, основа». В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля «принцип» определяется как научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают [4]. В словаре русского языка С. И. Ожегова «принцип» определен как основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки и т. п. [5, с. 515].

Определение общепризнанного принципа международного права содержится в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Императивный принцип (*jus cogens*) в конвенции определяется как императивная норма общего международного права и является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер [6].

От обычных международно-правовых норм принципы международного права отличаются императивностью, высшей юридической силой, универсальностью, общепризнанностью, обратной силой. Императивность принципов международного права находит свое отражение в ст. 2 Устава ООН, согласно которой в соответствии с принципами ООН должны действовать не только государства-участники ООН, но и государства, которые не являются ее членами [7].

Высшая юридическая сила принципов международного права, согласно Уставу ООН (ст. 103), означает, что в том случае, когда обязательства членов организации окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущества имеют обязательства по Уставу ООН. В ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров говорится, что «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречил императивной норме общего международного права» [6].

Универсальность принципов международного права определяется тем, что любой принцип в равной мере может проявляться в различных сферах международных отношений и относиться исключительно к общепризнанным основным принципам. Что же касается свойств отраслевых принципов международного права, то свойство универсальности к данной категории принципов в силу юридических особенностей их действия применено быть не может.

Общепризнанность принципов международного права означает их признание в качестве императивных норм всеми акторами международных отношений.

Важнейшей особенностью принципов международного права, определяющей их действие во времени, является то, что они имеют обратную силу. Так, согласно ст. 64 Венской конвенции о праве международных договоров, если возникает новая императивная норма общего международного права, то любой существующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, становится недействительным и прекращается [6].

Таким образом, при отсутствии прямого регулирования межгосударственных отношений правовой основой таковых могут быть общепризнанные принципы международного права. Именно эти особенности принципов и норм международного права учтены в нашей правовой системе, признающей общепризнанные принципы и нормы международного права частью действующего права (ст. 4 и 8 Конституции РК) [1].

Императивные нормы не кодифицированы, но императивный характер носят все основные принципы современного международного права, являющиеся главным критерием правомерности всех международно-правовых норм. Сложилось общее понимание того, что нормами *jus cogens* являются принципы Устава ООН, содержание которых отражено в Декларации о принципах

международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 года. Следует, однако, отметить, что нет какого-либо международно-правового акта, который перечислял бы императивные нормы, имеющие характер *jus cogens*.

Общепризнанные принципы международного права являются ориентиром для развития правовой политики Республики Казахстан и, несомненно, играют важное значение в уголовной политике государства. Обусловлено это тем, что общепризнанные принципы международного права являются стабильными, носят межгосударственный характер и не подвержены воздействию политической и социальной конъюнктуры, складывающихся в стране, не зависят от идеологических и криминологических факторов.

В то же время признанная в обществе идея справедливости проецируется на правовую систему и правовую политику государства посредством признаваемых принципов, которые являются своеобразным индикатором на соответствие общепризнанным международным ценностям. Изменения в социально-экономической и политической сферах общества влияют на идеологию общества и на правовую политику государства, следовательно, и на принципы, которые также должны претерпеть изменения.

Реформирование правовой системы Республики Казахстан происходило в неразрывной связи с введением в ее правовое пространство общепризнанных принципов и норм международного права.

Важнейшим общепризнанным принципом международного права является принцип «уважения прав и свобод человека». В качестве императивной нормы этот принцип впервые был закреплен в преамбуле Устава ООН 1945 года, а также обозначен как цель деятельности Организации Объединенных Наций. Вместе с тем как принцип деятельности ООН данная императивная норма не была названа. Позже в Заключительном акте СБСЕ 1975 года принцип «уважения прав и свобод человека» определен как принцип международного права.

Принцип «уважения прав и свобод человека» является императивной нормой международного права, которая трансформирована в уголовную политику Республики Казахстан через следующие правовые положения, закрепленные в Конституции РК, а также в отраслевом законодательстве:

- абсолютность и неотчуждаемость прав и свобод человека, их обусловленность достоинством человеческой личности;
- гарантированность прав и свобод человека в соответствии с Конституцией, без какой-либо дискриминации, покровительство гражданам Республики Казахстан и их защита за границей;
- запрет незаконного ограничения прав и свобод человека, возможность ограничения прав и свобод человека только законом и только в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека и нравственности населения;
- определение перечня прав и свобод человека, ограничение которых не допускается ни в какой форме;
- права и свободы человека определяют содержание законов и их применение, а также иных нормативных правовых актов;

— равноправие всех перед законом и судом [8, с. 55].

Одним из аспектов влияния принципа «уважения прав и свобод человека» на уголовную политику Республики Казахстан является ее гуманизация. Сформулированный в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека 1948 года принцип гуманизма устанавливает, что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращением и наказанием [9]. О том, что применение уголовного права должно быть основано на началах гуманизма, писали ещё теоретики права эпохи Нового времени: Чезаре Беккариа, Шарль Луи Монтескьё и др.

Гуманизация уголовной политики Республики Казахстан проявляется через реформирование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан.

Можно констатировать, что реализация принципа гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан отвечает международным стандартам обращения с осужденными. Данное обстоятельство является важным фактором формирования уголовно-исполнительной политики Казахстана. Дальнейшая гуманизация уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан должна быть направлена на ресоциализацию лиц, отбывших наказание, а также на дальнейшую имплементацию норм международного права, направленных на формирование организационных и правовых основ службы пробации в Республике Казахстан (ранее авторы исследовали особенности становления института пробации в Республике Казахстан) [10, с. 46].

Таким образом, влияние общепризнанных принципов международного права на уголовную политику Республики Казахстан проявляется:

— в трансформации общепризнанных принципов международного права в основополагающие принципы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права;

— в правотворческой деятельности, выражающейся в имплементации международных договоров Республики Казахстан в отраслевое законодательство;

— в правоприменительной практике, не исключающей непосредственного применения норм и принципов международного права, в т. ч. и в случае противоречия законодательства Республики Казахстан ратифицированным международным договорам;

— в гуманизации уголовной политики Республики Казахстан как механизма реализации общепризнанного принципа «уважения прав и свобод человека».

Список литературы

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (ред. 23.03.2019). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 27.10.2020).
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (ред. 06. 10. 2020). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=1039;22 (дата обращения: 27.10.2020).

3. Борчашвили И. Ш. Гуманизация уголовной политики в Республике Казахстан: избранные труды / И. Ш. Борчашвили. — Т. 1. — Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова. — Караганда, 2009. — 294 с.
4. Толковый словарь В. Даля. — URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=33183> (дата обращения: 27.10.2020).
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — Москва: Рус. яз., 1987. — 797 с.
6. Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.10.2020).
7. Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 27.10.2020).
8. Сидорова Н. В. Международные стандарты прав человека и уголовная политика Республики Казахстан / Н. В. Сидорова, С. Д. Симбинова // Теоретико-правовые и правоприменительные вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан в условиях четвертой промышленной революции: материалы международной научно-практической on-line конференции, Караганда, 10–12 апреля 2018 года. — Караганда: Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, 2018. — 269 с.
9. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 27.10.2020).
10. Сидорова Н. В. Становление института пробации в Республике Казахстан / Н. В. Сидорова, К. Х. Сатбаева // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2019. — № 1 (32). — С. 46–51.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СРОКА ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

К. Н. Смирнова, канд. юрид. наук
Октябрьский районный суд,
г. Омск, Россия;

И. С. Смирнова, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический университет (СибЮУ),
г. Омск, Россия

Статья посвящена проблеме нормативной регламентации исчисления и продления срока предварительной проверки сообщений о преступлениях, которая, по мнению авторов, нуждается в более строгой формулировке. На основе анализа действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства и судебно-следственной практики авторы приходят к выводу о необходимости коррекции положений ч. 3 ст. 144 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадия возбуждения уголовного дела, срок следственной проверки.

По любому сообщению о преступлении, по общему правилу, решение должно быть принято не позднее трех суток со дня его поступления (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) [1]. Поскольку УПК РФ в основном приспособлен для производства по однопредметному уголовному делу (имеющему элементарное строение «одно преступление — один обвиняемый — один потерпевший») [3, с. 106, 123, 156], постольку, представляется, такие временные нормативы установлены законодателем для доследственной проверки сообщения именно об одном факте преступления, совершенного одним лицом в отношении одного пострадавшего (либо вообще без него, если вред преступлением причинен обществу или государству).

Сроки производства предварительной проверки в целях установления наличия (отсутствия) основания для возбуждения дела могут быть объективно увеличены в связи с возрастанием объема деятельности. В данной связи законодатель предусмотрел варианты продления этого срока (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Тем не менее, редакция текста ч. 3 ст. 144 УПК РФ представляется нестрогой, в результате чего возникают проблемы в правоприменительной практике.

Наделяя руководителя следственного органа (соответственно, начальника органа дознания) полномочием продлевать срок доследственной проверки до 10 суток, законодатель обходит молчанием вопросы: каковы основания и процессуальная форма такого продления? каков в этом случае окончательный срок рассматриваемого этапа уголовно-процессуальной деятельности?

Полагаем, что основанием продления срока стадии возбуждения уголовного дела могут служить обстоятельства, перечисленные во втором предложении ч. 3 ст. 144 УПК РФ (указывающие на необходимость осуществления документальных проверок или ревизий, судебных экспертиз или различных исследований, оперативно-разыскной деятельности), — как каждое из них в отдельности, так и в любом сочетании. Однако, поскольку законодатель не привел перечень таковых оснований, постольку данный перечень не может быть ограниченным, и в него возможно включить, например, такие обстоятельства, как необходимость: получения объяснений от пока отсутствующего или тяжело болеющего пострадавшего (заявителя, очевидца), образцов для сравнительного исследования, заключения уже назначенной судебной экспертизы, исполненного поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, установления минимально необходимой для правильной квалификации деяния суммы материального вреда, проч.

Процессуальная форма акта продления срока предварительной проверки установлена не законодателем, а следственно-судебной практикой — постановлением о возбуждении ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении. Такое постановление в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ должно обладать свойствами законности, обоснованности и мотивированности. В постановлении обязательно указание на конкретные обстоятельства, обосновывающие решение о продлении срока.

Что касается границы срока, по истечении которого должно быть принято итоговое решение первой процессуальной стадии, представляется, что он не должен превышать 10 суток с момента поступления и регистрации сообщения

о преступлении (сложение 3 и 10 суток недопустимо). При этом считаем целесообразным скорректировать формулировку ч. 3 ст. 144 УПК РФ «...продлить до 10 суток срок, установленный частью первой настоящей статьи», из которой не усматривается однозначный вывод об ограничении срока проверки 10 сутками. Более четким представляется указание, что соответствующие должностные лица вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении на 7 суток (тогда станет возможным сложение сроков: $3 + 7 = 10$).

Согласно ч. 1 ст. 225 Модельного УПК государств-участников СНГ [2, с. 279], срок рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений устанавливался жестко — «не позднее 7 суток с момента их поступления». Далее следовало правило (опять же строгое) о порядке исчисления этого срока «с момента получения сведений о преступлении и до момента» принятия итогового решения стадии. При этом никакое продление данного срока не предусматривалось. Возможно, аналогичная новелла не помешала бы и отечественному законодательству — для современного российского уголовного судопроизводства требование быстроты процесса представляется актуальным.

Также проблема видится и в положениях относительно продления срока доследственной проверки до 30 суток: возможно ли продление срока непоступательно — сначала до 10, а только потом до 30 суток, — а сразу до тридцати суток: следователь (дознаватель) предвидит перспективу продолжительности своей деятельности, начиная проверку сообщения о преступлении, совершенном группой лиц или в отношении многих потерпевших, когда практически с первых моментов становится ясно, что за трое и даже за десять суток невозможно установить наличие (отсутствие) признаков преступления.

Как показывает изучение материалов уголовных дел и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, правоприменители предпочитают «ступенчатость» продления сроков доследственной проверки: к окончанию 3-суточного срока возбуждают ходатайства о продлении до 10 суток, потом к окончанию этого срока спрашивают продление срока до 30 суток. Полагаем такую процедуру трудо-, ресурс- и времязатратной, поскольку постепенность в решении данного вопроса не вытекает из требований закона.

Повторим, законодатель не называет основания для продления срока доследственной проверки до 10 суток. Поэтому второе предложение ч. 3 ст. 144 УПК РФ возможно и необходимо воспринимать и толковать как правило, позволяющее увеличить срок проверки сообщения о преступлении сразу до 30 суток (минуя 10-суточный этап) в случае возникновения обстоятельств, перечисленных в этом предложении. Например, если назначена и проводится судебная экспертиза, а для ее окончания и получения заключения эксперта требуется время, то, полагаем, законодатель предоставляет право продлить срок до максимума. Если же такие обстоятельства не возникли на этапе до 3 суток от момента поступления сообщения о преступлении, то следует возбудить ходатайство о продлении срока до 10 суток. Иными словами, обстоятельства, приведенные во втором предложении ч. 3 ст. 144 УПК РФ, надлежит воспринимать как исключительные.

Согласно положениям ч. 2 ст. 128 УПК РФ, срок доследственной проверки, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Иными словами, момент окончания этого срока законодательно установлен, чего не скажешь о моменте начала его исчисления. Это обстоятельство способствует разночтению в правоприменительной практике. Встречаются примеры, когда властные участники процесса распространяют правило исчисления сроков месяцами, предусмотренное ч. 1 ст. 128 УПК РФ («не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока»), на исчисление срока доследственной проверки. Полагаем, это вольное толкование закона, т. к. такое правило не установлено для «суточных» сроков. Поэтому, если, к примеру, сообщение о преступлении поступило в 21 час 20 октября, оно зарегистрировано в соответствующем порядке, то какое время следует принимать за окончание 3-суточного срока его проверки:

- первый вариант — необходимо учесть 20 октября как первые сутки, тогда окончание срока приходится на 24 часа 22 октября;
- второй вариант — необходимо считать полные сутки (первые закончатся в 21 час 21 октября), тогда окончание срока приходится на 21 час 23 октября, с учетом дозволения закона (ч. 2 ст. 128 УПК РФ) срок истечет в 24 часа последних суток, т. е. в 24 часа 23 октября.

Разумно при исчислении срока доследственной проверки учитывать ту часть суток, которая следует за юридическим фактом, влекущим течение срока (факт поступления и регистрации сообщения о преступлении). Полагаем, что при исчислении срока стадии возбуждения уголовного дела необходимо учитывать законные интересы вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц: если в рамки срока проверки будут учтены дополнительные часы (как во втором варианте разрешения ситуации в смоделированном нами примере), то это только будет благоприятствовать защите интересов указанных лиц.

Опять обратимся к тексту Модельного УПК государств-участников СНГ [2, с. 275–276], где однозначно (значит, понятно для правоприменителей) закреплено, что «при исчислении сроков не принимается в расчет тот час и те сутки, которыми начинается течение срока» (ч. 2 ст. 217), а при исчислении срока сутками он начинается «после 12 часов ночи первых суток и истекает в 12 часов ночи последних суток срока» (ч. 3 ст. 217). Полагаем, что в аналогичных новеллах нуждается УПК РФ.

Осуществление процессуальных действий и принятие процессуальных решений вне уголовно-процессуальных сроков недопустимо. Стадия проверки сообщений о преступлениях заканчивается вынесением постановления о возбуждении уголовного дела, которое означает начало срока предварительного расследования. Иными словами, уголовно-процессуальная деятельность, начавшаяся с момента поступления сообщения о преступлении (повода для возбуждения дела), не прерывается, не приостанавливается, а плавно (без перерыва) должна переходить в стадию предварительного расследования.

Таким образом, норма ч. 3 ст. 144 УПК РФ нуждается в изменении относительно порядка исчисления и продления сроков доследственной проверки.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Российская газета. — 2001. — 22 дек. — 2020. — 29 окт.
2. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс государств-участников СНГ (рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств): принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996 № 7–6 // Международные правовые акты государств-участников СНГ в области борьбы с преступностью: сб. документов / сост. Н. Б. Слюсарь; под общ. ред. В. В. Черникова. — Москва: ООО «Интел универсал», 1999. — С. 119–424.
3. Смирнова И. С. Производство по сложному уголовному делу на досудебных стадиях: монография / Под ред. д-ра юрид. наук А. М. Баранова. — Москва: Юрлитинформ, 2015. — 224 с.

УДК 343.163

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ОРГАНОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ

М. С. Сущенко, магистрант

Научный руководитель И. Н. Мосечкин, канд. юрид. наук, доцент

Вятский государственный университет (ВятГУ)

г. Киров, Россия

В данной работе рассматривается проблема ограниченности компетенций прокурора в сфере надзора за уголовно-процессуальной деятельностью следователей органов Следственного комитета РФ. Автором анализируется правоприменительная практика, а также теоретические исследования в данной области. Делается вывод о необходимости решения вопроса о передаче прокуратуре ряда процессуальных полномочий, необходимых для более эффективного осуществления прокурорами их надзорной деятельности.

Ключевые слова: Следственный комитет, прокуратура, прокурорский надзор, предварительное следствие, надзор на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Одной из задач, стоящих перед органами прокуратуры на современном этапе, является защита личности от необоснованного обвинения и уголовного преследования. Как орган профессионального надзора прокуратура является важным звеном в цепи гарантий обеспечения прав личности и её защиты, а также общества и государства от преступлений, что находит своё отражение и уточнение в статьях Уголовно-процессуального кодекса. Проводимая же с 2007 года и по настоящий момент политика уменьшения роли прокурора в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного следствия весьма негативно сказывается на качестве расследования преступлений, а значит, и на возможности прокурора правовыми средствами повлиять на обеспечение гарантий защиты

прав личности. Такое положение дел порождает множество проблемных аспектов в данной сфере деятельности органов прокуратуры.

Общезвестно, что до 2007 года прокуратура обладала полномочиями в сфере уголовного судопроизводства гораздо более широкими, нежели на современном этапе. Так, в результате проведения реформы 2007 г., направленной на разграничение институтов следствия и прокурорского надзора, из прокуратуры был выделен Следственный комитет, призванный обеспечить профессиональную работу следователей. Такой шаг законодателя был во многом обусловлен желанием увеличения самостоятельности следственных органов, а также обеспечения процессуальной самостоятельности сотрудников создаваемого органа [4]. Однако обозначившаяся с тех времен правоприменительная практика позволяет сделать вывод о том, что лишение прокуратуры широких полномочий в сфере уголовного судопроизводства в настоящее время лишь негативно отражается на правоприменительной практике.

В современной действительности часто в ситуации, когда следователи Следственного комитета, находя в деянии лица состав преступления, возбуждают уголовное дело, проводят следственные действия и составляют обвинительное заключение, прокурор прекращает либо возвращает дело следователю. Таким образом, итоги продолжительной работы следователя как бы сводятся к нулю. Нередко уголовные дела, на деле не имеющие какой-либо обвинительной перспективы, рассматриваются и прекращаются в суде, иногда прекращаются уже на стадии апелляционного производства, что порождает волокиту при производстве по делу — начиная со стадии расследования и заканчивая вынесением судебного решения о прекращении уголовного дела.

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ, за первое полугодие 2020 года в суд общей юрисдикции поступило 391 226 уголовных дел, из которых 82 581 дело прекращены, из них в отношении 611 лиц уголовное дело прекращено по реабилитирующим основаниям. Помимо того, в рамках ст. 237 УПК прокурору было возвращено 5886 дел [5]. Данная статистика подчеркивает важность обращения внимания законодателя на проблему низкой эффективности надзора за профессиональностью деятельности следователей всех уровней со стороны прокуратуры. Наделение прокуроров необходимыми полномочиями, на наш взгляд, способствовало бы повышению качества предварительного следствия и уменьшению количества ситуаций передачи уголовных дел без составов преступления в суды.

На указанную проблему обращает свое внимание и Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов. В своем докладе о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2019 год им констатировано, что «число выявленных нарушений в работе органов предварительного расследования по сей день остается значительным (1,5 млн). Помимо того, в условиях увеличения на 1,6 % общего числа зарегистрированных преступлений (2 млн) возросло число деяний тяжкой и особо тяжкой категорий. Почти на 70 % зафиксирован рост преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, которых за год учтено почти 300 тыс., а это 15 % всего массива преступности

в стране. Серьезные проблемы наличествуют и в части раскрываемости. В целом в прошедшем году нераскрытыми остались 915 тыс. преступлений» [2].

Как справедливо отмечено рядом авторов, для повышения качества предварительного следствия и повышения эффективности прокурорского надзора за ним следует восстановить ряд имевшихся у прокурора полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса. Например, нельзя не согласиться с выводом В. Е. Круковского о том, что на сегодняшний день назрела необходимость вернуться к вопросу о наделении прокурора правом возбуждения уголовного дела — в первую очередь, необходимо это в случаях отмены прокурором незаконных и необоснованных постановлений следователя и дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления. Автором справедливо отмечено, что данная необходимость связана, прежде всего, с тем, что ненадлежащее исполнение органов предварительного расследования обязанности по своевременному возбуждению уголовного дела нередко приводит к нарушению прав лиц, пострадавших от преступления, а также невозможности осуществления их права на защиту от преступных посягательств [3].

Практическим аспектом исследуемой проблемы является акцентированное внимание не только теоретиков, но и лиц, обладающих правом законодательной инициативы. Так, в сентябре 2018 года депутаты Государственной думы Г. А. Зюганов, Н. В. Коломейцев, И. И. Мельников, А. А. Пономарев и Ю. П. Синельщиков внесли в Государственную думу законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», суть которого сводится к необходимости расширения полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве. В настоящий момент указанный законопроект все еще находится на рассмотрении. Есть основания полагать, что в случае утверждения проекта возвращение прокурору функции возбуждения уголовного дела позволит решить вышеперечисленные процессуальные проблемы и стать реальной гарантией обеспечения прав личности в сфере уголовного судопроизводства на досудебной стадии.

Помимо предложения о возвращении прокурору права возбуждать уголовное дело, законопроект предполагает также наделение прокурора правом принятия решения об отказе в возбуждении дела при наличии повода и основания, предусмотренного ст. 140 УПК РФ, а также предусматривает право прокурора и руководителя следственного органа производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству. Авторами предусмотрена также необходимость наделения прокурора правом давать следователю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, обязательных для исполнения, не только в случаях возвращения дела следователю для проведения дополнительного расследования, но и на всей протяженности хода предварительного следствия [1].

Стоит отметить, что на сегодняшний день в большинстве государств-участников СНГ сохранена возможность прокурора возбуждать уголовное дело, а в некоторых случаях — также принимать его к собственному расследованию. В данном аспекте следует согласиться с С. Н. Смитюшенко в том, что Модельный

УПК для стран, входящих в состав СНГ, в конечном итоге поставленной перед ним цели, скорее, не достиг [6].

Подводя итог, стоит заключить, что повышение эффективности прокурорского надзора за органами предварительного следствия, на наш взгляд, невозможно без улучшения качества подготовки прокурорских кадров и создания им необходимых условий для эффективной реализации практической составляющей профессиональной деятельности. В данной связи следует согласиться с Е. А. Тихоновой в том, что на сегодняшний день особую роль необходимо уделять институту наставничества, на практике нередко нереализуемому. Справедливо отметить то, что закрепление не имеющих большого опыта сотрудников органов прокуратуры за опытными и высококвалифицированными прокурорами будет позитивно влиять на общую эффективность не только прокурорского надзора за органами предварительного следствия, но и на эффективность всей системы прокурорского надзора в целом [7].

Таким образом, вопрос о возвращении прокурору компетенций по возбуждению уголовного дела, а также производству им ряда следственных действий на сегодняшний день по-прежнему остается нерешенным. Законодателю, по нашему мнению, следует обратить пристальное внимание на предложенную депутатскую инициативу о переходе к концепции сильного надзорного ведомства взамен концепции самостоятельного следствия, на что указывают как теоретики, так и множество правоприменителей. Представляется возможным предполагать, что принятие находящегося в данный момент на рассмотрении законопроекта позволит существенно расширить возможности прокурора по обеспечению защиты прав личности в уголовно-процессуальной сфере, а также устранил некоторое количество проблемных аспектов в правоприменительной деятельности. К тому же обращение правоприменителя к такому средству подготовки профессиональных кадров органов прокуратуры, как институт наставничества, может стать еще одним средством повышения эффективности деятельности прокурора в настоящей сфере.

Список литературы

1. Законопроект № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве). — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/5506197> (дата обращения: 27.10.2020).
2. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2019 год». — URL: <http://council.gov.ru/events/news/117313/> (дата обращения: 26.10.2020).
3. Круковский В. Е. Вопросы соблюдения законности при отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник гуманитарного образования. — 2017. — № 3. — С. 91–93.

4. Острикова В. В. Анализ реформ органов прокуратуры и Следственного комитета в 2007–2011 гг. // Ростовский научный журнал [Электронный ресурс]. — URL: <http://rostjournal.ru/?p=2901>.
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 года. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 28.10.2020).
6. Смитюшенко С. Н. Уголовно-процессуальные средства обнаружения признаков преступления в стадии возбуждения уголовного дела по законодательству Российской Федерации и иных стран СНГ // Вестник Московского университета МВД России. — 2009. — № 3. — С. 220–222.
7. Тихонова Е. А. К вопросу о предупреждении профессиональной деформации прокурорских работников // E-Scio. — 2020. — № 10 (49). — С. 302–307.

УДК 343.3

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Д. М. Тимофеев, обучающийся

*Научный руководитель В. И. Крупницкая, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия*

В работе проведена сравнительная характеристика определения различных непосредственных объектов преступлений экстремистской направленности, а также предложено сформулированное и обоснованное понятие непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, преступления против государственной власти, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, непосредственный объект экстремизма.

В теории уголовного права, а также в правоприменительной практике проблема определения объекта является одной из наиболее сложных и дискуссионных. На разных этапах формирования теории уголовного права в основу понимания объекта преступления закладывались субъективные права, блага, интересы, общественные отношения в различных сферах общества, нормы права и др.

Провозглашая нормальное функционирование определенных общественных отношений для общества и государства в качестве основополагающего элемента, законодатель устанавливает объект уголовно-правовой охраны в качестве одного из элементов состава преступления, устанавливает его границы посредством описания в особенной части УК РФ. Учитывая такое положение отечественной юридической науки, объект преступления послужил классификационным, содержательным понятием особенной части Уголовного кодекса.

Именно на основе группировки различных составов преступления по объектам происходит отнесение конкретного преступления к той или иной категории и определения конкретного места уголовно-правовой нормы в особенной части УК РФ [1, 2].

Учитывая такой подход в науке отечественного уголовного права, под объектом преступления стоит понимать общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда. Однако данное понятие для понимания объекта является общим и единым для всех норм особенной части Уголовного кодекса России. И требует своего дополнения, конкретизации и разъяснения по каждому конкретному составу преступления в зависимости от посягательства на конкретный предмет преступного посягательства.

Применительно к теме исследования: родовым объектом преступлений против государственной власти, предусмотренных разделом X УК РФ — преступления против государственной власти, в науке считается система общественных отношений, обеспечивающих охрану основ конституционного строя и безопасности государства, функционирования государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также интересы нормативно-функционирования судебной власти и управленческой деятельности исполнительной власти [3].

Видовым объектом преступлений экстремистской направленности являются общественные отношения, обеспечивающие охрану основ конституционного строя и безопасности государства.

Так, на основе общей теории уголовного права родовой и видовой объект преступления определяется довольно просто и очевидно.

Однако, что касается непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности, в науке нет однозначного, единого мнения.

По мнению А. А. Турышева, все проявления экстремизма следует разделять на две группы, в зависимости от направленности умысла и действий на объект посягательства. В первом случае это будут преступления, непосредственно направленные на совершение экстремистской деятельности, — статьи 282, 282.1, 282.2. По данным составам основным непосредственным объектом считаются основы конституционного строя, направленные на обеспечение целостности и безопасности многонациональной, многорелигиозной страны. Ко второй группе относятся те преступления, где экстремизм выступает в качестве квалифицирующего признака: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111 и др.

Д. Н. Саркисов считает, что правильнее было бы в качестве непосредственного объекта считать нормальные взаимоотношения лиц и групп лиц различных полов, рас, национальностей, социальных групп, языка, происхождения, религии.

А. В. Ростокинский считает, что непосредственным объектом указанной категории являются общественная безопасность, нарушение которой отражается на деятельности государственных институтов и конституционного строя, мира и безопасности человечества. По мнению И. И. Бикеева, под непосредственным объектом экстремистских преступлений понимается психологическое состояние общества как совокупности индивидов.

Таким образом, вышеизложенные позиции для понимания непосредственного объекта обширны. Так, например, не конкретизировано, на какие именно охраняемые Конституцией России права и свободы может быть осуществлено посягательство (дискриминация). Такое обширное понимание непосредственного объекта несопоставимо с уголовно-правовой доктриной, согласно которой под непосредственным объектом преступления в общем понимается часть видового объекта, выраженная в конкретном общественном отношении, которое нарушено в результате совершенного преступления. А в представленных точках зрения происходит слияние видового и непосредственного объекта [5].

Кроме того, в качестве аргументов, которые заставляют сомневаться в правильности предложенных понятий непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности, являются:

1) само понятие «основы конституции» включает в себя широчайший спектр самых разнообразных интересов. Такая широта в большей мере охватывает всю особенную часть Уголовного кодекса РФ, что для непосредственного объекта недопустимо;

2) возникает вопрос, какие именно нормы Конституции России определяют общественные отношения, являющиеся объектом преступления, предусмотренного статьями 282.1, 282.2 УК РФ, и других преступлений данной категории;

3) в предложенных вариантах понимания непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности происходит смешение и слияние родового, видового и непосредственного объекта, что, с точки зрения науки уголовного права, не может быть допустимо.

Анализируя вышеизложенное, представляется более правильным и точным обозначать непосредственный объект преступлений экстремистской направленности понятием «социальный мир». Под «социальным миром» стоит понимать состояние общества, при котором взаимодействие составляющих его социальных групп построено на балансе интересов, состоянии постоянства в социуме, стабильность какой-либо социальной группы, социальной системы.

Таким образом, правильное понимание и формулировка непосредственного объекта в категории преступлений экстремистской направленности позволяет разграничить данные преступления со смежными составами. На основе изложенного предлагается рассмотреть вопрос о введении такого нового непосредственного объекта преступлений, как «социальный мир», куда относятся преступления, предусмотренные статьями 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, выделив их в отдельную главу 19.1 Уголовного кодекса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 14.03.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Клименко Ю. А. Организация экстремистского сообщества: объект преступления и его значение для квалификации // Актуальные проблемы российского права. — Москва, 2016. — С. 123–129.
4. Рарог А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2017. — 912 с.
5. Суханова И. С. Особенности объекта преступлений экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. — Москва, 2013. — С. 99–103.

УДК 343. 101

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Р. О. Точенова, обучающийся

*Научный руководитель А. Н. Артамонов, канд. юрид. наук, доцент
Омская академия МВД России (ОМА МВД России),
г. Омск, Россия*

В данной работе проведен анализ статуса обвиняемого при производстве дознания, его соотношение с подозреваемым, рассмотрены нормы права, регламентирующие процессуальные права и гарантии, рассмотрены подходы международной практики и теории к пониманию статуса обвиняемого.

Ключевые слова: обвиняемый, дознание, процессуальные права.

На данный момент огромное количество дел расследуется в форме дознания. Если при расследовании преступления в форме предварительного следствия процессуальная фигура обвиняемого может появиться еще задолго до направления уголовного дела в суд, то при производстве дознания дела происходит иначе.

Так, например, И. В. Сопнева считает, что при производстве дознания в большей мере реализовывается функция подозрения, т. к. обвиняемый появляется в конце производства по такому уголовному делу при составлении дознавателем обвинительного акта или обвинительного постановления [1].

Итак, что же тогда является гарантом прав данной категории лиц, в какой момент и в какой мере они могут их реализовать?

Так, согласно ст. 223.1 УПК РФ, в случае, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, копию которого вручает подозреваемому и разъясняет ему права подозреваемого, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления. Рассмотрим содержание уведомления о подозрении в совершении преступления. В ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ закреплено, что необходимо указать дату и место его составления, фамилию,

инициалы лица, составившего данное уведомление, фамилию, имя, отчество подозреваемого, дату его рождения, описание преступления с указанием места и времени его совершения, другие обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также статью УК РФ, предусматривающую ответственность за данное преступление. Таким образом, при наличии достаточных данных, которые являются основой для подозрения лица в совершении обвинения, составляется уведомление. Лицо наделяется статусом обвиняемого лишь по окончании производства дознания, совместно с составлением обвинительного постановления или акта, в исключительных случаях уголовно-процессуальный закон допускает наделение статуса обвиняемого лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в случае невозможности составить обвинительный акт не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу. В свою очередь, если рассмотреть ст. 171 УПК РФ, где указаны данные, необходимые для закрепления в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, то можно сказать, что они в полной мере схожи с теми данными, которые необходимо указывать в уведомлении о подозрении.

Так, по мнению А. А. Давлетова, выработанная практикой форма уведомления о подозрении превратила этот документ в аналог постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого со всеми атрибутами такого процессуального решения: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частями, квалификацией деяния по норме уголовного закона и т. д. Он утверждает, что по смыслу ст. 223.1 УПК РФ (уведомление о подозрении) намного лаконичнее постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, т. к. должно содержать минимальный объем сведений, достаточный лишь для информирования лица о том преступлении, в причастности к которому оно подозревается [2]. Исходя из этого, мы можем сказать, что подозрение и обвинение имеют общий характер уголовно-процессуальной деятельности, заключающийся в уголовном преследовании, — следовательно, процедуры принятия данных решений построены на единой основе. Тогда перед нами встает вопрос о реальной необходимости существования двух процессуальных статусов, рассмотренных ранее и характеризующих обвинение в широком смысле.

Так, ряд ученых выделяет проблемы, связанные со статусами «подозреваемый» и «обвиняемый». Например, Б. Гаврилов указывает на то, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого нуждается в переосмыслении, а сами правовые нормы — в существенной реконструкции. Он формулирует предположение об исключении из УПК РФ института предъявления обвинения (статьи 171–175 УПК РФ) и замены его на уведомление о подозрении в совершении преступления [3]. В свою очередь, В. В. Кальницкий отмечает, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого следует рассматривать всего лишь как уведомление о возникшем подозрении [4].

Таким образом, мы наблюдаем критику в отношении института привлечения в качестве обвиняемого, поскольку данные статусы в той или иной мере подменяют друг друга и усложняют уголовно-процессуальное производство.

Для наиболее точного уяснения предлагается рассмотреть объем прав, которыми наделен подозреваемый, и каким образом они соотносятся с обвиняемым

при производстве предварительного следствия. Так, в ст. 46 УПК РФ закреплен перечень прав, которыми наделяется подозреваемый: знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения; давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний; пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого; представлять доказательства; с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности. При этом запрещается совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом; заявлять ходатайства и отводы; давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда; а также защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Так, С. П. Бекешко и Е. А. Матвиенко, отметив положения о праве защищаться от возникшего подозрения и иметь защитника, высказались, что они в совокупности со ст. 51 Конституции РФ, установившей свидетельский иммунитет, в определенной степени позволили разрешить проблему так называемых «изобличаемых свидетелей», вызвавшую ранее острые дискуссии среди ученых и практических работников [5]. Действительно, данная норма, закрепившая в себе право на доступ защитника, гарантирует возможность защиты от уголовного преследования в отношении данного лица в самом начале изобличительной деятельности, что безусловно повышает ее профессионализм.

Если рассмотреть научные взгляды сторонников отказа от института привлечения в качестве обвиняемого, то можно сказать, что они основаны именно на том, что доступ защитника в условиях современной действительности происходит в момент появления статуса «подозреваемый» или при объективной необходимости, что, в свою очередь, свидетельствует о правовой защите данных участников еще задолго до постановки его в статус обвиняемого.

К примеру, Б. Я. Гаврилов, затрагивая исторические моменты, отмечает, что действительно ранее при УПК РСФСР допускал защитника к участию в уголовном деле только по завершении предварительного следствия, а его участия в расследовании, проводимом в форме дознания, вовсе не предусматривал. Ситуация стала меняться с принятием Указа Президиума Верховного Совета

РСФСР от 26 июня 1972 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», установившего, что защитник может быть допущен к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения, но исключительно по постановлению прокурора или же при расследовании дел в отношении отдельных категорий граждан, таких как несовершеннолетние, немые, глухие, слепые и другие лица, а также обвиняемых в совершении тех противоправных деяний, за которые уголовный закон предусматривал возможность назначения смертной казни [6].

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что подозреваемый наделяется достаточной совокупностью прав, которые в последующем могут быть использованы в целях защиты от выдвинутого обвинения в целом. Проведя аналогичный анализ ст. 47 УПК РФ, посвященной обвиняемому, мы склоняемся к тому, что перечень прав хотя и несколько шире у обвиняемого, однако во многом он схож. Стоит отметить, что у обвиняемого возникает больше прав только в той части, которая касается непосредственно судопроизводства, и, на наш взгляд, это обусловлено тем, что именно данным статусом наделяется лицо, чье уголовное дело находится на этапе перехода в судебную стадию, т. е. по окончании производства дознания.

Исходя из этого, следует определить, в каком смысле рассматривается обвиняемый при производстве дознания и какие пути развития мы выделяем.

Так, ряд международных стандартов прямо указывает на обязанность органов предварительного расследования разъяснить обвиняемому сущность предъявляемого обвинения. Например, в п. «а» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и п. «а» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 сказано, что обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомлен на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения. Данные положения свидетельствуют о необходимости беспрекословно воплощать реализацию прав и законных интересов обвиняемого при наделении его данным статусом [7].

Таким образом, мы можем предположить, что обвиняемый рассматривается в широком значении независимо от формы вынесенного официального документа, поскольку на протяжении всей стадии в отношении него осуществляется обвинительная деятельность с допускаемыми ограничениями его конституционных прав и свобод. И, в свою очередь, это указывает об объективной необходимости защищаться от обвинения при помощи наделенного комплекса прав и гарантий.

Так, в частности, Конституционный суд при решении вопроса «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» установил, что в целях реализации конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность

могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведение в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со ст. 51 ч. 1 Конституции РФ права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (ст. 50, ч. 2, Конституции РФ) [8].

Смысл данного положения заключается в том, что Конституционный суд рассматривает обвинение в широком смысле, объясняя это тем, что вся деятельность, которая в какой-либо мере задевает конституционные права и свободы лиц, уже осуществляется с обвинительным уклоном, и, следовательно, чтобы ей противостоять, у лица должны быть средства защиты. При этом Конституционный суд ссылается на решение Европейского суда по правам человека, где обвинение в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод он понимает не только как официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого [9]. Это еще раз подтверждает наш ранее вынесенный тезис о том, что обвинение — это скорее обвинительная деятельность, осуществляемая в отношении лица, к которому применяются какие-либо ограничения.

Мы рассмотрели различные подходы к пониманию обвинения и его значения при производстве дознания и пришли к выводу о том, что подозреваемый в широком смысле может именоваться как «обвиняемый». Это, в свою очередь, не будет нарушать положения Конституции РФ и международных стандартов, которые признаны гарантировать защиту гражданина.

Мы видим, что многие ученые-процессуалисты поднимают вопрос о реформировании статусов, а также об отказе от обвиняемого на досудебной стадии. Данное положение сопряжено со схожестью данных статусов, что порождает некое дублирование. Рассмотренные нами рассуждения позволяют сказать, что обвиняемый при производстве дознания является участником, который может появиться еще в начале производства дознания. В отношении данного лица осуществляется уголовное преследование, в основе которого лежит обвинительная деятельность.

Обвинение в данном случае рассматривается в широком смысле, соответственно, в связи с этим лицу необходимо обладать полным спектром прав, направленных для его защиты от выдвинутого в отношении него обвинения. Это наводит нас на мысль о необходимости унификации статуса подозреваемого и обвиняемого посредством отказа от такого участника как обвиняемый.

Список литературы

1. Е. В. Сопнева. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. — 2015. — № 7. — С. 105–113.
2. А. А. Давлетов, И. А. Федорова. Уведомление о подозрении — процессуальная форма признания лица подозреваемым в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. — 2016. — № 12. — С. 31–33.
3. Б. Я. Гаврилов. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. — 2011. — № 16.
4. В. В. Кальницкий. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Уголовное судопроизводство. — 2007. — № 3.
5. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. Подозреваемый в советском уголовном процессе. — Минск, 1969. — С. 34.
6. Б. Я. Гаврилов. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. — 2018. — № 4.
7. Б. Я. Гаврилов, М. Ю. Колбеева. Институт предъявления обвинения: актуальные проблемы его совершенствования // Российский следователь. — 2009. — № 15. — С. 35–37.
8. По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 005): официальный интернет-портал правовой информации — www.pravo.gov.ru, 16.07.2018, № 0001201807160016 (о порядке вступления в силу ст. 19 международного протокола от 13 мая 2004 года № 14).

УДК 343.242:371

ТЬЮТОРСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РФ

М. А. Хрущёва, обучающийся

*Научный руководитель В. В. Полтавец, канд. юрид. наук, доцент
Кубанский государственный университет (КубГУ),
г. Краснодар, Россия*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с институтом тьюторства в пенитенциарной системе РФ; неэффективность реабилитационных программ в местах лишения свободы; проблемы реализации законодательной регламентации: круг мер, необходимых для предупреждения совершенствования действующей системы.

Ключевые слова: тьюторство, пенитенциарная система, реабилитация, ресоциализация, наставничество, образование.

В условиях отбывания наказания, связанного с изоляцией осужденного от общества, личность преступника изменяется, переоцениваются многие

привычные для него ценности. В настоящее время вопросы, связанные с эффективной реабилитацией осужденных, крайне актуальны в связи с высоким количеством лиц, в действиях которых судом установлен рецидив. Это подтверждается анализом статистических данных, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. Так, в период 2019–2020 гг. преступления, совершенные с признаками рецидива (обычного, опасного и особо опасного), составили 20 % от их общего количества [1]. Каждый пятый, освободившийся из мест лишения свободы, совершает новое преступление.

Названные негативные процессы имеют как объективные, так и субъективные причины. Примером последних может стать недостаточная компетентность сотрудников исправительных учреждений, которые не могут отказаться от стереотипов в восприятии заключенных. Объективные причины заключаются в том, что проводимая длительный период времени пенитенциарная политика РФ во многом ориентирована на применение карательно-репрессивных методов деятельности в отношении заключенных. В связи с чем экстраполируется необходимость реформирования уголовно-исполнительной политики и пенитенциарной системы в России в целом. В идеале пенитенциарные учреждения должны стать своеобразными социальными клиниками, где будет организован на высоком уровне с учетом понимания специфики контингента педагогический процесс перевоспитания, «лечение» социально запущенных заключенных. Однако такой переход от применяемых достаточно жестких методов до наиболее гуманных требует не только серьезных временных затрат, но и привлечения значительного количества социально-экономических ресурсов, в т. ч. глубинного изменения законодательной материи.

В соответствии со ст. 9 УИК РФ, воспитательная работа в местах лишения свободы является основным механизмом исправления осужденных.

Для усовершенствования системы исправления в период отбывания лишения свободы необходимо более детально изучить основополагающие принципы реабилитации и ресоциализации осужденных, найти современные модели решения выявленных проблем, а также внедрить новые технологии, направленные не просто на работу с психологическими аспектами личности, а непосредственное взаимодействие с её особенностями, проектирование индивидуального плана по работе с осужденным. В связи с чем в настоящее время приобретает особую актуальность институт тьюторства как новый вид сопровождения людей, имеющих проблемы с социальной адаптацией.

Тьюторское сопровождение — это работа с личной заинтересованностью в исправлении, переосмыслением и готовностью к рефлексии самого осужденного. Тьютор, работающий с трудносциализируемыми людьми, использует широкий спектр современных педагогических технологий: технологии проектирования, портфолио, творческие мастерские, социокультурные игры, проектирование дорожной карты субъекта, вопросно-ответные технологии, форсайт-сессии и т. д.

Одной из ключевых задач Концепции уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года провозглашалась необходимость повышения уровня эффективности

пенитенциарной системы, а также смена акцента с карательно-репрессивной политики на защиту прав осужденных и их личностный рост, в т. ч. в условиях изоляции [2].

Основными этапами исправления признаются [3]:

1. Подготовительный этап. По прибытии осужденного в место отбывания наказания проводится общая диагностика его психико-физиологических данных, выявляются особенности, причины девиантного поведения, субъективное отношение к сложившейся ситуации, приговору и т. д. На основе проведенного анализа делаются выводы о потенциальной программе ресоциализации, сроках ее исполнения.

2. Этап реализации, в течение которого осужденному оказывается помощь в адаптации к новым условиям, прогнозируется возможное возникновение конфликтов; проводятся беседы, консультации и тренинги. На протяжении всего периода осужденного должен сопровождать наставник (эксперт и опытный специалист), который обучает правилам правомерного поведения в той или иной ситуации.

Тьютор отличается от наставника, поскольку тьюторское сопровождение обнаруживает и использует механизмы самого субъекта в рефлексивных по своей природе особенностях, направленных на восстановление человеческого в человеке. Тьюторы непосредственно создают среду и условия для того, чтобы субъект (обучаемый осужденный) сам осознал, что нужно для достижения тех или иных целей.

В отличие от действующих этапов реабилитации осужденных, тьюторская деятельность основана на следующих базисах: диагностика проектирования, реализация, рефлексия, обобщение [4].

Диагностика представляет собой составление индивидуального плана работы, выявление познавательных интересов тьюторанта. Последний, в свою очередь, выполняет уточняющие тесты по выявлению и конкретизации познавательных интересов.

Далее идет *реализация*, в основе которой лежит составление дорожной карты испытуемого, т. е. идет оказание помощи в определении личного пути саморазвития; построение индивидуальной реабилитационной траектории.

Рефлексия подразумевает собой фиксацию движения в формировании индивидуальной деятельности и исследовательских компетенций; осуществление мониторинга процесса реализации индивидуальной реабилитационной программы осужденного, при необходимости — внесение корректив; формирование адекватной самооценки и рефлексивного самоконтроля.

Обобщение заключается в формировании сопутствующих выводов, оказание помощи в разработке и реализации дальнейшей программы по реабилитации и самоорганизации дисциплины и труда.

Посредством планового прохождения всех этапов можно осуществить социально-профессиональное самоопределение личности в том обществе, в котором он пребывает и будет существовать после отбытия срока наказания.

Подводя итог анализу данного института, видится целесообразным использование работы специалистов в сфере тьюторства в процессе обучения осужденных к лишению свободы, в т. ч. посредством введения отдельного

обязательного курса, что полностью будет соответствовать предписаниям п. 6 резолюции 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. [5], закрепляющего право осужденного участвовать в образовательной деятельности, направленной на всестороннее развитие человеческой личности, а также положениям, содержащимся в резолюции 1990/20 Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1990 г.

Наряду с этим будет полезно заимствование положительного опыта европейских стран в сфере функционирования специализированных учреждений, куда осужденные направляются для отбывания наказания, исходя из их социальных потребностей в работе или обучении [6]. Создание подобных учреждений положительно скажется на ресоциализации осужденных и одновременно позволит более продуктивно организовать социально-воспитательную работу.

Также нуждаются в усовершенствовании и в увеличении их количества реабилитационные центры, куда обращаются освободившиеся в случае возникновения у них трудных жизненных ситуаций: при отсутствии работы, жилья, соответствующих документов и т. д.

Учитывая изложенное, представляется необходимым не только правовое урегулирование деятельности тьюторов и специализированных колоний, но и методическое сопровождение данного процесса, обучение специалистов и постоянное повышение их квалификации. Комплексное и своевременное осуществление названных мер позволит не только эффективно реализовать международные обязательства по обеспечению прав осужденных, но и повысить уровень реабилитационной работы с осужденными, а также воспитательной функции российской пенитенциарной системы в целом.

Список литературы

1. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России по форме № 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ» январь–декабрь 2019 г. и январь–декабрь 2020 г. // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 04.11.2020).
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-п (ред. от 23.09.2015). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения: 04.11.2020).
3. Бабушкин А. В. Основы социальной работы в пенитенциарных учреждениях. — Москва, 1996.
4. Ковалева Т. М. Основы тьюторского сопровождения в общем образовании: курс лекций / Т. М. Ковалёва. — Москва: Педагогический университет «Первое сентября», 2010.
5. Международные акты о правах человека: сб. документов. — Москва, 2002. — С. 210–211.

6. Морохова О. А. Зарубежный опыт развития программ для осужденных как реализация принципа реабилитации // Ведомости УИС. — 2019. — № 5 (204) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-razvitiya-programm-dlya-osuzhdennykh-kak-realizatsiya-principa-reabilitatsii> (дата обращения: 04.11.2020).

УДК 343.232

ПРИЗНАК РЕАЛЬНОСТИ В УГРОЗЕ КАК СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О. В. Шмыгина, ст. преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье анализируются различные аспекты понимания содержания признака реальности в угрозе как способе совершения преступлений против собственности. Выделяются субъективный, объективный, субъективно-объективный подходы определения данного признака.

Ключевые слова: угроза, насилие, преступление, реальность.

Угроза, при помощи которой сопровождается требование, должна восприниматься потерпевшим как реальная, т. е. у него должны быть основания опасаться осуществления этой угрозы. Наличие угрозы означает, что угроза существует не в воображении потерпевшего, а в объективной действительности. Для оценки угрозы как реальной не имеет значения, выражено виновным намерение осуществить ее немедленно либо в будущем. Причем определение признаков, свидетельствующих о реальности угрозы, занимает не последнюю роль в науке уголовного права. Единообразного мнения на этот счет нет до сих пор. Правоведами неоднократно предпринимались попытки определить признаки, характеризующие реальность угрозы как способа совершения преступлений. И в юридической литературе содержатся различные позиции понимания содержания данного признака. В целом существующие подходы к определению реальности угрозы в зависимости от того, какой смысл вкладывают сторонники той или иной теории при оценке реальности угрозы, можно обозначить как субъективный, объективный, субъективно-объективный.

Так, одни ученые в своих исследованиях под реальностью понимают способность угрозы вызвать убеждение в ее осуществимости. Угроза должна оцениваться в том виде, как она совершена, а не как она воспринята потерпевшим [1, с. 8]. То есть при оценке реальности угрозы уделяется внимание преступному действию без учета его восприятия потерпевшим.

Другие авторы под реальностью угрозы понимают не только готовность лица исполнить ее, но и наличие объективных оснований опасаться осуществления угрозы (даже и в случаях, если виновный не намеревался привести угрозу в исполнение). А субъективное восприятие потерпевшим опасения

осуществления угрозы предлагается устанавливать в процессе проверки материалов и производства предварительного следствия [2, с. 7], тем самым снижая значение субъективного восприятия угрозы потерпевшим при оценке ее реальности. Наличие реальных оснований опасаться реализации угрозы характерно для объективного подхода в определении признака реальности угрозы.

Но встречается позиция, где подвергается учету вся совокупность признаков, обуславливающих степень общественной опасности психического насилия для здоровья потерпевшего. Данные признаки включают в свое содержание интенсивность действий преступника, различные способы выражения угрозы, с субъективной стороны осознание виновным возможности применения высказываемой угрозы в действительности и субъективное восприятие потерпевшим реальности осуществления в отношении него угрозы [3, с. 77].

Приверженцы субъективного подхода основной акцент при определении признака реальности угрозы делают непосредственно на восприятии ее потерпевшим и осознание этого виновным, который желает такого восприятия [4, с. 401].

Сторонники субъективно-объективного подхода в признании реальности угрозы вкладывают возможность восприятия и понимания значения угрозы потерпевшим (субъективный критерий) и наличие объективной опасности реализации угрозы (объективный критерий). Реальность угрозы определяется не только ее восприятием и тяжестью вреда благу, но и наличием объективных условий осуществления угрозы. И в качестве критериев определения реальности угрозы учитываются следующие показатели: а) характер внешнего выражения готовности причинить вред благу потерпевшего; б) осознание потерпевшим содержания угрозы; в) наличие внешних условий, облегчающих совершение преступления [5, с. 18]. Данная позиция представляется нам наиболее убедительной. Действительно, определяя критерий реальности, в угрозе необходимо учитывать и объективные факторы совершения преступного деяния, и субъективные в совокупности, только тогда можно составить полное представление о совершенном деянии.

Некоторые авторы при определении реальности угрозы отвергают факт восприятия ее потерпевшим, т. к. встречаются ситуации, когда потерпевший не способен воспринимать факт угрозы по причине душевной болезни или чрезмерной впечатлительности, и в таких ситуациях нельзя угрозу считать реальной [6, с. 33]. На это обстоятельство обращает внимание и Г. К. Костров, подчеркивая, что угроза, рассчитанная на устрашение потерпевшего, способна вызвать опасение ее осуществления только в том случае, если данная угроза воспринималась потерпевшим. Но и не отрицает качество психического насилия, проявляющееся в угрозе, если по каким-либо причинам угроза не могла быть воспринята потерпевшим либо была воспринята как неосуществимая [7, с. 9].

Представляется, что угроза, выступающая способом совершения имущественных преступлений, состоит в общественно опасном информационном воздействии, выраженном в обещании причинить вред охраняемым законом интересам, с целью подчинения его воли требованиям виновного и завладения имуществом потерпевшего. Угроза может быть совершена при помощи активных информационных действий, и для признания угрозы уголовно-наказуемой

необходимо, чтобы высказанная угроза достигла своей цели, т. е. была воспринята адресатом и вызвала убеждение в ее реализации. При помощи бездействия угроза не может быть выражена.

В случаях, когда потерпевший не может воспринимать факт противоправных действий виновного, выраженных в угрозе применения насилия, распространения позорящих сведений, уничтожением или повреждением имущества, например, по причине малолетства, психического расстройства, не означает отсутствие признака общественной опасности деяния, как и то, что данная категория лиц должна остаться без уголовно-правовой защиты своих прав. Такие действия следует оценивать как покушение на соответствующее преступление.

В научной литературе высказывалось мнение об отказе от признака реальности как условия наказуемости угрозы. Свою позицию авторы обосновывают трудностями в установлении наличия в деянии виновного признака «реальной опасности угрозы» (или «основания опасаться осуществления угрозы»). Сложно согласиться с таким утверждением, т. к. вопросы, касающиеся субъективного восприятия угрозы, неотъемлемы от признания такой угрозы реальной. А установление наличия признака реальной опасности в действиях виновного решается в процессе следствия и судебного разбирательства с учетом всех обстоятельств дела.

Мы поддерживаем позицию тех авторов, которые считают, что при определении критериев признака реальности угрозы необходимо учитывать не только осознание или неосознание потерпевшим характера противоправности действий виновного, но и способность вызвать у угрожаемого опасения реализации угрозы. Разъяснения пленума Верховного суда РФ в своем постановлении от 27.12.2002 № 29 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» подтверждают данное положение. В п. 21 говорится о применении угрозы, носящей неопределенный характер при завладении имуществом. При решении данного вопроса о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств дела, при которых было совершено деяние, а именно: место и время совершения преступления, количество нападавших, наличие (отсутствие) предметов, которыми они могли угрожать потерпевшему, субъективное восприятие угрозы, наличие в действиях виновных демонстративных действий, усиливающих эффект нападавших применить физическое насилие, и т. п. [8].

Действительно, неопределенные угрозы не конкретизируют тот вред, который может наступить при реализации высказанной угрозы, но в определенной обстановке при использовании широкого спектра голосовых интонаций, каких-либо иных действий передаваемая адресату информация может носить угрожающий характер.

В судебной практике при вынесении решения суд при оценке реальности угрозы в большинстве своем приводит доводы, подтверждающие и восприятие, и понимание значения угрозы потерпевшим и учитывает иные обстоятельства, характеризующие возможность осуществления угрозы. Так, например, Д. О. Янукиди, угрожая уничтожить имущество, принадлежащее потерпевшей, требовал передать ему деньги, при этом оказывал на нее психологическое

давление. Свою угрозу сопровождал нецензурной бранью, тем самым создал обстановку, при которой высказанную угрозу потерпевшая восприняла реально и, опасаясь осуществления его противоправных намерений, передала ему денежные средства [9].

Изучив материалы опубликованной судебной практики, следует отметить, что нередко при установлении фактического восприятия потерпевшим примененной в отношении него угрозы задаются уточняющие вопросы о реальности восприятия данной угрозы в момент совершения преступления. Считаем, что осознавать точное значение и содержание данных категорий потерпевший не может, т. к. это юридические понятия, и постановка вопроса о восприятии угрозы потерпевшим должна формулироваться таким образом, чтобы пострадавший от преступной угрозы мог исчерпывающе разъяснить, что именно явилось причиной опасения за свои жизнь, здоровье, собственность и т. д.

Таким образом, определение конкретных признаков, свидетельствующих о реальности угрозы как способе совершения преступлений, должны устанавливаться индивидуально, с учетом всех обстоятельств дела, а именно возможности восприятия и понимания значения угрозы потерпевшим (субъективный критерий) и наличием объективной опасности реализации угрозы (объективный критерий).

Список литературы

1. Костров К. Г. Уголовно-правовое значение угрозы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 1970. — 8 с.
2. Левертова Р. А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. — Хабаровск, 1972. — С. 7.
3. Волошин П. В. Проблема законодательного определения психического насилия, сопровождающего хищение чужого имущества // Вестник Владимирского института. — 2012. — № 1 (33). — С. 76–78.
4. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. — Москва, 2003. — 401 с.
5. Стерехов Н. В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. В. Стерехов. — Свердловск, 1972. — 18 с.
6. Иванова В. В. Преступное насилие: учебное пособие. — Москва: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. — 33 с.
7. Костров К. Г. Уголовно-правовое значение угрозы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. Г. Костров. — Москва, 1970. — 9 с.
8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. — 2003 г. — № 9. — 18 января.
9. Дело № 1-71/17 (16210805). — URL: <http://www.rospravosudie.com/court-ordzhonikidzevskij-rajonnyj-sud-g-novokuznecka-kemerovskaya-oblast> (дата обращения: 06.11.2020).

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ЗАЯВИТЕЛЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

О. Б. Юрченко, обучающийся

Научный руководитель О. С. Морозова, ст. преподаватель

Сибирский юридический университет (СибЮУ),

г. Омск, Россия

В статье рассматривается проблематика правового положения участников стадии возбуждения уголовного дела, а именно заявителя. Анализируется действующее законодательство стран СНГ и законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, правовое положение, участники, заявитель.

Стадия возбуждения уголовного дела является этапом уголовного судопроизводства. Ее участники — это лица, упомянутые в статьях 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ). Проблематика стадии возбуждения уголовного дела заключается, в частности, в отсутствии в уголовно-процессуальном законе четкого обозначения круга ее участников.

Б. Б. Булатова и А. М. Баранова условно разделили участников проверки сообщения о преступлении на две группы:

1) государственные органы (должностные лица), осуществляющие уголовное судопроизводство;

2) иные лица, участвующие в данной стадии [1, с. 16].

Если первая группа участников серьезных вопросов не вызывает, т. к. их правовое положение закреплено в отдельных нормах законодательства, то правовой статус некоторых участников второй группы вызывает затруднения.

В первую очередь основное внимание следует уделить правовому положению заявителя. Заявитель упоминается в нескольких статьях УПК РФ, а именно: как заявитель ходатайства (гл. 15 УПК РФ, статьи 219, 399 УПК РФ); заявитель жалобы (главы 16, 47.1 УПК РФ); заявитель как лицо, сообщившее о преступлении (главы 19–20 УПК РФ, ст. 318 УПК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела. Однако в ст. 5 УПК РФ понятие «заявитель» не разъяснено.

П. А. Лупинская определяет заявителя как лицо, являющееся инициатором сообщения о преступлении, т. е. лицо, официально заявившее о преступлении [2, с. 403]. Отметим, что заявитель не всегда тождественен лицу, в отношении которого совершено преступление. По смыслу ст. 141 УПК РФ заявителем является лицо, которое обратилось с устным или письменным сообщением о готовящемся либо совершенном преступлении в компетентный государственный орган. Далее, в ходе проверки данного сообщения о преступлении, после вынесения соответствующего решения заявитель приобретает статус потерпевшего, но до этого круг прав и обязанностей рассматриваемого участника не определен [3, с. 170].

Для сравнения обратимся к процессуальному статусу заявителя Республики Казахстан. Уже в главе «Основные понятия» в п. 7 ст. 7 законодатель разъясняет, что заявитель — это лицо, сообщившее об уголовном правонарушении либо обратившееся к суду или органам уголовного преследования за защитой в порядке уголовного судопроизводства своего действительного или предполагаемого права, либо права представляемого им лица [4].

Обращаясь к законодательству стран СНГ, также можно упомянуть Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. Исходя из ст. 101 УПК Грузии, заявителем является лицо, которое предоставило информацию о преступлении следователю или прокурору [5].

Несмотря на то, что в УПК Республики Казахстан и в УПК Грузии дано понятие «заявитель», следует отметить отсутствие законодательного закрепления прав и обязанностей данного участника.

В п. 10 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь содержится понятие заявителя. Так, заявитель — всякое лицо, обратившееся в суд или орган уголовного преследования в порядке, установленном законом, за защитой своего действительного или предполагаемого права либо сообщившее об известном ему готовящемся, совершаемом или совершенном общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом [6].

Данным нормативным актом предусмотрено такое право заявителя, как право обратиться в орган уголовного преследования для ознакомления с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении в установленные сроки в случае, если в отношении этого лица было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Анализируя законодательство Республики Беларусь, можно сказать, что статус заявителя определен более детально, чем в УПК РФ.

Таким образом, заявителем является физическое лицо, обратившееся в правоохранительные органы, суд или иные органы государственной власти за защитой своих действительных или предполагаемых прав, нарушенных преступлением или общественно опасным деянием. Отсутствие надлежащей правовой регламентации процессуального положения участников стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве приводит к ограничению конституционных прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процессуальную проверку сообщения о преступлении.

Список литературы

1. Булатов Б. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2019. — 165 с.
2. Лупинская П. А., Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2013. — 1072с.

3. Митькова Ю. С., Вехов В. Б. Проблемы определения правового положения отдельных участников стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД. — 2019. — № 4 (51). — С. 168–175.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09 октября 2009 года № 1772 // Доступ из СПС «Гарант».
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

СЕКЦИЯ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ»

УДК 349.2

ЭЛЕКТРОННЫЕ ТРУДОВЫЕ КНИЖКИ: ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

А. С. Азарова, обучающийся

Д. А. Гейченко, обучающийся

*Научный руководитель Ж. А. Агаджанян, ассистент, начальник
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
Отдел Государственной инспекции труда в Саратовской области
г. Саратов, Россия*

В статье рассматриваются понятие и вопросы перехода на электронные трудовые книжки в Российской Федерации. Авторы обращаются к истории развития трудовых книжек, анализируют опыт внедрения электронных трудовых книжек в зарубежных странах. Приводятся статистические данные ВЦИОМ и законодательная база перехода на электронные трудовые книжки. Делается вывод о преимуществах новой системы в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: электронные трудовые книжки, история, зарубежный опыт, правовое регулирование, преимущества и недостатки.

В последние годы в России остро стоит вопрос о введении электронных трудовых книжек. В соответствии со ст. 66 Трудового кодекса РФ трудовая книжка является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника [1]. Политические деятели, общественники, профсоюзы, опыт зарубежных стран убедили законодателя в необходимости модернизации данного института трудового права. На протяжении нескольких лет не умолкали споры о введении электронных трудовых книжек и отказе от бумажных, об отказе от электронных трудовых книжек, о сохранении бумажных трудовых книжек наравне с электронными. Споры закончились летом 2020 года, когда премьер-министр Российской Федерации М. В. Мишустин подписал постановление об электронных трудовых книжках [2]. Дискуссии учёных, политологов, юристов, работодателей и работников разворачиваются все активнее, даются различные прогнозы.

Обратимся к истории возникновения и применения трудовых книжек в России и в зарубежных странах. Трудовые книжки как основной документ в сфере профессиональной деятельности появились в нашей стране сразу после революции и имеют богатую историю. Екатерина II, посетив Сенат в январе 1764 года, была возмущена тем, что сенаторы не располагали информацией о чиновниках, получивших государственные награды. В связи с этим она издала указ, в котором обязала Сенат, коллегии и канцелярии вести журнал не только о вступлении или принятии на службу каждого подчиненного, но и вносить

записи о личности самого работника (награды, замечания, переводы по службе). Стандартный формулярный список просуществовал вплоть до 1917 года [3].

В советский период трудовые книжки стали неким идеологическим инструментом, побуждающим граждан работать. Они заменили людям удостоверения личности. В конце 1938 года в СССР вышло постановление «О введении трудовых книжек», одной из главных целей которого было закрепление работника на рабочем месте.

Первые трудовые книжки в европейских странах появились при Наполеоне в начале XIX века. Чуть позже подобные документы стали распространяться в Западной Европе и странах Скандинавии. Первое время рабочие выступали против введения трудовых книжек, посчитав, что таким образом они попадают под абсолютную зависимость от буржуазии. Трудовые книжки как обязательные были введены в фашистской Германии и просуществовали вплоть до 1967 года. В Италии бумажные трудовые книжки существовали более 60 лет до их замены в 1997 году информационной системой. В Словении они были обязательны до 2009 года, после чего им на смену пришла база данных Пенсионного фонда.

Во Франции, Австрии, Италии, Германии и многих других странах сегодня используется трудовая карта. От привычной нам трудовой книжки она отличается тем, что работники сами решают, предьявлять её работодателю при внесении отметок о приёме на работу или увольнении с работы или нет. Помимо трудовой карты, в Германии действует карта социального страхования, которая включает: пенсионное страхование, страхование от несчастного случая, страхование на случай потребности в постороннем уходе, страхование от потери занятости, медицинское страхование. В Испании существует электронная система *Vida Laboral* («трудовая жизнь»), отражающая налоговые отчисления работника и работодателя, а также содержащая информацию о приёме и увольнении с работы, которая автоматически направляется в Фонд социального страхования и в Министерство труда [4].

В большинстве европейских стран, в т. ч. и в США, нет специализированных электронных систем, которые фиксируют данные о трудоустройстве. Вместо этого работодатели требуют от соискателей резюме, диплом об образовании, а также характеристику с предыдущего места работы. В случае, если работодатель выражает недоверие предоставленной ему информацией, он может обратиться к помощи службы безопасности. Трудовая биография фиксируется в налоговых органах на основе отчислений. Для начисления пенсий используются личные счета граждан, в которых содержится информация о работодателях, получаемой зарплате и объеме отчислений. Каждый год работник получает от своего Пенсионного фонда отчеты о размерах его пенсионных накоплений и о том, какая пенсия ожидает его в будущем.

В 2012 году бывший вице-премьер Правительства РФ О. Ю. Голодец в своём выступлении заявила, что вопрос о переходе на электронные трудовые книжки будет рассмотрен в ближайшее время. Новый закон должен был создать приемлемые условия труда для современных форм занятости, а именно

удалённой работы. Дистанционным работником было признано лицо, заключившее с работодателем трудовой договор о дистанционной работе путём обмена электронными документами между субъектами [5, с. 74]. Бывший руководитель Федеральной службы по труду и занятости Юрий Герций поддержал идею введения электронных трудовых книжек, но при этом предложил найти им альтернативу, т. к. для повсеместного перевода граждан в «цифру» потребуется много времени [6, с. 65].

19 июля 2020 года Всероссийский центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ) провёл опрос 1600 граждан в возрасте от 18 лет. На вопрос «Как вы относитесь к цифровизации документов, а именно трудовой книжки?» большинство россиян высказались за бумажную версию трудовой книжки (63 % респондентов). Больше всего поддержали ведение электронных книжек молодёжь (51 %) и жители Москвы и Санкт-Петербурга (36 %). Скептически и с полным отрицанием отнеслись люди старше 60 лет (68 %), а также жители сёл и деревень (69 %). В то же время почти четверть участников опроса (23 %) выразили уверенность в том, что в бумажной трудовой книжке нет необходимости, ведь в электронном формате все данные надёжно защищены [7].

До 1 января 2021 года граждане должны самостоятельно сделать выбор в пользу сохранения бумажного варианта трудовой книжки или его замены на электронный аналог. Работники, отдавшие предпочтение первому варианту, смогут воспользоваться этим правом и перейти на электронный формат при трудоустройстве на другую работу. Также это можно сделать раньше, написав заявление работодателю, но вернуться к бумажному варианту снова не получится.

В законодательную базу рассматриваемого процесса вошли изменения в ряд нормативно-правовых актов. Так, федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» вносит изменения в Трудовой кодекс и устанавливает электронный формат трудовых книжек основным, а также федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» вводит для работодателей обязанность отчитываться в Пенсионный фонд о трудовой деятельности работников [8]. Параллельно с этим для обеспечения своевременного и эффективного перехода на электронные трудовые книжки были внесены поправки в ст. 15.33.2 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающие санкцию в виде предупреждения за нарушение сроков отправки или предоставление неполных и недостоверных сведений. Новшество вступит в силу с 1 января 2021 года.

Электронная трудовая книжка сохраняет практически все сведения, которые были в бумажной версии: информацию о работнике, даты приема, увольнения, перевода на другую работу, место работы, вид мероприятия (прием, перевод, увольнение), должность, профессию, специальность, квалификацию, структурное подразделение, вид поручаемой работы, основание кадрового мероприятия (дата, номер и вид документа), причины прекращения трудового договора. Однако в электронный аналог не будет вноситься информация о поощрениях и награждениях за успехи в работе и об образовании работника.

В настоящий момент сложно сделать вывод, насколько ценным в будущем и для работника, и для работодателя окажется нововведение, но то, что переход на электронную трудовую книжку неизбежен, не оставляет сомнений. Вопрос в том, что установленные для внедрения и тестирования такого глобального проекта сроки довольно малы, что создает определенные риски для обеих сторон трудовых отношений.

Во-первых, среди недостатков можно выделить возможность хакерских атак с целью изменения или искажения данных о стаже. Так, за минувшие 13 лет, по данным группы компаний *InfoWatch*, в мире утекло около 44 млрд записей, и эта цифра с каждым годом только растет [9]. Взлом или уничтожение сведений о трудовой деятельности миллионов работников может привести к необратимым последствиям, поэтому вопросу безопасности персональных данных следует уделить особое внимание.

Во-вторых, данная программа труднореализуема в отдаленных регионах нашей страны, где отсутствует постоянный и качественный доступ в интернет. На это в своем послании к Федеральному собранию указал и Президент РФ В. В. Путин, пообещав, что к 2024 году Россия будет полностью обеспечена повсеместным доступом в Интернет [10]. Что делать в период до 2024 года в тех населенных пунктах, где нет связи, неясно.

К прочим проблемам ускоренного перехода на электронные трудовые книжки можно отнести: сложности и потерю времени при заполнении, отсутствие необходимых технических средств на многих российских предприятиях, увеличение объема отчетности и лишние штрафы, необходимость дополнительного обучения специалистов работе с новой книжкой.

Если не обращать внимание на неудобства переходного периода, электронные трудовые книжки имеют ряд преимуществ. Для обеспечения сохранности персональных данных работников и отражения хакерских атак Пенсионный фонд России сотрудничает с ведущими разработчиками антивирусных программ. С целью недопущения сбоев программного обеспечения и потери данных, загруженных в систему, в постоянном режиме осуществляется резервное копирование.

Кроме того, электронная трудовая книжка наиболее защищена от ошибок и описок, которые совершаются при заполнении вручную, поэтому работнику больше не потребуется обращаться в суд и подтверждать свой стаж. Уйдут в прошлое судебные споры по поводу задержки выдачи трудовой книжки, сроках ее оформления и необоснованного внесения в трудовую книжку со стороны работодателя ложных сведений. Работник из любого места и в любой момент сможет получить все сведения, не запрашивая выписку и не ожидая ее в течение трех рабочих дней. Фактически свой трудовой стаж можно будет отслеживать в режиме online.

При такой системе налицо упрощение кадрового делопроизводства. Сотрудникам отдела кадров больше не нужно будет вносить вручную данные в трудовую книжку, оборудовать для ее хранения специальное место и нести ответственность за сохранность документа. По сути, специфический процесс

ведения бумажных трудовых книжек заменяется отправкой стандартной электронной отчётности, а у работодателя появляется возможность принимать на работу сотрудника дистанционно без ознакомления с бумажными документами кандидата на место в компании.

На практике зачастую лица сдают свою трудовую книжку потенциальному работодателю и считают, что с этого момента они работают официально, а работодатель никаких записей в трудовую книжку не вносит, трудовой договор не заключает, тем самым нарушая права работника. Соответственно, о налоговых отчислениях, отчислениях в фонды и соблюдении прав работника говорить не приходится. Электронная трудовая книжка окажет помощь в борьбе с нелегальной занятостью (труд без оформления трудового договора), ведь работник сможет отслеживать свою трудовую деятельность *online* и будет знать, внёс ли работодатель запись о приеме на работу.

Таким образом, от перехода на электронные трудовые книжки выигрывают и работники, и работодатели, поскольку это повышает скорость получения информации и гарантирует сохранность данных. Особое значение имеет переходный период, т. к. именно от качества процедуры направления данных в Пенсионный фонд зависит вся будущая работоспособность новой системы учета трудовой деятельности работников. К тому же считаем необходимым закрепление в Трудовом кодексе РФ определений электронной трудовой книжки, ее специфики, порядка оформления и внесения в нее данных.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Российская газета. — 2001. — № 256.
2. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: постановление Правительства РФ от 10.07.2020 № 1017 // СЗ РФ. — 2020. — № 30. — Ст. 4898.
3. Трудовая книжка: от Древней Руси до наших дней. — URL: <https://hr-portal.ru/article/trudovaya-knizhka-ot-drevney-rusi-do-nashih-dney> (дата обращения: 02.11.2020).
4. Мировой опыт применения электронных трудовых книжек. Справка. — URL: https://aif.ru/dontknows/file/mirovoy_opyt_primeneniya_elektronnyh_trudovyh_knizhek_spravka (дата обращения: 02.11.2020).
5. Сетдарова Л. Б. Электронная трудовая книжка: реалии и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. — 2013. — № 2. — С. 73–78.
6. Присекин А. В., Лебедев М. А. Некоторые проблемы введения электронной трудовой книжки // Закон и право. — 2020. — № 1. — С. 63–65.
7. Трудовые книжки в эпоху цифровизации: старое вино в новых мехах? [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10384> (дата обращения: 03.11.2020).

8. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: ФЗ от 16.12.2019 № 439-ФЗ // Российская газета. — 2019. — № 286.
9. В мире за 13 лет утекло около 44 млрд записей личной информации [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/digest/21085> (дата обращения: 04.11.2020).
10. Путин: к 2024 году в России будет обеспечен повсеместный быстрый доступ в интернет [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/4998126> (дата обращения: 04.11.2020).

УДК 346

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. Е. Базарова, обучающийся

Научный руководитель Е. И. Гавриленко, преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В условиях реформирования уголовно-исправительной системы в числе проблем, требующих осмысления, выступает правовое регулирование социальной защиты осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Ключевые слова: социальная защита, социальная помощь, осужденный, исправительное учреждение, уголовно-исправительная система, пенитенциарная система.

Временная изоляция от общества и привычной среды значительно снижает адаптационные возможности осужденных. Осужденными признаются лица, которых в судебном порядке признали виновными в совершении преступления.

Освобожденный из заключения в исправительном учреждении находится в уже изменившейся социальной и экономической среде. В сложной социально-психологической ситуации, а также при незнании новых правил социального поведения и невозможности интеграции в нормально функционирующее общество ранее судимые лица совершают новые преступления.

Поэтому существуют различные способы и формы работы с осужденными гражданами в учреждениях уголовно-исправительной системы, к которым относятся социальная работа и социальная защита.

Социальная работа при отбывании наказания направлена на выявление и решение социальных проблем осужденных и оказание им дифференцированной социальной помощи.

В оказании социальной помощи осужденным участвуют все заинтересованные отделы и службы пенитенциарного учреждения. От их согласованных и целенаправленных действий напрямую зависит качество подготовки осужденных к освобождению, снижение риска совершения новых преступлений и их адаптация к обществу после освобождения.

Особое внимание следует уделить организации и проведению индивидуальной социальной работы с осужденными. Содержание индивидуальной социальной работы с разными категориями осужденных зависит от их социальных проблем. Индивидуальные социальные проблемы можно решать как индивидуально, так и в группе.

В научном сообществе термин «индивидуальная социальная работа с осужденными» относится к деятельности, направленной на оказание социальной помощи и поддержки, обеспечение социальной защиты осужденных, создание предпосылок для их оптимального исправления и адаптации к исправлению [7].

Формирование предпосылок для интеграции осужденных, отбывших наказание, в общество зависит от многих факторов, поэтому работа в этом направлении начнется с первых дней их пребывания в исправительном учреждении.

Работа коллектива пенитенциарного учреждения по социальной реабилитации осужденных в период отбывания наказания разнообразна. Помимо организации общего и профессионального образования, администрация пенитенциарного учреждения решает вопросы предварительного трудового и бытового устройства освобожденных граждан, а также готовит их к жизни на свободе.

Грамотно спланированная социальная работа уголовно-исправительного учреждения способствует сокращению дистанции между отбыванием наказания и обществом, создает условия для позитивного функционирования и социального развития человека, убеждений человека.

Основная суть пенитенциарной социальной работы — это первичная социальная поддержка осужденного, что в конечном итоге способствует максимальному использованию его социальных и личных ресурсов.

Основными задачами группы социальной защиты осужденных являются:

- выявление и решение социальных проблем осужденных, оказание дифференцированной социальной помощи, координация деятельности других служб пенитенциарного учреждения по разрешению этих вопросов;

- подготовка осужденных к освобождению, организация занятий в «Школе подготовки осужденных к освобождению», привлечение к их поведению заинтересованных служб учреждения, муниципальных социальных служб;

- содействие в восстановлении и укреплении общественно полезных связей осужденных, их трудового и бытового устройства после освобождения, решение вопросов пенсионного обеспечения осужденных;

- консультирование осужденных по вопросам подготовки необходимых документов для получения паспорта, а также принятие мер по получению документов, подтверждающих их право на социальное обеспечение;

- привлечение специалистов различных служб социальной защиты к оказанию помощи осужденным, включая консультирование;

- вовлечение общественности в решение социальных проблем осужденных, в т. ч. в трудовом и бытовом устройстве после выхода из пенитенциарного учреждения [6].

Сферу социального обеспечения и социальной защиты в пенитенциарных учреждениях регулируют следующие правовые источники:

- Конституция Российской Федерации;

- Всеобщая декларация прав;
- Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда»;
 - федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 01.10.2019, с изм. от 28.01.2020) «О страховых пенсиях»;
 - Уголовно-исправительный кодекс Российской Федерации [1];
 - федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»;
 - закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;
 - постановление Правительства РФ от 15.10.2001 № 727 (ред. от 25.03.2013) «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду»;
 - приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 13.01.2006 № 2 (ред. от 08.09.2006) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы»;
 - приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы»;
 - письмо МВД РФ от 06.11.1997 № 18/13-204 «О Порядке оформления документов для назначения и выплаты пенсий осужденным, содержащимся в исправительных учреждениях».

Осужденным, отбывающим наказание, гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации, за исключением ограничений, установленных уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством России. Основными задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказания, определение порядка исправления осужденных, защита их прав, свобод и законных интересов, помощь осужденным в социальной адаптации [4].

Осужденные имеют право на бесплатную медицинскую помощь, в т. ч. первичную медико-санитарную помощь и специализированную медицинскую помощь в амбулаторных или стационарных условиях, в зависимости от заключения врача. Также осужденные имеют право на получение психологической помощи со стороны сотрудников психологической службы пенитенциарного учреждения и других лиц, имеющих право оказывать такую помощь. Участие в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия.

В пенитенциарной системе организованы лечебные учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и пункты оказания медицинской помощи осужденным, а также исправительные учреждения здравоохранения для содержания и амбулаторного лечения осужденных с открытыми формами туберкулеза, алкоголизма и наркомании.

Осужденные к лишению свободы и трудоустроенные подлежат обязательному государственному социальному страхованию, а осужденным женщинам выплачиваются пособия по беременности и родам в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Пособие по беременности и родам выплачивается осужденным женщинам независимо от выполнения ими трудовых обязанностей и иных обстоятельств.

Осужденные имеют право на социальное страхование, в т. ч. социальные выплаты и пенсии, на общих основаниях государственной пенсии по старости, на случай потери трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом. Пенсии осужденным выплачиваются органами пенсионного обеспечения по месту нахождения исправительного учреждения путем перечисления пенсий на лицевые счета осужденных.

Осужденные, являющиеся инвалидами 1 или 2 групп, привлекаются к работе по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде и законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов [4].

Осужденные, утратившие трудоспособность в период отбывания наказания, имеют право на компенсацию в случаях и в порядке, установленных законодательством России. Осужденные, уволенные с работы по болезни, осужденные беременные женщины и осужденные кормящие матери получают питание после увольнения с работы. Для осужденных в исправительных учреждениях, а также для осужденных с ограниченными возможностями 1 или 2 групп здоровья питание, одежда, коммунальные услуги и средства личной гигиены предоставляются бесплатно. Осужденные, которые не работают по независящим от них причинам, осужденные, не получающие пенсии, обеспечиваются продуктами питания и предметами первой необходимости за счет государства.

Руководство пенитенциарных учреждений обеспечивает лицам, освобожденным от наказания, оплату проезда к месту жительства, обеспечивает их продуктами питания или деньгами на время проезда в установленном порядке, а при необходимости выделяет одежду и обувь по сезону. Также им может быть присуждена единовременная выплата в размере 850 рублей. Администрация пенитенциарного учреждения заранее уведомляет родственников или других лиц об их освобождении. Осужденные, освобожденные из пенитенциарных учреждений, направляются по месту жительства в сопровождении родственника, другого лица или сотрудника исправительного учреждения.

Освобожденные из-под ареста или лишения свободы осужденные имеют право на трудовое и бытовое устройство, а также на получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами. Для предварительного решения вопросов о трудовом и бытовом устройстве осужденных после освобождения администрация пенитенциарного учреждения ведет переписку с органами внутренних дел, родственниками и центрами занятости. При необходимости вопросы пенсионного обеспечения, предоставления квартир в студенческих общежитиях освобожденным гражданам, комнат для инвалидов и престарелых в соответствующих государственных социальных учреждениях решаются через органы социальной защиты населения.

В пенитенциарной системе России налажена социальная работа. Это комплексная деятельность социальных работников совместно с другими исправительными службами в учреждениях, а также государственными, территориальными службами занятости. Правильно организованная социальная работа ускоряет процесс реформирования пенитенциарной системы и способствует гуманизации условий отбывания наказания.

Ранее в исправительных учреждениях функции социальных работников частично выполнял начальствующий состав. При этом загруженность была чрезвычайно высокой, а эффективность социальной работы недостаточной. Введение должности инспектора по условиям труда и быта осужденных в исправительных учреждениях несколько улучшило ситуацию, но не решило проблему.

Для более эффективного обеспечения социальных прав и гарантий осужденных необходимо организовать отдел социальной защиты и увеличить количество сотрудников в этом отделе.

Правовой статус осужденного — это совокупность установленных законом обязанностей, прав, свобод и законных интересов, которая формируется путем сохранения, лишения, ограничения, изменения и уточнения общего правового положения граждан в период отбывания наказания.

Тот факт, что кто-то был осужден, существенно меняет его общий правовой статус, определяя его обязанности, предусмотренные законом. В этой связи рассмотрение состава правового статуса осужденных, прежде всего их обязанностей, а затем их прав, свобод и законных интересов представляется разумным и логичным.

На практике информационно-справочные консультации для осужденных по пенсионным вопросам должны проводиться с участием специалистов Пенсионного фонда России. Эти встречи окажут положительное влияние на моральное состояние пенсионеров, включая уменьшение количества жалоб и многие проблемы с выходом на пенсию.

Проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в настоящее время считается одной из важнейших в работе сотрудников исправительных учреждений.

В то же время, чтобы достичь желаемого результата и значительно снизить частоту нарушений, необходимо решать вопросы социальной защиты и социальной поддержки граждан, освобожденных из мест содержания под стражей. Разработка соответствующего федерального закона — это тот шаг, который позволит поднять ресоциализацию осужденных на более высокий уровень.

Подводя итог, необходимо отметить, что социальная адаптация и реабилитация осужденных включает работу государственных и общественных структур, которые должны находиться в постоянном контакте друг с другом.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020, с изм. и доп.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. О страховых пенсиях: ФЗ от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ.
3. О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы: постановление Правительства РФ от 25.12.2006 № 800 (ред. от 03.11.2011).
4. Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016).
5. Кузьмин Ю. А. Социальная работа в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Проблемы науки. — 2017. — № 4 (17).
6. Методические рекомендации по организации работы в исправительном учреждении. Школы подготовки к освобождению осужденных // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исправительной системы: теоретические и прикладные аспекты / А. Ю. Долин, С. А. Горкина. — Рязань: Академия ФСИН России, 2018.

УДК 349.3

ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАНДАРТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВ ОЭСР В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАЗАХСТАНА

Е. А. Бурибаев, д-р юрид. наук, профессор

Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
г. Алматы, Республика Казахстан

В статье рассмотрены проблемы формирования социальной политики на среднесрочную перспективу, обозначен Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 г. и последующее вступление в ОЭСР. Поставлены задачи обеспечения социального благополучия, минимальных социальных стандартов, развития пенсионной системы, социального страхования, усиления адресности социальной помощи и модернизации системы социального обслуживания.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, гендер, ОЭСР, пособия.

С 2011 года Правительством РК проводится работа по вступлению Казахстана в ОЭСР. Членство в этой организации предоставляет возможность доступа к лучшей практике государственного управления и внедрения передовых стандартов. Присоединение Республики Казахстан к ОЭСР предполагает приведение норм национального законодательства в соответствие со стандартами организации.

Заявив о вхождении в группу ОЭСР — наиболее развитых стран к 2050 году, правительство Казахстана обязано принимать шаги по модернизации и реформированию в таких секторах, как государственное управление, охрана окружающей среды, фискальная политика, образование и здравоохранение. Среди наиболее важных вопросов совершенствования и реформирования первые места занимают обеспечение прав человека, социальная защита.

В соответствии с проводимой государственной политикой в Казахстане востребованы и неизбежны реформы по внедрению стандартов ОЭСР во все сферы управления, в т. ч. в области социальной защиты населения. За последние годы область социального законодательства Казахстана претерпела коренные изменения, система соответствующих нормативных правовых актов стала более качественной и эффективной вследствие проведения унификации, осуществления организационной реформы обеспечения гарантированных мер социальной защиты населения — значительные реформы ожидаются в период до 2025 года.

Фактически нормотворческий процесс в сфере социального обеспечения носит непрерывный характер, социальное законодательство остается в качестве одной из самых мобильных отраслей. Нормы гарантированных государством социальных выплат ежегодно увеличиваются пропорционально росту месячного расчетного показателя или прожиточного минимума. Вместе с тем окончательный уровень назначаемых социальных выплат фактически еще далек до стандарта прожиточного минимума, не соответствует удовлетворению базовых потребностей человека.

Существенные возможности имплементации общепризнанных стандартов социальных прав человека в государствах ОЭСР во внутреннее право Казахстана все еще остаются вне внимания законодателя, правительства.

Рабочие органы ОЭСР готовят и распространяют результаты статистических сборов и исследований по экономическим, социальным и экологическим вопросам, а также генерируют идеи и проекты конвенций, рекомендаций, руководящих принципов и стандартов, которые в последующем согласовываются всеми членами организации. Обзоры основываются на измерении состояния по 5 параметрам: прогноз, анализ рисков и уязвимостей в течение жизненного цикла для определения потребностей в социальной защите; определение существующих схем социальной защиты и пробелов в охвате; оценка адекватности, справедливости и эффективности системы социальной защиты; оценка фискальной политики и финансирование социальной защиты; оценка институтов социальной защиты и их соответствие национальной политике, иным сферам государственного управления.

В страновых обзорах ОЭСР для Казахстана выделяется проблема редкого использования отцами отпуска по рождению и уходу за ребенком, их слабой вовлеченности в эти процессы. Отмечается, что в Казахстане уход за детьми в основном остается обязанностью матерей. Это частично отражает текущую специфику отпуска по уходу за ребенком, которая не предусматривает отпуск по причине отцовства, а также определяет весьма незначительные стимулы для ухода отцов в родительский отпуск или отпуск по уходу за ребенком. Такие институциональные препятствия способствуют установлению и поддержанию культуры, согласно которой матери рассматриваются в качестве основных лиц, осуществляющих уход за маленькими детьми. Семейные денежные пособия, как правило, не обеспечивают надлежащего поддержания уровня доходов менее обеспеченным семьям с детьми, а в особенности это касается семей с определенными потребностями (например, семей с единственным родителем).

Рекомендуется принять политику, стимулирующую отцов к совместному выполнению семейных обязанностей с матерями. Меры поддержки могут включать в себя расширение перечня оснований для ухода отцов в отпуска, а также стимулирование использования вариантов гибкого отпуска (например, в режиме неполной занятости). Усилить поддержку уровня доходов родителей за счет увеличения денежных семейных пособий и/или введения некоторой формы (возмещаемой) налоговой льготы для кормильцев с ребенком, находящимся на их иждивении.

Кроме того, в исследованиях МОТ отмечается, что паритет между мужчинами и женщинами на рынке труда впервые начинает сдвигаться, когда у женщины появляются обязанности по уходу за ребенком. Законодательство не должно ограничиваться существующим вариантом предоставления равного права матери и отцу возложения на себя бремени по уходу за ребенком (с помощью оформления соответствующего отпуска). Законодательство должно быть гибким для того, чтобы каждый родитель занимался семейными обязанностями. В контексте Казахстана это важно, чтобы основные условия занятости, применяемые при уходе за ребенком, не ограничивались только правами матерей, также могли быть использованы отцами, выполняющими соответствующие семейные обязанности. Это относится к организации страховых выплат по уходу за ребенком для отца ребенка и предоставления обоим родителям права работать неполный рабочий день. Система страховых пособий по уходу за ребенком должна предоставлять мужчинам и женщинам возможность трудоустроиться полный или неполный рабочий день, не теряя право на получение пособия. Это особенно важно для одиноких родителей, ухаживающих за маленькими детьми. Статистические данные показывают высокий процент незамужних одиноких женщин, ухаживающих за детьми в Казахстане. Следовательно, национальная политика и законодательство должны учитывать особенности ситуации с уходом за детьми [1].

Рекомендация о гендерном равенстве в образовании, занятости и предпринимательстве была принята Советом ОЭСР 29 мая 2013 года по предложению Комитета по занятости, труду и социальным вопросам. В этом документе, в частности, рекомендуется:

- обеспечение оплачиваемого отпуска по беременности и родам и отцовства для работающих матерей и отцов;

- предоставление стимулов отцам использовать гибкие трудовые права.

В законодательстве Казахстана востребовано устранение препятствий, связанных с применением норм закона «Об обязательном социальном страховании» в части отказа в предоставлении либо прекращении выплат по потере работы матерям, отцам в случаях возобновления трудовой деятельности и досрочного завершения отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года.

Несмотря на то, что п. 7 ст. 23.2 закона «Об обязательном социальном страховании» установлен исчерпывающий перечень оснований прекращения социальной выплаты на случай потери дохода в связи с уходом за ребенком (детьми) по

достижении им возраста одного года, фактически эта норма нарушается в случаях преждевременного выхода матери/отца из отпуска. Более того, уполномоченный орган при назначении данной социальной выплаты требует документы, подтверждающие оформление социального отпуска. Тем самым нарушается право родителей на выплаты, ущемляется право на совмещение трудовой деятельности (в т. ч. с неполной занятостью, индивидуальной деятельности) с правом на получение социальной выплаты. Единственным аргументом, к которому апеллирует уполномоченный орган при отказе в назначении или прекращении выплаты, является закреплённая законодательная формулировка данной выплаты — социальная выплата на случай потери дохода в связи с уходом за ребёнком (детьми) по достижении им возраста одного года.

Вместе с тем лицам без права на получение указанной социальной выплаты (не имеющим социальных отчислений в свою пользу последние 24 месяца), в силу пп. 2 п. 1 ст. 4 Закона Республики Казахстан от 28 июня 2005 года № 63 «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», принадлежит иное правомочие — право на пособие по уходу, назначаемое до достижения ребёнком возраста одного года и выплата которого никаким образом не связана с выполнением/невыполнением лицом, осуществляющим уход, трудовой деятельности, в т. ч. индивидуальной.

Является нарушением принципа равенства регламентация назначения двух видов социальных выплат по одному и тому же основанию — уходу за ребёнком в возрасте до 1 года с установлением в одном случае дополнительного условия — оформление отпуска и прекращение всех видов занятости.

Необходимо изменить законодательную формулировку социальной выплаты по потере дохода на социальную выплату по уходу за ребёнком (детьми) по достижении им возраста одного года, что нивелирует правовые препятствия для совмещения занятости, в т. ч. неполной, с уходом за ребёнком, будет стимулировать отцов к оформлению отпусков, обеспечит гарантированный доход семье в случае досрочного выхода родителя из отпуска.

Современные приоритеты государственных расходов в Казахстане не отражают глубокое осознание важности сочетания трудовых и семейных обязанностей. Расходы на поддержку семей, в особенности многодетных, рассматриваются как меры по сокращению масштабов бедности или как меры по сокращению предложения рабочей силы, а не как компонент активной политики в области занятости, важный инструмент искоренения гендерной дискриминации.

В подавляющем числе государств ОЭСР воспитание ребенка признается социально значимым юридическим фактом, безусловную гарантию указанного риска необходимо ввести в казахстанское законодательство. В частности, востребованы изменения и дополнения в закон Республики Казахстан от 19 мая 2015 года № 314-V ЗРК «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях», где должны быть определены новые виды социальных пособий, обеспечивающих содержание и воспитание детей, материальную поддержку по беременности и родам; должны быть изменены условия предоставления пособий по уходу за ребёнком, а также лицу, воспитывающему ребенка-инвалида, — как в части продолжительности выплат, так и в части материального

наполнения. Кроме того, востребовано законодательное закрепление гарантий недопустимости снижения уровня, сокращения ранее закрепленных стандартов. Изменения законов Республики Казахстан «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», «Об обязательном социальном страховании» должны быть направлены на создание гарантий материального обеспечения на весь период социального отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет не ниже прожиточного минимума для ребенка и лица, осуществляющего за ним уход.

В частности, должен быть введен в законодательство минимальный социальный стандарт «Социальные выплаты на случаи потери дохода в связи с беременностью и родами, усыновлением (удочерением) новорожденного ребенка (детей), в связи с уходом за ребенком до достижения им возраста трех лет».

Выводы в обзорах ОЭСР (ОЕСД, 2017б; отчет по проекту ОЭСР «Обзор политик, ориентированных на три группы: молодежь, пожилые работники и защита уязвимых групп населения, 2017») [2] заключаются в том, что система поддержания уровня доходов в Казахстане является слабой и не обеспечивает надлежащий уровень помощи (молодому) населению, позволяющий избежать бедности и/или искать и найти подходящую работу. Пособия по безработице и адресной социальной помощи являются наиболее скудными по стандартам ОЭСР. Пособия по безработице в Казахстане в лучшем случае могут заменить 31 % предыдущего чистого дохода и выплачиваются не более 6 месяцев. Для сравнения: в среднем по ОЭСР коэффициент замещения дохода за счет выплаты пособия по безработице составляет через 1 год — 43 %, через 6 месяцев — 57 %, через 2 месяца — 65 %, через 2 года — 38 %, а через 5 лет — 29 %. (Пособия по безработице, доля предыдущего дохода. Этот показатель измеряет долю предыдущего дохода домохозяйства на рабочем месте, который сохранился после 2, 6, 12, 24 и 60 месяцев безработицы. Расчеты относятся к одному человеку без детей, чей предыдущий заработок составлял 67 % от средней заработной платы) [3].

Рекомендуемый подход ОЭСР к социальной проблеме снижения бедности заключается в снижении барьеров для занятости, поддержке самозанятости, введении адекватных пособий для безработных. Рекомендуется перейти «от социального обеспечения к труду» к формуле «благополучие — в работе». Рекомендуется устранять дискриминацию при трудоустройстве по возрасту путем принятия законодательных мер; стремиться препятствовать или дополнительно ограничивать обязательный выход на пенсию со стороны работодателей в тесных консультациях и сотрудничестве с представителями работников; обеспечить эффективную помощь в трудоустройстве для лиц, ищущих работу, независимо от их возраста, но предназначенную для тех групп, которые в наибольшей степени подвержены риску долговременной безработицы, при обеспечении того, чтобы пожилые лица, ищущие работу, имели те же преимущества, что и молодые лица, ищущие работу, для получения пособий по безработице с точки зрения активного поиска работы.

В обзорах ОЭСР в целом положительно оценивается динамика реформ пенсионного обеспечения в Казахстане. Однако рекомендация МОТ по поддержанию

коэффициента замещения на уровне не менее 40 % от предыдущих доходов еще далека от выполнения. В то время как Казахстан успешно противодействовал досрочному прекращению трудовой деятельности до достижения пенсионного возраста, многое может быть сделано для повышения стимулов продолжения работы трудоспособным населением после достижения пенсионного возраста.

Является востребованной и ожидаемой модернизация системы социальной защиты Казахстана для решения проблем бедности в соответствии со стандартами ОЭСР, которая должна включать в себя разработку новых социальных показателей и уровней социальной помощи в соответствии со средними стандартами государств-участников ОЭСР.

Учитывая конституционные установки на утверждение Казахстана в качестве социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы; исходя из основополагающего принципа деятельности Республики — экономическое развитие на благо всего народа, а также признания и гарантированности прав и свобод человека в соответствии с Конституцией; современная государственная социальная политика Казахстана должна гарантировать предоставление мер по социальной защите по всем признаваемым социальным основаниям на минимально допустимом уровне, в соответствии с прожиточным минимумом, а дополнительные формы социальной защиты должны обеспечиваться личным участием граждан в формировании средств — источника финансирования мероприятий. Считаем, что является унижением человеческого достоинства проживание за чертой бедности, доходы ниже прожиточного минимума. Конституцией всем гражданам Казахстана, достигшим пенсионного возраста, гарантируется выплата пенсии в минимальном размере. Достижение пенсионного возраста — традиционно признаваемый критерий нетрудоспособности за всеми гражданами, достигшими установленного законом возраста, независимо от их материального положения, участия/неучастия в накопительной пенсионной системе, наличия/отсутствия трудового стажа. Все в силу достижения пенсионного возраста имеют право в соответствии с Конституцией на пенсионное обеспечение не ниже суммы установленного минимума.

Современная социальная политика Казахстана должна ставить своей целью предоставить родителям организационные и правовые возможности сочетания работы и выполнения семейных обязанностей, должны быть внедрены правила предоставления родительских отпусков, налоговые льготы для поддержки семей, внедрение гибкой занятости для родителей.

Существенные риски для национальной системы социальной защиты в ближайшей перспективе несет неформальный сектор занятости, высокий уровень эмиграции, сокращение участия женщин в легальных трудовых отношениях. Социальные услуги для детей и других уязвимых групп недостаточно обеспечены ресурсами и недостаточно развиты.

В целях целенаправленного движения Казахстана по пути построения социального государства необходимы законодательно установленные показатели достойных условий жизни или параметры качества жизни. Государство должно определить, какие конкретно показатели формируют качество жизни

человека, семьи на современном этапе, соответствующие уровню социально-экономического развития страны. Определить в правовом пространстве индикаторы, цифровые параметры, отражающие качество жизни человека в социальном государстве.

Список литературы

1. ILO (2014). Maternity protection and Childcare Systems in the Central Asia: the national studies in Kazakhstan and Tajikistan. ILO DWT and Country Office for Eastern Europe and Central Asia, Moscow.
2. OECD (2017), Building Inclusive Labour Markets in Kazakhstan: A Focus on Youth, Older Workers and People with Disabilities, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264273023-en>.
3. OECD (2019), Benefits in unemployment, share of previous income (indicator). doi: 10.1787/0cc0d0e5-en. — URL: <https://data.oecd.org/benwage/benefits-in-unemployment-share-of-previous-income.htm#indicator-chart>.

УДК 347

ПРОЦЕДУРА РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

С. А. Бянов, обучающийся

Э. И. Мурзаев, обучающийся

*Научный руководитель М. П. Кушарова, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В настоящей статье указаны отличия особого производства от любого другого производства, описывается понятие юридических фактов, а также их значение, проанализирован порядок рассмотрения данной категории дел.

Ключевые слова: арбитражный процесс, особое производство, спор о праве, юридические факты.

Особое производство — один из видов арбитражного судопроизводства. Объектом судебной защиты является интерес одного субъекта. Отличием от других видов производства является то, что в особом производстве нет спора, т. е. субъекты права не предъявляют друг к другу требования. В особом производстве нет сторон, между которыми может происходить спор (истца и ответчика), а основанием для возбуждения дела является заявление об установлении юридического факта.

Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд с требованием об установлении юридических фактов, которые послужат основанием осуществления субъективных прав таких заинтересованных лиц.

В порядке особого производства, согласно ст. 30 АПК РФ, рассматриваются дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение. Наступление последствий, которых желает заявитель, является целью установления юридических фактов [4].

Глава 27 АПК РФ [1] регулирует процедуру рассмотрения дел об установлении юридических фактов.

Указанная тема является актуальной, т. к. дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, имеют важное практическое содержание для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Дела об установлении юридических фактов возбуждаются на основании письменных заявлений при отсутствии спора между субъектами права.

Однако, если в судебном заседании будет установлен спор о праве, заявление будет оставлено судом без рассмотрения.

Согласно ст. 218 АПК РФ различают несколько видов юридических фактов [1].

1. Факт владения и пользования юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем недвижимым имуществом как своим собственным.

Понятие недвижимого имущества содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации, а именно в ст. 130 ГК РФ [2].

Согласно гражданскому законодательству земельные участки, участки недр, здания, сооружения и объекты незавершенного строительства, все то имущество, которое прочно связано с землей; жилые, нежилые помещения, а также части зданий или сооружений, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, которые подлежат государственной регистрации, относят к недвижимому имуществу.

2. Факт государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя в определенное время и в определенном месте.

Процесс внесения сведений об организации или индивидуальном предпринимателе в единые государственные реестры регулируется федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

3. Факт принадлежности правоустанавливающего документа, действующего в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, если наименование юридического лица, имя, отчество или фамилия индивидуального предпринимателя, указанные в документе, не совпадают с наименованием юридического лица по его учредительному документу, именем, отчеством или фамилией индивидуального предпринимателя по его паспорту или свидетельству о рождении.

Заявитель до обращения в суд должен обратиться в орган, выдавший документ, получить отказ о возможности исправления ошибки и только после этого подготовить документы в суд.

4. Другие факты, создающие юридические последствия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Право на обращение в арбитражный суд с заявлениями об установлении юридических фактов, в соответствии со ст. 219 АПК РФ, имеют как юридические

лица, так и индивидуальные предприниматели, в случае отсутствия нарушенных определенных принципов [3]:

1. Факт, подлежащий установлению, должен носить юридический характер.
2. У заявителя нет иной возможности восстановления или получения документов, которые бы подтверждали данные юридические факты.
3. Невозможность установления юридического факта без участия суда, т. е. во внесудебном порядке.

При невыполнении заявителем двух первых принципов, которые реализуются при подаче заявления, данное заявление остается без движения, а в дальнейшем возвращается на основании ст. 129 АПК РФ. А установить наличие или отсутствие норм, которыми предусмотрен другой, внесудебный порядок установления данных юридических фактов, можно только во время судебного разбирательства.

Поданное заявление подлежит прекращению, если оно не соответствует требованиям, указанным в ч. 1 ст. 219 АПК РФ.

Заявитель обращается по месту своего жительства или по месту нахождения недвижимого имущества (ч. 2 ст. 219 АПК РФ).

Указание в заявлении факта, об установлении которого ходатайствует заявитель, нормы закона, предусматривающего, что данный факт создает юридические последствия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; доказательств, подтверждающих необходимость установления юридического факта; а также доказательств того, что в ином порядке заявитель не может получить или восстановить утраченные документы, является требованием ст. 220 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к оформлению заявления.

Заявитель либо его представитель подписывает заявление.

Принятие заявления к производству судьей осуществляется, если оно отвечает требованиям, указанным в ст. 125 АПК РФ, а также приложены доказательства, которые указаны в пункте 4 ч. 1 ст. 220 АПК РФ.

При несоблюдении заявителем вышеуказанных требований заявление должно быть оставлено судьей без движения, предоставлен разумный срок для исправления недостатков (ч. 1 ст. 128 АПК РФ).

Рассмотрение дел об установлении юридических фактов производится в особом производстве: следовательно, субъектный состав лиц, которые участвуют в деле, отличается. Истец, т. е. лицо, которое обращается в арбитражный суд с заявлением, именуется как заявитель, а лица, у которых права и интересы затронуты, привлекаются к делу как заинтересованные лица.

Заинтересованные лица имеют ряд признаков. Они не являются обязательными участниками в особом производстве, заявителю не приходится противостоящей стороной и в деле могут иметь совсем иной интерес.

В рассмотрении дел об установлении юридических фактов не принимают участие арбитражные заседатели, а сами дела рассматриваются в судебном заседании судьей единолично. Участие в рассмотрении дела принимают заявитель и другие заинтересованные лица. В зависимости от вида деятельности и специфики юридического факта круг заинтересованных лиц может быть разнообразным.

Принимая решение, арбитражный суд не подменяет органы и организации, выдающие документы, а его решение служит лишь основанием для регистрации соответствующими органами такого факта или для оформления прав, возникающих в связи с установленным фактом.

Подводя итог всему вышесказанному, можно подчеркнуть, что дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, играют большую роль в особом производстве. Процедура рассмотрения указанных дел урегулирована АПК РФ, а также другими нормативными правовыми актами. Между тем при рассмотрении данной категории дел есть свои нюансы и особенности, которые обязательны к изучению для лучшего понимания понятия и значения юридических фактов и дел об установлении этих юридических фактов.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 17.09.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 17.09.2020).
3. Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Браницкий [и др.]; отв. ред. В. В. Янков. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2017.
4. Исаков В. Б. Юридические факты как вид юридического ограничения / В. Б. Исаков // Юридическая техника. — 2018. — № 201 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-fakty-kak-vid-yuridicheskogo-ogranicheniya/viewer> (дата обращения: 17.09.2020).
5. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 (ред. от 07.11.2015). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40630/ (дата обращения: 17.09.2020).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ (УДАЛЕННОЙ) РАБОТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Василенко, обучающийся

Научный руководитель Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт —

филиал научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

В статье рассматривается новый формат осуществления трудовой деятельности — дистанционная (удаленная) работа. Анализируются условия выплаты заработной платы работникам, перешедшим на дистанционный формат работы, и возможности обеспечить их удаленное место работы требованиям охраны труда, а также предлагаются варианты решения выявленных проблем.

Ключевые слова: дистанционная работа, условия оплаты труда, охрана труда, работник, работодатель.

Начало пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в силу объективных обстоятельств привело к повсеместному распространению режима работы вне стационарных рабочих мест и, как следствие, к развитию взаимодействия между сторонами трудовых отношений с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом выявились противоречия между реальными процессами в сфере осуществления трудовой деятельности в период пандемии и российским трудовым правом в части регламентации форм занятости и рабочего времени.

Более того, как показал опрос, проведенный международной исследовательской компанией «Ipsos» 15 апреля 2020 года, 78 % россиян недовольны переходом на дистанционный формат работы. Так, каждый третий респондент (34,5 %) ответил, что ему тяжело сосредоточиться дома, и эффективность работы падает. 33,8 % россиян сложно разграничить личную жизнь и работу. 32,9 % опрошенных недовольны плохо оборудованным рабочим местом. Некоторым тяжело работать, потому что рядом дети и семья (32,1 %) или не хватает личного общения с коллегами и клиентами (30,3 %). 26,8 % респондентов признались, что на «удаленке» поправляются и набирают лишний вес. Кроме того, часть опрошенных отметило, что из-за удаленной работы растут затраты на еду и коммунальные услуги. Но самая большая проблема заключается в снижении ежемесячных доходов. Обратим внимание, что на тот момент «Ipsos» было обработано 700 тыс. сообщений [5].

Конечно, в сложившихся условиях режим дистанционной работы стал практически единственным выходом, позволившим избежать масштабного распространения коронавирусной инфекции COVID-19, однако переход на указанный формат работы породил большое количество проблем, требующих оперативного разрешения.

Так, согласно абз. 5 ст. 312.6 ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях», проект которого был предложен депутатами Государственной думы В. В. Володиным, С. И. Неверовым, А. К. Исаевым, М. В. Тарасенко, и членами Совета Федерации В. И. Матвиенко, А. А. Турчаком, А. А. Клишасом и И. Ю. Святенко, заработная плата при временной дистанционной (удаленной) работе выплачивается в полном размере при сохранении объема работы, обусловленной трудовым договором. Однако из-за отсутствия у большинства работников возможности оборудовать дома свое рабочее место в качестве стационарного приводит к снижению производительности труда, невыполнению в срок установленного ранее в трудовом договоре объема работы, из-за чего работодатель вынужден уменьшить размер заработной платы работника [2].

Достаточно важная проблема — это отсутствие законодательной базы возможности договора работника с работодателем о новых условиях выплаты заработной платы.

Думается, что, оговорив такую возможность, законодатель сделал бы процесс вынужденного перевода работника на дистанционный формат осуществления трудовой деятельности более лояльным и гибким. Поэтому для решения данной проблемы необходимо внести в указанную статью положение, согласно которому в случае невозможности обеспечения полного соответствия надомного рабочего места работника всем необходимым критериям, позволяющим выполнить прежний объем работы, работник имеет право потребовать от работодателя изменить условия оплаты его труда. Например, работодатель может осуществить перевод работника с оплаты за выполненный объем работы на оплату за фактически отработанное время.

Согласно абз. 2 ст. 312.3 и абз. 17, 20 и 21 ст. 212 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), в целях обеспечения безопасных условий и охраны труда дистанционных работников работодатель исполняет обязательства:

- обеспечить санитарно-бытовое обслуживание и медицинское обеспечение работников в соответствии с требованиями охраны труда, а также доставку работников, заболевших на рабочем месте, в медицинскую организацию в случае необходимости оказания им неотложной медицинской помощи;
- обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;
- ознакомление работников с требованиями охраны труда [1].

Другие обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда, установленные ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, на дистанционных работников не распространяются, в то время как, согласно ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей и, в соответствии с абз. 1 ст. 219 ТК РФ, каждый работник имеет право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда.

Очевидно, что, переводя работника на дистанционный формат осуществления трудовой деятельности, работодатель частично снимает с себя ответственность за его здоровье и жизнь. Не ущемляются ли тем самым права работника в части обеспечения безопасных условий работы и охраны труда?

В связи с этим следующая проблема — неурегулированность в трудовом законодательстве вопроса об обязанности работодателя обеспечить дистанционного работника безопасными условиями труда.

Так, Ю. В. Иванова, консультант электронного журнала Право.ру, отмечает, что важным в указанном выше нормативном акте является то, что на частичную удаленную занятость распространяются ключевые льготы дистанционных работников: послабления в охране труда и указание на то, что место удаленной работы не считается стационарным рабочим местом. Это плюс для работодателя: в те дни, когда сотрудник работает из дома, на него распространяются нормы о дистанционной работе, в т. ч. в части охраны труда — инструктажи, обучение по охране труда не нужны. Но как только он возвращается в офис, на свое рабочее место, включаются стандартные нормы ТК РФ — это и спец-оценка условий труда, и проведение инструктирования. В этой связи Ю. А. Иванов, сотрудник электронного журнала Право.ру, также позитивно оценивает нововведение. При этом Е. В. Кожемякина, специалист в области охраны труда компании «ЭкоПромтест», замечает, что, делая послабления в области охраны труда, законодатель показывает своего рода пренебрежение к дистанционным работникам [4].

Для решения указанной проблемы представляется необходимым расширить круг обязанностей работодателя в части обеспечения работника безопасными условиями работы и охраны труда, а именно: добавить в абз. 2 ст. 312.3 ТК РФ следующие положения:

«Работодатель обязан обеспечить:

— применение прошедших обязательную сертификацию или декларирование соответствия в установленном законодательством Российской Федерации о техническом регулировании порядке средств индивидуальной и коллективной защиты работников;

— соответствующие требованиям охраны труда условия труда на каждом рабочем месте;

— режим труда и отдыха работников в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права;

— проведение инструктажа по охране труда и проверки знания требований охраны труда;

— недопущение к работе лиц, не прошедших в установленном порядке обучение и инструктаж по охране труда;

— недопущение работников к исполнению ими трудовых обязанностей без прохождения обязательных медицинских осмотров, обязательных психиатрических освидетельствований, а также в случае медицинских противопоказаний» [1].

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время в Российской Федерации организации ещё не готовы к переходу на дистанционный режим

работы ввиду отсутствия достаточной проработанности правовой регламентации рассматриваемого формата осуществления трудовой деятельности, однако постепенное совершенствование норм в указанных направлениях, учитывающих специфику такого труда, запустит более гибкую и эффективную систему перевода работников на удаленный режим, что «позволит защитить права и законные интересы участников соответствующих отношений» [3, с. 184].

Список литературы

1. Трудовой Кодекс Российской Федерации // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ded009db389f384c41e25cbd01e10c72a784a54d/ (дата обращения: 02.11.2020).
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: законопроект № 973264-7. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2020).
3. Карцева Н. С., Апарина М. Ю. Отдельные проблемы правового регулирования в долевом строительстве многоквартирных домов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. — № 3 (15). — С. 180–184.
4. Кондратьева И. Три удалёнки: юристы оценили законопроект о дистанционной работе. — URL: <https://pravo.ru/> (дата обращения: 02.11.2020).
5. Сухорукова Е. Россияне назвали главные недостатки удаленной работы. — URL: <https://nsk.rbc.ru/> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 364.013

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИИ

Е. И. Гавриленко, преподаватель

В. Г. Ковшина, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье проведен анализ демографической ситуации в Российской Федерации и влияние материнского капитала на нее, рассмотрены нормы права, регулирующие порядок и условия назначения и регулирования этой выплаты.

Ключевые слова: материнский (семейный) капитал, семья, демография.

Не секрет, что на сегодняшний день демографическая ситуация в Российской Федерации переживает тяжёлые времена. Естественная убыль населения в стране достигла максимальных значений — 200 тысяч. Это худший показатель после 2008 года. Население подвержено процессу старения, что чревато

негативными последствиями для экономики, особенно в наше нелегкое время, связанное с новой коронавирусной инфекцией COVID-19.

С начала 2000-х годов в течение почти 10 лет в Новосибирской области сокращалась численность населения. Однако с 2009 года и по настоящее время число постоянно зарегистрированных граждан в Новосибирской области растет из года в год. По официальным данным Новосибирскстата, на 1 января 2020 года численность населения в области составляла 2 млн 798 тыс. человек.

Также после окончания 90-х наблюдается рост рождаемости. Однако стоит отметить, что незначительное снижение данного показателя за последние 17 лет все же произошло. Спад отмечался трижды, последний раз в 2016 году. Тогда в регионе родилось более 38 тыс. детей (13,7 новорожденных на 1000 жителей области).

С 2005 года в области отмечается снижение смертности, хотя последние несколько лет данный показатель несколько колеблется. В 2016 году число умерших составило 36 тыс. человек, т. е. меньше, чем количество родившихся детей.

Одной из значимых проблем демографии в России является проблема рождаемости детей. Большинство молодых семей не решаются на рождение детей не только из-за ответственности, но и из-за отсутствия материальной возможности их обеспечить, дать детям достойное образование и жильё.

Катастрофически важно, чтобы родители, принимая решение о рождении ребёнка, ощущали не только моральную поддержку государства, но и материальную, и были спокойны за будущее своей семьи.

Для выравнивания и увеличения демографического положения правительство Российской Федерации и создало поддержку семьям с детьми в виде материнского (семейного) капитала.

С конца 2006 года в России действует программа дополнительной поддержки семей с детьми. Материнский (семейный) капитал регулируется федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2].

Материнский (семейный) капитал представляет собой дополнительную меру государственной поддержки семей в Российской Федерации, которые имеют детей и в которых с 2007 года родился или был усыновлен второй ребенок (а также третий, четвертый и любой следующий ребенок). Данная мера поддержки семей претерпевала ряд изменений. Эти изменения касались размера выплаты денежной суммы, направлений реализации выплаты, категорий граждан, имеющих права на её получение.

Право на материнский (семейный) капитал возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации.

С 2007 по 2019 год на материнский капитал имели право семьи, в которых родился второй и последующий ребёнок, но с 1 января 2020 года семьи, в которых появился первый ребенок, также имеют это право.

На сегодняшний день размер материнского капитала составляет 466 617 руб. для семей, в которых родился первый ребёнок. Для семей, в которых с 2020 г. появился второй ребенок, материнский капитал дополнительно увеличивается

на 150 тыс. рублей, а при рождении третьего ребенка государство выплатит за семью 450 тыс. руб. взятого ею ипотечного кредита.

В 2020 году программа федерального материнского капитала подверглась некоторым изменениям. Они коснулись, в частности, оформления сертификата, суммы выплаты, круга получателей и распоряжения по целевым направлениям.

Материнский капитал разрешено использовать на следующие нужды семьи: приобретение жилья, земельного участка под строительство дома, улучшение жилищных условий.

Материнский (семейный) капитал можно направить на формирование накопительной пенсии матери, на реабилитацию и приобретение технических средств реабилитации для ребёнка-инвалида и т. д.

Спектр использования средств материнского капитала достаточно широк, поэтому данная мера поддержки считается неплохой мотивационной схемой для увеличения демографии в стране.

Согласно государственным исследованиям, улучшение жилищных условий является самой популярной целью получения материнского капитала. Социальную помощь можно потратить на строительство своего дома или на выплату своей доли в договоре долевого участия. Недвижимость может быть оформлена и на женщину, и на мужчину. Собственность должна находиться на территории РФ.

Вторым по популярности направлением использования материнского капитала среди владельцев сертификата является оплата образовательных услуг для детей. При этом важно, что средства материнского (семейного) капитала можно потратить на учебу любого ребенка в семье независимо от очередности его рождения, рожденного (или усыновленного) до или после того, как семья получила право на дополнительные меры государственной поддержки в соответствии с федеральным законом № 256-ФЗ от 29.12.2006 г.

В настоящее время выдача сертификатов на материнский (семейный) капитал продлена до 31 декабря 2021 года. То есть для получения права на материнский капитал необходимо, чтобы ребенок, дающий право на сертификат, родился или был усыновлен до 31 декабря 2021 года, но при этом само получение сертификата и распоряжение его средствами временем не ограничено.

Уже на протяжении 12 лет (с 01.01.2007 г.) ПФР проводит работу по реализации государственной программы поддержки семей, имеющих одного, двух и более детей.

Введение материнского (семейного) капитала в пенсионное обеспечение внесло значительные изменения в демографическую ситуацию Российской Федерации, ПФР непосредственно занимается выдачей сертификата на материнский капитал.

Материнский (семейный) капитал, как показывает практика, даёт хороший старт для молодых благополучных семей с детьми в покупке жилья, оплаты образования с учётом нынешнего экономического положения.

В Российской Федерации увеличивается число малообеспеченных семей, безработных граждан, для которых материнский капитал — это единственная возможность приобрести собственное жилье или использовать его как

первоначальный взнос по ипотечному кредитованию.

Таким образом, мы можем сказать, что материнский (семейный) капитал является важной мерой поддержки семей с детьми в Российской Федерации, способом увеличения демографической ситуации, которая не используется больше нигде.

В обществе происходит много споров по поводу реализации данной программы. Кто-то считает, что эта мера поддержки семей не работает и на прирост населения она никак не повлияла, другие считают, что из-за этой программы появилось больше неблагополучных семей, которые рожают детей ради денег, а кто-то действительно оценивает реализацию данной программы в положительном аспекте. Винить в неудачах программу материнского капитала, по нашему мнению, не стоит, т. к. существует множество внешних факторов, которые могут служить причиной снижения демографии, например, уровень здравоохранения, безработицы, образования и др.

Согласно статистике, стабильно высокие показатели по числу новорожденных ежегодно демонстрируют Тыва, Ингушетия, Дагестан, много детей рождаются в Ненецком АО и Чеченской Республике. В этих 5 регионах также наблюдается низкий уровень смертности и, как следствие, положительный естественный прирост населения, многодетность заложена в традициях этих народов.

Отметим еще один факт: с 2017 года наблюдается тенденция по снижению рождаемости, и возможно, это связано с тем, что главные люди, которые могут обеспечить рождаемость в стране, это люди, рождённые в 1990-е годы. Как нам известно, в то время был демографический спад и сейчас это подросток малочисленное поколение не в силах изменить демографическую ситуацию в стране. По подсчётам социологов, в 1990-е гг. в России родилось и сейчас проживает на 40 % меньше людей, чем в 1980-е гг. в РСФСР. В Новосибирской области тоже отмечается замедление рождаемости с 2017 года.

Подводя итог, можно сказать, что материнский капитал, конечно же, внес свою лепту в демографическое положение Российской Федерации. Поспособствовал поднятию рождаемости в стране. Поэтому с учетом экономической обстановки программу материнского (семейного) капитала необходимо продлевать, дабы не попасть снова в «демографическую яму», а у семей была бы возможность обеспечить своего ребёнка жильём, образованием или иными средствами. Данная мера поддержки для семей останется актуальной, пока в государстве не восстановится стабильное экономическое положение.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: ФЗ от 29.12.2006 № 256-ФЗ (послед. редакция).
3. Сайт ПФР. — URL: <http://www.pfrf.ru> http (дата обращения: 05.11.2020).

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В КОМПЛЕКСНЫХ ЦЕНТРАХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. И. Гавриленко, преподаватель

А. С. Шарбарина, преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье представлена организация юридической помощи в комплексных центрах социального обслуживания населения, перечень социально-правовых услуг.

Ключевые слова: юридическая помощь, социальное обслуживание, социально-правовые услуги.

В Российской Федерации люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, могут получить социальную поддержку, социальную помощь от государственных учреждений [1]. Одним из таких учреждений является комплексный центр социального обслуживания населения.

Комплексный центр социального обслуживания населения (далее — КЦСОН) предоставляет гражданам большой спектр социальных услуг.

Вся деятельность центра строится в соответствии с действующим законодательством [2]. Главным правоустанавливающим документом является устав центра. Кроме того, существуют положения, на основании которых устанавливается оплата социальных услуг.

К основным видам социальных услуг КЦСОН, согласно национальному стандарту РФ ГОСТ Р 52143–2003 «Социальное обслуживание населения», относятся: «социально-бытовые», «социально-медицинские», «социально-психологические», «социально-педагогические», «социально-экономические» и «социально-правовые».

Отметим, что социально-правовые услуги центра — это услуги, «направленные на поддержание или изменение правового статуса, оказание юридической помощи, защиту законных прав и интересов граждан» [3, 4].

Среди населения этот вид социальной услуги пользуется большой популярностью, потому что средний уровень правовой грамотности граждан РФ составляет более 60 %. В основном, к лицам, владеющим правом, относятся граждане, работающие в государственных структурах. Поэтому можно сказать, что предоставление юридической помощи является важным видом социального обслуживания граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Юридическая помощь — это квалифицированная помощь специалистов, предоставляемая гражданам в целях соблюдения законодательства, направленная на защиту и осуществление прав и законных интересов нуждающихся.

Специалистом комплексного центра социального обслуживания, предоставляющего социально-правовые услуги, является юрисконсульт, в обязанности которого входит:

1) оказание консультативной помощи по вопросам, связанным с правом граждан на социальное обслуживание в государственной, муниципальной и негосударственной системах социальных служб и защите своих интересов;

2) оказание помощи в подготовке и подаче жалоб на действия или бездействие социальных служб или работников этих служб, нарушающие или ущемляющие законные права граждан и помощь в оформлении документов;

3) оказание помощи в вопросах, связанных с пенсионным обеспечением;

4) оказание юридической помощи и содействие в получении установленных законодательством льгот и преимуществ, социальных выплат;

5) содействие органам опеки и попечительства в устройстве несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, на усыновление, под опеку, на попечение, в приемную семью, в учреждения социального обслуживания;

6) оформление представлений на родителей, уклоняющихся от воспитания детей, в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на лишение родителей родительских прав;

7) консультирование по социально-правовым вопросам (гражданское, жилищное, семейное, трудовое, пенсионное, уголовное законодательство, права детей, женщин, отцов, инвалидов и др.);

8) оказание юридической помощи гражданам в оформлении документов на усыновление и другие формы семейного воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

9) получение по доверенности пенсий, пособий, других социальных выплат;

10) помощь в оформлении и восстановлении документов получателей социальных услуг;

11) помощь в получении юридических услуг в форме социального обслуживания на дому;

12) содействие в получении установленных законодательством мер социальной поддержки;

13) содействие лицам без определенного места жительства, находящимся в организациях социального обслуживания в оформлении регистрации по месту пребывания [3].

Таким образом, мы видим, что юрист центра по работе с нуждающимися гражданами должен быть грамотным, квалифицированным работником, подготовленным во всех юридических, социально-правовых вопросах.

Для получения юридической помощи гражданам необходимо состоять на социальном обслуживании. Социальные услуги предоставляются бесплатно в объемах, определенных индивидуальной программой предоставления социальных услуг (ИППСУ), которая разрабатывается на основании заявления и заключенного договора между получателем социальных услуг и предоставляющим данные услуги комплексным центром.

В среднем в комплексных центрах социального обслуживания г. Новосибирска на социальном обслуживании состоит более 2000 человек. У всех граждан разная специфика проблемных вопросов, которые должен решить юрисконсульт учреждения за ограниченный период времени. На решение одного вопроса у юриста комплексного центра уходит от 30 минут и больше, поэтому охватить большое количество граждан специалист не может.

Деятельность социального юриста основывается на знании законов о жилье, о социальном обеспечении, об охране здоровья, о медицинской помощи, об образовании.

В каждом районе города Новосибирска есть комплексный центр социального обслуживания населения. На один центр приходится 1–2 специалиста, которые напрямую работают с гражданами по предоставлению юридической помощи. Отсюда возникает проблема по оказанию помощи нуждающимся, т. к. одному специалисту трудно предоставить качественную юридическую поддержку всем нуждающимся, состоящим на социальном обслуживании в КЦСОНе.

Помимо консультирования граждан, юрист может выполнять работу в различных проектах и программах, реализуемых комплексными центрами. Например, проводить беседы со школьниками по профилактике противоправного поведения, консультировать беременных женщин о мерах государственной поддержки и способах их получения.

Роль специалиста юридической сферы очень важна в организации деятельности по предоставлению социально-правовых услуг в комплексных центрах социального обслуживания населения. По нашему мнению, одна из основополагающих проблем при предоставлении юридической помощи — это недостаток квалифицированных кадров. На одного юриста центра ложится большая работа и ответственность за свою деятельность. Следовательно, для решения данной проблемы необходимо расширить кадровый состав центра и его финансирование. Несмотря на то, что институт социальной работы формируется в России уже не одно десятилетие, вопрос о кадровой обеспеченности социального обслуживания остается открытым. Данная сфера работы характеризуется небольшими заработными платами и высоким психологическим износом, текучестью кадров, что является причиной непопулярности у специалистов юридической сферы выбора комплексного центра как места работы, хотя он является местом, где можно реализовать свой профессиональный потенциал правовых знаний.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: ФЗ от 28.12.2013 № 442-ФЗ.
3. ГОСТ Р 52143–2003. Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг. — Москва: Стандартинформ, 2003.
4. Об утверждении Примерного положения о Комплексном центре социального обслуживания населения: постановление от 25 мая 1998 г. № 323.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ИНВАЛИДОВ НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

Е. А. Жуков, преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье рассматриваются субъективные права инвалидов на доступ к информации, включая информационно-коммуникационные технологии и системы. Проанализировано правовое регулирование ограничений исключительных авторских прав в пользу инвалидов.

Ключевые слова: права инвалидов, авторское право, ограничения и исключения авторских прав.

Одно из приоритетных направлений государственной политики в современных условиях нацелено на обеспечение лиц с ограниченными функциями жизнедеятельности, которые нуждаются в создании дополнительных условий для их интеграции в социальные отношения, особенно в сфере науки, образования и культуры.

Образовательные и иные учреждения активно формируют и реализуют на практике инклюзивные программы образования инвалидов, создают общественное пространство доступной для них среды. Основные трудности предопределены зачастую недостатком материальных средств и ресурсов для удовлетворения особых образовательных потребностей лиц с ограниченными возможностями, но в еще большей степени барьером становится консервативный менталитет окружающих в виде отстраненного, психологически неприязненного отношения к инвалидам в обществе. Сказывается недостаток знаний и опыта повседневного социального взаимодействия здоровых людей и инвалидов.

Способы восприятия внешней информации инвалидами включает использование специальных языков и особого построения текста, шрифта с увеличенным форматом, доступных мультимедийных средств, печатных материалов, аудиосредств, аудиолекций, а также специальных способов и форматов общения, включая доступную для них информационно-коммуникативную среду.

Российская Федерация подписала и впоследствии ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года, которая позволила создать международную основу для государственной и социальной поддержки инвалидов. Ранее в рамках международной организации были приняты Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (Генеральная Ассамблея ООН, 20.12.1993 г.). Несмотря на рекомендательный характер документа, было отмечено, что необходимо разрабатывать специальные форматы для оказания информационных услуг инвалидам.

Инвалиды с ограничениями физических возможностей органов слуха нуждаются в оказании услуг по сурдопереводу поступающей извне культурной массовой информации как наиболее доступной для них коммуникативной среды. Необходимо, чтобы развитие компьютеризированных информационных систем

с самого начала обеспечивало их использование и адаптацию для инвалидов. Значимый объем помощи в реализации социальных прав инвалидов на информацию, консультирование в информационной сфере на постоянной основе могут обеспечить организации инвалидов.

В рамках международных стандартов и требований в Российской Федерации инвалидам гарантируется право на получение необходимой информации. Право интеллектуальной собственности как правовой режим экономической монополии запрещает общественно значимые действия в отношении результатов интеллектуальной деятельности без разрешения правообладателя. В частности, ст. 1270 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) в авторском праве только правообладателю предоставлено исключительное право использовать охраняемое произведение в любой форме и любым способом.

Для реализации прав инвалидов на получение информации научного, образовательного и культурного характера законодательство предусматривает особые исключения, выводящие использование творческих произведений инвалидами из-под действия исключительного авторского права в специальных форматах. При этом для правообладателей охраняемых авторских произведений должны быть сохранены все иные доступные возможности коммерческой эксплуатации принадлежащих им интеллектуальных результатов и получение доходов от использования в гражданском обороте, в т. ч. платное лицензирование. В качестве обоснования введения ограничений на осуществление исключительных прав называют прежде всего необходимость реализации базовых (конституционных) прав, содействие образованию, культуре и науке; сбой в рыночных механизмах, когда общественные потребности подавляются частными интересами [1].

Международная Федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) выражает беспокойство, связанное с отсутствием гарантий ограничений исключительных авторских прав в отдельных странах, что само по себе сокращает возможности безвозмездного использования произведений в общественных целях и может привести к сокращению круга лиц, не готовых оплачивать приватный доступ к охраняемым произведениям [2]. В конечном счете это ведет к разделению общества на информационно богатых и информационно бедных. ИФЛА также считает, если исключения, разрешенные в национальном законодательстве, соответствуют «трехступенчатому тесту» Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, интересы правообладателей не пострадают, и, следовательно, не требуется никаких дополнительных разрешений или компенсационных выплат за использование.

Последовательное применение «трехступенчатого теста» означает, что ограничения исключительных прав должны быть четко определены, понятны и конкретизированы, должны в достаточной степени гарантировать правовую определенность [3]. Кроме того, не должно быть противоречия между исключениями прав авторов и способами, которыми автор может использовать свое произведение в условиях рыночной экономики. И в-третьих, поскольку исключения в сфере авторских прав в общественных интересах так или иначе подавляют определенным образом частные интересы правообладателей, главное,

чтобы таковое ущемление не становилось необоснованным без надлежащей компенсации со стороны общества.

Сами по себе нормативные положения об авторском праве не должны создавать дополнительные препятствия в получении информации лицами с нарушениями когнитивных способностей, зрения или слуха. В законе должна быть заложена возможность изменения формата произведения так, чтобы восприятие его инвалидами стало доступным, и при этом не нарушались авторские права.

Инвалиды должны получить возможность беспрепятственного просмотра произведений в электронной форме изданий, на которые истек срок действия исключительного авторского права и они находятся в общественном достоянии (*public domain*); воспринимаемое произведение должно быть адаптировано для людей с ограниченными возможностями или переведено на другой язык; необходимо создать условия для копирования частей произведений в электронной форме в оправданном объеме для личного, образовательного или исследовательского использования.

Традиционно общедоступные библиотеки на некоммерческой основе вправе без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения предоставлять во временное безвозмездное пользование произведения, которые правомерно находятся в составе библиотечных фондов (ст. 1275 ГК РФ). Так как ограничения исключительных авторских прав создают условия для реализации конституционных прав граждан на творчество и получение информации, международные соглашения государств в сфере авторского права должны гарантировать достаточные управленческие процедуры для обеспечения действующих ограничений исключительных прав и расширения их перечня на будущее [4].

Для инвалидов законодательством предусмотрено свободное создание экземпляров произведений, которые были опубликованы в специальных форматах, и при этом такие форматы предназначены только для использования слепыми и слабовидящими (рельефно-точечным шрифтом и другими специальными способами), а также воспроизведение и распространение копий таких произведений в некоммерческих целях (ст. 1274 ГК РФ). Не допускается переформатирование произведений из специального в общедоступный формат так, чтобы появилась возможность неконтролируемого общественного использования. Ограничения не действуют в отношении произведений, сразу изготовленных в специальных форматах для использования инвалидами, при котором переформатирование с общим доступом невозможно.

В настоящее время российский законодатель рассматривает возможность ратификации перспективного Марракешского договора ВОИС (далее — Договор) об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям 2013 года [5]. Главной целью Договора является введение ограничений исключительных авторских прав в интересах слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию. Договор требует от участников таких ограничений авторских прав, которые позволяют воспроизводить, распространять и делать общедоступными опубликованные произведения в специальных

форматах для указанных лиц, а также создает возможность трансграничного обмена авторскими произведениями в специальных форматах. При этом к числу лиц, которые испытывают затруднения с чтением, относятся не только слепые и слабовидящие, но и лица, неспособные в силу какого-либо физического недостатка удерживать книгу или обращаться с ней.

Существенным недостатком Договора является правовой режим, который распространяется только на ограниченный круг произведений в виде их литературных или художественных разновидностей, как это установлено Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений в форме текста, нотной записи и/или связанных с ними иллюстраций. Поэтому на перспективу необходимо развить более широкие по смыслу стандарты международного регулирования социальных прав инвалидов для того, чтобы появилась возможность унификации правовых норм и подходов в предоставлении инвалидам специальных форматов доступа к культурно-значимой информации в отношении всех видов авторских произведений.

Список литературы

1. Lucie Guibault. Discussion paper on the question of Exceptions to and limitations on copyright and neighbouring rights in the digital era. — URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/abfb/c7d432cfbaa4e678ce503734ffe40ea30837.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
2. The IFLA Position on Copyright in the Digital Environment (2000). — URL: <https://www.ifla.org/publications/the-ifla-position-on-copyright-in-the-digital-environment-2000> (дата обращения: 25.03.2020).
3. Papadopoulou M. D. Copyright Limitations and Exceptions in an E-Education Environment // European Journal of Law and Technology. — Vol. 1. — Issue 2. — 2010.
4. Шугуров М. Международно-правовые режимы ограничений и исключений из авторского права и смежных прав // ИС. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 12. — С. 15–30.
5. Marrakesh Treaty to Facilitate Access to Published Works for Persons Who Are Blind, Visually Impaired, or Otherwise Print Disabled. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/textdetails/13169> (дата обращения: 25.03.2020).

САМОЗАЩИТА РАБОТНИКАМИ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Е. С. Згонникова, обучающийся

Научный руководитель М. М. Панарина, канд. юрид. наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия

Рассмотрен феномен самозащиты работниками трудовых прав в Российской Федерации, а также оценены перспективы развития института в будущем.

Ключевые слова: трудовые права, трудовые отношения, работник, работодатель.

Самозащита является уникальным институтом, согласно которому права лица, принявшего пропорциональные меры для прекращения преступления со стороны работодателя, были нарушены. Тем не менее, важно помнить, что отличительной чертой трудового договора является возможность распоряжения работодателем дисциплинарным органом, который может быть применен к работнику.

Трудящиеся принимают меры предосторожности в случае серьезных нарушений, даруемых нормативно-правовыми актами трудовых прав. Однако часть работников явно не готовы применять этот метод охраны труда. Отчасти это связано с тем, что у трудящихся могут стать хуже отношения с работодателями.

Есть и другое объяснение юридического бездействия работников. Среди них бытует мнение в необходимости осуществления дополнительного регулирования данной сферы трудового права государственными органами.

На самом деле современного работодателя интересует только его деятельность. Он отказывается принимать экономические потери, в связи, например, с охраной труда. Работнику следует самостоятельно осуществлять защиту своего положения.

Понятие и способы защиты трудовых прав и свобод. Основная целенаправленная деятельность при защите трудовых прав заключается в непосредственном осуществлении работниками таких прав.

Статья 352 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает четыре основных способа защиты трудовых прав и свобод [4].

Следует отметить, что самозащита — это новый инструмент в трудовом законодательстве, который впервые был введен в ТК РФ для защиты трудовых прав работников. Однако Трудовой кодекс РФ не определяет понятие самозащиты [4].

Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ включен в ст. 352 ТК РФ, подчеркивая определенный ряд преимуществ этого метода как первоочередного [5].

Самозащита — это средство защиты прав и законных интересов трудящихся, а также независимые и активные действия по защите прав трудящихся на работу, жизнь и здоровье.

Таким образом, самозащита ограничивается сотрудниками, которые принимают меры по защите своих трудовых прав. Особенность заключается в том,

что характер деятельности является неформальным, а также нет необходимости в участии каких-либо органов власти.

Главной особенностью самозащиты между работниками и работодателями является возможность работать независимо, без привлечения органов государственной инспекции, трудового законодательства и органов по разрешению трудовых споров.

В этом случае претензия работника может быть возвращена, если работодатель добровольно исправит нарушение. Во-вторых, закон не запрещает одновременно реализовывать право на самозащиту и права на иные средства защиты трудовых прав. Например, компетентный орган по своему усмотрению может принять решение о том, имело ли место нарушение.

В целях защиты трудовых прав, согласно ч. 2 ст. 379 ТК РФ, допускается работнику отказываться от работы в иных случаях, предусмотренных ТТК РФ и другими федеральными законами [4].

Таким образом, любой незаконный приказ работодателя может привести к таким мерам, как преждевременный уход с работы или отказ от сверхурочной работы, что будет являться формой самозащиты.

Механизм реализации права на отказ от работы. Статья 142 ТК РФ устанавливает «право на приостановку работы на определенный период в связи с незаконностью действий работодателя». Эксперты отмечают, что право невыхода на работу в этом случае неоднозначно. Во-первых, ставится под сомнение корректность данной нормы, а также законность действий работника в данном случае [4].

В этой связи предлагается поговорить о гарантиях, необходимых для осуществления предусмотренных в ней прав [4].

Ни ст. 142, ни ст. 236 ТК РФ не дают разъяснения на вопрос: это период приостановки выплаты заработной платы? Если этот вопрос не будет решен, эксперты считают, что защита прав работников от злоупотреблений превратится в неоплачиваемый отпуск [4].

В соответствии со ст. 236 ТК РФ, «размер денежной компенсации, выплачиваемой работнику, может быть увеличен коллективным договором и / или трудовым договором, и обязанность выплачивать заработную плату возникает независимо от вины работодателя».

Поэтому при заключении трудового договора работник вправе поднять вопрос об увеличении размера такой компенсации в условиях трудового договора. Эффективность самозащиты станет выше и появится стимул для работодателя оплачивать вовремя [4].

На практике работодатели уклоняются от выплаты этой компенсации, особенно в случае отсрочки выплаты заработной платы. В этой ситуации работник имеет право вернуться в агентство для разрешения трудового спора, и эта процедура обжалования будет осуществляться в форме самообороны. В случае нарушения трудовых прав эти организации принимают решение в соответствии с мерами по охране труда, которые являются обязательными для работодателей.

Работник может защищать свои права в соответствии со ст. 380 ТК РФ, которая запрещает работодателю вмешиваться в самостоятельное осуществление

охраны труда. К сожалению, в новой редакции закона отменяется положение, запрещающее преследование работников за использование установленных федеральным законом мер самозащиты [4].

Проблемы самозащиты трудовых прав в России. Работник не может на самом деле в полной мере использовать этот метод защиты в случае нарушения трудовых прав. Если работник использует самозащиту, работодатель может считать, что действие является противоправным поведением.

Такая неоднозначность правовой оценки свидетельствует об отсутствии правового механизма защиты трудовых прав, что на практике может привести к ряду серьезных проблем. Их следует учитывать не только при использовании данного метода, но и при преподавании и изучении трудового права.

Первый вопрос — это ограничение прав работников, что считается дисциплинарным нарушением в сфере независимой защиты трудовых прав работников. Сотрудники опасаются использовать этот метод защиты своих трудовых прав, поскольку негативным фактором для работника при обращении за самозащитой является возможность ухудшения отношений с работодателем [6].

Вторая проблема — это злоупотребление правами работников, например, использование права на самозащиту только в ущерб работодателю.

На наш взгляд, одним из немногих препятствий для защиты своих прав может быть ограничение прав и свобод во время чрезвычайного положения или в иных ситуациях. Запрещается отказ работника от исполнения служебных обязанностей в случае угрозы жизни или здоровью населения.

Отказ от работы увеличивает серьезность конфликта, вынуждая сотрудников покидать рабочее место, а процесс разрешения споров помогает сотрудникам и работодателям находить способы создания позитивной психологической атмосферы в организации. Поэтому самостоятельное решение проблемы работника должно быть инициировано по согласованию с работодателем, а помощь в этом вопросе должен оказать профессиональный юрист.

В заключение следует отметить, что в настоящее время такие формы охраны труда, как самозащита, требуют законодательной реформы. Неэффективность в каких-то моментах и страх потерять работу при использовании механизмов самозащиты права повышает частоту в пользу выбора судебной защиты.

Юристы могут помочь законно и надлежащим образом защитить работника. Самозащита имеет ряд преимуществ перед другими методами защиты трудовых прав, а именно:

- способствует скорейшему разрешению конфликтов;
- дешевый способ восстановления нарушенных трудовых прав;
- позволяет сотрудникам самостоятельно планировать и контролировать ход мероприятий по самообороне.

В настоящее время широко распространена теоретическая разработка вопросов, связанных с независимой защитой трудовых прав работников. Необходимые изменения могут быть внесены законодательными органами, например, путем предоставления дополнительных охранительных мер сотрудникам в случае отказа идти на работу или путем использования других механизмов для защиты прав.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. — 1998. — 10 декабря.
2. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (заключена 21.12.1965) // Ведомости ВС СССР. — 1969 г. — 18 июня. — № 25. — Ст. 219.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. ТК Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
5. О внесении изменений в ТК Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: ФЗ от 30.06.2006 № 90-ФЗ // Парламентская газета. — 13.07.2006. — № 114.
6. Крылов К. Д., Зыкина Т. А. К развитию теоретического исследования реализации прав работника // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 5. — С. 89–96.

УДК 331.5

ТЕНДЕНЦИЯ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Д. А. Земцова, обучающийся

*Научный руководитель О. Л. Вербина, канд. ист. наук, доцент
Курский государственный университет
г. Курск, Россия*

В данной статье анализируется тенденция неустойчивой занятости, выявляются особенности проявления данной тенденции в государствах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: занятость, неустойчивость, увеличение, возрастание.

На современном этапе сфера труда претерпевает существенные изменения, обусловленные переходом к постиндустриальному обществу. Социум, как правило, осваивает все новые технологии, что, безусловно, ведет к качественным преобразованиям самой структуры занятости.

В первую очередь переоценка уже сформированной модели занятости происходит в результате увеличения нетипичных форм деятельности трудового характера, которые по сути предполагают наличие гибких методов регулирования подобных отношений. Необходимо отметить, что при повышении гибкости отношений переоценка выступает в качестве имманентного свойства,

что автоматически приводит к появлению актуальных вопросов в области теории и практики трудового права.

Проблема «неустойчивости занятости» рассматривается в зарубежных исследованиях по философии, социологии, экономике. Безусловно, данный вопрос затрагивался и отечественными авторами, как правило, в области социологии, например, работы С. Р. Носинова [1, с. 90].

Сущностными элементами подобных исследований можно назвать процесс концептуализация понятия неустойчивой занятости, а также формирование его теоретико-методологической базы.

Для более углубленного понимания темы необходимо описать понятийное поле. Так, под прекаризацией подразумевают отношения трудового характера, которые фактически могут быть прекращены в одностороннем порядке, и как показывает повседневная практика, в качестве инициатора выступает работодатель. Еще одним понятием является дерегуляция. Деревуляция — это отсутствие правовой и социальной гарантии занятости. Ввиду того что явление дерегуляции охватывает сегодня довольно большое количество наемных работников, для решения этой проблемы автор считает необходимым реформирование соответствующих правовых норм.

Логичней всего сделать акцент на неустойчивости трудовых отношений. Неустойчивость, которая возникла относительно недавно, имеет корни еще в советском времени, точнее — в системе общественного труда. В тот период имели место правовые предписания, которые специализировались на регулировании нетипичных отношений в области трудовой деятельности, т. е. можно говорить о перманентном характере неустойчивости трудовых отношений.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что саморазвитие, а также распространение нетипичных форм занятости в Евразийском экономическом союзе стало возможным после распада Советского Союза, с началом формирования рыночной экономики [3, с. 300].

Вопрос о нетипичных формах занятости не раз поднимался на уровне международного права. Когда произошло отступление от сформировавшегося понятия «полная занятость», последнее было признано Резолюцией о Международной классификации статуса занятости. В указанном международном правовом акте упоминаются особенности института срочного трудового договора, параллельно подчеркивается наличие сезонной работы как обязательного фактора трудовых отношений.

В течение десяти лет с учетом распространения гибких форм занятости Международная организация труда вводила договорные отношения между работодателем и наемным работником [2, с. 300].

Сегодня процесс развития трудового законодательства в государствах, входящих в Евразийский экономический союз, находится в поиске лояльного баланса. В свою очередь Трудовой кодекс нацелен на установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, что должно обеспечить создание благоприятных условий труда, а также защиту прав и интересов работников и работодателей. Трудовое законодательство государств Евразийского экономического союза специализируется на создании важных правовых

условий посредством достижения лояльного согласования интересов сторон трудовых отношений.

Тенденция неустойчивой занятости оказывает непосредственное влияние на ключевые моменты организации наемного труда в странах Евразийского союза. Данный вид влияния оставляет значительные следы в трудовых законодательствах европейских стран и характеризуется тем, что в содержании основных принципов не отмечается стабильность трудовых правоотношений.

Таким образом, характеристика проблемы формируется следующим образом:

— во-первых, устанавливается факт фиксации отношений неустойчивой занятости в области труда;

— во-вторых, определяется, имеют ли место стимулы на пути к эффективному росту компании;

— в-третьих, оценивается реальность стратегии развития кадров на профессиональном уровне;

— в-четвертых, устанавливается, насколько сильно ухудшились для работников возможности получения благоприятного социального обеспечения в будущем.

Любая проблема, затрагивающая развитие феномена неустойчивости занятости, должна коррелировать с либерализацией законодательства в сфере экономической деятельности, а также с поддержкой предпринимательства и урегулированием ответственности административного права за нарушения норм правового законодательства.

Стоит отметить, что для оказания эффективной поддержки предпринимательской деятельности и обеспечения благоприятной инвестиционной среды был принят закон «О порядке проведения проверок субъектов правительства». В результате установлен мораторий на проведение определенного рода проверок, срок которого составляет 2 года. В основе решения лежат нормативные акты, а также структуры трудовой инспекции по охране труда.

Список литературы

1. Носинов С. Р. Диверсификация сформировавшейся модели занятости / Н. Н. Аверченко // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 86–92.
2. Ликиров А. М. Тенденции неустойчивой занятости / А. М. Ликиров // Москва, 2019. — 387 с.
3. Сауров С. С. Особенности трудового законодательства / С. С. Сауров // Москва: Статут, 2017. — 511 с.

ОПЛАТА ТРУДА РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Е. Е. Калашникова, обучающийся

Научный руководитель Н. В. Демидов, канд. юрид. наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия

В статье рассмотрены действия работодателей по снижению расходов на оплату труда. По результатам анализа проведена оценка способов и средств сокращения заработной платы с учетом требований, принятых в целях противодействия распространению коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: оплата труда, нерабочие дни, коронавирус, работодатель, работник.

Принятые ограничения в связи с объявленной в начале 2020 г. пандемией коронавирусной инфекции привели к глобальному кризису. Организации временно прекратили экономическую деятельность или работают в новых для себя условиях, связанных с требованиями Роспотребнадзора или переходом к разрешенным видам экономической деятельности. Исключение составляли отмеченные в п. 2 Указа Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 [1] юридические лица. Этим же нормативным правовым актом впервые были введены нерабочие дни с сохранением заработной платы.

Падение спроса на многие товары и услуги вызвано срочными мерами по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Утрата дохода от их производства — прямая причина сокращения средств фондов оплаты труда и сопротивления работодателей требованиям, принятым на федеральном уровне: работников принуждали к выходу в неоплачиваемый отпуск, сокращали размер заработной платы. Минтруд неоднократно разъяснял, что подобные меры не соответствуют смыслу указов Президента РФ о мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Режим нерабочих оплачиваемых дней предполагал альтернативу только в виде продолжения работы организаций в особых условиях. Нерабочие дни должны быть оплачены в обычном размере и «не являются основанием для снижения заработной платы работникам» [2], не допускается также понуждение работников к выходу в отпуск без сохранения заработной платы. Расширение федеральными властями системы государственной поддержки вовсе не прекратило попытки работодателей найти способы сократить издержки оплаты труда.

Так, работодатель не несет расходы за работника, изолированного от общества по причине заражения или подозрения о заражении коронавирусной инфекцией. Карантин (изоляция) означает отстранение от работы с выплатой пособия по временной нетрудоспособности (порядок установления режима самоизоляции регламентирован постановлениями Правительства РФ от 18 марта 2020 г. № 294, от 18 июня 2020 г. № 876; постановлением Главного государственного

санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7; и др.). Выплата пособия в данном случае осуществляется за счет средств ФСС.

Появление нового основания оформления листа нетрудоспособности повлекло риск снижения производительности организации. В связи с чем закономерно стремление работодателей сократить расходы на доплаты и надбавки стимулирующего характера, под любым предлогом отказать работникам, прошедшим карантин (изоляцию), в праве на премию. Некоторые работодатели утверждают, что начисление стимулирующих выплат за полный месяц, в котором выплачивалось пособие по нетрудоспособности с учетом всех стимулирующих, — это «двойная оплата труда», поправшая порядок повременной оплаты труда. На это можно возразить тем, что расчет средней заработной платы происходит с учетом уже выплаченных премий за 12 предшествующих месяцев. Во-вторых, выплаты стимулирующего характера и пособия по временной нетрудоспособности имеют разную правовую природу, а соответственно, и разный порядок начисления и выплаты. Системы премирования детально регламентируются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами (ст. 135 ТК РФ): работников поощряют за полезный результат и высокое качество выполняемых работ. Конкретные основания и условия зависят от организации, которая готова оценить и оплатить старания работника. Премии могут начисляться за месяц, квартал, год или иной промежуток времени [3], который не совпадает со сроком выплаты заработной платы. По окончании указанных периодов работодатель оценивает положительные достижения работника и выплачивает соответствующее вознаграждение.

В каждой организации установлена система оплаты труда, и заработная плата должна быть начислена в соответствии с ней. Однако «пандемия и экономический кризис может послужить стимулом для пересмотра и актуализации Положения об оплате труда и премировании» [4, с. 81]. Работодатель может включить в него тяжелое экономическое положение организации как основание для отказа в выплате премиальных, установить дополнительные критерии премирования [4, с. 81], увеличить период начисления премии и пр. Изменения в локальный акт, устанавливающий порядок премирования, должны быть внесены с учетом мнения представительного органа работников (ч. 4 ст. 135 ТК РФ).

Снижение затрат работодателей путем введения неполного рабочего времени является эффективным подходом к оплате труда в условиях пандемии [4, с. 79]. Для работодателя он неудобен тем, что может быть применен только по основаниям статей 72 и 74 ТК РФ: по соглашению сторон трудовых отношений или по инициативе работодателя (в особых случаях). По вопросу, может ли работодатель незначительно сократить рабочее время, когда он обязан это сделать по просьбе работника (ч. 2 ст. 93 ТК РФ), сложилась противоречивая судебная практика. При проверках органы исполнительной власти выявляют попытки работодателя сократить издержки, оплачивая таким сотрудникам только фактически отработанное время (как и требует ч. 3 ст. 93 ТК РФ). Разрешая споры между работодателями и органами ПФР, суды придерживаются такой позиции, что уменьшение рабочего времени носит формальный характер [5], если сотрудникам один рабочий день сокращался на несколько часов или

несколько рабочих дней на несколько минут. Аналогичные споры возникали и до периода пандемии коронавируса. Нередко подобные действия признавались правомерными, т. к. ТК РФ не устанавливает минимального времени, на которое допустимо сократить рабочее время. ВС РФ указал, что утраченный работником заработок при сокращении рабочего времени компенсируется пособием по уходу за ребенком. Такая мера должна обеспечивать возможность в освободившееся время осуществлять уход за ребенком [6]. В период пандемии сокращение рабочего времени выполняет и другие задачи.

Установление режима неполного рабочего дня может предотвратить массовые увольнения. По этой причине ч. 5 ст. 74 ТК РФ позволяет работодателю с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации и в порядке, установленном ст. 372 ТК РФ для принятия локальных нормативных актов, сократить рабочее время (рабочий день или неделю) на период до 6 месяцев. Прочие изменения условий трудового договора допускаются, согласно ч. 1 ст. 74 ТК РФ, в связи с изменением организационных и технологических условий труда. Последними не являются изменения штатного расписания в части расстановки и сокращения должностей [7]. По указанной статье могут быть изменены различные условия трудового договора (кроме трудовой функции), вплоть до системы оплаты труда. Сама по себе тяжелая финансовая ситуация не может являться основанием для изменения трудового договора по инициативе работодателя [8]: пересмотр им трудового договора допускается в случаях, если определенные сторонами условия не могут быть сохранены (ч. 1 ст. 74 ТК РФ). Соответственно, работодатель не вправе со ссылкой на указанную статью менять системы оплаты труда, уменьшать размер оклада оставшимся после сокращения сотрудникам, устанавливать режим неполного рабочего времени на основании нехватки средств фонда оплаты труда организации.

Прежде чем изменить условия трудового договора по своей инициативе, работодатель должен издать приказ об изменении организационных или технологических условий труда [8]. Затем следует «внесение изменений в Положение об оплате труда и премировании» или разработка отдельного Положения о премировании [8]. После чего работодатель может приступить к выполнению процедуры, предусмотренной ст. 74 ТК РФ. Эти три этапа согласованы с нормами ТК РФ. Порядок детерминирован логикой преобразования систем оплаты труда вслед за экономическими и иными изменениями условий труда. А условия оплаты труда (размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты) в организациях детализуются локальными нормативно-правовыми актами.

В период ограничений, направленных на предупреждение распространения коронавирусной инфекции и «снижения производственной загрузки и коммерческой активности», многие работодатели с согласия работников предоставляли им отпуск [4, с. 79]. Действительно, работодатели сохраняют возможность предоставить неоплачиваемый отпуск по желанию работника. Работодатель получает выгоду, сэкономив на заработной плате тогда, когда работником не выполнялась трудовая функция. Случаем трудового нарушения является только принудительный неоплачиваемый отпуск. Ежегодный оплачиваемый

отпуск должен быть по-прежнему предоставлен согласно действующему графику отпусков.

Простой в качестве модели минимизации расходов фонда оплаты труда неостоятелен. Это временная приостановка работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера, время которой оплачивается в меньшем размере по сравнению с заработной платой, исчисляемой по установленной системе оплаты труда. Объявление простоя противоречило бы прямому требованию приостановить деятельность организаций и выплатить заработную плату работникам в полном размере [4, с. 79]. Нормативно-правовыми актами регионов этот режим может вводиться в отношении субъектов некоторых видов экономической деятельности.

Объявление простоя при условии ограничения деятельности организации — опыт использования работодателем противоправной меры, если его целью было уклонение от оплаты труда работников в нерабочие дни. Какие-либо иные мотивы обычно сопутствуют законному уменьшению расходов на оплату труда работников, «чи трудовые функции в определенный период времени были не востребованы» [4, с. 79]. За счет таких действий работодатели стремятся предотвратить сокращение штата. При восстановлении обычного режима работы их труд будет оплачиваться в полном размере согласно принятой в организации системе и порядку оплаты труда.

Работники вправе обратиться в компетентные органы за защитой своего права на своевременную выплату заработной платы. А работодатели используют любой повод, чтобы обжаловать решения государственных инспекторов труда, когда они были признаны виновными в нарушении ч. 6 ст. 136 ТК РФ. Порядок оплаты труда считается нарушенным, если «в установленный день с 16 по 30 (31) число текущего месяца и за вторую половину — с 1 по 15 число следующего месяца» [3] она не была получена работником в месте выполнения им работы, либо не переведена в соответствующую кредитную организацию. Работодатели могут неоднократно злонамеренно пропускать установленные сроки выплаты заработной платы [9].

Состав ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ охраняет право работника не только на своевременную оплату труда, но и на получение заработной платы в полном объеме. Практика осуществления исполнительными органами своих функций по государственному контролю (надзору) свидетельствует о фактах нарушений работодателями требований трудового законодательства, «приведших к установлению заработной платы в размере менее размера, предусмотренного трудовым законодательством» [10]. Нежелательность пропуска срока выплаты заработной платы или незаконного уменьшения ее размера для благополучия человека или целой семьи неоспорима.

В период пандемии коронавируса работодатель зачастую совершает правонарушения в сфере оплаты труда, с которыми уже сталкивалась юридическая практика. Для оптимизации затрат на оплату труда работодатели могут использовать действующие институты ТК РФ. Предпринимаемые ими меры не должны противоречить новым режимам, призванным ограничить распространение коронавирусной инфекции.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485/ (дата обращения: 01.11.2020).
2. О направлении Рекомендаций работникам и работодателям в связи с Указом Президента РФ от 25.03.2020 № 206: письмо Минтруда России от 26 марта 2020 г. № 14-4/10/П-2696. — URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_348593/5f00048708fca949aa7144b1ba65e4d08650e727/.
3. Письмо Минтруда РФ от 14 фев. 2017 г. № 14-1/ООГ-1293. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71523410/> (дата обращения: 27.10.2020).
4. Корнева Е. В. Подходы к оплате труда в условиях пандемии глобального экономического кризиса // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. — 2020. — № 2. — С. 77–83.
5. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11 июля 2020 г. по делу № А56-22593/2020. — URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravno> (дата обращения: 24.10.2020).
6. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда РФ от 18 июля 2017 г. № 307-КГ17–1728. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625800/> (дата обращения: 22.10.2020).
7. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-29931/2019 от 24 июля 2019 г.. — URL: http://www.trudovoikodeks.ru/praktika/praktika_7_77_resh39_izmenenie-shtatnogo-raspisaniya-s-umensheniem-oklada.shtml (дата обращения: 23.10.2020).
8. Казакова С. Смена систем оплаты труда и споры сторон в суде. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=235023#022690549764990764> (дата обращения: 27.10.2020).
9. Решение Якутского городского суда Республики Саха от 24 июля 2020 г. по делу № 12-864/2020. — URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id> (дата обращения: 20.10.2020).
10. Решение Мурашинского районного суда Кировской области от 21 июля. 2020 г. по делу № 12-2/10/2020. — URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id> (дата обращения: 27.10.2020).

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ
С ДЕТЬМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. СОСТОЯНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ
С ДЕТЬМИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

Е. М. Колесник, обучающийся

Научный руководитель Е. И. Гавриленко, преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК)
г. Новосибирск, Россия

В статье приведена характеристика видов социального обеспечения семей с детьми в Российской Федерации, рассмотрены нормы права, регулирующие государственные меры поддержки семей с детьми.

Ключевые слова: семья, дети, социальное обеспечение, нормы, законы, понятие.

Социальное обеспечение семей, у которых есть дети, в современном обществе занимает важное место. Отношение к семье в любом государстве определяется тем, что это единственный на сегодняшний день институт, выполняющий функции физического и духовного воспроизводства населения.

Институт семьи в современном обществе представлен множеством мнений и все они разные. Концепция социального обеспечения семей с детьми, усиливающая необходимость оказания государственной социальной помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, широко используется в юридической и социальной литературе.

При создании семьи граждане сталкиваются с определенными трудностями. Они касаются различных сфер жизни человека. Государство как гарант права принимает ряд нормативных актов, направленных на оказание поддержки незащищенным членам общества. Специальные программы Российской Федерации направлены на облегчение жизни и создание для этой категории достойных условий жизни.

В нашем государстве много многодетных семей. Многодетные семьи нуждаются в особой защите. Социальная защита обязана быть непрерывной, всесторонней, гибкой, доступной, а также способной выравнивать социальные условия для этих групп населения.

Многодетные семьи — это те семьи, где воспитывается 3 и более детей в возрасте до 18 лет. Меры государственной социальной поддержки многодетных семей изложены в Указе Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» и в ФЗ от 19 мая 1995 г. № 81 «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [2].

Социальное обеспечение семей с детьми выполняется за счёт реализации государственных проектов, направленных на защиту и поддержку семей, например:

1. Предоставление жилья в рамках социального найма.
2. Предоставление бесплатного земельного участка для многодетных семей.

3. Оказание адресной помощи (предоставляется в виде материальной помощи, предоставления продуктовой корзины и др.).

Семья является главным социальным институтом общества, влияющим на формирование и развитие личности граждан. Социальное обеспечение семей, имеющих детей, в Российской Федерации как отрасль профессиональной деятельности в рамках государственной системы социальной защиты и поддержки населения имеет богатый потенциал в обществе. Государством приняты меры по обеспечению социального обеспечения семей с детьми, одной из мер социальной поддержки являются пособия. Пособия на детей являются наиболее важной формой социального обеспечения. «Пособие — денежная выплата, предусмотренная с целью оказания помощи нуждающемуся лицу на основаниях, условиях, суммах и в порядке, установленном законом».

Система государственных пособий и льгот в Российской Федерации за последние годы в связи с социально-экономическими преобразованиями в стране претерпела изменения. По назначению пособия делятся на две группы:

- 1) пособия, которые полностью или частично компенсируют потерю дохода;
- 2) пособия, предоставляемые государством как «помощь в возмещении доходов, связанных с наступлением различных обстоятельств» или как «дополнительная материальная помощь» [5].

По времени выплаты пособия делятся на единовременные, ежемесячные и периодические.

Большинство пособий являются разовыми, т. е. единовременными: пособие на погребение; семьям с детьми беженцев и вынужденных переселенцев; семьям с детьми погибших граждан, принимавших участие в борьбе с терроризмом и т.д. [2].

Единовременное пособие при рождении ребенка — один из видов государственного пособия для граждан, имеющих детей. Оно предназначено для возмещения разовых расходов семьи, связанных с рождением ребенка.

К ежемесячным пособиям семьям с детьми относятся: ежемесячное пособие по уходу за ребенком (выплачивается застрахованным лицам (матери, отцу, другим родственникам, опекунам), фактически осуществляющим уход за ребенком и находящимся в отпуске по уходу за ребенком, со дня предоставления отпуска по уходу за ребенком до достижения ребенком возраста полутора лет), ежемесячное пособие на ребенка, ежемесячное пособие супруге военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в период проживания с супругами в местностях, где они вынуждены не работать в связи с уходом за детьми по состоянию их здоровья; ежемесячное пособие детям погибших (пропавших без вести) при выполнении служебных обязанностей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел [2].

К периодическим пособиям семьям с детьми относятся: пособия по беременности и родам; по уходу за больным ребенком; по уходу за ребенком при карантине. Их характеристика обусловлена тем, что они являются продолжительными выплатами семьям с детьми.

«Компенсационные выплаты на детей — это единовременные, ежегодные, ежемесячные денежные выплаты строго целевого характера, предоставляемые

семье с детьми из бюджетных средств в виде социального обеспечения на возмещение дополнительных расходов в связи с рождением и воспитанием детей в случаях, установленных законом, и в твердой денежной сумме» [2].

Компенсационные выплаты семьям с детьми определяются федеральными законами: выплаты матерям (или другим родственникам, фактически осуществляющим уход за ребенком), состоящим в трудовых отношениях на условиях найма с предприятиями, учреждениями и организациями, женщинам, которые служат Родине; выплаты безработным трудоспособным лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом, в размере 1200 рублей в месяц, до выхода на пенсию лица, о котором идет речь.

Отличие пособий от компенсационных выплат заключается в том, что компенсационные выплаты не ограничиваются бюджетными ассигнованиями и могут производиться за счет средств ФСС России и специального источника — субвенций [3].

Материнский капитал с начала 2020 г. предоставляется семьям, в которых родился первый ребенок или последующие дети. Согласно закону материнский капитал можно потратить на улучшение жилищных условий, на образование ребенка или на формирование накопительной пенсии для матери. На руки деньги не выдаются — это сертификат, из которого средства переводятся на нужды, указанные в законодательстве Российской Федерации. Использование материнского капитала имеет свои недостатки. При направлении средств материнского капитала на улучшение жилищных условий требуется большая сумма для оформления сделки: как у нотариуса, так и в Росреестре. Необходимо разработать правила использования средств материнского капитала для возможности самостоятельного строительства жилья собственниками материнского капитала, с четким контролем за приобретением строительного материала и сдачей объекта.

Социальное обеспечение семей с детьми занимает очень важное место в системе государственной социальной защиты. Наиболее значимыми показателями будущего общества является уровень социальной защищенности семей с детьми. Для этого государство выработало определенные направления: это единовременное субсидирование, система социальных пособий, льготное кредитование, поддержка молодых семей, выдача материнского сертификата и дополнительная материальная поддержка многодетных семей. Данная система пособий призвана не только гарантировать семье с детьми достаточный уровень материальной поддержки, но и создать предпосылки для формирования реальных субъектов экономической деятельности.

В РФ неоднократно предпринимались попытки улучшить социальную политику семей с детьми. Важнейшим событием стал 2006 год, когда для повышения уровня демографической ситуации в стране существенно повысили материальную поддержку семей, в которых родился второй ребенок [3]. И 2017 год, когда благодаря указу Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» была пересмотрена социальная политика в отношении семей, имеющих детей.

Был принят федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 421 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О специальной оценке труда», по которому с 1 января 2018 г. минимальный размер оплаты труда для трудоспособного населения будет доведен до 85 %, а с 1 января 2019 г. до 100 %. Следовательно, в результате увеличения вырастет и минимальный размер пособия на детей младшего возраста.

Принят ФЗ от 19 декабря 2016 г. № 444 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка индексации выплат, пособий и компенсаций, установленных законодательством Российской Федерации» и приостановлены действия ч. 2 ст. 6 федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», которые определили одинаковый порядок увеличения выплат в сфере социальных категорий (ранее социальные пособия регулировались множеством различных нормативных актов РФ).

Стартовала программа субсидирования жилья, где ставка по кредиту составляет 6 %.

Продлена программа получения материнского капитала до 2021 года, расширены возможности использования его средств. Вместо программы «Национальная стратегия в интересах детей на 2012–2017 гг.» проводится реализация новой программы «Десятилетие детства», которая должна стать продолжением предыдущей. Запущенная программа содержит направления, значительно улучшающие социальное положение семей с детьми: улучшение жилищных условий; изменение стратегии в образовательной деятельности; создание благоприятных условий получения образования; гарантии в получении медицинской помощи детям; мероприятия, которые направлены на обеспечение безопасности детей от неактуальной информации.

Таким образом, несмотря на всю деятельность, проводимую в настоящее время в рамках социальной политики в области материнства и детства, наличие существенные недостатки, а именно:

- незначительное увеличение пособий на детей (в размере 3,2 %);
- большинство новых пособий, низкая ставка ипотечного кредита не распространяются на женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком с 2017 года;
- уровень выплат пособий на детей в возрасте до 1,5 лет для работающих женщин остался неизменным;
- необходимо снизить расходы местного бюджета в отношении выплат на третьего и последующих детей.

Принятая программа «Десятилетие детства» подняла много вопросов, которые должны быть решены в отношении семей с детьми в сжатые сроки. В рамках данной программы предусмотрены внесения изменений в действующие кодексы Российской Федерации, т. к. только государство является гарантом обеспечения интересов и прав ребенка и должно своевременно принимать меры по защите и своевременному обеспечению детей. Создание эффективной системы социальной защиты семей с детьми — условие развития нашего общества.

В нашем обществе социальное обеспечение семей, имеющих детей, было сильно реформировано. Управление и финансирование было изменено в связи с разделением полномочий в сфере социальной защиты между федеральными органами государственной власти и государственными органами власти субъектов РФ.

Оказание социальных услуг семьям с детьми, его виды, формы, а также размер оплаты социальных услуг практически полностью регулируются законодательством субъектов Российской Федерации, в то же время на федеральном уровне отсутствует правовое закрепление стандартов или гарантий. Сложившаяся ситуация привела к снижению уровня социальной защищенности населения в отдельных субъектах Российской Федерации, в первую очередь семей с детьми, из-за ограничений на виды социальных услуг и мер социальной поддержки, которые развивались на неопределенный срок в соответствии с ранее действовавшим законодательством [4].

Законодатели Российской Федерации издают новые федеральные законы для семей с детьми и вносят поправки в существующие нормативно-правовые акты. Государство печётся о семьях, имеющих детей, улучшая их жизнь не только материально, но и морально, издавая разные программы для них.

Дети — наше будущее, поэтому семьям с детьми уделяют повышенное внимание в Российской Федерации. Государство заинтересовано в укреплении семей с детьми как социального института. Государственная поддержка в России осуществляется в виде учреждения дополнительных отпусков; установления денежных пособий (к примеру, по уходу за ребенком, по беременности и родам); введения льгот (к примеру, перевод беременных женщин, а также женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, в соответствии с медицинскими требованиями для облегчения работы без снижения заработной платы). Но выделяемые государством средства на данные цели пока недостаточны.

Государство всеми силами старается улучшать жизнь семей с детьми, чтобы был прирост населения в Российской Федерации. Законодатели вводят законы о социальном обеспечении семей в нормативные базы, тем самым вырабатывая стимул у семей, которые пока не хотят детей. Государство, разрабатывая законы, гарантирует 100 % помощь семьям, имеющим детей. На сегодняшний день в Российской Федерации гарантируются денежные выплаты семьям с детьми в связи с пенсиями, выплатами по обязательному социальному страхованию, отдельными видами пособий по воспитанию детей, а также определенное количество выплат семьям военнослужащих с детьми.

Семья является важной частью общества и актуальность темы социального обеспечения семей с детьми никогда не утратит свою востребованность в современном мире. Государство будет поддерживать семьи с детьми, ведь без этой важной ячейки социального общества невозможно прожить. Создание эффективной системы социальной защиты семьи является неременным условием развития нашего общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: ФЗ от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ (ред. от 07.03.2011) // Российская газета. — 2011. — № 98.
3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: ФЗ от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ (принят Государственной думой 22 декабря 2006 года. Одобрен Советом Федерации 27 декабря 2006 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Галаганов В. П. Право социального обеспечения: учебник. — Москва: КноРус, 2014.
5. Гостева Т. С. Проблемы социальной поддержки многодетной семьи // Многодетная семья. — 2012. — № 2.
6. Корсаненкова Ю. Б. Социальные пособия семьям с детьми и иные меры их социальной поддержки в России: учебное пособие / Ю. Б. Корсаненкова, А. Ф. Корсаненкова. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011.
7. Ахмедшина А. Н. Право на материнский (семейный) капитал в системе мер социального обеспечения // Журнал российского права. — 2012.

УДК 342.2

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАБАСТОВКАХ

С. В. Лемехов, обучающийся

Научный руководитель М. Н. Кустов, ст. преподаватель

Санкт-Петербургский юридический институт — филиал
Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ),
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются проблемы признания забастовки незаконной в судебном порядке по заявлению прокурора. Рассматриваются мнения ученых, положения нормативно-правовых актов и судебной практики. Автор приходит к определенным выводам и приводит возможные решения проблем.

Ключевые слова: прокурорский надзор, забастовки, трудовое законодательство.

Прокурорский надзор является достаточно эффективным средством не только обеспечения соблюдения трудовых прав работников, но и средством недопущения злоупотребления данными правами. Обеспечение недопущения злоупотребления проявляется в т. ч. в виде прокурорского надзора за законностью забастовок.

Особого внимания заслуживает норма ст. 413 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), которая гласит: «...признание забастовки незаконной оформляется решениями верховных судов республик, краевых,

областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов по заявлению работодателя или прокурора» [1].

Исходя из рассматриваемого положения, допустимо сделать вывод, что деятельность органов прокуратуры в данном направлении проявляется в т. ч. в виде права прокурора подать заявление в суд с целью признать забастовку недействительной.

И. А. Шадрин отмечает, что государство признает права человека как высшую ценность, а также ответственность за исполнение и реализацию установленных законодательством требований. Прокуратура Российской Федерации своими внутренними правовыми актами регламентирует приоритет работы на ниве защиты трудовых прав граждан, реализует в данной сфере полномочия и надзорные функции, которые предоставлены законодателем [7].

Однако, несмотря на явную направленность органов прокуратуры на защиту прав работников, представляется необходимым проанализировать положения о защите прав работодателей, в т. ч. относительно признания забастовки незаконной.

Обратимся к материалам судебной практики, в частности, к материалам Определения Верховного суда РФ от 26 февраля 2009 г. по делу № 3-47/08 по кассационному представлению Омской транспортной прокуратуры на решение Омского областного суда от 26 декабря 2008 г. [3]. Дело по иску омского транспортного прокурора было подано в интересах неопределенного круга лиц к представительному органу, возглавляющему забастовку работников ОАО «Омский аэропорт» (далее — ОАО), первичной профсоюзной организации ОАО «Омский аэропорт» и ОАО о признании забастовки незаконной. Верховный суд РФ удовлетворил требование прокуратуры и постановил принять по делу новое решение: признать решение конференции трудового коллектива ОАО от 12 декабря 2008 года о приостановлении работы предприятия 30 января 2009 года в период времени с 11 до 12 часов незаконным [3].

Материалы указанного судебного решения являются немногочисленным примером деятельности органов прокуратуры по признанию забастовки незаконной. С тех пор в России не имеется фактов признания забастовки незаконной в связи с иском прокурора. Отметим, что за последние 10 лет аналогичные материалы судебной практики отсутствуют, что побуждает говорить о неэффективности института признания забастовки незаконной по иску прокурора.

Отметим, что приказ Генпрокуратуры России от 15.03.2019 № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» не содержит положений, подразумевающих защиту прав работодателя в случае незаконной забастовки. Однако указанный нормативно-правовой акт подразумевает защиту права работников на забастовку: «... 2.8. При проявлении социальных протестов (митингов, забастовок, голодовок), вызванных действиями либо решениями работодателей о массовых увольнениях работников, сокращении штата, невыплате или снижении заработной платы, организовывать проверки исполнения законов с привлечением органов контроля» [2].

Таким образом, положения указанного приказа Генерального прокурора Российской Федерации подтверждают правовую позицию И. А. Шадрина, который

отмечает направленность прокуратуры на защиту трудовых прав работников, а не работодателей. Е. В. Терентьева отмечает, что одной из основных причин трудовых споров, конфликтов, в т. ч. и забастовок, является несоблюдение прав граждан на своевременное и в полном объеме вознаграждение за труд [4].

Правовая позиция И. И. Головки, Э. Р. Исламовой, С. И. Корянцовой, Д. М. Плугаря заключается в том, что, в соответствии с ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, при осуществлении надзора законодательства прокурор имеет право возбуждать дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ. Авторы отмечают, что в результате прокурорских проверок по соблюдению трудовых прав граждан прокурор может возбудить административное производство, в т. ч. по ст. 5.34 (увольнение работников в связи с коллективным трудовым спором и объявлением забастовки) [5].

Следовательно, органы прокуратуры гораздо чаще защищают право работников на забастовки, в то время как интересы работодателя в связи с признанием забастовки незаконной защищаются в разы реже. Полагаем, что формируется определенная проблематика признания забастовки незаконной в судебном порядке по иску прокурора. Несмотря на наличие в ТК РФ нормы, позволяющей прокурору направлять соответствующий иск, указанное положение используется достаточно редко (допустимо даже говорить, что практически не используется). Указанная проблема во многом вызвана непопулярностью института забастовок как средства разрешения трудовых споров. Например, с 2018 по 2020 г. в РФ в сфере добычи природных ископаемых и сфере строительства было проведено 9 забастовок [5].

Полагаем, что существует два возможных варианта решения рассматриваемой проблемы — ликвидация положения в ст. 413 ТК РФ в части иска прокурора о признании забастовки незаконной или же реформирование данного института с целью повышения его эффективности. Первый вариант решения указанной проблемы является достаточно аргументированным в части направленности органов прокуратуры на защиту трудовых прав работников в силу того, что работодателя принято считать «сильной стороной».

Второй вариант решения проблемы заключается, как уже отмечалось выше, в реформировании данного института, что подразумевает его сохранение с адаптацией к современным реалиям. Данный способ является наиболее благоприятным, т. к. прокурор, в соответствии со ст. 45 ГПК РФ, может подать заявление в суд в интересах граждан, неопределенного круга лиц или публично-правовых образований. Как уже рассматривалось выше, в судебном разбирательстве по признанию забастовки незаконной в одном из аэропортов можно говорить об иске в интересах неопределенного круга лиц. Отметим, что на сегодняшний день приказ Генерального прокурора от 15.03.2019 № 196 действительно направлен на обеспечение трудовых прав и свобод работников, но как таковое отсутствие нормативно-правовых актов Генеральной прокуратуры в отношении признания забастовки незаконной не позволяет данному институту быть эффективным.

Таким образом, реформирование института признания забастовки незаконной по иску прокурора способен стать эффективным правовым средством

защиты прав неопределенного круга лиц в случае его преобразования. Улучшение рассматриваемого положения повысит уровень и качество прокурорского надзора в сфере трудовых правоотношений.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. на 31 окт. 2020 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан: приказ Генпрокуратуры России от 15.03.2019 № 196. — URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-1577462/> (дата обращения: 19.10.2020).
3. Определение от 26 февраля 2009 г. по делу № 3–47/08 Верховного суда Российской Федерации // Судебные и нормативные акты. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/qtIeEvUSTSg0/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=№+3-47%2F08+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1604596732800 (дата обращения: 05.11.2020).
4. Прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов и законностью правовых актов: учебное пособие / И. И. Головки, Э. Р. Исламова, С. И. Коряченцова, Д. М. Плугарь. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. — 100 с.
5. Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан: сб. метод. материалов / под общ. ред. первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, государственного советника юстиции 1-го класса, заслуженного юриста Российской Федерации А. Э. Букмана. — Москва: Ген. прокуратура Рос. Федерации, Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. — 560 с.
6. Трудовые ресурсы // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1 (дата обращения: 19.10.2020).
7. Шадрин И. А. Роль органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 215–224.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. Е. Маст, обучающийся

А. Г. Чернецова, ст. преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассмотрены проблемы правового регулирования дистанционной работы и пути их устранения, проанализированы преимущества и недостатки данного вида работы; приведены статистические данные.

Ключевые слова: работник, работодатель, дистанционная (удаленная) работа, Трудовой кодекс РФ, организация труда, трудовые отношения, рынок труда.

Данная тема является актуальной, т. к. пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в ситуацию на рынке труда, и сейчас удаленная работа становится все более популярной.

Впервые дистанционная работа появилась в США благодаря ученому Джеку Ниллсу из Университета Южной Калифорнии, который в 1973 г. предложил новый способ организации труда — телеработу и ввел понятие «*telecommuting*» (синоним «удаленной» работы) — это работа, которая выполняется «в течение некоторого времени вдали от обычного рабочего места, часто из дома, с использованием компьютерных технологий» [3].

В России дистанционный труд был законодательно урегулирован только в 2013 г., после введения в Трудовой кодекс РФ главы 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». В этой главе рассматриваются положения, касающиеся удаленной работы. Важными характеристиками данного вида трудовых отношений являются работа вне места нахождения работодателя и места его контроля, при этом контакт работника с работодателем осуществляется с использованием электронных средств. Кроме того, данная глава ТК РФ устанавливает особенности трудовых отношений, регулирующих заключение, изменение и расторжение трудовых договоров с дистанционными работниками, встречное уведомление сторон, а также особенности организации охраны труда, рабочего времени и времени отдыха для данного вида работников [1].

Весной 2020 г. в России был реализован уникальный опыт массового внедрения дистанционного формата в деятельность различных предприятий, вызванный внешними факторами, потребовавшими немедленного применения карантинных мер. В связи с необходимостью соблюдения режима самоизоляции работодатели были вынуждены переводить своих работников на удаленную работу (полностью или частично) практически во всех отраслях и предприятиях, где это было возможно. Данное решение было практически единственным для дальнейшего функционирования в период распространения коронавирусной инфекции.

Исходя из этого следует, что доля россиян, работающих дистанционно в режиме самоизоляции, за период с марта по сентябрь 2020 г. увеличилась в 8 раз, это подтверждают данные общего аналитического отчета Всероссийского центра изучения общественного мнения и ООО «Социал БизнесГрупп»: «Распространение коронавируса усилило переход россиян на дистанционную работу: до пандемии только 2 % работников работали таким образом, а 16 % уже перешли на него полностью или частично», — отмечают авторы исследования. Общий процент работников, выполняющих свою работу удаленно, различается в крупных, средних и малых населенных пунктах. В Москве и Санкт-Петербурге он составляет 29 %, в городах-миллионниках — 21 %, в сельской местности — 10 % [5].

По состоянию на 21 октября 2020 г. дистанционно работают около 3,7 млн россиян, что составляет 7 % от всех занятых граждан страны, — отметил глава Минтруда РФ Антон Котяков, выступая на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей.

Среди респондентов, перешедших на дистанционную работу, большинство сотрудников организаций (около 60 %) дали отрицательную оценку удаленному формату, и только около 36 % респондентов посчитали полученный опыт положительным [4].

К преимуществам удаленной работы можно отнести:

1. Сокращение отдельных видов расходов (экономия на проезде и питании).
2. Свободный график работы, позволяющий работнику распоряжаться своим рабочим временем по собственному усмотрению.
3. Комфорт домашней обстановки.
4. Отсутствие постоянного контроля со стороны работодателя.

Основными проблемами, с которыми сталкиваются сотрудники при переходе на удаленный формат, являются:

1. Недостатки организации рабочего процесса — отсутствие оперативной обратной связи и личного общения при решении рабочих вопросов, влияющих на эффективность труда.
2. Обстоятельства, связанные в основном с режимом изоляции — постоянное присутствие детей или других членов семьи (что является серьезным отвлекающим фактором и дает дополнительный психологический и эмоциональный стресс) и отсутствие общения в целом.
3. Трудности самоорганизации — проявляются в трудностях совмещения работы и личной жизни, а также сосредоточения на рабочих вопросах в домашней обстановке.
4. Отсутствие навыков работы в электронной среде и необходимость заполнения отчетов о проделанной работе, что требует дополнительных временных, энергетических затрат и доступа к вербальной сети.
5. Недостаточное оснащение рабочего места — отсутствие необходимой мебели и оборудования, плохая связь.

В то же время, несмотря на все трудности, интерес к удаленной работе среди сотрудников возрос — например, одно из октябрьских исследований hh.ru показало, что 57 % респондентов хотели бы продолжать работать на дому даже после нормализации эпидемиологической ситуации.

Как показала практика, в настоящее время глава 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» ТК РФ недостаточно отражает реальные вопросы регулирования этих трудовых отношений.

Наиболее заметные проблемы:

1. Трудовые отношения могут быть частично дистанционными, а частично осуществляться на стационарном рабочем месте, контролируемом работодателем, но ТК РФ регулирует только на 100 % дистанционные или стационарные трудовые отношения.

2. Дистанционное оформление трудовых отношений посредством обмена электронными документами требует усиленной квалифицированной цифровой подписи (УКЦП) сторон в трудовом договоре, но оформление УКЦП является трудоемким процессом — если у работника нет УКЦП, то ему проще оформить трудовые отношения традиционным способом, что в большинстве случаев не делается. Кроме того, сложившаяся судебная практика в ряде случаев рассматривает электронную переписку между сторонами как доказательство наличия трудовых отношений. Такой подход, безусловно, должен быть закреплен в законе, поскольку в ряде судебных споров работники не могут доказать наличие трудовых отношений из-за отсутствия УКЦП.

3. Продолжительность рабочего времени не является фиксированной. Однако нельзя забывать, что рабочее время и время отдыха являются важными составляющими в содержании трудового договора.

4. Механизм защиты прав удаленных работников через профсоюзы и участие в коллективных переговорах и разрешении коллективных трудовых споров не регулируется законом, в результате чего работник ограничивается защитой трудовых прав.

5. Стоит отметить, что определение дистанционной (удаленной) работы и возможных форм ее организации в настоящее время требует уточнения.

Неслучайно в начале мая власти заговорили о необходимости срочных изменений в Трудовом кодексе РФ в части организации дистанционной работы. Эту законодательную инициативу поддержали, в частности, представители профсоюзов и Министерства труда и социальной защиты РФ. В настоящее время Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной работы», а также даны рекомендации для его рассмотрения во втором чтении:

1. Уточнить определение понятий, обозначающих отдельные виды работ, предусмотренные законопроектом.

2. Рассмотреть возможность внесения изменений в ТК РФ, предусматривающих его дополнение разделом, посвященным регулированию отдельных видов работ, предусмотренных законопроектом.

3. Уточнить основания для перевода работника на временную удаленную работу, в т. ч. при возникновении непредвиденных обстоятельств.

4. Рассмотреть возможность установления перечня дополнительных оснований для прекращения трудового договора о дистанционной работе.

5. В отношении каждого вида работ, предусмотренных законопроектом, дополнительно обсудить и проработать вопросы, связанные:

- с определением условий использования работником с согласия или ведома работодателя и в его интересах оборудования и программно-технических средств, принадлежащих работнику или предоставляемых работодателем;
- установлением рабочего времени и времени отдыха работников, организации взаимодействия работодателя и работника в рабочее время;
- установлением очередности отдельных категорий работников при переводе на временную удаленную работу в случае возникновения непредвиденных обстоятельств;
- предоставлением работникам, переведенным на временную удаленную работу, гарантий, связанных с особыми условиями труда;
- особенностями условий и охраны труда работников [2].

Ожидается, что эти поправки в Трудовой кодекс будут внесены в самое ближайшее время и позволят решить существующие проблемы.

В целом, можно сказать, что прецедент, возникший на российском рынке труда в период изоляции и карантинных мер, заложил устойчивую основу для новых тенденций — распространения дистанционной трудовой практики в нашей стране и развития гибких форм организации труда.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. — 2001. — № 256.
2. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21.07.2020 № 8666-7 ГД «О проекте федерального закона № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/565358535> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Гурова И. М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 128–147.
4. Известия — новости политики, экономики, спорта, культуры. — URL: https://iz.ru/1_076_590/2020-10-21/glava-mintruda-nazval-kolichestvo-rabotaiushchikh-udalенno-rossiian (дата обращения: 02.11.2020).
5. Новости в России и мире — ТАСС. — URL: https://tass.ru/ekonomika/8_478_435 (дата обращения: 02.11.2020).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. А. Назарова, обучающийся

*Научный руководитель Е. И. Гавриленко, преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В статье рассмотрено нормативно-правовое регулирование ответственности несовершеннолетних за совершение противоправных действий, виды ответственности несовершеннолетних, а также меры применения данной ответственности в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: ответственность несовершеннолетних, правонарушения, меры наказания, дееспособность.

Со времен шумерской цивилизации и до современности любое государство заинтересовано в обеспечении безопасности своих граждан и поддержании порядка внутри страны. Для упорядочения общества, поддержания его нормального функционирования и для обеспечения развития государства были созданы определенные правила, выраженные в законах, религиозных писаниях и других источниках, в зависимости от государственного строя, формы правления и стадии развития государства. За нарушение общепринятых норм человек должен нести ответственность, наказание.

Обращаясь к различным научным источникам, следует указать, что ответственность — это применение мер государственного принуждения к виновному лицу за совершение противоправного деяния. Именно наличие карательных мер мотивирует общество на добросовестное соблюдение предписанных правил.

С целью обеспечения безопасной и достойной жизни для каждого человека необходимо воспитывать из подрастающего поколения законопослушных граждан, осознающих свою роль в обществе и ответственность перед государством и согражданами. В этой связи профилактика противозаконного поведения среди несовершеннолетних граждан чрезвычайно важна и актуальна на протяжении всего периода существования государства.

Согласно законодательству Российской Федерации несовершеннолетним является лицо, не достигшее 18 лет (ст. 60 Конституции РФ) [1]. Ответственность несовершеннолетних носит особый характер и напрямую зависит от уровня дееспособности.

Дееспособность представляет собой способность лица распоряжаться своими правами и нести обязанности. Несовершеннолетние лица несколько ограничены в реализации прав и обязанностей.

Существует два вида дееспособности несовершеннолетних.

1. Полная недееспособность. Ею обладают граждане до 14 лет (малолетние), которые не могут приобретать права и нести обязанности. От имени малолетних граждан выступают их законные представители (родители, опекуны).

В случае совершения малолетним правонарушения ответственность за данный поступок несет его законные представители.

2. Частичная дееспособность. Ею обладают граждане в возрасте от 14 до 18 лет, которые могут участвовать в гражданском обороте самостоятельно и от своего имени, но с согласия своих законных представителей (родителей, попечителей). Если лицо в возрасте от 14 до 18 лет стало субъектом правонарушения, то в большинстве случаев ответственность данное лицо будет нести самостоятельно [6].

Как было указано ранее, ответственность несовершеннолетних имеет ряд особенностей, связанных с уровнем дееспособности. Но данный аспект не является исчерпывающим для определения ответственности несовершеннолетних. Обратим внимание на вид юридической ответственности, т. е. в какой общественной сфере было совершено противоправное деяние.

Существуют следующие виды юридической ответственности: уголовная, административная, гражданская, материальная, дисциплинарная.

Уголовная ответственность несовершеннолетних описывается в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ). К уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие виновное общественно опасное деяние (преступление). Согласно ст. 87 УК РФ, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет [2]. Так как они не обладают полной дееспособностью, то нуждаются в представительстве своих родителей (попечителей). Также необходима работа с ними детских психологов и органов опеки и попечительства.

Меры уголовной ответственности имеют ряд отличий от тех, которые применяются к лицам, достигшим 18 лет. Согласно ст. 87 УК РФ, к несовершеннолетним могут применяться не только карательные меры, выражающиеся в лишении свободы, но и меры воспитательного воздействия, называемые принудительными. В ст. 90 УК РФ описывается перечень данных мер: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Существуют некоторые послабления для несовершеннолетних лиц, выражающиеся в уменьшении сроков лишения свободы, смягчения наказания.

Следующий вид ответственности — административный. Административная ответственность несовершеннолетних содержится в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП), и наступает по достижении возраста 16 лет [4].

В КоАП не содержится отдельной главы, посвященной несовершеннолетним, но четко указаны рамки привлечения несовершеннолетних к ответственности.

Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав содержит такие виды наказания как: обязать принести публичное или в иной форме извинение потерпевшему; вынести предупреждение; объявить выговор или строгий выговор; возложить на несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста, обязанность возместить причиненный материальный ущерб;

наложить на несовершеннолетнего, достигшего 16-летнего возраста и имеющего самостоятельный заработок, штраф; передать несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц их заменяющих, или общественных воспитателей, а также под наблюдение трудового коллектива или общественной организации; передать несовершеннолетнего на поруки трудовому коллективу; направить несовершеннолетнего в специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Ст. 3.9 КоАП устанавливает запрет на применение крайней меры административной ответственности — административного ареста по отношению к несовершеннолетним. Если административное правонарушение совершило лицо, не достигшее 16 лет, то по закону ответственность будут нести его законные представители.

Нормы о гражданской ответственности несовершеннолетних закрепляет Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ). Гражданская ответственность носит имущественный характер, поэтому данный вид ответственности неразрывно связан с деликтоспособностью лица. Это означает, что за лиц, не достигших 14 лет, ответственность несут их законные представители. Лица в возрасте от 14 до 18 лет, согласно ст. 1074 ГК РФ, несут ответственность самостоятельно на общих основаниях. Если у данного лица нет возможности (не имеет доходов и имущества) возместить причинённый им вред, то обязательство по возмещению вреда ложится на его законных представителей [3].

Исходя из норм Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) несовершеннолетние работники несут материальную ответственность лишь в тех случаях, если ущерб был причинён умышленно, или в состоянии опьянения (ст. 242 ТК РФ). Кроме того, запрещается заключать с несовершеннолетними письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности (ст. 244 ТК РФ) [5].

Дисциплинарной ответственности несовершеннолетние подвергаются наравне с лицами, достигшими возраста 18 лет, кроме тех случаев, когда несовершеннолетний работник может быть уволен по инициативе работодателя — решение данного вопроса невозможно без согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Данный вид ответственности может наступить не только при выполнении несовершеннолетним служебных обязанностей на рабочем месте, но и при обучении в образовательном учреждении. Например, в случае неисполнения или нарушения Устава образовательного учреждения, к лицу, достигшему возраста 15 лет, могут быть применены такие меры дисциплинарного взыскания, как замечание, выговор, отчисление из образовательного учреждения.

Очевидно, что несовершеннолетние лица имеют ряд преимуществ при несении ответственности за свои противоправные действия. Но уровень преступности и количество правонарушений остается довольно высоким. По статистике, несовершеннолетние все чаще привлекаются к ответственности за тяжкие и особо тяжкие деяния. Это означает, что меры наказания не воспринимаются ими всерьез. Из-за довольно лояльного отношения к несовершеннолетним правонарушителям на законодательном уровне у них появляется чувство безнаказанности.

Ужесточение мер наказания несовершеннолетних, а также ознакомление граждан с малого возраста с законодательством помогут повысить уровень моральной ответственности у подрастающего поколения, сформируют представление о тех или иных видах правонарушений и о видах наказания за данные деяния и будут служить способом профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. — 03.12.2001. — № 49.
4. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. ФЗ от 03.06.2009 № 112-ФЗ) // Собрание Законодательства РФ. — 2002.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1).
6. Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. — Москва: Юридическая литература, 1990. — С. 385–388.

УДК 347.163

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

Д. К. Телюк, обучающийся
В. Р. Посохина, обучающийся

Научный руководитель М. Г. Чельцова, канд. пед. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования в сфере опеки и попечительства и необходимость реформирования законодательства.

Ключевые слова: дети сироты, опека, опекуны, попечители, попечительство, родители.

Опека и попечительство выполняют важную функцию в охране прав и интересов граждан, не достигших совершеннолетнего возраста. Главная задача, которую должны решать опека и попечительство, — идентифицировать и организовать детей с трудностями в жизни. Работа Департамента опеки и

попечительства в основном заключается в сборе и анализе полученной информации. На основании этих данных власти принимают дальнейшие меры по урегулированию ситуации, т. к. защита прав детей является одним из приоритетных направлений. Детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, помогают обрести семью, в которой они могут чувствовать себя полноправными членами.

Наша цель — изучить правила функционирования системы опеки и попечительства над несовершеннолетними, выявить проблемы и определить основные направления совершенствования действующего законодательства. Это достигается путем решения следующих проблем: изучить историю развития опеки и попечительства над несовершеннолетними; принять во внимание задержание и опеку как форму воспитания ребенка; проанализировать юридическое положение опекуна и попечителя, а также содержание под стражей органа опеки; определить основные тенденции законодательного развития различного подчинения, стандартизировать опекунские отношения несовершеннолетних; разработать рекомендации по улучшению применения законов на практике [3].

Опека и попечительство устанавливается над несовершеннолетними, которые из-за своего возраста и эмоционального состояния имеют особую потребность в защите своих интересов.

Проблемы, которые существуют в сфере опеки и попечительства, заслуживают особого внимания юридической науки. Изменения в гражданском законодательстве вызвали необходимость реформирования системы опеки и попечительства, а также решения практических проблем с ее установлением. Эти ситуации являются важной предпосылкой для обсуждения возможности применения гражданских и юридических механизмов в отношениях в сфере опеки и попечительства. Опека назначается несовершеннолетним гражданам (не достигшим четырнадцати лет), признанным судом недееспособными гражданами. Их законный представитель — опекун, совершающий от их имени и в их пользу юридически значимые действия. Попечительство — это форма устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет. Опекун должен оказывать всестороннюю помощь своему подопечному в исполнении его обязанностей, защите прав и интересов. Дифференциация условий опеки и попечительства важна для защиты личных несвободных и имущественных интересов опекунов (попечителей), которые в значительной степени зависят от различий в содержании несовершеннолетних в возрасте 14 лет и в возрасте от 14 до 18 лет. Опека и попечительство также предоставляются несовершеннолетним гражданам в случае, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации, и в случае, предусмотренном Семейным кодексом Российской Федерации [4].

В п. 1 ст. 121 СК РФ «Защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения» приведены наиболее частые причины потери попечительства над несовершеннолетними: гибель родителей, лишение родительских прав, недееспособность родителей, уклонение родителей от воспитания детей, защиты их прав. Факт утраты родительского попечения устанавливается органами опеки и попечительства. Предпосылкой возникновения отношений между опекуном

или попечителем и подопечным является документ органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя. В акте органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя должен быть указан срок действия полномочий опекуна или попечителя, определяемый периодом или указанием на наступление определенного события [1]. Рассмотрим причины, по которым заканчивается действие покровительства и опеки. Опека заканчивается, когда подопечный достигает 14-летнего возраста, после этого она переходит в попечительство, которое заканчивается по достижении им совершеннолетнего возраста. Когда подопечный достигает 18 лет, он становится дееспособным гражданином со своими правами и обязанностями. Попечение заканчивается при вступлении в брак до достижения совершеннолетия (п. 2 ст. 21 ГК РФ «Дееспособность гражданина») или его признании эмансипированным в соответствии со ст. 27 ГК РФ «Эмансипация». Также есть ситуации, при которых попечительство заканчивается над подопечным, если его вернули под опеку отца и матери, при удочерении или усыновлении, или при отправке его в другое учреждение. При смерти попечителя его ответственность переходит либо к другому воспитательному учреждению, либо к другому человеку [5]. Таким образом государство охраняет личностные и материальные права подопечного, а также приспосабливает их к жизни в семье и социализации в обществе. Опека и попечительство как форма социальной поддержки — универсальная форма временного индивидуального устройства. Она направлена на восполнение дееспособности подопечного лица, а также, при необходимости, на заботу о других его интересах (дополнительной целью опеки над детьми является их воспитание). Все действия в интересах подопечного осуществляются опекуном (попечителем) безвозмездно. Контрольно-организационную функцию выполняют государственные органы и органы местного самоуправления.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. — 27 января 1996 г. — № 17.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. — 1994. — № 238–239
3. Полномочия органов опеки и попечительства. — URL: <https://pokodeksu.ru/semeynoe-pravo/polnomochiya-organov-opeki-i-popechitelstva.html> (дата обращения: 02.11.2020).
4. Виды опеки и попечительства (формы). — URL: <https://glavny-yurist.ru/vidy-opeki-i-popechitelstva-formy.html> (дата обращения: 02.11.2020).
5. Основания для прекращения опеки и попечительства над детьми. — URL: <https://uristjournal.com/semeynoe-pravo/usynovlenie-i-opekunstvo/prekrashenie-popechitelstva-nad-detmi.html> (дата обращения: 02.11.2020).

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ ПО ВОЗРАСТУ ДЛЯ ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ РАБОТНИКОВ

Е. С. Тенюта, обучающийся

Научный руководитель Ю. И. Иванова, ст. преподаватель

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

г. Гомель, Республика Беларусь

В данной статье рассмотрен закрепленный в действующем законодательстве Республики Беларусь порядок назначения пенсии по возрасту для граждан, работающих с особыми условиями труда, а также проведен анализ на соответствие данного порядка требованиям принципа гендерного равенства.

Ключевые слова: гендерное равенство, пенсия, особые условия труда, стаж работы.

Статья 11 закона «О пенсионном обеспечении» Республики Беларусь (далее — Закон) устанавливает, что трудовая пенсия по возрасту назначается на общих основаниях для граждан, достигших общеустановленного пенсионного возраста и имеющих достаточный стаж работы [1]. Однако для некоторых категорий граждан, работающих с особыми условиями труда, предусмотрены определенные льготы по реализации права на трудовую пенсию по возрасту.

Так, ст. 12 Закона перечисляет профессии, работа по которым признается с особыми условиями труда и гарантирует работникам возможность выбора льготной пенсии при наличии достаточного стажа работы по соответствующей профессии. В список таких работ включены: подземные работы, работы с особо вредными и особо тяжелыми условиями труда, работы на текстильных производствах, работы трактористами-машинистами, доярками (операторами машинного доения), водителями городского пассажирского транспорта и др. Следует отметить, что продолжительность стажа работы по профессии для мужчин и женщин различается. Таким образом, основополагающим принципом, на котором строится ст. 12 Закона, является принцип равенства мужчин и женщин в получении льготной пенсии.

Однако при анализе данной нормы можно обнаружить несоблюдение принципа гендерного равенства в отдельных пунктах. Так **пункт «в»** закрепляет, что *работницы* текстильного производства, занятые на станках и машинах, — по списку производств и профессий, утверждаемому в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь, — имеют право на пенсию по достижении 50 лет и при стаже указанной работы не менее 20 лет. Также **пункт «е»** устанавливает, что *женщины*, работающие доярками (операторами машинного доения), телятницами, свиноводками-операторами в колхозах, совхозах, других предприятиях сельского хозяйства, — имеют право на пенсию со снижением общеустановленного пенсионного возраста на 5 лет и при стаже указанной работы не менее 20 лет при условии выполнения установленных норм обслуживания.

Вышеизложенные пункты ст. 12 противоречат принципу равенства мужчин и женщин, кроме того, могут рассматриваться как проявление гендерной дискриминации в отношении мужчин.

Во-первых, в данных пунктах мужчины исключены из субъектного состава. Так, в пунктах «в» и «е» используются слова «работницы», «женщины», «доярки» и другие, которые явно указывают на то, что адресатами настоящих пунктов являются исключительно лица женского пола. В то время как в других пунктах статьи законодатель использует слова «мужчины», «женщины», «работники», т. е. адресатами рассматриваются как мужчины, так и женщины.

Во-вторых, данные пункты противоречат иным актам законодательства Республики Беларусь. Противоречие заключается в том, что Конституция Республики Беларусь и национальное трудовое законодательство провозглашают равенство женщин и мужчин в сфере трудовых отношений, их право самостоятельно выбирать профессию, род занятий и работу в соответствии с призванием, способностями. Единственным исключением из данного принципа является действующий в Республике Беларусь Список тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин, установленный Министерством труда и социальной защиты. Этот список содержит ограничения для женщин к занятию определенными видами работ, т. к. они могут создать опасность для их жизни и здоровья в силу определенных физиологических особенностей женщин [2].

В законодательстве нет ограничений в отношении выполнения мужчинами работ по профессиям, изложенным в данных пунктах, также существенные условия труда по данным профессиям не дифференцируются между женщинами и мужчинами, однако в Законе мужчины лишены права на льготную пенсию. Это может быть обусловлено тем, что в обществе укоренилось суждение о том, что существует разделение профессий на мужские и женские.

В соответствии с законодательством к текстильным профессиям, работа по которым гарантирует женщинам право на льготную пенсию, относят: вязальщиков, сьемщиков пряжи, ткачей и др. [3]. Эти работы традиционно ассоциируются с женщинами и часто в обществе называются женской работой.

Схожая ситуация характерна и для таких профессий как доярка, телятница, которые также принято считать женскими. Такая традиция трансформировалась в гендерный стереотип, послуживший причиной, по которой законодатель не принял во внимание тот факт, что мужчины могут выполнять подобную работу, а соответственно нет необходимости предусматривать для них права на льготную пенсию по этим профессиям, как это сделано для женщин.

На сегодняшний день в Республике Беларусь возрастает количество мужчин, которые работают операторами машинного доения. Данная категория мужчин сталкивается с тем, что они в отличие от женщин не имеют права на льготную пенсию, хотя и выполняют те же функции.

Выявленный пробел в национальном пенсионном законодательстве может быть решен посредством внесения дополнений в пункт «е» ст. 12 действующей редакции Закона. Предлагаем изложить данный пункт в следующей редакции:

«...е)¹ мужчины, работающие доярами (операторами машинного доения), телятниками, свинарями-операторами в колхозах, совхозах и других предприятиях

сельского хозяйства, — со снижением общеустановленного пенсионного возраста на 5 лет и при стаже указанной работы не менее 25 лет при условии выполнения установленных норм обслуживания».

Таким образом, предложенное дополнение в пенсионное законодательство позволит избежать косвенной дискриминации в отношении мужчин, которые выполняют работу в одинаковых условиях с женщинами, однако не могут претендовать на все гарантии, установленные пенсионным законодательством в отношении женщин.

Кроме того, расширение субъектного состава позволит устранить противоречие пункта «е» ст. 12 Закона иным актам законодательства Республики Беларусь, провозглашающим гендерное равенство и запрет какой-либо дискриминации по признаку пола.

Список литературы

1. О пенсионном обеспечении: Закон Респ. Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 июня 2020 г. // Эталон-Беларусь; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Об установлении списка тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин: Постановление Министерства труда и социальной защиты Респ. Беларусь, 12 июня 2014 г. № 35 // Эталон-Беларусь; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
3. О некоторых вопросах профессионального пенсионного страхования: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 октября 2008 г. № 1490 // Эталон-Беларусь; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

УДК 616.2

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН

Ю. С. Цепелева, обучающийся

*Научный руководитель Е. И. Гавриленко, преподаватель
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

В статье дана характеристика организации медико-социальной экспертизы в Российской Федерации, рассмотрены нормы права, регулирующие порядок, условия назначения и признание гражданина инвалидом. Выявлены основные проблемы нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: медико-социальная экспертиза, социальная защита, инвалид.

Организация и проведение медико-социальной экспертизы как формы социальной защиты граждан является актуальной и важной процедурой.

Социальная защита — это деятельность государственных и негосударственных учреждений по оказанию помощи нуждающимся категориям граждан.

К нуждающимся в медико-социальной экспертизе категориям граждан относятся инвалиды и люди, желающие получить статус инвалида в связи с физическими, психическими особенностями здоровья.

«Инвалиды — это лица, которые имеют нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [2].

К началу 2019 года, по данным Росстата, доля инвалидов составила 8,1 % от общего населения России, или 11,947 млн человек, в т. ч. 5,6 % — дети-инвалиды. Численность инвалидов, проживающих на территории Новосибирской области в возрасте 18 лет и старше, составила 184 752 человека. В том числе, инвалидов, имеющих первую группу инвалидности — 21 920; вторую группу инвалидности — 79 005.

Медико-социальная экспертиза — это процедура, направленная на «признание лица инвалидом и определение в установленном порядке потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты, включая реабилитацию, на основе оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма» [2].

Деятельность учреждений медико-социальной экспертизы в Российской Федерации основывается на международно-правовых актах и федеральном законе «О социальной защите инвалидов» [2], который является основным в нашей стране.

Решением проблем, которые возникают в сфере предоставления инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации конституционных прав и свобод, социального обеспечения и установления инвалидам мер государственной поддержки занимаются различные государственные органы и учреждения, в числе которых бюро медико-социальной экспертизы.

Бюро медико-социальной экспертизы (далее БМСЭ) выполняет следующие задачи: признаёт гражданина инвалидом в установленном порядке, разрабатывает меры социальной защиты, включая реабилитацию, основываясь на потребности и оценке функций организма гражданина в индивидуальном порядке [6].

Существует ряд нормативных документов, которые регулируют вопросы, связанные с организацией и МСЭ:

— Постановление Правительства Российской Федерации № 95 от 20.02.2006 г. «О порядке и условиях признания лица инвалидом» [3];

— Приказ Минздравсоцразвития России от 31.01.2007 № 77 «Об утверждении формы направления на медико-социальную экспертизу организацией, оказывающей лечебно-профилактическую помощь» [4];

— «Классификации и критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы», утвержденные приказом Минздравсоцразвития России от 23.12.2009 № 1013н [7] и др.

«Признание гражданина инвалидом происходит в момент прохождения им медико-социальной экспертизы, исходя из которой выводится комплексная оценка состояния организма человека на основе анализа его клинично-функциональных, социально-бытовых, профессионально-трудовых и психологических данных с использованием классификаций и критериев», которые утверждены Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации [5].

Согласно этим документам организуется процесс проведения и подготовки к установлению правового статуса инвалида. С признанием гражданина инвалидом возникают новые обязанности по социальному обеспечению и социальной защите данной категории населения. Например, организация реабилитационных и адаптационных мероприятий, материальная поддержка инвалидов, обеспечение техническими средствами реабилитации и т. д.

Если человек медико-социальной экспертной комиссией не был признан инвалидом, то он имеет право обратиться с заявлением о неправомерном решении в главное бюро МСЭ или бюро, в котором проводилась экспертиза. Если вопрос не удалось урегулировать в главном бюро МСЭ, следует обратиться в Федеральное бюро МСЭ. Обжаловать решение любого из бюро можно в районном суде. В этом случае при наличии оснований проводится судебно-медицинская экспертиза и выносится решение об изменении группы инвалидности. Для обжалования необходимо предоставить в государственные учреждения документы, при обращении в районный суд с намерением оспорить решение бюро МСЭ о группе инвалидности требуется предварительно оплатить государственную пошлину.

Оспорить решение бюро МСЭ или главного бюро МСЭ о группе инвалидности можно в течение 1 месяца с даты его вынесения.

Решение суда по иску об установлении группы инвалидности принимается в течение 1–2 месяцев. Оно вступает в силу через 30 дней после вынесения, если ответчик не подает апелляцию.

В процессе организации медико-социальной экспертизы граждане с ограниченными возможностями здоровья, а также специалисты учреждения сталкиваются с большим количеством проблем, среди которых:

1) отказ от направления на медико-социальную экспертизу в связи с невозможностью прохождения обследования вследствие технической неоснащённости медицинского учреждения или отсутствия материальных средств у гражданина для прохождения платного обследования;

2) отсутствие медицинских заключений, подтверждающих факт болезни. При действительных проблемах со здоровьем человек не сможет получить направление на МСЭ, если не обращался за помощью в медицинское учреждение и не проходил обследования;

3) невозможность установления инвалидности в электронном формате, в связи с отсутствием постоянного доступа к сети интернет. Особенно эта проблема актуальна для жителей сельских местностей. Дистанционное установление инвалидности касается граждан, которые не могут самостоятельно, из-за своих физических особенностей, прибыть в учреждение МСЭ;

4) отсутствие единого административного регламента оказания услуг по направлению граждан на МСЭ. Могут возникнуть проблемы с отсутствием какого-либо вида обследования, который лечащий врач не назначил, но комиссия МСЭ потребовала его на процедуре установления инвалидности;

5) проблема несогласованности действий БМСЭ, врачебных комиссий и медицинских организаций, из-за чего возникают множественные отказы в признании гражданина инвалидом;

6) нехватка квалифицированных специалистов;

7) проблемы раннего выявления заболеваний, неверное назначение лечения, которое может привести к инвалидности;

8) пренебрежение собственной безопасностью (в т. ч. на производстве);

9) сложность в оспаривании решения БМСЭ.

Для решения проблем, связанных с организацией медико-социальной экспертизы, на наш взгляд, необходимо:

1. Иметь в штате высококвалифицированных специалистов, благодаря чему устраняется «кадровый голод» в лечебных, лечебно-профилактических учреждениях и в самой системе медико-социально экспертизы (включая реабилитацию и социальную помощь).

Это возможно только при увеличении финансирования расходов на науку, образование и здравоохранение. В ином случае все законодательные акты медико-социальной экспертизы обречены на неисполнение.

2. Совершенствовать систему контроля за исполнением намеченных государственных программ в медико-социальной сфере. На наш взгляд, наиболее подходящим решением является возложение указанных ранее обязанностей на Министерство труда и социальной защиты. Практика реализации государственной политики в области средовой доступности свидетельствует о недостаточной эффективности мер правовой ответственности, например административной.

3. Проводить учет особенностей инвалидов с различными функциональными нарушениями, с опорой на комплексную оценку дисфункции организма, т. е. в коррекции функциональных нарушений необходимо использовать инновационные технологии диагностики, лечения, реабилитации с учетом не нозологической группы заболевания, а путем индивидуального подхода.

4. Персонализированно относиться к индивидуальным программам реабилитации со стороны органов практического здравоохранения, медико-социальной экспертизы, социальной защиты, как к основному документу, позволяющему реабилитировать и социализировать инвалида к условиям его жизни и трудовой деятельности, которая является одной из основных составляющих полноценной жизнедеятельности.

5. Доработать уже существующие категории показателей здоровья и показателей, которые связаны со здоровьем, учитывая социально-экономические, климатические и иные особенности, помимо Федерального перечня реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, которые предоставляются гражданину с ограниченными возможностями.

6. Создать единый административный регламент для направления и проведения медико-социальной экспертизы.

7. Организовать тесное межведомственное сотрудничество не только с медицинскими учреждениями и самим БМСЭ, но и с общественными учреждениями, например Всероссийским обществом инвалидов для реализации индивидуальных программ реабилитации и выявления нуждаемости граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, можно сказать, что проблемы организации медико-социальной экспертизы в основном охватывают кадровый и управленческо-организационный спектр вопросов, вопросы по финансовому обеспечению деятельности учреждений медико-социальной экспертизы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О социальной защите инвалидов в РФ: федеральный закон № 181-ФЗ от 24.11.1995 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Минздравсоцразвития России от 31.01.2007 № 77 «Об утверждении формы направления на медико-социальную экспертизу организацией, оказывающей лечебно-профилактическую помощь» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 7 апреля 2008 г. № 247 «О внесении изменений в Правила признания лица инвалидом» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 ноября 2009 г. № 906н «О порядке организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 декабря 2009 г. № 1013н «Об утверждении классификации и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. ГОСТ Р 53931–2017. Медико-социальная экспертиза. Основные виды услуг медико-социальной экспертизы // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМА ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СРОКА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

М. В. Чельцов, канд. пед. наук, доцент

И. А. Буравлев, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ», г. Новосибирск, Россия

В данной статье автор анализирует понятие испытательного срока в трудовом праве РФ, выявляет его основные проблемы и предлагает способы их решений. Также автор сравнивает зарубежную практику испытательного срока с отечественной.

Ключевые слова: испытание, испытательный срок, трудовое право, работодатель, работник.

На сегодняшний день испытание при приеме на работу является обычной практикой для многих стран мира, включая Россию. Однако в законодательстве нет точного определения испытательного срока. Исходя из мнений многих исследователей в области трудового права, испытательным сроком является определенный период, в который работодатель наблюдает за работой нового сотрудника и по окончании этого периода делает вывод о необходимости принятия работника на постоянной основе, а работник определяется в том, подходит ли ему данная работа, ее условия, оплата труда и др.

Испытательный срок регулируется статьями 70 и 71 Трудового кодекса Российской Федерации. Ст. 70 закрепляет цель испытательного срока и лиц, для которых не устанавливается испытательный срок. К ним относятся:

- лица, избранные по конкурсу на замещение соответствующей должности;
- беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до полутора лет;
- несовершеннолетние;
- лица, получившие среднее профессиональное образование или высшее образование по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам и впервые поступающие на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения профессионального образования соответствующего уровня;
- лица, избранные на выборную должность на оплачиваемую работу;
- лица, переведенные по согласованию между работодателями;
- лица, заключившие трудовой договор на срок до двух месяцев;
- лица, прошедшие целевое обучение.

Также ст. 70 ТК РФ устанавливает и время испытательного срока, он не может превышать трех месяцев, а для руководителей организаций и их заместителей, главных бухгалтеров и их заместителей, руководителей филиалов, представительств или иных обособленных структурных подразделений организаций, не может превышать шести месяцев (например, ст. 40.3 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации») устанавливает срок испытания до шести месяцев).

Если трудовой договор заключен на срок от двух до шести месяцев испытательный срок не может превышать двух недель. При этом важно отметить, когда работник отсутствует на работе ему не засчитывается срок испытания.

В ст. 71 ТК РФ говорится о результатах испытательного срока при положительном и отрицательном прохождении. И здесь появляются определенные проблемы. По ст. 71 «при неудовлетворительном результате испытания работодатель имеет право до истечения срока испытания расторгнуть трудовой договор с работником, предупредив его об этом в письменной форме не позднее чем за три дня с указанием причин, послуживших основанием для признания этого работника не выдержавшим испытание. Решение работодателя работник имеет право обжаловать в суд» [2]. Главной проблемой является то, что фактически работодатель может уволить работника без оснований, что напрямую запрещено ТК РФ. В конце ст. 71 указано, что работник может обжаловать данное решение в суде. Но как показывает практика, большинство работников такой возможностью не пользуются, а при обращении в суд дело чаще всего заканчивается в пользу работодателя, т. к. он сам определяет критерии приема на работу.

Следующая проблема касается лиц, впервые поступающих на работу по полученной специальности и проходящих военную службу. После годовой службы в армии установленный ст. 70 срок в один год «сгорает», тем самым не позволяя молодым специалистам устроиться на работу без испытательного срока, что нарушает ст. 19 Конституции РФ (равенство граждан перед законом и судом).

Но данные проблемы не являются исчерпывающими. В российской научной литературе к проблемам, связанным с испытательным сроком, относят также:

- 1) необоснованное увеличение или сокращение испытательного срока, без указания этого в трудовом договоре и согласия работника;
- 2) отказ в оплате пособия по временной нетрудоспособности работника, находящегося на испытательном сроке;
- 3) нарушение порядка ведения трудовой книжки;
- 4) невыплату или снижение заработной платы и т. д.

Следует отметить, что даже такие грубые правонарушения, совершенные работодателем, не всегда пресекаются законом по причине незнания трудового законодательства проходящих испытательный срок работников, что заставляет задуматься об общем повышении компетенции граждан России в трудовой сфере.

Для понимания сущности испытательного срока и его необходимости в Российской Федерации следует обратиться к зарубежным примерам для установления важных деталей, позволяющих сделать испытательный срок лучше для работников и работодателей во всех сферах трудовой деятельности.

В качестве первого примера можно взять США, т. к. в данном государстве предусмотрены довольно жесткие меры испытательного срока. В этот период принято доскональное изучение работника (в некоторых случаях даже запрашивается характеристика из школы, в которой он обучался), и прохождение им довольно сложных испытаний. Испытательный срок длится максимум

6 месяцев. Также в США предусмотрена система кураторства, т. е. за работой испытуемого наблюдает другой сотрудник компании — куратор, который в процессе выполнения различных обязанностей испытуемого ставит ему оценки за проделанную работу. Такая сложная структура вызывает неоднозначные выводы. С одной стороны, данная система позволяет работодателю выявить все способности кандидатов на определенную должность. С другой — это может вызвать отторжение у молодого поколения специалистов, т. к. достаточного опыта работы они еще не имеют.

Другая ситуация наблюдается во Франции, где существенным отличием от российского испытательного срока является то, что работник сам может продлить испытательный срок. У него есть свои пределы: для большинства работников — не больше 4 месяцев, для технических работников — не больше 6 месяцев и для руководящего персонала — не больше 8 месяцев. В обычном порядке для данных категорий установлен срок в два, три и четыре месяца, соответственно. По окончании испытательного срока ставится вопрос не только о качестве исполнения работником своих обязанностей, но и о чрезмерности испытательного срока. Также в Трудовом кодексе Франции указаны 4 случая, когда работодатель может расторгнуть трудовой договор по истечении испытательного срока работника [6]:

- за 24 часа, если срок работы составляет 7 дней;
- за 48 часов, если период работы составляет от 8 дней до 1 месяца;
- за 2 недели, если сотрудник отработал более 1 месяца;
- за 1 месяц, если срок работы составляет более 3 месяцев.

За несоблюдение данных требований работодатель обязан выплатить работнику заработную плату за тот период предупреждения, когда работодатель не уведомил работника.

Схожие положения в отношении испытательного срока при приеме на работу имеются в Федеративной Республике Германии. Здесь они закреплены в отдельных нормативно-правовых актах. При устройстве на работу, как и в РФ, работнику устанавливается испытательный срок на 3 или 6 месяцев. Однако и тут есть нюансы. Например, как и во Франции, испытательный срок может быть продлен, но только по инициативе работодателя и только до 6 месяцев. Еще одной особенностью является установление специальных сроков для обучающихся — от 1 до 4 месяцев. При первом получении водительских прав для граждан назначается испытательный срок в 2 года, который необходим для проверки пригодности к управлению транспортным средством (общественным транспортом). Если работник в течение испытательного срока допустил одно серьезное нарушение или два менее серьезных, он обязан пройти обучающий семинар, после чего ему продлевается срок испытания на 2 года [5].

Как видно, зарубежный опыт полностью не исключает проблемы при прохождении срока испытания. В Трудовой кодекс РФ рекомендуется включить специальные условия прохождения испытательного срока, как, например, во Франции, которые могут позволить отрегулировать отдельные проблемные стороны испытательного срока, например, в случае военнообязанных граждан.

Рассмотрев определение испытательного срока и его основные проблемы, можно сделать несколько заключений о необходимости данного явления в трудовом праве России. Хотя испытательный срок и имеет множество недостатков, как функция ознакомления работодателя с работником и работника с условиями работодателя она очень полезна. Работодатель при прохождении испытательного срока работником может увидеть качество исполнения им своих обязанностей и оценить его при условии непредвзятого отношения к новым сотрудникам. Для работника же испытательный срок служит таким периодом, когда он знакомится с внутренним распорядком работы и по окончании делает определенные выводы о том, подходят ли ему условия, предоставленные работодателем или нет.

Важно отслеживать судебную практику по делам о необоснованном увольнении работника при прохождении или завершении испытательного срока и учитывать все детали касательно условий, поставленных работодателем и реальной возможностью работника к исполнению данных условий, что также поможет решить проблему, связанную с отсутствием желания незаконно уволенных работников отстаивать свои права в суде.

Чтобы улучшить систему испытательного срока и исправить вышеуказанные проблемы, необходимо множество процессуальных изменений.

Основные необходимые изменения в испытательном сроке.

Во-первых, ввести определенный контрольный независимый орган, который бы по окончании испытательного срока соотносил проделанную работу с требованиями работодателя, что может сказать о соответствии или несоответствии работника должности. Предложенный вариант решения проблемы поможет в ситуации с несправедливым увольнением работников, а также способствует выявлению наиболее выгодных сторон работника. Нарушение данного положения трактуется запретом дискриминации в сфере труда (ст. 3 ТК РФ).

Во-вторых, обязать работодателей не перегружать испытываемого работника в целях формирования адекватных выводов о ненадлежащем исполнении возложенных на него обязательств. В данном случае следует закрепить в Трудовом кодексе РФ, что работник, проходящий испытательный срок, должен выполнять такой же объем работ, как и остальные работники на схожей должности.

Данные положения могут значительно улучшить систему испытательного срока в Российской Федерации и придать ему значимость среди работников и работодателей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Трудовое право России / И. Г. Выговская, С. В. Колобова, О. С. Королькова [и др.]; под общ. ред. М. В. Преснякова, С. Е. Чаннова. — Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2014.
4. Шония Г. В. Трудовой договор во Франции // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7 (92).
5. Bundesamt für Justiz. — URL: https://www.bundesjustizamt.de/DE/Home/homepage_node.html (дата обращения: 10.09.2020)
6. Code du travail Version en vigueur au 28 juin 2014 Section 4: Période d'essai. (Articles L1221-19 à L1221-26). — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIA RTI000029144958/2014-06-28/#:~:text=4%C2%B0%20Un%20mois%20apr%C3%A8s,grave%2C%20%C3%A0%20une%20indemnit%C3%A9%20compensatrice> (дата обращения: 10.09.2020).

УДК 349.3

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ О ПРАВЕ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. Г. Чельцова, канд. пед. наук, доцент

А. С. Куликов, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

Проведен анализ современной обстановки в области прав человека и гражданина на социальное обеспечение как в Российской Федерации на основе национального законодательства, так и в иностранных государствах, входящих в мировое сообщество на основе международного законодательства.

Ключевые слова: международные акты, право социального обеспечения, права человека и гражданина, ратификация.

На сегодняшний день данная тема является актуальной, т. к. общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы, что закреплено в источниках международного права для национальной системы права в соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации [3].

Цель исследования — анализ влияния международного права социального обеспечения на право социального обеспечения в Российской Федерации для человека и гражданина.

Задачи исследования:

- 1) дать определение понятия «социальная защита»;
- 2) определить направления социальной защиты;
- 3) провести анализ ратифицированных международных актов;
- 4) выявить проблемы реализации международных актов;
- 5) определить пути решения проблем, связанных с реализацией на территории РФ международных актов.

Система социального обеспечения каждой страны имеет свои характерные особенности в связи с конкретными социально-экономическими условиями. Право на социальное обеспечение в Российской Федерации закреплено в Конституции и представляет собой комплекс взаимосвязанных организационных и законодательных мер.

В нашей стране социальная защита нетрудоспособных и малообеспеченных групп населения осуществляется по двум основным направлениям — социальное обеспечение и социальная помощь.

Российское социальное обеспечение включает в себя:

- пенсии по старости, инвалидности, за выслугу лет, по случаю потери кормильца, а также иные социальные пенсии;
- пособия по временной нетрудоспособности, беременности и родам, многодетным и одиноким матерям, на детей в малообеспеченных семьях и другие;
- обслуживание и содержание престарелых и инвалидов в специализированных учреждениях;
- трудоустройство инвалидов и профессиональное обучение;
- реабилитацию инвалидов, врачебно-трудовую экспертизу;
- льготы и преимущества инвалидам.

На сегодняшний день органы социальной защиты населения совместно с органами здравоохранения, народного образования, культуры и прочими органами осуществляют управление социальной службой.

Государство уделяет повышенное внимание вопросам охраны материнства и детства, с этой целью своевременно выделяются специальные пособия, выплачиваемые фондом социального страхования и другими внебюджетными фондами.

Сравним социальное обеспечение в РФ и в других странах на примере одного из видов социального обеспечения — пенсии по старости.

В России созданы основы полноценной системы социального обеспечения, сформированы необходимые предпосылки и условия для развития социальной работы, с учетом лишь небольшой доли мировых стандартов. К этой доле относится Конвенция № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», принятая в г. Женеве 28.06.1952 г. [1]. Данная конвенция совмещает в себе основополагающие сферы социального обеспечения и виды социальных рисков, включая минимальные стандарты по медицинскому обслуживанию, пособиям по безработице, по болезни, по старости, в связи с производственной травмой, по беременности и родам, по случаю потери кормильца и по инвалидности.

Основополагающие принципы Конвенции № 102 касаются как общих правил управления и организации, так и положений, связанных с распределением рисков, коллективным финансированием и ответственностью государства за разумное управление системами социального обеспечения. Система должна действовать под контролем органов государственной власти и регулироваться совместными усилиями работодателей и работников, взносы которых составляют наибольшую долю в доходах социального обеспечения. Если же управление не поручено какому-либо государственному органу, то за административное руководство должны браться представители лиц, охваченных сферой социальной защиты, в т. ч. социальные группы, не работающие по найму [7].

На сегодняшний день согласно федеральному закону от 03.10.2018 № 349 «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенция № 102)», Россия ратифицировала указанную Конвенцию с принятием обязательств в отношении таких разделов, как:

- 1) II «Медицинское обслуживание»;
- 2) III «Обеспечение по болезни»;
- 3) V «Обеспечение по старости»;
- 4) VI «Обеспечение в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональными заболеваниями»;
- 5) VIII «Обеспечение по материнству»;
- 6) IX «Обеспечение по инвалидности»;
- 7) X «Обеспечение по случаю потери кормильца».

То есть, Российской Федерацией было ратифицировано около 80 % содержания данной конвенции, кроме разделов: а) IV «Обеспечение по безработице» и б) VII «Семейное обеспечение» [4]. Невошедшие разделы в период пандемии COVID-19 являются наиболее актуальными и приоритетными для государства, ведь люди остаются без работы, денежных средств, что влияет на семейные отношения.

Принятие федерального закона «О ратификации Конвенции о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» от 30.10.1997 № 137 означало:

- признание, что проблемы трудящихся с семейными обязанностями — это важный аспект, который необходимо учитывать при проведении национальной политики в государстве;
- признание подлинного равенства для трудящихся мужчин и женщин с семейными обязанностями [5].

Именно благодаря ратификации Конвенции № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-ой сессии Генеральной конференции МОТ) положение трудящихся с семейными обязанностями, как в Российской Федерации, так и в частности в Новосибирске улучшилось, ведь именно данные предложения отвечали их особым потребностям и обозначили необходимые меры по дальнейшему улучшению положения трудящегося [2].

В Новосибирской области принято постановление, которое регулирует реализацию международных связей Новосибирской области с внешним миром — «О реализации Закона Новосибирской области от 13.11.2000 № 125 „О международных, внешнеэкономических и межрегиональных связях Новосибирской области“». Действие этого документа положительно отражается на Новосибирске и области в целом [6].

Одна из главных задач, стоящих перед органами государственной власти — это задача выбора наиболее эффективного и целесообразного вектора развития социальной политики.

Под социальной защитой понимается система, с одной стороны, законодательных, а с другой стороны, экономических и морально-психологических

гарантий, мер и средств, посредством которых обеспечивается классовое равенство. Помимо этого социальная защита является одной из важных функций государства, на которых базируются социальные права и предоставление социальных гарантий человеку и гражданину, в зависимости от норм международного права, а также норм национального права каждого из существующих развитых государств.

Также важной задачей социальной защиты является поддержание достаточного уровня и качества жизни, а именно обеспечение здоровой жизнедеятельности как индивида, так и групп.

Социальная защита — это комплексная система:

- социально-экономических и организационно-правовых мер, направленных на достижение достойного уровня жизни;
- институтов государственного социального обеспечения;
- принципов, методов, а также учреждений, задача которых своевременно обеспечить оптимальные условия жизни в кратчайшие сроки.

На наш взгляд, для решения проблем реализации прав граждан в социальном обеспечении необходимы следующие изменения.

Повысить благосостояние граждан можно, стремясь к установлению достойного образа жизни и сокращению социального неравенства в обществе. Основой социального неравенства в России является финансовое неравенство. Необходимо проводить комплексные мероприятия по защите и стимулированию мелкого и среднего предпринимательства, по увеличению минимальной оплаты труда и введению минимального гарантированного дохода гражданам, реформированию системы социальной поддержки населения и заработной платы в бюджетных организациях.

Минимальный размер оплаты труда, по нашему мнению, должен составлять не менее 20 тысяч рублей. Минимальная зарплата в Российской Федерации на сегодняшний день ниже, чем во многих развитых западных странах. Данное повышение оплаты труда увеличит доходы наименее защищенных и обеспеченных групп в обществе.

Такого рода процедуры по регионам России, в частности в Новосибирской области, необходимо реализовывать постепенно, в течение 5 лет, а решение о повышении их темпа будет принимать региональное законодательное собрание.

Необходимо отходить от государственной бюрократии путем повышения адресности социальной поддержки нуждающихся, повышение размера пособий по точным критериям нуждаемости с обеспечением прозрачности и контроля за расходами данными средств.

Пенсионная реформа должна быть ориентирована на социалистическую модель, которую Российскому Правительству необходимо будет восстановить, опираясь на принципы демократии и народовластия. Данная модель способна стать фундаментом для социальной поддержки и для экономического развития. Пенсия должна быть социально справедливой и обеспечивать достойный уровень жизни в соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации.

Это возможно благодаря следующим действиям:

- модернизация регулирования рынка труда: вывод граждан на белую заработную плату, а также путем сокращения неформальной занятости;

— установка сочетания накопительного и распределительного компонентов в пенсионной системе и дальнейшее развитие накопительной части.

Накопленные пенсионные средства — безусловная собственность граждан и не могут быть подвержены изыманию на законодательном уровне России.

При Пенсионном фонде, на наш взгляд, должны быть сформированы обязательные счета для перечисления доли дохода от экспорта природных ресурсов.

Таким образом, вся целостная система права социального обеспечения нуждается в новых реформах со стороны действующих органов власти с учётом мнения международного сообщества для ликвидации таких проблем, как:

— низкий уровень жизни через повышение благосостояния как работников органов в области права социального обеспечения, так и граждан, получающих поддержку от государства в виде льгот и пособий, а также иные меры государственной поддержки;

— пенсионная система через улучшение системы пенсионных фондов Российской Федерации до такой степени, когда пожилые люди смогут вести достойный образ жизни, как средний европейский пенсионер.

Для преобразования и улучшения действующей системы права социального обеспечения необходимо ратифицировать ряд документов:

— Конвенция № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики» (1962 г.);

— Конвенция № 157 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения» (1982 г.)

— Конвенция № 130 «О медицинской помощи и пособиях по болезни» (1969 г.);

В настоящее время Российской Федерацией ратифицированы конвенции № 102, 156, 159.

Международное правовое законодательство является неотъемлемым элементом преобразования в области права человека на социальное обеспечение на территории Российской Федерации. Такого рода преобразования необходимы действующей национальной системе права для ее совершенствования, в частности применение данного перечня Конвенций позволит России развиваться эффективнее.

Список литературы

1. Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» (заключена в г. Женеве 28.06.1952) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. — 2020. — № 7.
2. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67 сессии Генеральной конференции МОТ) // Бюллетень международных договоров. — 2004. — № 10. — С. 11–15.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.10.2020).
4. О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенция № 102): ФЗ от 03.10.2018 № 349-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 41. — Ст. 6189.
5. О ратификации Конвенции о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями: ФЗ от 30.10.1997 № 137-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 44. — ст. 5020.
6. Постановление губернатора Новосибирской области от 27.09.2019 № 237 «О реализации Закона Новосибирской области от 13.11.2000 № 125 „О международных, внешнеэкономических и межрегиональных связях Новосибирской области“». — URL: <https://www.nso.ru/npa/37873> (дата обращения: 04.10.2020).
7. Лаптев Г. С. Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения как источник права социального обеспечения». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konventsiya-mot-102-o-minimalnyh-normah-sotsialnogo-obespecheniya-kak-istochnik-prava-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 04.10.2020).

УДК 331.103.32

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ ТРУД В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. Г. Чернецова, ст. преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассмотрены особенности правового регулирования труда педагогических работников в соответствии с действующим законодательством. Проведен анализ содержания трудовой правосубъектности, определены особенности рабочего времени (норма учебной нагрузки) педагогических работников СПО и ВО. Выявлены некоторые проблемы правового регулирования преподавательского труда и предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: преподавательский труд, преподавательская деятельность, педагогический работник, Трудовой кодекс РФ, Закон «Об образовании», трудовая правосубъектность, рабочее время, возрастной ценз, образовательный ценз, образовательное учреждение.

Преподавательский труд — это трудовая деятельность преподавателя. Следовательно, чтобы определить содержание этого термина, нужно рассмотреть трудовые права и обязанности преподавателя, в частности особенности правового регулирования преподавательской деятельности в соответствии с действующими правовыми нормами. Можно сразу предположить, что это деятельность, которую осуществляет преподаватель в аудитории, кроме этого, преподаватель

готовит лекционный материал, задания для выполнения семинаров и другими видами деятельности.

Действующее российское законодательство не дает легального определения преподавательской или педагогической деятельности. Однако именно этот род занятий преобладает среди используемых жизненно необходимых видов деятельности, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Безусловно, один из основных участников данного процесса — это педагогический работник, статус которого определен ФЗ РФ «Об образовании» № 273-ФЗ, последняя редакция которого вступила в силу с 01.09.2020 (далее — Закон об образовании) [2]. Особенности правового регулирования труда педагогических работников регламентированы гл. 52 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) [1]. Кроме перечисленных нормативно-правовых актов необходимо отметить и подзаконные нормативно-правовые акты: постановления Правительства РФ, Типовые положения, приказы федеральных министерств, служб и т. д.

Для того, чтобы определить особенности правового регулирования труда педагогических работников, необходимо обратиться к нормам ТК РФ, а именно к статьям 331–336, которые закрепляют правовой статус педагогических работников. Эти положения трудового законодательства закладывают основы правового регулирования трудовой деятельности педагогических работников в РФ, трудовое законодательство относит этот вид деятельности к специальному виду регулирования, т. е., определяет особенности и отличия данной категории работников.

Правовой статус субъекта трудового отношения определяется трудовой правосубъектностью. Это сложная категория, т. к. трудовая правосубъектность включает в себя такие составляющие, как трудовая правоспособность, трудовая дееспособность и трудовая деликтоспособность. ТК РФ (ст. 63) определяет возрастные критерии начала трудовой правосубъектности: по общему правилу — это 16 лет [1], при этом стоит заметить, что глава ТК РФ, посвященная особенностям правового регулирования педагогических работников, не называет возрастной ценз, ограничиваясь только образовательным.

Образовательный ценз определен Законом об образовании, который выделяет круг лиц, имеющих право на занятие педагогической деятельностью, — это лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование, отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам [2].

«В теории трудового права условиями трудовой правосубъектности считаются возрастной и волевой критерий» [3]. Кроме возраста, обязательные компоненты — трудовые права и обязанности, которые также не предусмотрены действующим трудовым законодательством в отношении педагогических работников, однако ст. 21 ТК РФ закрепляет основные права и обязанности работника. Нужно отметить, что трудовые права и обязанности педагогического работника не регламентированы нормами ТК РФ, трудовые права и социальные гарантии педагогических работников закреплены в ч. 5 ст. 47 Закона об образовании. К ним законодатель относит такие права, как право на сокращенную

продолжительность рабочего времени, на дополнительное профессиональное образование по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года, на предоставление ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска и другие трудовые права и социальные гарантии [2].

Следующий проблемный аспект правового регулирования преподавательского труда — это рабочее время. В данном случае законодатель определил ст. 333 ТК РФ, которая регламентирует сокращенную продолжительность рабочего времени для педагогических работников не более 36 часов в неделю, и положения Закона об образовании, в тех же пределах.

Конкретизация положений указанных нормативно-правовых актов закреплена в соответствующем подзаконном акте: приказе Министерства образования и науки РФ от 22.12. 2014 № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре» (далее — приказ Министерства образования и науки). Данный правовой акт устанавливает нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы, следовательно, ТК РФ определяет сокращенную продолжительность рабочего времени как вид рабочего времени, а приказ Министерства образования и науки регламентирует порядок определения учебной нагрузки в трудовом договоре.

Например, учебная нагрузка преподавателей, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования (СПО), на ставку заработной платы составляет 720 часов в год и определяется объемом годовой учебной нагрузки из расчета на 10 учебных месяцев, при этом установлен верхний предел, он составляет 1440 часов в учебном году [4].

По образовательным программам высшего образования (ВО) также определен верхний предел учебной нагрузки, определяемый по должностям профессорско-преподавательского состава (ППС), и не должен превышать 900 часов в учебном году. При этом учебная нагрузка педагогического работника по установленным правилам определяется в зависимости от занимаемой им должности, уровня квалификации и не может превышать верхних пределов [4].

Образовательная организация самостоятельно определяет в локальном нормативном акте соотношение учебной нагрузки педагогических работников, установленной на учебный год, и другой деятельности, предусмотренной должностными обязанностями и (или) индивидуальным планом. Сюда может быть отнесена научно-исследовательская, методическая, воспитательная и другие виды деятельности в пределах установленной продолжительности рабочего времени в зависимости от занимаемой должности работника. Для выполнения этой нагрузки образовательное учреждение обязано создать необходимые условия, но в этой части можно заметить пробел в законодательстве, т. к. ни в одном подзаконном нормативном акте не учтено время, отводимое на подготовку и проведение такой работы.

Рассмотрев поставленные актуальные проблемы правового регулирования труда педагогических работников, можно предложить возможные пути решения:

1. Восполнить пробел путем закрепления в рамках трудовой правосубъектности возрастного ценза для педагогических работников, при этом учесть особенности психолого-физического развития и наличия определенного жизненного опыта. Данный возрастной ценз регламентировать в рамках ст. 331 Трудового кодекса РФ.

2. Определить на уровне федерального закона предельные нормы оплачиваемой научно-исследовательской и методической работы педагогических работников и определить временные рамки для реализации этой нагрузки в образовательном процессе.

3. Привести в соответствие нормативно-правовые акты, которые дублируют особенности правового регулирования педагогических работников в отечественном государстве, добавить недостающие понятия, такие как педагогическая (преподавательская) деятельность.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ba882ca553cec62d43e60c0cad17b6c4b2d45a0/ (дата обращения: 02.11.2020).
2. Об образовании в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020): ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/c27004d0a000ba933a6f8defbeb15a2255b9cf24/ (дата обращения: 04.11.2020).
3. «Трудовая правосубъектность преподавателя» [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9082651> (дата обращения: 06.11.2020) (дата обращения: 04.11.2020).
4. О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре: приказ Министерства образования и науки РФ от 22 декабря 2014 г. № 1601 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70878632/paragraph/1:0> (дата обращения: 05.11.2020).

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

М. Е. Чучелова, обучающийся

А. С. Никитин, обучающийся

Научный руководитель М. Г. Чельцова, канд. пед. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

Рассмотрены основные направления работы в сфере профилактики социального сиротства, меры поддержки устройства детей-сирот и развитие форм усыновления (удочерения) по Новосибирской области, предложены решения проблемы стремительного роста детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения.

Ключевые слова: дети-сироты; дети, оставшиеся без родительского попечения.

Актуальной проблемой современной реальности является стремительный рост детей-сирот и отсутствие эффективных моделей их социальной защиты. Фактически одна из важнейших задач государства и общества — социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения. В условиях продолжающейся нестабильности социально-экономической, политической жизни страны продолжает расти число детей, попавших в трудную жизненную обстановку. Среди них выделяют: сирот, социально дезадаптированных детей, юных преступников, детей-инвалидов, детей-беженцев и вынужденных переселенцев, а также детей, проживающих в неблагоприятных условиях экологии. Необходимо добавить, что особый, трагический мир окружает детей, потерявших своих родителей. Каждый ребенок имеет право на семью, мать и отца. В настоящее время в обыденной лексике и теоретических работах широко применяются понятия «социальный сирота» (социальное сиротство) и «сирота» (сиротство). Дети-сироты — это те дети, оставшиеся без родителей, у которых совершеннолетие не наступило. Социальный сирота — это ребенок, который имеет биологических родителей, но по каким-то причинам они не несут заботу о нем, не принимают участие в воспитании. В этих случаях государство совместно с обществом должно принять участие в жизни ребенка и нести ответственность за его судьбу. В Новосибирской области сохраняется тенденция к уменьшению общего количества детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения.

Развитие форм семейного устройства и воспитания детей, которые остались без попечения родителей, а также создание условий по сохранению ребенка в родной семье — основные приоритеты социальной политики в сфере опеки и попечительства в Новосибирской области [2]. Итоги работы нескольких конференций по Новосибирской области в сфере профилактики социального сиротства, показывают: сохранение родной семьи для ребенка и семейное устройство детей, утративших родительское попечение, являются приоритетными направлениями деятельности в сфере опеки и попечительства регионального

министерства труда и социального развития. «Вследствие выстроенной системы профилактики, которая основана на межведомственном взаимодействии по раннему выявлению семей, находящихся в социально опасном положении, и оказанию им необходимой своевременной помощи в Новосибирской области сохраняется тенденция к уменьшению общего количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», — отметила на конференции 2019 года заместитель министра. На 2019–2020 гг. в базе данных числится 9686 детей (9961 ребёнок числился в 2017 г.). Численность детей-сирот, воспитывающихся в замещающих семьях, стабильно высока на протяжении трех лет — 93 % от общего количества сирот [3].

По статистике, наиболее встречающиеся причины сиротства: изъятие у родителей при угрозе здоровью и жизни (3 %), отречение в роддоме (3 %), согласие на усыновление (7 %), оставление детей в организациях (13 %), пребывание родителей в розыске и в местах лишения свободы (14 %), смертность одного из родителей (27 %), лишение (ограничение) в родительских правах (33 %).

Если говорить о семейных формах устройства, то усыновление выделяют как приоритетную: «Между усыновляемым ребенком и усыновителями не только происходит юридическое закрепление этих отношений, когда усыновленный ребенок в своих правах и обязанностях приравнивается к кровному, и усыновители принимают на себя все родительские права и обязанности, но и складываются близкие родственные отношения». Исходя из статистики [3], на учете в органах опеки Новосибирской области числится около 2 тыс. детей, которые проживают в 1600 семьях усыновителей. Примерно 3,7 тыс. детей воспитываются в приемных семьях; 5 тыс. детей — в семьях попечителей (опекунов). В Новосибирской области существует 3 формы семейного устройства детей-сирот: усыновление; установление опеки (в отношении детей до 14 лет) /попечительства (в отношении детей старше 14 лет); устройство в приемную семью. В качестве материального стимулирования развития семейных форм устройства детей-сирот предусмотрены как федеральные, так и региональные выплаты, пособия.

Сведения из государственной программы «Развитие системы социальной поддержки населения и улучшение социального положения семей с детьми в Новосибирской области» об улучшении социального положения детей, в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [5]:

«...Руководитель программы: Министр труда и социального развития Новосибирской области...

Цели программы: 1) усовершенствование социальных условий и положения семей с детьми, детей, в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, путём создания комплексных условий для благополучия детей и подростков, обеспечения общественных отношений и инфраструктуры жизнедеятельности дружественных семье и детству; 2) формирование оперативной системы социальной поддержки населения, в том числе социального обслуживания граждан отдельных категорий.

Задачи госпрограммы, ориентированные на такие категории граждан, как дети-сироты и дети, оставшиеся без попечительства родителей: 1. Повышение

качества жизни семей с детьми, детей, в том числе детей-инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот. 2. Гарантия и защита прав, интересов детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот. 3. Формирование условий для улучшения системы профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних, реабилитации и социализации несовершеннолетних, которые находятся с законом в конфликте. 4. Улучшение качества и доступности отдыха, оздоровления и занятости детей, в том числе детей сирот и детей, оставшихся без родительского попечения.

Ожидаемые результаты реализации: 1) численность детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, устроенных в семьи, от общей численности детей этой категории увеличится в 2021 году до 92,4 % с 77,7 % в 2013 году; 2) в год не менее 272 человек будет составлять доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые обеспечены благоустроенными жилыми помещениями специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений; 3) в 2022 году в результате реализации государственной программы планируется преобладание семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Данная программа в настоящее время осуществляется. Её сроки реализации: 2014–2021 гг.».

Проблема стремительного роста детей-сирот и отсутствие эффективных моделей их социальной защиты чрезмерно велика. Задачу такого масштаба нужно решать не на региональном, а на государственном уровне. Анализ условий жизни детей и подростков до попадания в детские дома показывает, что невозможно выделить одну главную причину попадания ребенка в детский дом. Работники (специалисты) детского дома чаще всего фиксируют достаточно большое сочетание неблагоприятных условий, которые делали невозможным дальнейшее проживание детей в семьях, где создавалась прямая угроза их здоровью и жизни. Государство стремится реализовывать защиту и гарантии детям, оставшимся без попечения родителей, но их количество увеличивается из года в год. Скорее всего, государству будет выгоднее создать условия для жизни обычной семьи, чем содержать детей, оставшихся без попечения родителей. Поэтому следует поддерживать семейный институт. На рост неблагоприятных семей влияют проблемы незанятости населения (безработицы), алкоголизации населения, в том числе и женщин-матерей. Для того чтобы разрешить данную проблему, не давая разрушаться новым семьям, нужно принять меры для поддержания института семьи в стране. Следует оказывать поддержку — как материальную, так и духовную. Стоит создать все условия для нормально-го существования здоровой семьи как основы общества, в котором мы живём, также увеличить детские пособия. При анализе отдельного региона существует множество возможностей проявить заботу о детях, попавших в тяжелые жизненные условия — сиротах и детей, оставшихся без попечения родителей. Если есть возможность, следует принять небольшое участие в жизни детей, допустим, привезти вещи, которые стали ненужными, в детский дом, помочь в благоустройстве детских учреждений, где сироты живут и воспитываются,

а можно стать для одного или нескольких таких детей вторым родителем. Разумеется, это ответственный шаг, но очень много семей отказываются на него.

Список литературы

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: ФЗ от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018).
2. Региональная стратегия действий в интересах детей [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nso.ru/page/9619> (дата обращения: 15.11.2020).
3. Новосибирская область — один из регионов-лидеров по устройству детей-сирот в семьи [Электронный ресурс]. — URL: <https://cod54.ru/regionalnye-novosti/novosibirskaya-oblast-odin-iz-regionov-liderov-po-ustrojstvu-detej-sirot-v-semi.html> (дата обращения: 15.11.2020).
4. Обеспечение жильем детей-сирот [Электронный ресурс]. — URL: <http://mtr.nso.ru/page/1327> (дата обращения: 15.11.2020).
5. Государственная программа Новосибирской обл. «Развитие системы социальной поддержки населения и улучшение социального положения семей с детьми в Новосибирской области» [Электронный ресурс]. — URL: <https://openbudget.mfnso.ru/analitika/gosudarstvennye-programmy/gp-no-razvitie-sistemy-sotsialnoj-podderzhki-naseleniya-i-uluchshenie-sotsialnogo-polozheniya-semej-s-detmi-v-novosibirskoj-oblasti> (дата обращения: 15.11.2020).
6. Профилактика социального сиротства, меры поддержки устройства детей-сирот и развитие форм усыновления в Новосибирской области [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nso.ru/news/38_307 (дата обращения: 15.11.2020).

УДК 349.3

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН, ИМЕЮЩИМ ДЕТЕЙ

О. Д. Яковлева, обучающийся

*Научный руководитель М. В. Чельцов, канд. пед. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия*

Рассматриваются основные проблемы в современном социальном обеспечении граждан, имеющих детей. Проводится анализ законодательной системы в области правового регулирования социальной поддержки и помощи семьям, имеющим детей.

Ключевые слова: право социального обеспечения, материнский капитал, материнство, детство, пособия, система социального обеспечения, институт семьи.

Институт семьи в любом обществе всегда был наиболее ценным и крепким, ведь вступление в законный брак и принятие решения о создании ребенка — один из самых трудных и ответственных периодов в жизни любого человека и гражданина.

Помимо общественной ценности, институт семьи представляет большую значимость для государства, ведь благодаря созданию крепкой семейной ячейки появляются новые личности, которые становятся гражданами государства с момента рождения.

Но, к сожалению, на сегодня в нашей стране наиболее остро стоит вопрос о демографическом кризисе и распаде института семьи. Если обратиться к статистике, то можно проследить ежегодный значительный спад рождаемости в Российской Федерации. Так, по данным Росстата, на конец 2019 г. число родившихся составило 16 тыс., а умерших 18 тыс., что является реальной угрозой дальнейшего поступательного развития страны.

Почему же произошел так называемый «семейный» кризис? Для того чтобы ответить на данный вопрос, следует более детально рассмотреть само понятие «семьи».

Семья — это социальный институт и самая базовая ячейка общества, которая формируется с момента добровольного вступления в брак двух индивидов. Основная цель создания семьи — стремление граждан к рождению и дальнейшему воспитанию детей. Классическая семья состоит из женщины-матери, мужчины-отца и одного или более ребенка. Рождение, социализация и воспитание ребенка — один из самых трудоемких процессов, т. к. требует не только физического и морального труда, но и финансовых затрат.

В 1991 году после распада СССР появилось новое государство — Российская Федерация. Тогда, в момент массового экономического реформирования, произошел не только спад уровня жизни населения, но и сокращение его численности. Этому способствовали сразу несколько причин: уменьшение рабочих мест на предприятиях, снижение уровня дохода населения и сокращение продолжительности жизни. Отсутствие вмешательства со стороны органов власти привело бы к необратимому процессу падения общества, поэтому в 2000-е гг. Правительство РФ представило целый комплекс мер по повышению уровня жизни населения. Но за 20 лет демографическая ситуация в России остается напряженной, т. к. экономический уровень большинства населения остается ниже требуемого, и нет возможности создания благоприятных условий для рождения ребенка. Именно поэтому государство вынуждено принимать необходимые меры социальной поддержки и защиты материнства и детства.

Самым значимым нормативным правовым актом по защите семьи, стал изданный 29 декабря 2006 г. федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» [3]. Целью его стало обеспечение нормального уровня жизни семьям с детьми посредством денежной выплаты через материнский (семейный) капитал.

Материнский капитал — одна из самых основных мер поддержки материнства и детства. Он направлен на экономическую помощь семье, имеющей детей, на осуществление определенных целей, которые закрепляет законодательство.

Ранее материнский капитал выплачивался за рождение второго и последующего ребенка, но в 2020 году данную денежную выплату стали выдавать и за появление первого ребенка. На сегодняшний день размер материнского капитала составляет 466 617 рублей.

Если посмотреть статистику ежегодной индексации с момента принятия закона о выплате материнского капитала, который в 2007 г. составлял 250 тыс. руб., можно заметить увеличение выплаты в 2 раза.

Помимо материнского капитала, в социальном обеспечении России существует ряд пособий, которые выплачиваются гражданам, имеющим детей. Данные пособия устанавливаются в соответствии с федеральным законом № 81-ФЗ от 19.05.1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [5].

Детские пособия — это государственные выплаты, которые предусмотрены российским законодательством для беременных женщин, молодых мам и других категорий получателей данных пособий.

К числу таких пособий относятся:

- пособия по беременности и родам;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком и другие.

Все вышеперечисленные пособия устанавливаются в соответствии с ч. 2 ст. 39 Конституции РФ [1], а их предоставление осуществляется в соответствии с федеральным законом № 178 «О государственной социальной помощи» [6] и федеральным законом № 255 «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [7].

Не смотря на рост размера материнского капитала, большое количество пособий, государство все еще терпит кризис по причине спада рождаемости. Следовательно, существует ряд проблем с назначением и выплат пособий для граждан, имеющих детей, что и порождает трудности на практике.

Во-первых, наиболее важной проблемой нужно считать отсутствие дифференциации пособия в зависимости от очередности детей, вследствие чего размер пособия остается очень низким.

Во-вторых, несмотря на то, что ребенком признается гражданин, не достигший возраста 18 лет, пособия гражданам, имеющим детей, выплачиваются до достижения ребенком 16-летнего возраста.

В-третьих, с взрослением ребенка увеличивается количество его потребностей, которые несут финансовое обострение семье, а размер пособия остается неизменным с момента его рождения.

И, в-четвертых, минимальный размер пособий (единовременное пособие при рождении ребенка — 14 479 рублей; пособие по беременности и родам — 51 919 рублей; ежемесячное пособие по уходу за ребенком — 4 852 руб.).

Их размер по-прежнему остается незначительным, несмотря на ежегодную индексацию коэффициента.

Причиной данного фактора стал экономический кризис государства, который начался еще в 2016 и 2018 годах. Правительство РФ старалось сократить «неэффективные затраты», а именно размеры пособий для граждан, имеющих детей.

Все вышеперечисленные пособия, в частности пособие по беременности и родам, предназначены для возмещения временно утраченного дохода женщины как трудоспособного и застрахованного лица, а также как экономически слабого гражданина.

Но судя по практике последних лет, наблюдается отсутствие вышеуказанного фактора в законодательстве, регулирующем обязательное социальное страхование, в силу ряда причин:

- пособие рассчитывается за 2 календарных года до наступления беременности и родов;
- размеры пособий не соответствуют требованиям конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» [3] и ратифицированной конвенции МОТ № 103 «Об охране материнства» [4];
- существуют так называемые ограничения пределов размера пособия, т. е. максимальной и минимальной величины.

Таким образом, застрахованной трудоспособной женщине, которая имеет трудовой стаж свыше 6 мес., пособие по беременности и родам выплачивается в размере 45 % от средней заработной платы, но не ниже установленного минимального размера оплаты труда.

Важно отметить, что право на получение благ социального обеспечения при материнстве может зависеть от материальной обеспеченности семьи с ребенком в целом, но критерий такой обеспеченности не должен быть ниже прожиточного минимума.

Конечно, на сегодняшний день правовое регулирование в области социального обеспечения семей с детьми значительно изменилось. И наибольшая часть изменений пришлось на системы управления и финансирования. Основное изменение заключается в том, что сейчас Российская Федерация выступает гарантом материальных выплат пенсий, различных пособий семьям, имеющим детей. Что касается социального обслуживания, то здесь его виды, формы и размер полностью регулируются законодательством субъектов РФ.

Важно отметить, что на федеральном уровне нет закрепленных стандартов и гарантий, что привело к спаду уровня социального обеспечения семей с детьми в отдельных субъектах РФ.

Анализ динамики развития законодательства о социальной защите семьи, материнства и детства приводит к выводу, что в целом на сегодняшний день правовая база недостаточна. Заметно несовершенство существующих законов.

ФЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» [2] предусматривает выплату материнского (семейного) капитала, точнее, его средства, предусматривая 3 варианта расходования: улучшение жилищных условий (включая погашение кредитов); обеспечение образования одного из имеющих детей; формирование накопительной части трудовой пенсии матери ребенка.

По нашему мнению, трех направлений недостаточно для создания действительно благоприятных условий для жизни. Например, реализация медицинских услуг и помощи ребенку, так как на сегодня в России показатели здоровья детей достаточно низкие.

В последнее время институт государственных пособий семьям, имеющим детей, практически полностью утратил свою социально-экономическую значимость в обществе, что обусловлено минимальным размером данных пособий. Фактически государство возлагает основные материальные расходы на родителей ребенка, тем самым происходит отказ от понимания фактов рождения и воспитания ребенка как выполнения семьей ее социальной функции, а не только индивидуальной. В условиях нынешнего демографического кризиса это просто недопустимо.

В настоящее время институт семьи все быстрее и быстрее теряет свою значимость, а это не только демографическая проблема, но и нравственная, культурная. Результатом разрушения семейных ценностей, материнства и отцовства становится плохое детство и, как следствие дальнейшая дезадаптация и дезинтеграция детей и подростков в обществе. С каждым годом все больше и больше семей переходят черту бедности. Именно поэтому государство и общество должны пересмотреть свое отношение к социальному и нравственному институту семьи, чтобы сохранить и восстановить его.

Качество социально-правовой защиты семьи во многом зависит от уровня развития законодательства, и можно заметить, что на сегодняшний день оно уже начало оказывать большую помощь семьям. Дальнейшее совершенствование системы и улучшение качества жизни семей приведет к стабилизации демографии в нашем государстве.

Как мы уже знаем из Конституции РФ, ребенок признается гражданином нашего государства с момента рождения, т. е. государство признает права данного ребенка на получение социальных благ, необходимых для жизни, а также благоприятных условий для его дальнейшего воспитания и развития. Со временем ребенок, повзрослев, будет выполнять возложенные на него обязанности государством (выплату налогов в федеральный бюджет).

Подробно изучив правовое регулирование социального обеспечения граждан, имеющих детей, можно найти факторы, которые являются препятствующими нормальной деятельности законодательства в данной области. Таковыми факторами являются:

- отсутствие проработанной нормативной базы социального обеспечения семей с детьми;
- несоблюдение и неисполнение поставленных международных стандартов в области прав ребенка;
- заниженные гарантии социальной защищенности детей по причине отсутствия социального обеспечения детей на федеральном уровне;
- неравный объем и качество услуг для семей с детьми, проживающих в разных субъектах РФ, нарушающих единство правового и экономического пространства в нашем государстве.

Таким образом, на сегодняшний день перед государством стоят следующие правовые задачи, которые нужно реализовать как можно быстрее: выполнение соответствующих обязательств в области социальной поддержки семей и детей в социальном обслуживании; создание благоприятных условий для нормального функционирования института семьи на всей территории Российской

Федерации, а не в отдельных субъектах; реализация помощи потребностей граждан, имеющих детей, посредством социальной помощи и поддержки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144 (8198). — 4 июля.
2. О дополнительных мерах поддержки, семей, имеющих детей: ФЗ № 256-ФЗ от 29.12.2006 г. (в ред. от 12.03.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79472/eb58e0b380b236ec8ee20b57d7f1c0ec5f453d49/#dst100030 (дата обращения: 03.04.20).
3. О минимальных нормах социального обеспечения: Конвенции МОТ № 102 (принята 28.06.1995 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/2541190/> (дата обращения: 03.04.20).
4. Об охране материнства: конвенция МОТ № 103 (принята 28.06.1952 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/2540636/> (дата обращения: 03.04.20).
5. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: ФЗ № 81-ФЗ от 19.05.1995 г. (в ред. от 01.10.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (дата обращения: 03.04.20).
6. О государственной социальной помощи: ФЗ № 178-ФЗ от 17.07.1999 г. (в ред. от 01.03.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 03.04.20).
7. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: ФЗ № 255-ФЗ от 29.12.2006 г. (в ред. от 27.12.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (дата обращения: 03.04.20).

**СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА:
НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ»**

УДК 347

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ЭЛЕКТРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ И СДЕЛОК
С НЕДВИЖИМОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

*Р. В. Баландин, ведущий специалист-эксперт,
государственный регистратор, ст. преподаватель
Управление Росреестра по Забайкальскому краю,*

*О. А. Липич, канд. юрид. наук, доцент,
Забайкальский институт предпринимательства — филиал СибУПК,
г. Чита, Россия*

В данной работе рассматриваются особенности электронной государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью на современном этапе. Раскрываются особенности правоприменения.

Ключевые слова: недвижимость, государственная регистрация, сделки, электронная регистрация.

Электронная регистрация сделок с недвижимостью и осуществление государственного кадастрового учета в эпоху цифровизации предоставления государственных услуг гражданам и юридическим лицам очень актуальна.

На сегодняшний день процесс электронной государственной регистрации осуществляется в соответствии со ст. 14 ФЗ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон о регистрации). В силу ст. 18 Закона о регистрации заявление о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы представляются в орган регистрации прав в порядке, установленном органом нормативно-правового регулирования, в т. ч. в форме электронных документов и (или) электронных образов документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, — с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в т. ч. сети Интернет, посредством единого портала государственных и муниципальных услуг или официального сайта с использованием единой системы идентификации и аутентификации [1].

Следует отметить, что в случае представления заявления о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав и прилагаемых к нему документов посредством отправления в электронной форме, такие заявление и документы представляются путем заполнения формы заявления, размещенной на едином портале, официальном сайте, с прикреплением соответствующих документов.

Приказом Минэкономразвития России от 26.11.2015 г. № 883 был утвержден порядок представления заявления о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество и прилагаемых к нему документов, порядок представления заявления об исправлении технической ошибки в записях Единого государственного реестра недвижимости [2].

В силу указанного порядка необходимые для государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав документы, направляемые в форме электронных документов, представляются в одном из следующих форматов:

- в виде файлов в формате XML-документов, созданных с использованием XML-схем и обеспечивающих считывание и контроль представленных данных;
- в виде электронных образов документов в формате PDF.

При этом средства электронной подписи, применяемые при представлении заявления о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав и прилагаемых к нему документов, должны быть сертифицированы в соответствии с законодательством Российской Федерации и совместимы со средствами электронной подписи, применяемыми органом регистрации прав.

Информация о требованиях к совместимости, сертификату ключа подписи, обеспечению возможности подтверждения подлинности УКЭП заявителя размещается на официальном сайте.

Согласно результатам опроса, проведенного в период с 01.06.2020 г. по 30.06.2020 г. Национальным объединением строителей (НОСТРОЙ) при поддержке Национального объединения застройщиков (НОЗА), 82 % опрошенных застройщиков используют электронный формат взаимодействия с Росреестром при подаче документов на государственную регистрацию и получения результатов рассмотрения. При этом 73 % респондентов отметили, что с использованием электронных сервисов они быстрее получают результат регистрационных действий [3].

К концу 2020 года на территории всех субъектов России планируется внедрение ФГИС ЕГРН, что позволит увеличить долю электронных услуг Росреестра за счет функциональных возможностей системы, сократить сроки оказания услуг, осуществлять в полном объеме кадастровый учет и регистрацию прав по экстерриториальному принципу.

Также продолжается работа по реинжинирингу процессов, что способствует сокращению сроков регистрации прав и кадастрового учёта, минимизации количества приостановок и отказов [4].

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 17.01.2019 г. № 20-р «Об утверждении плана «Трансформация делового климата» доля услуг Росреестра по государственной регистрации прав на основании документов, представляемых органами местного самоуправления и органами государственной власти в электронном виде, к концу 2020 года должна достигнуть 100 % [5].

В соответствии с ч. 2 ст. 19 федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» орган государственной власти или орган местного самоуправления в случае, если право, ограничение права или обременение объекта недвижимости возникают на основании акта

органа государственной власти или акта органа местного самоуправления либо сделки с органом государственной власти или органом местного самоуправления, в т. ч. сделки, совершенной на основании акта органа государственной власти или акта органа местного самоуправления, в срок не позднее пяти рабочих дней с даты принятия такого акта или совершения такой сделки обязан направить в орган регистрации прав заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы.

Документы, необходимые для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав и представляемые в форме электронных документов, должны соответствовать требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченных на то лиц, сторон договора или определенных законодательством Российской Федерации должностных лиц в установленных законодательством Российской Федерации случаях.

Поскольку в настоящее время на государственную регистрацию в основном представляются акты органа государственной власти или акта органа местного самоуправления, то в данном случае требуется только УКЭП уполномоченного на подписание документа лица.

В связи с отсутствием в большинстве случаев подписи стороны договора, в частности граждан, сделки, совершенные на основании акта органа государственной власти или акта органа местного самоуправления, представляются на государственную регистрацию прав в электронном виде крайне редко.

Все это обуславливает, на наш взгляд, потребность внесения изменений в Закон о регистрации в части закрепления положений об отсутствии необходимости УКЭП гражданина при государственной регистрации сделки с органом государственной власти или органом местного самоуправления, в т. ч. сделки, совершенной на основании акта органа государственной власти или акта органа местного самоуправления. Полагаем, что это позволит беспрепятственно представлять документы на государственную регистрацию прав в электронном виде.

Кроме того, одной из причин принятия отрицательных решений по документам органов местного самоуправления, представляемым в электронном виде, является отсутствие правоустанавливающего документа на государственную регистрацию права собственности, например, вместо распоряжения о разграничении муниципального имущества представляют выписку из реестра муниципальной казны (ГП «Оловянное» МР Оловянинский район Забайкальского края) [4].

В целях определения динамики межведомственного информационного взаимодействия и своевременного выявления проблем, возникающих при государственном кадастровом учёте и государственной регистрации прав, в органы местного самоуправления направляются запросы по межведомственному информационному взаимодействию, наполняемости ЕГРН актуальными сведениями, установлении границ муниципальных образований, внесении сведений о таких границах в ЕГРН, а также имеющихся проблемах при проведении данных мероприятий.

Начальниками межмуниципальных отделов совместно с сотрудниками МФЦ осуществляются выезды в сельские и городские поселения, проводятся рабочие встречи на местах с главами, специалистами муниципальных образований, в ходе которых решаются проблемы, возникающие при подаче документов на государственную регистрацию прав в электронном виде, повышение качества их подготовки, межведомственное информационное взаимодействие. Также проводятся практические занятия по обращениям, по которым приняты отрицательные решения и возврат документов без рассмотрения.

В ходе мониторинга количественного и качественного использования услуг Росреестра в электронном виде, межведомственному взаимодействию лидерами являются: Департамент государственного имущества и земельных отношений Забайкальского края, ГО «Город Чита», Читинский, Кыринский, Нерчинский, Чернышевский, Могочинский, Тунгокоченский, Петровск-Забайкальский, Шилкинский, Улётовский, Агинский районы. Отстающие районы: Оловянинский, Краснокаменский, Приаргунский, Нерчинско-Заводский, Калганский [4].

Динамику использования электронных услуг Росреестра органами местного самоуправления и органами государственной власти Забайкальского края можно видеть в таблице.

Динамика использования электронных услуг Росреестра органами местного самоуправления и органами государственной власти Забайкальского края

	2017	2018	2019	7 мес. 2020
ГРП	2073 (ноябрь, декабрь)	7803	5736	4335
ГКУ	576	1448	5283	4050
Одно окно	0	1470	4173	2890

В целях достижения 100 % показателя увеличения доли электронных услуг Росреестра наиболее оптимальным, на наш взгляд, является проведение следующих мероприятий с органами местного самоуправления и органами государственной власти:

1) ежеквартальное направление информационных писем в органы государственной власти и органы местного самоуправления о преимуществах представления документов на государственную регистрацию прав в электронном виде;

2) проведение экспресс-курсов электронных услуг Росреестра для органов местного самоуправления с представлением наглядной презентации подачи документов посредством портала государственных и муниципальных услуг в «Личном кабинете»;

3) с целью снижения количества отрицательных решений, принимаемых государственными регистраторами, необходима памятка по подготовке документов органов местного самоуправления по каждому виду регистрационных действий. На основе разработанной памятки начальниками межмуниципальных отделов следует провести обучающие мероприятия со специалистами административных;

4) необходимо разработать алгоритм действий при подаче заявлений на государственную регистрацию недвижимости с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования. Имеющийся презентационный материал следует направить в органы государственной власти, органы местного самоуправления.

Кроме того, отмечается потребность в ежемесячном обзоре изменений законодательства в сфере государственной регистрации недвижимости и практики его применения. И как следствие, направление информационных писем в органы государственной власти, местного самоуправления.

Также желательно проведение онлайн-конференций на базе площадки МФЦ с привлечением органов местного самоуправления и мониторинг динамики межведомственного информационного взаимодействия; наполняемости ЕГРН актуальными сведениями (в т. ч. о границах, территориальных зонах и пр.); вынесения отрицательных решений государственными регистраторами по документам органов местного самоуправления.

Таким образом, отмечается положительная динамика по учетно-регистрационным действиям в электронном виде, что свидетельствует о постепенном переходе граждан и организаций на получение услуг в режиме онлайн. Проведение различного рода мероприятий, направленных на увеличение доли электронных услуг Росреестра, будет способствовать достижению необходимых показателей.

Список литературы

1. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Об установлении порядка представления заявления о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество и прилагаемых к нему документов, порядка представления заявления об исправлении технической ошибки в записях Единого государственного реестра недвижимости: приказ Минэкономразвития России от 26.11.2015 г. № 883 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2020).
3. Росреестр [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2020).
4. Материал предоставлен Коллегией при руководителе Управления Росреестра по Забайкальскому краю.
5. Об утверждении плана «Трансформация делового климата» и признании утратившими силу актов Правительства РФ: Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2019 г. № 20-р [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2020).

ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ КАК ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. В. Бойченко, обучающийся

Научный руководитель О. В. Бодакова, канд. юрид. наук, доцент

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

В данной статье анализируются и раскрываются понятия чести, достоинства, деловой репутации, определяется их правовая сущность. По итогам проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: нематериальные блага, честь, достоинство, деловая репутация.

В настоящее время защита нематериальных благ, в частности, таких как честь, достоинство и деловая репутация, приобретает всё большее значение. Одними из основных причин данного роста является развитие различных сфер общественных отношений, а также растущее количество пользователей глобальной сети Интернет. Возникающая в связи с этим необходимость детального анализа законодательства, а также правоприменительной практики имеет целью устранение имеющихся пробелов и обеспечение надлежащего правового регулирования по данной категории дел.

Честь, достоинство и деловая репутация являются важной составляющей нематериальных благ. В соответствии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь главной ценностью и целью общества и государства являются человек с его правами, свободами и гарантиями их реализации. Высшими ценностями государством признаются права на честь и достоинство, а также защиту своего доброго имени. В силу предписаний ст. 53 Конституции каждый обязан уважать достоинство, свободы и законные интересы других лиц [1].

Право каждого гражданина на честь, достоинство и деловую репутацию состоит как в оценке общества на соответствие его поведения, деловых и профессиональных качеств, так и в определённой гарантии защиты данных нематериальных благ от нарушений.

Существует множество определений терминов «честь», «достоинство» и «деловая репутация». Среди них А. П. Сергеев указывает, что под «честью» должна пониматься оценка личности, определяющая отношение к гражданину или юридическому лицу общества, данная оценка характеризует моральные качества личности [2].

Достоинство является совокупностью высоких моральных качеств вместе с уважением и признанием этих качеств в самом себе [3].

Основываясь на этом, «честь» и «достоинство» относятся непосредственно к физическим лицам. Данная оценка гражданина строится на основе его

действий. При этом поведение строится на основе моральных ценностей. Так же оцениваются все стороны человеческой жизни.

Честь — это осознание человеком своей значимости в глазах других людей, моральный престиж человека, а также желание соответствовать внутренним моральным стандартам.

Достоинство представляет собой уважение собственной личности, самооценку, основывающуюся на осознании своей ценности как члена общества, осознание собственной значимости.

Честь и достоинство как нематериальные блага между собой тесно связаны, поскольку основываются на оценке поведения человека с позиций таких нравственных категорий, как добро и зло, истина и ложь, справедливость и несправедливость, допустимость и запрещённость и т. п.

Каждый гражданин Республики Беларусь обладает честью и достоинством вне зависимости от статуса. Данные категории нематериальных благ защищаются государством индивидуально для каждой ранее названной категории лиц. Безнравственное поведение граждан не может служить оправданием безнаказанного попраия их чести и достоинства, бесчестного к ним отношения [4].

Необходимо отметить, что если честь и достоинство присущи исключительно физическим лицам, то деловая репутация принадлежит как физическим, так и юридическим лицам.

Деловая репутация — это общественное мнение по поводу профессиональной деятельности лица. В соответствии с п. 6 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 под деловой репутацией гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, понимается приобретаемая гражданином общественная оценка его деловых и профессиональных качеств при выполнении им трудовых, служебных и общественных обязанностей [5].

Под деловой репутацией юридического лица и индивидуального предпринимателя понимается оценка их хозяйственной (экономической) деятельности как участников хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота и гражданами, таковыми не являющимися [5].

В соответствии с п. 1 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16, под деловой репутацией в предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, которая подлежит защите в судебном порядке, признаётся оценка участника хозяйственных отношений в предпринимательской или иной хозяйственной деятельности другими участниками этих отношений, дискредитация которой может негативно отразиться на ведение этим участником основной или побочной деятельности [6].

Анализируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что законодатель не дает чёткое юридическое определение таким категориям, как «честь», «достоинство» и «деловая репутация». По нашему мнению, это связано прежде всего с тем, что данные категории по своей природе являются морально-нравственными и своё юридическое значение приобретают в случае необходимости их защиты.

С целью обеспечения полноты правового регулирования отношений, которые возникают по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации,

представляется необходимым закрепление в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь определение таких понятий, как «честь», «достоинство» и «деловая репутация».

На наш взгляд, наиболее полными и содержательными определениями указанных терминов являются:

«Честь — объективная оценка собственной личности, которая определяет отношение общества к гражданину или юридическому лицу, это социальная оценка моральных и иных качеств личности.

Достоинство — это самооценка собственных качеств (уровень уважения собственной личности), способностей, мировоззрения, своего поведения или же общественного значения.

Деловая репутация — это обобщённое общественное мнение по поводу профессиональной деятельности любого лица».

Полагаем, что реализация данного предложения будет способствовать правильному разрешению судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Сергеев А. П. Гражданское право: учеб. пособие / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — 4-е изд., перераб. и доп. В 3 т. — Москва, 2005. — Т. 1. — С. 383.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов // [Электронный ресурс]. — URL: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/dostoinstvo/?q=742&n=170883>. — Дата доступа: 06.11.2020.
4. Подгруша В. В. Если честь, достоинство и деловая репутация нуждаются в защите [по сост. на 01.11.2016] / В. В. Подгруша [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс». Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
5. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации: постановление пленума Верховного суда Респ. Беларусь от 23 декабря 1999 г., № 15; в ред. постановления пленума Верховного суда Респ. Беларусь от 30.03.2017 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
6. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации: постановление пленума Верховного суда Респ. Беларусь от 26 апреля 2005 г., № 16 (в ред. постановления Пленума Верховного суда Респ. Беларусь от 04.03.2011 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

К ВОПРОСУ О СРАВНЕНИИ ДОГОВОРА ЗАЙМА И БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

А. И. Вольфер, обучающийся

Научный руководитель Н. В. Рубцова, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ», г. Новосибирск, Россия

Данная статья посвящена исследованию отдельных применений договора займа и оформления кредита. Анализируются характеристики договора займа и кредита. Приводятся конкретные условия возврата полученных средств по договору займа и кредита.

Ключевые слова: договор займа, обязанности, кредит, банк, условия.

Рассматривая такие виды путей заимствования денежных средств, как договор займа и оформление кредита в банке, мы понимаем, что оба эти понятия преследуют одну цель — дачу денежных средств с последующим возвратом на определённых условиях. Следует разобраться, в чём состоят особенности каждого из путей предоставления в заём денежных средств.

В XXI веке широкое распространение получают гражданско-правовые отношения, часто необходимо заключение тех или иных договоров. Заключение договора относят, преимущественно к гражданскому праву.

Итак, договор займа в гражданском праве представляет собой взаимодействие двух сторон [4]. Первая сторона обязуется передать в собственность второй стороне предмет, чаще имущественного характера, будь то деньги либо вещь, с условием возврата такого же товара через определённое время. Нужно сразу отметить, что первая сторона — займодавец, вторая — заёмщик. Договор может осуществляться как на определённых условиях, так и без таковых. Например, если по договору займа одна сторона занимает заёмщику определённую сумму денег на определённый срок с условием возврата денег с добавлением процента за пользование, то данный пример является показателем одного из главных условий договора займа, но некоторые договоры такого условия могут и не содержать. Процент определяется в ходе соглашения между сторонами договора либо действующей на тот момент ставкой Банка РФ (ст. 809 ГК РФ).

Обращаясь к Гражданскому кодексу Российской Федерации [1], а именно к ст. 159, мы видим, что договор займа необязательно заключать в письменной форме. Договор займа может быть заключён в устной форме, но при этом заключённый должен присутствовать свидетель, который в случае надобности сможет подтвердить факт заключения сделки. Договор займа считается заключённым с момента передачи одной стороны второй стороне имущества (будь это деньги, вещи и тому подобное).

В процессе заключения договора займа стороны в ряде случаев заключают так называемую долговую расписку, которая должна служить гарантом исполнения обязательств, вытекающих из договора.

Договор займа часто порождает определённые последствия [2]. Назовём их проблемами, возникающими по договору займа. Во-первых, первой проблемой договора займа, чаще всего, является просрочка выплаты (отдачи) долга либо вещи. Из этого обстоятельства вытекает следующая проблема, которая заключается в дополнительных условиях возврата того или иного имущества. Таким образом, если был просрочен срок выплаты, то заёмщик, при наличии условия в договоре, обязан выплатить не только основной долг, но и проценты по просрочке.

Следующая проблема — отсутствие письменного соглашения. Нередко встречаются случаи, когда договор между сторонами был заключён устно. По истечении определённого времени займодавец требует заёмщика вернуть в собственность вещь, которую он давал в пользование, а заёмщик отрицает данный факт, т. к. соглашения между ними не было.

Ещё одной проблемой является вытекающий из договора займа факт, когда одна сторона просит признать договор займа ничтожным по причине давления (психологического, физического и т. д.), но оказывается, что на него при заключении договора давления оказано не было и он по своей воле заключал договор.

Рассматривая кредит как явление экономических отношений следует отметить, что с данной операцией всё обстоит намного серьёзнее, нежели с договором найма. Кредит — это экономические отношения, стороной которых выступают: кредитор — сторона банка и заёмщик — как физическое, так и юридическое лицо. Целью этих отношений является выдача денежных средств на определённых условиях возврата.

Главным существенным отличием кредита от договора займа являются стороны данных операций. Вторым существенным отличием является тот факт, что договор займа может заключаться как в письменной, так и в устной форме, а кредит всегда оформляется только в письменной форме. Важным существенным моментом оформления кредита являются условия его заключения, а конкретно процентная ставка, поскольку такой договор всегда является возмездным [3, С. 5].

Процентная ставка определяется специализированным Банком и бывает нескольких видов. В зависимости от размера процентной ставки можно выделить кредиты с положительной процентной ставкой, беспроцентные кредиты (процентная ставка равна нулю) и кредиты с отрицательной процентной ставкой.

Следует обозначить основные отличия договора займа от банковского кредита:

1. Банковский кредит всегда оформляется письменно, в отличие от договора займа, который может быть заключён в устной форме.

2. Банковский кредит могут получить только те граждане, которые имеют постоянное место работы, при оформлении кредита гражданину необходимо собрать определённый пакет документов, чтобы его запрос на оформление кредита был оформлен.

3. Договор займа может предоставляться как физическим лицом физическому лицу, так и определённой микрофинансовой организацией физическому лицу.

4. Банковский кредит по своей юридической природе предполагает процентную ставку, а вот заём по своей юридической природе, заключённый между физическими лицами, может быть заключён на безвозмездной основе.

5. Заём несет в себе только часть ответственности, описанной в Гражданском кодексе, а вот получатели кредита несут ответственность еще и перед банком.

6. В оформлении банковского кредита обязательства есть как у кредитора, так и у заёмщика, т. е. кредитор обязан выдать гражданину определённую (по условиям банковского договора) сумму денег, а заёмщик обязан выплатить банку все занимаемые деньги и процентную ставку. Что касается договора займа, в этом случае займодаделец не несёт никаких обязательств, обязательства есть только у заёмщика — вернуть данные в заём деньги и т. п.

7. Предметом оформления кредита всегда выступают денежные средства, а по договору займа предметом могут быть как деньги, так и любые другие вещи, например, ценные бумаги.

8. Банковский кредит предоставляет более высокую сумму для заимствования. Например, банк способен оформить кредит до 5 млн, в то время, как микрофинансовые организации по займу выдают заём до 100 тыс. рублей.

9. Характер возврата банковского кредита выражается в регулярных фиксированных выплатах за определённый промежуток времени, а заём возвращается обычно в виде полной суммы возврата в определённый срок.

Каждая из вышепредставленных категорий заимствования денежных средств, предполагает определённые условия заключения. Отношения, возникающие по договору займа, регулирует Гражданский кодекс РФ, а оформление и выдачу кредита, а также соблюдение всех правил регулирует федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [3].

Опираясь на тезисы, указанные выше, мы можем сделать вывод о том, что займы в некоторых случаях, ведут к выплате заимствованных денег на более высоких условиях, чем в банке, в частности речь идёт о микрофинансовых организациях, которые взимают огромный процент за выданную сумму по договору займа. Надёжнее всего обратиться в государственный банк и оформить кредит.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Рубцова Н. В. Возмездный характер предпринимательского договора // Юрист. — 2016. — № 8. — С. 4–8.
3. Семенов А. М. Самые дешёвые потребительские кредиты // Коммерсантъ Деньги. — 2013. — № 12 (920). — С. 46–47.
4. Соломин С. К. Гражданское право: отдельные виды договоров: учебник / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина. — Москва: Юстицинформ, 2018. — 380 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТА

В. Н. Гаврилов, канд. юрид. наук, доцент

С. И. Цуприк, обучающийся

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),

г. Саратов, Россия

Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей правовой природы синдицированного кредита, обозначаются основные понятия, связанные с данной системой кредитования, а также специфические особенности договора синдицированного кредита.

Ключевые слова: синдицированный кредит, правовая природа, практика использования.

В условиях современности отношения между гражданами, юридическими лицами и финансовыми структурами претерпевают значительные изменения. Они развиваются согласно новым экономическим условиям, в которых им приходится взаимодействовать. Об актуальности и широком использовании кредитного договора в правовом поле упоминали многие ученые-цивилисты, в частности, В. Н. Гаврилов [5]. Сфера кредитования очень многогранна и обширна, что позволяет гражданам и юридическим лицам в полном объеме воспользоваться услугами банков по выдаче кредитов на различных условиях. Синдицированный кредит — один из видов кредитов, рассмотрение правовой природы которого в последнее время привлекает множество ученых не только из юридического сообщества, но и из экономической области, в частности, представителей банковской сферы.

Анализ правовой природы данного вида кредита стоит начать с рассмотрения определения. Согласно общепринятому определению, под «синдицированным кредитом» стоит понимать кредит, предоставляемый заемщику несколькими кредиторами на основании договора синдицированного кредита, заключенного в соответствии с законодательством Российской Федерации. Затрагивая вопрос о востребованности и актуальности данного правового института, стоит отметить следующие факторы, обуславливающие данный интерес. Во-первых, синдицированный кредит является объективной возможностью финансирования крупных инвестиционных проектов, тем самым обеспечивая экономический рост. Во-вторых, это возможность рефинансирования заемщиками своих кредитов, учитывая, что при синдицированном кредитовании риски и предоставляемая денежная сумма с целью покрытия солидной суммы долговых обязательств распределяются между займодавцами.

Так, например, Ямал СПГ — интегрированный проект по добыче, сжижению и поставкам природного газа — в 2016 году заключил синдицированный договор с АО «Газпромбанк» и ПАО «Сбербанк» на сумму 3 600 млн евро. Металлоинвест — ведущий производитель и поставщик железорудной и металлургической продукции — заключил синдицированный договор с АО «ЮниКредит Банк» и ПАО «Сбербанк» на сумму 150 млн долларов.

Следует отметить, что 15 февраля 2018 года постановлением Правительства РФ была утверждена программа «Фабрика проектного финансирования» [3], главной целью которой является разработка и внедрение механизма проекта финансирования инвестиционных проектов, в котором заемщик будет иметь возможность получить денежные средства посредством заключения договора синдицированного кредита. Помимо этого, стоит упомянуть вступивший с 1 февраля 2018 года в законную силу федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее — ФЗ № 486-ФЗ). Однако до вступления вышеупомянутого нормативного акта в законную силу в доктрине поднимался вопрос о правовой конструкции синдицированного кредита, т. к. в практической деятельности займодавцы и заемщики неоднократно обращались к договору синдицированного кредита. Безусловно, с принятием данного закона часть неточностей и пробелов удалось разрешить, однако далее образовалась новая проблема, выражающаяся в недостаточной базе практики в области применения синдицированного кредита.

Тем не менее, правовое урегулирование данного вида договора не определило его место в системе договорных обязательств ГК РФ. Когда в 2015 г. по инициативе Министерства финансов РФ был подготовлен и направлен проект ФЗ «О внесении изменений в гл. 42 ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Совету при Президенте РФ, в круг полномочий которого входит кодификация и совершенствование гражданского законодательства, то, по указанному проекту, предлагалось внесение дополнений в действующий Гражданский кодекс [1] новой статьей — 819.1 под названием «Синдицированный кредит». Однако, несмотря на усиленные попытки к рассмотрению данного законопроекта, он не получил должной поддержки.

С точки зрения анализа понятия рассматриваемой юридической конструкции, синдицированный кредит представляет собой особую разновидность заемного обязательства, из содержания которого вытекает, что кредиторы (в данном случае 2 и более) обязуются передать заемщику денежные средства на оговоренных договором синдицированного кредита условиях, при корреспондирующей обязанности последнего вернуть предоставленные денежные средства с начисленными процентами в оговоренный сторонами срок.

Помимо этого, проведение сравнительного анализа между известными гражданскому законодательству договорными конструкциями и договором синдицированного кредитования необходимо начинать с первоначального исследования понятия классического договора кредита, на основе которого видится последующее углубленное и всестороннее изучение юридической природы договора синдицированного кредита.

Обозначим: все существо рассмотренных договорных конструкций направлено на одну общую цель (как и в обычном кредите), которая заключается в передаче необходимой суммы денежных средств заемщику, а впоследствии в получении не только основной суммы долга, но и процентов за пользование переданными денежными средствами.

Таким образом, договор синдицированного кредита, на первый взгляд, ничем не отличается от заемных обязательств, однако есть ряд особенностей, которые все же отражают специфику данного вида договора и делают его особенным, непохожим на другие. Обозначим данные особенности, условно разделив их на 3 больших блока, каждый из которых, безусловно, требует детального и всестороннего изучения.

Во-первых, это субъективный состав, отличающийся от традиционного понимания субъектов в системе заемных обязательств. Заемщиком в синдицированном кредите является только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. На стороне кредитора по данному договору могут выступать различные по своей правовой природе и статусу субъекты, среди которых находят свое место кредитные организации, включая иностранные банки и международные финансовые организации, юридические лица, к которым относятся как российские, так и иностранные представители. Помимо этого, в круг данных субъектов также входят негосударственные пенсионные фонды, а также структуры управляющих компаний инвестиционных фондов.

Во-вторых, специфической чертой данного договора является правовое регулирование, распространяющееся на отношения по организации договора синдицированного кредита.

Как правило, услуги по организации синдицированного кредита можно считать оказанными в момент заключения самого договора. Отношения по организации синдицированного кредита регулируются в т. ч. и нормами гл. 39 ГК РФ [1], в частности, нормами договора возмездного оказания услуг. Однако зачастую отношения между заемщиком и банком- организатором определяют как «агентский договор» (гл. 52 ГК РФ), что, по нашему мнению, является ошибочным, поскольку в агентском договоре основное существенное отличие заключается в более широком характере действий агента. По агентскому договору агент совершает в чужом интересе — в интересе принципала — юридические и фактические действия [4], направленные на достижение определенных положительных эффектов в предпринимательской деятельности. Тем временем обязанность банка-организатора и видится, главным образом, в том, чтобы организовать собрание синдиката кредиторов и получить требуемый объем денежных средств финансирования для заемщика, который, в свою очередь, обязан выплатить комиссионное вознаграждение за организацию синдицированного кредита. На основании вышеизложенного можно полагать, что функции банка-организатора несут характер административных обязанностей. Стоит отметить, что у организатора также нет полномочий отслеживать исполнение кредита, менять правовую позицию банков и предъявлять иски от имени банков.

В-третьих, правоотношения между кредиторами также охватываются договором о синдицированном кредите. Вследствие того, что в данной договорной конструкции имеет место синдикат кредиторов, права кредиторов в отношениях с заемщиком или третьими лицами осуществляются кредитным управляющим, на которого возложены функции по ведению официальных утвержденных списков участников, принадлежащих к стороне кредиторов, а также контроль за координированием денежной массы, полученной от собрания синдиката

кредиторов, которые в последующем будут переданы заемщику, что регламентировано ст. 4 ранее упомянутого закона № 486-ФЗ. Продолжая вопрос об обязанностях субъекта данных правоотношений, стоит упомянуть, что в отношении него будут применяться правила о договоре поручения, из условий которого известно о наличии обязанности одной стороны (поверенного) совершения от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия.

Таким образом, в предмет договора синдицированного кредита входят отношения по организации такого договора, заемные обязательства и правовые отношения непосредственно между кредиторами. Определять данное договорное обязательство только как вид заемных обязательств представляется весьма ошибочным. Считаем абсолютно верным мнение Л. Г. Ефимовой, которая утверждает, что «синдицированный кредит безоговорочно имеет в своей структуре заемные обязательства, однако ими не ограничивается, и круг обязательств, входящих в его правовое регулирование, намного шире, чем при заемных обязательствах» [6].

Говоря о конструкции данного договора, обозначим, что ему характерен смешанный характер, поскольку включает в себя элементы различных договоров, хорошо известных в гражданском праве, в число которых следует отнести такие, как кредитный договор, договор возмездного оказания услуг, договор поручения. На сегодняшний день вопрос, касающийся дальнейшего совершенствования в правовом поле договора синдицированного кредита, видится в рамках ФЗ № 486-ФЗ, что будет актуально на всем пути его существования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть 2 (от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ) (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410; 2019. — № 12. — Ст. 1224.
2. О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 1 (часть I). Ст. 70.
3. Фабрика проектного финансирования: постановление Правительства РФ от 15.02.2018 г. № 158-П (ред. от 13.06.2019) // СПК «Консультант» (дата обращения: 06.11.2020).
4. Гаврилов В. Н., Аветисян Р. Т. Сравнительный анализ агентского договора по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Научные стремления: сборник научных статей. — Беларусь. Минск. — 2020. — № 27. — С. 36.
5. Гаврилов В. Н. Кредитный договор и потребительский кредит по законодательству Российской Федерации и Республики Молдова // *Legea si viata («Закон и жизнь»)*. — Молдова. — 2020. — № 6–7 (342-343). — С. 74–78.
6. Ефимова Л. Г. Правовые особенности договора синдицированного кредита / Л. Г. Ефимова // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. — 2018.

УДК 347.4

ЗАЩИТА ПРАВ ДОЛЖНИКА ПРИ ДЕЛЕГИРОВАНИИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПО КРЕДИТНОМУ ДОГОВОРУ

В. Н. Гаврилов, канд. юрид. наук, доцент

А. А. Шахназов, обучающийся

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия

В работе дана оценка законности и обоснованности такого института гражданского права, как делегирование права требования по кредитному договору на основе анализа нормативно-правовых актов, доктринальных источников и правоприменительной практики.

Ключевые слова: обязанность, уступка права требования, договор, кредитная организация, цессионарий.

Делегирование права требования по кредитному договору является поводом для дискуссии как в доктринальных юридических источниках, так и в сфере правоприменения гражданского, предпринимательского и банковского права [6]. Данный вопрос интересен также тем, что судебная практика постоянно разнится при разрешении споров, касающихся уступки права требования. Так, в одних судах такая уступка права признается не противоречащей закону ввиду того, что в российском законодательстве отсутствует прямой запрет на переуступку своих прав по кредитным договорам другим лицам. Но в то же время суды других регионов или отдельные судьи расценивают положение о праве банков уступить требование по кредиту с потребителем лицу, которое не является кредитной организацией, нарушающими права граждан. Если разобраться в этом вопросе и проанализировать российское законодательство, то можно обнаружить, что на данный вопрос можно дать вполне чёткий ответ, что мы и постараемся сделать в данной работе.

И вначале хотелось бы уделить внимание общим положениям уступки права требования. В соответствии с ч. 1 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ) [1], субъектами обязательства являются кредитор и должник. Необходимо сказать о том, что требование от должника считается субъективным правом кредитора. В то же время долг кредитору является субъективной обязанностью должника. При осуществлении частных правовых отношений перемена кредитора может привести к передаче требования должника цессионарию, а перемена должника может привести к передаче долга новому должнику, при этом иные условия остаются неизменными. Опираясь на п. 1 ст. 382 ГК РФ, можно выделить положение о том, что требование от одного кредитора может быть передано новому лицу, при этом указываются два основания для такой передачи прав — в результате сделки или по закону.

Прибегнув к судебной практике, нельзя не отметить один из пунктов Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 146, где был указан тезис о том, что не противоречит законодательству и не требует согласия заёмщика уступка права требования по кредитному договору банком лицу, которое не обладает статусом кредитной организации. Но действует это правило при одном важном условии, на которое указывает ВАС РФ — это необходимость присутствия не исполненного в срок требования по кредитному договору с заёмщиком-гражданином. Именно с изданием данного положения в сфере потребительского кредитования появилось огромное количество коллекторских агентств, действия которых порой вызывают огромное количество вопросов как со стороны должников, так и от правоохранительных органов. По сути, данные организации являются в основном обычными юридическими лицами, которые не связаны с предпринимательской и банковской сферой. Свою деятельность такие лица осуществляют в обход рамок законодательства, и, более того, отсутствуют регламенты, которые фиксировали бы порядок взаимоотношений данных организаций с должниками.

Однако нужно сказать о том, что федеральный закон «О защите прав потребителей» [2] не предусматривает право банка или иной кредитной организации передавать право требования по кредитному договору с потребителем лицам, которые не имеют лицензии на право осуществления банковской деятельности. Исключением признаются те случаи, когда иное установлено законом или договором, содержащим данное условие, которое было согласовано сторонами при его заключении. В любом случае было бы неправильно полагать, что делегирование банком права требования организации, не являющейся кредитной, является необоснованным и противоречащим законодательству, ведь в принципе такое явление допускается. Более того, такая передача помогает банкам привлечь неуплаченные денежные средства, что здраво влияет на функционирование всей банковско-кредитной системы.

Но существует и другое, противоположное мнение по поводу передачи права требования по вышеупомянутому договору, в соответствии с которым такая уступка права требования хоть напрямую и не запрещена законом, а наоборот, как сказано выше, вполне допустима, но нарушает при ее совершении определенные права граждан при уступке именно третьему лицу без лицензии на осуществление деятельности в кредитной сфере. Так, в соответствии с законодательством, размещение кредитной организацией привлеченных самостоятельно за свой счет или от своего имени каких-либо денежных средств относится к банковской операции, а сведения, полученные при ее осуществлении, формирует банковскую тайну. И в итоге нарушаются права клиентов таких организаций, т. к. при делегировании требования цессионарию без лицензии передается информация, составляющая банковскую тайну. И в данном аспекте четко прослеживается нарушение российского законодательства — к примеру, вышеуказанный гарантируемый кредитными организациями режим банковской тайны, указанной в ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» [3], и, соответственно, пренебрегаются и связанные положения ФЗ «О персональных данных».

Основополагающим же правоприменительным актом при аргументации второй точки зрения в данной работе мы считаем постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 17, где резонно было отмечено, что кредитно-банковская организация не вправе делегировать право требования по кредитному договору цессионариям, которые осуществляют свою деятельность без вышеуказанной лицензии. Но эффективность этого положения резко понижается ссылкой на то, что подобное условие может быть предусмотрено в самом кредитном договоре.

С точки зрения автора данной работы, банки всегда являются «суперпрофессионалом» и стороной с наиболее выгодной позицией при заключении кредитного договора. Это прослеживается и в том случае, когда, имея возможность включить условие о делегировании права требования другим организациям без лицензии на осуществление банковской деятельности (по сути — коллекторским агентствам) в заключаемый договор кредитования, они будут навязывать его заемщикам. При несогласии гражданина ему просто будет отказано в выдаче денежных средств. Физические лица вынуждены заключать такую сделку, подвергая себя опасности быть подвергнутым нападкам со стороны будущих цессионариев.

В завершение нашего анализа хотелось бы подвести определенный итог: несмотря на то, что делегирование права требования по вышеупомянутому договору допускается российским законодательством и необходимо для нормального функционирования банковской системы, однако применение такого положения гражданского права вызывает определённые вопросы, и поэтому мы считаем, что оно должно быть пересмотрено законодателем с целью последующей модификации для полного соблюдения прав и свобод граждан, а также уравнивания положения более слабой стороны по договору кредитования с положением «суперсильной» стороны — кредитной организации.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая (ред. от 31.07.20) // Собрание законодательства РФ — 1994. — № 22. — Ст. 2457.
2. О защите прав потребителей: ФЗ РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I (в акт. ред.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. О банках и банковской деятельности: ФЗ от 02.12.1990 г. № 395-1 (с изм. и доп.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Гаврилов В. Н., Сафонова Ю. Б. Гражданское право: учебное пособие. Ч. 1 / Под общ. ред. З. И. Цыбуленко. — Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2007. — 26 с.
5. Давыдов В. Кому не следует уступать // Бизнес-адвокат. — 2000. — № 7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Ерохина М. Г. Уступка права требования по кредитному договору: проблемы правоприменителя // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2013. — № 9. — С. 135.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ДОГОВОРА ПРОКАТА И ДОГОВОРА ЗАЛОГА

Д. С. Глушкова, обучающийся

Научный руководитель Л. М. Алтынбаева, канд. юрид. наук
Омская академия МВД России (ОМА МВД), г. Омск, Россия

Проведен сравнительный анализ договора проката и договора залога, обозначены проблемы, связанные с реализацией норм, касающихся данных договоров, а также предложены пути решения.

Ключевые слова: договор проката, договор залога, аренда имущества.

В повседневной жизни многие сталкиваются с желанием активно отдохнуть, взяв напрокат какой-либо спортивный инвентарь. Все могут получить имущество во временное владение и пользование, заключив договор аренды имущества — договор проката. Как правило, для предоставления имущества в прокат арендодатели просят оставить в залог что-либо, будь то документы, ключи от дома, телефон или деньги. Рассмотрим, правомерно ли требовать оставление вещей в залог при заключении договора проката и как правильно оформлять данный договор.

Согласно национальному стандарту РФ, прокат — это комплекс операций по предоставлению в соответствии с принципами имущественного найма во временное владение и пользование физических лиц движимого имущества, законодательно не запрещенного к обращению на территории Российской Федерации [1, с. 2]. Также словари определяют прокат как вид аренды.

Правовое регулирование договора проката содержится в главе 34 ГК РФ. Если арендатором является гражданин-потребитель, к отношениям сторон применяется ФЗ Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». Прокат подпадает под действие Правил бытового обслуживания населения в РФ.

Договор проката заключается в письменной форме. К сторонам относятся арендодатель, который является предпринимателем, осуществляющим сдачу имущества в прокат в качестве постоянной предпринимательской деятельности. Арендодатель может предоставить во владение и пользование только движимые непотребляемые вещи, т. к., передавая имущество в аренду, стороны исходят из того, что по окончании срока аренды арендодателю будет возвращено это же имущество.

На основании норм, содержащихся в Правилах бытового обслуживания населения в РФ, арендодатель обязан заключать договор в письменной форме с каждым клиентом [4].

Понятие «залог» дано в ст. 334 ГК РФ [2]. Кредитор в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства имеет право получить удовлетворение из стоимости предмета залога. Предметом залога может быть всякое имущество, в т. ч. вещи и имущественные права, с имеющимися исключениями.

Соответственно, требование оставления вещи (документов) в залог при заключении договора проката неправомерно в силу того, что договоры являются различными по своей природе. Для того, чтобы гарантировать арендодателю возвращение его имущества в целости, сохранности и в срок, в договоре проката необходимо установить ответственность сторон, в котором указать способ возмещения вреда, штрафа за ущерб, вызванный ухудшением качества вещи при возврате. Арендодатель обязан под роспись ознакомить потребителя с правилами пользования имуществом согласно ст. 628 ГК РФ. К договору в дополнение может составляться акт приема-передачи имущества, в котором указывается количество имущества, его состояние на момент передачи. На практике же арендодатель просто отказывается предоставлять имущество во временное владение и пользование, если его требование об оставлении вещи в залог не удовлетворяют. Он просит оставить вещи (документы) в залог, но не гарантирует сохранность личных вещей арендатора, не предусматривает порядок хранения этих вещей. Следовательно, предлагаю ввести ответственность за требование о заключении договора залога с договором проката, а также за несоблюдение правил оформления договора проката.

Список литературы

1. ГОСТ Р 57616–2017. Услуги бытовые. Услуги проката. Общие требования. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200146621> (дата обращения: 18.09.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.08.1997 № 1025 (ред. от 04.10.2012) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.772

ДЕЙСТВИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ, ПРИЗНАЮЩИЕСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТОВАРНОГО ЗНАКА В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 1486 ГК РФ

Е. И. Голуб, магистрант

*Научный руководитель Э. П. Гаврилов, д-р юрид. наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск, Россия*

В статье рассматриваются наиболее спорные вопросы доказывания правообладателем факта введения товара в гражданский оборот в контексте ст. 1486 ГК РФ. На основе

анализа правоприменительной практики выявлены наиболее распространенные подходы правоприменителя. Рассмотрен вопрос распределения бремени доказывания факта использования товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, прекращение правовой охраны, использование товарного знака, ст. 1486 ГК РФ.

Товарный знак — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (ст. 1477 ГК РФ) [1]. Товарный знак позволяет привлечь внимание потребителей к товару и производителю, сформировать легко узнаваемый бренд и использовать его в целях успешного продвижения на рынке аналогичных товаров. Согласно ст. 1482 ГК РФ, в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации в любом цвете или цветовом сочетании.

С переходом России к рыночной экономике предприниматели более активно начали регистрировать средства индивидуализации, желая выделить свою продукцию в ряду аналогичных товаров, создать у потребителя устойчивые ассоциации между обозначением, качеством и характеристиками товара или услуги.

Вместе с тем не все лица, зарегистрировавшие за собой товарный знак, используют его для индивидуализации своих товаров и услуг. Ряд правообладателей, приобретя исключительное право, не начинают использовать товарный знак, либо по прошествии определенного периода времени прекращают выпускать товары под данным средством индивидуализации. Законодатель полагает, что если в течение трехлетнего периода правообладатель не вводит продукцию в оборот, потребитель перестает ассоциировать товарный знак с определенным товаром, и соответственно, правовая охрана средства индивидуализации может быть прекращена досрочно на основании ст. 1486 ГК РФ.

Объем действий, которые признают использование товарного знака при решении вопроса о досрочном прекращении правовой охраны, уже, чем предусмотрено положениями п. 2 ст. 1484 ГК РФ, т. к. включает в себя только случаи, когда товар непосредственно вводится в гражданский оборот.

Суды не всегда придерживаются единого подхода к вопросу о том, какие действия признавать использованием средства индивидуализации для целей ст. 1486 ГК РФ. Проанализировав судебную практику, рассмотрим наиболее спорные вопросы, возникающие при установлении судом факта использования товарного знака в контексте ст. 1486 ГК РФ.

Президиум Суда по интеллектуальным правам в кассационной инстанции рассматривал спор о досрочном прекращении правовой охраны комбинированного товарного знака со словесным элементом «LORIS». Правообладатель в подтверждение использования товарного знака представил суду товарные накладные, в соответствии с которыми трем физическим лицам были переданы шесть образцов средства для мытья «LORIS» (постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 16 января 2017 г. № С01-902/2016 по делу № СИП-185/2016).

Дарение имущества, действительно, является способом введения товара в гражданский оборот в силу ст. 1486 ГК РФ, но только в случае, если одаряемые

не связаны с дарителем (суду должны быть представлены доказательства данного факта). Кроме того, в пунктах 9.86, 9.88 раздела «F» гл. 9 «Введение интеллектуальную собственность» отмечается, что товары должны выставляться на продажу через нормальные коммерческие каналы. Данное положение направлено в первую очередь на предотвращение номинального использования правообладателем товарного знака, поскольку такое использование не отвечает интересам потребителей.

Разделяя данный подход, Президиум СИП пришел к выводу о том, что товарные наклейки, представленные ответчиком, не могут являться основанием для подтверждения факта использования товарного знака, поскольку объем введенной в гражданский оборот продукции (6 экземпляров) свидетельствует лишь о символическом использовании товарного знака с единственной целью — сохранить право на него, и не позволяет при этом реализовать основную функцию товарного знака — индивидуализирующую.

Заявитель кассационной жалобы апеллировал к тому, что ввод товара в гражданский оборот с нарушением законодательства не должен признаваться использованием товарного знака для целей ст. 1486 ГК РФ, так как, исходя из положений п. 1 ст. 1484 ГК РФ, использование товарного знака не должно противоречить закону. У общества «Новые Химические Технологии» отсутствовало право на введение в гражданский оборот продукции, относящейся к бытовой химии. Президиум СИП, рассмотрев данный довод заявителя, отметил, что неполучением правообладателем свидетельства о государственной регистрации продукции не может являться основанием для досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в случае представления надлежащих доказательств фактического введения таких товаров в гражданский оборот.

Следует отметить, что в судебной практике нередки случаи фальсификации доказательств правообладателями, стремящихся любым способом сохранить исключительное право на спорное средство индивидуализации. Для предотвращения недобросовестного поведения ответчика, заключения им договоров задним числом суды придерживаются следующего подхода: помещение товарного знака на документацию, которая связана с введением продукции в оборот, признается использованием только при условии предоставления доказательств доведения товара до потребителя (п. 38 «Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав»; решение Суда по интеллектуальным правам от 26.04.2016 по делу № СИП-30/2016). Если ответчик не может подтвердить фактическое введение продукции в оборот по представленной документации, его действия могут быть оценены только как намерение использовать спорный товарный знак и не будут учтены судом при разрешении вопроса о прекращении правовой охраны товарного знака.

Суды придерживаются схожего подхода в случае, если в доменном имени используется обозначение, идентичное зарегистрированному словесному товарному знаку. Президиум Суда по интеллектуальным правам в постановлении от 26 февраля 2014 г. по делу № СИП-88/2013 разъяснил, что такое использование нельзя признать непосредственно связанным с введением товара в гражданский оборот, поскольку непосредственная продажа товаров не осуществляется.

В качестве подтверждения факта введения продукции в гражданских оборот правообладатели представляют суду фотографии точек продажи, а также видеозаписи реализации товара в магазине. Суды в каждом случае оценивают дату создания видеозаписи реализации товара, поскольку данная дата имеет существенное значение для рассмотрения вопроса использования спорного товарного знака (постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.10.2020 № С01-921/2020 по делу № СИП-710/2019).

Таким образом, если правообладатель изготовил партию товара, маркированного спорным товарным знаком, но не ввел данную партию в оборот и не довел до потребителя, такие действия являются использованием лишь в контексте ст. 1484 ГК РФ, но не могут служить основанием для сохранения правовой охраны товарного знака в силе, поскольку цель индивидуализации продукции конкретного производителя на рынке не достигнута.

В судебной практике выработан подход, что факт предоставления правообладателем лицензии без реального использования лицензиатом спорного средства индивидуализации недостаточен для целей сохранения прав на товарный знак (решение Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2020 по делу № СИП-454/2020). В случае возникновения спора правообладателю необходимо будет подтвердить, что лицензиат действительно вводил продукцию в оборот под товарным знаком ответчика.

Обратимся к положениям ч. 3 ст. 1486 ГК РФ, в соответствии с которым бремя доказывания использования товарного знака лежит на правообладателе. Отметим, что в некоторых зарубежных правовых системах (например, в США и Англии) бремя доказывания неиспользования спорного товарного знака лежит на лице, обращающемся с иском к правообладателю [2].

В судебной практике РФ встречаются случаи нарушения п. 3 ст. 1486 ГК РФ, когда суды возлагают бремя доказывания факта неиспользования правообладателем товарного знака на заинтересованное лицо (постановление Президиума ВАС России от 17 сентября 2013 г. № 5793/13 по делу № А40-53262/2012-19-370). Данный подход суда представляется неверным, поскольку противоречит ст. 9, 65 АПК РФ [3]. Возложение на ответчика бремени доказывания отрицательного факта признается отечественным законодательством недопустимым с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения.

В ряде случаев правообладатели сами ненадлежащим образом исполняют процессуальную обязанность по доказыванию использования спорного товарного знака (ч. 1 ст. 65 АПК РФ). Например, Суд по интеллектуальным правам решением от 3 апреля 2014 г. по делу № СИП-414/2013 установил факт заинтересованности истца и удовлетворил исковые требования, отметив, что ответчик своими процессуальными правами не распорядился, поскольку отказался представлять доказательства использования товарного знака [4]. Данная позиция суда согласуется с принципом состязательности судебного процесса, закрепленного в ч. 2 ст. 9 АПК РФ.

Таким образом, для того, чтобы действия правообладателя или третьего лица были признаны судом как использование спорного обозначения,

правообладатель должен представить доказательства того, что товары были непосредственно введены в гражданский оборот. При этом номинальное использование товарного знака не должно учитываться при решении вопроса о прекращении правовой охраны товарного знака.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4: ФЗ от 18.12.2006 № 146-ФЗ: (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Право интеллектуальной собственности: учебник / А. С. Ворожевич, О. С. Гринь, В. А. Корнеев [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Москва: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. — 432 с.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Права на товарный знак: монография / Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожевич, В. В. Голофаев [и др.]; отв. ред. Л. А. Новоселова. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. — 144 с.

УДК 347.961.1

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Г. Г. Жерносек, магистр права, нотариус

Нотариальный округ Павлодарской области,

Д. Б. Разиева, магистр юрид. наук, ст. преподаватель

Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет,

г. Семей, Республика Казахстан

В статье рассматриваются вопросы профессиональной этики нотариальной деятельности в Республике Казахстан. Приводится краткий исторический обзор первых этических правил в профессиональной деятельности нотариуса. Формулируется вывод об особой значимости норм профессиональной этики при оказании нотариальной помощи.

Ключевые слова: нотариус, нотариат, нотариальная деятельность, этика, кодекс чести.

На протяжении всей длительной и сложной истории развития системы нотариата требования к лицам, осуществляющим нотариальную деятельность, оставались неизменными — профессиональная грамотность и заслуженная безупречная репутация.

Еще на этапе зарождения нотариата нотариусы (писцы) являлись самыми достойными людьми и входили в элиту общества. К ним прислушивались, их уважали и им верили. Они должны были владеть высоким уровнем письменности

и правовой грамотности, т. к. входили в судебную систему государства. Одним своим участием нотариусы подтверждали законность совершаемых действий, что выступало гарантией защиты имущественных прав граждан [1].

К современному нотариусу общество сегодня предъявляет высокие требования не только как к профессиональному юристу, но и как к человеку, что характерно для представителей профессий публично-правового уровня. В своей профессиональной деятельности нотариус выполняет важные задачи, от которых зависит благополучие граждан и хозяйствующих субъектов, в связи с чем смеем утверждать о прямой взаимосвязи обеспечения интересов общества и уровня этики в действиях нотариуса.

Отметим, что профессиональная этика возникла в глубокой древности и рассматривалась как совокупность устойчивых норм и правил, регулирующих деятельность ремесленников. Уже в содержании древнеегипетских манускриптов встречаются нормы о добросовестности и прилежании работников как залого высокой должности и богатства [2, с. 14].

Выработанные древними философами этические нормы и сегодня не теряют своей актуальности, закрепляясь в специальных нормативных документах — уставах, правилах, кодексах и др. По нашему убеждению, если деятельность связана с оказанием профессиональной помощи лицам, нуждающимся в ней, она всегда будет иметь нравственное начало. В связи с этим в сфере медицинской, юридической, педагогической, психологической и иной аналогичной деятельности разрабатываются профессиональные морально-этические принципы, служащие необходимым ориентиром при осуществлении профессиональной деятельности.

В Республике Казахстан Кодекс этики нотариуса был принят XII Съездом представителей территориальных нотариальных палат РК 9 ноября 2018 года как свод общих принципов профессиональной, личной и корпоративной этики, основных правил поведения, этических обязанностей нотариуса перед лицами, которые обращаются к нему за совершением нотариальных действий, коллегами по профессии, нотариальной палатой, органами государственной власти и местного самоуправления, общественностью, средствами массовой информации [3].

Цель принятия данного нормативного акта — установление высокого уровня этического поведения нотариуса при осуществлении им профессиональной деятельности, содействие добросовестному и безупречному выполнению служебных обязанностей, соблюдение принципов нотариальной деятельности и достойного поведения, а также установление доверия между нотариусом и обществом, защита престижа и авторитета профессии нотариуса [3].

Казахстанский нотариат как важнейший правовой институт современного общества нацелен на обеспечение обширного круга конституционных ценностей и гарантий имущественных интересов физических и юридических лиц, на оказание высококвалифицированной юридической помощи в установлении механизмов имущественной безопасности граждан, создании необходимых условий для минимизации хозяйственных споров между участниками договорных отношений. Данные задачи можно достигнуть только при высоком

уровне профессиональных качеств нотариуса, сочетающего правовые и нравственные принципы осуществления деятельности во взаимосвязи и взаимозависимости.

Профессиональная этика в нотариальной деятельности выполняет множество функций. Остановимся на некоторых из них.

Регулятивная функция означает потребность придерживаться этических норм в поведении нотариуса в соответствии с сущностью оказываемых услуг.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 18 закона РК «О нотариате» (далее — Закон), нотариус обязан совершать нотариальные действия в соответствии с требованиями нормативных правовых актов Республики Казахстан; разъяснять обратившимся за помощью лицам их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред; обеспечивать профессиональную тайну; отказывать в совершении нотариального действия в случае его несоответствия действующему законодательству; соблюдать профессиональную этику и т. д. [4].

Организационная функция направлена на эффективность организации нотариальной деятельности. Она проявляется, прежде всего, при нормативном закреплении правового статуса нотариуса. В частности, ст. 6 Закона предусматривает условия, препятствующие лицам в получении лицензии: наличие непогашенной или неснятой судимости; увольнение по отрицательным мотивам с государственной, воинской службы, из органов прокуратуры, судебных и правоохранительных органов, специальных государственных органов; совершение административных коррупционных правонарушений; допущение нарушений законодательства Республики Казахстан при совершении нотариального действия и являющееся основанием для лишения лицензии, исключения из реестра палаты юридических консультантов и т. п. [4].

Воспитательная функция проявляется в установлении системы нравственных ориентиров при осуществлении нотариальной деятельности, в применении к нотариусу мер дисциплинарного воздействия в случае нарушения установленных правил и норм. Так, нотариус обязан проявлять уважение к органам государственной и судебной власти, поддерживать с ними надлежащие профессиональные отношения; проявлять пунктуальность, ответственность, корректность, вежливость; вовремя предоставлять запрашиваемые документы, при необходимости являться лично для участия в надлежащем рассмотрении дел и решения вопросов в уполномоченные органы; бережно относиться к гербовой печати и т. д. [3].

В случае нарушения этических норм и принципов нотариус привлекается к уголовной, административной, материальной, дисциплинарной и иной ответственности в соответствии с законодательством Республики Казахстан и Кодексом этики нотариуса (ст. 24 Закона) [4].

Оценочная функция предоставляет возможность оценить профессиональную деятельность с позиции соответствия поступков, действий, намерений специалиста морально-этическим нормам. Необходимо учитывать, что нотариус не вправе рекламировать свою профессиональную деятельность, поэтому

мнение об уровне его этического поведения вырабатывается исключительно из реально осуществляемых действий. С уверенностью предположим, что не сможет выдержать конкуренцию нотариус, допускающий при совершении нотариальных действий нарушения в форме предоставления необоснованных преимуществ на основе родственных, дружеских и иных связей; разжигания спора и конфликтов между лицами, обратившихся к нему за юридической помощью; выполнения обязанностей с нарушением принципа честности, добросовестности и достоинства.

Социальная функция, по нашему мнению, выступает приоритетной в системе функций этических установок нотариальной деятельности в силу прямого влияния на создание необходимых благоприятных условий, обеспечивающих оказание высококвалифицированной юридической помощи всем лицам, нуждающимся в ней, путем соблюдения этических норм и принципов.

В заключение отметим, что профессиональная этика в нотариальной деятельности выступает своеобразной защитной преградой на пути нарушения прав и законных интересов физических и юридических лиц. Только при условии высокого уровня правосознания нотариуса можно обеспечить необходимые критерии нравственности выполняемой профессии. Соблюдение нотариусом этических норм влияет на степень доверия к ним со стороны общества, ограждает граждан от обмана и юридических ошибок, что свидетельствует о ответственности современным нотариатом незыблемых традиций, сложившихся за более чем вековую историю.

Список литературы

1. Звонок С. О., Ахрамеева О. В. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права // Нотариус. — 2007. — № 1. [Электронный ресурс]. — URL: // <https://center-bereg.ru/j2373.html> (дата обращения: 02.11.2020).
2. Скворцова В. Н. Профессиональная этика и этикет: учебное пособие / Томск: ТПУ, 2002. — 107 с.
3. Кодекс этики нотариуса (принят XII Съездом представителей территориальных нотариальных палат Республики Казахстан 9 ноября 2018 года) [Электронный ресурс]. — URL: // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33781070#pos=11;-50 (дата обращения: 04.11.2020).
4. О нотариате: закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 года № 155 // [Электронный ресурс]. — URL: // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000155_ (дата обращения: 04.11.2020).

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ РОДИТЕЛЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. А. Журова, обучающийся

Научный руководитель И. А. Малюженец, канд. юрид. наук

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (АУПРБ),
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются отдельные вопросы осуществления алиментных обязательств несовершеннолетними родителями. Автор отмечает возможные пути разрешения проблем, имеющих место в практической деятельности, а также указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего алиментные обязательства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: алиментные обязательства, эмансипация, несовершеннолетние родители.

На сегодняшний день одним из центральных элементов динамичного развития государства является благополучная демографическая обстановка. Как и для большинства стран мира, для Республики Беларусь характерна ситуация, связанная с более поздним вступлением в брак и рождением детей. Однако, несмотря на сложившуюся тенденцию, имеют место случаи, когда молодые люди заключают брак и создают семью до достижения совершеннолетия. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [1], в 2018 г. у молодых женщин до 20 лет родилось 2564 ребенка. При этом:

- 271 ребенок стал вторым;
- 30 человек стали мамами в третий раз;
- 4 родили четвертого ребенка.

Исходя из данной статистики, можно заключить, что в некоторых случаях рождение детей произошло еще до достижения совершеннолетия их родителей. При этом на практике возникает ряд проблемных моментов, связанных с данной категорией родителей, в частности в вопросе материального обеспечения ребенка.

Так, на основании ст. 91 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС), родители несут обязанность по содержанию своих несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей. Данная обязанность родителей может быть реализована посредством выплаты алиментов — средств на содержание, которые обязаны предоставлять по закону одни лица другим в силу существующих между ними брачных и семейных отношений. При этом законодателем не определен возраст родителя, с которого он может осуществлять данное обязательство [2].

Рассмотрим ситуацию, когда несовершеннолетние родители вступают в брак. Согласно ч. 2 ст. 18 КоБС, в исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия

орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст на три года. В случае эмансипации несовершеннолетнего, исходя из ч. 2 ст. 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) [3], один из несовершеннолетних родителей несет ответственность по обязательствам самостоятельно, без участия родителей, усыновителей и попечителей. Необходимо также отметить, что, исходя из ч. 2 ст. 20 ГК, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме с момента вступления в брак. При этом, как установлено ч. 2 п. 2 ст. 20 ГК, приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака. В таком случае, как и при эмансипации, один из несовершеннолетних родителей несет ответственность по обязательствам самостоятельно, без участия родителей, усыновителей и попечителей. Исходя из этого, можно предположить, что взыскание будет осуществляться на общих основаниях.

Взыскание алиментов с несовершеннолетнего отца, если подростки не заключили брак либо не прошли процедуру эмансипации, представляется более сложным. Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного суда от 24 декабря 2009 года № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» [4], при предъявлении иска об установлении отцовства несовершеннолетней матерью, не состоящей в браке, или к несовершеннолетнему лицу суд должен обсудить вопрос о привлечении к участию в деле родителей (усыновителей, попечителя) истца или ответчика в качестве их законных представителей. При этом необходимо отметить, что ни КоБС, ни иные нормативные правовые акты не содержат положений о порядке взыскания алиментов с несовершеннолетних родителей, не приобретавших дееспособность в установленном законом порядке.

Вместе с тем, согласно ч. 4 ст. 93 КоБС, за несовершеннолетних родителей, не обладающих гражданской дееспособностью в полном объеме, расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, возмещаются их родителями (усыновителями). Если таковые отсутствуют либо не погашают (не погасили в полной мере) указанные расходы, их возмещение осуществляется несовершеннолетними родителями после достижения совершеннолетия либо с момента приобретения ими дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что родители несут обязанность по содержанию своих несовершеннолетних детей вне зависимости от того, с какого момента у них возникло данное обязательство. Так, в случае эмансипации несовершеннолетнего либо приобретения дееспособности в связи с заключением брака он будет нести ответственность по обязательствам самостоятельно, без участия родителей, усыновителей и попечителей. В случае отсутствия у несовершеннолетнего дееспособности в полном объеме расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, возмещаются их родителями (усыновителями). В связи с чем представляется целесообразным дополнить ст. 93

КоБС нормой, закрепляющей аналогичный порядок взыскания алиментов с несовершеннолетних родителей, не приобретавших дееспособность в установленном законом порядке.

При этом можно отметить, что ст. 94 Семейного кодекса Российской Федерации [5] предусматривает взыскание алиментов с дедушки и бабушки на содержание внуков в случае невозможности получения содержания от своих родителей. Представляется, что такая невозможность может быть обусловлена недееспособностью и неплатежеспособностью несовершеннолетних родителей, следовательно, опыт российского законодателя также может быть актуален для Республики Беларусь.

Список литературы

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник / Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. — 431 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.; в ред. от 2020 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология 3000 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь (от 7 декабря 1998 г., № 218-З; принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.; одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
4. О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей: постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 12 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
5. Семейный кодекс Российской Федерации: принят 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 6 февраля 2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — 1 января. — № 1. — Ст. 16.

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ЛИЦА, ПРИЗНАННОГО СУДОМ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

М. А. Залоило, магистрант

Научный руководитель В. В. Онищенко, ст. преподаватель
Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия

В данной работе произведен анализ правоотношений связанных с доверительным управлением имущества лица, признанного судом безвестно отсутствующим. Проработаны идеи совершенствования положений, касающихся договора управления имуществом гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим.

Ключевые слова: признание, гражданин, последствия, юридическая ответственность, безвестное отсутствие, доверительное управление, имущество, нормативно-правовой акт, управляющий имуществом, доверитель.

Гражданский кодекс Российской Федерации в ч. 1 ст. 43 регулирует отношения при признании гражданина безвестно отсутствующим. Одним из таких последствий является то, что имущество гражданина, признанного безвестно отсутствующим, при необходимости постоянного управления передается на основании решения суда лицу, которое определяется органом опеки и попечительства и действует на основании договора о доверительном управлении, заключаемого с этим органом [1].

Однако Гражданский кодекс Российской Федерации не дает точного толкования о договоре доверительного управления имуществом, хотя данный договор имеет большую практическую значимость. В связи с этим возникают проблемы как теоретического, так и практического характера.

Во-первых, отсутствует понимание единой правовой природы данного понятия, ее структуры, признаков и условий реализации договора доверительного управления.

Во-вторых, отсутствие нормативно-правового акта, который подробно регламентирует и регулирует данные отношения. В ч. 3 ст. 43 Гражданского кодекса РФ указано, что, если последствия признания гражданина не предусмотрены данной статьей, они определяются законом. Однако другие нормативно-правовые акты данный закон не регулируют, что является пробелом в гражданском законодательстве.

Если говорить в общем, то доверительное управление имуществом гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим, допустимо только при постоянной необходимости управления данным имуществом. В связи с чем возникает проблема различения имущества, требующего и не требующего постоянного управления. Однако законодатель не разграничивает имущество на недвижимое и ценное движимое, как, допустим, при доверительном управлении имуществом подопечного. Поэтому передаваться будет лишь то имущество,

в отношении которого будет установлена необходимость в постоянном управлении [3].

Заинтересованные лица при наличии решения суда, вступившего в законную силу, о признании гражданина безвестно отсутствующим могут обратиться в государственные органы, в частности в местную администрацию или муниципалитет, с требованием о назначении управляющего и заключить договор доверительного управления имуществом.

Данными лицами могут являться супруг, иждивенцы или кредиторы гражданина, признанного безвестно отсутствующим.

Доверительным управляющим может быть любое заинтересованное лицо, подавшее заявление о безвестном отсутствии: к примеру, родственники или кредиторы. Однако везде есть исключения, в данном случае нельзя быть доверителем гражданину, работающему в государственных органах, органах местного самоуправления, унитарных предприятиях и учреждениях [2].

Выгодоприобретателем по договору доверительного управления имуществом гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим, является безвестно отсутствующий гражданин, а также третьи лица, удовлетворяющие имущественный интерес за счет имущества безвестно отсутствующего, так как доверительное управление имуществом гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим, направлено, помимо сохранения данного имущества, на приумножение данного имущества и погашение обязательств перед кредиторами безвестно отсутствующего, а также на выдачу содержания иждивенцам отсутствующего гражданина [3].

В случае обнаружения гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим, или обнаружения места пребывания суд отменяет решение о признании его безвестно отсутствующим, и на основании решения суда отменяется договор о доверительном управлении имуществом, а также прекращаются юридические отношения по факту признания гражданина безвестно отсутствующим.

Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что гражданское законодательство нуждается в совершенствовании положений, касающихся договора управления имуществом гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим. В частности, введения типовых и обязательных форм договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего лица для органа опеки и попечительства, указание прав и обязанностей управляющего лица, срок действия договора, а также нужно закрепить в гражданском законодательстве положения об ответственности для органа опеки и попечительства в случае непринятия мер которые могут повлечь утрату имущества гражданина, признанного судом безвестно отсутствующим.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). — Ст. 43 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/241ef9b118787df5386cdc5872c40c8ee596f9e2/ (дата обращения: 17.10.2020)
2. Никитин Д. Ю. Особенности договора доверительного управления имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим // Российский судья. 2006. № 10. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=15042#07355621123091771> (дата обращения: 17.10.2020)
 3. Вострикова Л. Г. Доверительное управление имуществом собственника и его особенности // Право и экономика. — 2004. — № 8.

УДК 347.97 (476)

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНЫХ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. С. Зубко, обучающийся

Научный руководитель О. В. Бодакова, канд. юрид. наук
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

С учетом тенденции увеличения нагрузки на судебных исполнителей в Республике Беларусь автором работы рассматривается возможность внедрения института частных судебных исполнителей. В статье изложены причины необходимости введения данного института, его преимущества и недостатки, предложена возможная модель организации, а также проанализирован опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: органы принудительного исполнения, судебный исполнитель, институт частного исполнения, модель организации деятельности.

Новым этапом в формировании законодательства об исполнении судебных постановлений в Республике Беларусь стало принятие указа Президента Республики Беларусь от 29.11.2013 № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов», согласно которому судебные исполнители были выведены из подчинения судов. На основании указанного нормативного правового акта была создана система органов принудительного исполнения, находящаяся в подчинении Министерства юстиции Республики Беларусь. Предполагалось, что создание самостоятельной системы органов и расширение круга полномочий судебных исполнителей повысит процент исполнения судебных постановлений. Однако кардинальных изменений дел в области исполнительного производства так и не произошло.

С каждым днем число судебных актов и актов иных органов, подлежащих исполнению, растет. Это создает высокую загруженность судебных исполнителей и исключает возможность полной защиты интересов сторон в исполнительном производстве. Нередки случаи безнаказанного неисполнения должниками исполнительных документов, что, в свою очередь, дискредитирует правосудие и снижает авторитет органов принудительного исполнения. Данное положение

дел создает проблемы не только в области права, но и в социальной среде, поскольку способствует формированию негативного отношения к праву и закону.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что наше государство нуждается в реформах в области исполнительного производства, которые обеспечат решение возникших проблем. В целях совершенствования существующей системы предлагается введение института частного судебного исполнителя, который в настоящее время эффективно функционирует в Польше, Казахстане, Франции, Литве, Латвии, Италии, Бельгии, Украине, Нидерландах, Греции, Венгрии, Португалии, Люксембурге и Эстонии.

Сегодня институт частного исполнения — это самостоятельная деятельность частного судебного исполнителя, при которой полная имущественная ответственность за ее исполнение возлагается на последнего, а полномочия предоставляются государством, соответственно и законность их использования подконтрольна государственным органам.

Перспектива введения отмеченного института заключается в следующем:

- личная (самостоятельная) работа частного судебного исполнителя будет способствовать заинтересованности в повышении своей результативности;
- сокращение расходов государства на принудительное исполнение (при частном исполнении возмещение расходов возлагается исключительно на должников, а в случае неудачной попытки — на взыскателя);
- поступление налогов в бюджет государства;
- введение института частного судебного исполнителя будет выступать дополнительным стимулирующим фактором для добровольного исполнения;
- деbüroкратизация исполнения позволит экономить время с целью совершения исполнительных действий;
- снижение загруженности государственных судебных исполнителей.

Однако, несмотря на ряд очевидных преимуществ, существуют и недостатки рассматриваемого института, большинство из которых требует значительного изменения действующего законодательства. К недостаткам стоит отнести:

- повышение стоимости услуг в сфере исполнительного производства;
- возникновение опасности коррупционных рисков, связанных с информацией, полученной в ходе производства (во избежание этого возникает потребность в урегулировании доступа);
- дополнительное стимулирование частных исполнителей для работы по взысканию небольших сумм. Принимая во внимание рыночные условия работы частного судебного исполнителя, мы понимаем, что он будет стремиться к получению максимальной выгоды;
- необходимость регулирования тарифов в части деятельности частных судебных исполнителей на государственном уровне. Размер таких тарифов должен обеспечить заинтересованность принудительного исполнения всех исполнительных документов [1];
- закрепление на законодательном уровне требований к лицам, претендующим на должность частного судебного исполнителя, и предельной численности для сохранения баланса между государственной и частной службой;

— потребность в создании контролирующего органа либо передача контрольных функций уже существующим.

Подобная организация системы частного судебного исполнения не делает ее полностью «частной», поскольку основная часть деятельности контролируется государством. Однако на примере нотариата, который функционирует в Республике Беларусь аналогичным образом, мы видим, что «приватизация» деятельности при сохранении публичного контроля приводит к удовлетворению потребностей в данной области и повышению результативности.

Ещё одним из аргументов «за» введение института частных судебных исполнителей может послужить положительный опыт Республики Казахстан, которая в 2010 году стала первой из стран-участниц СНГ, ввела институт частных судебных исполнителей в качестве альтернативного способа исполнения исполнительных документов. Основной из причин для апробации данного института стала загруженность государственных судебных исполнителей, что привело к ненадлежащему исполнению судебных актов [2].

Согласно Закону Республики Казахстан от 02.04.2010 № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», функции по принудительному исполнению поручаются как государственным, так и частным судебным исполнителям [3]. Такая система в Республике Казахстан позволила:

- повысить качество исполнения судебных и иных актов;
- снизить жалобы на неисполнение судебных актов со стороны взыскателей;
- снизить сроки и улучшить оперативность исполнения;
- сократить государственные затраты на обеспечение исполнения судебных и иных актов [4].

Контроль над деятельностью частных судебных исполнителей возложен на Республиканскую палату частных судебных исполнителей, которая, как было выявлено путем сравнительного анализа, по функциям, целям деятельности, организации схожа с Белорусской нотариальной палатой.

Таким образом, учитывая опыт Республики Казахстан, полагаем, что введение института частных судебных исполнителей по модели нотариата может привести к положительным результатам, в числе которых повышение эффективности и результативности исполнения, снижение нагрузки на государственных судебных исполнителей, сокращение государственных расходов на содержание государственной системы принудительного исполнения.

Однако, несмотря на все перечисленные преимущества и возможные решения существующих проблем, на современном этапе введение института частных судебных исполнителей в Республике Беларусь потребует от государства больших затрат в связи с отсутствием проработанных теоретико-правовых и организационных основ, но в будущем переход к предоставлению возможности гражданам выбора — частный или государственный судебный исполнитель — представляется целесообразным.

Список литературы

1. Клеценко, С. С. Перспектива внедрения профессии частного судебного пристава в российскую систему принудительного исполнения / С. С. Клеценко // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества — 2018: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 23 марта-19 апреля 2018 г. — Киров: ВГУ, 2018. — С. 107–114.
2. Кожухметова, Р. Ж. Институт частного судебного исполнителя в действии / Р. Ж. Кожухметова // Вестник института законодательства Республики Казахстан. — 2014. — № 1 (33). — С. 223–226.
3. Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей: Закон Респ. Казахстан от 02 апр. 2010 г., № 261-IV; в ред. Закона Респ. Казахстан от 07.07.2020 г., № 361-VI [Электронный ресурс]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30617206&doc_id2=30617211#activate_doc=2&pos=6;-98&pos2=0;1640&sdoc_params=text%3D%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BB%25D0%25B5%25D0%25B3%25D0%25B8%25D1%258F%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30617206%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 06.10.2020).
4. Интернет-портал Республиканской палаты частных судебных исполнителей / О палате. История внедрения института частных судебных исполнителей в Казахстане [Электронный ресурс]. — URL: https://www.zhso.kz/index.php?view=catalog&main_cat=1&cat_id=10 (дата обращения: 06.10.2020).

УДК 347.9

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Д. Е. Карташов, обучающийся

А. В. Лигновская, обучающийся

*Научный руководитель Н. Н. Ткачева, канд. юрид. наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия*

В статье анализируются проблемы электронных доказательств в гражданском процессе, их правовая природа. Особое внимание уделяется условиям допустимости и достоверности электронных документов в гражданском процессе.

Ключевые слова: допустимость, достоверность, электронные доказательства, электронная подпись, электронный документ.

Мы живем в эпоху, когда информационные технологии все больше проникают во все сферы жизни общества. Многие из-за пандемии перешли на частично или полностью удаленную работу. Каждый день люди совершают интернет покупки, заказывают справки на сайте Госуслуг. Осуществление правосудия по гражданским делам не является исключением и также перестраивается с учетом современных реалий.

С января 2017 года федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ были внесены изменения законодательства, затрагивающие применение электронных документов в деятельности судов. В виде электронного документа могут быть поданы в суд: иск, ходатайство, жалоба и иные документы. Понятие письменных доказательств было дополнено (ст. 71 ГПК РФ), к ним стали относиться документы, которые получены через Интернет, имеющие электронную подпись.

Касаемо места электронных доказательств в сложившейся системе средств доказывания бытует две противоположные точки зрения.

Некоторые авторы говорят о том, что электронный документ является письменным доказательством. Такой точки зрения придерживаются, например, С. П. Ворожбит, М. А. Митрофанова [1].

А. Т. Боннер, И. Г. Медведев отмечают, что электронный документ можно выделить как самостоятельное средство доказывания [2].

Можно выделить две группы документов, полученных посредством электронной связи: электронные документы и электронные сообщения.

Первой группой являются электронные документы.

«Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [3].

Важным является то, что для установления достоверности информации, которая содержится в электронном документе, необходимо наличие в нем определенных реквизитов. Важным является электронная подпись. Именно благодаря ей возможно идентифицировать подписавшее документ лицо.

Вторая группа электронных доказательств — электронная переписка.

Для применения электронной переписки в качестве доказательства при рассмотрении гражданского дела необходимо, чтобы она имела юридическую силу. Признание судом электронной переписки в качестве доказательства возможно, если достоверно установлено, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано [4].

Использование электронных доказательств — это перспективное направление развития института доказательств и доказывания. Конечно же, с развитием науки и техники электронные доказательства станут более прогрессивным видом доказательств. Судьи имеют различные точки зрения, например, мировые судьи нехотя берут электронные доказательства, т. к. есть вероятность отмены решения из-за проблемы их достоверности.

Анализируя нормы ГПК РФ, а именно абз. 2 ч. 1 ст. 55 можно найти исчерпывающий список средств доказывания, в котором, к сожалению, не закреплены электронные доказательства. Тем не менее, в абз. 1 этой же части ст. 55 под доказательствами подразумеваются любые сведения, имеющие значения и помогающие суду в правильном разрешении дела, в связи с чем при наличии определенных условий электронные доказательства могут быть признаны судом допустимыми [5].

При оценке электронных документов, которые представляются в качестве доказательств, должны учитываться следующие условия допустимости:

1) возможность идентификации, т. е. возможность установления того, что он действительно получен от лица, которое, например, обозначено в представленном документе как отправитель;

2) аутентификация, под которой понимается целостность документа, а также то, что его содержание не было изменено;

3) доступность в понимании.

Пленум ВС РФ выразил свою позицию в постановлении: «доказательства, подтверждающие распространение определенной информации в сети Интернет, до обращения заинтересованного лица в суд могут обеспечиваться нотариусом. При оценке таких доказательств суд не вправе признать недопустимым обеспеченное нотариусом доказательство только на основании того, что нотариус не известил о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети Интернет информацию, относящуюся к предмету спора (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 84 КАС РФ)» [6].

Складывается такая ситуация, что все чаще возникают проблемы допустимости и достоверности электронных доказательств, что приводит к необходимости признания их в качестве самостоятельного средства доказывания. Является целесообразным внести изменения в ст. 55 ГПК РФ, закрепив в перечне средств доказывания электронные доказательства. Понятие, виды и критерии, по которым будут определяться эти доказательства, тоже нуждаются в законодательном закреплении.

Список литературы

1. Ворожбит С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. ... канд. юрид. наук / С. П. Ворожбит. — Санкт-Петербург. — 2011. — С. 16.
2. Шкурова П. Д. — Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // Юридические исследования. — 2017. — № 8. — С. 58–68. — DOI: 10.25136/2409-7136.2017.8.23766. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23766 (Дата обращения 25.10.2020).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2000) // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31. Ст. 3448.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 30.06.2015. № 140
5. Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4 (42) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-elektronnyh-dokazatelstv-v-tsilivilisticheskom-protsesse> (дата обращения: 26.10.2020).

6. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.12. 2017 г. № 57.

УДК 347

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

К. Н. Иванова, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В данной работе рассмотрены актуальные проблемы оказания медицинской помощи, с которыми сталкиваются пациенты с онкологическими заболеваниями, выявлены недостатки в правовом регулировании, связанные с реализацией прав граждан, а также предложены возможные пути их устранения.

Ключевые слова: онкологические заболевания, пациенты, медицинская помощь, право, законодательство.

С каждым годом в России и да во всем мире наблюдается тенденция роста количества онкологических заболеваний. Причем, к сожалению, увеличиваются показатели заболеваемости и смертности. И если пациент после выявления диагноза не получает необходимое лечение, то его шансы на выздоровление и выживание существенно снижаются, поэтому очень важно, чтобы в полном объеме была оказана качественная и своевременная медицинская помощь.

Так, в соответствии со ст. 41 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [1]. Также, в ст. 19 федерального закона № 323-ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации указано, что «каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в т. ч. в соответствии с договором добровольного медицинского страхования» [2]. Следовательно, пациент имеет право на получение медицинской помощи в гарантированном объеме. Однако это право на практике не всегда возможно реализовать. Довольно часто проблемные аспекты правового регулирования указанной сферы приводят к тому, что пациент сам вынужден доказывать свое право на получение необходимых лекарственных препаратов даже после того, когда в соответствующем медицинском учреждении было установлено заболевание. Думается,

что пациент, находящийся в таком состоянии, не обязан доказывать, что ему необходим тот или иной препарат, ведь есть уже существующее заключение врачей. Фактически в такой ситуации жизнь и здоровье пациента ставится под угрозу из-за длительных разбирательств, происходящих в различных инстанциях. В частности, на практике происходят случаи, которые ставят в опасность жизнь и здоровье граждан лишь из-за неправильно оформленной документации. Приведем пример, широко обсуждаемый в средствах массовой информации, когда 63-летнему инвалиду II группы, страдающему онкологическим заболеванием еще с 2018 года, отказали в бесплатном получении лекарственного средства из-за ошибок в оформлении бумаг. Врачебная комиссия пришла к выводу, что пациенту для облегчения состояния необходим препарат, который не входит в стандарт медицинской помощи при онкологическом заболевании, но именно он способен поддерживать жизнь пациента. Напомним, в таком случае действует определенная процедура получения бесплатных лекарств: в департамент здравоохранения должен быть направлен пакет документов, который подтверждает, что заявитель нуждается именно в этом препарате и другое лечение в данном случае не может быть применено. Когда же пациент пришел в департамент и попросил обеспечить его препаратом, ему отказали в связи с его отсутствием. После рассмотрения обращения департамент пришел к выводу, что удовлетворить его не может, потому что пациент не представил чиновникам полный пакет документов [5]. Исходя из этого, можно утверждать, что отказ департамента здравоохранения создал угрозу жизни и здоровья пациента с онкологическим заболеванием. Далее пациент подал иск в Октябрьский суд г. Белгорода, где его исковые требования суд удовлетворил частично, обязав департамент немедленно обеспечить пациента препаратом в необходимом количестве за счёт местного бюджета, т. к. инвалиду необходимо лекарство по жизненным показаниям, при этом суд посчитал, что чиновники неправомерно отказали больному в получении препарата. Однако Белгородский областной суд решение отменил, а значит, пациент лишился возможности получить нужный ему препарат. В апелляции было указано, что *помалидомид* не входит в стандарты оказания медицинской помощи при лечении онкологии, и бесплатная выдача препарата может быть лишь в случае, когда больной не может без него жить. В ситуации заявителя это именно так и было, но суд все же поддержал департамент в том, что принятое решение было верным, т. к. в пакете документов содержались ошибки (отсутствие протокола и указание на наличие медицинских показаний для получения препарата). Данное дело дошло до Верховного суда Российской Федерации, который разъяснил, что апелляция в своих выводах была не права [5]: в соответствии со ст. 4 федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» одним из принципов охраны здоровья граждан является «соблюдение их прав в сфере охраны здоровья и обеспечение реализации этих прав государственными гарантиями» [2], а значит, в число этих гарантий входит и оказание пациентам с онкологическими заболеваниями государственной социальной помощи, т. е. обеспечение за счет бюджета лекарственными препаратами, и, если такое лекарство не входит в стандарт оказания медицинской помощи, то оно все

равно выдается бесплатно, однако при наличии заключения врачебной комиссии о применении этого препарата. Также Верховный суд указал, что основная ошибка рассматриваемого решения заключается в том, что апелляционная инстанция фактически возложила на больного обязанность проверять, все ли документы у него правильно оформлены. Так как надлежащее оформление документов является обязанностью врачебной комиссии, а не пациента, в т. ч. при выявлении недостатков, необходимо было принять меры по их устранению, т. е. указать лечебному учреждению на исправление документации. Таким образом, можно констатировать, что было нарушено право пациента на получение медицинской помощи в гарантированном государством объеме, т. к. не были приняты меры по устранению недостатков и произошло фактическое возложение на гражданина обязанности представления правильно оформленных документов, свидетельствующих о необходимости в лечении данным препаратом.

На наш взгляд, чтобы в дальнейшем предотвратить указанные нарушения прав пациентов с онкологическими заболеваниями на получение медицинской помощи в гарантированном государством объеме, связанное с неправильно оформленной документацией, т. к. пациент в силу отсутствия у него специальных знаний не может правильно определить полноту и правильность соответствующих документов для назначения препарата, необходимо создать центры помощи гражданам для реализации процедуры сбора необходимых документов и передачи их в департамент. Представляется, что это должно обеспечить соблюдение интересов пациентов с онкологией, а значит, создаст наиболее благоприятные условия для их выздоровления.

Другой важной проблемой является ограничение возможности пациентов по обеспечению их обезболивающими препаратами. Онкологические заболевания нередко вызывают боль, которая очень серьезно снижает качество жизни человека. При этом в настоящее время пациентам с диагнозом «рак» возможно найти облегчение, ведь медицина в своем арсенале имеет большое количество обезболивающих препаратов. Но на практике довольно проблематично получить рецепт на тот или иной обезболивающий препарат. В ст. 19 федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено, что пациентам гарантировано «облегчение боли, связанной с заболеванием, состоянием и (или) медицинским вмешательством, методами и лекарственными препаратами, в т. ч. наркотическими лекарственными препаратами и психотропными лекарственными препаратами» [2]. Из этого следует, что для облегчения боли, связанной с заболеванием, пациент имеет право на обезболивающие препараты, в т. ч. он может применять наркотические и психотропные лекарственные средства. Однако на практике возникают такие ситуации, когда врачи не выписывают эти препараты, хотя они жизненно необходимы.

Данную ситуацию прокомментировал онколог Алексей Илюхов: «Врачи боятся выписывать наркотики. Самое главное, что влияет на ситуацию с обезболиванием, государство смотрит на себя как на карательный орган, который должен меня, врача, постоянно проверять и ущемлять. Я условно законный драгдилер, и за мной нужно следить, а еще лучше — отнять у меня препараты,

чтобы наркоман (пациент) наркотики не получил ни в каком виде. Количество вводимых таково, что, выписывая наркотические обезболивающие, ты что-то, скорее всего, нарушишь. Живешь в ощущении, что за тобой в любой момент могут прийти. Некоторые, например, считают, что наркотики нужны только в самом крайнем случае, потому что зависимость наступает сразу, и вообще от них умирают быстрее, поэтому людей, как правило, недообезболивают, предлагают потерпеть» [3].

Таким образом, проблема заключается в том, что при назначении наркотического или психотропного обезболивающего медицинские или фармацевтические работники не имеют понимания, как использовать на практике значительный объем нормативно-правовых актов, существующих по данному вопросу, в результате чего возникают опасения, что их действия могут повлечь неблагоприятные последствия. Действительно, оборот наркотических лекарственных препаратов регламентируется несколькими федеральными законами, многочисленными постановлениями Правительства Российской Федерации, а также приказами федеральных органов исполнительной власти. Представляется, что для решения данной проблемы необходимо упорядочить правовое регулирование в указанной сфере и закрепить в законе единый алгоритм действий для медицинских работников, осуществляющих назначение соответствующих препаратов.

Таким образом, «необходимо внести определенность в законодательное регулирование, что позволит обеспечить соблюдение и защиту прав и интересов» [4, с. 256] как пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями, так и всех, участвующих в оказании медицинской помощи лиц.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Собрание законодательства РФ*. — 01.07.2020. — № 31. — ст. 4398.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 08.11.2020).
3. Васильева А. Предлагают потерпеть: как устроена помощь пациентам с онкозаболеваниями и болевым синдромом [Электронный ресурс]. — URL: <https://media.nenapravno.ru/articles/keysy/predlagayut-poterpet-kak-ustroena-pomoshch-patsientam-s-onkozabolevaniyami-i-bolevym-sindromom/> (дата обращения: 08.11.2020).
4. Карцева Н. С., Михайлова В. И. Обращение взыскания на общее имущество супругов при банкротстве одного из супругов: проблемы правоприменительной практики // *Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XIV Всероссийской национальной научно-практической конференции*. — 2018. — С. 255–257.

5. РАПСИ. ВС: онкобольные не обязаны доказывать чиновникам право на получение бесплатных лекарств [Электронный ресурс]. — URL: <https://kurer-sreda.ru/2018/10/22/383131-vs-onkabolnye-ne-obyazany-dokazyvat-chinovnikom-pravo-na-poluchenie-besplatnyh-lekarstv> (дата обращения: 08.11.2020).

УДК 347

ИСКУССТВЕННО ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

А. А. Коковина, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассматриваются некоторые существующие проблемы правового регулирования проведения аборт в законодательстве РФ; приводятся рекомендации по выработке возможных путей развития законодательства в рамках поставленных проблем.

Ключевые слова: аборт, искусственное прерывание беременности, система обязательного медицинского страхования, несовершеннолетние.

Кризисные явления, произошедшие в экономике страны, обусловившие общую тенденцию снижения уровня жизни населения, привели к значительным изменениям [1, с. 201] демографической ситуации, в связи с чем вопрос об ужесточении законодательства, регламентирующего возможности проведения аборт, т. е. искусственного прерывания беременности, превратился сегодня в один из самых острых и социально-значимых. С одной стороны, резкое ухудшение демографической обстановки требует незамедлительного вмешательства со стороны государства, с другой — абсолютную ценность имеет право женщины сделать свой выбор.

Следует отметить, что в России положения законодательства, касающиеся проведения аборт, являются одними из самых либеральных в мире. Так, например, в Польше в октябре 2020 года Конституционный суд принял решение, которое фактически запрещает проведение аборт. На фоне этого в России свобода выбора женщины в вопросах прерывания беременности выглядит практически безграничной. Хотя регулярно возобновляются разговоры об ужесточении законодательства, финансовом давлении на медицинские учреждения, а в разных регионах страны изредка устраивают акции, в рамках которых на несколько дней запрещают аборт.

Однако в настоящее время на федеральном уровне всё чаще озвучивается позиция, согласно которой процедуру искусственного прерывания беременности необходимо вывести из системы оплаты по полису обязательного медицинского страхования (далее — ОМС). Представляется, что в случае принятия

соответствующего законопроекта о выводе абортотв из системы ОМС или же об их запрете, правительству стоит готовиться к появлению большого количества жертв как среди детей, так и среди женщин, находящихся в состоянии беременности. Ещё в 2016 году патриарх Кирилл поставил свою подпись под петицией о выводе данной операции из системы финансирования государством. Думается, что государство, которое выбирает путь ужесточения законодательства, регулирующего право на аборт, совершает серьёзную ошибку. И здесь важно то, что женщину, лишая права выбора, зачастую обрекают на страдания, причём не только ее саму, но и ребенка.

И сразу возникает вопрос о том, что произойдёт с указанной выше процедурой, если так случится на самом деле. Думается, что, во-первых, заново начнёт формироваться рынок подпольных абортов, как, например, это случилось в 30-е гг. XX века после повсеместного запрета абортов в СССР, что, в свою очередь, с неизбежностью повлечёт серьёзные последствия для здоровья женщины, решившейся на операцию, но не имеющей возможности заплатить медицинской организации. Во-вторых, возрастёт число детей, рождённых нежеланными. Такие дети пополняют детские дома. И, возможно, большая часть из них будет несчастна вне семьи, при этом может возрасти количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, увеличится число беспризорников.

Представляется, что указанные факторы будут негативно влиять на всю социальную сферу жизни государства. Чтобы избежать возможных неблагоприятных последствий, необходимо не исключать из закона финансирование данной процедуры, а увеличить внимание государства к профилактике нежелательных беременностей. Так, например, на законодательном уровне необходимо предусмотреть возможность введения в учебных заведениях, в частности в школах, уроков полового воспитания, предоставив родителям право определять программу соответствующего обучения, разработанную и предложенную специалистами-психологами в сфере образования и медицины. Кроме того, должны быть разработаны действенные меры, направленные на поддержку матерей-одиночек, на увеличение размера пособий и других выплат на несовершеннолетних детей, а также предоставление возможностей устройства детей в различные секции, кружки и иные организации, осуществляющие дополнительное образование за счёт средств федерального бюджета, ведь, как известно, аборты, как правило, совершаются из-за тяжёлого материального положения женщины, невозможности обеспечить должный уровень жизни как себе, так и ребёнку. Думается, что указанные предложения позволят повысить рождаемость и сократят количество прерываний беременности, что особенно важно в подростковой среде.

Следующая проблема, на которой необходимо остановиться, — это возможности реализации прав несовершеннолетних девушек при выявлении у них беременности. Так, согласно п. 2 ст. 54 федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» года, несовершеннолетняя девушка может принять решение о прерывании беременности без согласия родителей или законных опекунов по достижении 15 лет [2]. Таким образом, получается, что никто не имеет права

запретить девушке в возрасте, начиная с 15 лет, самостоятельно принимать такое решение. Однако следует отметить, что чаще всего аборт совершается несовершеннолетними под давлением общества или родителей, что является недопустимым. Для того, чтобы разрешить указанную проблему, необходимо в Уголовном кодексе Российской Федерации закрепить статью, устанавливающую ответственность за принуждение к совершению аборта. Думается, что такой примитивной мерой будет обеспечиваться возможность сохранения здоровья будущей юной матери и жизни ещё нерождённого ребёнка, разумеется, если его рождения желает сама мать.

Следует сказать, что совсем недавно, 27 октября 2020 года стало известно, что президент России В. Путин поручил правительству усилить финансовую заинтересованность медицинских организаций в профилактике абортов [3]. Ещё в начале лета детский омбудсмен А. Кузнецова уже сообщала президенту о своих предложениях по этому вопросу. В частности, она указала на необходимость введения ограничений на продажу в аптеках препаратов для абортов и изменения системы финансирования медицинских учреждений, в результате чего объем выделяемых средств был бы обратно пропорционален количеству абортов. Однако сложно представить, что произойдёт, если указанные меры будут воплощены в жизнь. Думается, что возникнет множество проблем, связанных с ситуациями, когда женщина не сможет самостоятельно, без рецепта врача, прервать беременность с помощью медикаментов на маленьком сроке, а ведь это является наиболее безопасным способом проведения данной процедуры. Может увеличиться количество подпольных абортов, т. к. клиникам будет просто невыгодно проводить процедуру искусственного прерывания беременности. На данном этапе представляется необходимым не сокращать количество препаратов в аптеках и не ужесточать систему их продажи, а наоборот, разработать соответствующие меры поддержки, позволяющие сохранить здоровье женщине при активном участии врача.

В настоящее время, как показало наше исследование, на фоне пандемии во многих регионах России женщинам отказывают в проведении процедуры искусственного прерывания беременности. Это объясняется тем, что осуществление всех плановых операций (а к таковым относится аборт) временно приостановлено. И тут встаёт вопрос: неужели женщина, которая осталась без работы и необходимых средств к существованию, не имеет права на то, чтобы не жить за чертой бедности? Женщины сталкиваются с ситуацией, когда в поликлиниках им намеренно затягивают выдачу результатов анализов, а затем направляют делать аборт в частные клиники, на которые денег в сложившейся ситуации просто нет. Кто же будет впоследствии содержать этих женщин и детей, и что будет с теми семьями, где женщина, находясь под влиянием сложившихся тяжёлых обстоятельств, под серьёзным психологическим давлением, обусловленным отсутствием денежных средств и полным изменением ритма жизни, совершит убийство своего новорожденного ребёнка? Все эти вопросы по-прежнему остаются открытыми. Думается, что все решения в этой сфере, принимаемые на государственном уровне, должны быть очень продуманными и осторожными.

Таким образом, следует отметить, что, запрещая аборт, вряд ли можно улучшить демографическую ситуацию в стране — к данной проблеме нужно подходить комплексно, «поскольку законы создаются, прежде всего, для того, чтобы они исполнялись. А их исполнение напрямую зависит от качества и глубокого анализа существующих норм» [4, с. 167].

Список литературы

1. Карцева Н. С. Отдельные проблемы обеспечения интересов детей при усыновлении // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. № 1 (13). — С. 201–207.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Проект об устойчивом развитии [Электронный ресурс]. — URL: <https://plus-one.ru> (дата обращения: 14.11.2020).
4. Карцева Н. С., Шурышева Н. В. Проблемы правового регулирования объектов недвижимого имущества в свете изменений гражданского законодательства РФ // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирский государственный аграрный университет, 2015. — С.165–167.

УДК 347

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ

Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

А. А. Мартынова, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

В статье раскрываются существующие проблемы правового регулирования защиты прав граждан, проживающих в многоквартирных домах, связанных с ненадлежащим содержанием животных, проведением ремонтных и других «шумных» работ, а также предлагаются возможные варианты решения выявленных проблем.

Ключевые слова: многоквартирные дома, домашние животные, ремонтные работы, ответственное обращение с животными, создание комфортных условий для проживающих.

Невыполнение жильцами обязанностей по содержанию домашних животных, нарушение тишины и покоя в обеденное, ночное время, а также в течение дня встречается на сегодняшний день нередко. Шумные соседи «мешают

жить» многим жителям многоквартирных домов, что порождает серьезные проблемы в современном обществе.

В конце декабря 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], который вступал в силу поэтапно. Отдельные его положения начали действовать в 2019 г., другие вступят в силу только в 2022 году. Указанный закон ввел новые правила в отношении содержания домашних животных, а именно: закрепил специальные требования к местам для выгула собак, установил обязательства по воспитанию животных, а также запрет на самовыгул, и, что очень важно, запретил проявление любой жестокости в отношении животных. Думается, что введение такого закона безусловно является огромным шагом к прогрессивному развитию государства, однако стоит указать на наличие в нем большого количества проблемных аспектов, порождающих нарушения в различных сферах.

Так, в настоящее время никак не регламентируется содержание животных в многоквартирных домах, отсутствуют какие-либо критерии, ограничивающие их количество в пределах одной квартиры, нет требований к условиям их содержания, которые позволили бы создать благоприятную среду для существования животных, но при этом не нарушать комфорт и покой жителей других квартир.

Все чаще и чаще в современном обществе жильцы сталкиваются с такими проблемами, как очень высокий уровень шума, создаваемый животными, сильный запах, появление экскрементов, что весьма серьезно отражается на условиях жизни граждан, проживающих в многоквартирных домах.

С такими проблемами, например, столкнулись жильцы многоэтажного дома в г. Новосибирске, которые более семи лет страдают от соседки с первого этажа — в её квартире живут 30 собак, обезьяна, ворона и кошки, из-за чего в подъезде и на улице стоит невыносимый запах и шум. Но сама заводчица не считает, что доставляет кому-то неудобства, и не собирается выселять животных из квартиры. Периодически жители дома вызывают полицию, сотрудники которой ссылаются на то, что в законодательстве не содержится ограничений на количество животных, проживающих в одной квартире [1].

С похожей проблемой столкнулись жители многоэтажного дома в Екатеринбурге. 40-летний мужчина организовал в своей квартире приют для птиц, в котором содержатся более сотни голубей, сов и ястребов. Соседи много раз жаловались в полицию на шум, запах, помет и перья, однако ответ был аналогичным [2].

Стоит сказать, что данные ситуации не единичны и требуют незамедлительного решения со стороны законодателя. В этой связи представляется необходимым в законодательстве закрепить ограничения количества определенных видов животных, которых можно содержать в жилых помещениях, а также предусмотреть меры ответственности за несоблюдение указанных правил.

Кроме того, в целях защиты прав граждан и охраны животных целесообразно создать уполномоченный орган, который бы контролировал количество домашних питомцев, проживающих в квартирах, осуществлял их регистрацию,

проверял качество и условия их жизни. Представляется, что такое нововведение позволило бы избежать многих проблемных ситуаций, связанных с нарушением прав граждан, проживающих в многоквартирных домах, а также своевременно выявлять и пресекать безответственное отношение к содержанию животных.

Другая важная проблема, связанная с нарушением прав граждан, проживающих в многоквартирных домах, — это нарушение законодательства «о тишине». Такие законы существуют практически во всех регионах, однако многие их положения требуют корректировки.

Так, например, на данный момент полицейские, выступающие как федеральные служащие, не имеют права привлекать к ответственности нарушителя закона «о тишине». Это связано с тем, что многие регионы, за исключением нескольких, приняв закон «о тишине», не заключили соответствующего соглашения с федеральными органами внутренних дел, а административная инспекция, как показало наше исследование, уполномоченная привлекать нарушителя тишины к ответственности, не работает в ночное время. Полиция может лишь принять заявление, которое в дальнейшем будет направлено в органы местного самоуправления, а затем пройдет все стадии рассмотрения, т. е. рассчитывать на быстрое устранение разного рода нарушений, затрагивающих нормальную жизнедеятельность и покой граждан, не приходится.

Важной проблемой в законодательстве является существование слишком широкого временного периода проведения ремонтных работ в течение суток, т. к. осуществление такой деятельности в установленное время нарушает комфортные условия жизнедеятельности работающих граждан, детей, пожилых людей и др.

Для решения указанных проблем и защиты прав граждан в жилищной сфере необходимо создание нормативного акта, распространяющего свое действие на всю территорию Российской Федерации, где были бы закреплены временные рамки осуществления работ, создающих шум (например, с 9:00 до 13:00 и с 15:00 до 21:00).

Кроме того, в указанном акте необходимо закрепить соответствующие полномочия в данной сфере за сотрудниками органов внутренних дел для обеспечения оперативного реагирования на правонарушения и их пресечения. Также в этом законе следует предусмотреть ограничения по количеству животных, которых можно содержать в пределах одной квартиры, закрепить положение об обязательном оборудовании жилого помещения звукоизоляцией в случае нахождения в ней «шумных» животных и птиц.

Таким образом, представляется, что «внесение соответствующих изменений позволит помочь постепенному совершенствованию норм» [3, с. 184], регулирующих обеспечение и защиту прав граждан, проживающих в многоквартирных домах.

Список литературы

1. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 53 (Ч. 1). — Ст. 8424.
2. Житель Екатеринбурга устроил в квартире приют для голубей и ястребов [Электронный ресурс]. — URL: <https://360tv.ru/news/tekst/stendapery-proshlogo-veka/> (дата обращения: 08.11.2020).
3. У неё в квартире 30 собак, обезьяна, ворона и кошки: жители многоэтажки воюют с соседкой-заводчицей [Электронный ресурс]. — URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2019/10/24/66270430/> (дата обращения: 08.11.2020).
4. Карцева Н. С., Апарина М. Ю. Отдельные проблемы правового регулирования участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. — № 3 (15). — С.180–184.

УДК 347

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

А. Д. Моисеева, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

Рассматриваются проблемы реализации законодательства, регламентирующего отдельные права граждан в условиях пандемии. Проводится анализ практики выполнения соответствующего постановления губернатора Новосибирской обл. и приказа Министерства здравоохранения «О временном порядке работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции на территории Новосибирской области», на основании чего предлагается решение выявленных проблем.

Ключевые слова: пандемия, оказание медицинской помощи, диагностика, медицинский персонал, медицинское учреждение, волонтерские организации.

В настоящее время все актуальнее становится тема, связанная с оказанием медицинской помощи в условиях пандемии. В 2020 году весь мир столкнулся с такой серьезной проблемой, как распространение COVID-2019 — потенциально тяжелой острой респираторной инфекцией, вызываемой коронавирусом SARS-CoV-2 (2019-nCoV). Отметим: COVID-2019 представляет собой опасное заболевание, которое может протекать как в форме острой респираторной вирусной инфекции лёгкого течения, так и в тяжёлой форме. Наиболее частым осложнением заболевания является вирусная пневмония, а также острая

дыхательная недостаточность, при которых чаще всего необходимы кислородная терапия и респираторная поддержка [1].

В связи со сложившейся ситуацией по всей стране были приняты дополнительные меры по защите населения, но оказались ли они достаточно эффективными, как это планировалось?

Так, изучив изменения, внесенные в постановление губернатора Новосибирской области от 27.03.2020 № 43 «О принятии дополнительных мер по защите населения и территории Новосибирской области от чрезвычайной ситуации» [2], в п. 17 можно встретить такую меру, как введение масочного режима, т. е. обязательное использование гигиенических масок в общественных местах. В результате при входе в общественный транспорт, магазины и организации появились объявления о масочном режиме, при несоблюдении которого в оказании услуг будет отказано. Все это породило многие неприятные инциденты, отягощенные возникновением конфликтных ситуаций с участием сотрудников полиции, представителей магазинов, транспортных и других организаций. Очевидно, что соблюдение оказанной меры необходимо для того, чтобы пресечь распространение инфекции, а значит, в определенной степени предотвратить опасность для жизни и здоровья граждан, но здесь возникает вопрос: какая маска является гигиенической (и стоило ли употреблять такой «узкий» термин в указном постановлении)?

Как показало исследование, не каждый желает подчиниться действию данной нормы, но если одни не считают маску средством защиты, то другие используют в качестве маски медицинскую, кто-то закрывает лицо платком или шарфом, а некоторые и вовсе надевают карнавальные маски. Конечно, все понимают, что последний вариант поведения недопустим, однако вполне объясним ввиду отсутствия в законодательстве однозначного определения, а также соответствующих официальных разъяснений, позволяющих понять, что можно использовать в качестве гигиенической маски.

Указанная проблема имеет серьезные последствия. Дело в том, что достаточно большое количество людей страдает, например, аллергическими заболеваниями, не позволяющими использовать медицинские маски, а отсутствие понимания, чем их можно было бы заменить, привело к созданию благоприятной почвы для злоупотребления своими полномочиями представителями различных структур, обеспечивающих соблюдение масочного режима, которые в категоричной форме под угрозой применения различных мер воздействия настаивали на обязательном ношении именно медицинских масок, в связи с чем представляется необходимым закрепить в законодательстве термин — «средства защиты органов дыхания» и дать соответствующие разъяснения, касающиеся видов и возможностей их использования. Думается, что такое решение проблемы позволит учесть многие важные факторы и обеспечит реальную защиту прав граждан в период пандемии.

Следующей важной проблемой является недостаточная эффективность мер по профилактике и борьбе с новой коронавирусной инфекцией.

Так, в период пандемии Министерством здравоохранения Новосибирской области был издан приказ «О временном порядке работы медицинских

организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции на территории Новосибирской области» [3], который регулирует работу медицинских организаций и медицинского персонала.

В соответствии с ним должны были решиться важные проблемы:

- нехватка медицинского персонала;
- длительность ожидания прибытия скорой медицинской помощи, а также врача на дом;
- отсутствие возможности проведения диагностики (тестирования, КТ и други[подобных мероприятий]);
- несвоевременность оформления больничного;
- неэффективность организации процесса приема пациентов.

Представляется, что решение перечисленных проблем позволит создать надлежащие условия для борьбы с пандемией. Однако в последнее время все чаще в средствах массовой информации говорится о том, что в г. Новосибирске так много заболевших людей с симптомами ОРВИ, что поликлиники перестали справляться с наплывом пациентов. Люди рассказывают, как к ним не едет «скорая» и не приходят врачи, а дозвониться в регистратуру просто невозможно. Заболевшим своевременно не ставится диагноз и они не получают надлежащего лечения. Все это приводит к негативным последствиям. Сами же медики, как показало исследование, тоже работают из последних сил. Кроме этого, стоит сказать о том, что больные, которые не смогли получить консультацию врача, не могут оформить лист нетрудоспособности и вынуждены посещать работу в целях сохранения рабочего места и заработной платы, что приводит к новым заражениям.

Очевидно, представляется необходимым на законодательном уровне в ситуациях введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации закрепить возможность задействования частных клиник с переводом их на особый режим работы для перераспределения нагрузки и своевременного оказания медицинской помощи заболевшим. Финансирование указанного процесса при этом производить за счет средств, выделяемых по программе ОМС.

И, наконец, еще одна проблема, которая возникает, когда пациент оформил больничный лист и проходит лечение дома. Изучив глобальную сеть, можно сделать вывод, что ограничительные меры, установленные законодательством в отношении заболевших людей, действуют очень специфично, т. к. они, имея подтвержденный диагноз, вынуждены перемещаться по городу, ходить в аптеки и магазины, тем самым увеличивая распространённость заболевания. Следует отметить, что люди должны поддерживать свою жизнедеятельность, а значит покупать продукты, лекарственные средства и иные необходимые предметы, однако неясно, каким образом все это осуществлять. Конечно, еще во время первой волны пандемии были созданы волонтерские движения, которые были призваны оперативно доставлять необходимые товары. Однако как показало исследование, указанные службы не всегда справлялись с огромным количеством заявок. Так, по данным из открытых источников, большинству людей продукты и иные необходимые предметы доставлялись только на третий день после

обращения. Думается, такая ситуация недопустима, особенно когда речь идет о лекарствах и промедление, пусть и объяснимое загруженностью, может повлечь трагические последствия. Да и не все люди готовы рисковать своим здоровьем, помогая больным, у которых нет близких людей для оказания им такой помощи. В связи с чем представляется необходимым разработать действенный механизм обеспечения насущных потребностей граждан, страдающих опасными инфекционными заболеваниями (увеличить количество волонтерских организаций, создать алгоритм обращения за помощью, где телефонный звонок будет оперативно обрабатываться, в результате чего помощь будет оказана своевременно). Думается, что все это позволит обеспечить необходимые условия для выздоровления граждан и предотвратить распространение заболеваемости.

Таким образом, учитывая то, что в мире периодически возникают вспышки каких-либо опасных инфекционных заболеваний, необходимо сформировать надлежащую и качественную систему оказания медицинской помощи, способную обеспечить безопасность всех жителей нашей страны.

Список литературы

1. Респираторная поддержка [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/COVID-19> (дата обращения: 7.10.2020).
2. О принятии дополнительных мер по защите населения и территории Новосибирской области от чрезвычайной ситуации: постановление губернатора Новосибирской области от 27.03.2020 № 43 [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/05/28/novosibirsk-post88-reg-dok.html>. (дата обращения: 8.10.2020).
3. О временном порядке работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции на территории Новосибирской области: приказ Министерства здравоохранения Новосибирской области № 725 от 23 марта 2020 года. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/465736441> (дата обращения: 7.10.2020).

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

Н. С. Карцева, канд. юрид. наук

А. В. Слаутина, обучающийся

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК)

г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассмотрены проблемы нарушения гражданских прав осужденных в области здравоохранения, а именно в части получения ими должного и своевременного медицинского обслуживания.

Ключевые слова: нарушение прав, заключенные, медицинская помощь, исправительные учреждения.

Право на здоровье является важнейшим аспектом жизнедеятельности человека и тесно связано с реализацией других его прав. Оно включает в себя не только право на получение своевременного медицинского обслуживания, но и подразумевает наличие иных определяющих факторов здоровья, таких как полезные продукты питания, доступ к очищенной от загрязнений питьевой воде, чистому воздуху, что является весьма актуальным в эпоху возможности человека защитить и использовать свои законные права.

Однако реальность, с которой зачастую сталкиваются люди в России, — это неравенство возможностей в отношении реализации права на здоровье. При этом, например, только в условиях закрытого тюремного содержания, где болезнь чаще всего приводит к смерти, доступ к медицинскому обслуживанию и необходимым средствам гигиены, как показало исследование, нередко игнорируется, что является одной из важнейших проблем, затрагивающих интересы общества.

Так, по данным ФСИН, в 2019 году более 410 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных имели сложные заболевания. При этом 4,7 % от общего числа, содержащихся в исправительных учреждениях, больны туберкулезом, 6,7 % — ВИЧ-инфицированные, 7 % больны наркоманией, 8 % страдают психическими расстройствами. Представляется, что значительное ограничение прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы, обуславливает необходимость существования максимально понятной и подробной правовой регламентации условий их содержания.

Так, согласно частям 9, 10 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, обязанность создавать эти условия возлагается на учреждения уголовно-исполнительной системы (далее — УИС): колонию-поселение, исправительную колонию, а также исправительную колонию общего, строгого или особо строгого режима, тюрьму и следственный изолятор. Следует отметить, что общие правовые принципы обеспечения права на охрану здоровья лиц, осужденных к лишению свободы, заложены в ст. 41 Конституции, статьях 12, 60.9, 73, 85, 101, 181 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, гл. 4 ФЗ

от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», и других. Но даже несмотря на столь широкий объем созданных государством нормативных актов, нарушения законных прав осужденных в области получения необходимой им медицинской помощи с каждым годом проявляются все чаще и чаще.

Одним из примеров несоблюдения прав осужденных в области здравоохранения является случай, произошедший 5 января 2020 года в помещении исправительной колонии № 9 Пермского края. Там из-за неоказания медицинской помощи погиб осужденный. В конце декабря 2019 года у 49-летнего осужденного, являющегося инвалидом III группы, данные которого не разглашаются, онемела левая нога, пропала речь и появилась слабость в конечностях. Осужденного отнесли в медицинскую часть с жалобами, указывающими на признаки инсульта, но дежуривший фельдшер ИК-9 распорядился унести больного в отряд, так и не оказав ему первой медицинской помощи. 4 января заключенный стал терять сознание и ориентацию, путаться в речи и людях, после чего его отнесли в медицинскую часть колонии, а позже перевезли в стационар больницы, где медицинские работники не смогли оказать должной помощи. 5 января осужденный скончался от кровоизлияния в мозг.

Еще одной нашумевшей историей стала смерть Георга Овакимяна, осужденного в ФКУ ИК № 3 Владимирской области. С 2013 года видеозапись умирающего от двусторонней осложненной пневмонии осужденного до сих пор «гуляет» по просторам Интернета. По официальным данным, Овакимян умер от двусторонней пневмонии, при этом почти сутки администрация колонии наблюдала за умирающим в муках больным, но людей, проявивших халатность и незаинтересованность в поддержании жизнедеятельности человека, не привлекли даже к дисциплинарной ответственности.

Таких историй по России достаточно много, кто-то умирает в колониях, а кто-то выходит на долгожданную свободу и тогда несовершенство закона и не оказание медицинскими работниками соответствующей помощи осужденным в исправительных учреждениях начинает оказывать отрицательное влияние и на окружающих, никак не защищенных от распространения существующих болезней бывших осужденных. Такая история случилась в 2019 году в Республике Коми. В городе Сыктывкаре уже освободившийся из мест лишения свободы заключенный, по официальным данным, заразил открытой формой туберкулеза более 10 детей и около пяти семей, проживавших с ним в одном общежитии. Мужчина, как и его семья, не верит в реальную угрозу распространения данного заболевания, впрочем, как и в то, что болезнь была приобретена в колонии. Полиция и медики тут бессильны: при этом сам мужчина лечиться не хочет, что еще раз доказывает несовершенство норм права, регулирующих предоставление осужденным и бывшим осужденным необходимой медицинской помощи. При этом в российском уголовно-исполнительном законодательстве гарантируется охрана здоровья и обеспечение заключенных необходимой медицинской помощью (ч. 6 ст. 12 УИК РФ), кроме того, констатируется, что лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь оказывается осужденным к лишению свободы в соответствии с общегражданским

законодательством — федеральным законом Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако стоит сказать, что медицинская служба, существующая в Уголовно-исполнительной системе, по сути отделена от общегражданской системы здравоохранения. В советский период она развивалась эффективно и стремительно и в некоторых случаях не уступала общегражданской медицинской системе. Затем был издан самостоятельный приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства юстиции РФ от 28.12.2017 г. № 49980 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу», при этом до настоящего времени в министерстве нет даже соответствующего структурного подразделения. Отметим, что приказ № 49980 предусматривает, что в случаях, когда медицинское учреждение УИС не может оказать необходимую заключенному медицинскую помощь, больной может быть направлен в учреждения государственной или муниципальной систем здравоохранения, располагающих специалистами и техническими возможностями для оказания необходимой медицинской помощи. Но на практике данная норма применяется редко и, по большей части, неэффективно, ведь для конвоирования или этапирования заключенного в больницу необходимо обеспечение транспортом и сопровождение сотрудниками УИС, т. е. врачом и конвоиром. В силу того, что бюджетных средств Федеральная служба исполнения наказаний России на это не выделяет, экстренный перевод заключенного в больницу зависит, прежде всего, от возможностей и средств, которыми располагает начальник учреждения, в котором содержится заключенный. Низкий уровень инвестирования обычно является основной причиной того, что в медицинских учреждениях в местах лишения свободы недостаточно квалифицированного и мотивированного персонала, что значительно ограничивает перечень и качество предоставляемых медицинских услуг. Медицинский персонал в колониях, кроме того, сталкивается с пограничным состоянием, ведь удовлетворение потребностей пациентов и требования службы безопасности тюремной администрации зачастую взаимоисключают друг друга, что приводит к снижению качества да и вообще к невозможности оказания и наличия медицинских услуг.

Действительно, работа медицинской службы УИС России не всегда эффективна, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы заключенных, поступающих в правозащитные организации и в аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ. При этом думается, что подчиненность медицинской службы УИС ФСИН России не отвечает интересам не только заключенных, но и интересам общества, в частности, когда речь идет, например, об отсутствии эффективных мер по борьбе с инфекционными заболеваниями, распространяющимися из мест лишения свободы, именно поэтому исправительные учреждения нельзя рассматривать как обособленные от общества объекты здравоохранения. И здесь, помимо профессионализма, важно гуманное отношение к осужденным. Каждому сотруднику УИС необходимо осознавать, что условия мест отбывания наказания сказываются на здоровье, и любому человеку необходимо оказывать медицинскую помощь. Также следует обратить

внимание на то, что в связи со сложной эпидемиологической обстановкой в стране, согласно статистике, в ФСИН среди обвиняемых и осужденных выявили достаточно большое количество заболеваний COVID-19. В силу невозможности получения необходимой медицинской помощи, а также неполной изоляции заключенных друг от друга более 1/3 заболевших имеют тяжелую форму двусторонней пневмонии. Данные примеры свидетельствуют о проблемах, решение которых требует принятия эффективных мер.

При возможном реформировании пенитенциарной медицины и правового регулирования предоставления медицинской помощи осужденным к лишению свободы необходимо:

— законодательно закрепить меры поощрения, применяемые к осужденным, проявляющим добросовестное отношение к здоровью и лечению инфекционных заболеваний. В частности, возможно осуществлять их перевод в исправительные учреждения, находящееся на территории проживания или прописки осужденных;

— принять и реализовать специальную программу по обеспечению помощи осужденным в соответствии с принципами врачебной этики. Следует оснащать медицинские части в исправительных учреждениях отдельными комнатами для изолирования осужденного, который может представлять опасность с точки зрения распространения инфекции;

— важно проводить полное и всестороннее обследование заключенных, готовящихся к освобождению из исправительных учреждений, чтобы исключить возможность распространения инфекционных заболеваний осужденных.

Таким образом, внесение соответствующих изменений позволит помочь постепенному совершенствованию норм [1, с. 184], регулирующих оказание медицинской помощи осужденным, что приведет к созданию определенного механизма защиты прав и законных интересов как самих осужденных, так и всех граждан нашего государства.

Список литературы

1. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 (ред. от 01.04.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 26.12.2016 № 44930) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2020).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2020).
3. Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: приказ Минюста России от 28.12.2017 г. № 49980 (зарегистрировано в Минюсте России 09.02.2018 № 49980) // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2020).

4. Характеристика уголовно-исполнительной системы на 01.11.2019. — URL: <http://фсин.рф/statistics> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Обзор о работе с обращениями граждан и организаций в Федеральной службе исполнения наказаний за 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://фсин.рф/statistics> (дата обращения: 07.11.2020).
6. Карцева Н. С., Апарина М. Ю. Отдельные проблемы правового регулирования участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. — № 3 (15). — С. 180–184.

УДК 347

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕССА ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Ю. Е. Козик, обучающийся

Научный руководитель Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт — филиал
Научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования осуществления процесса дистанционного обучения; предлагаются возможные варианты решения данных проблем.

Ключевые слова: дистанционное обучение, пандемия, Интернет, информационно-коммуникационные технологии, образовательный процесс.

На сегодняшний день дистанционное обучение — глобальное явление образовательной системы, которое существенным образом изменило устоявшийся порядок получения знаний людьми во всех странах мира. Однако стоит отметить, что, как правило, такой формат обучения выбирают в силу каких-то обстоятельств (проблемы со здоровьем, получение дополнительного образования, прохождение курсов переквалификации). В 2019 году весь мир столкнулся распространением опасного заболевания, вызываемого вирусом COVID-19, который кардинально изменил жизнь людей, что в свою очередь отразилось и на системе образования. Все образовательные учреждения России закрыли свои двери и перевели обучающихся на дистанционный формат получения знаний.

И здесь, в первую очередь, необходимо понять, что представляет собой дистанционное обучение.

Дистанционное обучение — взаимодействие учителя и учащихся между собой на расстоянии, отражающее все, присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность [1].

То есть, исходя из определения, для данного формата обучения необходимо присутствие сети Интернет, а также компьютер с хорошим техническим оснащением, чтобы обучающийся смог получать необходимую информацию и новые знания, слушать лекции, решать задачи, готовить материал для семинарских занятий, находить учебные пособия, чтобы разобраться с полученным материалом. Как показала практика, не все могут учиться в таких условиях.

Так, опрос, проведенный Высшей школой экономики совместно с Национальным исследовательским Томским государственным университетом показал, что к 1 июня 2020 года 52 % студентов столкнулись с техническими трудностями при онлайн-обучении, а именно отсутствие техники для работы (компьютеры, камеры, планшеты), т. е. система образования оказалась не готова к переходу на дистанционный формат обучения.

В связи с этим необходимо обратить внимание на отсутствие в законодательстве положений, которые регламентируют необходимость обеспечения каждого студента, ученика и преподавателя техническими средствами, возможностью доступа к сети Интернет для надлежащего осуществления образовательного процесса.

Так, недавно в сети Интернет появилось видеобращение студента Омского института водного транспорта Алексея Дудолодова, который из-за пандемии коронавирусной инфекции теперь проживает в своей родной деревне Станкевичи Называевского района и из-за отсутствия Интернет-соединения в своем доме вынужден ходить в лес, и заниматься с преподавателями по системе Zoom, находясь на высоте 8 метров от земли, на березе.

Случай, конечно, просто ужасающий. Во-первых, студент каждый раз подвергает свое здоровье опасности, поднимаясь на такую высоту, во-вторых, зимой в Сибири температура порой опускается до отметки ниже 30 градусов, а это также является неблагоприятным фактором воздействия. Однако самое печальное в этой ситуации — число таких студентов, которые не могут получить соответствующего образования из-за отсутствия техники, Интернет-соединения, но, к сожалению, ничего предпринять не могут.

Стоит отметить, что решить проблему с обеспечением Интернет-связи во всех труднодоступных местах (селах, деревнях, отдаленных поселках и других местах) будет сложно, а в некоторых местах и вовсе невозможно, но решить проблему можно другим способом: закрепить в законе необходимость предоставления таким студентам помощи в обучении посредством разработки индивидуальных образовательных программ, поскольку в данной ситуации они оказались не по своей воле.

Также стоит остановиться на еще одной важной проблеме — это отсутствие в законодательстве определенных временных рамок взаимодействия с техническими средствами обучающихся, принадлежащих к различным возрастным группам.

Переход на дистанционное обучение существенным образом снижает риск заражения COVID-19, но, как выяснилось, отрицательно сказывается на здоровье обучающихся и преподавателей. Поскольку дистанционное образование

предполагает постоянную работу с компьютером, этот процесс влияет на многие показатели здоровья человека (ухудшение зрения, нарушение функций опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы и другие расстройства здоровья). При этом в постановлении Главного государственного санитарного врача РФ от 3 июня 2003 г. № 118 «О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.2/2.4.1340–03» и приложении 7 выделены нормы организации занятий посредством компьютерной техники для студентов, детей школьного и дошкольного возраста [2].

Однако, несмотря на существующие в СанПиНе, положения все участники образовательного процесса находятся за компьютером значительно больше времени, что влечет серьезные нарушения здоровья. Объяснение тому видится в следующем: нормативы, закрепленные в СанПиНе, были рассчитаны на традиционный процесс обучения, осуществляемый в стенах учебных заведений. Данная же ситуация повлекла за собой многократное превышение установленных норм.

Не стоит забывать и о преподавателях, которые также проверяют домашние задания, проводят онлайн-лекции, семинарские занятия посредством использования информационно-коммуникационных технологий, что также приводит к ухудшению здоровья.

В связи с этим необходимо установить на законодательном уровне временные периоды осуществления дистанционного обучения, основываясь на заключениях медицинских специалистов, а также скорректировать образовательный процесс в сторону уменьшения нагрузки, учитывая специфику обучения в Интернет-пространстве, для того чтобы создать безопасные и комфортные условия осуществления образовательного процесса для всех его участников.

Таким образом при осуществлении дистанционного обучения возникает немало проблем, способных повлечь нарушения прав граждан. «В связи с чем необходимо внести определенность в законодательное регулирование, что позволит обеспечить соблюдение и защиту прав и интересов» [3, с. 256] всех участников образовательного процесса.

Список литературы

1. Термины и определения дистанционного обучения / Лаборатория дистанционного обучения Российской академии образования // СПС ГАРАНТ.
2. О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 3 июня 2003 г. № 118 // СПС ГАРАНТ.
3. Карцева Н. С., Михайлова В. И. Обращение взыскания на общее имущество супругов при банкротстве одного из супругов: проблемы правоприменительной практики // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XIV Всероссийской национальной научно-практической конференции. — 2018. — С. 255–257.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э. Н. Корень, обучающийся

Научный руководитель Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт — филиал

Научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

Статья посвящена анализу правовой регламентации процесса использования биометрических данных, появившихся в нашей стране совсем недавно. В статье исследуются проблемные аспекты правового регулирования деятельности, связанной со сбором, обработкой, распространением и использованием биометрических данных, на основе чего делаются выводы о возможных вариантах совершенствования законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: идентификация, единая биометрическая система, биометрические данные, электронные паспорта.

В последние несколько лет в России тема биометрической идентификации граждан находится в фокусе общественного и политического внимания. Указанная ситуация объясняется рядом факторов. Так, во всем мировом пространстве в настоящее время идёт масштабный процесс создания и развития Единой биометрической системы (далее — ЕБС) для упрощения самых разнообразных форм взаимодействия между субъектами. Другим важным обстоятельством, вызвавшим пристальный интерес к биометрическим данным, стала ситуация, сложившаяся в результате распространения заболевания коронавирусом инфекцией COVID-19, которая привела к необходимости разработки определенных мер обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на основе использования биометрических данных.

Многие страны мира, такие как Китай, Малайзия, Сингапур и другие, уже давно и достаточно широко реализуют соответствующие технологии сбора и использования биометрических данных. Что же касается России, то для регулирования отдельных направлений обращения к биометрическим данным был принят федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Следует отметить, что банковская система стала одним из главных пользователей указанного механизма идентификации, чему и было уделено основное внимание в законе. Так, в настоящее время в банках запущен процесс внедрения биометрических комплексов и сбора данных для размещения в Единой биометрической системе, благодаря чему биометрическая идентификация предоставляет гражданам возможность получать банковские услуги дистанционно, что избавляет от очередей и технически позволяет «посетить банк» в любое время суток. Кроме того, использование биометрических данных является частью реализации передовых технологий, где биометрия — это любые показатели, связанные с человеческими особенностями. При этом наиболее

распространенными примерами биометрической системы распознавания являются отпечатки пальцев и технология распознавания лиц. Несмотря на существование указанного закона, многие другие возможности использования биометрических данных остались вне правового поля.

Другие государства пока тоже делают робкие попытки регулирования отношений в сфере обработки биометрической информации. Примерно с 2016 г. руководство Европейского союза пытается сформулировать собственный подход к биометрической обработке данных. Европейские страны вырабатывают доктрину по вопросу биометрического контроля и уточняют собственную позицию в отношении тех ситуаций, когда биометрические данные используются частными лицами. «Очевидно, что реформирование экономики приводит в движение процесс постепенного вовлечения» [2, с. 3] во все сферы жизнедеятельности общества передовых технологий.

В России также активно идут общественные обсуждения по поводу внедрения электронных паспортов — внутренних удостоверений личности, содержащих биометрические данные. Так, с появлением Единой биометрической системы в нашей стране планируется введение электронного удостоверения личности. В Правительстве РФ уже представили прототип будущего документа. Эксперты рассказали, как может выглядеть новый ID, как будет защищена информация и какие перспективы это открывает. Однако следует сказать, что, как и всякому новому явлению, процессу внедрения биометрических данных присущи свои проблемы, обусловленные недостаточностью правового регулирования этой сферы.

Так, например, удобства дистанционной идентификации по фотографии или голосу по достоинству «оценили» не только клиенты банков, но и киберпреступники. Несмотря на стремление разработчиков сделать технологию безопасной, исследователи постоянно сообщают о появлении все новых способов обмана таких систем.

Что же касается введения электронных паспортов, основанных на использовании биометрических данных, то здесь возможно возникновение ситуации, связанной с нарушением права на неприкосновенность частной жизни, закрепленного в Конституции и в соответствующих федеральных законах (например, нарушение ст. 23 Конституции РФ, а также ч. 1 ст. 24 Конституции РФ). Так, судя по заявлению Д. Медведева, планируется интеграция электронного паспорта с Единой биометрической системой, т. е. принудительный сбор биометрических данных граждан. По имеющимся сообщениям, для выдачи паспорта нужно будет сдавать отпечатки пальцев и биометрическую фотографию [3]. В результате, эти сугубо личные данные могут оказаться доступными для третьих лиц (операторов данных, хакеров и т. п.). Представляется, что для введения электронных паспортов необходима тщательная проработка на законодательном уровне вопросов обеспечения безопасности всей процедуры получения, фиксации, хранения и использования биометрических данных граждан.

Следующий важный аспект использования биометрических данных также связан с проблемой обеспечения безопасности человека. Необходимо отметить,

что биометрические показатели, в отличие от аппаратных токенов авторизации или паролей, невозможно сменить. При таком раскладе в случае кражи данных, в которых содержится сведения о биометрических показателях, человек теряет возможность ими пользоваться. Более того, до того, как кража будет зафиксирована, злоумышленник получит практически неограниченный простор для использования биометрических данных человека. Причем в отдельных системах такие данные получить достаточно легко. В качестве примера можно назвать технологию снятия отпечатков пальцев на современных смартфонах. В частности, смартфон *HTC One Max T* хранит отпечатки пальцев в общедоступной папке в виде обыкновенных графических файлов *bmp*. Между тем, если биометрический пароль украден, то заменить отпечаток пальца другим отпечатком будет невозможно, что значительно затруднит для человека биометрическую идентификацию. Он будет вынужден использовать другие биометрические параметры или вовсе окажется неспособным совершать определенные действия.

Составной частью указанной проблемы, связанной с реализацией биометрических технологий, является отсутствие в законодательстве механизмов защиты таких данных. Дело в том, что в настоящее время наблюдается рост количества случаев взлома базы данных с паролями. Если ранее злоумышленники ограничивались кражей или вычислением самого пароля, то в ситуации с биометрическими параметрами значительно увеличивается количество причин для кражи целой базы данных с паролями. Такие базы впоследствии могут быть использованы в самых разных целях, начиная от элементарных правонарушений и заканчивая международным шпионажем.

В качестве примера можно привести случай, который описывает канал *Telegraph*, когда индийское предприятие, название которого не раскрывается, использовало систему считывания отпечатков пальцев в качестве контроля пропуска на производство. В результате взлома системы базы данных в нее было добавлено несколько чужих отпечатков пальцев. Таким образом, злоумышленники получили возможность прохода на территорию производства. В этом случае вред, нанесенный кражей указанных данных, во много раз превосходит вред, который был бы нанесен простой кражей пароля или токена.

Таким образом, у биометрической аутентификации имеются большие перспективы использования, однако опасности, которые приходят в нашу жизнь вместе с ними, выглядят весьма реалистично. Разработчикам систем и законодательным органам стоит изучить результаты новейших исследований уязвимостей биометрических систем и оперативно доработать как решения по идентификации, так и нормативные акты, регулирующие их работу. «В связи с чем необходимо внести определенность в законодательное регулирование, что позволит обеспечить соблюдение и защиту прав и интересов» [4, с. 256] граждан при использовании биометрических данных.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 31.12.2017 № 482-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Карцева Н. С. Договор аренды недвижимости в современном российском гражданском законодательстве // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. // Москва: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. — 2004. — 26 с.
3. Юридическое заключение о недопустимости перехода на электронные паспорта для России 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://shabdua.livejournal.com/6553217.html> (дата обращения: 16.10.2020).
4. Карцева Н. С., Михайлова В. И., Обращение взыскания на общее имущество супругов при банкротстве одного из супругов: проблемы правоприменительной практики // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XIV Всероссийской национальной научно-практической конференции. — 2018. — С. 255–257.

УДК 341.1/8

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА РЕНТЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Д. С. Костюкевич, обучающийся

*Научный руководитель Е. Я. Рутман, ст. преподаватель
Барановичский государственный университет (БарГУ),
г. Барановичи, Республика Беларусь*

В статье выявлены и проанализированы правовая природа и отличительные признаки договора ренты. Рассматривается и исследуется порядок установления сумм выплаты ренты, уплачиваемых в национальных договорных отношениях и договорных отношениях с иностранным элементом.

Ключевые слова: рента, обязательство, договор, выплата, правовая природа, иностранный элемент, национальное законодательство.

Институт ренты известен не только по национальному законодательству Республики Беларусь, но и по законодательству иностранных государств. В данном случае, на наш взгляд, уместно проанализировать особенности этого института, которые присущи гражданскому законодательству стран романо-германской и англо-саксонской правовой семьи.

Впервые в истории развития обязательств-гражданского права Республики Беларусь официальное определение договора ренты было дано в п. 1 ст. 554 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее — ГК) [1]. Так, согласно определению, закрепленному в гражданском законодательстве, по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик

ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме [1].

Большинство ученых, занимающихся вопросами, связанными с рентными отношениями, в качестве предмета договора ренты рассматривают любое движимое и недвижимое имущество. А. П. Сергеев выделял не только имущество, но и саму ренту [2, с. 155]. По словам автора В. Н. Липницкой предмет договора ренты составляют действия сторон по передаче имущества [5, с. 228]. С. М. Корнеев в предмет договора ренты включает также имущественные права, информацию, результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права [4, с. 356].

Предмет договора ренты содержит п. 1 ст. 554 ГК в общих чертах: получатель ренты передает в собственность плательщику ренты имущество. При этом оно может быть как движимым, так и недвижимым. На наш взгляд, конкретизируется только предмет договора ренты пожизненного содержания с иждивением. Так, в соответствии с п. 1 ст. 572 ГК, недвижимое имущество, кроме земельного участка, который передается под выплату ренты в соответствии с законодательством об охране и использовании земель, является предметом договора ренты пожизненного содержания с иждивением [1].

Концептуальное указание на субъектный состав договоров ренты дано в ст. 554 п. 1 ГК [1], согласно которой сторонами являются получатель ренты и плательщик ренты.

В соответствии с п. 2 ст. 554 ГК по договору ренты допускается установление обязанности выплачивать ренту бессрочно (постоянная рента) или на срок жизни получателя ренты (пожизненная рента). Пожизненная рента может быть установлена на условиях пожизненного содержания гражданина с иждивением [1].

ГК, а в частности ст. 555 ГК, установлено, что договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации [1].

Обратим внимание на то, что важное значение, особенно с практической точки зрения, имеет то, относится ли договор ренты к консенсуальным или реальным договорам. В современной правовой доктрине нет единства взглядов и относительно юридической характеристики договора ренты. Однако В. С. Ем считает, что «договор может быть как реальным, так и консенсуальным в зависимости от характера передачи по договору ренты имущества» [3, с. 357].

В то же время С. М. Корнеев [4, с. 356], В. В. Подгруша [7, с. 121] и другие считают, что договор ренты является реальным договором, поскольку для возникновения взаимных прав и обязанностей по нему, помимо соблюдения соответствующей формы, необходима и реальная передача предмета договора получателем ренты ее плательщику. По поводу этой проблемы, В. В. Подгруша, в частности, пишет: «Таким образом, в отличие от других видов ренты обеспечение пожизненного содержания с иждивением может осуществляться только с передачей в собственность плательщика ренты какой-либо недвижимости» [7, с. 121].

Предлагается необходимым согласиться с мнениями авторов о его реальности, т. к. п. 1 ст. 554 и п. 1 ст. 572 ГК гласит, что получатель ренты передает в собственность имущество [1]. Таким образом, можно предположить, что ГК указывает на реальный характер договора ренты, так как, если договор заключен в надлежащей форме, но имущество не передано, то нет основания выплачивать рентные платежи [1].

Что касается отчуждения имущества под выплату ренты, то в п. 1 ст. 556 ГК предусмотрено, что имущество, отчуждаемое под выплату ренты, может быть передано получателем ренты в собственность плательщика ренты за плату или бесплатно [1].

Однако эти аспекты свидетельствуют о наличии ряда проблем, которые не позволяют гражданам в полной мере использовать договор пожизненной ренты и обеспечить надежную защиту своих прав, и, следовательно, граждане с каждым днем все реже обращаются к заключению таких сделок. Эти обстоятельства включают, например, тот факт, что договор ренты не содержит конкретизации суммы уплачиваемой ренты. Только в п. 2 ст. 556 ГК указывается, что в случаях, когда договором ренты предусматривается передача имущества за плату, к отношениям сторон по передаче и оплате применяются правила о купле-продаже (гл. 30 ГК), а в случаях, когда такое имущество передается бесплатно, — правила о договоре дарения (гл. 32 ГК), поскольку иное не установлено правилами гл. 33 ГК и не противоречит существу договора ренты [2].

Следует отметить, что одной из отличительных особенностей общественных отношений, вытекающих из договора пожизненной ренты, в законодательстве Республики Беларусь и некоторых зарубежных стран является размер платежей, которые представляют собой сумму выплаты ренты. В отличие от мировой практики, национальная практика показывает, что эта сумма не поддается сравнению с ценами на недвижимость.

Итак, в международной практике определения суммы ренты можно отметить следующие коллизии. В Европе и Северной Америке страховые компании, заключающие соглашения о пожизненном содержании, определяют размер выплат индивидуально, в зависимости от стоимости недвижимости, продолжительности жизни в стране и возраста пожилого человека на момент заключения договора [6]. Например, во Франции, где цены на жилье в последнее время значительно выросли, ежемесячная рента может варьироваться от 400 до 3000 евро (от 470 до 3 500 долл.) [6].

Положения, определяющие размер выплат, указаны законодательством страны и международным правом: например, в марте 2011 года Европейский суд запретил учитывать пол пенсионера при определении размера выплат. До этого женщины получали меньшую ренту, потому что в большинстве стран они живут дольше. В США это разделение сохраняется [6].

Общее правило является таковым, что в случае, если получатель ренты проживет ровно столько, сколько его среднестатистический соотечественник, то в данном случае общая сумма платежей будет равна стоимости переданного

жилья. Если же дольше, то страховая компания все равно продолжает платить ренту [6].

Таким образом, изучив нормы ряда иностранных государств, регулирующих институт ренты, и в частности институт пожизненного содержания с иждивением, представляется необходимым сделать вывод, что данное соглашение является привычным для гражданского права стран, принадлежащим разным правовым системам, и для обеспечения надежной правовой защиты прав получателей ренты мы предлагаем установить такие обязанности для сторон договора пожизненной ренты, как обязанность установить в договоре конкретную сумму выплачиваемой пожизненной ренты, чтобы после заключения договора плательщик точно знал, какую сумму ему нужно выплатить, поскольку в настоящее время при заключении договора стороны могут указать только способ определения ренты.

Вышеуказанные аспекты и обстоятельства позволяют сделать вывод, что нормы главы 33 ГК не учитывают международный опыт, современные методы и процедуры улучшения гражданами своих жилищных условий, т. е. не соответствуют сложившимся в стране социально-экономическим отношениям и поэтому нуждаются в коренном обновлении, а также в необходимости устранения существующих пробелов в законодательстве.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 28.10.1998 № 218-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 30.06.2019. — 2/2623.
2. Гражданское право: учеб. — В 3 т. / отв. ред. Ю. К. Толстой [и др.]. — 4-е изд. перераб. и доп. — Москва: Велби: Проспект, 2005. — Т. 2. — 843 с.
3. Ем В. С. Рента и пожизненное содержание с иждивением // Гражданское право: учеб. — В 2 т. / под ред. проф. Е. А. Суханова. — 2-е изд. перераб. и доп. — Москва: Волтер Клувер, 2004. — Т. 2. — Полутом 1. — С. 349–359.
4. Корнеева И. Л. Гражданское право Российской Федерации: учеб. пособие / И. Л. Корнеева. — Москва: ИНФРА-М, — 2005. — 486 с.
5. Липницкая В. Н. Общие положения о ренте / В. Н. Липницкая // Гражданское право России. Обязательственное право: курс лекций / отв. ред. О. Н. Садиков. — Москва: Юрист, — 2004. — С. 228.
6. Особенности ренты (пожизненного содержания) за рубежом // ООО «Траннио». — URL: https://tranio.ru/articles/life_annuity/ (дата доступа: 08.10.2020).
7. Подгруша В. В. Рента и пожизненное содержание с иждивением / В. В. Подгруша // Комментарий к Гражданскому кодексу Респ. Беларусь: в 2 кн. / отв. ред. В. Ф. Чигир [и др.]. — Минск: Амалфея, 1999. — Кн. 2. — С. 121.

АНАЛИЗ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. Э. Красковская, обучающийся

*Научный руководитель В. В. Медведева, ст. преподаватель
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь*

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу апелляционного производства в хозяйственном процессе Республики Беларусь и апелляционного производства арбитражных судов Российской Федерации.

Ключевые слова: апелляционное производство, апелляционная жалоба, экономический суд.

Развитие экономических отношений ведет не только к росту экономических показателей, но и к возникновению ряда вопросов относительно того, как решать те или иные споры между субъектами хозяйствования Республики Беларусь.

Хозяйственное процессуальное право регулирует все правоотношения, вытекающие из разрешения споров субъектов хозяйствования, возникающих из гражданских, административных и иных правоотношений, экономическими судами, а также арбитражными (третейскими) судами Республики Беларусь.

Экономические суды Республики Беларусь преследуют цели обеспечения законного разрешения споров компетентным, справедливым и беспристрастным судом в возможно короткие сроки [1].

Защита законных прав и интересов субъектов хозяйствования не ограничивается производством в суде первой инстанции [2, с. 21]. Одной из гарантий обеспечения доступа к правосудию является введение апелляционного порядка пересмотра судебных постановлений судов, рассматривающих экономические дела, который предполагает рассмотрение дела коллегиальным составом судей [3, с. 310].

В связи с довольно тесным сотрудничеством Республики Беларусь и Российской Федерации по многим направлениям считаем целесообразным провести сравнительный анализ положений Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК Респ. Беларусь) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) в части апелляционного производства при разрешении экономических споров между субъектами хозяйствования.

Производство в апелляционной инстанции представляет собой самостоятельную стадию хозяйственного процесса в Республике Беларусь, в которой судами, рассматривающими экономические дела в апелляционной инстанции, проверяется законность и обоснованность постановлений экономического суда первой инстанции.

Право апелляционного обжалования как в Республике Беларусь (ст. 267 ХПК Респ. Беларусь), так и в Российской Федерации (ст. 257 АПК РФ) признается

за лицами, участвующими в деле, а также за лицами, не участвующими в деле, интересы которых затронуло постановление суда первой инстанции.

Основными отличиями апелляционного производства в экономических судах Республики Беларусь и в арбитражных судах Российской Федерации являются сроки обжалования, форма апелляционной жалобы и отзыва на апелляционную жалобу, срок рассмотрения апелляционной жалобы тем или иным судом, а также иные положения в части оснований для отмены или изменения постановлений суда первой инстанции.

Согласно ч.1 ст. 259 АПК РФ, общий срок для подачи апелляционной жалобы составляет 1 месяц. Частью 1 ст. 269 ХПК Респ. Беларусь установлен 15-дневный срок для подачи апелляционной жалобы. В обоих случаях срок для обжалования начинается с момента принятия судом первой инстанции обжалуемого постановления.

В обоих случаях срок, установленный законодателем, отвечает принципам процессуального законодательства, а также обеспечивает возможность сторон защитить свои законные права и интересы, которые, по их мнению, были нарушены судом первой инстанции.

По мнению автора, одним из самых значительных отличий ХПК Респ. Беларусь и АПК РФ в части апелляционного производства является форма подачи апелляционной жалобы. В целях сравнительного анализа положений, регулирующих форму подачи апелляционной жалобы, а также выделения возможных направлений развития апелляционного производства в хозяйственном процессе Республики Беларусь, рассмотрим установленный порядок оформления апелляционной жалобы в этих странах.

Апелляционная жалоба подается в суд, уполномоченный рассматривать экономические дела в апелляционной инстанции, в письменной форме с приложением перечня документов, закрепленных ст. 270 ХПК Респ. Беларусь. Несоблюдение требований, предусмотренных данной статьей, является основанием для возврата апелляционной жалобы заявителю [1]. Статья 260 АПК РФ, кроме письменной формы, предусматривает дополнительную возможность подачи апелляционной жалобы посредством использования формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет «Мой Арбитр». Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в т. ч. в форме электронного документа, регулируется приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 252 [5].

Документы подаются через личный кабинет, созданный в информационной системе «Мой Арбитр» [4]. Личный кабинет могут создать как физические лица, вступающие в процесс от своего имени, так и представители тех или иных организаций, представляющие их интересы. Через личный кабинет представителя могут быть поданы документы в отношении одного и более представляемых им физических и/или юридических лиц. Полномочия представителя подтверждаются доверенностью, которая направляется в форме электронного документа при инициировании того или иного производства юридическим лицом.

Документ — в рассматриваемом случае апелляционная жалоба — подается в электронной форме, т. е. изначально создается без документирования на бумажном носителе, в формате PDF с максимально ограниченным размером файла — 30 Мб. Каждый отдельный документ, прикрепленный к апелляционной жалобе, подается отдельно в качестве самостоятельного файла, отвечающего тем же требованиям, которые предъявляются к апелляционной жалобе. Одним из ключевых требований является название того или иного документа — оно должно позволять идентифицировать документ относительно его содержания и количества страниц.

Подача апелляционной жалобы с использованием информационной системы «Мой Арбитр» позволяет избежать многих ошибок, допускаемых при подаче документов в бумажном виде, которые могут стать основанием для возврата жалобы. Алгоритм действий, предусмотренный данной системой, позволяет в точности определить правильное наименование документа, суд, в который жалобу нужно направить, соотнести приложения, заявленные в апелляционной жалобе, с фактически прикрепленными и т. д. Такой порядок подачи апелляционной жалобы значительно разгружает суды, а также не затягивает процесс.

Использование информационной системы «Мой Арбитр» позволяет существенно упростить производство по экономическим делам, а также ускорить судебные процессы, что несомненно является важным критерием в процессе осуществления экономической деятельности.

К важным плюсам такой системы относятся:

1. Уведомление о ходе дела через указанный адрес электронной почты пользователя.
2. Календарь событий по каждому делу, участником которого является пользователь.
3. Отслеживание и ознакомление с документами, направляемыми второй стороной, являющейся участником дела.
4. Досыл оригиналов решений суда почтовыми отправлениями.
5. Дополнительная возможность для соблюдения срока обжалования постановления суда первой инстанции.
6. Оперативность процесса.
7. Анализ судебной практики по тем или иным категориям дел и т. д.

Считаем, что существует необходимость в разработке и введении информационной системы по примеру «Мой Арбитр» и в Республике Беларусь.

Основываясь на примере Российской Федерации, предлагаем дополнить объем полномочий отдела организационной и аналитической работы главного управления организационного и методического обеспечения судебной деятельности Верховного суда Республики Беларусь и поручить разработку порядка подачи документов в экономические суды Республики Беларусь в электронной форме. В оформлении сайтов экономических судов Республики Беларусь по аналогии сайтов арбитражных судов Российской Федерации внести изменения — добавить раздел «Подать жалобу», «Подать документ», «Начать производство» или иной, который будет перенаправлять пользователя на отдельный сайт с информационной системой-аналогом «Мой Арбитр».

Самым актуальным новведением при реализации вышеуказанного проекта в Республике Беларусь, по мнению автора, станет алгоритм, позволяющий определить суд апелляционной инстанции, в который стоит направлять жалобу, с указанием на суд (адрес, ссылка на сайт суда, контактные данные), через который апелляционная жалоба поступает в суд апелляционной инстанции, соотношение сроков на обжалование постановления суда первой инстанции на момент подачи апелляционной жалобы с установленным в законодательстве, предложение тех или иных форм документов, направляемых в суд, а также соотношение в апелляционной жалобе заявленных приложений с фактически прикрепленными пользователем. Таким образом, пользователь информационной системы, аналогичной информационной системе «Мой Арбитр», даже не являясь лицом, имеющим юридическую специальность или достаточный объем знаний в данной сфере, сможет реализовать свое право на защиту интересов без совершения ошибок, свойственных при подаче апелляционной жалобы в бумажном виде.

Система особенно актуальна для организаций, участвующих в большом количестве процессов, поскольку она позволяет оперативно отслеживать изменения по всем интересующим делам, обеспечивать соблюдение процессуальных сроков и снизить нагрузку на сотрудников, занимающихся подготовкой и подачей документов в суд.

Таким образом, считаем, что система производства по апелляционным делам экономическими судами Республики Беларусь не в полной мере отвечает современным запросам и вызовам общества. Во время разработки и реализации множества информационных проектов как со стороны частных организаций, так и государства, считаем, что возможность электронного ведения апелляционного или иного другого судебного производства в экономической сфере является одним из самых важных и требующих внимания вопросов. Основываясь на примере Российской Федерации, с учетом практических моментов реализации такого проекта Республика Беларусь сможет выйти на новый уровень в сфере судебного производства, что, в свою очередь, привлечет еще больше инвесторов в сферу экономики, т. к. появится возможность разрешения судебных споров оперативно и с гораздо меньшими затратами для организаций.

Список литературы

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15.12.1998 № 219-З (ред. от 17.07.2020) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Морозова А. С. Права лиц, участвующих в деле при доказывании в арбитражном апелляционном суде // Пролог: журнал о праве. — 2017. — № 2.
3. Бодакова О. В. Хозяйственный процесс: пособие / О. В. Бодакова. — 3-е изд., стер. — Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019. — 431 с.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении порядка Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в т. ч. в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) // «КонсультантПлюс».

УДК 347.67

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ

Ю. О. Кручинова, магистр

Научный руководитель Ю. Ю. Пономарева, канд. ист. наук, доцент
Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Орел, Россия

Данная статья посвящена изучению основных проблем института наследования по завещанию. Автором выделены наиболее актуальные и часто встречаемые спорные вопросы, с которыми сталкиваются субъекты наследованного права на практике.

Ключевые слова: наследование, завещание, проблемы, наследодатель, наследство.

Институт наследования по завещанию в последнее время претерпевает различные изменения, которые связаны с развитием всего наследованного права. С 2002 года в ч. 3 Гражданского кодекса РФ появился новый пятый раздел — «Наследование по завещанию», в который входит одноименная глава 62, в связи с этим первое место занимает институт завещания, вытесняя наследование по закону.

Раскрывая понятие «наследование по завещанию», можно сказать, что одной из основных его характеристик является свобода выбора: как наследников, так и имущества.

В российском законодательстве нормы, существующие в настоящее время, довольно подробно и основательно раскрывают данный институт, но на практике существует множество спорных моментов.

Первая и, наверное, самая основная проблема наследования по завещанию заключается в толковании самого завещания. В жизни часто происходит ситуация, когда воля наследодателя выражена недостаточно определенно и ясно. Это происходит в случаях, если было составлено закрытое завещание, когда нотариус не смог проследить, как точно составлен текст документа, есть ли в нем неточности или присутствуют двусмысленности. Также такой спорный момент может возникнуть, когда завещание было составлено в условиях чрезвычайной ситуации.

Законодатель закрепил возможность толкования такого рода завещания. Толкование в юридической литературе расширяется как уяснение истинной

воли наследодателя или пояснение его намерений по поводу имущества, принадлежащего завещателю.

Полномочиями по истолкованию данного документа обладает суд, в который могут обратиться наследники, нотариус или исполнитель завещания. В силу того, что суд обладает достаточно обширной компетенцией и возможностями, он может привлечь различных специалистов, экспертов, допросить третьих лиц в виде свидетелей для точного толкования завещания.

Буквальный смысл предполагает правильное значение воли завещателя, не допускается ни расширительное толкование, когда истинный смысл завещания шире, чем его словесная формулировка, ни ограничительное толкование, когда подлинное содержание уже его словесной формы.

Иногда наследодатели в своих завещаниях могут использовать выражения художественной литературы или выразительные средства, поэтому случаются проблемы в правильности понимания значений таких слов.

Когда возникает проблема по одному из пунктов завещания, тогда для определения смысла используется метод сопоставления с другими частями и содержанием всего документа. Следует учитывать и волю наследодателя, выявленную в процессе толкования завещания.

Действительная воля завещателя определяется на момент составления завещания, а не на момент его толкования. Такое толкование называется систематическим. Приведенное положение закона не запрещает использование других видов толкования (грамматического и др.).

При толковании завещания необходимо учесть не просто прямой смысл имеющихся в нем слов и выражений, но и анализировать сущность содержащихся в нем распоряжений. Например, завещателем составлено завещание. Он завещает принадлежащую ему квартиру дочери и сыну в равных долях каждому. Но при оформлении наследственных прав после его смерти оказалось, что квартира принадлежит завещателю и его супруге на праве общей долевой собственности.

Законом не предусмотрено вынесения какого-либо специального процессуального документа о толковании завещания. Но на практике судебный орган выдает судебное решение, которое наследодатель или другие лица могут оспорить. Нотариус в завершение действий по толкованию выдает или свидетельствует о праве на наследство, или же наоборот: отказывает в совершении такого нотариального действия [4].

Поэтому проблемные моменты, относящиеся к толкованию содержания завещания (особенно, как было сказано выше, к закрытым завещаниям или завещаниям, написанным в чрезвычайных ситуациях), законодатель закрепил в ст. 1132 ГК РФ:

1) при толковании завещания нотариусом, исполнителем завещания или судом принимается во внимание буквальный смысл содержащихся в нем слов и выражений;

2) в случае неясности буквального смысла какого-либо положения завещания он устанавливается путем сопоставления этого положения с другими положениями и смыслом завещания в целом. При этом должно быть обеспечено наиболее полное осуществление предполагаемой воли завещателя.

Проблема, связанная с расходами на исполнение завещания, является еще одним распространенно спорным моментом.

В общем представлении в расходы, которые связаны с исполнением завещания, входят затраты на осуществление необходимых мер по осуществлению действий, связанных с данной процедурой, например, можно выделить вознаграждение душеприказчика, если такое вознаграждение предусмотрено в самом документе.

Согласно ст. 1174 ГК РФ, возмещению подлежат только «необходимые» расходы, связанные с исполнением завещания.

Спорным вопросом является то, что законодательно нигде не определены пределы размеров выплат. Эта сумма не касается расходов, обусловленных затратами на осуществление необходимых мер по исполнению завещания (они компенсируются в объеме понесенных затрат). А вот с вознаграждением душеприказчика возможны сложные ситуации. Например, они влияют на размер компенсации такому лицу, если он не определен в завещании. Практика показывает, что в основном в этой ситуации сумма ограничивается взимаемой рыночной ценой на аналогичные услуги [2].

Одной из проблем в российском праве о наследовании по завещанию является порядок оформления завещания при его совершении с третьими лицами, т. е. свидетелями. Сравнительно недавно данная норма нашла отражение в законодательстве. Так, в п. 2 ст. 1124 ГК РФ определен перечень лиц, которые не могут быть свидетелями в данном процессе. Нормативное закрепление списка было сделано для исключения возможности участия заинтересованных свидетелей [3].

Но зачастую на практике такими третьими лицами становятся секретари или помощники нотариуса, у которого составляется завещание. И они почему-то могут считаться свидетелями, хотя могут быть потенциально заинтересованными лицами.

Существует еще одна важная проблема — долги наследодателя после его смерти. Кто получает имущество покойного, тот и отвечает по его долгам. Если существует несколько наследников, то долги делятся в равных долях.

В соответствии со ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя, к ним переходят все права и обязанности наследодателя, кроме тех, переход которых в порядке наследования не допускается Гражданским кодексом РФ и другими законами либо противоречит самой природе этих прав и обязанностей [1, 5].

В заключение хотелось бы добавить, что на данном этапе остается еще достаточно много проблемных моментов, которые существуют в наследовании по завещанию. Поэтому необходимо изучать и совершенствовать действующее законодательство для недопущения коллизий в этой сфере гражданских правоотношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // СЗ РФ. — 2001. — № 49 — Ст. 4552, 2019. — № 12. — Ст. 1224.
2. Беспалов, Ю. Ф. Дела о наследовании: некоторые спорные вопросы правоприменения / Ю. Ф. Беспалов, А. Ю. Беспалова. — Москва: Проспект, 2016. — 237 с.
3. Бутырина В. М. Некоторые спорные вопросы установления нотариусом дееспособности гражданина при удостоверении завещания // Бюллетень нотариальной практики. — 2015. — № 1. — С. 39–43.
4. Корнеева И. Л. Наследственное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — Москва: Юрайт, 2019. — 287 с.
5. Романовская О. В. Российский нотариат и современные проблемы наследственного права // Российская юстиция. — 2015. — № 3. — С.15–21.

УДК 347.9

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ю. В. Кузьмичева, обучающийся

Научный руководитель Т. С. Черевиченко, канд. юрид. наук, доцент

Самарский государственный экономический университет (СГЭУ),

г. Самара, Россия

Статья посвящена проблеме определения модели российского гражданского судопроизводства. Проанализировано историческое развитие российского судопроизводства, его состязательные и следственные начала; исследовано процессуальное положение суда, его полномочия в процессе доказывания и пр. Автор делает аргументированный вывод о существовании в России смешанной модели гражданского судопроизводства с проявлением состязательных начал.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, принцип состязательности, следственный процесс, процессуальное положение суда.

Мировой практике исторически известны две основные модели судопроизводства: следственная и состязательная.

При этом состязательный тип гражданского судопроизводства был известен еще со времен римского права. Становление данного института в древнеримском праве связано с установлением правил распределения бремени доказывания. Так, Дигесты Юстиниана устанавливали правило: «Необходимость доказывания всегда возлагается на того, кто предъявляет требование» [1, с. 362].

Такая концепция понимания обязанностей по доказыванию древнеримским правом обусловлена тем, что в рамках гражданского процесса защищались цивильные права граждан, определяющие область частных прав. В данном случае речь идет о частном интересе конкретного лица. Исходя из данных положений,

в силу свободы осуществления гражданских прав субъект сам должен был доказывать правомерность своих требований в гражданском процессе. При этом роль суда ограничивалась позицией независимого арбитра, который на основании предоставленных сторонами доводов и доказательств должен был правомерно разрешить данный спор. Соответственно, целью судопроизводства являлось не установление фактической истины по делу, а защита интересов того лица, которое сумело убедить суд в правомерности своих требований.

Исходя из этих положений, в последующем развились такие принципы гражданского судопроизводства, как гласность, диспозитивность, равноправие сторон, направленные на укрепление состязательных начал гражданского процесса.

Напротив, задачей следственного судопроизводства всегда считалась защита публичного интереса. Данная модель исторически является наиболее характерной для уголовного процесса, при которой действуют иные принципы и начала. Стороны такого процесса обладают разным объемом прав, сложно также говорить и об автономном положении судьи. Поскольку задача суда заключается и в нахождении объективной истины по делу.

Ключевым критерием разделения данных моделей является разрешение вопроса о сосредоточении функций по доказыванию и разрешению дела по существу у одного субъекта. В классическом состязательном процессе суд не несет обязанность по доказыванию. Если же на суд наложены обязанности по доказыванию, а суд как орган публичной власти заинтересован также в защите публичного интереса, то речь идет о следственной модели судебного процесса. В таком случае принципы равноправия сторон, диспозитивности, состязательности не находят свое выражение.

Исторически были сложены именно следственные начала российского гражданского судопроизводства. В этом смысле огромную роль сыграла судебная реформа 1864 года, заложившая основы состязательности, гласности, равноправия сторон российского судопроизводства [2, с. 50].

С приходом советской власти результаты данных достижений были утрачены. Советское гражданское судопроизводство ставило своей задачей установление материальной истины по делу. В соответствии с этим ст. 5 ГПК РСФСР предписывала суду обязанность по стремлению «к выяснению действительных прав и взаимоотношений» сторон [3]. Также ст. 118 данного акта устанавливала для суда возможность собирания доказательств и наделяла суд правом по производству проверочных действий в отношении представленных доказательств.

На практике данный подход выражался в умалении принципов состязательности и формировании следственного типа гражданского судопроизводства.

Иной подход законодателя к вопросам состязательности стал формироваться лишь к концу прошлого столетия в результате принятия федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» от 30.11.1995 № 189-ФЗ [4]. На уровне данного акта закрепились принципы состязательности и равноправия сторон, устанавливались состязательные доказательственные правила. Данные изменения являлись результатом общей демократизации российского общества и положительно оценивались учеными [5, с. 69].

Таким образом, современный гражданский процесс рассматривается в виде состязательной модели судопроизводства.

Однако в настоящее время в российской научной литературе неоднозначно определяется роль суда в процессе доказывания. Процессуальное законодательство Российской Федерации наделяет суд широкими полномочиями по собиранию и истребованию доказательств. Так, согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, определяет обязанную сторону для доказывания данных обстоятельств, а также выносит на обсуждение обстоятельства, даже если стороны на них не ссылались. Таким образом, именно судом определяется предмет доказывания и распределяется между сторонами бремя доказывания. Также в соответствии со ст. 57 ГПК РФ суд обладает широкими полномочиями по истребованию доказательств и правом предложения сторонам представить дополнительные доказательства [6]. В связи с этим учеными до сих пор однозначно не решен вопрос о том, несет ли суд обязанность по доказыванию или нет.

На наш взгляд, в настоящее время объективно невозможно представить в российском гражданском судопроизводстве чисто состязательную модель.

Идеальная состязательность может быть тогда и только тогда, когда в обязанность суда входит рассмотрение конкретного гражданского спора на основе автономных начал. Суд должен быть беспристрастным к доказательственной деятельности сторон и должен независимо оценивать ее результаты.

И если в исторических условиях, когда судебная система не имела такой степени формализации, данная модель могла существовать, то сейчас рассмотрение гражданского дела на чисто состязательных началах объективно невыполнимо.

В современном мире перед судом стоит задача обеспечения стабильности гражданского оборота, единства и стабильности формирования судебной практики. Большую роль играют и полномочия суда по осуществлению судебного контроля. Также усложняются и различные виды судебных процессов, обремененные особенностями субъектного состава сторон, доказательственными правилами, особенностями рассмотрения отдельных категорий дел. Играет роль также и безусловная формализация процесса.

Представляется, что в данном контексте суд преследует цель не только защиты нарушенных и оспариваемых прав граждан и организаций, предписанной ему ст. 2 ГПК РФ, но также как орган государственной власти обеспечивает стабильность общественных отношений в целом. На наш взгляд, на такую роль суда повлияли идеи позитивистской концепции правопонимания, определяющие право, исходящее от государства [7, с. 8].

В настоящее время участники процесса часто злоупотребляют материальным и процессуальным правом, поэтому определяющая роль суда — выявлять и пресекать такие злоупотребления для обеспечения реализации прав иных лиц.

В заключение стоит отметить, что полномочия суда в современном российском гражданском судопроизводстве могут быть оценены по-разному. Их можно рассматривать в виде гарантий реализации дополнительных гарантий для граждан с низким уровнем правовой культуры и как необходимое допущение для осуществления правосудия по гражданским делам и вынесения

правомерных актов, соответствующих фактическим обстоятельствам дела. Однако данную модель необходимо рассматривать не как состязательность судопроизводства в чистом виде, а как смешанный тип с безусловным проявлением состязательных начал. Данная концепция представляется наиболее оптимальной, поскольку российская действительность нуждается именно в такой модели судопроизводства, которая отвечает потребностям современного общества.

Список литературы

1. Дигесты Юстиниана: избранные фрагменты / пер. И. С. Перетерского. — Москва, 1984. — С. 362.
2. Решетникова И. В. От следственного к состязательному гражданскому судопроизводству // Правовая держава. 1998. № 1. С. 50–59.
3. О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 10.07.1923 // СУ РСФСР. — 1923. — № 46–47. — Ст. 478.
4. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: ФЗ от 30.11.1995 № 189-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 04.12.1995. -№ 49. — Ст. 4696.
5. Грось Л. А. Новое в гражданском процессуальном законодательстве // Хозяйство и право. — 1996. — № 7. — С. 67–72.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532.
7. Баранов П. П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Российский журнал правовых исследований. — 2015. — Т. 2. — № 4 (5). — С. 7–14.

УДК 347

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Т. В. Кулябина, обучающийся

Научный руководитель Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт — филиал

Научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

В данной статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования осуществления торговли в сети Интернет, приводятся рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: интернет-торговля, покупатель, продавец, интернет-продажи, интернет-пространство, покупка товаров.

В настоящее время интернет-торговля — это одна из наиболее динамично развивающихся отраслей в мире. Согласно исследованиям сайта «СМS-рейтинг», уже по итогам 2019 года Россия заняла 5-е место в списке самых быстрорастущих рынков. Интернет-продажа является удобнейшим форматом взаимодействия как для покупателей, так и для продавцов. Действительно, стираются географические барьеры, появляется возможность приобретать товары не только в других городах, но и в зарубежных странах, открываются безграничные перспективы торговли, охватывающие одновременно огромное количество клиентов. Интернет-торговля существенно экономит время, отлично вписываясь в бешеный темп XXI века. Причем, по данным аналитической компании *Euromonitor*, на продажу в интернете приходится более 50 % от общего оборота внемагазинной розничной торговли. На апрель 2020 года с началом режима самоизоляции в связи с ростом заболеваемости коронавирусной инфекции продажи в сети интернет выросли более чем на 30 %. Однако несмотря на всевозрастающую распространённость указанного вида купли-продажи, многие вопросы взаимодействия её участников остались вне правового поля, а «проводимые в последнее время научно-теоретические исследования и рекомендации по правоприменительной практике не до конца способствовали устранению существующих проблем» [1, с. 5], порождая большое количество нарушений в этой сфере, требующих соответствующего осмысления и оценки со стороны законодателя.

И здесь необходимо обратить внимание на отсутствие в законодательстве регламентации необходимого понятийного аппарата в сфере продажи товаров через сеть интернет. Следует сказать, что терминологические проблемы в настоящее время создают трудности для структур, которые и развивают интернет-торговлю. Так, некоторые организации опираются на устаревшие ГОСТы. При этом в ГОСТе Р 51303–99 «Торговля. Термины и определения» (от 01.06.2006) существуют понятия развозной, разносной и посылочной торговли. Понятие же интернет-торговли в упомянутом ГОСТе вообще отсутствует. Причем те интернет-магазины, которые осуществляют доставку товаров по почте, а также телемагазины, по данному стандарту, отнесены к посылочной торговле, под которой понимается «розничная торговля, осуществляемая по заказам, выполняемым путем почтовых отправлений» [2]. Неопределенность возникает и в правовом регулировании осуществления деятельности организаций, использующих альтернативные почтовым отправлением способы доставки товара, например, при помощи распространенной в данный момент курьерской службы.

Отметим, что некоторые авторы относят интернет-торговлю к дистанционной торговле. При этом понятие дистанционного способа торговли упоминается сразу в трех нормативных актах: в ст. 497 Гражданского кодекса РФ, в ст. 26.1 ФЗ РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» и в постановлении Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом», где под продажей товаров дистанционным способом понимается «продажа товаров по договору розничной

купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или посредством средств связи, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора» [3]. Таким образом, отсутствие базовых понятий, однозначно определяющих основные аспекты осуществления интернет-торговли, отягощенное «достаточно размытым», закрепленным в различных нормативных актах регулированием большинства вопросов, возникающих в указанной сфере, позволяет сделать вывод о том, что данный вид торговли, имеющий значительную специфику, необходимо урегулировать соответствующим законом «Об электронной торговле», который бы позволил создать надлежащие механизмы реализации и защиты прав всех ее участников.

Ещё одной важной проблемой, возникающей вследствие недостаточного правового регулирования, является недобросовестность интернет-продавцов, которые имеют возможность лоббировать свои интересы при продаже товаров. Как известно, в интернет-пространстве существует огромное количество магазинов, предоставляющих самую разнообразную продукцию. При этом, согласно данным сайта «СМС-рейтинг», почти 50 % респондентов при выборе интернет-магазина доверяют личным рекомендациям знакомых, результатам поисковых систем или онлайн-отзывам других пользователей, что обусловлено невозможностью осуществить предварительный осмотр товара и присутствующей неуверенностью в надлежащем его качестве. Кроме того, исследования показали, что российских потребителей отталкивают проблемы с возвратом покупок в Сети. Так, хочется отметить, что за 9 месяцев текущего года жители Нижегородской области направили в региональное управление Роспотребнадзора 6255 жалоб и обращений, в которых указали, что их права как потребителей в интернет-сети были нарушены тем или иным образом. В этой связи представляется необходимым не только ужесточить ответственность продавца за предоставление недостоверной информации о товаре, но и разработать, а затем ввести в действие кодекс профессиональной этики, незакрепленные, но давно сформировавшиеся положения которого используются честными продавцами в интернете.

И, наконец, стоит отметить проблему отсутствия в законодательстве необходимых гарантий, обеспечивающих защиту прав покупателей при взаимодействии с продавцами на международном уровне. В частности, в настоящее время вопрос определения подсудности интернет-спора в сфере торговли относится к числу самых дискуссионных, от ответа на который зависит возможность обеспечения наиболее полноценной защиты прав потребителя. Стоит отметить, в США для решения конфликтных ситуаций судья в основном опирается на привязку «место нахождения сервера». А согласно европейскому подходу, подсудность спора выбирается любой оговоренной в сетевом договоре стороной. Если подсудность спора в договоре между сторонами не определена, то следует признать юрисдикцию суда того государства, где постоянно или преимущественно проживает потребитель товара. Подчеркнём, что разделом

6 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] урегулированы общие положения торговли с иностранными государствами, но в связи с большим числом правонарушений в этой сфере, обусловленных неверным определением подсудности интернет-спора, представляется необходимым разработать закон, учитывающий специфику осуществления торговли в сети интернет.

Таким образом, «стоит надеяться на то, что законодатель придет к выводу о несостоятельности ряда изменений, а также необходимости реформирования старых положений, поскольку законы создаются, прежде всего, для того, чтобы они исполнялись. А их исполнение напрямую зависит от качества и глубокого анализа существующих норм» [5, с. 167]. Поэтому важно совершенствовать законодательство в указанных направлениях, что позволит обеспечить защиту прав и интересов всех участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Карцева Н. С. Договор аренды недвижимости в современном российском гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Москва: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. — 2004. — 26 с.
2. ГОСТ Р 51303–99. «Торговля. Термины и определения // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом: постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Карцева Н. С., Шурышева Н. В. Проблемы правового регулирования объектов недвижимого имущества в свете изменений гражданского законодательства РФ // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск. — 2015. — С. 165–167.

УДК 347.4

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ В КОНСТРУКЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗАСТРОЙЩИКА

Е. В. Милицевич, магистрант

Вятский государственный университет (ВятГУ),
г. Киров, Россия

Рассмотрены противоправные действия застройщика в сфере долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и его гражданско-правовой ответственности перед законом и участником долевого строительства. Новизной работы является рассмотрение принятых нормативно-правовых актов в сфере жилищного строительства в связи с пандемией COVID 2019.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, застройщик, федеральный закон, участник долевого строительства, противоправные действия, гражданское правонарушение, деликатная ответственность, вред, ущерб, убытки.

В гражданском законодательстве понятия «противоправные действия» и «гражданское правонарушение» являются синонимичными. Согласно п. 1 абз. 1 ст. 10 ФЗ № 51 ГК РФ [1], нельзя осуществлять гражданские права, имея намерение причинить вред иному лицу, совершать действия не в соответствии с законом, с противоправным умыслом, злоупотреблять правом в корыстных побуждениях. По словам В. Т. Батычко [9], «гражданское правонарушение — это виновное, противоправное действие или бездействие лица, в результате которого был причинен вред или убытки» [8]. Понимание вышеизложенных определений применимы к ситуациям, в которых застройщики некорректно и непропорционально осуществляют свою деятельность в строительстве жилья. Состав гражданского правонарушения вытекает из определённых условий (противоправного действия и вины должника), которые являются необходимыми для привлечения к гражданско-правовой ответственности (в виде возмещения убытков, при наличии факта убытков и причинной связи между противоправным поведением должника и появившимися убытками) [8].

В соответствии с вышеизложенным на основании общей теории можно выделить следующие элементы состава гражданского правонарушения: противоправность действий (деяния), которые совершил правонарушитель; факт наличия вреда либо убытков; выявление причинной связи между противоправным действием (деянием) и причинением вреда либо убытков; вина правонарушителя. Противоправное поведение расценивается как прямая предпосылка к гражданско-правовой ответственности и может выражаться в действии или бездействии [8]. Действие рассматривается как противоправное, если оно не соответствует (запрещено или противоречит) закону или иному нормативно-правовому акту (например, когда недобросовестный застройщик экономит на материалах и осуществляет строительство дома, нарушая СНиПы); если действия идут вразрез с договором, сделкой (например, когда застройщик не выполняет обязательство по договору и не осуществляет сдачу дома в сроки, что влечёт вред участнику долевого строительства). Бездействие рассматривается как противоправное, когда на должника возлагается юридическая обязанность действовать в соответствии с ситуацией, либо на условиях, прописанных в заключённом договоре [8]. Так, противоправным является бездействие застройщика, не осуществившего строительство дома или иного объекта недвижимости в сроки, определённые договором.

Вред — это какое-либо умаление личного или имущественного блага лица [7]. Вред делится на имущественный (материальные потери, например, когда застройщик сделал дом ненадлежащего качества либо когда застройщик не сдаёт дом в сроки, тем самым влечёт дополнительные излишние траты добросовестного участника долевого строительства на аренду жилья на более длительный срок) и нематериальный. Последний делится на физический и моральный вред [8]. В моральный вред входят как материальные потери (в нашем случае,

когда дом не сдаётся в срок, в связи с чем участнику долевого строительства приходится затрачивать излишние дополнительные финансы на своё существование и проживание), так и моральные страдания (во всех случаях, когда идёт речь о недобросовестности застройщика: пропуск срока сдачи дома, некачественное выполнение дома, проблема «обманутых дольщиков»). В нормативно-правовых актах Российской Федерации отражено несколько случаев, когда моральный вред компенсируется: вред, причинённый действиями, которые нарушают личные неимущественные права лица [5] (моральный вред, когда дом не сдаётся в срок); иные случаи, предусмотренные законом (например, ФЗ Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 24.04.2020), ФЗ от 29.07.2017 № 218-ФЗ (послед. ред.), ФЗ от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ и другие).

Возмещается вред в натуре (т. е. приведение помещения в надлежащее состояние) или компенсацией в виде денежных средств. Определение убытков дано в ст. 15 ГК РФ [1], убытки состоят из расходов (например, на приведение жилья в надлежащее состояние — реальный ущерб) и неполученных доходов (например, если бы дом был сдан вовремя, участник долевого строительства мог бы сдавать в наём своё жильё и получал бы с этого доход — упущенная выгода) [8]. Если иное не предусмотрено законом или договором, при таких условиях вред возмещается полностью. К тому же существуют случаи, когда гражданско-правовая ответственность наступает без причинения вреда или убытков (например, наложение штрафа за просрочку исполнения обязательства строительства объекта недвижимости). Возложение ответственности в форме взыскания убытков и возмещения вреда возможно лишь при наличии причинной связи между противоправными действиями правонарушителя и причинённым вредом (убытками). В п. 1 ст. 393 ГК РФ [1] говорится о том, что возможно возмещение тех убытков, которые причинены вследствие противоправного поведения должника. Причинная связь между деянием и убытками может быть прямой и косвенной. Прямая причинная связь очевидна и результат складывается из неправомерного поведения должника. Косвенная лишь создаёт предпосылки для возникновения других причин, вызывающих убытки [8].

В случае, если застройщик оказался недобросовестным, к нему применяются нормы российского законодательства, в т. е. наступает гражданско-правовая ответственность. По мнению М. Е. Рошина [9], «гражданско-правовая ответственность заключается в применении судом по инициативе потерпевшего (кредитора) к правонарушителю (должнику) таких гражданско-правовых санкций, которые влекут для него наступление неблагоприятных (отрицательных) имущественных последствий» [9]. В гражданском праве существуют следующие виды гражданско-правовой ответственности: в зависимости от основания возникновения различают договорную и внедоговорную (деликтную) ответственность [1]. Договорная ответственность, например, ответственность застройщика, которая следует из заключенного договора. Деликтная ответственность, например, ответственность, вытекающая из факта причинения вреда имуществу; в зависимости от характера ответственности обязанных лиц различают долевую, солидарную, субсидиарную ответственность [1]. Застройщик

возмещает вред и выплачивает компенсации сверх возмещения вреда в случаях, предусмотренных ст. 60 Градостроительного Кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ) [2].

Гражданско-правовая ответственность застройщика также регулируется федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ [4]. В данном законе прописаны виды гражданско-правовой ответственности [4]: Неустойка (в ч. 2 ст. 6); возмещение убытков (ст. 10); расторжение договора (ст. 9) [4]. Вместе с этим в ч. 1 ст. 28 ФЗ Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 при условии, что участником долевого строительства является физическое лицо, застройщик может быть привлечён к ответственности в виде возмещения морального вреда [5]. Помимо этого, участнику долевого строительства возмещаются его судебные расходы. Гражданско-правовая ответственность застройщика наступает в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 401 ГК РФ [1]. В связи с пандемией COVID 2019, правительство Российской Федерации разработало и выпустило постановление от 02.04.2020 № 423 [6], в котором говорится об ответственности застройщика, и федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ [3] о предотвращении чрезвычайных ситуаций.

Следует сказать о том, что отрасль строительства активно развивается, одновременно корректируется правовая составляющая данной сферы. 2019 год связан с появлением публично-правовой компании, регламентирующей взаимоотношения между застройщиками и участниками долевого строительства под названием «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства», работающей в рамках закона № 214-ФЗ [4]. Данный фонд призван проверять финансовую документацию компаний-застройщиков, осуществлять контроль над процессом строительства жилых комплексов, формировать фонд для возможных выплат в случае банкротства застройщика, участвовать в процедурах, осуществляемых при банкротстве, участвовать в финансировании работ по завершению объектов строительства. Принятый в 2019 году федеральный закон № 98-ФЗ [3] и постановление № 423 [6] призваны оберегать здоровье населения и ликвидировать распространение инфекции коронавируса в России, оказывать поддержку в интересах застройщика и помогать оптимизировать контрольно-надзорную деятельность при осуществлении проверок застройщиков [6].

На основе изложенного можно сделать вывод о существенном снижении гражданско-правовой ответственности застройщика перед участниками долевого строительства. Также снизился уровень защиты граждан в судебном порядке и, кроме того, наложен запрет обращений органов исполнительной власти в арбитражный суд с заявлением о приостановлении на определенный срок осуществления застройщиком деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства. В то же время участники долевого строительства, по которым застройщики не выполнили свои обязанности по вводу объекта в эксплуатацию, имеют непогашенные кредиты, ипотеки и т. д. При этом обязательства граждан по погашению кредита не урегулированы законодательством Российской Федерации. Участники долевого строительства, предъявившие ранее к застройщику требования на возмещение неустойки (пени), процентов и убытков, не смогут воспользоваться правом на получение

указанных денежных средств, поскольку в абз. 7 п. 1 постановления № 423 [6] введена отсрочка на исполнение до 1 января 2021 г. Кроме того, установлен слишком большой срок, в течение которого участники долевого строительства не смогут эффективно повлиять на застройщика в случае снижения темпов строительства объекта, прекращения строительства объекта либо ввода объекта с существенными нарушениями. Следовательно, интересы застройщиков ставятся выше интересов участников долевого строительства.

Обобщая, можно сказать, что принятые меры могут повлиять, как положительно, так и отрицательно и на застройщиков, и на участников долевого строительства. В случае, когда застройщик находился в сложной финансовой ситуации, долговые обязательства перед участниками долевого строительства не позволяли ему осуществлять строительство. Положительным является то, что постановление № 423 [6] позволит сконцентрировать застройщику имеющиеся финансовые ресурсы и направить их на достройку объекта капитального строительства, а в дальнейшем, после ввода в эксплуатацию, производить расчёты с гражданами, предусмотренные ФЗ № 214-ФЗ [4]. Отрицательное влияние может возникнуть в том случае, когда предоставленное постановлением правительства время позволит недобросовестному застройщику «вывести» средства и не завершить строительство объекта. Также, данное время позволит не производить расчёты по долговым обязательствам с гражданами, завершать строительство, которое по качеству не соответствует требованиям технических регламентов, либо вводить объекты капитального строительства с нарушением установленных сроков, предусмотренных договором.

Сложившаяся ситуация, предусмотренная постановлением № 423 [6], может привести к невыполнению кредитных обязательств участниками долевого строительства перед банками и иными кредитными учреждениями. Следовательно, для усиления позиций участников долевого строительства предлагаем освободить участников долевого строительства от процентов за несвоевременные выплаты по кредитам на срок до 01.01.2021 г. Данная мера поможет оградить участников долевого строительства от банкротства и ухудшения качества жизни. Можно с уверенностью сказать, что за всеми противоправными действиями застройщика следует его гражданско-правовая ответственность перед законом Российской Федерации, который в той или иной мере защищает участников долевого строительства.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (послед. ред.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ // (дата обращения: 05.04.2020 г.).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/5187991b9b9c9dcb1bca94dffffc11861f0424/ (дата обращения: 06.04.2020 г.).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: ФЗ от 01.04.2020 № 98-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (дата обращения: 05.04.2020 г.).
4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 05.04.2020 г.).
5. О защите прав потребителей: ФЗ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 04.04.2020 г.).
6. Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве: постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 423 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349308/ (дата обращения: 04.04.2020 г.).
7. Агарков М. М. Гражданское право. — Москва, 1944.
8. Батычко В. Т. Гражданское право (часть I): в вопросах и ответах. — Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2013 // [Электронный ресурс]. — URL: <http://netprava.ru/ek/b16/46.htm> (дата обращения: 04.04.2020 г.).
9. Роцин М. Е. К вопросу о понятии гражданско-правовой ответственности // Современная наука: теория и практика. — 2015. — № 1 (8). — С. 22–31, с. 29.
10. Убытки // [Википедия] [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 04.04.2020 г.).

ИНСТИТУТЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА И ИМПЕРАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ КОНКУРСНЫХ КРЕДИТОРОВ

К. А. Миннуллина, магистрант

Научный руководитель Е. П. Татарникова, канд. юрид. наук

Вятский государственный университет (ВятГУ)

г. Киров, Россия

В статье представлен сравнительный анализ двух механизмов «тотального залога» и соглашения о субординации кредиторов как инструментов привлечения обществом дополнительных инвестиций путем предоставления дополнительных гарантий удовлетворения требований кредитора.

Ключевые слова: «тотальный залог», субординация кредиторов, соглашение о порядке удовлетворения требований кредиторов; институт банкротства, конкурсный кредитор.

Дискуссионный вопрос о соотношении диспозитивных начал гражданского-правового регулирования и императивных норм закона «О банкротстве» актуализируется в рамках завершающей процедуры банкротства — конкурсного производства. По данным ЕФРСБ, судами принимаются решения о введении в отношении должника процедуры конкурсного производства в 99 % банкротных дел. При этом необходимо отметить, что по результатам процедур банкротства удовлетворенные требования кредиторов составляют всего 5 % от общего числа, включённых в реестр [1]. Соответственно, тенденция развития института банкротства направлена на защиту прав и имущественных интересов конкурсных кредиторов, что, в частности, проявляется в совершенствовании нормативной базы и правоприменительной практики.

В связи с вышесказанным актуальным представляется анализ конструкций, внесенных в Гражданский кодекс в процессе реформирования обязательственного права, которые существенно повлияли на положение конкурсных кредиторов в банкротном процессе и их практическое значение.

Основополагающие правила при удовлетворении требований кредиторов это принцип очередности, установленный ст. 134 закона «О банкротстве», и принцип пропорциональности, предусматривающий удовлетворение требований кредиторов одной очереди пропорционально размеру их требований, закреплённый в ст. 142 данного закона.

Исключением из второго правила являются кредиторы с требованием по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника. Задолженность по обеспеченному залогом обязательству погашается вне правил о пропорциональности, в частности, 70 % (если обязательство вытекает из кредитного договора — 80 %) от реализации имущества, являющегося предметом залога, направляется залоговому кредитору [3].

Особый статус залоговых кредиторов и преимущественное удовлетворение их требований обуславливает особый интерес к механизму, который зачастую

именуется «тотальный залогом». Нормы, предусматривающие возможность залога всего имущества залогодателя, были закреплены в ст. 339 Гражданского кодекса и вступили в силу 1 января 2015 года [2]. Данная норма подвергалась широкому обсуждению, однако необходимо отметить, что в рамках института банкротства «тотальный залог» предполагает вероятность ситуации, когда один кредитор получает все имущество должника в счет погашения своего требования, в обход правил об очередности и пропорциональности. Безусловно, часть вырученных от реализации имущества средств (20 или 30 %) будет направлена на погашение задолженности перед кредиторами первой, второй очереди и расходов арбитражного управляющего, в т. ч. судебных расходов, и уже оставшиеся средства будут включены в конкурсную массу. Однако шансы конкурсных кредиторов третьей очереди получить удовлетворение своих требований нулевые. Необходимо отметить, что оспаривание договора залога процесс затруднительный [3], и если они и оспариваются, то в связи с недействительностью основного обязательства. Поэтому данная конструкция представляется удобной для злоупотреблений посредством заключения договоров залога между должником, признанным банкротом, и дружественными кредиторами.

Другим важным результатом реформы обязательственного права, имеющим существенное практическое значение, является легальное закрепление механизма субординации кредиторов [2]. Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику предусматривает возможность кредиторам одного должника по однородным требованиям установить очередность и пропорциональность их удовлетворения.

Официальное признание концепции субординации в первую очередь было обусловлено процессами глобализации и направлено на приведение российского законодательства в соответствие с мировой практикой, где субординация долга — механизм распределения рисков неисполнения должников обязательств по индивидуальной модели, в обход установленных законом правил. В западных правовых порядках данная конструкция приобретает особую востребованность в случае банкротства должника, изменяя правило о пропорциональности распределения средств между кредиторами одной очереди.

Нормы о субординации требований позволяют предоставить одному лицу — старшему кредитору — получить приоритетное удовлетворение его требований перед требованиями другого — младшего кредитора. Данная конструкция представляет интерес с той точки зрения, что в своей сущности позволяет старшему кредитору получить гарантии и, соответственно, заинтересованность в инвестировании должника. Интерес участия в таком соглашении младшего кредитора, в частности, может проявляться в более высоком проценте по его требованию к должнику. Также младшим кредитором может выступать, например, участник общества-должника, в таком случае он получает возможность привлечения инвестиций со стороны и возможность восстановления платежеспособности общества в целях избежания процедуры банкротства.

В зарубежных странах, где концепция субординации развивалась более длительное время, предусматривается несколько видов субординации. Договорная, или оборотная субординация устанавливает обязанность младшего

кредитора передать все полученное от должника старшему кредитору. Именно данная конструкция нашла отражение в п. 2 ст. 309.1 Гражданского кодекса. Трастовая субординация основана на создании траста, при этом имущество, полученное младшим кредитором от должника, считается находящимся в трасте в пользу старшего кредитора до полного удовлетворения его требований. При этом последний предусматривает большие гарантии на случай банкротства младшего кредитора, т. к. имущество, составляющее траст, не включается в конкурсную массу.

Соглашение о субординации позволяет изменить очередность кредиторов и пропорциональность, исходя из соглашения всех кредиторов, а не должника и кредитора, и, соответственно, в большей степени направлено на защиту интересов кредиторов. Однако, несмотря на положительные аспекты, концепции субординации, ее применение при признании должника банкротом в российском праве остается затруднительным, т. к. императивными положениями закона «О банкротстве» не предусмотрено изменение правила об очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов соглашением кредиторов. В одном из законопроектов, устанавливающих введение в Гражданский кодекс концепции субординации требований кредиторов, предусматривалось введение в закон «О банкротстве» положения: «если между кредиторами заключено соглашение о субординации требований, требования кредиторов-участников такого соглашения удовлетворяются в очередности, предусмотренной таким соглашением, с учетом очередности, установленной настоящим федеральным законом» [4].

Однако отсутствие такого положения в законе «О банкротстве» на сегодняшний день и абсолютно противоположное указание в Постановлении Пленума Верховного суда № 54, что подобное соглашение не меняет порядок удовлетворения требований кредиторов в ходе конкурсного производства [5], предопределило невозможность применения добровольной субординации кредиторов, предусмотренной ст. 309.1 Гражданского кодекса, которая также устанавливает необязательность такого соглашения для не участвующих в нем лиц, в т. ч. для арбитражного управляющего. А применение данной нормы судами в делах о банкротстве, как правило, обусловлено ее субсидиарным применением при рассмотрении других вопросов [6]. Таким образом, соглашение о субординации требований кредитора, в целом, не представляет особого интереса для старшего кредитора, который несет большой риск, если в отношении должника будет открыта процедура конкурсного банкротства, и он практически лишается привилегированного положения.

На практике стороны такого соглашения (в случае признания должника банкротом) вынуждены искать способы выполнения условий такого соглашения. Например, открытие младшим кредитором номинального счета, на который направляются средства при удовлетворении его требований, бенефициаром которого выступает старший кредитор. Или в ситуации, когда все кредиторы согласны на приоритетное удовлетворение требований старшего кредитора (в пределах одной очереди). Абсолютного запрета на применение подобной конструкции не установлено, а в случае отказа арбитражного управляющего, для которого,

как указывалось выше, соглашение не характеризуется обязательностью, данный вопрос может быть разрешен судом в порядке ст. 60 закона «О банкротстве». Однако применение подобных способов безусловно связано с вопросом о добросовестности младшего кредитора, чьи интересы неизбежно конфликтуют с интересами старшего кредитора. На сегодняшний день при разрешении проблемы реализации соглашения о субординации в случае банкротства должника работающим представляется механизм взыскания старшим кредитором с младшего полученного им в рамках процедуры банкротства с должника средств. Учитывая длительность банкротных процессов, нет гарантий, что по окончании младший кредитор сам не будет объявлен банкротом. В связи с чем актуализируется вопрос о реализации и легально закреплении в практике отношений субъектов предпринимательства конструкции, предусматривающей большие гарантии для старшего кредитора — трастовой субординации.

Резюмируя вышесказанное, на основе анализа теоретических проблем и правоприменительной практики механизмов «тотального залога» и соглашения о субординации кредиторов следует отметить, что обе конструкции создают возможность привлечения обществом дополнительных инвестиций путем предоставления дополнительных гарантий удовлетворения требований кредитора в виде отступления от принципа равенства кредиторов. Несмотря на положительные аспекты соглашения о субординации кредиторов, который в целом предусматривает более справедливый порядок ранжирования кредиторов по их согласию, отсутствие законодательного закрепления его обязательности в процедуре банкротства обуславливает низкую востребованность таких соглашений. В свою очередь широкое распространение получает обеспечение требований залогом имущества должника, допускающего возможность недобросовестного поведения дружественных залоговых кредиторов должника и нарушение прав других конкурсных кредиторов.

Список литературы

1. Результаты процедур в делах о банкротстве за 2019 год [Электронный ресурс]. — URL: <https://fedresurs.ru/news/d9263eb1-10a9-43db-8755-3dc0add94bd3> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О несостоятельности (банкротстве): ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6 // СПС «Гарант».
5. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении абз. 2 п. 4: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 // СПС «Гарант».

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС «Гарант».
7. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 08.10.2019 г. по делу № А33-28712-8/2018 // СПС «Гарант».

УДК 347.1

ПОНЯТИЕ ДОМЕННОГО ИМЕНИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

А. А. Митрофанова, обучающийся

Научный руководитель А. В. Головизнин, канд. юрид. наук, доцент

Уральский государственный экономический университет,

г. Екатеринбург, Россия

В данной статье изучаются основные подходы к формированию понятия доменного имени. Рассматриваются правовые аспекты доменов на основе национального и международного права. Устанавливаются ключевые характеристики домена как объекта гражданских правоотношений. Проводится сравнительный анализ с иными объектами гражданского права. Делается вывод о подходящем ключевом понятии доменного имени.

Ключевые слова: цифровое право, сеть Интернет, домен, доменные имена.

В настоящее время научно-технический прогресс набирает всё большие обороты. Во всём мире растёт популярность повседневного использования системы сети Интернет (далее — WWW, Всемирная сеть, Сеть), и данный ресурс не мог обойти юридическую сферу. С возникновением новшеств появляется и необходимость о введении законодательных актов, способных регулировать новый объект правовых отношений.

Одним из основных нормативных правовых актов является федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], в ст. 2 которого закреплены категории, так или иначе связанные с Интернетом. В данный перечень включено и доменное имя.

Правительством неоднократно принимаются действия для защиты и охраны российских граждан от информационных угроз, для укрепления государственной власти в этой сфере, а также для организации сетевого пространства таким образом, чтобы минимизировать убытки правообладателей на те или иные субъекты данной сетевой платформы. Например, 23 апреля 2019 года в силу вступило постановление пленума Верховного суда «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», чтобы в судах однородные споры по вопросам об интеллектуальной собственности могли быть разрешены с единством в верным решением без противоречий в судебной практике. При этом в п. 33 данного закона сказано, что доменные имена не отнесены к интеллектуальной собственности [4].

В России официальной датой регистрации домена.RU считается 7 апреля 1994 года [5], однако большое распространение они получили только после

2000 года. В настоящее время, помимо ФЗ «Об информации», регулирование всей информации в сети Интернет обеспечивает и указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», а также указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». В данных документах обозначены цели и задачи, направленные на дальнейшую реализацию внутренней и внешней политики России в сфере применения информационных технологий, а в Доктрине основной целью является обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере.

Проблема правового статуса доменных имён заключается в том, что в 2006 году в России были попытки реализации включения в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) норм, регулирующих отношения, связанные с доменными именами. В ч. 4, разд. 7 «Права на результаты интеллектуальной деятельности», гл. 69 об общих положениях в ст. 1225 как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации отмечались также и доменные имена. Однако из окончательного вида нормативного правового акта данные нормы были исключены, хотя сам термин упоминается в п. 5 ч. 2 ст. 1484 об исключительных правах на товарный знак.

Соответственно, несмотря на вышеупомянутое постановление № 10, многие учёные спорят о правовой природе доменов: являются ли они средством индивидуализации или нет? Поскольку, помимо функционального значения, доменное имя выступает составляющей частью бренда субъектов предпринимательской деятельности.

Итак, законодательством доменное имя определяется как «обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети Интернет. Если говорить более подробно, то доменное имя состоит из определённых частей, «доменов», т. е. имеет свою определённую иерархию, которая прослеживается, если разбирать это понятие справа налево. С юридической точки зрения, не стоит разделять данные понятия, поскольку одно («домен») входит в понятие другого — «доменное имя». Каждое доменное имя входит в так называемую доменную систему имен (DomainNameSystem, далее — DNS) — базу, в реестре которой и находятся все доменные имена, присваивающиеся определённому IP-адресу. Данный реестр контролируется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [5]. Сущность заключается в том, что доменное имя, как было сказано ранее, состоит, в основном, из букв и других символов. Это гораздо легче воспринимается и запоминается людьми.

В рекомендации ЮНЕСКО данное понятие определено как «имя, которое дается адресату в Интернете и содействует доступу пользователей к Интернет-ресурсам» [1]. Уже из этих трёх определений следует, что ЮНЕСКО закрепляет за доменным именем определённого человека, можно сказать, идентифицирует его, в то время как по регламенту и требованиям указывается только техническая составляющая домена. Подобные понятия имеют юридически важный

недостаток, поскольку не учитывают правовой и содержательной составляющих доменного имени.

Мнение ученых-правоведов, которые не относят данный объект к средству индивидуализации, в той или иной мере близки к техническому понятию доменного имени, которое раскрывает М. С. Азаров. Однако он также описывает и гражданско-правовой статус домена (где функция доменного имени — индивидуализация информационного ресурса), и смешанный (где под доменным именем понимается уникальное символическое имя, предназначенное для идентификации ресурсов в сети Интернет) [8]. Ещё одним аргументом данной стороны является то, что нормы, которые регулировали бы отношения, связанные с доменными именами как с отдельными объектами гражданского оборота, должны иметь место в законодательных актах или в международных конвенциях, куда входит Российская Федерация, в ином случае их нельзя считать исключительными правами [10].

Если говорить о противоположной точке зрения, о домене как о средстве индивидуализации, наиболее ясно свою точку зрения выразил В. Б. Наумов, указавший доменное имя как «средство индивидуализации в широком смысле, которое позволяет потребителям просто и эффективно находить в виртуальном пространстве известные им в хозяйственном обороте наименования». По мнению В. О. Калятина, «доменные имена не только выступают как адрес компьютера в Интернете, но и являются средством индивидуализации их владельца, товаров и услуг. Доменное имя способно сообщать дополнительную информацию о своем владельце, соответствующих товарах или услугах, указывать на географическую привязку, выполнять рекламную и гарантийную функции». Автор приходит к выводу о том, что доменные имена обладают функцией индивидуализации, и их соединение с индивидуализированным ресурсом в WWW имеет тесную связь, в отличие от иных видов адресации, таких как телефонный номер или адрес [9].

Понятие доменного имени можно сопоставить с результатом интеллектуальной деятельности: оно, являясь средством индивидуализации, создаваясь гражданином непосредственно, регистрируется и закрепляется за ним как за правообладателем. Однако есть ряд отличий, которые не позволяют отождествлять данные понятия, потому что по своей правовой природе доменное имя не соответствует важным критериям интеллектуальной собственности. Например, их нельзя отнести к изобретениям, промышленным образцам и полезным моделям, поскольку домен не соответствует их содержанию и условиям патентоспособности. Нельзя полностью отнести доменное имя и к объектам авторского права, поскольку для их возникновения, осуществления и защиты не требуется регистрации произведений или соблюдения каких-либо иных формаций.

Судебная практика также различается. Например, товарного знака ОАО «Каравай» подал иск в суд на владельца, зарегистрировавшего домен karavay.ru, к тому же данный домен был зарегистрирован позднее, чем создан товарный знак. В данном деле суд пришел к выводу о том, что «факт недобросовестной регистрации и/или использования домена истец не обосновал и не подтвердил. Напротив, домен добросовестно используется в некоммерческих целях, никак

не пересекаясь с деятельностью истца. Кроме того, для наименования домена используется общеупотребимое слово, а не товарный знак. Таким образом, оснований для удовлетворения иска в рассматриваемом случае нет, а действия истца являются злоупотреблением правом в соответствии со ст. 10 ГК РФ» [6].

В другом судопроизводстве по спорному делу суд пришел к выводу, что «регистрация доменного имени, сходного до степени смешения со средством индивидуализации, ранее регистрации средства индивидуализации не имеет значения для признания администратора такого домена нарушившим исключительное право на средство индивидуализации». Доменное имя *perfekta.ru*, сходное до степени смешения с товарным знаком *Perfekta*, было зарегистрировано ранее даты приоритета этого товарного знака. Правообладатель товарного знака обратился в арбитражный суд с иском к администратору домена о запрете использовать в доменном имени обозначение, сходное до степени смешения с товарным знаком. Доводы о том, что администратор начал использовать обозначение в доменном имени ранее, чем товарный знак был зарегистрирован за правообладателем, были отклонены как «не соответствующие нормам закона о защите исключительного права на товарный знак» [7].

Анализируя судебную практику, можно обобщить: многие споры возникают из-за отсутствия корректного понятия доменного имени, которое позволяло бы дать более полную его правовую характеристику.

Таким образом, можно выявить следующее определение доменного имени как гражданско-правовой категории: *доменное имя — это символическое обозначение, которое не повторяется в официальных реестрах его регистрации и в установленном законом порядке, с целью идентификации физических и юридических лиц в сети Интернет*. Данная формулировка является более правовой, нежели технической (которая существует на данный момент в законодательстве). Действительно, доменное имя нельзя полностью соотносить с объектами индивидуализации, однако не стоит забывать, что это не просто техническое средство, а «лицо» компаний и граждан в сети Интернет.

Список литературы

1. О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству: рекомендация ЮНЕСКО от 15.10.2003 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.unesco.kz/ip/countries/unesco_recc_univ_access_cyber_rus.pdf (дата обращения: 14.09.2020).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: СПС «КонсультантПлюс».
3. О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в

- Российской Федерации запрещено»: постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О применении ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление пленума Верховного суда № 10. 23.04.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vsrfl.ru/files/27771/> (дата обращения: 14.09.2020).
 5. Соглашение о порядке администрирования доменной зоны RU [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.premiauneta.ru/gunet/history/dotru/> (дата обращения: 14.09.2020).
 6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.09.2016 по делу № А40-191537/2014 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.08.2014 № С01-671/2014 по делу № А40-101725/2013 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 8. Азаров М. С. Доменные имена в структуре гражданского и информационного права // Информационное право. — 2015. — № 2.
 9. Калятин В. О. Наименование домена или доменное имя? / В. О. Калятин // Патенты и лицензии. — 2002. — № 7. — С. 41.
 10. Милютин З. Ю. Соотношение доменных имен со средствами индивидуализации: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2005. — С. 74.

УДК 347.1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Э. В. Назарович, магистрант

*Научный руководитель Н. А. Свалова, канд. юрид. наук, доцент
Уральский институт управления — РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Екатеринбург, Россия*

В статье рассмотрены проблемы применения гражданско-правовой ответственности в рамках исполнительного производства. Автор исследует вопрос о порядке применения ст. 395 ГК РФ, а также «двойного» получения взыскателем суммы убытков от государства и от должника в случае незаконных действий судебного пристава-исполнителя.

Ключевые слова: судебный пристав, гражданско-правовая ответственность, исполнительное производство, убытки.

Особенности отдельных гражданско-правовых средств в области действия исполнительного права представляют определенный интерес для юридической науки. Среди таких универсальных гражданско-правовых средств можно отдельно выделить гражданско-правовую ответственность, причем особый интерес представляет специфика данного средства в сфере непосредственно исполнительного производства.

Следует заметить, что данная специфика определяется публично-правовым характером правоотношений, складывающихся в сфере исполнительного производства. Исходя из этого гражданско-правовая ответственность в данном случае имеет следующие «особенности»:

- может применяться наряду с публично-правовой ответственностью;
- реализуется исключительно через суд;
- опосредуется специальными нормами действующего законодательства, в частности бюджетного законодательства (в первую очередь в части процедур применения);
- как правоотношение имеет специальный субъектный состав, например, основными такими субъектами выступают взыскатель, должник, кредитная организация, судебный пристав-исполнитель» [1].

Д. Х. Валеев справедливо пишет о том, что «поскольку в юридической науке принято считать состав правонарушения единственным основанием ответственности, это утверждение следует распространять и на гражданско-правовую ответственность в исполнительном производстве» [2].

При этом отдельно отметим следующий момент: специфика оснований гражданско-правовой ответственности в рамках исполнительного производства заключается в том, что складывающиеся при этом правоотношения своеобразны и имеют связь с публично-правовой сферой. То есть в рамках исполнительного производства отношения возникают между следующими субъектами: с одной стороны, это судебный пристав-исполнитель, являющийся представителем государства, действующий от имени государства и наделенный властными публичными полномочиями; с другой — остальные участники исполнительного производства [3]. Но при этом отношения возникают не только между приставом-исполнителем и другими участниками, но также и между самими участниками (сторонами) исполнительного производства.

Иными словами, отношения между приставом-исполнителем и участниками можно обозначить как вертикальные (в силу уже упомянутого ранее статуса пристава-исполнителя), в то время как отношения между сторонами являются горизонтальными.

Исходя из этого, «штрафы как публично-правовые санкции в исполнительном производстве налагаются только при условии наличия противоправности в действии (бездействии) и вины нарушителя, и налагаются они при наличии вертикальных отношений» [4].

В целом на вертикальные отношения применяются положения ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [5], в то время как при горизонтальных правоотношениях ответственность возникает в зависимости от того, какие взаимоотношения складываются между взыскателем и должником (договорные или внедоговорные обязательства, алиментные и т. д.).

В тексте федерального закона «Об исполнительном производстве» [6] при детальном рассмотрении следует выделить ряд норм, касающихся применения гражданско-правовой ответственности:

- 1) при отсутствии установленных ГК РФ оснований ответственности за нарушение обязательства суд вправе освободить должника от взыскания исполнительского сбора (ч. 7 ст. 112);

2) взыскатель вправе предъявить лицам, выплачивающим должнику заработную плату, пенсию, стипендию или иные периодические платежи, иск о взыскании денежной суммы, удержанной с должника, но не перечисленной взыскателю по их вине (ст. 118);

3) заинтересованные лица вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков, причиненных им в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения (ч. 2 ст. 119);

4) в случае неисполнения содержащегося в исполнительном документе требования о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника ущерб, причиненный организации выплатой указанному работнику денежных сумм, может быть взыскан с руководителя или иного работника этой организации, виновных в неисполнении исполнительного документа (ст. 120) [6].

Анализ гражданского законодательства позволяет определить меры ответственности, которые показали бы себя эффективными при применении в рамках исполнительного производства. В частности, интересна практика возмещения убытков судебным приставом-исполнителем.

Данная мера является мерой общей ответственности в рамках гражданского законодательства. Под «убытками» понимаются:

а) расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права;

б) утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб);

в) неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (п. 2 ст. 15 ГК РФ) [5].

В частности, основанием для возмещения убытков в рамках исполнительного производства может стать ситуация, при которой судебным приставом-исполнителем причинен вред гражданам и организациям непосредственно в процессе совершения действий по исполнению исполнительного документа. На основании ст. 16 ГК РФ «убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов (в т. ч. издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления), подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием» [5].

При этом для взыскателя должна быть потеряна возможность взыскания задолженности с должника, как это следует из судебной практики. Это означает, что:

— в рамках исполнительного производства получены сведения об отсутствии у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание;

— исполнительное производство окончено в связи с отсутствием у должника имущества или невозможностью его обнаружения (п. 3 или п. 4 ст. 46 ФЗ «Об исполнительном производстве»);

— должник объявлен банкротом и взыскатель не сможет получить погашение долга в рамках дела о банкротстве.

Таким образом, если у должника есть имущество, за счет которого взыскатель может удовлетворить свои требования, то суд может отказать во взыскании убытков, мотивируя свое решение риском «двойного» получения взыскателем как суммы убытков от государства, так и суммы долга от должника.

При этом можно выделить и ряд пробелов. В частности, сложившаяся судебная практика по вопросу взыскания убытков с ФССП в рамках решения вопроса о том, имеется ли возможность удовлетворения требований взыскателя за счет иного имущества должника, является спорной. Например, в случае предоставления сведений о том, что у должника есть доля в квартире (которая считается единственным жильем), суды делают вывод о том, что возможность взыскания не утрачена и выносят отказ (решение Арбитражного суда Костромской области по делу № А31-8167/2015; решение Кировского районного суда г. Ярославля по делу № 2–23/2018) [8, 9], хотя это противоречит положениям ст. 446 ГК РФ о том, что на единственное жилье не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, т. е. факт наличия такого жилья у должника никак не подтверждает возможность взыскания в будущем.

Таким образом, институт гражданско-правовой ответственности в исполнительном производстве требует некоторой доработки. В частности, необходимо урегулировать вопрос, при каких ситуациях у взыскателя утрачена возможность взыскания задолженности с должника. В соответствии с этим п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 [10], на которое обычно ссылаются суды, требует доработки, т. е. необходимо четко и ясно прописать все критерии того, что считать возможностью взыскания с иного имущества, а что считать утратой такой возможности. Также следует разрешить вопрос ответственности за фактически бесплатное использование чужих средств должником в случае, если исполнительный документ не исполняется по вине судебного пристава -исполнителя.

Список литературы

1. Гальперин М. Л. Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве / М. Л. Гальперин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. –2018. — № 3. — С. 138–159.
2. Валеев Д. Х. Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы / Д. Х. Валеев, М. Р. Загидуллин, Е. К. Костюшин, М. Ю. Чельшев, В. В. Ярков. — Москва: Статут, 2007. — С. 154.
3. Валеев Д. Х. Указ. соч. С. 97.
4. Викут М. А. Исполнительное производство: Учебник. Практикум / М. А. Викут, О. В. Исаенкова. — Москва: Юрист, 2011. — С. 84.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ре д. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.10.2020).

6. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 26.10.2020).
7. Мишин А. А. Гражданско-правовая ответственность в исполнительном, третейском и нотариальном производстве / А. А. Мишин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 152. — Кн. 4. — С. 136.
8. Решение Арбитражного суда Костромской области по делу № А 31-8167/2015 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 26.10.2020).
9. Решение Кировского районного суда г. Ярославля по делу № 2–23/2018 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 26.10.2020).
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 26.10.2020).

УДК 347.132

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЯ В СПОРАХ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

В. Г. Несмелова, обучающийся

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
г. Москва, Россия

В статье на основе анализа современного законодательства и судебной практики приведены примеры применения принципа эстоппеля в спорах о недействительности сделки. Рассмотрена возможность и целесообразность применения данного принципа к оспоримым и ничтожным сделкам, его двойственность в российском гражданском праве.

Ключевые слова: эстоппель, добросовестность, недействительная сделка.

Согласно ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [5]. Для того, чтобы сделка порождала правовые последствия, на которые она направлена, необходимо её соответствие определенным требованиям. Если какое-либо из условий действительности нарушено, то сделка признается недействительной.

В процедуре оспаривания важное место занимает принцип добросовестности [1]. Защита прав добросовестной стороны предусмотрена п. 2 ст. 166 ГК РФ, согласно которому сторона, имеющая явно выраженную волю сохранить силу сделки, не может оспорить её по основанию, о котором она знала или должна была знать при проявлении воли. А также п. 5 этой же статьи, по

которому заявление о недействительности не имеет правового значения, если лицо, ссылающееся на недействительность сделки, действует недобросовестно, т. е. после заключения сделки ведет себя таким образом, что дает основание другим лицам полагаться на действительность заключенной сделки. В п. 70 постановления пленума Верховного суда № 25 отмечается, что не допускается любая форма такого заявления (в т. ч. иск, встречный иск и возражения) [6].

Это и есть пример принципа эстоппеля. Эстоппель в контексте данных норм позволяет сделке произвести те правовые последствия, на которые она была направлена, несмотря на имеющийся порок. Следует отметить, что данный принцип не направлен на обход недействительности, а призван в первую очередь защитить доверие контрагента путем сохранения сделки и воспрепятствовать злоупотреблению правом в ходе судебного процесса.

Как можно заметить, данный правовой принцип был закреплен в ходе реформы гражданского права федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ в ГК РФ, так же как и правовой механизм его реализации, однако понятия и толкования законодатель не дал. На сегодняшний момент применение норм об эстоппеле вызывает трудности в правоприменительной практике в связи с молодостью института, а также его схожестью с такими правовыми конструкциями, как запрет злоупотребления правом (ст. 10 ГК), и правилом о подтверждении сделки (п. 2 ст. 166 ГК) и отсутствием единого мнения по поводу вариантов соотношения норм об эстоппеле с другими нормами гражданского права.

Согласно ст. 166 ГК РФ, сделка является недействительной по двум основаниям. Оспоримая сделка недействительна в силу признания её таковой судом, а ничтожная — независимо от такого признания, за исключением некоторых случаев. Таким образом, ничтожная сделка, по общему правилу, недействительна с момента её совершения и не порождает правовых последствий, кроме тех, которые связаны её недействительностью, в то время как оспоримая считается действительной и создает все присущие ей последствия. Она может быть признана судом недействительной с момента совершения или с какого-то определенного момента в будущем.

Возникает вопрос, можно ли применять эстоппель к оспоримым и ничтожным сделкам. Относительно первого основания все не так просто. Так, ст. 166 ГК РФ предусматривает 2 вида (случая) эстоппеля: 1) общий (п. 5 ст. 166), согласно которому стороне запрещено ссылаться на недействительность, если оно действует недобросовестно; 2) к оспоримой сделке (абз. 4 п. 2 ст. 166), что запрещает стороне, знающей об основаниях недействительности, оспаривать сделку по известному ей основанию, если она к тому же своим поведением выразила волю сохранить сделку. Касательно применения эстоппеля к ничтожным сделкам, в п. 70 ПП ВС № 25 изложена позиция о возможности применения эстоппеля как к оспоримым, так и к ничтожным сделкам. В Концепции совершенствования общих положений ГК РФ указывается на недопустимость применения нормы об эстоппеле к «наиболее социально опасным ничтожным сделкам, грубо нарушающим закон» (абз. 7 п. 1.12 разд. V Концепции) [4].

По мнению Е. А. Останиной, применение нормы возможно «не только к оспоримым сделкам, но и к ничтожным сделкам, если такое применение не

нарушает прав и законных интересов третьих лиц и публичного интереса» [3].

Тем не менее, в ГК РФ напрямую не указаны ничтожные сделки, к которым эстоппель был бы неприменим. Критерии ограничения применения данного принципа можно выделить из действующего определения ничтожных сделок (п. 2 ст. 168 ГК РФ), что полностью подтверждает основания ограничения, выделенные, в частности, в Концепции. Как ещё одно основание для отказа использования нормы следует отметить сделки, посягающие на правопорядок и нравственность (ст. 169 ГК РФ).

Судебная практика применения нормы об эстоппеле к ничтожным сделкам достаточно разнится. Установив нарушение публичного интереса, АС ВСО в одной ситуации отказался применять эстоппель [7], а в другой применил [8], не обнаружив этого интереса.

Такое регулирование ставит вопрос, целесообразно ли применять эстоппель к ничтожным сделкам, ведь в первую очередь он выступает как инструмент борьбы с несправедливостью при отсутствии других способов её избежать. Поэтому следует отметить, что в большинстве случаев более оправданным инструментом защиты будет реституция с правом взыскать убытки [2].

Таким образом, применение института эстоппеля в российском гражданском праве очень неоднозначно и вызывает множество вопросов. Отчасти это связано с двойственным характером и различиями в правовых основаниях, а также в юридической природе в целом. С одной стороны, эстоппель может рассматриваться как правовое средство конвалидации недействительной сделки (процессуальный аспект), а с другой — как правовой механизм, проявляясь в материальном аспекте как запрет ссылаться на недействительность сделки.

Список литературы

1. Илюшина М. Н. Реформа института недействительности сделок: современное состояние и нерешенные проблемы // Мониторинг правоприменения. — 2014. — № 2. — С. 4–10.
2. Немчин М. С. Контрагент недобросовестно ссылается на ничтожность сделки. Как успешно защититься с помощью эстоппеля // Арбитражная практика для юристов. — 2016. — № 4. — С. 80–85.
3. Останина Е. А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 11. — С. 38–45.
4. Яковлев В. Ф. Концепция совершенствования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11. — С. 6–101.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.10.2017 № Ф02–2981/2017, Ф02–4355/2017, Ф02–4358/2017 по делу № А10–1430/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.08.2017 № Ф02-4187/2017 по делу № А78-14846/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖИВОТНЫХ

В. Р. Николенко, обучающийся

Научный руководитель Н. С. Карцева, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт — филиал

Научно-исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия

В статье рассматриваются существующие проблемы правовой регламентации охраны и защиты животных. Определяются особенности охраны животных от ненадлежащего обращения с ними, приводятся рекомендации по устранению выявленных проблем в указанной сфере.

Ключевые слова: животные, ненадлежащее содержание, жестокое обращение, безнадзорные животные, владелец, ответственное обращение.

Во все времена животные были одной из важных составляющих окружающего мира. Так, например, они обеспечивают людей едой и сырьем, помогают в хозяйстве и лечении заболеваний, защищают от недоброжелателей и просто радуют глаз. Действительно, животный мир необходимое звено природной среды.

Следует отметить, что пристальное внимание к вопросам гражданско-правового режима животных объясняется спецификой рассматриваемых объектов. С одной стороны, животные являются объектами гражданских прав, следовательно, отношения, складывающиеся по поводу животных, регулируются гражданским правом на основании присущего ему принципа диспозитивности, к тому же животные — одушевленные существа, что не могло не найти отражения в особенностях регулирования соответствующих имущественных отношений. С другой стороны, большая значимость «живой природы» как природного ресурса предопределяет особое отношение государства к вопросам принадлежности, охраны и использования диких животных, пребывающих в состоянии естественной свободы. Отметим, что в гражданском законодательстве есть ряд норм, непосредственно посвященных правовому режиму животных. Основополагающей следует считать положения ст. 137 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ) [1], согласно которой к ним применимы общие правила о движимом имуществе.

Традиционно животных принято разделять на диких и домашних. Это разграничение имеет принципиальное значение для определения правового режима животных как одушевленных вещей.

Прежде всего, следует обратить внимание на положения ст. 230 ГК РФ. В п. 3 указанной статьи говорится, что лицо, задержавшее безнадзорных животных, и лицо, которому они переданы на содержание и в пользование, обязаны их надлежаще содержать и при наличии вины отвечают за гибель и порчу животных в пределах их стоимости. Внимательно изучив данную норму, можно выделить наиболее важную проблему, которая заключается в отсутствии законодательного закрепления понятия «надлежащее содержание животных». Данная проблема частично решена в ст. 9 федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. В ней говорится об общих требованиях к содержанию животных. К ним относятся: обеспечение надлежащего ухода за животными; своевременное оказание животным ветеринарной помощи и своевременное осуществление обязательных профилактических ветеринарных мероприятий; принятие мер по предотвращению появления нежелательного потомства у животных; предоставление животных по месту их содержания по требованию должностных лиц органов государственного надзора в области обращения с животными при проведении ими проверок; осуществление обращения с биологическими отходами. При этом стоит подчеркнуть, что данный перечень, в соответствии с законом, является исчерпывающим. Однако представляется, что категория «надлежащее содержание животных» вряд ли ограничивается перечисленными требованиями. Конечно, далее эта норма раскрывается в статьях 13, 14 и 15 федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако и там прослеживаются тенденции оценочности большинства факторов, составляющих понимание надлежащего содержания животных. Кроме того, ни в одной из этих статей не говорится о критериях надлежащего содержания безнадзорных животных. И здесь необходимо обратить внимание, что даже при наличии некоторых условий, закрепленных в данных статьях закона, нарушения в этой сфере происходят достаточно часто.

Например, 4 августа 2020 года региональная прокуратура провела проверку, в ходе которой выяснилось, что руководство пяти исправительных колоний не обеспечивало служебных собак всем необходимым. Псов негде мыть, вольеров на всех не хватает, а там, где они есть, отсутствуют вентиляционные и вытяжные отверстия, качество еды оставляет желать лучшего. И это происходит в государственных учреждениях. Начальникам ИК УФСИН по Астраханской области внесено представление [3].

Дабы пресечь подобные ситуации, в дальнейшем представляется необходимо расширить перечень общих требований к содержанию животных, указанных в ст. 9 федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также разработать критерии, определяющие понятие «надлежащее содержание безнадзорных животных», которое необходимо закрепить в ст. 230 ГК РФ.

Еще одной важной проблемой является отсутствие законодательного регулирования защиты животных от ненадлежащего обращения с ними. Отметим,

что в отдельных актах существует ряд норм, предусматривающих защиту животных от жестокого обращения. К ним относятся: ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации [4], ст. 11 федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также ст. 56 федерального закона «О животном мире» [5].

Однако «нарушения в этой сфере приобрели массовый характер» [6, с. 201]. Так, стоит отметить случай, произошедший в октябре 2020 г. в Поселке Барвиха Одинцовского городского округа. По словам местных жителей, от рук злоумышленников пострадали уже 12 домашних питомцев. Житель поселка Виталий Бородин сообщил, что две его итальянские овчарки погибли одна за другой в страшных муках: «Собаки умирали в судорогах. А в ветлечебнице им не смогли помочь. Когда умерла первая, мы не догадались осмотреть участок и не выпускать туда вторую, но на второй день точно так же ушла и она». Люди написали заявление в полицию, для того чтобы привлечь отвратителей к ответственности [7].

И если оценивать данную ситуацию с позиции закона, то у граждан есть шанс хотя и не защитить своих животных, но возместить причиненный ущерб. Однако как поступать с теми, кто будет пусть и не жестоко, но все равно неразумно обращаться со своими или безнадзорными животными? Получается, что ответственность наступает, только если с ними будут жестоко обращаться. Для всех остальных случаев мер ответственности не предусматривается. Представляется, что каждое живое существо нуждается в защите, согласно пункту «е. 5» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации [8]. Правительство Российской Федерации осуществляет меры по формированию в обществе ответственного отношения к животным, но как эти меры согласуются со сложившейся в законодательстве ситуацией, когда ответственность устанавливается только для крайнего проявления ненадлежащего обращения, когда самому животному, по сути, уже не помочь?

Решение указанной проблемы видится в создании системы штрафов за ненадлежащее обращение хозяев со своими животными и за ненадлежащее обращение с безнадзорными животными. Указанную норму об ответственности за ненадлежащее обращение с домашними животными стоит внести в федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а норму об ответственности за ненадлежащее обращение с безнадзорными животными стоит внести в статью 230 ГК РФ.

Таким образом, стоит отметить, что, несмотря на стремление законодателя улучшить ситуацию в указанной сфере посредством введения отдельных норм, формирующих ответственное отношение к животным, возникает большое количество проблем, связанных с отсутствием в законодательстве необходимых понятий, критериев, а также мер ответственности за ненадлежащее обращение с животными, позволяющих не допустить трагических последствий, угрожающих их жизни. А «проводимые в последнее время научно-теоретические исследования и рекомендации по правоприменительной практике не до

конца способствовали устранению существующих проблем» [9, с. 5], поэтому совершенствование законодательства в указанных направлениях позволит создать наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности животных.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Новостной сайт (пункт А) [Электронный ресурс]. — URL: <https://punkt-a.in>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О животном мире: ФЗ от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Карцева Н. С. Отдельные проблемы обеспечения интересов детей при усыновлении // Гуманитарные науки и образование в Сибири. — 2014. — № 1 (13). — С. 201–207.
7. Подмосковье сегодня: новостной сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://mosregtoday.ru> (дата обращения: 14.11.2020).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Карцева Н. С. Договор аренды недвижимости в современном российском гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Москва: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. — 2004. — 26 с.

УДК 347

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

А. С. Процай, обучающийся

Научный руководитель М. В. Громоздина, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский государственный университет

экономики и управления «НИНХ»

г. Новосибирск, Россия

В данной статье анализируются проблемные аспекты, связанные с защитой прав и свобод человека при разработке и применении искусственного интеллекта в России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, гражданин, права человека, нарушения, Конституция РФ.

Искусственный интеллект (далее — ИИ) активно проникает во все сферы жизнедеятельности человека. В данной работе приведены примеры ИИ, которые

уже существуют или появятся в ближайшем будущем, а также рассмотрены разные стороны искусственного интеллекта.

Рассмотрим положительное влияние искусственного интеллекта на человека.

Охрана здоровья людей, проведение хирургических операций. Согласно ст. 41 Конституции РФ, «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Данное положение нашло также закрепление в ст. 5 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Использование искусственного интеллекта в медицине исключает человеческие ошибки в ходе проведения операции. Стоит отметить, что робот не устает и это является основным преимуществом, ведь искусственному интеллекту не нужно время для отдыха, для того, чтобы быть эффективным. Например, заявленная точность назначения оптимального лечения рака легких у компьютера IBM *Watson* составляет 90 %, а диагностика, которую провели врачи-онкологи, составляет 50 %. В сфере психологии ИИ активно применяется: например, роботы «Паро» и «Киробо» оказывают психологическую поддержку военнослужащим, а также космонавтам. Роботы способны вести беседу и поддерживать «живое» общение [4].

Создание новых рабочих мест. Учитывая, что скорость машинного обучения нельзя сравнить с возможностями совершенствования человека, робототехника будет продолжать заменять людей на их рабочих местах. Но следует помнить, что ст. 37 Конституции РФ говорит: «каждый имеет право на труд», а также, согласно ст.3 ТК РФ, «каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав». При внедрении ИИ возникает вопрос о будущем трудовых отношений, но волноваться не стоит, поскольку будут создаваться новые профессии, например, инженеры в сфере ИИ, UX-дизайнеры, копирайтеры, которые пишут диалоги для чат-ботов, и ряд других.

Обеспечение законности и общественного порядка. В октябре 2015 года началось сотрудничество банка *National Savings Bank* и корпорации *MasterCard*. В рамках партнерства две компании построили такую систему, которая основана на технологии ИИ, которая позволяет *MasterCard* выявлять и предотвращать мошеннические транзакции. Она ищет компьютерные файлы, недоступные для криминалистического программного обеспечения, сокрытых, например, при помощи стеганографии или альтернативных потоков данных (ADS) [5], установление первичного источника информации в сети Интернет. В Нью-Йорке полиция использует программу *Patternizr* для идентификации почерка грабителей и воров на основе сходства и различия в преступлениях, которые занесены в программу. Такая система анализирует: 1) какие предметы похитили; 2) где было совершено преступление; 3) каким способом, например, преступник выломал дверь. Данный анализ помогает программе находить похожие характеристики в разных правонарушениях. Все вышеперечисленные методы и способы помогают соблюдать общественный порядок.

Parla – российский стартап, который создал англоязычное приложение для изучения языка. В основе приложения – программа, которая обучается вместе с учеником и адаптируется под его задачи и прогресс. Уже на этапе регистрации в приложении программа анализирует данные из социальных сетей и способна предоставить индивидуальную учебную программу, которая основана на

интересах личности, что в дальнейшем помогает лучше усвоить информацию. Искусственный интеллект предоставляет доступ к соответствующим возможностям обучения различным социальным группам (например, инвалидам, беженцам, тем, кто не посещает школы или живет в изолированных общинах). Например, роботизированная система телеприсутствия позволяет учащимся с особыми потребностями посещать занятия из дома или из больницы, а также поддерживать непрерывность обучения в чрезвычайных ситуациях или кризисах. Таким образом, соблюдается ст. 43 Конституции РФ — право на образование, данное положение можно увидеть в ст. 5 ФЗ «Об образовании в РФ».

Опасностей, которые таит в себе использование искусственного интеллекта, тоже немало.

Военное применение. В 2016 году Россия завершила эксплуатацию ударного беспилотного летательного аппарата «Орион» [1]. Стремительные научные разработки оружия с искусственным интеллектом в дальнейшем могут привести к нарушению ст. 20 Конституции РФ — право на жизнь. Нельзя гарантировать, что от сбоя в программе может пострадать мирное население, в руках «не того человека» данное оружие способно привести к многочисленным жертвам.

В 2017 году появился новый вид киберпреступности с искусственным интеллектом — *дипфейки*. Особенностью такого вида преступления является видео, в котором лицо одного человека заменено на другое. Это придумано для порчи репутации человека, а также выманивания денег. В июне 2020 года был проведен конкурс, на котором требовалось создать такую программу, которая смогла бы распознать поддельные видео. К сожалению, самая высокая точность распознавания (65 %) говорит о трудности раскрытия такого преступления [3]. Данный вид преступности нарушает ст. 152 ГК РФ (сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина), а также ст. 128.1 УК РФ (клевета).

Применение искусственного интеллекта в процессе судебной деятельности. На просторах сети Интернет «ходит» мысль о том, что в ближайшем будущем работу судьи заменят роботы. Робот будет руководствоваться определенным алгоритмом, главное — иметь отличную систему парсинга. В данном случае есть плюсы — у робота есть возможность работать круглосуточно, но у робота нет жизненного опыта и тонкой психологии, что в результате может привести к несправедливому решению и нарушить ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, в силу быстрого развития искусственного интеллекта общество необходимо обеспечить надлежащим правовым регулированием на основе уважения человеческого достоинства, справедливости и гуманизма.

Список литературы

1. Горохова С. С. Искусственный интеллект в контексте обеспечения национальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. — 2020. — № 3. — С.15–31.

2. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. — 2018. — № 2018. — С. 129–153
3. Рамис Гомиев. Как преступники могут использовать искусственный интеллект? // Hi-News.ru. 07.08.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://hi-news.ru/technology/kak-prestupniki-mogut-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt-samyj-opasnyj-variant.html> (дата обращения: 19.10.2020)
4. Хайхан Т. Ю., Милютин Т. М. Искусственный интеллект в медицине: обзор современных решений // Обработка экономической информации с использованием прикладного программного обеспечения: сб. ст. научно-практической конференции, Брянск, 24 января 2019 г. / Брянск: Брянский институт управления и бизнеса, 2019. — С. 78–93.
5. Harris R. M. Using Artificial Neural Networks for Forensic File Type Identification. Master's thesis, West Lafayette, Purdue University, 2007, 66 p.

УДК 347.4

REPRESENTATIONS AND WARRANTIES IN ENGLISH AND RUSSIAN LAW

Ya. K. Proshina, student

Academic Supervisor: S. V. Tretyakov, PhD in Law, Associate professor

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

This paper is dedicated to teleological analysis of the common law notion of Representations and Warranties in the light of their recent implementation to Russian law, where they are known as statements of circumstances or assurance of facts. The aim of the research is to analyze the main functions of Representations and Warranties in their jurisdiction of origin and conclude whether they can function with the same effectiveness in Russian civil law.

Keywords: Representations, warranties, statements of circumstances, assurance of facts.

One of the most noticeable tendencies in contemporary Russian civil law is its openness to implementation of Anglo-American legal tools. While Russian law is long known for borrowing from Germany, using Anglo-American experience was traditionally considered methodologically wrong due to the differences between continental and common law legal systems. However, nowadays the increase in transnational deals demands a more universal approach. In order to make Russian jurisdiction more appealing for transnational deals, the Russian legislator has adopted a more flexible approach, which proliferated the amount of common law legal devices in Russian civil law.

Representations and warranties are one of the most commonly used contractual tools in common law countries. They have recently become widely discussed by legal communities in civil law jurisdictions due to the fact that more and more continental law countries are starting to implement representations and warranties in their national law. Russian experience of introducing such tools into the national legal system has underlined the importance of studying the common law notion of

representations and warranties in order to understand what particular functions they are intended to perform in the system of contractual clauses and what makes them so convenient for the parties to use when mitigating contractual risks.

Representations and warranties are closely connected as they have similar purposes. In general terms, both warranties and representations carry an important function of fair and just allocation of risks in a situation of inevitable information asymmetry [1]. In Anglo-American legal doctrine, it is presumed that the seller is always at an advantage as far as the sale of goods is concerned. With all due care and thorough investigation, the buyer is limited in his opportunity to obtain the information about a particular good, because it is usually retained by the seller until the deal is closed. This immanent injustice has only been increasing as the trade has become more complex within the last centuries. With many complex goods to sell (such as whole businesses, companies or shares), the economy has become even more dependent on the effective and plain legal tool to mitigate contractual risks. Representations and warranties, which allow to allocate the risk of unrevealed flaws in the subject matter of contract to the seller's side, appear to be the desired solution.

According to the Black's Law Dictionary, a representation of fact — either by words or by conduct — is made to induce someone to act, especially to enter into a contract; especially, the manifestation to another that a fact, including a state of mind, exists [2]. Thus, a representation is a statement that is meant to assure the counterparty that certain facts exist at the time the statement is made. A warranty, as defined in the Black's Law Dictionary, is an express or implied promise that something in furtherance of the contract is guaranteed by one of the contracting parties; especially, a seller's promise that the thing being sold is as represented or promised [3]. As can be seen from the mentioned hereinbefore, representations and warranties are similar in that they both constitute some kind of statements of facts that are true at the moment they are given (representations) or will last for a particular period of time in future (warranty). If not, the party, which made such statements, is subject to a wide range of accountability types from contractual liability to tort or even criminal responsibility [4]. This unavoidable liability for breach of representation or warranty clauses is exactly the feature that makes both tools so wide-spread in major deals such as mergers and acquisitions: they usually involve higher-than-average risk for a buyer because of their complex and lengthy nature, and not only law but also common sense demands additional assurance to be given by the seller.

Traditionally, representations are distinguished from warranties, and this distinction still exists in the United Kingdom. On the contrary, in the United States, the difference is often ignored when enforcing the contract in the court. A landmark decision demonstrating this lack of attention is *CBS, Inc. v. Ziff-Davis Pub. Co.*, 75 N. Y.2d 496 (1990), in which the court apparently applied the same standards and, therefore, consequences to both «represented» and «warranted» clauses of the contract in challenge [5]. However, in the United Kingdom, the difference between the two is preserved, particularly due to the fact that the nature of representations and warranties implies two different kind of consequences in case they are broken. In case of misrepresentation, there is a possibility of a tort suit under the Section 2 of the Misrepresentations Act 1967, because, logically,

false statements about the facts at the particular moment may often involve deceit [6]. On the contrary, breach of warranties is considered less important and entitles the applicant to damages, often limited by the contract provisions [7]. Although it would be excessive to state complete predictability of the consequences, it can be concluded that there is a certain established way to interpret the breach of such contract clauses, which brings definiteness to the relations between the parties at the moment of signing the contract. Again, this can be seen as another advantage of the traditional model of representations and warranties, because they facilitate the more just resolution of the conflict between the parties.

Another typical feature of common law notion of representations and warranties is that a great deal of its effectiveness also derives from centuries-long practice of courts. Although in the UK lawyers tend to be precise and careful when it comes to the language of contracts, courts often help to uphold the justice by enforcing representations and warranties even if the contractual clauses are not explicitly named as such [8]. Thus, a long experience of applying representations and warranties in Anglo-American legal system allows courts to determine whether there actually are representations or warranties based not only on the literal content of the contract, but also on the context and teleological meaning. In Russian law, the opportunities to apply representations and warranties are narrowed. In the reality, many of true representations and warranties must be interpreted taking into account the real circumstances behind the text. Many Russian scholars believe that representations and warranties should remain a subsidiary tool and apply exclusively when both parties express their intention in a direct way [9]. In other cases, long-established civil law tools should be used. In other words, the scope of implementing representations and warranties in Russian law currently is too narrow for it to develop further.

An important conclusion that can be made from these observations is the importance of a systematic approach when applying representations and warranties. As has been proved, the efficiency of representations and warranties comes not from the idea behind them alone. The system of consequences inevitably coming after the breach is in some sense even more important. When being introduced into another legal system, they are often put in a completely different context. The result is that the synergetic effect caused by representations and warranties acting as a part of the contractual system is lost. This leads us to a conclusion that due to the difference in the systems of law representations and warranties may be less efficient outside of their original common law system.

References

1. Beatson J., Burrows A., Cartwright J. (2010) *Anson's Law of Contract*. 29th ed. Oxford, Oxford University Press. — P. 134.
2. Catalano, Tuija I. (2015). *Representation and Warranty Insurance as a Risk Management and Allocation Tool in M&A Transactions and Agreements*. University of Helsinki Helsingfors universitet. — P. 3.
3. *Article: Representation*, Black's Law Dictionary, 10th Edition for the iPhone and iPad. Version: 1.4.

4. *Article: Warranty*, Black's Law Dictionary, 10th Edition for the iPhone and iPad. Version: 1.4.
5. CBS, Inc. v. Ziff-Davis Pub. Co. — 75 N. Y.2d 496, 554 N. Y. S.2d 449, 553 N. E.2d 997 (1990).
6. An Act to amend the law relating to innocent misrepresentations and to amend sections 11 and 35 of the Sale of Goods Act 1893.
7. Chen-Wishart, M. (2010). *Contract Law*. Oxford University Press. — P. 467.
8. Perillo J. M., Calamari J. D. (2003). *On Contracts*. 5th ed. St. Paul, Thomson/West. P. 344.
9. Вишнеvский А. А. Заверения об обстоятельствах: к вопросу об эффективности правовой конструкции // Закон. — 2017. — № 11. — С. 180.

УДК 347

АНАЛИЗ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАН БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

К. С. Рогожина, обучающийся

*Научный руководитель О. С. Алферова, ст. преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
г. Саратов, Россия*

Представлен анализ основных средств индивидуализации физического лица в гражданских правоотношениях в Российской Федерации, рассмотрены нормы права, регулирующие вопросы, связанные с определением места жительства и правового статуса лиц без определенного места жительства.

Ключевые слова: средства индивидуализации, имя гражданина, место жительства, лицо без определенного места жительства.

В современном мире человек становится субъектом гражданских правоотношений, сам не осознавая этого. Проезд в общественном транспорте, покупка товара в магазине регулируются непосредственно гражданским законодательством и тесно связанным с ним другими отраслями права. Стоит отметить, что от индивидуальных особенностей физических лиц во многом зависит их полноценное участие в гражданских правоотношениях. Б. М. Гонгало указывает: «Участие лица в гражданских правоотношениях невозможно без индивидуализации субъекта. Правоспособность становится таковой только для субъекта, отличимого от иных лиц».

Анализ действующего гражданского законодательства позволяет выделить два основных средства индивидуализации физических лиц — имя гражданина и его место жительства. Согласно гражданскому законодательству имя гражданина включает фамилию, собственное имя и отчество в случае его наличия. Нормативная база в области регулирования споров, связанных с выбором имени, использования в нем различных символов, достаточно последовательна и полна. Имя гражданина не является веским основанием, чтобы отличить его от

других субъектов гражданских правоотношений, поскольку встречаются одинаковые имена и фамилии. Именно поэтому наиболее значимой является такое средство индивидуализации, как место жительства. Под «местом жительства» принято понимать место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Определение места жительства позволяет установить многие юридические факты: признать гражданина безвестно отсутствующим на основании отсутствия сведений о месте пребывания в его месте жительства, выяснить место открытия наследства и т. д. Стоит отметить, что данных средств индивидуализации недостаточно, поскольку существует категория граждан, которые в силу специфики своего существования не обладают постоянным местом жительства и иногда даже именем.

Лицом без определенного места жительства следует признать гражданина, не имеющего регистрации по месту жительства в качестве собственника, по договору найма или поднайма, договору аренды или на иных основаниях, а также не имеющего возможности проживать по месту регистрации по независящим от него причинам. По неофициальным данным, к данной категории населения в России относится порядка 3 млн человек, ставших жертвами мошенничества с жильем в годы перестройки или приехавших на заработки. В связи с этим становится актуальным изучение средств индивидуализации бездомных.

Чаще всего люди без определённого места жительства не имеют документов, удостоверяющих личность, например, паспорта, свидетельства о рождении и т. д. Вне зависимости от наличия регистрации по месту жительства гражданин может обратиться в соответствующий орган для восстановления утерянных документов. Согласно приказу МВД России № 851, паспортный стол может отказать в восстановлении паспорта при отсутствии документов, идентифицирующих личность (свидетельства о браке или разводе, военного билета и т. д.), для восстановления которых необходим паспорт. А при наличии документов, подтверждающих имя гражданина, может ли лицо без определенного места жительства полностью реализовать свои права в гражданских правоотношениях? Так, для того, чтобы зарегистрировать недвижимое имущество, необходимо предъявить документы, содержащие фамилию, имя и отчество, адрес места жительства и т. д. Это означает, что бездомные фактически могут приобрести недвижимость, но не могут стать ее полноправным собственником. Отсутствие регистрации по месту жительства лишает гражданина возможности в полной мере осуществлять свои права.

Такое правовое положение лиц без определённого места жительства приводит к нарушению их прав и свобод. Так, принудительный труд наиболее характерен для лиц без определенного места жительства. В последнее время в России появляется все больше «трудовых домов», в которых бездомные пребывают в качестве низкооплачиваемой рабочей силы. Примером использования труда лиц без определённого места жительства служит «нищенская мафия», являющаяся причиной широкого распространения попрошайничества. Условия работы лиц без определенного места жительства нарушают существующие нормы законодательства о труде: низкая заработная плата, невозможность добровольно уйти с работы и т. д. Чтобы защитить нарушенные права, гражданину

необходимо обратиться в суд, но может ли это сделать бездомный? Согласно положениям гражданско-процессуального законодательства, иск о нарушении прав, в т. ч. и трудовых, подается в суд по месту жительства заявителя, что лишает возможность данную категорию населения восстановить свои права. Обращение в суд для человека, у которого утеряны документы, удостоверяющие личность, становится практически невозможным. На основании вышеперечисленного можно сказать о том, что на данный момент в российском законодательстве не предусмотрены механизмы, с помощью которых бездомные в силу особенностей своего существования могут стать полноправными участниками гражданских правоотношений.

Таким образом, можно обобщить расширение средств индивидуализации физических лиц в гражданских правоотношениях будет способствовать решению проблем, связанных с определением правового статуса бездомных, а также позволит им беспрепятственно получить доступ к правосудию.

Биометрические данные человека, по мнению многих ученых, позволят идентифицировать субъекта гражданских правоотношений более точно с целью определения его реальных полномочий. Включение средств, ставших доступными благодаря научно-техническому прогрессу, в перечень традиционных средств индивидуализации физических лиц обеспечит их эффективное участие в экономике. Необходимо также дополнить Гражданский кодекс главой о средствах индивидуализации физических лиц, что будет актуально для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Парламентская газета. — 2001. — № 224.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Об актах гражданского состояния: ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. — 1997. — № 224.
5. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации: приказ МВД России от 13.11.2017 № 851 (зарегистрировано в Минюсте России 07.12.2017 № 49154) [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/71826616/> (дата обращения: 08.11.2020).
6. ГОСТ Р 52495–2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения (утв. Приказом

Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст) (ред. от 17.10.2013) [Электронный ресурс]. — URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-52495-2005-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 05.11.2020).

7. Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2 / под ред. Б. М. Гонгалo. — Москва: Статут, 2018. — 528 с.

УДК 347

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРАВА К СОГЛАШЕНИЯМ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

А. Е. Смирнова, магистрант

Е. П. Татарина, канд. юрид. наук,

Вятский государственный университет (ВятГУ),

г. Киров, Россия

Анализируются нормы обязательственного права применительно к соглашениям о неразглашении конфиденциальной информации, отмечен недостаточный уровень защиты NDA-соглашений законодательством, что приводит к незащищённости информации и к ее разглашению.

Ключевые слова: соглашение о неразглашении, NDA-соглашение; коммерческая тайна, конфиденциальная информация, ответственность, взыскание убытков.

Информация всегда играла важную роль в ведении бизнеса, поскольку ее утечка может привести к серьезным последствиям в виде убытков или потери бизнеса. Для предотвращения разглашения информации владельцы коммерческих компаний используют всевозможные способы, одним из таких является заключение соглашения о неразглашении или *non-disclosure agreement* (сокращенно NDA) с собственниками бизнеса, работниками и контрагентами.

Однако для практической значимости такого соглашения необходимы специальные инструменты правовой защиты, закрепленные на легальном уровне. В рамках настоящей статьи рассмотрим возможные меры ответственности, которые могут быть применены к стороне, нарушившей NDA-соглашение.

Востребованность вышеупомянутого соглашения в российском праве обусловлена реформой гражданского права, проведенной в 2015 году, в результате которой в Гражданском кодексе появился ряд новых положений, регулирующих добросовестность контрагентов при предоставлении информации. Во-первых, к таким положениям относится п. 3 ст. 307 ГК РФ, в котором закреплен императив о том, что при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Во-вторых, норма ст. 434.1 ГК РФ содержит требования к ведению переговоров, такие как добросовестность сторон в ходе ведения переговоров и после

их заключения [1]. В этой же статье установлена презумпция недобросовестных действий при ведении переговоров, которая заключается в следующем: ведущая переговоры сторона считается действующей недобросовестно, пока другой стороной не доказано обратное, сюда же относятся случаи предоставления неполной, недостоверной информации, умалчивание об обстоятельствах, которые должны были быть доведены до сведения контрагента.

Анализируя приведенные нормы, можно сделать вывод о том, что законодатель подталкивает контрагентов к раскрытию информации, в т. ч. и конфиденциальной, необходимой для заключения договора, вынуждая тем самым стороны прибегать к различным средствам защиты раскрытой информации, к таковым относятся и NDA-соглашения.

Рассмотрим правовую природу такого соглашения. Итак, NDA-соглашение является отдельным гражданско-правовым договором, не имеющим своего отдельного специального законодательного регулирования.

Заключение таких соглашений в соответствии с п. 2 ст. 421 ГК РФ регулируется общими положениями Гражданского кодекса, а также в порядке п. 1 ст. 6 ГК РФ. При применении правил об аналогии закона регулируется правилами об отдельных видах обязательств, предусмотренных специальными правовыми актами. Возможность заключения сторонами непоименованного договора также предусматривают в совокупности нормы постановления пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах» и ст. 421 ГК РФ. Квалификацию такого договора обуславливает его предмет, содержание прав и обязанностей, распределение рисков, ответственности и других условий.

Соглашение о конфиденциальности информации в условиях установленного режима коммерческой тайны дает обладателю значимой, с коммерческой точки зрения, информации действенные правовые инструменты для защиты, особенно для предупреждения нарушений, поскольку предупрежденный о серьезных последствиях человек вряд ли решится попробовать разгласить чужую коммерческую тайну [5].

Для того, чтобы стороны соглашения могли защитить свои права и интересы, необходимо различать такие термины, как «конфиденциальная информация» и «информация, содержащая коммерческую тайну». На практике данные термины часто подменяются, что не совсем верно. Так, под информацией, составляющей коммерческую тайну, понимаются сведения, которые имеют ценность в силу того, что она неизвестна третьим лицам, а также отсутствия доступа к ней в силу закона. Таким образом, это информация, которая имеет ценность, пока является недоступной для третьих лиц. К конфиденциальной информации можно отнести любую информацию, которая является предметом соглашения о неразглашении. В случае судебного спора при смешении названных понятий суд может не признать разглашение определенной в предмете договора информации в качестве правонарушения.

Итак, ответственность на сторону, нарушившую соглашение о конфиденциальности, может быть наложена как в силу закона, так и в силу прямого указания в самом соглашении. Рассмотрим оба случая более подробно.

NDA-соглашением может быть предусмотрено два вида ответственности: возмещение убытков и штраф. Однако распространенной ошибкой стороны, представляющей конфиденциальную информацию, является закрепление такой ответственности следующим положением: «В случае разглашения полученной конфиденциальной информации сторона обязуется возместить причиненные убытки в полном объеме». Данное положение едва ли может гарантировать полную компенсацию убытков, понесенных владельцем защищаемой информации, поскольку для компенсации необходимо доказать следующие обстоятельства: расчет убытков (интересный способ предложен системой англо-саксонского права: судья должен представить себе гипотетические переговоры сторон об освобождении контрагента от обязанности сохранить конфиденциальность и оценить, за какую сумму истец согласился бы на такое освобождение [4], однако возможность применения такого метода в условиях российской системы законодательства ставится под сомнение), сам факт причинения убытков; вину контрагента; причинно-следственную связь между недобросовестными действиями стороны и понесенными убытками.

Одной из проблем, с которыми можно столкнуться на стадии доказывания ранее названных обстоятельств, является проблема доказывания наличия убытков. Судебная практика складывается таким образом, что судом могут быть взысканы лишь те убытки, которые прямо доказаны, взыскание же абстрактных убытков остается без удовлетворения.

Для того, чтобы предотвратить заранее возможные проблемы с доказыванием, на наш взгляд, более целесообразно закрепить второй названный вид ответственности — штраф. Конкретно прописанная в договоре сумма, во-первых, освободит сторону, чьи права были нарушены, от доказывания понесенных убытков, достаточно лишь самого факта нарушения соглашения, а во-вторых, освободит от расчета размеров убытков, что также зачастую вызывает трудности. Так, решением Арбитражного суда по делу № А60-14039/2017 в пользу истца взыскан оговоренный в соглашении о конфиденциальности штраф [3]. Однако указывая такой вид ответственности, стоит уделить внимание некоторым нюансам. Не все действия контрагента могут быть отнесены к разглашению конфиденциальной информации, поэтому следует более детально указать, за какие действия может быть наложена зафиксированная санкция: передачу информации по незащищенным каналам связи, за небрежное хранение конфиденциальной информации, за упоминание в СМИ фактов наличия у стороны конфиденциальной информации и т. п.

Перейдем к тем случаям, когда сторонами в NDA-соглашении не предусмотрена ответственность за разглашение конфиденциальной информации.

Сразу стоит отметить факт того, что в законодательстве Российской Федерации, в т. ч. в Гражданском кодексе, федеральных законах, которыми регулируются отношения по использованию и обращению информации, не закреплены нормы, устанавливающие ответственность за нарушение условий соглашения о неразглашении, что, на наш взгляд, является серьезным упущением.

Статья 309 ГК РФ обязывает к исполнению обязательств надлежащим образом в соответствии с их условиями, требованиями закона, а также иными

правовыми актами, обычаями. Лицо, ненадлежащим образом исполнившее обязательство, обязано возместить причиненные убытки контрагенту в силу п.1 ст.393 ГК РФ [1]. Напомним о том, что стороной может быть взыскан как реально причиненный ущерб — расходы, которые лицо, чьи права нарушены, произвело или должно произвести для восстановления полученного права, так и упущенную выгоду — неполученные доходы, которые лицо могло бы получить, если бы его право было не нарушено.

Из анализа приведенных норм следует, что при отсутствии закрепленной ответственности в NDA-соглашении сторона, нарушившая такое соглашение, обязана возместить убытки контрагенту, причиненные таким нарушением. Однако здесь также возникает проблема доказывания причиненных убытков, причинно-следственной связи, а также размера понесенных убытков. Данные выводы подтверждает судебная практика. Так, постановлением Двадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А68-6470/2017 было оставлено без изменений решение первой инстанции, которым в удовлетворении иска о взыскании убытков, причиненных нарушением соглашения о неразглашении, отказано ввиду недоказанности причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением у истца убытков в виде упущенной выгоды [2].

Таким образом, проведя анализ правоприменительной практики и проблем, возникающих непосредственно в ходе реализации закрепленных в ГК норм обязательственного права к соглашениям о неразглашении, можно прийти к следующим выводам. Реформируя законодательство в сфере обязательственного права, законодатель закрепил нормы о добросовестности ведения переговоров сторонами, обязывая таким образом стороны к разглашению информации, которая зачастую носит конфиденциальный характер, однако упустил момент защиты такой информации. Данная функция ложится на стороны, что ведет к возникновению споров, а также причинению убытков — в случае невозможности взыскания таковых. Для избежания таких последствий, на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить ответственность за нарушение NDA-соглашения в виде штрафа, а также разработать систему оценивания понесенных сторонами убытков.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Двадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А68-6470/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-14039/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Будылин С. Л. Убытки из нарушения конфиденциальности, или Крах операции «Песец» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 7. — С. 81.

5. Старцева И. М., Татарина Е. П. Защита прав предпринимателей при автоматическом расторжении договора: теория и практика// Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2020. — № 10 (229). — С. 78–81.

УДК 347.78

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

К. С. Страшкова, обучающийся

Научный руководитель Р. А. Прощалыгин, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия

Данная статья посвящена проблеме защиты авторских прав, которая является одной из наиболее сложных гражданско-правовых проблем.

Ключевые слова: защита прав, авторские права, интеллектуальная собственность.

Актуальность темы исследования предопределена рядом обстоятельств. На современном этапе развития общества в Российской Федерации проблема защиты авторских прав приобретает огромное значение, как и во всем мире в целом. Данный факт подтверждается принятием ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая посвящена интеллектуальной собственности и вступила в силу с 1 января 2008 года.

В настоящее время защита прав автора является одной из наиболее сложных проблем и имеет большую научную, а также практическую значимость.

Конституция Российской Федерации в ст. 44 гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества [1]. Предоставляя широкие возможности для создания и использования произведений, государство устанавливает меры, направленные на защиту прав и интересов авторов и иных правообладателей, к увеличивая число споров, рассматриваемых судами в исковом порядке. Хотелось бы отметить, что гражданское судопроизводство обладает спецификой, которую следовало бы учитывать законодателю, разрабатывая и совершенствуя способы осуществления защиты авторских прав.

Авторское право регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства. Оно решает определенные задачи, которые включают охрану и защиту имущественных и личных неимущественных прав.

Защита авторских прав означает применение юридических мер, преимущественно направленных на их признание или восстановление. Законодателем был закреплён довольно широкий перечень способов защиты. К таковым можно отнести гражданско-правовые способы (возмещение убытков, выплата компенсации и т. д.), а также административно-правовые и уголовно-правовые. Все перечисленные способы применяются в таких случаях, когда права авторов либо нарушаются, либо оспариваются.

Вопросы защиты авторских прав во многом актуальны и потому, что в условиях демократизации общества, развития средств массовой информации, в частности сферы Интернета, остро ощущаются проблемы реализации конституционного права на все виды литературного и художественного творчества.

Законодательством установлены формы, средства и способы защиты авторских прав. Существует несколько таких форм: защита авторских прав с помощью государственных органов, в т. ч. судов, — это юрисдикционная форма и вторая — это неюрисдикционная, т. е. защита, осуществляемая самостоятельно, без обращений к каким-либо государственным или иным компетентным органам.

Наиболее распространённые способы защиты таких прав — возмещение убытков, взыскание с нарушителя незаконно полученного дохода или выплата им компенсации.

Однако анализ законодательства, юридической литературы и других источников показал, что некоторые аспекты исследуемой темы нуждаются в доработке и совершенствовании. В процессе исследования были выявлены и проанализированы наиболее значимые проблемы, связанные с защитой авторских прав. В этой связи видится необходимость внесения ряда предложений по совершенствованию законодательства.

Так, в настоящее время нет чёткого регулирования защиты авторских прав в сети Интернет, таким образом, будет правильно ввести специальную статью, а точнее ст. 1302 ГК РФ «Защита авторских прав в сети Интернет, которая бы содержала:

1. Защиту нарушенных прав авторов в сети Интернет путем предъявления следующих требований:

- 1.1 о признании права;
- 1.2 о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 1.3 об изъятии материального носителя или блокировке сайта;
- 1.4 о возмещении убытков;
- 1.5 о выплате компенсации;
- 1.6 о публикации решения суда о допущенном нарушении.

2. Использование и размещение объектов авторского права в сети Интернет осуществляется с разрешения правообладателя, во избежание извлечения выгоды.

3. В случае незаконного размещения, использования или копирования объектов авторского права в сети Интернет правообладатель вправе требовать компенсацию в размере от 5 тыс. до 1 млн руб.

4. Контент, который нарушил авторское право, подлежит блокировке без права восстановления.

Помимо гражданско-правовой ответственности, целесообразно конкретизировать и уголовное законодательство в сфере нарушения авторских прав в сети Интернет. Для этого необходимо внести некоторые изменения в ст. 146 УК РФ, а именно добавить п. 4, изложив его в следующей редакции:

«Деяние, совершённое в сети Интернет, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, наказывается штрафом в размере до 250 тыс. руб., либо обязательными

работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо арестом на срок до 6 месяцев».

Одной из актуальнейших проблем в сфере правового регулирования считаются вопросы квалификации объекта как охраноспособного, охраняемости идей, образов и т. п.

Как указано в ч. 5 ст. 1259 ГК РФ «авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическую информацию о недрах» [3]. Но в ГК РФ нет содержания нормы об определении формы произведения. Следовательно, нет и объекта правовой охраны, ввиду того, что данные объекты, только тогда перерастают в форму произведения, когда становятся охраняемыми. В правоприменительной практике это приводит к многочисленным проблемам, а также в таких сферах, как охрана и защита нарушенных авторских прав. Термин «форма произведения» необходимо законодательно предусмотреть и раскрыть для предотвращения соответствующих проблем. Данную поправку целесообразно внести в ст. 1259 ГК РФ п. 1.1, изложив его в следующей редакции:

«Распространяются на произведения, «авторские права», существующие в следующих формах:

- письменной (рукопись, машинопись и т. д.);
- устной (публичное выступление, исполнение и т. д.);
- изобразительной (рисунок, эскиз, картина, план, чертеж и т. д.);
- звуковой (звуко- или видеозаписи);
- объемно-пространственной (скульптура, модель, макет, сооружение и т. д.).
- В иных формах.

В соответствии со ст. 1267 ГК РФ после смерти самого автора допустима охрана авторских прав любыми заинтересованными лицами [3].

Стоит отметить, что при такой формулировке создаются предпосылки, при которых указанные лица могут инициировать судебные разбирательства и предъявлять претензии. Порядок определения «заинтересованности» и случаи предъявления требований законодательством подробно не регламентированы. Поэтому такую фразу, как «другими заинтересованными лицами», из ст. 1267 ГК РФ целесообразно исключить.

Таким образом, законодательство РФ в современных условиях предоставляет авторам достаточный набор правовых средств для реализации прав, а также для их эффективной защиты или оспаривания. Вместе с тем защита авторских прав и его правовое регулирование нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом интересов и потребностей авторов, правообладателей и общества в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосов. 12.12.1993 г. с изм., одобр. общеросс. голосов. 01.07.2020) // Российская газета. — № 144 (8198). — 4 июля.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 12.05.2020.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 24.07.2020 г.) // Российская газета — 2006 — 22 дек.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25.04.2018 г.) // Собрание законодательства РФ — 1996 — № 25 — Ст. 2954.
5. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник. Т. 1. — Москва: Статут, 2016. — 512 с.
6. Арабян М. С., Попова Е. В., Юдина А. А. Современные способы защиты и охраны интеллектуальной собственности (ИС): Россия и ВТО // Таможенное дело. — 2015. — № 1. — С. 3–7.
7. Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами. Москва: Юстицинформ. — 2017. — 212 с.
8. Прощальгин Р. А. Правовое регулирование нотариального удостоверения сделок в электронной форме // Нотариус. — 2017. — № 5. — С. 39–42

УДК 347

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: НОВЫЕ МОДЕЛИ

Е. П. Татарина, канд. юрид. наук,

К. А. Миннуллина, магистрант

Вятский государственный университет (ВятГУ),
г. Киров, Россия

На основе анализа актуальной судебной корпоративной практики исследуются тенденции развития и новые конструкции корпоративного договора. Рассмотрены проблемы применения корпоративного договора как компромиссной схемы разрешения корпоративного конфликта, договора с участием третьих лиц (интересантов), а также перспективы интеграции института корпоративного договора в инвестиционные отношения.

Ключевые слова: корпоративный договор, модели корпоративного договора, корпоративный конфликт, квазикорпоративный договор.

В условиях либерализации корпоративных правоотношений отмечается повышенный интерес к институту корпоративного соглашения участников хозяйственных обществ, урегулированный на системной основе нормами ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 32.1 федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», п. 3 ст. 8 федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3].

В качестве наиболее востребованных конструкций исследуемого института в корпоративной практике отмечается его применение в качестве компромиссного механизма выхода их конфликтной ситуации, а также включение в такое соглашение в качестве подписантов заинтересованных третьих лиц

(интересантов) без обязательного получения такими лицами прав участника [2]. Последняя конструкция представляет широкие возможности для интеграции института корпоративного договора в сферу инвестиционных отношений, актуализируя частный анализ тенденций, проблематики и перспектив применения соответствующих моделей корпоративных договоров.

Корпоративная практика изобилует конфликтными ситуациями, возникающими в связи принципиальными разногласиями по вопросам, входящим в компетенции общего собрания, препятствующие принятию решения и дальнейшей деятельности корпорации. Такие конфликты в корпоративной практике получили название *дедлок* (от англ. *deadlock* — тупик, безвыходная ситуация). Разработан ряд инструментов выхода из дедлока, в т. ч. радикальные меры — ликвидация общества и раздел активов в судебном порядке, а также более мягкие механизмы — добровольная реорганизация, выход участника общества. В англо-американских системах наиболее эффективным механизмом в системе мер борьбы с дедлоком представляется корпоративный договор, который позволяет определить особые права и обязанности участников в таких ситуациях, в т. ч. посредством предоставления дополнительных голосов или права решающего голоса. Также соглашение может содержать специальные процедуры разрешения дедлока посредством разрешения конфликта выборным органом с привлечением третьих лиц: независимого эксперта или медиатора.

Модель корпоративного договора, закрепленная в российском законодательстве, в меньшей степени основана на началах диспозитивности и свободы договора, что обуславливает невозможность включения в него условий о предоставлении дополнительных голосов или права решающего голоса одному из участников, а также создания специального выборного органа, что впоследствии будет признано судом недействительным. Однако корпоративный договор, представленный в российском праве, способствует разрешению дедлоков посредством установления в таком соглашении условий принудительного выкупа акций (долей). То есть в случае невозможности урегулирования дедлока, в связи с которым одному из участников придется покинуть общество, в договоре устанавливаются специальные последствия — *Shotgun*-условия. Указанная конструкция позволяет избежать переговорных процедур в процессе продажи доли участия, создает условия для выкупа акций (доли) в одностороннем порядке и более справедливого и экономичного проведения данной процедуры [1]. Для повышения эффективности корпоративного договора как средства преодоления дедлока рекомендуются условия, которые предусматривают обязанность (при наступлении определенных обстоятельств) приобрести или произвести отчуждение доли в уставном капитале общества (акции).

Необходимо отметить, что корпоративный договор широко применяется и при разрешении других разновидностей корпоративных конфликтов, при закреплении в нем соответствующих условий. В частности в случае конфликтов, возникающих на стадии ликвидации общества, в т. ч. связанных с получением имущества ликвидируемого общества [6]. В целом корпоративный договор как инструмент разрешения корпоративных споров представляет широкий спектр возможностей договорного установления условий разрешения конфликта до

его возникновения, который может служить дополнительным инструментом защиты добросовестных подписантов в случае судебного разрешения спора.

Результатом масштабной реформы корпоративного законодательства стало в т. ч. закрепление революционной конструкции корпоративного договора с участием третьих лиц (интересантов), именуемый также квазикорпоративным договором, что предоставило возможности выхода корпоративного управления за пределы корпорации. Безусловно, перспективы применения этой модели договора столкнулись с рядом проблем, predeterminedенных доминирующей концепцией обязательственной природы корпоративного договора в российском праве. Однако отметим основные тенденции в рамках данной модели.

Во-первых, квазикорпоративный договор, в котором в качестве заинтересованных участвуют кредиторы общества, представляет особый интерес в системе договорных способов установления контроля за имущественным состоянием должника наряду с залогом имущества должника или залогом акций (долей) и внесением в устав общества-должника положения об интересах кредитора. В данном случае корпоративный договор, помимо обеспечительной функции исполнения обязательств со стороны общества-должника, предоставляет кредиторам инструменты противодействовать злоупотреблениям правами со стороны участников общества в виде вывода активов. Все преимущества данной конструкции нивелирует необязательность условий соглашения для лиц, не участвующих в нем, в связи с чем рекомендуется заключение квазикорпоративного договора со всеми участниками общества в качестве подписантов, а также детальная проработка ответственности за ненадлежащее исполнение условий договора.

Во-вторых конструкция корпоративного договора с участием конечного бенефициара, актуальность которого обусловлена все большим вниманием к институту субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Грамотная конструкция корпоративного договора с участием конечного бенефициара создает возможности для сохранения его «корпоративной вуали», при этом предоставляет ему фактические управленческие права «титულных» участников общества. Однако данная схема не предоставляет лицу статус прямого участника общества, что серьезно ограничивает процессуальные права такого лица, в частности право на предъявление иска о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу корпоративного типа [7].

Учитывая вышесказанное, также необходимо отметить существенную роль института корпоративного договора в контексте разрешения правоприменительной проблемы: необходимость закрепления особой нефинансовой роли инвесторов, диссонирующая с действующими в корпоративном праве канонами соотношения объема прав участников и процентного участия в капитале. Сравнение с другими институтами направленными на разрешение данной проблемы: институт непропорциональных полномочий и включение особых прав участников в учредительные документы общества [8], институт ситуативных прав и обязанностей [4], институт непропорциональных вкладов в имущество [5], можно отметить определенные преимущества корпоративного договора как инструмента закрепления специфических бизнес-ролей подписантов. В частности,

институт корпоративного договора не требует согласия квалифицированного большинства участников, внесения изменений в учредительные документы, что значительно упрощает процедуру. Кроме того, с учетом позиции судов необходимо отметить возможность урегулирования таким соглашением отношений, связанных с реализацией инвестиционного проекта, а также включение условий ответственности, возлагаемой в т. ч. на подконтрольные общества [9]. Указанные аргументы подтверждает довод о перспективах широкого применения квазикорпоративного договора в сфере инвестиционных отношений в качестве альтернативы конструкции «обладания одной акцией».

Однако отметим существенный недостаток заключения квазикорпоративного договора. Как следует из системного толкования нормативного регулирования института корпоративного договора, а также подтверждается судебной практикой, отношения, которые могут быть урегулированы условиями такого договора, ограничены законным интересом третьих лиц в реализации участниками общества их корпоративных прав в организационном контексте и не предполагают урегулирование имущественной сферы общества, в т. ч. вопросы распределения прибыли [10].

На основании вышеизложенного отметим, что анализ корпоративной и судебной правоприменительной практики свидетельствует о развитии института корпоративного договора, что, Однако не исключает рост судебных разбирательств по спорам о недействительности условий таких договоров. В качестве основных трендов конструкций корпоративных договоров на сегодняшний день можно подчеркнуть комбинирование института корпоративного договора с другими видами гражданско-правовых сделок. Безусловно, негативный отпечаток на правоприменительной практике откладывает доминирующая концепция обязательственной природы корпоративного договора. В то же время именно правовая природа корпоративного договора, основанная на принципах свободы договора, предопределяет перспективы его широкого применения участниками корпоративных отношений.

Список литературы

1. Волков А. Ю., Яркин А. А., Субанова А. Б. Корпоративный договор как способ разрешения «deadlock» // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 6. — С. 100–102.
2. Кокорев С. В. Квазикорпоративный договор как правовой инструмент регулирования корпоративных правоотношений / Право и экономика. — 2019. — № 7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об акционерных обществах: ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об обществах с ограниченной ответственностью: ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.03.2015 г. № 09АП-6149/15 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2019 № 302-ЭС19–4069 по делу № А74-3619/2018; определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 05.09.2018 года по делу № А74-3619/2018; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29.10.2018 по делу № А74-3619/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. П. 1 ст. 66 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ; п. 2 ст. 8 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление 9 арбитражного апелляционного суда от 11.04.2019 № 09АП-60340/2018 по делу № А40-118958/18 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление 8 арбитражного апелляционного суда от 12.05.2016 г. по делу № А46-16331/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ КАК НЕЮРИСДИКЦИОННОГО СПОСОБА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. Е. Титкова, обучающийся

Ростовский институт — филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Россия

В данной работе рассмотрены проблемы функционирования института медиации как неюрисдикционного способа урегулирования спора в России на современном этапе развития общества, проводится сравнение с судебной формой защиты прав и законных интересов лиц. Охарактеризованы основные достоинства и недостатки обоих способов урегулирования споров. Проанализированы причины низкой востребованности услуг медиаторов. Предлагаются меры для популяризации института медиации в Российской Федерации.

Ключевые слова: медиация, медиатор, неюрисдикционный, альтернативный, примирение.

В ч.1 ст. 46 Конституции РФ закреплена гарантия на одно из основных средств государственной защиты — право человека и гражданина на защиту своих прав, свобод и законных интересов в судебном порядке. Однако если бы в российском государстве существовал лишь единственный вариант для отстаивания позиции лиц, чьи права ущемлены кем бы то ни было, то это, по сути своей, находилось бы в диаметрально противоположной плоскости по отношению к концепции демократизма, а также не соответствовало бы положению ч.1 ст. 1 Основного Закона России — провозглашению России демократическим государством, поскольку стороны спора должны самостоятельно выбирать наиболее приемлемый способ для защиты своих прав и законных интересов.

За последние несколько лет наблюдается значительное увеличение количества гражданских, административных дел в судах общей юрисдикции. Нагрузка на суды увеличилась колоссально, и этому способствовал целый ряд причин, анализируемый в отечественной исследовательской среде. Появляются новые сферы в жизнедеятельности общества, увеличивается и оборот денежных средств, что неизбежно приводит к изменению в большую сторону сумм исковых требований, способствует увеличению размеров госпошлин. В свою очередь совокупность этих и иных факторов позволяет практикующему юристу идентифицировать сложность дела до его направления в суд.

Кроме того, учреждение в октябре 2019 года системы новых апелляционных и кассационных судов в системе судов общей юрисдикции, в основу которой заложена идея законодателя о территориальной обособленности вышестоящего суда по отношению к нижестоящему во избежание коррупционных проявлений членов судейского корпуса, также привело к увеличению судебных издержек лиц, обжалующих впоследствии акт суда первой инстанции. Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что в последние годы обращение лиц, чьи права, свободы и законные интересы были нарушены, в орган судебной власти за защитой является весьма затратным способом и не всегда доступным для малообеспеченных слоев населения.

Так, за последние годы заметно вырос спрос на досудебные способы урегулирования правовых конфликтов. В законодательстве регламентирована обязательность досудебного порядка урегулирования споров, что предусмотрено ч. 5 ст. 4 АПК РФ, ч. 3 ст. 132 ГПК РФ, ч. 3 ст. 4 КАС РФ. Спрос на разрешение конфликта претензионным способом создал предложение на появление неюрисдикционных способов разрешения правовых конфликтов.

В наши дни для квалифицированного адвоката один из ключевых навыков — умение применять альтернативные способы разрешения правового конфликта клиента, нежели представлять интересы доверителя в судебном органе.

Среди неюрисдикционных форм наибольший интерес в настоящее время представляет медиация, в т. ч. как способ медленно, но верно набирающий популярность. Председатель Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедев на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ, прошедшем в Москве 11 февраля 2020 года, обозначил развитие досудебного и внесудебного урегулирования конфликтов лиц в рамках правового поля, а также развитие судебного примирения в качестве важнейших направлений развития российского судопроизводства в ближайшем будущем.

Институт медиации является относительно новым для России, и несмотря на ряд его преимуществ перед судебной защитой нарушенных прав, с 2010 года, когда был принят специализированный федеральный закон, регламентирующий деятельность медиаторов, данная форма не приобрела широкую популярность. Ряд правоведов связывает данное обстоятельство с социокультурными факторами, присущими Российской Федерации. Согласно данной позиции, низкий уровень медиативной практики в любом государстве обусловлен низким уровнем правовой культуры населения. Следует логический вывод, что

для такого общества нехарактерен мирный, конструктивный диалог, однако в поведенческом плане присущ высокий уровень конфликтности.

Данная характеристика во многом отражает реалии нашей действительности и российской ментальности в целом. Так, для среднестатистического жителя России присуще искать высшую инстанцию, наиболее авторитетного человека по отношению к нему в случае возникновения правового конфликта — в данном случае им будет выступать судья.

В России сегодня отсутствует какая бы то ни было статистика обращений оппонентов к медиаторам до суда, стоит отметить, Однако что отследить указанные данные представляется довольно проблематичным. Несмотря на это, в настоящее время возможно отследить количество обращений к медиаторам конфликтующих сторон на стадии судебного разбирательства.

Так, согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2018 году в рамках искового производства урегулировано 1187 споров посредством проведения процедуры медиации, в 2019 году — 1041 дело.

Несмотря на то, что институт медиации существует в Российской Федерации более 10 лет, невозможно отрицать, что со стороны законодателя ему не было уделено должного внимания: отсутствует прочная нормативная база и обширная практика работы медиаторов. За последний год в исследовательской среде состоялось немало дискуссий относительно функционирования института медиации в России в ближайшем будущем.

Так, на обсуждение неоднократно выносился вопрос, существует ли вероятность делегирования части полномочий адвокатов и нотариусов к медиаторам. Аргументом приводилось полномочие нотариуса удостоверять медиативные соглашения. Кроме того, нотариусы разъясняют обратившимся субъектам сделок порядок проведения процедуры медиации, включения медиативных оговорок в заключаемые договоры. При удостоверении соглашений также проверяется ряд факторов в отношении медиатора: его совершеннолетие, дееспособность и отсутствие судимости. Стоит отметить, что рассматриваемому вопросу были даны как позитивные, так и негативные оценки, поскольку совмещение полномочий адвоката и медиатора в одном лице способно породить конфликт интересов.

Возможность проведения процедуры медиации для адвоката выступает, несомненно, радикально новым видом деятельности. В данной плоскости он может проявить себя не только как медиатор, но и применить юридические знания, полученные в сфере адвокатуры. Полагаем, данное обстоятельство будет положительно способствовать формированию новой отрасли. В условиях стремительного прогресса, оказывающего влияние на динамику правового поля Российской Федерации, адвокатам необходимо соответствовать происходящим в обществе изменениям. Квалифицированный специалист данной области должен работать в интересах клиента. В случае, если стороны обращаются к адвокату в рамках досудебного разбирательства, последнему не составит труда применить свои профессиональные компетенции и подобрать наиболее выгодный для обеих сторон неюрисдикционный вариант для разрешения их правового конфликта.

Институт медиации — сравнительно новый для отечественной правовой действительности. Для того чтобы его популяризировать, законодателям необходимо разработать мотивирующие стратегии для привлечения юристов и их клиентов к использованию данного способа урегулирования правовых споров. В частности, один из вариантов — учреждение (наряду с бесплатной адвокатурой) по оказанию услуг примирителями на безвозмездной основе. Особое внимание стоит уделить и скрупулезной подготовке лица, желающего в будущем осуществлять функции примирителя, с точки зрения его профессиональной компетенции. Полагаем, в данном случае медиатор должен быть не только высококвалифицированным юристом, обладать опытом работы в данной сфере, но и владеть специальными познаниями в сфере психологии, конфликтологии и договорного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — № 144 (8198). — 4 июля
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
5. Вечерина О. П. Проблемы и институциональные ограничения развития социально-правового института медиации в России // Современное право. — 2017. — № 1. — С. 73–80.
6. Закон не повысит качество медиации [Электронный ресурс]. — URL: <https://fparf.ru/news/fpa/zakon-ne-povysit-kachestvo-mediatsii/> (дата обращения: 22.10.2020).

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРАУДФАНДИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ДРУГИХ СТРАНАХ

Р. М. Урынбасарова, обучающийся

Научный руководитель А. Э. Захарова, канд. юрид. наук, доцент
Оренбургский институт — филиал Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Оренбург, Россия

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования деятельности, связанной с краудфандингом, народным финансированием, статусом субъектов данных правоотношений, особенностями их прав и обязанностей, а также ролью краудфандинга в российском законодательстве.

Ключевые слова: краудфандинг, народное финансирование, благотворительность, интернет-платформа, краудфандинг-площадка, капитал.

В данный момент в условиях развития интернет-пространства одной из ключевых особенностей выступает тесное взаимодействие граждан посредством специальных платформ. Такие платформы предоставляют гражданам объединять, консолидировать финансы, денежные средства и вкладывать их для реализации определенных задач. В современном мире большинство зарубежных государств используют интернет-платформы для финансирования разноплановых проектов, например, в сфере искусства, музыки, киноиндустрии, а также в других сферах.

В настоящее время поддержка тех или иных проектов, проявляющаяся в финансировании проектов, набирает обороты, к тому же в условиях развития инновационной экономики возрастает роль сети Интернет. Особо актуальной на данный момент является тема народного финансирования, так называемый *краудфандинг* (от англ. «финансирование толпой»), определяемый как коллективное сотрудничество лиц, добровольно объединяющих свои денежные средства и/или другие ресурсы вместе с целью поддержать инициативы, усилия и проекты других людей или организаций [3, с. 65]. С XVIII века то, что можно назвать современным краудфандингом, берет свое начало в Великобритании. Еще писателем Джонатаном Свифтом, автором истории про Гулливера, была создана организация для поддержки бедных семей в Ирландии: любой мог перечислить любые средства, чтобы помочь простым ирландцам кормить детей или направлять их в школы. Вообще термин «краудфандинг» появился в 2006 году, и его автором является Джефф Хауи [5], однако само явление появилось гораздо раньше. Достаточно вспомнить ряд памятников архитектуры, построенных за счет пожертвований, например, Храм Христа Спасителя в Москве, памятник Минину и Пожарскому, Статуя Свободы в Нью-Йорке, Саграда Фамилия в Барселоне и многие другие. Тем не менее массовый характер краудфандинг получил именно с появлением и развитием сети Интернет.

С точки зрения законодательного регулирования, данная сфера не была урегулирована вплоть до 2019 года, в настоящий момент имеется принятый

на федеральном уровне нормативный правовой акт. Хотелось сказать в первую очередь о неотъемлемости правового регулирования, определения статуса субъектов данной деятельности, особенности их правового положения. Безусловно, финансирование проектов наделено таким характерным признаком, как риск, ведь, вкладывая денежные средства в какую-либо сферу, существует опасность перевести их мошенникам. В данной связи в целях гарантированности и защиты прав субъектов необходим правовой механизм регулирования краудфандинга.

Важно обратить внимание на зарубежный опыт, в соответствии с которым краудфандинг дает возможность объединить усилия обширного круга лиц для реализации определенных целей, задач. В некоторых странах (например, в США, Канаде, Германии) существуют специальные законодательные акты, которые и предусматривают вышеуказанные условия, безусловно, со своими аспектами.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует нормативный акт, который призван регулировать данную деятельность, особенности правового статуса субъектов этих правоотношений, а также размеры и сроки, необходимые для осуществления действий по финансовому обеспечению [1].

До вступления в силу данного закона в Российской Федерации на рассмотрении находился законопроект № 419 090–7 [4]. Общепринято определять субъектов данных правоотношений как, с одной стороны, реципиент — организатор, получатель финансирования, с другой стороны, донор — лицо, передающее те или иные средства [2, с. 22]. В вышеуказанном законе в качестве реципиента выступает оператор (например, российское хозяйственное общество) при минимальном размере капитала в 5 млн рублей. Кроме того, упоминается инвестплатформа с использованием информационных технологий, т. е. через Интернет.

Краудфандинг имеет характерные черты, кроме того, в зарубежных государствах выделяют виды краудфандинга:

- благотворительный (безвозмездное пожертвование);
- наградной (финансирование за вознаграждение);
- заемный (в виде кредитования с дальнейшим возвратом средств, процентов);
- инвестиционный (с целью участия в последующем — получение акций).

В коллективном финансировании выбор вида зависит от цели сбора средств: так, в зависимости от основы выделяют финансовую (получение прибыли в виде дивиденда) и нефинансовую (например, благотворительность).

Кроме того, необходимо учесть: в России, как и в других странах, созданы интернет-порталы, деятельность которых основывается на народном финансировании, в основном эти направления носят социально-культурный характер (кино, музыка, искусство, культура), есть также волонтерская, благотворительная помощь, кроме того, сбор средств на лечение, операции.

Необходимо отметить значимость тенденций развития краудфандинга в рамках не только российского гражданского, но и международного законодательства. К числу таковых можно отнести: расширение сфер деятельности, увеличение и конкретизация нормативно-правовой базы, развитие и учет международного

сотрудничества. Таким образом, представляется приоритетным создание такого пространства, в т. ч. интернет-пространства, в котором будут аккумулироваться средства для использования их по назначению.

Список литературы

1. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: ФЗ № 259-ФЗ (ред. от 20.07.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 09.10.2020).
2. Архипов Е. Понятие и правовая природа краудфандинга // Актуальные проблемы предпринимательского права / Под ред. А. Е. Молотникова. — М., 2015. — С. 22.
3. Кузнецов В. А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. — 2017. — № 1. — С. 65.
4. Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг): проект ФЗ № 419090-7 (режим доступа: www.consultant.ru) (дата обращения: 05.10.2020).
5. Пять проблем краудфандинга в России [Электронный ресурс]. — URL: money.prichod.ru/fonds/22118/ (дата обращения: 09.10.2020).

УДК 347

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОТКАЗА В ПРИЗНАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ БРАКОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЗА РУБЕЖОМ

О. С. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России (БЮИ МВД России)
г. Барнаул, Россия

В статье проведен анализ норм гражданского и семейного законодательства, закрепляющих оговорку о публичном порядке, определены проблемы, возникающие при их применении к признанию действительными браков, заключенных за рубежом. Обоснована необходимость корректировки анализируемых норм.

Ключевые слова: брак, иностранный элемент, признание, оговорка о публичном порядке, сверхимперативные нормы.

Оговорка о публичном порядке является, как известно, страховочным инструментом, оберегающим нашу правовую систему от вторжения норм иностранного права, нарушающих основополагающие принципы и нормы российского правопорядка. Встречая в практике нетривиальные ситуации, подлежащие разрешению на основании норм международного частного права, юристы во многих случаях считают возможным применение к ним оговорки о публичном

порядке, с чем, исходя из буквального толкования норм, ее закрепляющих, не всегда можно безоговорочно согласиться.

Так, например, большой общественный резонанс получил имевший место в 2018 году случай, когда двое российских граждан мужского пола зарегистрировали свой брак в Дании, а затем представили документы о регистрации брака вместе с заверенными нотариальными переводами в многофункциональный центр государственных услуг (далее — МФЦ) в Москве для внесения в Реестр записей актов гражданского состояния записи о государственной регистрации брака и получения соответствующих отметок в паспортах. Штампы в паспортах были проставлены, однако впоследствии действия работника МФЦ были признаны незаконными, оба паспорта аннулированы с формулировкой «недействителен» (выдан с нарушением), граждан привлекли к административной ответственности по ст. 19.16 КоАП РФ за умышленную порчу паспортов. Отказ в признании данного брака, заключенного однополыми партнерами за рубежом по законам иностранного государства, был обусловлен противоречием данных отношений публичному порядку Российской Федерации.

Осуществляя юридический анализ данной ситуации, отметим следующее. В соответствии с п. 1 ст. 158 Семейного кодекса РФ (далее — СК, СК РФ) браки с участием российских граждан, заключенные за пределами Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, по общему правилу признаются действительными в Российской Федерации. При этом обязательным является соблюдение сверхимперативных запретов, установленных ст. 14 СК РФ об обстоятельствах, препятствующих вступлению в брак. При этом в приведенной коллизионной норме отсутствует указание на соблюдение иных условий вступления в брак, предусмотренных российским законодательством (разнополость лиц, вступающих в брак, их взаимное согласие, достижение ими брачного возраста (статей 1, 12, 13 СК РФ)). То есть, основываясь на буквальном толковании п. 1 ст. 158 СК РФ, юридические основания непризнания в России однополых браков, заключенных за рубежом, отсутствуют, поскольку запреты, установленные в ст. 14 СК РФ (к тексту которой прямо отсылает п. 1 ст. 158 СК), не нарушаются.

Отказ в признании данных отношений на основании норм, закрепляющих оговорку о публичном порядке (ст. 1193 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), ст. 167 СК РФ), является, по нашему мнению, в некоторой степени спорным по причине неточных законодательных формулировок. Так, согласно ст. 1193 ГК РФ, норма иностранного права, подлежащая применению, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права. Правило аналогичного содержания закреплено и в ст. 167 СК РФ: «нормы иностранного семейного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации. Применению, соответственно, подлежит законодательство Российской Федерации».

Буквально толкуя данные предписания, приходим к выводу, что оговорка распространяется на случаи, когда коллизионный вопрос судом (или иным правоприменительным органом) решен в пользу применения иностранного права, но, установив его содержание, правоприменитель приходит к выводу, что подлежащая применению иностранная норма материального права несовместима с публичным порядком РФ. Исходя из этого, оговорка бесспорно распространяется на случаи заключения браков в России. Так, при определении условий вступления в брак на территории России применяется закон гражданства каждого из лиц, вступающих в брак (п. 2 ст. 156 СК РФ). И если этот закон противоречит публичному порядку РФ (как в ситуации с возможностью заключения однополых браков), то в регистрации такого брака органами ЗАГС должно быть отказано.

Очевидно, что в случаях вступления в брак за рубежом речь идет не о *применении* нормы иностранного права, а о *признании* уже состоявшегося юридического факта — брака, заключенного в другой стране по законам этой страны. Поэтому даже если констатировать, что однополый брак противоречит публичному порядку Российской Федерации, признание такого брака в России — применение норм не иностранного, а самого что ни на есть российского семейного права, а именно — п. 1 ст. 158 СК РФ. В приведенном выше примере работник МФЦ, проставляя штампы о регистрации брака в паспортах однополых пары, не применил норму иностранного права, а лишь признал факт заключения брака на территории иностранного государства, руководствуясь п. 1 ст. 158 СК РФ.

Более того, в п. 2 ст. 158 СК РФ указано, что браки между иностранными гражданами, заключенные за пределами территории Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Российской Федерации. Отсылка к ст. 14 СК РФ отсутствует. Толкование данного правила приводит к выводу, что российское право к таким отношениям не применяется и действительными признаются даже такие браки между иностранными гражданами, заключение которых в РФ было бы невозможным.

Означает ли это, что в России однополый брак, заключенный иностранцами за рубежом, будет иметь юридическую силу, равную браку, зарегистрированному в России в соответствии с российским законом? Скорее нет, но с очевидностью данный ответ из норм российского семейного законодательства, к сожалению, не следует.

В литературе высказывается мнение, что отсутствие отсылок к российскому законодательству в п. 2 ст. 158 СК РФ, в отличие от п. 1 той же статьи, не влияет на применение оговорки о публичном порядке (ст. 167 СК РФ), которая действует и в этом случае. В связи с этим отрицается необходимость корректировки положений ст. 158 СК РФ по причине того, что в нее невозможно включить все то, что противоречит публичному правопорядку Российской Федерации (в частности, браки с животными, неодушевленными вещами и т. д., разрешенные законодательством ряда государств) [3, с. 23].

Однако названная позиция нами не разделяется. Изложенное подтверждает неочевидность нормативно-правовой регламентации признания в Российской

Федерации действительными браков, заключенных в соответствии с иностранным законодательством. Полагаем, в данном случае конкретика явно лучше усмотрения, а формальная определенность — ситуационности. К чему множить фактические прецеденты, чтобы затем административными и судебными усилиями их преодолевать, если можно внести ряд изменений в действующее законодательство, предотвратив неоднозначность понимания существующих норм. Кроме того, общепризнанным доктринальным принципом толкования правовых норм является приоритет именно буквального толкования над иными, если оно позволяет однозначно выявить смысл нормы. В свете сказанного полагаем целесообразным скорректировать следующие нормы семейного законодательства.

Учитывая, что запреты не должны толковаться расширительно, п. 1 ст. 158 СК РФ следует дополнить правилом о необходимости при заключении брака с участием российских граждан за границей соблюдать (помимо ст. 14 СК РФ) условия вступления в брак, предусмотренные статьями 1, 12, 13 СК РФ. Это придаст данным нормам сверхимперативный характер и положит конец дискуссии о необходимости соблюдения данных условий.

Кроме того, представляется необходимым скорректировать содержание статей 1193 ГК РФ и 167 СК РФ, указав в них, что не только нормы иностранного права, нарушающие публичный порядок, не должны применяться в РФ, но и юридические факты, имеющие место на территории иностранного государства, порождающие несовместимые для российского публичного порядка правовые последствия, не должны признаваться в РФ, а соответствующие субъективные права не подлежат защите в РФ.

Предложенные изменения, на наш взгляд, будут способствовать правильному пониманию соответствующих норм, и, как следствие, выработке единых подходов к разрешению сложных коллизионных вопросов, возникающих, в частности, в сфере семейных отношений, осложненных иностранным элементом.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
3. Канашевский В. А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. — 2018. — № 5. — С. 56–62.
4. Рузакова О. А., Рузаков А. Б. К вопросу о непризнании в Российской Федерации однополых браков, зарегистрированных за рубежом // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 2. — С. 22–25.

К ВОПРОСУ О РИСКАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ С САМОЗАНЯТЫМИ ПРИ ФАКТИЧЕСКОМ НАЛИЧИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»,
г. Барнаул, Россия

В работе проведен анализ вопросов заключения гражданско-правовых и трудовых договоров с самозанятыми, их переквалификация, проблемы использования схем уклонения от платы налогов обязательных платежей в этой сфере.

Ключевые слова: самозанятый, трудовой договор, трудовая функция, переквалификация договора/

Запрещается заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем п. 2 ст. 15 ТК РФ. Вместе с тем широкое распространение сегодня получила практика заключения с самозанятыми гражданско-правовых договоров при фактическом наличии трудовых отношений.

Наиболее активно в направлении квалификации договоров как трудовых ведется работа в ФНС России, Рострудинспекции и Прокуратуре РФ, но пока ее не очень заметно, и многие работодатели в целях экономии на налогах и обязательных платежах заключают гражданско-правовые договоры с самозанятыми.

На данный момент практика по такой квалификации минимальна, но это, по нашему мнению, связано скорее со следующими факторами:

1. В большинстве субъектов Российской Федерации институт самозанятых введен с 01.07.2020. При этом налоговый период по НДФЛ заканчивается 31.12.2020, срок подачи деклараций за 2020 год — до 15.07.2021, т. е. до этого момента будет относительно спокойно [1].

2. Пока еще нет жалоб от самих граждан, увеличившаяся зарплата за счет экономии на налогах их пока устраивает, а риски от отсутствия трудовых отношений населением еще не осознаны. Но в ситуации несчастных случаев на производстве они вполне будут рады такой переквалификации.

3. Институт самозанятых достаточно новый и активно продвигаемый Правительством РФ, имеет характер национального проекта, поэтому любая негативная информация и риски могут отпугнуть граждан, уменьшить стимулы выхода их теневого рынка труда. Т. е. вопрос «не лезть к самозанятым» пока еще имеет политико-социальный оттенок. Полагаем, что актуализация контроля здесь произойдет после регистрации значительной части самозанятых и усиления цифрового надзора государства.

4. Действует правило о запрете сотрудничества с бывшим сотрудником, зарегистрировавшимся в качестве самозанятого, в течение двух лет с момента его увольнения, которое пока препятствует массовым злоупотреблениям [4].

5. В условиях кризиса контролирующие органы существенно ограничены в давлении на хозяйствующие субъекты, более того, с 01.04.2020 г. по 31.12.2020 введен мораторий на проверку субъектов малого и среднего предпринимательства [3], который, согласно поручению Президента РФ, в ближайшее время планируется продлить до 31.12.2021 [2]. Вместе с тем в последующем налоговая проверка вполне может охватить три предшествующих налоговых периода.

6. Еще нет прямых указаний законодательства и судебной практики относительно переквалификации договоров с самозанятыми в трудовые. А позиции, выработанные в отношении ИП, суды применять опасаются (пока).

Мы предполагаем, что еще некоторое время схема использования трудовой функции самозанятого будет относительно ненаказуема, но с июля 2021 риски значительно возрастут. При этом существующая ранее практика переквалификации договоров в трудовые с ИП уже вполне применима.

Так, 26.11.2019 на сайте ФНС России выставлена информация о том, что гражданско-правовые договоры между работодателями и самозанятыми могут быть переквалифицированы в трудовые, а в письме ФНС РФ 27 декабря 2019 г. № БС-3-11/11131@ отмечено, что если по договору гражданско-правового характера физическое лицо фактически будет выполнять трудовую функцию, то такой договор может быть переквалифицирован в трудовой договор, а выплаты и иные вознаграждения будут подлежать обложению страховыми взносами.

В соответствии со ст. 19.1 ТК РФ признание гражданско-правовых отношений трудовыми влечет за собой установление их таковыми со дня начала выполнения работ по гражданско-правовому договору. Соответствующая переквалификация осуществляется самим работодателем или судом. Неустраняемые сомнения толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

С учетом положений действующего законодательства (п. 70 ст. 217 НК РФ, ст. 20 ТК РФ) представляется, что самозанятые лица в том смысле, который заложен в НК РФ, могут являться стороной трудового договора в качестве работника.

Это означает появление следующих рисков «работодателя»:

1. К этому моменту у работника могут накопиться непредоставленные отпуска, больничные листы, оплата сверхурочного труда и прочее.

2. В отношении работодателя-заказчика могут быть начислены недоимки по НДФЛ и страховым взносам, а также штрафы и пени за их несвоевременную уплату (статьи 120, 122 НК РФ). Также остается угроза штрафа за неподачу налоговой декларации (ст. 119 НК РФ). Суммарно может превышать общую сумму экономии. При этом указанный риск распространяется на 3 года, предшествующих текущему налоговому периоду.

3. Возникает риск административной ответственности:

— ст. 15.11 КоАП РФ: грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету...;

— ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ: уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора...;

— очевидным образом выплывут нарушения: непроведение специальной оценки условий труда, допуск работников к исполнению трудовых обязанностей

без обучения и медицинского осмотра, необеспечение средствами индивидуальной защиты и проч. (ст. 5.27.1 КоАП РФ). Если же они соблюдены, то это будет серьезным доказательством имеющих трудовых отношений;

— при невыплате или неполной выплате в установленный срок заработной платы и иных платежей в рамках трудовых отношений — ответственность по ч.6 ст. 5.27 КоАП РФ.

А при достижении недоимки по сумме налогов, сборов, страховых взносов (в пределах 3 финансовых лет подряд 15 млн рублей) наступит уголовная ответственность (ст. 199 УК РФ).

4. Исполнитель по договору подряда не будет нести ответственность и риски за объект, а договор о материальной ответственности здесь явно не заключен.

5. Массовое привлечение из организаций-партнеров либо аффилированных лиц бывших работников, которые стали после увольнения самозанятыми гражданами, также будет привлекать внимание налоговиков с целью установок схем ухода от уплаты налогов.

Поэтому представляется актуальным анализ признаков, по которым возможна переквалификация гражданско-правовых отношений с самозанятыми в трудовые.

Следует отметить, что редко можно выделить универсальный критерий такой переквалификации. Общепринятой здесь выступает позиция, озвученная в приложении к Письму ФСС РФ от 20.05.1997 № 051/160-97 «О рекомендациях по разграничению трудового договора и смежных гражданско-правовых договоров», о том, что отличительные признаки следует применять в их совокупности, что позволит даже в сложных, сомнительных случаях провести разграничение указанных договоров.

Сегодня даже нет смысла применять аналогию мер по борьбе с фактическим трудоустройством индивидуальных предпринимателей, ибо уже есть, например, Методические рекомендации по проведению внеплановых проверок в части надлежащего оформления с работниками трудовых договоров или заключения гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения, утвержденные приказом Роструда от 6 февраля 2020 г. № 28, в которых приведены соответствующие критерии отграничения. А ведущей будет позиция, выраженная пунктами 15–18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям».

Следует отметить, что значительное количество дел выигрывается несостоявшимися работодателями. Основными аргументами для суда здесь выступали:

- 1) акцент в предмете договора на итоговый результат, который по истечении срока должен быть передан заказчику;
- 2) право привлечь к выполнению работ/оказанию услуг других лиц;
- 3) самостоятельность подрядчика и неподчинённость заказчику и его трудовому распорядку, самостоятельное определение режима работы;

4) выполнение работ иждивением подрядчика, самостоятельный выбор средств труда;

5) составление цены на основе сметы, установление приблизительной цены, компенсация издержек подрядчика;

6) выплата вознаграждения после сдачи результатов работ при условии приемки их заказчиком;

7) наличие условия о неустойке/пени как отношении подрядчика, так и заказчика, условий о возмещении убытков, причиненных несвоевременным исполнением;

8) оформление актов приемки выполненных работ;

9) подрядчик применяет профессиональные вычеты, использует доходы — расходы в качестве налоговой базы по УСН.

Тем не менее, даже в этом случае полностью риски не снимаются и рекомендуется во всех сомнительных случаях заключать трудовые договоры.

Список литературы

1. Справка о сроках введения налога на профессиональный доход: [Электронный ресурс]. — URL: <https://npd.nalog.ru> (дата обращения: 22.10.2020)
2. Мораторий на проведение плановых проверок малого бизнеса планируют продлить до 2022 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/news/1185740> (дата обращения: 22.10.2020).
3. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: ФЗ от 27.11.2018 № 422-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 03.12.2018. — № 49 (часть I). — Ст. 7494.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: ФЗ от 01.04.2020 № 98-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 06.04.2020. — № 14 (часть I). — Ст. 2028.

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРАВОВОГО ПОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «НЕМЕЦКОЕ И РОССИЙСКОЕ ПРАВО»)

Р. В. Антропов, канд. юрид. наук, доцент

Забайкальский институт предпринимательства — филиал СибУПК,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

«Немецкое и российское право» — уникальная магистерская программа для студентов-юристов в городах Пассау и Красноярске. В статье определены особенности университетской подготовки юридических кадров по программе двойного диплома. Рассмотрены особенности поступления на международно-аккредитованную магистерскую программу. Выявлены перспективы трудоустройства ее выпускников.

Ключевые слова: магистерская программа «Немецкое и российское право», Пассау, Красноярск, программа двойного диплома, трудоустройство выпускников.

Магистерская программа двойного диплома «Немецкое и российское право» в университете Пассау (Universität Passau) и в Сибирском федеральном университете (СФУ) в Красноярске с общим количеством зачетных единиц 120 ЕСТ, существует с 2014 года. В течение двух лет студенты изучают специфику правовой системы Германии и России с одновременным посещением междисциплинарных курсов в двух университетах. Курс предназначен для студентов, которые уже получили академическую степень в области права или степень с акцентом на право.

Растущие связи Красноярского края с немецким бизнесом стали предпосылкой создания такой программы. В таких условиях становится жизненно необходимым наличие специалистов, разбирающихся в тонкостях и особенностях сразу двух правовых систем. Поэтому одна из целей данного проекта — подготовка юристов для экономической сферы, где пересекаются два поля права: российское и немецкое. Кроме того, Сибирский федеральный университет заинтересован в подготовке научных кадров. Сегодня программа двойного диплома является единственной в России по направлению *юриспруденция* [2].

По результатам работы экспертной комиссии с мая по сентябрь 2017 года магистерская программа «Немецкое и российское право» («Deutsches und Russisches Recht»), программа двойных дипломов, реализуемая Юридическим институтом СФУ и Университетом Пассау, была признана соответствующим Стандартам и руководящим принципам обеспечения качества в Европейском пространстве высшего образования (ЕПВО). Свидетельство об аккредитации выдано

26 сентября 2017 г. Успешная аккредитация программы двойных дипломов стала результатом плодотворного сотрудничества Университета Пассау и Юридического института Сибирского федерального университета.

Курс можно начать только в так называемом «зимнем» семестре. Последний срок подачи заявок — 15 июля. Для поступления в магистратуру российские абитуриенты подают документы в вуз г. Красноярск. Для этого требуется диплом о высшем образовании и сертификат о знании немецкого языка не ниже уровня B2 или DSH-1. В качестве вступительного экзамена СФУ принимает мотивационное письмо, в котором абитуриент должен пояснить, почему он хочет учиться по данной программе. Также учитываются научные публикации, победы на международных конкурсах, индивидуальные достижения соискателя на место в программе [1].

Поскольку в Германии иная система классического юридического образования, в которой нет разделения на академические степени бакалавра и магистра права, абитуриенты из Германии могут быть зачислены на программу в университете Пассау только после сдачи Первого государственного экзамена (нем. 1. *Staatsexamen*). Немецкие студенты имеют возможность детально ознакомиться с основами российской правовой системы, а также углубленно разбираться в собственном экономическом и налоговом праве. Для этого студентам необходимо знание русского (юридического) языка, который изучается в ходе курса.

В магистратуре «Немецкое и российское право» СФУ предусмотрены как бюджетные, так и платные места. Студенты из России учатся в Пассау бесплатно. Они могут подать заявку в немецкие фонды на получение стипендии во время учебы, иногда сами университеты оказывают финансовую поддержку.

После зачисления немецкие и российские студенты учатся по одной и той же программе, но отдельно: первый год посвящен изучению права страны-партнера. Первый и второй семестры для россиян проходят в Пассау, остальные — в Красноярске. Немцы напротив, сначала уезжают в Россию, а на второй год возвращаются в Германию. Во время обучения студенты проходят производственную практику в стране вуза-партнера, например, в немецких юридических фирмах (обычно, в адвокатских канцеляриях).

К особенностям программы двойного диплома для немцев следует отнести следующее [3]:

- полностью интегрированный курс немецко-российского права, уникальный для Германии;
- два семестра за рубежом в университете-партнере в Красноярске;
- отсутствие платы за обучение в университете-партнере;
- единый общий каталог модулей;
- совместные коллоквиумы для немецких и российских студентов;
- обязательная стажировка за рубежом;
- предыдущая работа в Германии или в России (юридическая сфера) зачитывается при поступлении;
- Университет Пассау и Сибирский федеральный университет выдают соответствующий двойной диплом.

Программа состоит из пяти направлений:

1. Направление А: Общие научные принципы (*Allgemeinwissenschaftliche Grundlagen*). Сопровождающий направление языковой курс иностранного языка углубляет речевые навыки, необходимые для обучения за границей.

2. Направление В: Профессиональный цикл (*Professioneller Zyklus*).

Модуль направления В. I. — Методология и история права (*Methodologie und Geschichte der Rechtswissenschaft*).

Область модуля В. II. — Основы иностранного права (*Grundlagen des ausländischen Rechts*).

Область модуля В. III. — Специализация (*Spezialisierung*). В рамках этого модуля студенты устанавливают свои собственные приоритеты, углубляя так называемую «субдисциплину». Специализация оставляет большую свободу выбора для изучения отдельных вопросов публичного или частного права, коммерческого права, налогового права или международного и европейского права. Немецкие студенты также могут посещать курсы философского факультета Университета Пассау с акцентом на Восточно-Центральную Европу.

3. Направление С: Исследования (*Forschung*). В рамках этого модуля студенты работают над своей магистерской диссертацией. Исследовательский коллоквиум организован для всех студентов Пассау.

4. Направление D: Практика (*Praxis*). Эта область обучения готовит к юридической работе в международном контексте. Практический модуль состоит из стажировки от шести до восьми недель, которую практикант обычно проходит за границей.

5. Направление E: Завершение программы (*Abschluss*). Обучение завершается устным экзаменом. Все студенты также устно защищают магистерскую диссертацию (желательно по сравнительному праву). Она может быть написана на немецком, английском или русском языках.

Заметим, степень магистра немецкого и российского права не приравнивается в Германии к полной профессиональной юридической подготовке (*Volljurist*) как для россиян, так и для немцев. Соответственно, диплом признается в Германии, но не открывает полный доступ на рынок труда юристов (адвокатура, прокуратура, нотариат, следствие, судопроизводство и т. д.). Однако выпускники могут работать в российско-немецком правовом поле, в первую очередь в области коммерческого и налогового права. Например, в государственных органах России, адвокатских образованиях и ассоциациях юристов, которые сотрудничают с немецкими клиентами, или в международных организациях, таких как ОБСЕ или неправительственных организациях (например, в политических фондах) в России или связанных с Россией, поскольку предметы европейского и международного права также можно изучать в качестве курсов по выбору.

Полагаем, практика двойного диплома чрезвычайно полезна для укрепления двусторонних связей не только в Сибири, но и в России в целом. Так, представительства различных немецких компаний находятся в Москве и в Санкт-Петербурге. Выпускники программы готовы к эффективной профессиональной деятельности и востребованы в Германии, где функционирует много

российских фирм.

Список литературы

1. Как выучиться на юриста в Германии и России [Электронный ресурс]. — URL: <https://p.dw.com/p/2unU4> (дата обращения: 05.10.2020).
2. Юристы идут на право: в Сибири студенты могут получить сразу два диплома [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2018/05/23/reg-sibfo/v-sibiri-studenty-smogut-poluchit-srazu-dva-diploma.html> (дата обращения: 04.10.2020).
3. Doppelmaster Deutsches und Russisches Recht [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.uni-passau.de/deutsches-und-russisches-recht/> (дата обращения: 03.10.2020).

УДК 348

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ 2020

М. А. Задорина, доцент

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия

Статья посвящена вопросам функционирования образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку юридических кадров. Особое внимание уделяется проблемам, вызванным пандемией коронавируса COVID-19, послужившей причиной для перехода вузов на дистанционный (онлайн) формат обучения. Предлагаются способы решения выявленных проблем.

Ключевые слова: образование, право на образование, юридическое образование, дистанционные образовательные технологии, дистанционное обучение, онлайн-обучение.

В настоящее время системы образования многих стран претерпевают коренные изменения. Причиной тому служат не только процессы глобализации и цифровизации, но и пандемия коронавируса (COVID-19). В целях здоровьесбережения населения практически все образовательные организации перешли на дистанционный формат обучения. В научной среде все чаще стал подниматься вопрос о «праве на онлайн-обучение» и корреспондирующем ему «праве на интернет» [2].

С одной стороны, перевод образовательного процесса в онлайн-режим позволил обеспечить доступ обучающихся к знаниям независимо от их места жительства. С другой стороны, переход на дистант вскрыл новые и обострил существующие проблемы функционирования системы юридического образования. В связи с этим возникает необходимость научно-практического осмысления полученного с середины марта 2020 года опыта реализации в дистанционном формате образовательных программ высшего образования, направленных на подготовку юридических кадров, а также выявления условий развития

юридического образования в России и обеспечения его качества.

Во-первых, далеко не все вузы, осуществляющие подготовку юристов, были готовы перейти на дистанционную форму обучения. Локальные акты многих образовательных организаций не содержали положений об условиях, специфике использования дистанционных образовательных технологий не только в рамках отдельных учебных курсов или отдельных видов занятий, но и в рамках промежуточной аттестации, государственной итоговой аттестации, при проведении вступительных испытаний и т. д. Кроме того, не все вузы были технически готовы к этому. Многие вузы в первые недели после перевода студентов на дистант испытывали трудности с обеспечением бесперебойной работы электронной информационно-образовательной среды ввиду того, что серверы не были приспособлены к одновременному использованию этого ресурса несколькими тысячами обучающихся одновременно. Представляется, что подобные затруднения в первую очередь испытывали вузы, до этого времени делающие акцент на развитие очной формы обучения и развивали дистанционные образовательные технологии лишь в объеме, необходимом для сохранения лицензии и аккредитации.

Во-вторых, не были готовы к повсеместному использованию дистанционных образовательных технологий преподаватели. Ни для кого не секрет, что сегодня тенденция старения населения отчетливо видна во многих сферах, а особенно в сфере высшего образования. Подавляющее большинство преподавателей образовательных организаций высшего образования — лица среднего возраста, предпенсионеры и пенсионеры. И, как правило, именно эти лица составляют «золотой фонд» профессорско-преподавательского состава учебного заведения. Вследствие этого им тяжелее дается освоение новых технологий. Учитывая, что курсы повышения квалификации преподавателей зачастую носят формальный характер, процесс перехода на онлайн режим оказался для большинства преподавателей весьма затруднительным и трудоемким. Ведь, как справедливо отмечает С. В. Мицук, перед преподавателями еще и встал вопрос о подборе наиболее удачной формы представления информации при дистанционном обучении [4].

В-третьих, не все студенты были готовы к переходу на дистанционный режим обучения. Безусловно, многие иногородние студенты получили возможность уехать к себе домой и тем самым смогли сэкономить на съеме жилья (и, соответственно, накопить деньги на оплату обучения в следующих семестрах). Вместе с тем в наименее выгодном положении оказались студенты из малообеспеченных семей, у которых нет возможности необходимые для получения высшего образования дистанционно гаджеты (ноутбук, смартфон и др.), а также те, кто проживает в сельской местности, где отсутствует высокоскоростной интернет. Все это негативным образом сказалось на одном из важнейших принципов реализации права на образование — равенстве права на образование [3, с. 76], усилив дифференциацию доступа к качественному образованию и результатом обучения [1].

Кроме того, некоторые ресурсы, имеющее важное значение для подготовки

будущих юристов (справочно-правовые системы) оказались недоступны для студентов. Недоступны вне стен учебного заведения стали также виртуальный читальный зал Российской государственной библиотеки, международные базы *Scopus* и *Web of Science* (доступ к ним осуществляется только по подписке и только через компьютеры образовательной организации), что отразилось на научной деятельности студентов.

В дополнение, в условиях получения образования дистанционно у студентов должны быть развиты такие качества, как исполнительность, дисциплинированность и самостоятельность. Студенты, обладающие этими качествами, адаптировались к переходу на дистант гораздо легче. Те, у кого эти качества развиты слабо, отодвинули учебу на второй план и успели накопить много академических задолженностей.

Обозначенные проблемы не самым лучшим образом отразились на качестве подготовки в вузах, особенно специалистов юридического профиля. Плохое усвоение и плохая подача учебного материала способны нанести значительный урон, т. к. выпускники юридических факультетов и институтов работают в представительных и исполнительных органах власти, в прокуратуре, в судах, в правоохранительных органах, в коммерческих и некоммерческих организациях. Недостатки их образования негативно сказываются на качестве принимаемых управленческих решений, качестве правоприменительной деятельности. В связи с этим государство совместно с образовательными организациями высшего образования должны обобщить полученный опыт работы в дистанционном режиме и принять необходимые меры для обеспечения возможности каждого получить качественное высшее юридическое образование.

Представляется, что особенно актуальными будут следующие меры:

1. Разработка учебно-методических материалов, рассчитанных на использование исключительно в условиях дистанционного обучения. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации могло бы разработать рекомендации для вузов относительно требований к таким материалам.

2. Увеличение технических мощностей оборудования, используемого для обеспечения функционирования электронных образовательных ресурсов. Разработка стандартов технического оснащения вузов с перечнем минимальных требований к необходимому оборудованию с учетом численности обучающихся.

3. «Интернетификация» всех населенных пунктов. При этом результаты этого процесса окажут положительное влияние не только на развитие юридического образования, но и на развитие всей сферы образования в целом, а также на здравоохранение, культуру и др.

4. Создание сети центров дополнительного профессионального образования для профессорско-преподавательского состава вузов. Для школ и колледжей — институты развития образования, которые есть в каждом субъекте Российской Федерации.

Подводя итог, хочется отметить, что особая роль юридической деятельности в обеспечении благосостояния общества ставит перед всеми вузами, обучающими будущих юристов, задачу по обеспечению качества их подготовки независимо от применяемых образовательных и цифровых технологий, формы

обучения и иных факторов. Пандемия коронавируса бросила вызов всей системе образования в стране. Представляется, что именно вузы, обучающие специалистов юридического профиля, должны первыми ответить на этот вызов и стать примером для других образовательных организаций высшего образования.

Список литературы

1. Агранович М. Л., Ермачкова Ю. В., Ливенец М. А. Онлайн-обучение в период пандемии COVID-19 и неравенство доступа к образованию // Федерализм. — 2020. — Т. 25. — № 3 (99). — С. 188–206.
2. Бунина С. Г. Четвертое поколение прав человека: онлайн-образование и доступ к интернету // Современное право. — 2020. — № 8. — С. 106–109.
3. Задорина М. А. Конституционное право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Екатеринбург, 2018. — 255 с.
4. Мицук С. В. Высшее образование онлайн: экстренный переход // Ректор вуза. — 2020. — № 7. — С. 28–33.

УДК 34:378

КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА, ПУТИ РЕШЕНИЯ

О. И. Рожкова, обучающийся

Научный руководитель Ю. С. Пестерева, канд. юрид. наук., доцент

Сибирский юридический университет (СибЮУ)

г. Омск, Россия

В данной работе рассматриваются актуальные проблемы современного высшего юридического образования в Российской Федерации. Автором проведен сравнительный анализ образовательных систем современности и предложены пути разрешения проблем в сфере высшего юридического образования.

Ключевые слова: юриспруденция, проблемы, болонская система, образование.

Образование во все времена являлось фактором, консолидирующим высшие морально-нравственные ценности как всего общества, так и отдельно взятого человека. Право на образование, закрепленное в ст. 43 Конституции РФ [1], является неотчуждаемым правом личности. Сегодня российская система высшего образования проживает не лучшие свои времена. Касается это и юридического образования. Вызвано это, как внутренними (составляющими большинство, на наш взгляд), так и внешними причинами.

Действующий федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2] и личный опыт получения высшего

юридического образования позволяют нам поднять некоторые конституциональные, на наш взгляд, проблемы высшего юридического образования России:

1. *Очевидная неконкурентноспособность российских выпускников, получивших высшее юридическое образование.* Так, неудачи многих российских компаний, осуществляющих свою предпринимательскую деятельность за рубежом, связаны с отсутствием грамотных и по-настоящему квалифицированных юристов, которые знали бы не только внутреннее, но и на достаточно высоком уровне международное частное и публичное право. В зарубежных компаниях к сотрудникам правовых отделов предъявляются очень строгие требования. Программы современных юридических вузов давно не реформировались. Проблема заключается и в подготовке. Так, студенты европейских юридических вузов с первого курса имеют навык длительного и качественного чтения. Например, в Сорбонне преподаватели готовят крупные подборки материалов из учебников и иной научной литературы, которые обязательны для ежедневного прочтения. К каждому занятию студент изучает от 40–80 страниц ежедневно [3]. Лекционные занятия проводятся на основе изученной литературы.

В таких странах, как Франция, Швейцария, Финляндия, на лекциях не принято устраивать диктант, как это делается в России. Тема обсуждается преимущественно в рамках поднятой преподавателем проблемы, с научным дискурсом которой студенты ознакомились дома при подготовке к лекционному занятию. Очевидно, данный опыт успешно было бы перенять и в практику преподавания российских юридических дисциплин.

Выпускники российских юридических вузов становятся неконкурентноспособными в т. ч. и потому, что они просто не в состоянии знакомиться с большим количеством материалов, присылаемых клиентами. Их не учили этому навыку. И попав в крупную международную юридическую компанию, они вынуждены изучать и рецензировать договоры на 100–150 страницах. Неконкурентноспособными выпускники российских юридических вузов становятся еще и из-за отсутствия навыка делового общения, который должен прививаться в рамках реализации практико-ориентированного подхода в обучении, которым современная система высшего юридического образования не блещет.

2. *Особому вниманию подлежит массовый характер юридического образования.* Так, в ежегодном докладе ОЭСР «Взгляд на образование 2019» обозначено, что Россия занимает 2 место по количеству граждан, имеющих высшее образование (53 %) [4]. Очевидно, что это количественный фактор. Что касается качества — большой вопрос. Безусловно, в условиях рыночной экономики специалисты с юридическим образованием крайне необходимы. Однако оно должно быть качественным. Последние двадцать лет сферу правового сообщества ознаменовало массовое появление учреждений высшего образования, обучающих по образовательной программе «юриспруденция». Более того, это реализуют даже непрофильные вузы (медицинские, инженерные, аграрные). Делается это, очевидно, для того, чтобы и в медицине, и в инженерии и в сельском хозяйстве был свой юрист, знающий определенную сферу. Мы полагаем, что такая «дробленая» специализация крайне вредна для становления настоящего юриста. С возрастающим количеством юридических вузов в стране и

началось *снижение качества правового образования*. Преодолеть проблему массовости юридического образования, на наш взгляд, поможет *введение государственных квалификационных экзаменов на право вступления в юридическую профессию*. В этой связи, необходимой мерой, на которую государство должно обратить особое внимание, должно стать принятие *профессионального стандарта юриста*. Главной его особенностью должна стать универсальность. Так, чтобы понятие государственной/муниципальной должности, места трудоустройства не размывалось границами «юрист», являясь понятием более широким, чем адвокат, следователь, судья, прокурор, юрисконсульт, нотариус, и прочее.

3. *Проблему «сервисности» образования* также можно применить и к получению юридического образования. Сегодня реализация образовательных программ стало услугой в рыночном понимании этого значения. В сознании людей это своего рода «товар», который можно купить, продать, обменять и прочее. В итоге сам процесс обучения становится никому неинтересным. Мы полагаем, что к «рынку» образовательных услуг нельзя применять традиционные правила экономики: спрос/предложение, конкурентная борьба и иные, ведь получение образования является двусторонним процессом, в то время как оказание услуг — односторонним.

4. Говоря о повышении качества высшего юридического образования в России, важно упомянуть развитие юридических клиник при учебных заведениях. Их деятельность предусмотрена федеральным законом от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Однако в деятельности таких клиник участвует не все студенты и не в каждом вузе они (клиники) есть. Очевидно, что студент, оказывающий юридическую помощь при таких клиниках, формирует у себя гораздо больше профессиональных компетенций, чем студент, который ее не оказывает. Мы полагаем, что так *нарушается единство образовательного процесса*, т. е. наличие обязательных требований к условиям реализации образовательных программ и результатам их освоения. Каждый обучающийся, на наш взгляд, должен обучаться навыкам оказания юридической помощи. Юридическую клинику можно рассматривать как социально-правовой институт, помогающий гражданам. Однако мы полагаем, что такие подразделения могут включать в себя научную составляющую. Так, обучающийся, оказывая юридическую помощь, выявляет причины и условия возникновения конфликтной правовой ситуации, а также обращая внимания на ее нормативное регулирование, исследует проблемы законодательства и правоприменения. Мы полагаем, что потенциал юридических клиник должен быть расширен за счет добавления *функций научного анализа действующего законодательства и практики его применения, а также выработки предложений по внесению в него изменений*.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, мы считаем, что конституциональных проблем высшего юридического образования довольно много. На них влияет и отсутствие надлежащего правового регулирования, и закрытость российского юридического образования от международного сообщества, и причисление образования к сегменту сервиса, и прочее. Правовому регулированию

юридического образования необходимо придавать ясность, внутреннюю согласованность, непротиворечивость и, безусловно, ориентировать обучающихся на его главную цель — обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об образовании: ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Кочкаров Р. М., Айбазова М. Ю. Проблемы и перспективы развития профильного юридического образования // Педагогика. — 2012. — № 3. — С. 94.
4. Концепция правового просвещения до 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: pravo.khv.ru // (дата обращения: 22.10.2020 г.).

УДК 378.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗА И РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В. Е. Чернокутов, канд. ист. наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия

В настоящей статье рассматриваются проблемы взаимодействия вуза и работодателей в период подготовки молодых специалистов, особое внимание уделяется сотрудничеству в вопросах организации практики студентов и трудоустройства молодых специалистов после окончания образовательного учреждения.

Ключевые слова: вуз, работодатель, студенты, производственная практика, трудоустройство, целевая контрактная подготовка.

Подготовка высококвалифицированных специалистов сегодня должна быть направлена, прежде всего, на формирование у студентов практических профессиональных умений самостоятельно решать актуальные производственные, социально-экономические и управленческие задачи. Эффективность этой работы во многом зависит от взаимодействия образовательных учреждений и работодателей в период подготовки молодого специалиста.

В связи с переходом на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС ВПО) задачи высших учебных заведений по подготовке кадров существенно расширились. В частности, ФГОС ВПО четко указывают на то, что выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать профессиональными компетенциями, соответствующими виду (видам) профессиональной деятельности. Подготовка должна быть направлена на практико-ориентированный, прикладной вид деятельности [1]. В силу этого образовательные организации обязаны особое внимание уделять практической стороне подготовки будущих специалистов. Решать эту задачу вузу необходимо совместно с работодателями по многим направлениям деятельности и в первую очередь при организации практики студентов на базе профильных предприятий. Следует

подчеркнуть, что многие профессиональные компетенции могут быть сформированы частично или полностью именно в ходе практики и стажировок студентов, если они будут соответственно организованы.

Сегодня в работе по организации практики студентов появилась возможность вариативной организации практики студентов. По усмотрению вуза практики могут проводиться как в профильных организациях, так и на кафедрах и в лабораториях вуза. Еще одной особенностью ФГОС является возможность организации практики бакалавров в форме научно-исследовательской работы студентов.

Новые изменения в организации практики студентов произошли и в связи с принятием и вступлением в силу федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В данном законе в ст. 13 закреплены: необходимость организации практики студентов на основе договоров со сторонними организациями; возможность организации практик на базе вуза [2].

Рассматривая новые возможности в организации практики студентов, необходимо опираться на опыт данной работы, накопленный в вузах.

Определенный опыт взаимодействия с работодателями в организации практики студентов накоплен в Сибирском институте управления — филиале РАН-ХиГС (СИУ), ранее — Сибирской академии государственной службы.

Важным импульсом активизации работы в рассматриваемом направлении явилось создание в 2015 г. Центра развития карьеры и работы с выпускниками института (далее — Центр). Центр стал систематически проводить дни карьеры, выставки, встречи с работодателями, информировать студентов о состоянии рынка труда, вакансиях, и требованиях к кандидатам на вакантные должности. На сайте СИУ начал функционировать соответствующий раздел Центра карьеры. Особое внимание Центр стал уделять вопросам организации практик студентов. Уже в первые годы работы Центра более чем с 50 крупными компаниями и органами власти Сибирского региона были заключены договоры о сотрудничестве по вопросам организации практики студентов и трудоустройству выпускников института.

В 2019 г. количество договоров об организации и проведении практик, заключенных на период прохождения практики обучающимися, составило 2510; количество же долгосрочных договоров об организации и прохождении практики — 106.

Опыт работы многих вузов, в т. ч. и СИУ, показывает, что в организации практики студентов сохраняется еще много проблем и недостатков. Предприятия, организации, их руководители не всегда уделяют должное внимание практикантам. Нередко студенты-практиканты привлекаются к выполнению разовых поручений, реально не участвуют в производственном процессе. Руководители практики со стороны принимающих организаций не мотивированы заниматься данной работой в силу высокой загруженности по основной работе. Эта деятельность не стимулируется должным образом и среди руководителей практики от вуза, учебная нагрузка, выделяемая им за эту работу, неадекватна требуемым затратам. Имеет место и формальный подход к организации практики студентов, задания на практику нередко имеют общий характер, отсутствует реальное взаимодействие руководителей с обучающимися в

период прохождения практики. Несмотря на наличие договоров о сотрудничестве с работодателями, иногда студенты самостоятельно ищут место практики. Следует отметить также, что работодатели редко привлекаются к разработке (согласованию) программ практики студентов, в силу этого задания часто носят общий характер.

Актуальной проблемой взаимодействия вуза и работодателей сегодня, кроме организации практики студентов, остается и трудоустройство молодых специалистов после окончания вуза по специальности, полученной в образовательном учреждении. По мнению многих экспертов, исследующих трудовой потенциал современной России, важной причиной, сдерживающей эффективное трудоустройство выпускников вузов, являются отсутствие действенного механизма, обеспечивающего взаимосвязь между рынком труда и рынком образовательных услуг [3, 5].

Решение проблемы трудоустройства выпускников вузов, по нашему мнению, требует систематического взаимодействия вузов и работодателей и органов власти. Определенный опыт такого взаимодействия накоплен Сибирским институтом управления. Центр развития карьеры СИУ совместно с деканатами и выпускающими кафедрами систематически организует карьерные мероприятия с компаниями-работодателями (дни карьеры, ярмарки вакансий, круглые столы и т. п.), способствующие развитию сотрудничества между вузом и бизнесом, органами власти. Одним из таких крупных мероприятий стал форум «День карьеры», прошедший 21 марта 2019 г. в формате стендовой сессии работодателей и деловых программ. В стендовой сессии приняли участие около 30 представителей работодателей с вакансиями на трудоустройство, стажировки и практики. Параллельно студенты филиала могли принять участие в различных мастер-классах от работодателей. Всего в рамках форума «День карьеры» состоялось 10 мастер-классов, которые посетили почти 350 студентов. Важным событием форума «День карьеры» стал круглый стол, посвященный новым форматам взаимодействия между вузом и работодателем — органом государственной власти.

В Сибирском институте управления — филиале РАНХиГС реализуются дополнительные образовательные проекты для студентов (семинары, тренинги, коучинги и т. п.), направленные на карьерное развитие в соответствии с современными вызовами рынка, а также научно — образовательные проекты, направленные на интеллектуальное, профессиональное и творческое развитие студентов. Наиболее крупными проектами в 2019 г. можно считать программу тренингов «Как построить карьеру» (октябрь — ноябрь 2019 г.), тренинг «Развитие коммуникативной компетентности» (октябрь 2019 г.), практикум «Правила составления и типы резюме» (октябрь 2019 г.), тренинг «Управление стрессом: на экзамены с уверенностью» (октябрь 2019 г.). Проекты ориентированы на повышение конкурентоспособности студентов и выпускников, улучшение информированности о процессе поиска работы и развитие навыков, необходимых для успешного трудоустройства. В Филиале действует Региональная Новосибирская общественная организация «Ассоциация выпускников СИУ-СибАГС «Спутник»

Опыт СИУ показывает, что в условиях отсутствия распределения выпускников вузов после окончания учебы реальным механизмом их трудоустройства является целевой прием студентов в рамках квот, выделяемых органами власти. Финансирование целевой подготовки должно осуществляться за счет федерального бюджета.

Многолетний опыт СИУ показывает, что целевой прием студентов превратился в реальный и действующий механизм адресной планомерной подготовки специалистов для органов власти СФО. За 15 лет работы в рамках целевой контрактной подготовки (ЦКП) подготовлено более 1000 молодых специалистов, многие из них трудоустроились в соответствии с контрактом [4].

Следует отметить, что в работе по ЦКП существуют как объективные, так и субъективные трудности, в первую очередь в вопросах трудоустройства. Направляющие организации не всегда проявляют должное внимание вопросам трудоустройства выпускников ЦКП, не гарантируют им карьерного роста и получения социального пакета, не создают мотивации для возвращения в организацию, направлявшую его на обучение.

Образовательные организации со своей стороны также недостаточно занимаются данной проблемой, взаимодействие с работодателями по трудоустройству выпускников проводится эпизодически и не имеет системного характера. Данная работа активизируется, как правило, на последнем курсе обучения.

Особенно острой сегодня остается проблема подготовки специалистов для сельскохозяйственных и отдаленных районов РФ, в т. ч. и возвращение в эти регионы выпускников ЦКП. Одним из возможных путей решения исследуемой проблемы может явиться и введение на государственном и муниципальном уровне налоговых льгот для работодателей, принимающих на работу выпускников вузов.

Таким образом, сегодня при организации практики студентов и трудоустройства выпускников вузов необходимо развивать и совершенствовать взаимодействие образовательных организаций и работодателей, учитывать накопленный опыт работы в данном направлении.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 38.03.02. Менеджмент (уровень бакалавриата): утвержден приказом Министерства образования и науки от 12.01.2016 г. № 7.
2. Об образовании в Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) / Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 53 (ч.1). — Ст. 7598.
3. Турарова О. С. Проблема трудоустройства молодых специалистов // Молодой ученый. — 2016. — № 6. — С. 567–570 [Электронный ресурс]. — URL: <https://moluch.ru/archive/110/26668/> (дата обращения: 13.12.2019).
4. Черноскутов В. Е. Актуальные проблемы трудоустройства студентов и выпускников вузов // Развитие территорий. — 2015. — № 2.

5. Шадрина Н. М. Проблема трудоустройства выпускников вузов // Молодой ученый. — 2016. — № 23. — С. 368–372 [Электронный ресурс]. — URL: <https://moluch.ru/archive/127/35042/> (дата обращения: 13.12.2019).

SUMMARY

PUBLIC LAW ISSUES: CURRENT TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

TAX CONTROL OF UNCONTROLLED TRANSACTIONS

E. V. Alexandrova, Student

*Research Supervisor: I. V. Lagkueva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
O. E. Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russia*

The paper analyzes the procedure for price control in controlled transactions between related parties and in transactions that are not recognized as controlled according to the rules of Section V.1 of the Tax Code of the Russian Federation. The author examines the differences in the control system for these transactions, taking into account the position of the Ministry of Finance of Russia and the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: tax control, uncontrolled transactions, market price, unjustified tax benefit, tax audits.

COVID-19 AS THE MAIN PROBLEM OF 2020 FOR THE INTERNATIONAL COMMUNITY

A. A. Bizyukov, Student

D. S. Novikov, Student

*Research Supervisor E. A. Petrushina, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia*

In this article, the authors examine issues related to coronavirus is, the WHO recommendations, and the way countries try to cope with the covid-19 epidemic; draw conclusions and summarize the results.

Keywords: coronavirus, epidemic, WHO, covid-19.

AGE QUALIFICATION FOR PRESIDENTIAL CANDIDATES

A. A. Brezhneva, Student

Research Supervisor Ya. A. Konvalchikov, Senior Lecturer

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the
Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia*

The paper discusses the need to introduce an upper age limit for candidates for the President of the Russian Federation based on comparison with other states, as well as medical studies substantiating a decrease in human cognitive functions upon reaching a certain age.

Keywords: President, head of state, upper age limit, cognitive decline.

ELECTION OF THE HEAD OF MUNICIPAL ENTITY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

A. A. Brezhneva, Student

Research Supervisor Ya. A. Konvalchikov, Senior Lecturer

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the
Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia*

The paper considers the introduction of a relatively new competitive model of electing the head of a municipal entity, as a result of which the local population was deprived of the right to participate in local self-government.

Keywords: head of a municipal entity, competitive election model, local self-government.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES: CURRENT ISSUES

P. S. Volkopyalova, Student

M. I. Petrova, Student

Research Supervisor M. Yu. Burtovoy, Candidate of Science in Law, Associate Professor
South Ural State University
Chelyabinsk, Russia

The paper analyzes the activities of the United Nations Organization on developing international legal regulation of information technologies, considers the Budapest Convention as a source of regulation of information technologies in the framework of international law, and also draws a conclusion on the need for further development and improvement of international legal norms in cyberspace.

Keywords: international legal regulation, information technology, cyber security, the United Nations Organization.

FEDERATION COUNCIL OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF RUSSIA: THE ROLE OF THE STATE, PROBLEMS AND SOLUTIONS

A. I. Volfer, Student

Research Supervisor Zh. V. Nechaeva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russia

The article studies the process of forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. The Federation Council is the Parliament of the Russian Federation, it is a large-scale body and the procedure for its formation is not simple. The authors analyze the participation of citizens and the role of the state in the process, identify problems and provide some solutions.

Keywords: Council of Federation of the Federal Assembly, formation, Parliament of the Russian Federation.

CONFLICT OF INTEREST IN THE SPHERE OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Yu. V. Evsyukova, Student

Research Supervisor A. V. Ageeva, Candidate of Science in Law
Siberian Law University
Omsk, Russia

The paper discusses the concept «conflict of interest» provided for by the Federal Law of № 44-FZ «On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs» (dated April 5, 2013) and the Federal Law № 273-FZ «On Combating Corruption» (December 25, 2008). The author considers the main differences in the definitions of a conflict of interest, examines the issues of overcoming conflicts of interest in the contractual system in the field of procurement.

Keywords: conflict of interest, personal interest, state and municipal procurement, anti-corruption, anti-corruption legislation, affiliates.

THE ROLE OF ENVIRONMENTAL LAW IN SOLVING THE PROBLEMS OF USING PLASTIC IN RUSSIA

A. S. Elkina, Student

Research Supervisor K. Yu. Skrelya, postgraduate student
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

The paper discusses one of the most pressing environmental problems in the Russian Federation—uncontrolled use and lack of sufficient processing of plastic products. In the analysis, the main reasons for these problems are identified, and possible ways of solving them are proposed.

Keywords: ecology, legislative regulation, plastic processing, industrial activity, environment.

ANTI-CORRUPTION IN THE SPHERE OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

R. F. Ishmukhametov, Student

Research Supervisor A. G. Bykova, Dr. Sciences, Associate Professor
Siberian Law University
Omsk, Russia

The paper discusses combating corruption in the field of state and municipal procurement in the Russian Federation. The author analyzes the legal mechanisms for combating corruption provided in anti-corruption and procurement legislation. The author draws conclusions about the main problematic issues of the Federal Law «On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs» that need to be changed.

Keywords: state and municipal procurement, anti-corruption, conflict of interest.

THE POLITICAL BASIS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER

P. S. Kirienko, Student

Research Supervisor A. I. Kiselev, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article examines one of the most important institutions of constitutional law — electoral law. The paper considers the inconsistency of the provisions of federal laws on the electoral rights of foreign citizens with the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: foreign citizens, suffrage, citizens.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND JAPAN

P. K. Komissarova, Student

E. D. Toropova, Student

Research Supervisor A. I. Kiselev, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper examines the constitutional order of Russia and Japan. On the basis of the legislation, the authors come to the conclusion that the Constitutional Court is indispensable in the system of legal relations established and protected by the constitution and other constitutional legal acts of states.

Keywords: constitutional justice, constitutional control, constitutionality.

ISSUES OF IMPLEMENTATION AND ACTION OF INTERNATIONAL TREATIES AS AMENDED TO THE CONSTITUTION OF RUSSIA 2020

E. V. Krivosheev, Lawyer

Orbita LLC, Yekaterinburg, Russia

The article studies the impact of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 on the implementation of international treaties. The author discusses the place of international treaties in the Russian legal system, and analyzes the consequences of modernizing the provisions of Article 79 of the Constitution of Russia.

Keywords: international treaty, Constitution, amendments, legal system.

DISTRICT POLICE OFFICER SERVICE CERTIFICATE: LEGAL REGULATION ISSUES

D. I. Mullecker, Cadet

Research Supervisor E. A. Fedyaev, Senior Lecturer
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Barnaul, Russia

The paper deals with certain issues of legal regulation of such a document as a service certificate of a district police officer. The article analyzes the norms of law governing the procedure, conditions

and peculiarities of the service of district police officers. The author emphasizes the need to improve legislative and departmental norms regulating the use of service certificates (ID) of police officers as a guarantee of their legal status.

Keywords: modernization of legislation, legal conflicts, legal discrepancies, activities of a district police officer, a police officer's ID, service certificate.

REMOTE HANDLING OF APPEALS OF CITIZENS AND LEGAL ENTITIES BY STATE BODIES IN BELARUS AND IN FOREIGN COUNTRIES

D. G. Nilov, Senior Lecturer

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation,
Gomel, Republic of Belarus

The paper provides a comparative analysis of the legislation of some post-Soviet states on the regulation of remote forms of work of state bodies with appeals from citizens and legal entities. In particular, the author analyzes such remote forms as: direct telephone lines, hot lines, calls made through live TV and radio programs or telephone call service, as well as video calls.

Keywords: appeals of citizens and legal entities, direct telephone lines, hot lines.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS

K. Yu. Novoselov, Cadet

Research Supervisor E. A. Fedyaev, Senior Lecturer
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Barnaul, Russia

The paper analyzes the administrative responsibility for violating the electoral rights of citizens, provides a comparative description of such concepts as obstruction and interference, and considers the rules of law that regulate responsibility in this area.

Keywords: electoral rights of citizens, administrative responsibility, obstruction, interference.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL AND A CITIZEN IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

N. S. Pankov, Student

Research Supervisor S. A. Suslikov, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

The paper provides a comparative characteristic of the main features of the constitutional and legal status of an individual and a citizen in Russia and in foreign countries using the example of Germany, Japan and the United States of America.

Keywords: constitutional law, constitutional and legal status of an individual, constitutional and legal principles, constitutional rights and freedoms.

CONSTITUTIONAL PSYCHOLOGY IS AN EXTRALEGAL COMPONENT OF THE CATEGORY «CONSTITUTIONAL IDENTITY» OF RUSSIA

T. I. Ryakhovskaya, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The article discusses the term «constitutional identity» of the state, which, according to the author, includes both legal and extralegal components. With this approach, constitutional psychology becomes an extralegal reflection of constitutional reality, and therefore an element of constitutional identity, the preservation of which today is of high importance.

Keywords: constitutional identity, constitutional legal culture, constitution, constitutional psychology.

THE LEGAL STATUS OF ELECTION OBSERVERS: CURRENT ISSUES

G. V. Sizykh, Student

Research Supervisor Ya. A. Konovalchikov, Senior Lecturer

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The article analyzes the legal status of election observers, identifies problems that do not allow them to fully ensure the transparency of elections. The author also examines the legislation regulating relations in the field of election observation, as well as the existing judicial practice.

Keywords: elections, observers, civil society.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR ALLOWING MINORS IN PUBLIC AREAS AT NIGHT TIME: REGIONAL ASPECT

A. E. Solovyova, Student

Research Supervisor Ya. E. Verkhoglyadov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Barnaul, Russia

This paper analyzes the norms of federal and regional legislation aimed at preventing harm to the health of children, ensuring their normal development. The author proposes changes to certain provisions of regulatory legal acts aimed at preventing deviant behavior, administrative offenses and crimes among minors.

Keywords: minors, curfew, night time, public places, administrative responsibility, administrative offenses.

CONSIDERATION OF CITIZENS' APPEALS IN THE CITIZEN — STATE INTERACTION MECHANISM

K. Yu. Toropova, Student

Research Supervisor A. V. Ageeva, Candidate of Science in Law

Siberian Law University
Omsk, Russia

The article examines the mechanism for the implementation of the constitutional right of citizens to appeal as an important social institution that ensures communication between the citizen and the state. The main element of this mechanism is the process of considering appeals by competent entities. The article provides a detailed analysis of the legislation in the field of citizens' appeals. The author comes to the conclusion that the procedure for considering appeals is actually replaced by a mechanical procedure for preparing a reply. It distorts the essence of the institution of citizens' appeals and reduces the effectiveness as an essential element of the constitutional right to protection of a person and a citizen.

Keywords: citizens' appeals, communication, state body, mechanism for the implementation of constitutional law, constitutional right to appeal, protection of rights.

ROAD TRAFFIC AS AN INTEGRAL PART OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

T. A. Kharitonova, Student

Research Supervisor Yu. I. Migachev, Doctor of Science in Law, Professor

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
Moscow, Russia

This paper analyzes the concept of «ensuring road safety», provides the causes and types of road accidents. The author suggests ways to reduce the number of road accidents.

Keywords: administrative law, traffic rules, road traffic accident, fine.

OVERVIEW OF THE MARKETPLACE SYSTEM AS A FINANCIAL SERVICES DISTRIBUTION CHANNEL

A. A. Cheban, Student

Research Supervisor M. A. Golubitchenko, Candidate of Science in Law
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

The paper provides an overview of the Marketplace system; considers the reasons for its development and its role in providing financial services for population; examines technological aspects of its functioning, advantages and possible disadvantages of the Marketplace platform.

Keywords: marketplace, remote financial services, Bank of Russia.

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: THEORY AND HISTORY ISSUES

POLITICAL REGIME AS ONE OF THE FACTORS INFLUENCING STATE COERCION

V. A. Alekhin, Student

Research Supervisor O. V. Tanimov, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
Moscow, Russia

The paper considers the influence of the political regime on state coercion. The author examines the features, the degree of state coercion in the conditions of democratic and anti-democratic regimes, the fundamental distinction between democratic and anti-democratic state coercion.

Keywords: political regime, state coercion, democracy, anti-democratic regime.

COPYRIGHT IN RUSSIA: SEARCHING FOR A BALANCE OF INTERESTS BETWEEN AUTHORS AND CONSUMERS

M. E. Bubnov, Student

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPa), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The paper deals with the regulation of copyright in the Internet — the largest distributor of intellectual property in the modern world. The author compares copyright in Russia and foreign countries, and proposes ways for the development of copyright regulation in the Russian Federation.

Keywords: copyright, copyright protection.

NIKOLAY CHAPLIN: LEADER OF KOMSOMOL OF THE CENTROSOYUZ (1931-1933)

S. G. Gorin, Candidate of Science in History, Associate Professor

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

In 1931–1933 the former general secretary of the Central Committee of the Komsomol Nikolay Chaplin worked in middle management positions in the Central Union of Consumer Societies (Centrosoyuz). The author presents a short biography containing little-known facts about one of the brightest representative of Komsomol leaders of the pre-war period. The paper considers his activities as a member of the presidium and chairman of the board of the All-Union Association of Cooperative Public Catering — Vsekopit Centrosoyuz.

Keywords: Nikolay Chaplin, The Central Union of Consumer Societies (Centrosoyuz), All-Union Association of Cooperative Public Catering (Vsekopit).

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC COUNCILS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Zh. Kadyrbek, Student

Research Supervisors: K. S. Akhmetova, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Zh. A. Iskakova, Senior Lecturer

Karaganda Economics University of Kazpotrebooyuz

Karaganda, Republic of Kazakhstan

The article discusses legal regulation of the formation and activities of public councils in Kazakhstan. Exploring foreign legislation and practice, the authors come to the conclusion that it is advisable to amend the Kazakh legislation on public councils in terms of the procedure for their formation.

Keywords: participation of citizens, state affairs, public councils, public hearings, public control, public expertise, public monitoring, rule of law, civil society.

JUSTICE AS A BASIC FUNCTION OF THE JUDICIAL POWER

E. V. Knyazeva, Master's Program Student

Research Supervisor N. V. Saraev, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Russian State University of Justice, Rostov Branch

Rostov-on-Don, Russia

In the article, the author analyzes justice as the leading function of the judiciary in the Russian Federation, considers various approaches to understanding the definitions and essence of justice, and concludes that the concept of justice is not identical to the concept of legal proceedings.

Keywords: principle of separation of powers, court, judicial power, function, justice, judicial system.

UNLAWFUL BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF LEGAL RESPONSIBILITY AGE: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS

N. A. Markova, Candidate of Science in Law

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Moscow, Russia

The article studies historical and modern aspects of illegal behavior in the context of age characteristics of legal responsibility. The author examines the legal regulation of liability and procedural aspects of law enforcement, substantiates the need for adjusting the norms of the current legislation for the purpose of its uniformity.

Keywords: age of legal responsibility, legal responsibility, unlawful behavior, insane, punishability.

MEMOIRS OF THE ARCHIVISTS OF SIBERIA OF THE XX CENTURY AS A SOURCE OF INFORMATION REFLECTING EVENTS AND THE SPIRIT OF THE PASSING AGE

V. V. Moiseev, Candidate of Science in History, Associate Professor

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the

Russian Federation (RANÉPA), Siberian Institute of Management

Novosibirsk, Russia

The article analyzes memoir documents as source of unique information reflecting the spirit of the passing era, highlights the activities of famous archivists of Siberia. The research is based on the funds of the State Archives of the Novosibirsk Region, personal funds and scientific research literature.

Keywords: Siberia, archiving, archivists, archival institutions, archival funds, memoirs, scientific and methodological council, memoirs, Novosibirsk region, personal funds.

LEGAL NATURE OF PRESIDENTIAL INSTRUCTIONS AS A SPECIAL TYPE OF LEGAL ACT IN THE RUSSIAN FEDERATION

R. A. Osipov, Candidate of Science in Law, Senior Lecturer
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

The article analyzes the legal nature of the instruction of the President of the Russian Federation as a special type of legal act issued by the head of state. The author investigates the purpose of this legal act, and also indicates its significance as an instrument of constitutional and legal control of the head of state.

Keywords: legal act, instruction, President of the Russian Federation, acts of the President of the Russian Federation.

LEGAL CULTURE ON THE INTERNET

V. O. Ostashevskaya, Student
Research Supervisor *Yu. V. Gerasimenko, Senior Lecturer*
Donetsk National University
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article analyzes the influence of the Internet on the legal culture of society and the transformation of its views in the context of law. The author identifies problems arising between the network users, focuses on the prevention of offenses on the Internet.

Keywords: the Internet, relations on the Internet, legal culture, legal consciousness, social institution.

STOGLAV AS A SOURCE OF LAW

V. A. Pastukh, Student
Research Supervisor *S. G. Gorin, Candidate of Science in History, Associate Professor*
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper considers the Stoglav (the Book of One Hundred Chapters) as a source of church law of the Russian state, the reasons for the adoption of this law, as well as the relationship of the norms of state, judicial, criminal law with church law and the types of its edition. The author identifies the problems and shortcomings of this source of law.

Keywords: Stoglav Cathedral, Stoglav, laity, priest's elders, Code of Law.

THE CODE OF LAW OF 1497 AS A SOURCE OF LAW

A. A. Podbornova, Student
Research Supervisor *S. G. Gorin, Candidate of Science in History, Associate Professor*
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The Code of Law of 1497 as a source of law during the period of feudal fragmentation became a collection of laws that played a large role in the process of the subsequent centralization of the Russian state.

Keywords: Code of Law of 1497, collection of laws, source of law, Russkaya Pravda.

HISTORICAL ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF OMBUDSMAN IN THE WORLD

Yu. A. Rud, Student
Research Supervisor *L. Yu. Odegova, Candidate of Science in History, Associate Professor*
Donetsk National University
Donetsk, Donetsk People's Republic

The study examines the foreign experience of the formation and development of the institution of the ombudsman. The author highlights that this institution is an effective human rights mechanism and serves to strengthen the legal framework for the activities of state bodies in all countries.

Keywords: ombudsman, human rights mechanism, compliance monitoring.

STATE, TERRORISM AND THE MASS MEDIA: PROBLEMS OF INTERFERENCE AND INTERDEPENDENCE

E. S. Syzdykbekov, Senior Lecturer

Karaganda Economics University of Kazpotreboyyuz
Karaganda, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the issues of mutual influence and interdependence of the media and modern terrorism, as well as the position of the state in relation to the ambiguous role of the media in covering terrorist acts. In the context of the increasing role of communication elements and technologies in the dissemination of information, the media are seen as a central factor in the spread of terrorism on a global scale.

Keywords: state, mass media, terrorism, social networks, public opinion, countering terrorism.

INTERACTION OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY: EFFICIENCY OF IMPLEMENTATION

S. A. Timofeeva, Student

N. D. Osipov, Student

R. A. Sviridov, Student

Research Supervisor A. M. Zhilnikov, Lecturer

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The article examines the interaction between the state and civil society institutions in the context of the national security strategy. The authors analyze the practical experience of interaction between the state and society, including foreign countries, the mechanisms of interaction between authorities and civil society.

Keywords: civil society, national security strategy, government and society.

THE CURRENT STATE OF THE THEORY OF NATURAL LAW

D. A. Churanov, Student

Research Supervisor I. B. Lomakina, Doctor of Science in Law, Professor

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

St. Petersburg, Russia

The paper examines one of the fundamental types of legal thinking, called the theory of natural law, outlines the main characteristics of this concept, provides its advantages and disadvantages, and also reports on the modern development of jus naturalism and its viability in the realities of our time.

Keywords: jus naturalism, natural law theory, legal thinking, doctrine of law.

TOPICAL ISSUES OF CRIMINAL LAW, PROCESS AND SCIENCE

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PARANORMALISTS

A. S. Azarova, Student

Research Supervisor Yu. V. Kipurova, Lecturer

Saratov State Law Academy

Saratov, Russia

The article analyzes the market for the so-called «magic services» in the Russian Federation. The author turns to statistical data, examines the problems with the legal regulation of this phenomenon, and proposes compulsory licensing of the activities of paranormalists and concluding double contracts with them.

Keywords: paranormalist, «magic services», traditional medicine, criminal liability, fraud, licensing, double contract.

OBTAINING INFORMATION ABOUT CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES: CURRENT ISSUES

E. A. Bagavieva, Postgraduate Student

Research Supervisor L. G. Tatianina, Doctor of Science in Law, Professor
Udmurt State University
Izhevsk, Russia

The article raises questions about the legal nature of obtaining information on connections between subscribers and (or) subscriber devices, and the grounds for taking this procedural action. The author states that obtaining information about subscriber connections can be considered as an investigative action or a judicial action of an investigative nature, and further used to ensure the safety of participants in criminal proceedings.

Keywords: legal nature, investigative action, judicial action, factual grounds, security.

ISSUES OF PUNISHMENT FOR MURDERING A NEWBORN CHILD BY THE MOTHER

E. N. Baygundinov, Senior Lecturer

Research Supervisor S. K. Kumisbekov, PhD
Kazakh Humanitarian Law Innovative University
Semey, Republic of Kazakhstan

The paper examines neonaticide as a deliberate act of a parent, usually the mother, murdering their own child during the first 24 hours of life, identifies the reasons, such as a secret pregnancy, an unwanted child, birth outside the hospital, mental disorders, etc., and discusses punishment.

Keywords: neonaticide, criteria of newborn, traumatic situation, mental disorder, sanity.

LIABILITY FOR ECONOMIC SMUGGLING IN KAZAKHSTAN AND INTERNATIONAL LEGISLATION

A. D. Baimagambetova, Master's Program Student

Research Supervisor B. U. Seitkhozhin, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Karaganda Economics University of Kazpotreboysuz
Karaganda, Republic of Kazakhstan

The article discusses liability for economic smuggling, different types of punishment for smuggling, measures to improve the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: smuggling, international legislation, criminal legislation; customs legislation; responsibility.

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION PROVIDING RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF SAFETY REQUIREMENTS IN PRODUCTION, STORAGE, TRANSPORTATION OR DISTRIBUTION OF GOODS, PERFORMING WORK OR PROVIDING SERVICES

M. E. Borovikova, Student

Research Supervisor R. N. Borovskikh, Doctor of Science in Law
Novosibirsk Law Institute (branch)
National Research Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

The article is devoted to the analysis of the development of criminal liability for the production, storage, transportation or sale of goods and products, performing work or providing services that do not meet safety requirements. The author makes a brief description of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation from a social point of view.

Keywords: Criminal Code, criminal liability, violation of safety requirements, public health protection, consumer rights.

RESPONSIBILITY FOR SPECIAL KINDS OF THEFT UNDER THE CRIMINAL LAWS OF THE CIS PARTICIPANT STATES

O. A. Brashnina, Senior Lecturer

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The article is devoted to the comparative legal characteristics of the criminal legislation of the CIS member states, which establishes responsibility for special types of theft (Articles 221, 226, 229 of the Criminal Code of the Russian Federation), analyzes foreign practices of fighting crimes under consideration in order to improve the criminal law of Russia.

Keywords: theft, special types of theft, social danger.

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE FORENSIC BALLISTIC EXAMINATION IN HOOLIGANISM CASES

A. D. Varavin, Student

I. R. Gusev, Student

Research Supervisor S. N. Klokov, Candidate of Science in Law
National Research University «Higher School of Economics»
Nizhny Novgorod, Russia

The article assesses the current state of the material, technical, regulatory and legal framework for forensic ballistic examination. The authors identify problems caused by insufficient attention to regulation in this sphere and propose some solutions.

Keywords: ballistics; examination; forensic ballistic examination; hooliganism; weapons; the role and importance of examination; problems of forensic ballistic examination.

THE IMPORTANCE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THEFT FROM A BANK ACCOUNT IN CRIME INVESTIGATION

A. S. Voevidka, Student

Research Supervisor N. K. Korovin, Senior Lecturer

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

This paper analyzes the criminalistic characteristics of theft from a bank account, considers their importance in the investigation of a crime.

Keywords: criminalistic characteristics, theft, bank account, electronic money, crime investigation.

PETTY THEFT: ASSESSING THE CRIME ELEMENTS AND NORMS TO REDUCE THE NUMBER OF CONVICTED OF THE CRIME

Yu. G. Golubitsky, Lecturer

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper provides statistics on applying the norms on exemption from criminal liability and punishment on non-rehabilitating grounds in relation to persons who have committed petty theft. The author analyzes applying norms on the grounds: insignificance of the act, active repentance, etc., and concludes that they should be wider used in the framework of Art. 158.1 Criminal Code of the Russian Federation «Petty Theft».

Keywords: theft, petty theft, insignificance of the act, active repentance.

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

A. V. Demkina, Student

Research Supervisor A. V. Kochetova, Candidate of Science in Law, Associate Professor
South Ural State University
Chelyabinsk, Russia

The article discusses the use of digital technologies in criminal proceedings. The author outlines the digitalization trends in the court's activities when considering cases at first instance. The article describes the current procedure for using videoconferencing systems in criminal proceedings, filing complaints, petitions and other documents in electronic form, SMS notification of summoning to court.

Keywords: digital technologies, criminal proceedings, panel of judges, e-mail, video conferencing.

FORMS OF COMPLICITY IN A CRIME AND THEIR FEATURES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

V. V. Zadyora, Student

Research Supervisor K. O. Kopsheva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

In this article, the author examines the forms of complicity in a crime. The article analyzes the features of criminal liability for a crime committed by a group of persons, by a group of persons by previous concert, by an organized group and a criminal community (criminal organization). A distinction is made between the forms of complicity in a crime.

Keywords: complicity, form of complicity, intentional crime, a group of persons, a group of persons in a previous concert, an organized group, a criminal community.

IMPLEMENTATION OF THE CRIMINAL LAW PRINCIPLES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

K. N. Ivanova, Student

Research Supervisor O. A. Popova, Senior Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper considers topical issues related to the implementation of the criminal law principles, identifies problems in their application, and provides possible ways to eliminate the shortcomings.

Keywords: criminal law, principles, legislation, legality, justice, equality of citizens under the law.

PUNISHMENT SYSTEM UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. S. Kabymanapova, Student

Research Supervisor M. B. Rakhimgulova, PhD
Karaganda Economics University of Kazpotreboysouz
Karaganda, Republic of Kazakhstan

The purpose of this article is to study the concept of punishment in Kazakhstani law, which has not been considered in sufficient detail in literature. The main provisions of the Kazakh legal tradition are most clearly manifested in the field of civil law. However, the legacy of Kazakhstani law also includes basic and procedural criminal law. The author points out the importance of the punishment system in Kazakhstani law for the functioning of the state, as well as the need for its further study.

Keywords: punishment, criminal law, purpose of punishment, punishment system.

THE HISTORY OF REGULATION OF A REASONABLE TERM OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

L. A. Kovrigina, Student

Research Supervisor I. S. Smirnova, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian Law University
Omsk, Russia

The article examines the development of normative regulation of the terms of criminal proceedings in the Russian criminal procedure legislation. The author analyzes the features of legislation on the reasonableness of criminal proceedings term at each historical stage of criminal procedural law.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal proceedings, the principle of a reasonable period of proceedings.

GENDER AND AGE FEATURES OF PRIMARY AND SECONDARY ONLINE FRAUD VICTIMIZATION

A. A. Komarov, Candidate of Science in Law

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

This paper presents the results of a study on measuring online fraud victimization of Russian Internet users. The author presents a number of indicators are presented, demonstrating specific features of individual victimization in potential victims of the crime under study.

Keywords: Internet, crime, fraud, victimology, victimization, crime victim.

GROUNDINGS AND CONDITIONS FOR APPLYING HOUSE ARREST IN RUSSIA AND CIS COUNTRIES

A. O. Kononykhina, Student

Research Supervisor O. S. Morozova, Senior Lecturer
Siberian Law University
Omsk, Russia

The article discusses applying house arrest in criminal proceedings in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus and Ukraine.

Keywords: a measure of restraint, house arrest, suspect, accused, grounds and conditions.

EXAMINATION OF THE STAGED CRIME SCENE

S. V. Krasnov, Student

Research Supervisor N. K. Korovin, Senior Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

This paper discusses various tactics of crime scene examination to identify staging and other negative circumstances.

Keywords: crime, inspection of the scene, staging, tactics.

THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN A CRIMINAL PROCESS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

D. V. Kupriyanova, Student

Research Supervisor I. S. Smirnova, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian Law University
Omsk, Russia

The article examines some problems in implementing the presumption of innocence in the Russian criminal process and suggests ways to solve them. The practical application of this criminal procedure principle is analyzed on the basis of law provisions and opinions of scientists.

Keywords: criminal procedure, the principle of criminal proceedings, the presumption of innocence, a special procedure for the trial.

THE IMPORTANCE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF SERIAL MURDERS

P. M. Kurkova, Student

Research Supervisor N. K. Korovin, Senior Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper examines the criminalistic characteristics of serial murders, provides recommendations on organizing the interaction between investigative, forensic, operational units and specialists in the field of criminology, psychology and other branches.

Keywords: serial criminals, murders, forensic characteristics, crime investigation.

SENTENCING UNDER THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA: CURRENT PROBLEMS

A. S. Lopukhin, Student

Research Supervisor G. N. Doronin, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of National Research Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

The article analyzes the current legislation in terms imposing penalties and identifies a number of pressing problems in the administration of justice, illustrated with examples from judicial practice.

Keywords: problems of sentencing.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATION OF ON-THE-SPOT TESTIMONY VERIFICATION IN THE CIS COUNTRIES

A. I. Maramzina, student

Research Supervisor O. S. Morozova, Senior Lecturer
Siberian Law University
Omsk, Russia

The article analyzes the specific features of on-the-spot testimony verification in the CIS countries in order to identify both common features and differences.

Keywords: verification of testimony on the spot, investigative action, criminal proceedings.

DIFFERENTIATING TESTIMONIAL COMPULSION (P. 1 ART. 302 CRIMINAL CODE RF) FROM BRIBING AND COMPULSION TO TESTIFY OR EVADE TESTIMONY OR MAKE A FALSE TRANSLATION (P. 1, 2 ART. 309 CRIMINAL CODE RF)

D. Yu. Medvedeva, Student

N. D. Perevezentseva, Student

Research Supervisor A. V. Zarubin, Candidate of Science in Law, Associate Professor
St. Petersburg Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russia

The paper discusses differentiating between the crime elements provided for in Part 1 of Art. 302 and P. 1, 2 of Art. 309 of the Criminal Code of the Russian Federation. These crimes have a similar legal structure, and the authors identify criteria by which they can be differentiated.

Keywords: testimony, testify, compulsion.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ORDER OF BRINGING A LAWSUIT UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

K. S. Moklyak, Student

Research Supervisor I. S. Smirnova, Candidate of Science in Law
Siberian Law University
Omsk, Russia

The paper raises the question of the criminal case initiation stage in the Russian Federation. The authors provide a comparative description of the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan related to the regulation of criminal case initiation in Russia and investigation initiation in Kazakhstan.

Keywords: criminal process, criminal case initiation stage, the beginning of an investigation, registration and consideration of a crime report.

INFORMATION SECURITY AND PROTECTION UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. K. Nurpeisova, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Karaganda Economics University of Kazpotreboyozyuz
Karaganda, Republic of Kazakhstan

The article discusses the issues of information security and information protection under the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. The author provides the comparative characteristic of information legal relations in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, and proposes ways of improving the criminal legislation. The question is raised about the need to develop an Information Code.

Keywords: information, information security, information legal relations, information technology, Internet, criminal offenses, Information Code.

COORDINATION OF THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES BY THE PROSECUTOR'S OFFICE TO COMBAT SMUGGLING

A. A. Pavlosyuk, Student

Research Supervisor O. I. Skok, Senior Lecturer
Baranovichi State University
Baranovichi, Republic of Belarus

This paper examines the activities of the Prosecutor's Office of the Republic of Belarus coordinating the law enforcement agencies in countering smuggling. The author provides examples of practices of smuggling suppression by the customs of the Republic of Belarus, i.e. illegal movement of goods in large quantities prohibited or restricted for such movement by the Criminal Code of the Republic of Belarus across the customs border of the Eurasian Economic Union.

Keywords: prosecutor's office, smuggling, coordination, counteraction, law.

EVOLUTION OF FEMALE CRIME

O. A. Popova, Senior Lecturer

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article considers the criminological characteristics of female crime in Russia. The author identifies the specific features on the basis of the analysis of quantitative and qualitative indicators of female crime.

Keywords: female crime, social portrait of female criminals, statistical indicators.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIME IN RUSSIA DURING THE PANDEMIC OF CORONAVIRUS

I. V. Rosuman, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper analyzes the crime situation in the Russian Federation during the coronavirus pandemic, examines some of the qualitative and quantitative indicators of crime in the specified period, analyzes criminogenic determinants.

Keywords: crime, criminological characteristics, criminogenic determinants, indicators of crime.

LEGAL NATURE OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

V. O. Satsura, Student
Research Supervisor A. P. Gasanov, Senior Lecturer
Academy of Management under the President of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The article studies the legal nature of the pre-trial cooperation agreement. The author makes suggestions for improving the definition of «pre-trial cooperation agreement», and also reveals the essence of this phenomenon in the Belarusian criminal procedure legislation.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, prosecutor, suspect (accused), agreement, deal.

PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW AND CRIMINAL POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

N. V. Sidorova, Candidate of Science in Law, Associate Professor
K. Kh. Satbaeva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Karaganda Economics University of Kazpotreboyzuz
Karaganda, Republic of Kazakhstan

The formation and development of the criminal policy of the Republic of Kazakhstan is inextricably linked with the implementation of the generally recognized principles of international law. In the article, the authors investigate the features of the international law principles; analyze the national criminal policy and the peculiarities of its development in accordance with the principles of international law.

Keywords: principles of international law, criminal policy, legal policy, principles of law, international law, national law, constitution.

DETERMINING THE PRE-INVESTIGATION CHECK PERIOD: PROBLEMS AND SOLUTIONS

K. N. Smirnova, Candidate of Science in Law
Oktyabrsky District Court, Omsk, Russia
I. S. Smirnova, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian Law University
Omsk, Russia

The article considers normative regulation of determining and extending the period for preliminary verification of crime reports, which, according to the authors, needs a more exact formulation. The authors analyze the current criminal procedure legislation, judicial investigative practice, and come to the conclusion that it is necessary to make amendments to Part 3 Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, criminal case initiation stage, period of pre-investigation check.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE INVESTIGATORS OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

M. S. Sushchenko, Master's Program Student

Research Supervisor I. N. Mosechkin, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Vyatka State University
Kirov, Russia

The paper examines the problem of the limited competence of the prosecutor in the field of supervision over the criminal procedural activities of investigators of the bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation. The author analyzes law enforcement practice, as well as theoretical research in this area. The author notes that after the separation of the Investigative Committee from the Prosecutor's Office, the narrowing of the scope of powers of the prosecutor in relation to investigators caused problems and hindered ensuring the rights of the individual in criminal proceedings by the prosecutor.

The author concludes that it is necessary to transfer a number of procedural powers to prosecutors to improve the efficiency of their supervisory activities.

Keywords: Investigative Committee, Prosecutor's Office, prosecutor's supervision, preliminary investigation, supervision at the pre-trial stage of criminal proceedings.

DETERMINING THE DIRECT OBJECT OF EXTREMIST CRIMES

D. M. Timofeev, Student

Research Supervisor V. I. Krupnitskaya, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The paper considers various approaches to understanding direct objects of extremist crime, provides their comparative description and deals with the problems of determining different direct objects of crime.

Keywords: extremism, terrorism, crimes against state power, crimes against the foundations of the constitutional system and state security, the direct object of extremism.

THE STATUS OF THE ACCUSED IN PRELIMINARY INVESTIGATION: SOME PROBLEMATIC ISSUES

R. O. Tochenova, Student

Research Supervisor A. N. Artamonov, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russia

The paper analyzes the status of the accused during the preliminary investigation, the relationship of the accused and the suspect, considers the rule of law governing their procedural rights and guarantees, and examines the approaches of international practice and theory to understanding the status of the accused.

Keywords: accused, inquiry, preliminary investigation, procedural rights.

TUTORIAL SUPPORT IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

M. A. Khrushcheva, Student

Research Supervisor V. V. Poltavets, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Kuban State University
Krasnodar, Russia

The article discusses the institution of tutoring in the penitentiary system of the Russian Federation. The author highlights the reasons for the ineffectiveness of rehabilitation programs in detention facilities, considers the problems arising in the implementation of legislative regulation, and proposes a number of measures to improve the current system.

Keywords: tutoring, penitentiary system, rehabilitation, resocialization, mentoring, education.

A SIGN OF REALITY IN A THREAT AS A METHOD OF COMMITTING CRIMES

O. V. Shmygina, Senior Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article analyzes various aspects of understanding the content of a sign of reality in a threat as a way of committing crimes against property. Subjective, objective, subjective-objective approaches to the definition of this feature are highlighted.

Keywords: threat, violence, crime, reality.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE APPLICANT'S LEGAL STATUS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIS COUNTRIES

O. B. Yurchenko, Student
Research Supervisor O. S. Morozova, Senior Lecturer
Siberian Law University
Omsk, Russia

The article deals with the legal status of participants in the criminal case initiation stage, namely the applicant. The author analyzes and compares the current legislation of the CIS countries and the Russian Federation, highlights the concept, the presence or absence of certain rights and obligations of this stage participant.

Keywords: criminal case initiation stage, legal status, participants, applicant.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF LABOR, ORGANIZATION OF SOCIAL SERVICE AND SOCIAL SECURITY

ELECTRONIC EMPLOYMENT RECORD BOOK: CHALLENGES, PROSPECTS, LEGAL REGULATION

A. S. Azarova, Student
D. A. Geychenko, Student
Research Supervisor Zh. A. Agadzhanian, Assistant Lecturer
Saratov State Law Academy
Department of the State Labor Inspection in the Saratov Region
Saratov, Russia

The article discusses the transition to electronic employment record book in the Russian Federation. The authors refer to the history of the development of employment record books; analyze the experience of introducing e-workbooks in foreign countries; provide statistical data and examine the legal basis for the transition to electronic workbooks. The conclusion is made about the advantages of the new system.

Keywords: electronic employment record book, workbooks, history, foreign experience, legal regulation, advantages and disadvantages.

LEGAL REGULATION OF SOCIAL PROTECTION IN THE INSTITUTIONS OF THE CRIMINAL CORRECTION SYSTEM

A. E. Bazarov, Student
Research Supervisor E. I. Gavrilenko, Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

In the context of reforming the penal system, one of the problems to be considered is the legal regulation of the social protection of convicts serving sentences in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

Keywords: social protection, social assistance, convict, correctional institution, criminal correctional system, penitentiary system.

PROPOSALS AND OPPORTUNITIES FOR TRANSFORMATION OF SOCIAL PROTECTION STANDARDS OF OECD STATES INTO THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN

E. A. Buribaev, Doctor of Science in Law, Professor
Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Republic of Kazakhstan

The relevance of this study is due to the interests of the state and society in the proper consolidation and regulation of social rights in the modern legal system and social relations. The formation of social policy for the medium term is based on the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025. Kazakhstan is aiming to achieve socio-economic and institutional development at a level that is not inferior to the OECD member countries, and is planning subsequent accession to the OECD. The tasks are set: ensuring social well-being, minimum social standards, developing the pension system, social insurance, strengthening the targeted social assistance and modernizing the social service system.

Keywords: social security; social protection; gender; OECD; benefits.

PROCEDURE FOR CONSIDERATION OF CASES ESTABLISHING LEGAL FACTS

S. A. Buyanov, Student
E. I. Murzaev, Student

Research Supervisor M. P. Kusharova, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

This article indicates the differences between special proceedings from any other proceedings, describes the concept of legal facts, as well as their meaning, and analyzes the procedure for considering this category of cases.

Keywords: arbitration process, special proceedings, dispute about law, legal facts.

REGULATION OF REMOTE WORK IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. A. Vasilenko, Student

Research Supervisor N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

The article discusses a new format of labor activity — remote work. The paper analyzes the terms of payment to employees who work remotely and the possibility of ensuring labor protection requirements in their remote workplaces, and also offers some solutions of the problems arising in this field.

Keywords: remote work, remuneration terms, labor protection, employee, employer.

THE INFLUENCE OF MATERNITY CAPITAL ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA

E. I. Gavrilenko, Lecturer
V. G. Kovshina, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

This paper analyzes the demographic situation in the Russian Federation and the impact of maternity capital (subsidies for families with children) on it, considers the rules of law governing the procedure and terms of this payment.

Keywords: maternity capital, family, demography.

PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE IN COMPLEX CENTERS OF SOCIAL SERVICE OF THE POPULATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

E. I. Gavrilenko, Lecturer

A. S. Sharabarina, Lecturer

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article considers the organization of legal aid in complex centers of social services for the population, provides a list of social and legal services.

Keywords: legal aid, social services, social and legal services.

SOCIAL RIGHTS OF THE DISABLED TO THE ACCESS TO INFORMATION

E. A. Zhukov, Lecturer

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article discusses the rights of persons with disabilities to access information, including information and communication technologies and systems. The author analyzes the legal regulation of restrictions on exclusive copyright in favor of disabled people.

Keywords: rights of the disabled, copyright, limitations and exceptions to copyright.

SELF-DEFENSE OF LABOR RIGHTS BY EMPLOYEES

E. S. Zgonnikova, Student

Research Supervisor M. M. Panarina, Candidate of Science in Law, Senior Lecturer

National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russia

The paper examines the phenomenon of self-defense of labor rights by workers in the Russian Federation, as well as assesses the prospects for its development in the future.

Keywords: labor rights, labor relations, employee, employer.

PRECARIOUS EMPLOYMENT TRENDS: ITS FEATURES IN THE STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

D. A. Zemtsova, Student

Research Supervisor O. L. Verbina, Candidate of Science in History, Associate Professor

Kursk State University
Kursk, Russia

The article analyzes the precarious employment trends and its features in the states of the Eurasian Economic Union.

Keywords: employment, precarious employment, instability, increase.

EMPLOYEE PAYMENT IN THE CONDITIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

E. E. Kalashnikova, Student

Research Supervisor N. V. Demidov, Candidate of Science in Law, Associate Professor

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

The article examines the measures undertaken by employers to reduce labor costs. The author assesses the methods and means of reducing wages, taking into account the requirements adopted in order to counter the spread of coronavirus infection.

Keywords: wages, non-working days, coronavirus, employer, employee.

SOCIAL SECURITY FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. M. Kolesnik, Student
Research Supervisor E. I. Gavrilenko, Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

In this paper, a description of the types of social security for families with children in the Russian Federation is provided. The author examines the norms of law governing the payment of state support to families with children.

Keywords: family, children, social security, norms, laws, concept.

PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE FIELD OF COMPLIANCE WITH STRIKE LEGISLATION

S. V. Lemekhov, Student
Research Supervisor M. N. Kustov, Senior Lecturer
St. Petersburg Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russia

The article analyzes the problems of declaring a strike as illegal in court at the application of the prosecutor. The author considers different opinions of scientists, provisions of regulatory legal acts and judicial practice, and provides possible solutions to the problems.

Keywords: prosecutor's supervision, strikes, labor legislation.

LEGAL REGULATION OF REMOTE WORK IN MODERN RUSSIA

A. E. Mast, Student
A. G. Chernetsova, Senior Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article discusses the legal regulation of remote work, analyzes the advantages and disadvantages of this type of work. The article provides statistical data, identifies shortcomings in the legal regulation of remote work in Russia (Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation) and ways to eliminate them.

Keywords: employee, employer, remote work, Labor Code of the Russian Federation, labor organization, labor relations, labor market.

LEGAL REGULATION OF MINORS' RESPONSIBILITY FOR COMMITTING ILLEGAL ACTS

A. A. Nazarova, Student
Research Supervisor E. I. Gavrilenko, Lecturer
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper examines the legal regulation of the responsibility of minors for committing unlawful acts, the types of responsibility of minors, as well as application of this responsibility in relation to minors.

Keywords: responsibility of minors, offenses, punishment, legal capacity.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF CHILD CUSTODY

D. K. Telyuk, Student

V. R. Posokhina, Student

Research Supervisor M. G. Cheltsova, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article examines legal regulation of child custody and guardianship. The authors make a conclusion about the need to reform regulation in this field.

Keywords: orphans, guardianship, guardians, trustees, guardianship, parents.

GRANTING OLD AGE PENSIONS TO A CERTAIN CATEGORY OF EMPLOYEES

E. S. Tenyuta, Student

Research Supervisor Yu. I. Ivanova, Senior Lecturer

Gomel State University named after F. Skaryna
Gomel, Republic of Belarus

The article examines the procedure for granting old age pensions to citizens working in special working conditions according to the current legislation of the Republic of Belarus, and analyzes the compliance of this procedure with the requirements of gender equality principle.

Keywords: gender equality, pension, special working conditions, work experience.

PROBLEMS OF ORGANIZING A MEDICAL AND SOCIAL EXAMINATION AS A FORM OF SOCIAL PROTECTION OF CITIZENS

Yu. S. Tsepeleva, Student

Research Supervisor E. I. Gavrilenko, Lecturer

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The paper describes the organization of medical and social examination in the Russian Federation, considers the rules of law governing the procedure, conditions for declaring a citizen disabled, and identifies the main problems of legal regulation in the field.

Keywords: medical and social examination, social protection, disabled person.

PROBATIONARY PERIOD IN LABOR LAW: PROBLEMS AND SOLUTIONS

M. V. Cheltsov, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

I. A. Buravlev, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russia

In this article, the authors will analyze the concept of a probationary period in the labor law of the Russian Federation, while identifying its main problems and proposing methods of dealing with them. Also, the authors compare the foreign practice of the probationary period with the domestic one. The purpose of the article is to identify the main problems of applying the probationary period and to propose ways to solve them, including those based on foreign practice.

Keywords: probation, probationary period, labor law, employer, employee.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING INTERNATIONAL ACTS ON THE SOCIAL SECURITY RIGHT IN THE RUSSIAN FEDERATION

M. G. Cheltsova, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

A. S. Kulikov, Student

Siberian University of Consumer Cooperation

Novosibirsk, Russia

The paper analyzes the current situation in the field of human and civil rights to social security, both in Russia (on the basis of national legislation), and in foreign countries that are part of the world community (on the basis of international legislation).

Keywords: international acts, social security law, human and civil rights, ratification.

TEACHING IN RUSSIA: SOME PROBLEMS OF LEGAL LABOUR REGULATION

A. G. Chernetsova, Senior Lecturer

Siberian University of Consumer Cooperation

Novosibirsk, Russia

The article examines the legal regulation of the labor of teaching staff in accordance with the current legislation. The author analyzes the labor personality, the peculiarities of the working time (study load norms) of secondary vocational and higher education teachers; identifies acute problems of legal regulation and provides possible solutions.

Keywords: teaching, teacher, Labor Code of the Russian Federation, Law on Education, working hours, age qualification, educational qualification, educational institution.

SOCIAL PROTECTION OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN THE NOVOSIBIRSK REGION

M. E. Chuchelova, Student

A. S. Nikitin, Student

Research Supervisor M. G. Cheltsova, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

Siberian University of Consumer Cooperation

Novosibirsk, Russia

The paper considers the main directions in the field of prevention of social orphanhood, measures to support and develop adoption of orphans in the Novosibirsk region; proposes some solutions to the problem of substantial increase in the number of orphans and children left without parental care.

Keywords: orphans; children left without parental care.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF STATE SUPPORT MEASURES FOR CITIZENS HAVING CHILDREN

O. D. Yakovleva, Student

Research Supervisor M. V. Cheltsov, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

Siberian University of Consumer Cooperation

Novosibirsk, Russia

The article examines the main problems in the social security for citizens with children. The authors analyze the legislation in the field of social support and assistance to families with children.

Keywords: social security law, maternity capital, motherhood, childhood, benefits, social security system, family institution.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL AND PROCEDURAL LAW: NOVELTIES IN LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

FEATURES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF ELECTRONIC REGISTRATION OF RIGHTS AND TRANSACTIONS WITH REAL ESTATE AT THE PRESENT STAGE

R. V. Balandin, Leading Expert, State Registrar

Rosreestr Administration for the Trans-Baikal Territory,
Senior Lecturer, Transbaikal Institute of Entrepreneurship

O. A. Lipich, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Transbaikal Institute of Entrepreneurship, Chita, Russia

The paper examines the features of electronic state registration of rights and transactions with real estate, and the current features of law enforcement.

Keywords: real estate, state registration, transactions, electronic registration.

HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION AS LEGAL CATEGORIES IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

L. V. Boychenko, Student

Research Supervisor *O. V. Bodakova, Candidate of Science in Law, Associate Professor*
Academy of Management under the President of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

The article analyzes the concepts of honor, dignity, business reputation, determines their legal essence, and formulates proposals to improve legislation on honor, dignity and business reputation protection.

Keywords: intangible benefits, honor, dignity, business reputation.

COMPARISON OF THE BORROWING AGREEMENT AND THE BANK LOAN

A. I. Volfer, Student

Research Supervisor *N. V. Rubtsova, Candidate of Science in Law, Associate Professor*

Novosibirsk State University of Economics and Management

Novosibirsk, Russia

The article studies the characteristics of the borrowing agreement and the bank loan, identifies the main differences of these transactions, which are mostly similar, and considers the terms of fund repayment.

Keywords: borrowing agreement, obligations, loan, bank, conditions.

THE LEGAL FEATURES OF SYNDICATED LOAN

V. N. Gavrilov, Candidate of Science in Law, Associate Professor

S. I. Tsuprik, Student

Saratov State Law Academy

Saratov, Russia

The article examines the legal nature of a syndicated loan, identifies the basic concepts associated with this type of lending, as well as the specific features of the syndicated loan agreement.

Keywords: syndicated loan, legal nature, practice of use.

**PROTECTION OF THE DEBTOR'S RIGHTS
WHEN DELEGATING THE RIGHT OF CLAIM UNDER A LOAN
AGREEMENT**

V. N. Gavrilov, Candidate of Science in Law, Associate Professor

A. A. Shahnavaov, Student

Saratov State Law Academy

Saratov, Russia

The paper assesses the legality and validity of delegation of the right to claim under a loan agreement. For that purpose, the authors analyze regulatory legal acts, doctrinal sources and law enforcement practice.

Keywords: obligation, assignment of the right of claim, agreement, credit institution, assignee.

**DIFFERENTIATING BETWEEN THE RENTAL AGREEMENT
AND PLEDGE AGREEMENT**

D. S. Glushkova, Student

Research Supervisor L. M. Altynbayeva, Candidate of Science in Law

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Omsk, Russia

In this paper, a comparative analysis of the rental agreement and the pledge agreement is carried out, the problems associated with the implementation of the rules relating to these agreements are identified, and solutions are proposed.

Keywords: rental agreement, pledge agreement, property lease.

**THE USE OF THE TRADEMARK BY THE RIGHT HOLDER
IN THE CONTEXT OF ARTICLE 1486 OF THE CIVIL CODE OF RUSSIA**

E. I. Golub, Master's Program Student

Research Supervisor E. P. Gavrilov, Doctor of Science in Law, Professor

National Research Tomsk State University

Tomsk, Russia

The article discusses the most controversial issues of Art. 1486 of the Civil Code of the Russian Federation: proving by the trademark right holder of the fact of introducing goods to civil commerce. The author analyzes law enforcement practice and most common approaches, considers the distribution of the burden of proof related to the use of a trademark.

Keywords: trademark, termination of legal protection, use of a trademark, article 1486 of the Civil Code of the Russian Federation.

**ETHICAL ASPECTS OF NOTARIAL ACTIVITIES
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

G. G. Zhernosek, Master of Law, Notary

Notary District of Pavlodar Region

D. B. Raziyaeva, Master of Law, Senior Lecturer

Kazakh Humanitarian Law Innovative University,

Semey, Republic of Kazakhstan

The article deals with the issues of professional ethics of notaries in the Republic of Kazakhstan, provides a brief historical overview of the first ethical rules in the profession, and makes a conclusion about high importance of professional norms in providing notarial services.

Keywords: notary, notarial activity, ethics, code of honor.

IMPLEMENTATION OF ALIMONY OBLIGATIONS BY MINOR PARENTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Yu. A. Zhurova, Student

Research Supervisor I. A. Malyuzhenets, Candidate of Science in Law
Academy of Management under the President of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The article discusses certain issues of fulfilling alimony obligations by underage parents. The author notes the possible ways to resolve the problems that occur in practice, and also points out the need for further improvement of the legislation governing alimony obligations in the Republic of Belarus.

Keywords: alimony obligations, emancipation, minor parents.

TRUST MANAGEMENT OF PROPERTY OF A PERSON DECLARED TO BE MISSING BY COURT

M. A. Zaloilo, Master's Program Student

Research Supervisor V. V. Onishchenko, Senior Lecturer
Taurida Academy of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky
Simferopol, Russia

The paper analyzes the legal relationship associated with the trust management of the property of a person declared by the court as missing. The author discusses the regulation of such declaration in the legal acts of the Russian Federation, and provides ideas for improving the provisions for property management agreement.

Keywords: declaration, citizen, consequences, legal responsibility, declared missing, trust management, property, normative legal act, property manager, principal.

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF PRIVATE BAILIFFS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. S. Zubko, Student

Research Supervisor O. V. Bodakova, Candidate of Science in Law
Academy of Management under the President of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The paper considers the possibility of introducing the institution of private bailiffs in the Republic of Belarus. The author outlines the reasons, such as an increased workload of state bailiffs, examines advantages and disadvantages, experience of foreign countries, and provides an organization model for this institution.

Keywords: enforcement authorities, bailiff, private enforcement institution, model of organization of activities.

ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCESS

D. E. Kartashov, Student

A. V. Lignovskaya, Student

Research Supervisor N. N. Tkacheva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

The article analyzes the problems of electronic evidence in civil proceedings, its legal nature, admissibility and reliability of electronic documents in civil proceedings.

Keywords: admissibility, reliability, electronic evidence, electronic signature, electronic document.

ENSURING AND PROTECTING THE RIGHTS OF CITIZENS WITH ONCOLOGICAL DISEASES

N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

K. N. Ivanova, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

In this paper, the current problems of the provision of medical care to patients with oncological diseases are considered, deficiencies in legal regulation of citizens' rights are identified, and possible ways to eliminate them are proposed.

Keywords: oncological diseases, patients, medical care, law, legislation.

ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY: LEGISLATION DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

A. A. Kokovina, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article examines the existing problems of legal regulation of abortion in the legislation of the Russian Federation. The article provides recommendations for the development of legislation within the framework of the problems posed.

Keywords: abortion, artificial termination of pregnancy, compulsory health insurance system, minors.

LEGAL REGULATION FOR THE PROTECTION OF RIGHTS OF APARTMENT BUILDINGS RESIDENTS

N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

A. A. Martynova, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article discusses legal regulation of the protection of rights of citizens living in apartment buildings. The authors consider common problems, which include improper keeping of animals, carrying out repairs and other «noisy» works, etc., and suggest possible options for resolving the identified problems.

Keywords: apartment buildings, pets, renovation work, responsible treatment of animals, creating comfortable conditions for residents.

IMPLEMENTING THE LEGISLATION AIMED AT ENSURING THE RIGHTS OF CITIZENS IN THE CORONAVIRUS PANDEMIC CONDITIONS

N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

A. D. Moiseeva, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

This paper considers implementing legislation regulating individual rights of citizens in a pandemic. The authors analyze the practice of implementing the decree of the Governor of the Novosibirsk region «On taking additional measures to protect the population and the territory of the Novosibirsk region from an emergency» and the order of the Ministry of Health «On the temporary procedure of medical organizations work to implement measures to prevent and reduce the risks of the spread of a new coronavirus infection in the territory Novosibirsk region». On the basis of this analysis, some solutions to the problems identified are proposed.

Keywords: pandemic, medical care, diagnostics, medical personnel, medical institution, volunteers organizations.

THE RIGHTS OF THE CONVICTED TO HEALTH CARE: PROBLEMS OF EXERCISING

N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

A. V. Slautina, Student

Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article examines the violation of the civil rights of convicts in the field of health care, namely, in terms of receiving proper and timely medical care.

Keywords: violation of rights, prisoners, medical care, correctional institutions.

LEGAL REGULATION OF DISTANCE LEARNING IN CONDITIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Yu. E. Kozik, Student

Research Supervisor N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

The article examines the legal regulation of the distance learning process< identifies problems and provides some solutions.

Keywords: distance learning, pandemic, Internet, information and communication technologies, educational process.

BIOMETRIC DATA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. N. Koren, Student

Research Supervisor N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

The article analyzes the legal regulation of using biometric data, which appeared in our country quite recently. The article examines the problematic aspects of legal regulation of activities related to the collection, processing, distribution and use of biometric data. On the basis of the analysis conclusions are drawn about possible ways of improving legislation in this area.

Keywords: identification, unified biometric system, biometric data, electronic passports.

THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE RENT AGREEMENT: LEGAL NATURE AND DISTINCTIVE FEATURES

D. S. Kostyukevich, Student

Research Supervisor E. Ya. Rutman, Senior Lecturer

Baranovichi State University
Baranovichi, Republic of Belarus

In the article, the author reveals and analyzes the legal nature and distinctive features of the rent agreement, which is concluded both in the Republic of Belarus and abroad. The article considers the procedure for establishing the amounts of rent payment in national contractual relations and contractual relations with a foreign element. The relevance of this topic lies in the fact that the national civil legislation does not take into account international experience, modern methods and procedure for the payment of rental obligations.

Keywords: rent, obligation, contract, payment, legal nature, foreign element, national legislation.

ANALYSIS OF APPEAL PROCEEDINGS IN RESOLUTION OF ECONOMIC DISPUTES IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

D. E. Kraskovskaya, Student

Research Supervisor V. V. Medvedeva, Senior Lecturer

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

The article provides a comparative analysis of the appeal proceedings in the economic proceedings of the Republic of Belarus and the appeal proceedings of the arbitration courts of the Russian Federation. The author highlights the main differences, dwelling in detail on two of them: the appeal period and the form of the appeal. The purpose of this article is to highlight the key aspects that should be paid attention to by the legislator of the Republic of Belarus in order to improve the appeal proceedings on the example of the Russian Federation.

Keywords: appeal proceedings, appeal, economic court.

LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF INHERITANCE UNDER THE TERMS OF A WILL

Yu. O. Kruchinova, Master's Program Student

Research Supervisor Yu. Yu. Ponomareva, Candidate of Science in History, Associate

Professor

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management – branch,

Oryol, Russia

The article studies of the main problems of the institution of inheritance under the terms of a will. The author highlights the most pressing and frequently encountered controversial issues that the subjects of inheritance law are faced with in practice.

Keywords: inheritance, a will, problems, testator.

THE ADVERSARY NATURE OF THE JUDICIAL PROCESS IN RUSSIAN CIVIL PROCEEDINGS: PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONCEPT

Yu. V. Kuzmicheva, Student

Research Supervisor T. S. Chervichenko, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Samara State Economic University

Samara, Russia

The paper is devoted to determining the model of the Russian civil proceedings. The author analyzes the historical development of Russian legal proceedings, its adversarial and investigative principles. The procedural position of the court, its powers in the process of proving, etc. are also investigated. The author makes a grounded conclusion about the existence of a mixed model of civil proceedings with adversarial principles in Russia.

Keywords: civil proceedings, adversarial principle, investigative process, procedural position of the court.

LEGAL REGULATION OF PURCHASE AND SALE OF GOODS ON THE INTERNET

T. V. Kulyabina, Student

Research Supervisor N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

Novosibirsk, Russia

The article examines some problems in the legal regulation of e-commerce, and provides recommendations for their elimination.

Keywords: e-commerce, buyer, seller, Internet sales, Internet space, purchase of goods.

CIVIL LEGAL LIABILITY OF THE REAL ESTATE DEVELOPER FOR UNLAWFUL ACTIONS

E. V. Milisevich, Master's Program Student
Vyatka State University
Kirov, Russia

The paper considers the unlawful actions of the developer in the field of shared construction of apartment buildings and other real estate and his civil liability before the Law and shared construction participants. The novelty of this research is the analysis of the adopted regulatory legal acts in the field of housing construction in connection with the 2019-nCoV pandemic.

Keywords: civil liability, developer, Federal law, participant in shared construction, illegal actions, civil offense, harm, damage, losses.

INSTITUTIONS OF LIABILITY LAW AND IMPERATIVE PRINCIPLES OF BANKRUPTCY LEGISLATION IN THE CONTEXT OF INTERESTS OF BANKRUPTCY CREDITORS

K. A. Minnullina, Master's Program Student
Research Supervisor *E. P. Tatarinova, Candidate of Science in Law*
Vyatka State University
Kirov, Russia

The article presents a comparative analysis of two mechanisms: total collateral and a subordination agreement as instruments for attracting additional investments by providing additional guarantees to satisfy the creditor's claims. The main criterion for comparison is the consequences of their conclusion in the event of bankruptcy procedures.

Keywords: total collateral, subordination of creditors, agreement on the procedure for satisfying creditors' claims, bankruptcy institution, bankruptcy creditor.

THE CONCEPT OF A DOMAIN NAME AS AN OBJECT OF CIVIL RELATIONSHIP

A. A. Mitrofanova, Student
Research Supervisor *A. V. Goloviznin, Candidate of Science in Law, Associate Professor*
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia

The article examines the main approaches to the concept of a domain name. The author considers the legal aspects of domains in national and international law, identifies the key characteristics of the domain as an object of civil legal relations, provides a comparative analysis with other objects of civil law.

Keywords: digital law, Internet, domain, domain names.

CIVIL LEGAL LIABILITY IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

E. V. Nazarovich, Master's Program Student
Research Supervisor *N. A. Svalova, Candidate of Science in Law, Associate Professor*
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the
Russian Federation, Ural Institute of Management – branch,
Yekaterinburg, Russia

The article deals with applying civil liability in the framework of enforcement proceedings. The author studies the procedure for applying Art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as «double» receipt by the execution creditor of the amount of losses from the state and from the debtor, in the event of illegal actions of the bailiff.

Keywords: bailiff, civil liability, enforcement proceedings, losses.

APPLICATION OF ESTOPPLE IN DISPUTES ABOUT THE INVALIDITY OF A TRANSACTION

V. G. Nesmelova, Student

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Moscow, Russia

In this paper, based on an analysis of modern legislation and judicial practice, examples of the application of the estoppel principle in disputes over the invalidity of a transaction are provided. The author considers applying this principle to contentious and void transactions, and identifies the duality of the estoppel principle in Russian civil law.

Keywords: estoppel, good faith, invalid transaction.

LEGAL REGULATION OF THE ANIMAL RIGHTS PROTECTION

V. R. Nikolenko, student

Research Supervisor N. S. Kartseva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

The article examines some of the existing problems of legal regulation of animal protection, the features of improper treatment, and provides recommendations for solving the identified problems in this area.

Keywords: animals, animal neglect, abuse, cruel treatment, stray animals, owner, responsible treatment.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMAN RIGHTS PROTECTION

A. S. Protsai, Student

Research Supervisor M. V. Gromozdina, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russia

The article analyzes some problems related to the protection of human rights and freedoms in the development and application of artificial intelligence in Russia.

Keywords: artificial intelligence, robot, citizen, human rights, violations, the Constitution of the Russian Federation.

REPRESENTATIONS AND WARRANTIES IN ENGLISH AND RUSSIAN LAW

Ya. K. Proshina, Student

Research Supervisor S. V. Tretyakov, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

The paper provides teleological analysis of the common law notion of representations and warranties in the light of their recent implementation to Russian law, where they are known as statements of circumstances or assurance of facts. The aim of the research is to analyze the main functions of representations and warranties in their jurisdiction of origin and conclude whether they can function with the same effectiveness in Russian civil law.

Keywords: representations, warranties, statements of circumstances, assurance of facts.

ANALYSIS OF THE MEANS OF IDENTIFICATION OF PERSONS OF NO FIXED RESIDENCE

K. S. Rogozhina, Student
Research Supervisor O. S. Alferova, Senior Lecturer
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

The paper presents an analysis of the main means of identification of an individual in civil relations in the Russian Federation, considers the rules of law governing issues related to the determination of the place of residence and the legal status of persons without a fixed place of residence.

Keywords: means of identification, citizen's name, place of residence, homeless.

APPLICATION OF THE LAW OF OBLIGATIONS TO NON- DISCLOSURE AGREEMENTS: THEORY AND PRACTICE

A. E. Smirnova, Master's Program Student
E. P. Tatarinova, Candidate of Science in Law
Vyatka State University
Kirov, Russia

Analyzing the rules of law in relation to agreements on non-disclosure of confidential information, the author comes to the conclusion that there is an insufficient level of protection of NDA agreements by law. It leads to the insecurity of information when using the rule of good faith in negotiations, obliges the parties to disclose information that is confidential.

Keywords: non-disclosure agreement, NDA agreement; trade secrets, confidential information, liability, recovery of damages.

CURRENT COPYRIGHT ISSUES

K. S. Strashkova, Student
Research Supervisor R. A. Proshalygin, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russia

The article is devoted to the current issues and problems of copyright protection, which is one of the most difficult civil law problems.

Keywords: protection of rights, copyrights, intellectual property.

THE EVOLUTION OF CORPORATE CONTRACT IN THE RUSSIAN LAW: NEW MODELS

E. P. Tatarinova, Candidate of Science in Law
K. A. Minnullina, Master's Program Student
Vyatka State University
Kirov, Russia

The paper analyzes the current corporate court practice, and considers development trends and new structures of the corporate agreement. The authors discuss using a corporate agreement as a compromise scheme for resolving a corporate conflict, an agreement with the participation of third parties (interested parties), as well as the prospects for integrating the institution of a corporate agreement in investment relations.

Keywords: corporate agreement, corporate agreement models, corporate conflict, quasi-corporate agreement.

THE INSTITUTION OF MEDIATION AS A NON-JURISDICTIONAL METHOD OF DISPUTE RESOLUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yu. E. Titkova, Student

Rostov Institute (branch) of the

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Rostov-on-Don, Russia

The paper deals with the functioning of the institution of mediation as a non-judicial way of settling disputes in Russia, compares it with the judicial form of protecting the rights and legitimate interests of individuals. The author identifies the main advantages and disadvantages of both methods of dispute settlement, the reasons for the low demand for mediator services, and proposes some measures to popularize the institution of mediation in the Russian Federation.

Keywords: mediation, mediator, non-judicial, alternative, reconciliation.

THE LEGAL STATUS OF CROWDFUNDING IN THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER COUNTRIES

R. M. Urynbasarova, Student

Research Supervisor *A. E. Zakharova, Candidate of Science in Law, Associate Professor*

Orenburg Institute (branch) of the

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

Orenburg, Russia

The article examines the legal regulation of activities related to crowdfunding, public funding, the status of the subjects of these legal relations, their rights and obligations, as well as the role of crowdfunding in Russian legislation.

Keywords: crowdfunding, public funding, charity, internet platform, crowdfunding platform, capital.

PUBLIC PROCEDURE CLAUSE AS GROUNDS FOR REFUSAL IN THE RECOGNITION OF VALIDITY OF MARRIAGES CONCLUDED ABROAD

O. S. Cherepanova, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Barnaul, Russia

The article analyzes the norms of civil and family legislation providing for the public procedure clause; identifies the problems that arise when they are applied to the recognition of validity of marriages concluded abroad. The author substantiates the need for making amendments to legal norms under analysis.

Keywords: marriage, foreign element, recognition, public procedure clause, super-mandatory norms.

THE RISKS OF CONCLUDING CIVIL AGREEMENTS WITH SELF-EMPLOYED IN CASE OF EXISTING EMPLOYMENT RELATIONS

A. A. Chesnokov, Candidate of Science in Law, Associate Professor

Russian Academy of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation, Altai branch

Barnaul, Russia

The paper analyzes the issues of concluding civil and labor contracts with self-employed, their retraining, and considers the problems of using tax evasion schemes in this area.

Keywords: self-employed, employment contract, labor function, retraining.

**TRAINING SPECIALISTS FOR THE RUSSIAN-GERMAN LEGAL FIELD
(THE CASE OF THE MASTER'S PROGRAM
«GERMAN AND RUSSIAN LAW»)**

R. V. Antropov, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Transbaikal Institute of Entrepreneurship — branch of the
Siberian University of Consumer Cooperation,
Transbaikal State University
Chita, Russia

«German and Russian Law» is a unique Master's program for law students in the cities of Passau and Krasnoyarsk. The article defines the features of the legal university education under the double degree program. The author considers the terms of admission to an internationally accredited master's program and discusses the prospects of employment of its graduates.

Keywords: Master's program «German and Russian law», Passau, Krasnoyarsk, double degree program, employment of graduates.

**DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION IN RUSSIA:
CHALLENGES 2020**

M. A. Zadorina, Associate Professor
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia

The article is devoted to some issues of functioning of higher education institutions for law students. Particular attention is paid to the problems caused by the COVID-19 coronavirus pandemic, which forced universities to switch to a distance (online) education format. The author proposes solutions of the problems identified.

Keywords: education, the right to education, legal education, distance learning technologies, distance learning, online learning.

**CONSTITUTIONAL PROBLEMS OF MODERN HIGHER LEGAL
EDUCATION IN RUSSIA: CHARACTERISTICS, WAYS OF SOLUTION**

O. I. Rozhkova, Student
Research Supervisor Yu. S. Pestereva, Candidate of Science in Law, Associate Professor
Siberian Law University
Omsk, Russia

The paper discusses some acute problems of higher legal education in the Russian Federation. The author provides a comparative analysis of modern educational systems and proposes ways of solving problems in the field of higher legal education.

Keywords: jurisprudence, problems, Bologna system, education.

**INTERACTION OF THE UNIVERSITY AND EMPLOYERS
IN TRAINING YOUNG SPECIALISTS: CURRENT ISSUES**

V. E. Chernoskutov, Candidate of Science in History, Associate Professor
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the
Russian Federation (RANEPA), Siberian Institute of Management
Novosibirsk, Russia

The article examines the problems of interaction between the university and employers in the process of training young specialists. Special attention is paid to cooperation in the organization of student work experience internship and employment of young specialists after graduation.

Keywords: university, employer, students, internship, employment, targeted contract training.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной 65-летию
Сибирского университета потребительской кооперации
(СиБУПК)*

*Новосибирск
10 декабря 2020 года*

*Под ред. Р.А. Прощалыгина
Редакторы: О.С. Дмитриева, Е.А. Федосеева, В.И. Дмитриева
Компьютерная верстка А. М. Бабушкина*

Подписано в печать 24.12.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Печ. л. 35,5. Уч.-изд. л. 33,01. Заказ № 37

Типография Новосибирского государственного технического университета.
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.